

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И
НЕИЗВЕСТНАЯ

ДОНСКАЯ АРМИЯ
В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ

ДОНСКАЯ
АРМИЯ
В БОРЬБЕ
С БОЛЬШЕВИКАМИ

**ДОНСКАЯ АРМИЯ
В БОРЬБЕ
С БОЛЬШЕВИКАМИ**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

ББК 63.3(2)-8

Д67

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

Д67 **Донская армия в борьбе с большевиками / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 655 с.**

ISBN 5-9524-1360-9

Книга посвящена борьбе донского казачества против большевизма. В ней собраны материалы о собственно донских формированиях и их боевых действиях от знаменитого Степного похода под руководством генерала П.Х. Попова до конца существования Донской армии в составе ВСЮР. Большое внимание уделено воспоминаниям о рейде по тылам большевиков генерала К.К. Мамонтова, запискам генералов П.Н. Краснова и А.В. Голубинцева.

Не даром Область Всевеликого Войска Донского называли Русской Вандеей.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. Книга входит в выпускаемую издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, 2004

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

© ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-1360-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать третий том серии «Белое движение в России» посвящен борьбе против большевизма донского казачества. Донское казачество одним из первых начало эту борьбу и продолжало ее до эвакуации Крыма. Некоторые материалы, касающиеся участия донских казаков в боевых действиях в составе белых войск, уже вошли в изданные ранее тома, равно как и материалы о донцах, воевавших в Русской Армии барона П.Н. Врангеля, помещены в соответствующих томах. В этой книге собраны материалы, посвященные собственно донским формированиям — от Степного похода до конца существования Донской армии в составе ВСЮР.

После самоубийства атамана Каледина, ввиду необходимости оставления Дона под натиском большевиков, был образован добровольческий отряд во главе с Походным атаманом генерал-майором П.Х. Поповым (начальник штаба полковник В.И. Сидорин) — 1727 человек боевого состава, в том числе 617 конных при 5 орудиях и 39 пулеметах, который включал ряд отдельных частей, сложившихся стихийно в ходе предшествующей борьбы. Отряд ушел в Сальские степи, где позже пополнился отрядами калмыков генерала И.Д. Попова и вырос к концу марта до 3 тысяч человек.

Весной 1918 г. в ходе восстания донского казачества против большевиков на базе повстанческих частей и отряда генерала П.Х. Попова, вернувшегося из Степного похода, была создана Донская армия, которая в течение всего 1918 г. действовала отдельно от Добровольческой армии. Первоначально она состояла из шести пеших и двух конных полков Северного отряда полковника Фицхелаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросан-

ных по всей области. Полки имели станичную организацию с численностью от двух-трех тысяч до нескольких сотен человек.

К концу апреля армия делилась на три группы: Южная (полковник С.В. Денисов), Северная (войсковой старшина Э.Ф. Семилетов; бывший Степной отряд) и Задонская (генерал-майор П.Т. Семенов, полковник И.Ф. Быкадоров). На 12 мая 1918 г. войсковому штабу было подчинено 14 отрядов: генерал-майоров Фицхелаурова, Мамонтова, Быкадорова (бывшего Семенова), полковников Туроверова, Алферова, Абраменкова, Тапилина, Епихова, Киреева, Толоконникова, Зубова, войсковых старшин Старикова и Мартынова, есаула Веденева. К 1 июня отряды были сведены в шесть более крупных групп: Алферова на севере, Мамонтова под Царицыном, Быкадорова под Батальском, Киреева под Великокняжеской, Фицхелаурова в Донецком районе и Семенова в Ростове. В середине лета численность армии увеличилась до 46—50 тысяч человек. К началу августа войска распределялись по пяти войсковым районам: Ростовский (генерал-майор Греков), Задонский (генерал-майор И.Ф. Быкадоров), Цимлянский (генерал-майор К.К. Мамонтов), Северо-Западный (полковник З.А. Алферов), Усть-Медведицкий (генерал-майор А.П. Фицхелауров). С августа 1918 г. станичные полки сводились, образуя номерные полки (пешие два-три батальона, конные — шесть сотен), распределенные по бригадам, дивизиям и корпусам. Осенью 1918 г. — в начале 1919 г. войсковые районы были переименованы в фронты: Северо-Восточный, Восточный, Северный и Западный. Тогда же завершилось формирование Молодой армии (20 тысяч человек), состоявшей из еще не служившей молодежи. В составе армии имелись Донской кадетский корпус, Новочеркасское (см. Атаманское) училище, Донская офицерская школа и военно-фельдшерские курсы. Морским управлением ВВД (контр-адмирал И.А. Кононов) была образована Донская флотилия.

После вхождения в состав Вооруженных сил на Юге России 23 февраля 1919 г. армия была преобразована. Фронты преобразовывались в 1, 2 и 3-ю армии, а группы, районы и отряды — в корпуса (неотдельные) и дивизии по три-четыре полка. Затем (12 мая 1919 г.) армии были преобразованы в отдельные корпуса, корпуса сведены в дивизии, дивизии — в бригады по три полка. После реорганизации армия состояла из 1, 2 и 3-го Донских отдельных корпусов, к которым 28 июня добавился 4-й. В августе 1919 г. последовала новая реорганизация: четырехполковые дивизии превращались в трехполковые бригады, которые сводились в девятиполковые дивизии (по три бригады в каждой). Осенью 1919 г. армии был также вре-

менно придан 3-й Кубанский корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. армия насчитывала 52 315 человек (в том числе 2106 офицеров, 40 927 строевых, 3339 вспомогательных и 5943 нестроевых нижних чина). На 5 октября 1919 г. она имела 25 834 штыка, 24 689 сабель, 1343 сапера, 1077 пулеметов, 212 орудий (183 легких, 8 тяжелых, 7 траншейных и 14 гаубиц), 6 самолетов, 7 бронепоездов, 4 танка и 4 бронеавтомобиля. В армии, в отличие от других составных частей ВСЮР, действовала прежняя наградная система Русской армии. При крушении ВСЮР часть донских соединений капитулировала на Черноморском побережье, а часть была вывезена в Крым, где 24 марта 1920 г. из них был сформирован Отдельный Донской корпус, а 1 мая все донские части были сведены в Донской корпус, после окончания борьбы эвакуировавшийся вместе со всей армией.

В настоящем издании собраны воспоминания о борьбе в рядах Донской армии с 1918 г. по весну 1920 г. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания (за небольшими исключениями) никогда в России не публиковались.

В большинстве случаев все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Поскольку на Юге России принят был старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных, приводятся по старому стилю. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание — в комментариях.

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
— Где были вы? — Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

М. Цветаева

30 марта 1918

**ДОНСКАЯ АРМИЯ
В БОРЬБЕ
С БОЛЬШЕВИКАМИ**

В. Добрынин¹

БОРЬБА С БОЛЬШЕВИЗМОМ НА ЮГЕ РОССИИ²

Дон и Русская революция 1917 года

Во время переворота 27 февраля (12 марта) и позже донское казачество, как и другие казачьи войска, шло рука об руку со всем русским народом до тех пор, пока России не грозила анархия.

После переворота все власти, включая и Донского атамана (по назначению) генерала графа Граббе³, остались на местах, но в ночь на 8 (21) марта постановлением Донского исполнительного комитета (революционного) граф Граббе был смещен и временно избран на должность Донского атамана председатель военной секции исполнительного комитета войсковой старшина Волошинов⁴. Позже русский военный министр 15 (28) апреля сообщил, что устройство краевой жизни остается в ведении Донского исполнительного комитета, а атаману, как представителю Российского правительства, надлежит согласовать свою деятельность с работой этого комитета.

Признав Временное правительство, донское казачество вошло с ним в связь через особых представителей, а потом дало своих депутатов в собравшийся в марте 1917 года в Петрограде «Общеказачий съезд», на который собралось до 600 представителей казачьих войск.

Съезд этот постановил:

1. По вопросам общеполитическим — республиканский строй и единая и неделимая Россия.
2. По вопросам местного самоуправления — автономность.
3. По земельному вопросу — полная неприкосновенность всех казачьих земель ввиду тяжести и разорительности казачьей службы (как увидим впоследствии, донское казачество пошло в этом отношении на уступки).

4. Продолжение войны до победы.

Таким образом здесь казачество, имевшее две трети голосов представителей фронта, подчеркнуло свою лояльность, полную готовность нести жертвы на пользу Родины, выговаривая себе местное самоуправление и отстаивая права на добытую кровью землю.

Необходимо отметить появление на этом съезде приобретшего впоследствии громадную популярность среди казачества в качестве Донского Златоуста и романтика донской старины Митрофана Петровича Багаевского⁵. Он взял на себя не только труд по изучению Дона, но и по спасению его в период революционных бурь. Сын донского казачьего офицера М.П. Багаевский со школьной скамьи тянулся к донской старине, скитался много по Дону, студентом и учителем работал над донской историей, получив в университете лестную оценку профессора Платонова, признавшего «взгляды Багаевского на историю Дона правильными». После избрания атаманом генерала Каледина⁶ М.П. Багаевский был выдвинут на пост его товарища.

В одной из своих речей Багаевский так характеризует причину большей стойкости казачества в смысле большевистского развала: «Первым и основным условием, удержавшим казачество, по крайней мере в первые дни, от развала, это идея государственности, правопорядка, глубоко сидящее сознание необходимости жизни в рамках закона... Это искание порядка, законности красной нитью проходило и проходит через все круги всех казачьих войск...»

Другим съездом, характеризующим настроения казачества, является съезд донцов в апреле 1917 года. Здесь благоразумие казачества подчеркивается желанием сговориться с донским крестьянством по спорным вопросам.

На этом съезде были приняты постановления:

1. О поддержке Временного правительства и искоренении «исключительно вредного большевистского влияния» при содействии Совета рабочих и солдатских депутатов.

2. О форме правления в виде демократической республики, о праве национального самоопределения, о широком местном самоуправлении, в частности, при условии, что «Донское войско составляет неотделимую часть Великой России».

3. Закрепление за казаками «гуртовой» (находящейся в общинном пользовании станиц) и «войсковой» (в пользовании войска) земли, а за крестьянами надельной и приобретенной; отчуждение разных частновладельческих земель на основах, выработанных Учредительным собранием для наделения землей коренного крестьянства; пропорциональное представительство в местной казачьей общине не-

казачьего населения, живущего в казачьих поселениях не менее двух лет, по вопросам, касающимся крестьянского населения (до сих пор выборное представительство крестьян проводилось лишь в селениях с исключительно крестьянским населением); введение на Дону единого и равного для всех земства; возмещение российской казной казачьих расходов, вызванных войной.

4. Во главе казачьего управления Дона стоит Казачий войсковой круг, избранный на основе четырехчленной формулы избрания при пропорциональном представительстве и участия в выборах казачьего населения обоюбого пола с 20 лет. Кругом избирается исполнительный орган «Войсковой совет» и Войсковой атаман. Созыв первого Круга намечен на 26 мая (8 июня) 1917 года.

Таким образом, казачество начинает привлекать крестьянство к разрешению вопросов хозяйственных на равных с казаками правах, а кроме того, в середине (конце) мая созывается крестьянский съезд Дона (930 депутатов). Здесь была объявлена программа, выработанная казачьим съездом, и указано, что восстановление казачьего управления не мешает остальному населению устраивать дела по-своему. Однако крестьянский съезд, прошедший под знаменем социал-революционеров, заявил, что не должно быть «ни войсковых, ни гуртовых» земель, что сразу осложняет вопрос. К сожалению, в это время вожди коренного крестьянства Дона, искавшие путей соглашения с казачеством, были отстранены, и крестьянство пошло за вождями, совершенно не знавшими Дона (пришлыми), старавшимися всеми силами обострить, а не ослабить недоразумения в земельном вопросе, что, конечно, сильно усложнило дело.

26 мая (8 июня) собрался Донской круг первого созыва. Воскресла великая донская старина. Собралось 500 выборных представителей казачества от станиц и 200 от казачьих частей фронта. Завороженный прекрасными речами М.П. Багаевского Круг избирает его председателем. Подтвердив необходимость продолжения войны с центральными державами и выразив доверие правительству, Круг высказался за создание примирительной камеры для разбора споров между казаками и крестьянами ввиду того, что «крестьяне Области войска Донского до сих пор еще не организовались в единую беспартийную группу». Так гласило постановление Круга, знавшего настоятельную необходимость примирения с крестьянством.

18 июня (2 июля) Круг избрал на должность Донского атамана генерала Каледина после неоднократных его отказов. Ближайший его сотрудник М.П. Багаевский характеризует Каледина так: «Он получил не только голоса станиц, но огромная часть фронтовых голосовала за него»

(фронт был в полном разложении, и доверие его представителей заслуженному генералу весьма показательно и характерно для казачества). Ему поверили оттого, что это был не только генерал с громкой боевой славой, но и безусловно умный и безукоризненно честный человек. Его программа не могла, конечно, иначе определиться, как программа старого казака, да к тому же и военнослужилого. Но он был образованным и умным человеком, и потому в нем обнаружился высокосоциальный гражданин и народный патриот прежде всего России (что подтвердилось на Московском совещании, где г. Каледин являлся представителем 12-ти казачьих войск), а потом уже Дона». Отличительной особенностью этого человека в работе на Дону является стремление примирить разрыв между казачеством и крестьянством.

Для более полной характеристики атамана Каледина можно указать на то, что в тяжелые дни гонения на все «контрреволюционное» он решил выступить на «Московском совещании» в августе 1917 года по уполномочению 12 казачьих войск. Здесь им было предъявлено требование запрещения митингов в армии; упразднения Советов и комитетов при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений; пересмотра декларации прав солдата и дополнения ее декларацией их обязанностей; укрепления дисциплины; восстановления дисциплинарных прав начальников и полной мощи вождей армии, твердости власти, находящейся «в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными, групповыми программами, свободных от необходимости оглядываться на всевозможные комитеты и советы» при сознании происхождения источника суверенной государственной власти из воли всего народа, а не отдельных партий и групп; единства власти центральной и местной с прекращением вмешательства комитетов и Советов; «Россия должна быть единой, всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше».

Этого было достаточно, чтобы создать Каледину известность «контрреволюционера», хотя при внимательном изучении его работы нельзя не признать за ним демократически настроенного политического деятеля. Надо заметить, что генералу Каледину пришлось править при очень трудных условиях. «Войсковое правительство, — говорит М. Багаевский, — по своему составу было не сильно: члены правительства были люди безусловно честные и добросовестные, но не смогли сразу охватить всей колоссальной работы». Однако работа началась, и правительство наметило реформу земскую и земельную. К сожалению, события помешали их осуществлению.

Выступление большевиков 3 и 4 июля (16 и 17), правда быстро ликвидированное при энергичной помощи казачества, указало на не-

обходимость более серьезной борьбы с ними. Но как мог бороться с ними Дон, если против этого не боролась центральная власть, потворствуя разложению злостной пропагандой армии, в которой находились лучшие силы казачества.

Результатом этого явилось, что когда созванный в августе 1917 года так называемый «Малый круг» для решения вопроса о кандидатском списке в Учредительное собрание принял блок с партией народной свободы, то в этом находящиеся на фронте донские полки увидели «контрреволюцию». Пошли слухи, что руководители Дона Каледин и Багаевский, как крупные собственники, являются организаторами этого блока в целях собственных выгод. На самом деле ни тот ни другой не были крупными собственниками. Ни один из них не принадлежал к партии народной свободы, и, кроме того, оба они являлись представителями мыслей донского казачества и быть сторонниками спасения частновладельческих земель не могли, так как казачьей программой, как указано выше, предусматривалось отчуждение этих земель для удовлетворения нужд донского крестьянства. Этот блок просто являлся стремлением найти союзников для Учредительного собрания в интересах донского казачества, а не помещиков.

Как раз к концу августа (середине сентября) относится известное выступление генерала Корнилова, выпустившего воззвание к народу и особое к казакам фронта с обвинением правительства в нерешительности, неумении и неспособности управлять, в допущении немцев в Россию (взрыв в Казани) и даже в предательстве некоторых членов правительства и с призывом о помощи Родине. В связи с этим появилось обвинение Каледина в присоединении к Корнилову и в угрозе его прервать сообщение Москвы с Югом. Это вызвало приказ о мобилизации Московского и Казанского округов против Дона и об отрешении Каледина от должности с объявлением его изменником и бунтовщиком и требование его ареста для предания суду.

Не вдаваясь в оценку — сочувствовал ли или не сочувствовал Каледин шагу Корнилова, — необходимо просто констатировать неправильность этого обвинения, что было установлено расследованием. В период с 5—14 (18—27) сентября 1917 года Донским правительством был созван вновь Круг (2-го созыва) для разрешения двух важных вопросов: «о мятеже» Каледина и о блоке с партией народной свободы.

Естественно, что подогретое пропагандой казачество собиралось на Круг не с целью поощрения «контрреволюции» в пользу помещиков и «восстановления старого режима». Тем большей цены заслуживает постановление этого Круга, совершенно оправдавшего Каледина после разбора дела. Круг далее отказал выдать Каледина и, несмотря на его

желание ехать в Ставку для снятия с себя всякого подозрения, отказал ему в этом разрешении, предложив Керенскому прислать следственную комиссию в Новочеркасск, опасаясь самосууда необузданной толпы над своим выборным атаманом.

Эта же сессия Круга рассматривала и дело донского войскового старшины Голубова, поддавшегося большевистской пропаганде и пытавшегося по личному почину арестовать Каледина. Лишь заступничество последнего помогло улажению дела, и Голубов был отпущен. Этот человек вообще играл нехорошую роль на Дону, но об этом позже. Во всяком случае, факт выступления Голубова весьма показателен в том отношении, что семя большевистской пропаганды находит почву и среди казачьей интеллигенции.

Из других постановлений этого Круга прежде всего надо отметить расторжение блока с партией народной свободы и поручение Донскому правительству составления списков кандидатов в Учредительное собрание.

12 (25) сентября Круг отклоняет приглашение Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов о посылке в «демократическое совещание» одного депутата от войска, мотивируя отказ: 1) поддержкой казачеством Временного правительства, как выразителя нации, тогда как демократическое совещание, собираемое не правительством, ставит себе целью создание новой власти, узкопартийной, стремясь к захвату таковой и 2) указанием, совершенно резонно, что «предоставление войску одного голоса не соответствует его удельному весу». Конечно, враги казачества постарались весь этот инцидент раздуть в новый «контрреволюционный» акт, в разрыв казачества с народом. Однако донское казачество рядом последовательных постановлений Круга выяснило, что русским народом оно привыкло считать русское крестьянство, как элемент, составляющий подавляющее большинство населения России.

Круг поставил себе целью урегулировать взаимоотношения казачества и крестьянства и поручает правительству: 1. Войти в сношение с организованным крестьянством по общим для обеих групп вопросам и 2. Выработать новое положение о принятии «иногородных» (не казаков) в казачье сословие. Этот проект важен в том отношении, что в связи с принятием в казачье сословие разрешался и земельный вопрос, так как все приписываемые в казаки получали права и на землю. Может возникнуть вопрос: не проще ли было казакам дать крестьянству землю, не поднимая вопроса о приписке в казачество? Конечно нет. Дело в том, что, получая равные земельные права на добытую казачеством землю, крестьянство должно было принять и равные с казачеством тяготы по

службе в будущем, тогда как простой земельной реформой этот вопрос не разрешался. Этот же Круг выработал постановление о посылке депутации к Временному правительству с требованием прекратить применение казачьих частей для несения полицейской службы, а в связи с этим отменить посылку двух казачьих полков и батареи для водворения порядка в Хиве.

Твердость казачества на фронте вызвала применение его правительством для удержания от развала частей. Естественно, это не могло нравиться разнузданной солдатской массе, но еще больше было не по душе казачеству, не желавшему обострять взаимоотношения с русским народом.

События в России шли ускоренным темпом. Девиз большевиков, обещавших народу «мир, землю и хлеб», и в первую голову обещание мира сыграло свою роль. Уставшие от войны народные массы поддались яду большевистской пропаганды, и 25 октября (7 ноября) 1917 года власть переходит в руки большевиков.

Какая злая ирония судьбы! В числе девизов, вызвавших переворот 27 февраля (12 марта), был также и девиз желания не допустить позорного для России мира с центральными державами. Новое правительство призывало тогда к продолжению войны для закрепления этим добытых революцией завоеваний. Переворот 25 октября (7 ноября) проводится большевиками главным образом под флагом мира. Новое большевистское правительство призывало к прекращению войны опять-таки для закрепления этим добытых революцией свобод.

Не останавливаясь над девизами «земля и хлеб», как обещанными обоими правительствами, и предоставляя находящемуся под властью большевиков крестьянству самому свидетельствовать о том, как провела в жизнь советская власть обещания «земли и хлеба», мы можем констатировать безошибочно лишь тот факт, что в обещании русскому народу мира большевики нагло обманули доверчивое русское крестьянство. Вот уже не за горами третья годовщина большевистского переворота (строки эти пишутся 15 (28) июля 1920 года), а русский народ не только не имеет мира, но его тешат возможностью и дальше нести жертвы в интересах интернационала и коммуны. Одураченный большевистскими посулами русский народ, выступивший в октябре 1917 года в меньшей части на поддержку большевиков, а в большей мечтавший отдохнуть от тяжелой войны, ведь не знал тогда, что большевистская наука не новость для цивилизованного мира.

К сожалению, более развитое сравнительно с крестьянскими массами казачество, хотя правда и позже, но тоже было увлечено боль-

шевистской пропагандой, и если первое время фронтовые представители казачества выступали против большевизма, то, когда грянула гроза большевистского переворота, фронтовое казачество, мечтая о спасении своей шкуры, было увлечено модным течением «нейтралитета». Оно думало, что этот «нейтралитет» спасет его от кровавой расправы большевистского террора. Однако скоро казачеству пришлось в этом разочароваться.

Донское правительство времен атамана Каледина было настолько увлечено вопросом общероссийского масштаба, что просмотрело назревший на Дону кризис. Дело в том, что, когда разложившийся фронт дезертировал, Каледин, глубоко веривший в необходимость борьбы с Германией, считал невозможным отозвать на Дон казачьи полки, доказывая их депутациям особую необходимость работы казачества на нужды России в тяжелые для нее дни.

Казаки продолжали сражаться на фронте, и яд большевистской пропаганды все глубже и глубже проникал в их ряды, и в то время, когда жившие на Дону казаки продолжают твердо сохранять враждебную большевикам позицию, фронтовое казачество начинает колебаться. Эта позиция казачества, находящегося на Дону, даже дает основание главе тогдашнего правительства и товарищу атамана М.П. Багаевскому послать в Ставку телеграмму с приглашением на Дон членов Российского правительства, чем еще раз подчеркивается стремление Дона к единению с небольшевистской Россией.

На Дону же в начале (середине) ноября начинается и организация Добровольческой армии, поставившей задачей в объявлении 27 декабря (9 января):

1. Противостоять вооруженному немецко-большевистскому нападению на Юг и Юго-Восток России, защищая вместе с казачеством и самостоятельность областей, давших им (русским людям) приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России.

2. Восстановление разрушенной русской государственности, доведение Единой России до нового Учредительного собрания, перед решением которого должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения.

Приют, оказанный добровольцам, дал новую почву для обвинения Дона в «контрреволюции», и ведшаяся до сих пор травля еще более усиливается.

Чтобы не возвращаться потом к этому вопросу, необходимо указать на одно событие, очевидно не только неизвестное за границей, но даже и в России. Между тем оно имеет особое значение в смысле ха-

рактеристики создателя Добровольческой армии генерала Алексеева и идеалов, которые преследовались им при ее зарождении.

В январе 1918 года, ввиду выяснившегося не только недружелюбного, но даже враждебного отношения некоторых слоев населения к Добровольческой армии, Донское правительство решило пригласить генерала Алексеева⁷, дабы он лично мог дать исчерпывающие ответы, могущие успокоить элементы, предубежденно относившиеся к идее добровольчества. На этом совещании присутствовали все казачьи члены правительства, большинство представителей правительства от крестьянства (к этому времени в состав правительства были введены в целях стремления к примирению с крестьянством его представители; это известно на Дону под названием «паритет» и будет охарактеризовано ниже), кроме двух непримиримых врагов добровольцев и казачества. Здесь же находился эmissар Ростова, тоже один из наиболее подозрительно относившихся к добровольцам.

Председатель областной управы заявил генералу Алексееву, что «крестьянский съезд поручил всесторонне ознакомиться с организацией, деятельностью и задачами Добровольческой армии». Генерал Алексейев объяснил, что «Союзом спасения России», организовавшимся в октябре 1917 года в Москве, главным образом из представителей кадетской партии, ему, генералу Алексееву, поручено дело спасения России, с каковой целью он и приехал на Дон. Сюда стали стекаться беженцы — офицеры и юнкера, из которых и начала свои формирования армия; что члены армии при вступлении дают подписку не принимать участия в политике и политической пропаганде; что средства частью добываются путем пожертвований, частью от союзников (разговор передается в той форме, как он изложен в издававшемся на Дону журнале «Донская Волна» № 13).

После последнего заявления ведущий допрос генерала Алексеева председатель управы спросил:

— Скажите, пожалуйста, генерал, даете ли Вы какие-нибудь обязательства, получая эти средства?

— При обыкновенных условиях, — ответил генерал, — я счел бы подобный вопрос за оскорбление, но сейчас, так и быть, я на этот вопрос вам отвечу: Добровольческая армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения России, — Добровольческую армию купить нельзя.

— Существует ли какой-нибудь контроль над армией? — продолжают вопросы.

— Честь, совесть, сознание принятого на себя долга и величие идеи, преследуемой Добровольческой армией и ее вождями, служат наилуч-

шими показателями для контроля с чьей бы то ни было стороны; никакого контроля армия не боится, — ответил вновь генерал Алексеев.

Далее генерал Алексеев объяснил, что поддержание материально армии союзникам выгодно, потому что она, «борясь с большевиками, вместе с тем продолжает войну и с немцами, так как большевизм и германизм тесно переплетены между собою».

В заключение, высказав надежды на помощь интеллигенции и крестьянства, которое «уже устало от большевиков», генерал Алексеев высказал полную готовность принять в армию формирования демократических элементов, организуемых Ростовской думой, «если они откажутся от всего того, что сделало из русской армии человеческую нечисть».

Каково было впечатление от этой «исповеди», можно судить по заключительной фразе ростовского эмиссара:

— Ваше Превосходительство! (Весьма характерно: после титулования «генерал» — «Ваше Превосходительство».) Теперь только, после Ваших разъяснений, мы видим, что под Вашим руководством можно всем куда угодно идти.

Таким образом, и в оказании приюта Добровольческой армии генерал Каледин был чужд «контрреволюции». Напрасно некоторые лица стараются объяснить уклонение казачества с истинного пути в сторону большевизма именно «контрреволюционностью» Каледина. Тогда что же толкнуло казачество в сети большевизма? Только не обещание «земли и хлеба». Того и другого было достаточно у казачества. Имея добытую кровью своих предков «землю», оно даже готово было уступить часть ее крестьянству. Нет, усталый Дон был привлечен большевиками лишь обещанием «мира». Ни у русского Временного правительства, ни у Донского правительства не хватило духа обмануть народ. Они отлично знали, что не в их силах дать этот мир, а большевики, стремившиеся к власти, не остановились перед обманом.

Правительство Каледина, видя колебания казачества, с одной стороны, и решительные действия большевиков, с другой, решается вновь на созыв Донского круга 3-й сессии для получения от него полномочий для дальнейших действий. Правительству нужен был ответ на вопрос: желает ли казачество бороться с большевизмом, или же оно решает перед ним капитулировать?

Сессия этого Круга является началом новой эры на Дону, которую можно назвать эпохой борьбы Дона с большевизмом. До сих пор, как мы видели, Дон представлял собой нераздельную часть России, выступая пока борцом с большевизмом не оружием, а словом, примером и законодательным творчеством. Теперь для Дона оставался лишь один исход — возможность разрешения борьбы силою оружия.

Это самая тяжелая эпоха борьбы, разрешение которой еще впереди. Эту эпоху можно подразделить, в свою очередь, на ряд более мелких периодов, в зависимости от тех колебаний, которые в вооруженной борьбе рельефно характеризуют успехи одной или другой из ведущих борьбу сторон.

По ходу и характеру операций вооруженную борьбу Дона с большевизмом можно подразделить на следующие периоды:

1. Капитуляция Дона перед большевизмом и практическое знакомство его с большевиками. Декабрь 1917-го — март 1918 года.

2. Пробуждение Дона, свержение советской власти и первое очищение территории Дона от большевиков. Март—ноябрь 1918 года.

3. Новые колебания донского казачества и второе нашествие советских войск на Дон; вступление донского казачества в состав Вооруженных сил Юга России. Ноябрь 1918-го — апрель 1919 года.

4. Окончательное отрезвление Дона и второе очищение области от большевиков. Апрель—октябрь 1919 года.

5. Катастрофа 1919—1920 годов на фронте Вооруженных сил Юга России и отход противобольшевистских войск в Крым. Октябрь 1919-го — март 1920 года.

Следующим периодом борьбы является пребывание донских частей в составе Вооруженных сил Юга России в Крыму. Однако, не имея под руками достаточных материалов о событиях этой эпохи и считаясь с тем, что более правильно она может быть оценена теми, кто ближе с ней знаком и документально, и личным участием в работе, нам приходится совершенно отказаться от ее освещения в надежде, что это будет сделано кем-либо другим.

Капитуляция Дона перед большевизмом и практическое знакомство его с большевиками

Декабрь 1917-го — март 1918 года

Хотя первый акт борьбы с большевиками и начался попыткой донцов примириться с советской властью, однако казачество скоро поняло свою ошибку и в результате выступило активно против большевиков. В этой борьбе на казаков легла главная тяжесть напряжения, и вместе с добровольцами они приняли на себя обязанности авангарда России и всей Европы, как некогда являлись таким же авангардом против натиска азиатских орд.

Что же толкнуло Дон на активное выступление против большевиков впоследствии? Первый толчок для борьбы был дан тем, что в умах

казаков Дона не укладывались идеи большевизма — отсюда Дон становился непримиримым врагом советской власти. Второй толчок дан вмешательством в чисто донские дела совершенно посторонних для Дона элементов, проявивших к казакам страшную жестокость.

Первыми непрошеными защитниками «угнетенных» на Дону явились матросы Черноморского флота. Телеграммой от 9 (22) ноября они требуют от Каледина снятия в Ростове военного положения и вывода «контрреволюционных» войск. Они обвиняют Каледина: 1. в «угнетении» крестьянства, 2. в «преследовании» рабочих на рудниках и разгоне их организаций и 3. в невыпуске с Дона хлеба и угля.

Крестьянский вопрос уже отмечался нами не раз и будет затрагиваться и дальше. Неоспоримо по постановлениям кругов, что казачество шло навстречу крестьянству. Желая с ним примириться, оно предоставляло ему права сначала к самоорганизации, а затем и к полному равноправию («паритет» Каледина). Что касается «преследования» рабочих и разгона их организаций, то не надо забывать, что рудничные рабочие, являясь представителями пролетариата, объявили «смертный бой» казакам и находились в постоянном волнении.

Большевистский переворот застал донские рудники в исключительных условиях. Тогда как во всей остальной России уже была организована милиция, Дон остался почему-то без этой реформы. Попытка Донского правительства организовать свою милицию не увенчалась успехом — осталось поставить в районы донских рудников казачьи части. Нами уже было отмечено раньше, что производительность большевистствующих рудников так пала, что они не в состоянии были удовлетворить потребности Дона, и водворение порядка было жизненной необходимостью. Однако, пока рабочие Макеевского района не выступили активно против донской власти и не объявили 16 (29) ноября 1917 года «Донской социалистической республики», столкновений с рабочими не было. Ограничение вывоза угля являлось следствием падения его добычи, а запрещение вывоза с Дона хлеба находилось в зависимости от того, что в северных округах Дона назревал голод, особенно в связи с беспорядками Царицынского железнодорожного узла, через который шел единственный путь на север Дона. Естественно, Каледину в первую голову приходилось думать об удовлетворении нужд Дона.

Озлобление российских большевиков против Дона вылилось в посылку в середине (конце) ноября на Дон карательной экспедиции, а советский главковерх Крыленко тогда же отдает приказ, призывая к борьбе с казаками «ожесточеннее, чем с врагом внешним». Конечно, если бы казачество не поддавалось большевистской пропаганде и

пожелало бы тогда не допустить весь этот сброд на Дон, то эти угрозы были бы еще не так страшны, так как по бывшему до того опыту «борьбы с внешним врагом» советские банды зарекомендовали себя весьма плохими «сражателями».

Однако помощь местных донских большевиков осложняла положение. Так, например, в ноябре совместным выступлением ростовских большевистских организаций и банд Черноморского флота была учреждена советская власть в Ростове, вслед за попыткой Донского правительства вести переговоры с большевистскими организациями; стоящий в предместье Новочеркаска 272-й запасный пехотный (не казачий) полк 18 ноября (1 декабря) выносит резолюцию о непризнании власти Донского правительства; к концу же ноября относится и арест в Петрограде членов Совета казачьих войск.

Видя опасность наступления большевиков вдоль всех железнодорожных магистралей, считаясь с фактом выступления большевиков на Макеевском руднике и в Ростове и памятуя о непримиримом настроении прежних кругов к большевикам, Донское правительство решается на активные меры еще до созыва Круга.

20 ноября (3 декабря) производится обезоружение мятежного 272-го полка в предместье Новочеркаска с помощью впервые выступивших добровольцев.

22 ноября (5 декабря) объявляется военное положение на Дону. Демократ по духу Каледин подчеркивает, что это имеет целью исключительно водворение порядка и безопасности, а не насилие над политической жизнью края. Атаман требует особой осторожности к рабочим и крестьянам и не препятствует Советам заниматься делами рабочей организации. К сожалению, рабочие не поняли его и продолжали против него свои выпады.

26 ноября (9 декабря) добровольцы оказывают вторую помощь донцам наступлением на Ростов.

30 ноября (13 декабря) начинается формирование Чернецовского партизанского отряда⁸, вызванное разложением возвращающихся с фронта казачьих частей и стремлением их найти исход в преступном «нейтралитете».

2 (15) декабря был взят мятежный Ростов, причем Каледин приказал не препятствовать работе всех демократических организаций, за исключением военно-революционного комитета, руководившего борьбой; была учреждена комиссия для расследования внесудебных арестов.

Эта победа совпадает с созывом Круга 3-й сессии, среди членов которого присутствовало 200 членов Всероссийского казачьего фронтового съезда, то есть людей в полной мере хлебнувших фронтовой

агитации; были допущены также представители демократических организаций и крестьянства. На докладе Кругу о создавшемся положении атаман указал на опоздание решительных действий правительства, стремившегося избежать гражданской войны.

— Было страшно пролить первую кровь, — говорит атаман, которого враги обвиняли в жестокостях.

Далее свое стремление предотвратить гражданскую войну он подтверждает на деле, указывая на необходимость привлечь все население (и крестьянство) к управлению областью. Круг принимает решение о принятии всей полноты власти на Дону войсковым правительством до создания законной всероссийской власти, предоставляя половину мест в правительстве (семь членов) представителям от неказачьей части населения, каковое мероприятие получило название «паритета». На 29 декабря (11 января) назначен был новый съезд Круга и съезд неказачьего населения как органов, являющихся краевым Учредительным собранием.

Выразив доверие правительству, Круг 12 (25) декабря переизбирает Каледина атаманом 562 голосами, а М.П. Багаевского — его товарищем 411 голосами. Это голосование весьма характерно для определения настроения казачества. Далее указом Круг подтверждает необходимость безусловного выполнения всеми приказаний атамана и ограничивает деятельность комитетов законными рамками.

В крестьянском вопросе снова предоставляется право приема в казачество по постановлению станичных обществ. В отношении мероприятий к улажению осложнений с советской Россией необходимо указать на посылку делегации в идущий на Дон карательный отряд (17-й стрелковый полк) и уполномоченных с делегатами этого отряда к советскому правительству. На время перерыва сессии Круг предоставляет правительству всю полноту власти.

В конце декабря (начале января) начался съезд иногороднего населения (крестьяне и рабочие), насчитывавший из 130 членов 40 большевиков и настроенный явно враждебно к казачеству. На нем Каледин выступил с речью. Нарисовав картину создавшегося положения, атаман указал, что Дон удержался от развала лишь благодаря тому, что казачество успело организовать и выделить свое правительство. Далее атаман обратил внимание на передачу крестьянству казачеством 3 миллионов десятин лучшей земли и подчеркнул, что «не вина казачества, что крестьянам не удалось создать твердого управления». В заключение, заявив о признании правительством прежней ошибки, атаман Каледин указал на привлечение им крестьянства к управлению и на необходимость примирения крестьянства и казачества.

Съезд после жестокой критики проекта «паритета» правительства выработал для него свой наказ, согласно которому и шла ближайшая работа смешанного правительства. Однако активность большевиков помешала этой деятельности. Уже в середине (конце) января в станице Каменской (100 верст севернее Новочеркаска) образовался военно-революционный комитет, во главе которого стал «президент Донской советской республики» донской казак Подтелков. Весь образовательный ценз его — церковно-приходская школа и учебная команда лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады. Этого было вполне достаточно для него, чтобы сразу охватить всю премудрость большевизма и выступить в роли «президента», на которую он был выдвинут большевиками с исключительной целью импонировать казачеству. Дон должен был видеть, что во главе большевиков на Дону стоит казак, кто же стоял у него за спиной, этого сразу казачество могло и не понять. Так и было на самом деле. Одновременно без противодействия увлекшихся идеей «нейтралитета» казаков «иногородние» организуют советскую власть и в Усть-Медведицком округе.

Введение советской власти и появление большевистских банд в станицах сопровождалось такими зверствами и расстрелами, которые трудно себе представить. К сожалению, многие из посылаемых иностранцами делегаций в советскую Россию с целью выяснения истинного положения нисколько не отличаются от прежних российских ревизионных комиссий и смотров начальства. К приезду их все подготовлено, показывается лишь то, что пожелают советские власти, и истинного положения, конечно, выяснить не удастся. Истину могут открыть лишь мертвые цифры статистики, но статистики, составленной только не советской властью. Ведь если она не остановилась перед тем, чтобы разогнать представителей народа, прибывших для изъявления воли в народном собрании, то что же она может сделать теперь, стоя во главе, чтобы всем доказать, что лучше большевистской власти ничего быть не может...

Желая смягчить конфликт, Донское правительство вошло в сношение с Каменским военно-революционным комитетом, депутатами которого 15 (28) января были заявлены в Новочеркасске требования: 1. О передаче атаманом и правительством власти комитету. 2. О разоружении партизан, добровольцев и юнкеров. 3. Объявление неправомочными членов Круга.

По заявлению делегации, она являлась полномочным представителем одиннадцати с половиной полков, двух сотен и пяти батарей. Одновременно выяснились документально сношения комитета с Советом народных комиссаров, из которых было видно стремление помешать мирному

разрешению вопроса. Телеграммою к наркому Антонову в Харьков Подтелков, между прочим, говорит, что «дела подвигаются вперед, назревает столкновение с калединцами», и просит «хотя бы 2—3 миллиона» денег, говоря, что «от этого зависит успех».

✓ Правительство, имея эти данные, ответило делегации отказом. Отказ был мотивирован тем, что требование исходит от незначительной части населения. Правительство приглашало ждать решения нового Круга и крестьянского съезда, новые выборы которых должны быть произведены к 4 (17) февраля 1918 года при полной свободе агитации. Круг и съезд должны были сыграть роль местного учредительного собрания. В этом духе даны были два ответа как от казачьей, так и от неказачьей частей правительства. Этот ответ уже решал вопрос. Естественно, большевики отлично знали, что учредительное донское собрание будет не за них, и могли ли они признать его, раз ими уже было разогнано всероссийское Учредительное собрание.

Таким образом, Донское правительство исчерпало все средства к мирному разрешению вопроса, а средств для разрешения его путем оружия не было: Круг отдал ряд решительных приказов, но никто их исполнять не желал. Шкурный вопрос взял верх — казачество в момент решительного наступления к столице Дона советских банд в громадном большинстве заняло положение «нейтралитета» и в ничтожном количестве примкнуло к ним. В последней группе были люди наиболее отуманенные одурманивающими парами большевизма.

✓ Руководители борьбы с большевизмом стояли перед неразрешимой задачей — сопротивляться с горстью партизан и добровольцев. Естественно, при таких условиях шансов на успех не было никаких. Не получая помощи от донцов, Добровольческая армия, грудью своей помогавшая отстоять Дон, вынуждена покинуть его пределы, о чем Каледин получил телеграмму. В ночь на 29 января (11 февраля) правительство сложило свои полномочия, а Каледину пришлось стать икупительной жертвой за казачьи грехи: около 2 часов дня он застрелился.

Казачество осталось глухо к призыву своего атамана, того атамана, которого оно еще так недавно отказалось пустить в Ставку, предохраняя его от самосуда черни. Он погиб, показав Дону пример честной и безупречной службы. Последними его словами был следующий ответ, брошенный им на предложение собрать совещание общественных деятелей: «Довольно разговоров, от болтовни Россия погибла». В последние минуты своей работы атаман не забыл предупредить политическое отделение штаба Добровольческой армии, уведомив о сложении власти всем правительством.

Смерть Каледина произвела на столицу Дона потрясающее впечатление, но наиболее энергичные из представителей ее на собрании в станичном правлении (управление, сосредотачивающее в своих руках власть станицы, а не города Новочеркаска) Новочеркасской станицы в тот же день избирают Донским атаманом его ближайшего помощника, являвшегося главой вооруженных сил Дона, походного атамана генерала Назарова⁹.

На следующий день было созвано частное совещание наличных депутатов Круга, продолжавшееся до 12 (25) февраля 1918 года и объявившее себя 5 (18) февраля «Малым Войсковым Кругом». Первым его постановлением было окончательное избрание атаманом генерала Назарова, облеченного всей полнотой гражданской и военной власти до открытия Большого Круга, и посылка депутации к генералам Алексееву и Корнилову¹⁰ с благодарностью за оказанную ими Донскому войску поддержку и с просьбой не оставлять без нее войско и в будущем.

Ни ряд грозных постановлений с целью поддержать авторитет власти атамана, правительства и начальствующих лиц, ни воззвания к казачеству, ни объявление всеобщей мобилизации, ни постановление о продолжении вооруженной борьбы, ни введение смертной казни, ни попытка создать «народную армию», ни попытка после неудачи этого проекта создать дружины, ни введение осадного положения, ни отмена вновь смертной казни 12 (25) февраля, ни снятие в тот же день только что введенного осадного положения — ничему не помогли, как не помогло Дону и приглашение в Круг депутатов неказачьего съезда. Этим Круг доказал на деле, что одними постановлениями спасти Дон нельзя, если казачество само этого уже не хотело. Большевицкая гангрена покрыла все мощное казачье тело, и катастрофа надвигалась с неудержимой быстротой.

11 (24) февраля Малый Круг решает предпринять последний шаг, посылая делегацию к советским главковерхам в Ростов и Александро-Грушевск. В наказе делегациям ставилось целью выяснить причины, заставляющие «войска народных комиссаров быть на положении войны с Доном», преследуемые ими цели и причины присутствия в войсках австрийцев и германцев. В этом же акте указывалось на угрозу России наступлением немцев, на перевыборы Донского круга с целью проверки настроения населения, на привлечение к законодательству и управлению крестьянского населения Дона на равных с казаками условиях, на то, что Каледин и его правительство сошли со сцены, и на расторжение блока с партией народной свободы.

Необходимо отметить, что большевистствующими казаками руководил известный уже читателю из периода «Калединского мятежа» вой-

✓
скового старшина Голубов, ставший в оппозицию правительству исключительно на почве личного самолюбия и тайных мечтаний занять атаманский пост. С момента выбора на должность временным (до Каледина) атаманом войскового старшины Волошинова, бывшего в это время председателем Малого Круга, Голубов особенно буйствовал. Дело в том, что Волошинов сидел чуть ли не на одной с Голубовым скамье в Донском кадетском корпусе и оба они принадлежали к одной семье офицеров донской артиллерии.

Зная эту слабость Голубова, некоторые члены правительства даже поднимали вопрос о привлечении на сторону правительства Голубова путем проведения его в Донские атаманы с целью привлечения этим на сторону остального казачества и его большевистствующих элементов. Однако этот проект не был принят большинством. Тогда в дни угрозы столице Дона к Голубову была послана делегация с просьбой принять на себя охрану города.

Как и следовало ожидать, ни одна из депутатий не привела к желанным результатам. Был получен ответ с требованием советской власти уничтожения казачества. Да и этот ответ пришел уже поздно вместе с вторгнувшимися в Новочеркасск большевистскими бандами после очищения его 12 (25) февраля сохранившими верность Дону партизанскими частями, которые ушли в юго-восточный край донской земли в степи Сальского округа, откуда и поход получил название «Степного». Добровольческая армия ушла на Кубань.

Еще 9 (22) февраля на совете правительства и начальствующих лиц у атамана Назарова было предложено два плана:

1. План атамана Назарова заключался в перенесении заседаний Круга в ст. Константиновскую; вооруженным силам поставить задачу воссоздания Большого круга для возрождения через него казачества. Проведение плана в жизнь — сосредоточение всех сил для удара против подходящей к Новочеркасску с севера группы противника и дальнейшее движение на Константиновскую.

2. План нового Походного атамана генерала Попова¹¹ был в смысле возрождения казачества аналогичен с планом атамана Назарова, но проведение его в жизнь иное. Генерал П.Х. Попов рекомендовал не рисковать гибелью последнего ядра будущей армии, а уходить в Сальские степи, где, пользуясь местными средствами, держаться до пробуждения казачества. Момент пробуждения казачества им ожидался весной.

Был принят последний план, и партизаны 12 (25) февраля выступили из Новочеркасска в составе 1500 бойцов, 5 орудий и 40 пулеметов. Это все, что уцелело от двухмиллионного казачества, оставшегося в своем тупом и дорого ставшем ему «нейтралитете». Эту горсть бой-

цов составляли казаки, не оставлявшие оружия ни на минуту, не пожелавшие рассеиваться по донским станицам и хуторам, как сделала другая часть верных сынов Дона, тоже несших долгое время тяжелый крест его спасителей. Силы Добровольческой армии составляли всего 4,5 тысячи человек при шести орудиях.

Ворвавшийся в Новочеркасск Голубов арестовал Донского атамана Назарова и членов Круга во главе с председателем Волошиновым, которые не пожелали покинуть вверенные им донским казачеством посты, а через несколько дней эти арестованные были расстреляны озверевшими большевиками, вместе со многими другими, ставшими жертвой долга.

Мы не будем останавливаться подробно на всей системе управления большевиками Доном, так как восстание казачества, после практического знакомства с большевиками, и свержение им советской власти является рельефным доказательством, что власть эта оказалась совершенно неприемлемой для Дона. Иначе зачем же было восстать казачеству и подвергать себя опасностям борьбы с большевиками? Проще было бы пользоваться «раем» большевиков, взявших на себя, по словам «президента Донской советской республики» Подтелкова, «почин освобождения трудового казачества от гнета контрреволюционеров, их войскового правительства, генералов, помещиков, капиталистов, мародеров и спекулянтов».

Ведь с уходом из Новочеркасска и Ростова войск Походного атамана и добровольцев все эти «враги трудового казачества» ушли с политического горизонта. Из оставшегося и забившегося в щели небольшого числа офицерства никто и не дерзал выступать на политическом поприще. Одни это делали из чувства простого самосохранения, другие не могли и не хотели совершенно этого делать просто из самолюбия, оскорбленного незаслуженным недоверием широких казачьих масс.

Однако, несмотря на такую благоприятную почву для деятельности «защитников трудового казачества», их господство сразу встретило сильное недовольство казаков. С места начались недоразумения Голубова и увидевших свою ошибку его приверженцев-казаков с пришлыми просветителями Дона. Уже через неделю после занятия Новочеркасска советскими бандами в Подтелкова, ходившего на поводу у представителей российского большевизма, был сделан выстрел из толпы казаков.

Вскоре произошел окончательный разрыв между ростовским Совдепом, взявшим на себя руководящую роль на Дону, и Новочеркасском. Из Ростова прибывает карательная экспедиция для ареста Голубова и других казаков. Голубов бежал.

Эта же экспедиция доставила из Новочеркасска в Ростов арестованного недавно перед тем Голубовым певца казачества М.П. Багаевского, который и был расстрелян большевиками.

Незадолго перед арестом М.П. Багаевский выступил в роли обвиняемого перед местным Новочеркасским гарнизоном. Его трехчасовая речь, прозвучавшая последней лебединой песней, принявшая характер задушевной исповеди, захватила очерстневшие сердца заблудшего казачества.

Как очарованные слушали казаки этого Донского Баяна. Он набросал серой аудитории краткую историю вольного казачества, ценой своей крови добывавшего землю не только для себя, но и для России, и перешел к эпохе русской революции. Он указал на вольные и невольные ошибки вождей Дона, из которых казачество видело ясно лишь одно, что его выборные лучшие люди спасали Дон от гибели, стараясь примирить интересы различных слоев населения, что голос выборных представителей принудил правительство отказаться от передачи власти военно-революционному комитету без разрешения на то Круга. В этой яркой, красивой речи М.П. Багаевский пробудил совесть казаков. Слушатели поняли, что за них погиб их первый выборный атаман Каледин.

— Не выдадим! — заревели казаки...

Но ведь они когда-то обещали не выдать и Каледина.

Пришел черед за Багаевским — выдали и его, и погиб человек, вложивший всю душу в дело спасения Дона.

Пробуждение Дона, свержение советской власти и первое очищение территории Дона от большевиков

Март—ноябрь 1918 года

Первым шагом со стороны Походного атамана генерала Попова было стовориться с Добровольческой армией для согласования действий. К сожалению, донцы после этого пошли в степи Сальского округа, а добровольцы на Кубань, хотя те и другие имели одну и ту же, ранее поставленную цель. Причины избрания разных путей выяснит история, решение генерала Попова объясняется им в его мемуарах вполне понятным желанием быть ближе к Дону к моменту его пробуждения. Как увидим позже, это желание осуществилось на деле.

Посмотрим теперь, что же произошло на Дону после большевистского переворота. Первое, что сразу оттолкнуло казачество от большевизма, после практического с ним знакомства, это чисто погром-

ное и разбойничье настроение большевистских банд. Недаром они долго готовились советской пропагандой, рисовавшей им неисчерпаемые богатства Дона. Красногвардейцы с жадностью набросились на казачье добро. Начался повальный грабеж и нескончаемые казни и убийства. История в будущем покажет миру потрясающие зверства большевистского разгула на Дону и подчеркнет, что среди этих жертв было подавляющее большинство трудового казачества, обманутого посулами советской пропаганды. Вот это-то и восстановило казачество против непрощеных благодетелей, и сразу между казаками и большевиками установилась глухая вражда, перешедшая с пробуждением весны в открытое восстание.

В то время как озверелые банды расстреливали в занятых станицах не только казаков, но и их жен и детей, небольшой отряд Походного атамана генерала Попова, окруженный со всех сторон большевиками, вел неравную борьбу за свое спасение, имея ближайшей целью выдержать «Степной поход» до весны. Большевистским бандам удалось провокационным путем возбудить против «кадет», как именовались все сопротивляющиеся большевикам, крестьянство юго-восточной части Дона, где находился «Степной отряд» генерала Попова и прилегающих губерний. Крестьян убедили в том, что «кадеты» уничтожают даже детей. И верил темный люд, пока генералу Попову не удалось 28 февраля (13 марта) 1918 года войти в мирные переговоры с пограничными крестьянами и дать возможность их представителям лично убедиться в лживости большевистской пропаганды. Эти переговоры сгладили на некоторое время серьезность положения «степняков», но назревающие в середине (конце) марта события на Дону, вынудившие генерала Попова начать приближение к центру области, расстроили начавшиеся мирные переговоры.

Генерал Попов, прошедший с боями долиной реки Маныча в юго-восточный угол области, начинает выдвигаться отсюда на север к верховью реки Сала. В этот момент «степняки» не знали ничего о том, что добровольцы ведут бои южнее Екатеринодара, уже оставленного кубанскими казаками, что добровольческий отряд полковника Дроздовского¹², пробивающийся на соединение с Добровольческой армией, находится уже на пути к Мелитополю. «Степной отряд» в боевом отношении чувствовал себя совершенно одиноким, и его лишь ободряла вера в скорое пробуждение всего казачества, которому необходима была надежда на помощь.

В дни тяжелых переживаний человек утешает себя сознанием, что он не одинок, что его надеждами живут и другие, быть может, даже находящиеся еще в худших условиях. Таким утешением и послужил

для Дона «Степной отряд» генерала Попова, и уже в одном этом его большая заслуга.

Как же шло пробуждение Дона? Недовольство казачества большевиками в ближайших к Новочеркасску станицах обострилось настолько, что уже 18 (31) марта казаки организуют в 25 верстах от Новочеркаска в станице Манычской съезд Черкасского округа. Этот съезд является протестом против ужаса большевизма. На нем обсуждается сущность переворота и отношения казачества к крестьянству, выступившему при нашествии большевиков явно враждебно к казачеству и принявшему самое деятельное участие в грабежах и разорении казачьих хозяйств. Этот факт надо отметить, так как он внес горький осадок в душу казачества, пошедшего после революции навстречу крестьянству вплоть до полного признания на последнем Круге его равноправия.

18 (31) марта первой восстала станица Суворовская, а 26 марта (8 апреля) генерал Попов уже получает сведения о восстании по всему Дону вниз от станицы Нижне-Чирской. Эта весть вызывает у него окончательное решение идти к Дону, тем более что ближайшие придонские станицы просили его помощи и двинули уже свои части к нему навстречу.

Здесь необходимо отметить, что восставшие по собственному почину против советской власти казаки обращаются за помощью к партизанам. Так было во всех углах Дона — поднималось рядовое казачество и просило помощи у еще недавно гонимых им активных врагов большевизма. Для подавления восстаний советская власть начинает принимать меры, но они наталкиваются на сильное сопротивление недовольного казачества. Так, например, в 4 верстах восточнее Новочеркаска в станице Кривянской матросские банды принуждены оставить в руках казаков броневик, что окончательно ободряет восставших, и они рассылают по станицам лаконическую депешу о зверствах большевиков, «убивающих мирных жителей», о своем восстании и о необходимости мобилизации 20 годов. Брожение усиливается, и 30 марта (12 апреля) первой жертвой негодования падает еще так недавно популярный Голубов. Он первый стал во главе большевистствующих казаков во времена Каледина, смерть которого он ставил себе в заслугу, как смерть Багаевского, Волошинова, Назарова, и ему же первому достается пуля очнувшихся от большевистского угара его поклонников. На севере Дона тоже началось брожение. В Верхне-Донском округе образовался окружной совет из ярых врагов советской власти. Казаки Усть-Медведицкого округа наблюдали сильное волнение у большевиков, но пока еще не могли понять его причин.

1 (14) апреля натиском пригородных станиц Новочеркасск был занят. Советские банды и Совдеп бежали на Ростов. В этот же день в станице Манычской состоялся второй съезд. Объявив призыв к оружию, съезд выбрал исполнительный орган, вошедший позже в совет обороны всего Дона. Набег большевиков из Ростова на Манычскую на пароходе не удался, наступление же их на Новочеркасск вызвало очищение казаками столицы Дона и отход в станицу Заплавскую (в 17 верстах восточнее Новочеркаска), где было приступлено к организации армии.

К этому времени «Степной отряд» уже переправился на правый берег Дона у станицы Нижне-Курмоярской, и генерал Попов тоже приступает к организационной работе. Назначив командующим войсками и начальником обороны Второго Донского округа полковника Мамонтова¹³ и дав ему часть своих войск, генерал Попов ставит ему задачу зажечь восстание на севере Дона. Далее генерал Попов объявляет общую мобилизацию и соединяет по четыре-пять станиц для обороны, оставляя в них небольшие кадры. «Степной отряд» пригодился Дону.

В станицу Константиновскую приходит, правда уже запоздавшее, сообщение (на аэроплане) о занятии восставшими Новочеркаска. Константиновская примыкает к общему движению, а генерал Попов на судах двигается к Новочеркасску, наблюдая по пути бегство отдельных большевиков из Ростова вверх по Дону. В Заплавской к этому времени под начальством Генерального штаба полковника Денисова¹⁴ имелось уже налицо восемь пеших, три конных полка и три батареи.

Таким образом, к 13 (26) апреля образовалось две группы по Дону, две в районе Заплавской против главнейших большевистских центров — Александро-Грушевска (северная) и против Новочеркаска (южная) с резервом за северной. На левом берегу Дона, между ним и железной дорогой Ростов—Тихорецкая, организовалась Задонская группа. Общее руководство принял генерал Попов, как Походный атаман. Имелись сведения, правда неточные, о движении на Новочеркасск с севера со стороны Воронежа и с запада со стороны Бахмута либо немцев, либо украинцев, а также были точные вести о приближении с юга с Кубани Добровольческой армии, что сильно ободрило донцов.

Так рисовалась обстановка Походному атаману, а 16 (29) апреля выяснилось занятие немцами станции Чертково на Юго-Восточной железной дороге, в 200 верстах севернее Новочеркаска. Эта группа отрезала от Воронежа подошедшую от Бахмута к Миллерову группу большевиков, против которой решили активно выступить восставшие

казаки Мигулинской станицы. Две другие немецкие группы двигались от Бахмута на Дон по железным дорогам на узел Зверевево—Лихая и на Ростов. С последней группой совершенно случайно столкнулся отряд полковника Дроздовского, шедший, как известно, из Румынии и бывший 15 (28) апреля в Мариуполе.

Итак, к середине (концу) апреля в руках восставших казаков была узкая полоска по Дону, по правому его берегу, с двумя небольшими оазисами на левом берегу и на севере у Мигулинской станицы; вся же остальная территория была в руках у большевиков.

Последняя треть апреля (середина мая) ознаменовалась блестящими успехами восставших. Казаки Мигулинской станицы 18 и 19 апреля (1 и 2 мая) разбили бывший Миллеровский отряд большевиков, дав этим толчок к восстанию всего Верхне-Донского округа, свергнувшего советскую власть. Следом за этим и в Усть-Медведицком округе образуется «Совет вольных хуторов и станиц» в противовес советской власти.

23 апреля (6 мая) группа полковника Денисова занимает Новочеркасск, получив в критический момент поддержку от подошедшего отряда Дроздовского, сообщившего о приближении немцев к Ростову.

25 апреля (8 мая) казаки с востока, а немцы с запада одновременно входят в Ростов, где выяснилось поражение большевиков под Таганрогом и паническое их бегство. К этому же времени Добровольческая армия уже вошла в южную часть Донской области, заняв 21 апреля (4 мая) станицу Егорлыцкую. Занятие 28 апреля (11 мая) казаками Александро-Грушевска, севернее Новочеркасска, окончательно закрепляет за ними столицу Дона. В этот же день, после суда, организованного по почину восставших, был казнен пойманный накануне «президент Донской советской республики» Подтелков.

Таким образом, результатом месячной борьбы было очищение донцами части Второго Донского округа, почти всего Первого Донского, большей части Черкасского и Верхне-Донского округов. Нельзя обойти молчанием помощь отряда полковника Дроздовского у Новочеркасска и помощь Добровольческой армии на юге. Весь Ростовский и Таганрогский округа были очищены подошедшими с запада немцами, а западная часть Донецкого округа — совместными действиями казаков и немцев, к помощи которых обратились некоторые из станиц по собственному почину при подходе немцев к Дону, так как это было единственное средство для спасения от уничтожения обезоруженного казачества. Весьма характерно, что эти станицы, вкусившие в наибольшей мере весь ужас господства большеви-

ков, в продолжение всей дальнейшей борьбы проявили чрезвычайную стойкость и выдающиеся боеспособности, выдвинув своего народного героя генерала Гусельщикова¹⁵.

Как только восстание начало разрастаться, решено было создать центральную власть выборным путем, причем, ввиду занятия еще большей части Дона большевиками и отсутствия депутатов Круга, 28 апреля (11 мая) в Новочеркасске собираются делегаты от ближайших станиц и члены Временного правительства (всего 130 человек), которые объявляют себя «Кругом Спасения Дона», продолжавшим заседание до 5 (18) мая.

Первым шагом этого Круга является утверждение особого посольства на Украину для выяснения взаимоотношений с ней и целей вступления на Дон немцев. На Походного атамана возложена организация постоянной армии и общее руководство всеми операциями и всеми без исключения находящимися на донской территории войсками. Возможно, что последнее решение явилось первопричиной ухода Добровольческой армии обратно на Кубань.

Далее восстановлена прежняя форма одежды в армии, в станицах восстановлены прежние выборные власти, постановлено вновь возвратиться к старому стилю, мобилизовать пять призывов казачества и немедленно принять в казаки всех участников в защите Дона от большевиков.

3 (16) мая 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся на пост временного атамана избран генерал Краснов¹⁶, известный Дону по Европейской войне, а также и литературной деятельности, давшей ему имя. Ему вручается полная власть до собрания Круга и поручается защита Дона. После этого, наградив главных деятелей эпохи пробуждения Дона, позаботившись о семьях погибших защитников (включая и неказаков) и оставив для руководства власти разработанные краткие «Основные законы», Круг разошелся, назначив созыв Большого круга после новых выборов на 15 (28) августа.

Указав в своем вступительном приказе от 4 (17) мая на все ужасы переживаемой эпохи, атаман Краснов предъявляет требование о полном повиновении и сохранении также мирных отношений с «непрощеными гостями» — немцами.

Необходимо из «Основных законов» отметить: ответственность перед Кругом назначаемого атаманом правительства; признание свободы совести, неприкосновенность жилища и собственности с отчуждением последней за вознаграждение; свобода собраний и слова «в пределах установленных законом»; учреждение сине-желто-алого Донского флага (излюбленные цвета главных элементов населения — ка-

заков, калмыков и крестьян) и войсковой печати-герба — нагой казак в папахе при оружии, сидящий на бочке (что по старинному преданию выражает мысль, что казак может прокутить все, кроме оружия) и Донского гимна:

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв свободы он.

Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив,
Из простора долетая,
Вольный слышится призыв.

Дон детей своих сзывает
В круг державный, войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.

В боевое грозно время
В память дедов и отцов.
Вновь свободным стало племя
Возродившихся Донцов.

Славься, Дон, и в наши годы!
В память вольной старины
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны.

Атаман Краснов поручает командование и формирование армии начальнику Заплавской группы Генерального штаба полковнику Денисову, при котором формируется штаб армии. Особое внимание обращается на создание постоянной армии из младших возрастов, начавших прибывать по призыву 19 мая (2 июня).

Подъем царил на Дону невероятный: в то время как на юге кипела организационная работа, продолжалось пробуждение севера Дона, где окрепшие казаки Верхне-Донского округа уже помогали соседнему Усть-Медведицкому округу сбросить советскую власть.

В начале (середине) мая в руках донского командования было уже 17 тысяч организованных борцов при 21 орудии и 58 пулеметах, отбитых у большевиков, причем общая сумма трофеев за апрель определяется в 44 орудия, 119 пулеметов. Только такое обилие трофеев и помогло удовлетворению нужд казачества в оружии, так как первое время оно вооружилось чем попало и лишь небольшое число восставших имело винтовки. Силы большевиков определялись до 70 тысяч при 200 орудиях и 400 пулеметах, причем они осели по

железнодорожным магистралям с наибольшим сосредоточением в Азове, Великокняжеской, Кательникове (южнее Царицына), Царицыне и слободе Михайловке (с.-з. Царицына).

Следующим шагом донского командования было очищение железной дороги Царицын—Лихая для связи с восставшими казаками севера Дона, теснившими большевиков к Грязе-Царицынской железной дороге и в юго-восточный угол Воронежской губернии.

К началу (середине) июня на севере большевики были оттеснены на железную дорогу Царицын—Поворино. На правом берегу Дона осталась лишь группа большевиков в 15 тысяч, прикрывавшая работы по восстановлению железнодорожного моста через Дон, крайне необходимого противнику для вывоза всего награбленного в Царицын. К этому времени у донцов уже было под ружьем до 40 тысяч при 56 орудиях и 179 пулеметах, силы же противника уменьшились до 65 тысяч при 170 орудиях и 350 пулеметах.

Так определяется напряжение Дона лишь для пополнения боевой силы армии, для несения же тыловой службы было привлечено все население, включая стариков, женщин и детей, на которых также лежали и все заботы по хозяйству.

Чувствуя надвигающуюся на Царицын грозу, центральная советская власть в середине (конце) мая высылает в Царицын деятелей из центра. Однако это не помогло: казаки, желая обеспечить Доном коммуникационную линию для своего Царицынского фронта, изгоняют большевиков с правого берега Дона на Царицынском направлении и одновременно к 22 июня (5 июля) очищают от них весь левый берег, оттеснив часть левобережной группы противника на юг в Ставропольскую губернию, а часть непосредственно к Царицыну.

К началу (середине) июля силы казаков определялись уже в 50 тысяч при 92 орудиях и 272 пулеметах против 63 тысяч бойцов, 198 орудий и 372 пулеметов противника. Таким образом, за два месяца уже правильно организованной борьбы с большевиками напряжение Дона увеличилось уже втрое, что и дало блестящие результаты. К началу (середине) августа 1918 года вся территория Дона, кроме пяти станиц восточной части Сальского округа, уже была очищена от большевиков, причем на юге большую помощь Дону оказала Добровольческая армия, вышедшая 8 (21) июля в тыл Ростовской группе противника. При таком положении Донское правительство даже нашло возможным ослабить напряжение и, распустив по домам старшие возрасты, к началу (середине) августа имело на фронте до 40 тысяч бойцов при 93 орудиях и 281 пулемете против 40 тысяч бойцов и 132 орудий и 260 пулеметов противника.

Так сложилась обстановка на Дону к моменту сбора Верховного хозяина Донской земли — выборного Войскового круга, работавшего от 15 (28) августа до 20 сентября (3 октября). Этот круг имел 265 депутатов казаков, избранных по четырехчленной формуле от станиц, и 74 от частей фронта, причем правом избрания пользовались и неказаки, принимавшие участие в борьбе с большевиками, о которых состоялись постановления станиц о принятии в казачество. Таким образом, испытав на себе вражду неказачьего населения, казачество стало на определенную позицию предоставлять полные права всем неказакам, активно борющимся с большевиками. Одновременно избирательного права были лишены те казаки, которые выступали против казачества с оружием в руках.

Собравшийся Круг имел теперь от каждой станицы с населением не более 5 тысяч по одному депутату, на 5—10 тысяч — два депутата, на 10—20 тысяч — три и т. д. По образовательному цензу Круг представлял следующую картину: 56 процентов с низшим образованием, 18 со средним, 11,4 процента с высшим и 15 процентов с домашним; по роду занятий — 65 процентов хлеборобов, 12,6 процента офицеров, 5,4 процента общественных деятелей, 4 процента народных учителей, 3,6 процента судебных деятелей, 2,3 процента преподавателей средних школ, 1,4 процента духовенства, 0,9 процента инженеров, 0,6 процента студентов, 0,6 процента коммерсантов, 0,3 процента ветеринаров, 0,3 процента литераторов и 0,8 процента без определенных занятий; по возрастам — от 21—30 лет 23,3 процента, до 40 лет — 37 процентов, до 50 лет — 25 процентов, до 60 лет — 13,3 процента и до 64 лет — 1,4 процента.

В своей вступительной речи Кругу атаман Краснов прежде всего охарактеризовал Европейскую войну как войну Англии и Германии, потом подчеркнул заслуги в ней России, спасшей от гибели Францию в 1914 году и помогшей ей во время Верденской операции наступлением «без снарядов и патронов». Перейдя к вопросам современной войны, атаман подошел и к вопросу вторжения на Дон немцев и подчеркнул факт призыва их на помощь погибавшим под гнетом большевиков станицам Гундоровской, Митякинской и Луганской. Далее он указал, что, ввиду грозящего развала на Дону и невозможности получить помощь на Царицынское направление от Добровольческой армии, занятой Кубанью, ему пришлось вести переговоры с немцами. Они дали за хлеб и шерсть необходимые Дону оружие и патроны и помогли уладить пограничный вопрос с Украиной, покушавшейся на западную часть донской земли (договор 27 июля старого стиля). Необходимо отметить, что в переговорах немцы проявляли большую стоворчивость, чем русские люди

«украинцы». В ответ на обвинение его за это некоторыми представителями Дона генерал Краснов указал на невозможность активной борьбы Дона с немцами, к тому же еще обеспечившими Донской армии ее совершенно открытый левый фланг.

Далее он просит у Круга широких полномочий, предупреждает от повторения ошибки «паритета», но указывает на необходимость земельной реформы и выработки закона о принятии в казачество.

— Помните, — кончает атаман свою речь, — не спасут Россию ни немцы, ни англичане, ни японцы... Не спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки. Добровольческая армия и вольные отряды Донских, Кубанских, Терских, Оренбургских, Сибирских, Уральских и Астраханских казаков спасут Россию.

Управляющий отделом иностранных дел генерал Багаевский¹⁷ (брат покойного товарища атамана Каледина М.П. Багаевского) тоже опровергает обвинения в «ориентациях» Дона и говорит Кругу в своем докладе:

— Все усилия направлены были только лишь к обеспечению и упрочению самостоятельной жизни войска в создавшейся тяжелой обстановке. Очевидно, что не могло быть и речи о каком-либо выборе друзей и союзников.

Пытался атаман Краснов начать переговоры и с советской Россией о выводе с Дона советских войск, но переговоры не дали желанного результата.

Таким образом, атаману приходилось самому заботиться о Доне, и он приложил все усилия к созданию образцовой армии, когда молодая постоянная армия была представлена им Кругу 16 (29) августа и 26 августа (8 сентября), действительно было чем восторгаться.

То была стройная пехота времен славных побед России, и вновь появились лихие конные казачьи полки и батареи, которыми так гордилось донское казачество. В дни полного развала России, в дни угрозы существованию Дона его народные избранники увидели прекрасно выправленные, обученные и достаточно снабженные всем необходимым 3 полка пехоты и 12 полков конницы, сведенные в 1 пластунскую и 3 конные дивизии с необходимым количеством вспомогательных войск, а всего до 15 тысяч, помимо войск, находящихся на фронте. И как пригодились Дону его молодые полки, когда старики, потерявшие веру в близкую помощь союзников и изнемогшие в неравной борьбе с советскими войсками, начали колебаться.

В дни наибольших успехов Дона, угрожавшего занятием Царицына, казачество, поддавшись опять советской пропаганде, отказывается переходить донскую границу, вытаскивая вновь на сцену под совет-

ские припевы завалявшийся и заплесневевший термин «без аннексий» для доказательства своего миролюбия и предполагая, что большевики более не вторгнутся на Дон. Пришлось поддержать дрогнувший фронт молодыми полками, но Царицын все-таки взять не удалось. Между тем в этот момент занятием вне области ряда важных пунктов можно было бы помочь организации стоившего под большевистским игом крестьянства. Оно, в противовес донскому крестьянству, не имело никаких счетов с казачеством и быстро могло бы стать на защиту своих собственных интересов.

Понимая это, Круг 18 августа (1 сентября) отдает указ о занятии армией ближайших узлов за донской границей: Царицына, Камышина, Балашова, Поворина, Новохоперска, Калача и Богучара для наилучшего обеспечения донской границы. Однако теперь, когда яд «пограничной болезни» тронул казачество, провести в жизнь указанную программу было трудно, но командование приступило к ее выполнению.

Не меньшая работа лежала на других ведомствах по восстановлению нормальной жизни Дона. Ознакомившись с работой правительства, Круг отметил деятельность атамана Краснова производством его в генералы от кавалерии и переизбранием в атаманы 234 голосами из 338 при 36 воздержавшихся. Далее Круг принял «Основные законы» в желаемой атаманом Красновым редакции с предоставлением ему громадных полномочий.

Этими законами «Всевеликое войско Донское» (старинное название, принятое не совсем охотно Кругом по настоянию атамана Краснова) признавалось уже самостоятельным государством, но не в целях сепаратизма, а просто в силу сложившейся общероссийской обстановки впредь до водворения порядка в России. Управление войском, как государством, было построено на началах народоправства при однопалатной системе и строгом проведении в жизнь разделения власти. Законодательная власть принадлежала Большому кругу из представителей казачьего населения, а высшая исполнительная — избираемому атаману, возглавлявшему собой правительство. Для обеспечения закономерности действий власти исполнительной и судебной учреждался Донской сенат — высший орган надзора за применением закона.

По земельному вопросу Круг постановил отчуждение частновладельческих и церковных земель с недрами и лесами для удовлетворения малоземельных казаков и «коренных крестьян», причем купленные земли отчуждались с уплатой их покупной стоимости по купчим актам; с 7 (20) сентября прекратились все частные сделки на землю. Одновременно принят закон и о выходе из общины.

В вопросе взаимоотношений с крестьянством необходимо отметить ряд приветствий Кругу крестьянских общин и пожертвований на нужды армии с выражением готовности нести наравне с казачеством тягости гражданской войны. Круг опять стал на точку зрения приема в казачество активных борцов против большевизма и даже принял в свой состав крестьянина, избранного депутатом от одного из казаче-крестьянских полков, признав за ним полномочия члена Круга. Далее 19 сентября (2 октября) принимается закон о принятии в казачество не только отдельных лиц, но и целые общества сельские и волостные с предоставлением этого права власти атамана. Таким образом, крестьянству предоставлялось право на закономерную получку земли.

В рабочем вопросе Круг постановил выработать ряд соответствующих законопроектов для внесения в следующую сессию. Из других вопросов необходимо отметить постановление об увеличении постоянной армии и принятие реформ командования по сведению армии в более крупные и удобоуправляемые единицы.

На этом же Круге утвержден принятый флаг и гимн, а герб заменен другим историческим более поздней эпохи — олень, пронзенный стрелой (что означает: как ни быстер олень, а от казачьей стрелы не уйдет).

Проводя поставленную Кругом задачу, донское командование встретило ряд затруднений: переутомление казачества и разочарование его в ожидаемой помощи союзников и громадная организационная работа советской власти, встревоженной физической силой Дона, а еще больше его прогрессом в зарождении государственности.

Большевики приступили к реорганизации армии на общепринятых воинских основах, отказавшись от всех диких нововведений, разваливших старую армию России. Кроме того, они сосредоточили против Дона новые силы, доведя их до 66,5 тысячи бойцов, при 233 орудиях и 420 пулеметах против 31 тысячи бойцов, при 79 орудиях и 267 пулеметах донцов, и обратили еще большее внимание на свое самое сильное оружие — пропаганду на тему «без аннексий».

Несмотря на это, на левом фланге донцам сопутствовал успех: 26 августа (8 сентября) они заняли город Калач, 22 сентября (5 октября) — город Павловск. Далее, разбив контрударную группу противника, донцы последовательно занимают станцию Таловая, город Бобров и 10 (23) ноября переправу через Дон на Юго-Восточной железной дороге станцию Лиски. После этого ударом на восток они захватывают 18 ноября (1 декабря) город Новохоперск. Таким образом, всюду им удалось выдвинуться за границу Донской области.

На фронте Новохоперск—Царицын отбиты все настойчивые атаки противника, и к середине (концу) ноября он всюду отброшен в Саратовскую губернию, но для этого пришлось здесь войска усилить за счет Воронежского направления, оголив последнее довольно сильно.

На главном — Царицынском — направлении, сдержав первый порыв казаков, большевики 9 (22) августа перешли в наступление от Царицына по всем железным дорогам и вновь подошли к Дону. Введением в дело молодых полков в начале (середине) сентября удалось восстановить положение и вновь выдвинуться к Царицыну. Противник получил новые подкрепления, и при содействии подошедшей от Ставрополя с юга прорвавшейся группы Жлобы ему удалось оттеснить донцов на линию Гнилоаксайская—Ляпичево—Калач — река Дон до устья реки Иловли. Одновременно с этими боями донцам удается очистить от противника весь восточный угол Сальского округа, причем части сил большевиков под командой Жлобы, как сказано выше, удалось пробиться к Царицыну.

После переворота в Германии, в ноябре, немцы очистили Украину и обнажили левый фланг донцов. Пришлось против украинских большевистских банд сосредоточить сюда еще одну дивизию молодой армии. К этому же времени относится сосредоточение советскими властями против Дона громадных сил до 131 тысячи бойцов, при 153 орудиях и 582 пулеметах. Зимний период 1918/19 г. является периодом наибольшего напряжения советской России на Донском фронте в смысле численности войск. Видимо, осуществлялся план задавить Дон массами, по сосредоточении которых противник повел наступление, сопровождая его сильной пропагандой по-прежнему на тему «без аннексий» с присоединением сюда мотивов об отказе союзников в помощи Дону и о том, что они скорее будут помогать советской России.

Новые колебания донского казачества и второе нашествие советских войск на Дон; вступление донского казачества в состав Вооруженных сил Юга России

Ноябрь 1918-го — апрель 1919 года

Во второй половине ноября (начале декабря), пользуясь громадным превосходством сил, противник повел концентрическое наступление против северной группы донцов и по всей западной границе. Наступление большевиков на донской территории было быстро ликвидировано сосредоточением ударных групп по флангам противника, он вновь был отброшен за границу, и войска народного героя Дона генерала

Гусельщикова заняли Борисоглебск и Поворино в Воронежской губернии, действительно проявив чудеса храбрости и неподражаемость маневра.

На ослабленном донцами Воронежском направлении, чувствуя моральную слабость своих войск, советские власти обращают главное внимание на борьбу пропагандой. Весь фронт буквально был наводнен советской литературой. «Покажите нам хоть небольшую часть союзников, и мы сложим оружие», — пели советские листки, подрывая и без того ослабевшие моральные силы казачества. Что могло ответить Донское правительство в опровержение этой пропаганды? Союзных войск (о помощи которых уже были даны обещания фронту) действительно не было, на указание же приезда союзных миссий советская пресса просто заявляла, что это переодетые русские офицеры. Между тем 25 ноября (8 декабря) в Новочеркасск прибыли представители союзников во главе с английским капитаном Бондом и французским Кашеном, встреченные, по заведенному донскому обычаю, весьма радушно. Бонд объяснил цель миссии желанием узнать военное, политическое и экономическое положение вещей для донесения, «не вдаваясь в критику или рассуждение». Далее англичанин высказал надежды, что «при помощи союзных наций возродится свободная и единая Россия», и подчеркнул важность единения, сославшись на пример подчинения союзников во время войны маршалу Фошу.

Однако все это не помогло, и казачество вновь поддавалось на советские обещания мира и объявления войны только «офицерству, правительству и буржуазии».

Тем не менее, начав расходиться по домам на Воронежском направлении, казаки остались глухи к призыву советской власти выдавать офицеров. С большей частью уходящих на юг офицеров казаки прощались очень трогательно, объясняя свою капитуляцию переутомлением и отсутствием надежд на успех. Кто знает, быть может, уже тогда в душах казаков шевелилось сомнение в правильности принятого решения! Но дело сделано. В декабре войска Верхне-Донского округа, минуя командование, начали мирные переговоры с советским командованием и разошлись по домам, образовав к 25 декабря (7 января) громадный прорыв, открытый для вторжения советских войск.

Однако советские войска, хранившие еще в памяти казачье восстание и, с другой стороны, сами бывшие накануне полного развала, медленно и осторожно продвигались в Верхне-Донской округ. Зато не поддавшиеся развалу войска противника, стоявшие против северо-восточной части области, воспользовались создавшимся положением и обрушились всеми силами на донцов.

Разложение казачества на Воронежском направлении отразилось на войсках его центра, и донское командование принуждено было очистить к 20 января (2 февраля) всю северную часть области и оттянуть уцелевшие войска за Дон.

Необходимо отметить, что развалу казачества на Воронежском направлении сильно помогла попытка Донского атамана организовать на этом направлении так называемую «Южную армию». Туда, как выяснилось особым расследованием, стеклось много такого элемента, который, с одной стороны, хотел только найти себе кусок хлеба, не проявляя никаких боевых качеств, а с другой — мечтал о полном восстановлении всего старого. Многими чинами этой армии, занимавшейся бесконечной «организационной» работой, а фактически ничего не делавшей, применялись самые недопустимые приемы в смысле отношения к крестьянству.

Таким образом, прекрасный по своей идее план Донского атамана передавать участки Донского фронта, выдвинутого за пределы области, организациям неказачьего характера, к несчастью, натолкнулся на неудачный опыт с «Южной армией». На совещании с донским командованием 26 декабря (8 января) генерал Деникин¹⁸ высказал свой взгляд, что идея организации «Южной армии» была вызвана желанием создать противовес Добровольческой армии. Возможно, что это было и так. К сожалению, с ее именем связано имя русского патриота, бывшего главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова¹⁹, который, видимо, по старости лет не смог пресечь эту ошибку сразу. После выясненных подробностей «Южная армия» была расформирована.

Иначе обстояло дело на крайних флангах Донской армии. На левом, в Луганском районе, введенный в дело последний резерв из частей постоянной армии, доблестно отбивая все атаки противника, прочно удерживал западную границу. На Царицынском направлении с 20 ноября (3 декабря) начались атаки донцов, имевшие конечной целью занятие Царицына. Бои шли непрерывно до начала (середины) января с неизменным успехом для донцов. 5 (18) января казаки стояли уже перед самым Царицыном, где принуждены были сделать небольшую остановку для подготовки к штурму укрепленной позиции. В это время в войсках Царицынской группы противника происходило сильное брожение, и лишь террор, успехи на остальном фронте да активная деятельность лучшей по духу конной дивизии Думенко, развернувшейся позже в два корпуса (Думенко и Буденный), смогли удержать Царицынскую группу противника от полного развала.

12 (25) января сверхчеловеческими усилиями советского командования было начато контрнаступление и на Царицынском направлении.

В это время в донские войска Царицынского района уже докатилась зараза развала остального фронта, и на всем фронте Донская армия должна была отходить, теряя все добытое с такими жертвами. Переутомленное непосильной войной и обманувшееся в ожиданиях помощи союзников казачество дрогнуло не столько перед силой противника, как перед его пропагандой.

В период этих тяжелых переживаний Дона на Северном Кавказе Добровольческая армия, усиленная кавказскими казаками и горцами, переживала блестящие победы, причем здесь вновь выдвигается на сцену громадная роль конницы, о применении которой создались разноречивые мнения в период Европейской войны. Если там в условиях непрерывности фронтов и при наличии колоссальных технических средств конница была связана в своей работе, то здесь ей представлялась блестящая арена деятельности.

26 декабря (8 января) на станции Торговая состоялось весьма важное соглашение между атаманом Красновым и генералом Деникиным, по которому последний принял на себя командование всеми силами Юга России. Необходимо подчеркнуть важность этого соглашения для обеих сторон: единение сил, работающих в одном и том же направлении. Одна цель — одна и воля. Если вокруг вопроса объединения командования было много споров, то объяснение их причин могут дать лишь лица, стоявшие в то время у власти, нам же необходимо отметить, что мера объединения относилась только к оперативному объединению, не затрагивая донское казачество в прочих отношениях.

Следом за этим соглашением 28 декабря (10 января) в Новочеркасск прибыли глава английской миссии генерал Пуль и французский капитан Фуке (что, очевидно, находилось в связи с состоявшимся соглашением 26 декабря (8 января), встреченные так же радушно, как и миссия Бонда. Генерал Пуль подчеркнул, что англичане не забыли своего долга и хотят оказать помощь и что за три недели в Россию «уже доставлено 50 000 винтовок, несколько миллионов патронов и большое количество медицинского и всякого другого имущества». Далее он высказал уверенность, что его «рассказы в Лондоне вызовут общее сочувствие», и выразил надежды на успех адмирала Колчака²⁰.

В то время как английская миссия объезжала фронт, на Дону назревали серьезные события. К сожалению, не только среди широких слоев простого казачества, но и среди переутомленных борьбой представителей интеллигенции зародилась мысль о возможности мира с советским правительством. Уже позже, после занятия большей части Дона, казачество увидело весь ужас своей ошибки.

В результате этих колебаний в феврале 1919 года сохранившие в себе силу и уверенность остатки расплывшейся Донской армии отошли за реку Донец, прикрыв столицу Дона. На этом рубеже сделано последнее напряжение сил уцелевшей части Дона: выдвинута еще не окончившая формирование молодая гвардейская дивизия, подошли вновь сформированные партизанские части и сюда же поспела весть о подходящих на помощь кавказских казаках, которые должны были усилить лучший Добровольческий корпус, прочно обеспечивавший все время левый фланг донцов и спасший положение в этом отношении после ухода немцев.

1 (14) февраля вновь собрался Донской круг, продолжавший свои работы до 1 (14) июня. В своей вступительной речи атаман Краснов объяснил причины новой болезни казачества переутомлением, изнеможением, растяжкой фронта с 800 на 1200 верст и потерей веры в помощь союзников, но успокоил подходом на помощь добровольцев и невидимой, но существующей технической помощью союзников. Речь ободрила Круг, однако ему хотелось все-таки найти виновника неудач, и им был признан командующий армией генерал Денисов, объяснения которого о причинах расстройств фронта были признаны неудовлетворительными, и Круг выразил ему недоверие.

Долг справедливости требует подчеркнуть, что полная ответственность за военные неудачи может ложиться на командование лишь в условиях нормальной войны, когда ему предоставлены все необходимые средства и когда войска точно исполняют все его приказания. К сожалению, последнее время с началом развала управление войсками стало совершенно невозможным. Казачество прежде всего должно сознать и свою вину в том, что поддавалось советской пропаганде, вина же командования главным образом заключалась в неумении организовать широкую пропаганду ни за границей, ни у себя на фронте и в тылу, что блестяще было оборудовано советской властью, сумевшей не только отуманить доверчивые казачьи головы, но и поколебать взгляды большинства мира. Правильной пропаганде на Дону сильно мешали два фактора: отсутствие хорошего организатора пропаганды и слабое развитие средств связи. Необходимо отметить, что весь громадный штат «пропагандистов» сидел в городах Новочеркасске и Ростове, украшая их своими слабыми по смыслу плакатами, на фронте же всегда ощущался недостаток печатного и живого слова. Вообще за все время борьбы на юге не было создано приличной правдивой газеты, которая могла бы заинтересовать широкие народные массы: все без исключения газеты были в духе «все обстоит благополучно». Другой виной командования является непринятие мер по устройству тыла.

Выраженное недоверие атаман Краснов принимает на свой счет и просит Круг принять его отставку, если он не изменит решение о командующем армией. Однако отставка была принята, и власть временно переходит в руки председателя совета управляющих генерала Багаевского.

В дни правительственного кризиса 3 (16) февраля на Круг прибывает генерал Деникин. В ответ на ряд приветствий (текст приветствия Круга постановлено иметь на стене в зале заседаний) он заявляет Кругу о подходе на помощь уже развернутому на левом фланге донцов Добровольческому корпусу еще и кавказцев и высказывает надежду, что, покончив дело у себя, «казаки и горцы, вместе с добровольцами, пойдут на север спасать Россию». Подъем на Круге был неопиcуем, как и устроенные генералу Деникину овации. Это настроение, безусловно, передалось находившемуся недалеко от Новочеркасска фронту и поддержало его угасающий дух: донцы увидели, что они не одни.

6 (19) февраля генерал А.П. Багаевский, брат безвременно погибшего Баяна донского казачества, избирается 239 голосами круга из 293 на должность атамана, и председатель Круга В.А. Харламов передает новому атаману заповедь: «Идея народоправства, положенная в основу государственного устройства Дона, должна быть полностью и во всем объеме применена». Далее Круг оказывает самую энергичную помощь правительству в поддержании духа армии выпуском к ней указа и посылкой ряда депутатов, а также издает указ о мобилизации учащихся призывного возраста.

Не отказавшееся от принятия в свои руки власти в такие тяжелые для армии дни новое командование в лице Генерального штаба генерала Сидорина²¹ и начальника штаба генерала Кельчевского²² приступает к энергичной работе закрепления положения армии на Донце.

К этому времени в рядах ее насчитывалось всего 15 тысяч бойцов, при 108 орудиях и 441 пулемете. Правда, несмотря на свои «успехи», и совдепские войска едва довели до Донца 90 тысяч, что является характерным показателем их настроений в этот момент.

Выдвинутая на фронт молодая гвардия, а главным образом казаки ближайших станиц, 19 февраля (4 марта) дают первый отпор противнику, переправившемуся на правый берег Донца южнее железной дороги Царицын—Лихая, и расстраивают его план с налета овладеть Новочеркасском, вливая этим начало бодрости в общее настроение армии.

В период 25—28 февраля (10—13 марта) ободренными войсками отбито второе наступление противника, пытавшегося переправиться через Донец между указанной выше железной дорогой и Юго-Восточ-

ной железной дорогой. К этому времени на левый фланг Донской армии подошли кубанцы, что, вместе с удачей двух последних операций, укрепляет в армии вновь зародившуюся надежду на успех.

Весь март прошел в тяжелых боях на левом фланге армии и на стыке с добровольцами. Слабость сил и необходимость отбиваться ими во все стороны с переброской по разным направлениям вызывают у донского командования, правильно оценившего значение конницы, решение применения крупных ее соединений. Первый успех этого способа борьбы выяснился 28 февраля в удачных для донцов боях в Луганском районе, где кулак из двух конных дивизий сыграл важную роль. В период 1 (14) — 3 (16) марта усиленный новыми частями этот кулак, направленный на восток, снова бьет противника, переправившегося через Донец между Юго-Восточной железной дорогой и железной дорогой Царицын—Лихая, захватывая 50 орудий и 200 пулеметов. Кубанская конница тоже успешно действует в Луганском районе в период 14 (27) апреля — 24 апреля (7 мая), что вместе с успехами добровольцев в Бахмутском районе окончательно обеспечивает левый фланг донцов.

Тогда противник принимает новый план, решая разрезать Дон и Кубань выходом в тыл донцов на Ростов, причем вся сила удара была рассчитана на конном корпусе Думенко. Положение было спасено подходом кубанцев и добровольцев, задержавших противника на линии железной дороги Ростов—Торговая, причем и здесь главная роль выпала на долю конницы. Это дает командованию Донской армии мысль для создания особого плана по очищению Дона, тем более что для этого нужны были быстрые меры, ввиду установленного восстания в Верхне-Донском округе и в других занятых большевиками районах Дона.

Окончательное отрезвление Дона и второе очищение области от большевиков

Апрель—октябрь 1919 года

Вскоре после занятия большевиками северной части Дона появились слухи о восстании Верхне-Донского округа против советской власти. Это было особенно знаменательно, так как еще недавно этот округ по собственному почину стал «на мирную платформу» и сам добровольно пошел на установление советской власти, почему не могшее сочувствовать этому офицерство, а также вся интеллигенция заблаговременно ушли на юг, и теперь восстание было поднято исклю-

чительно простыми казачьими массами. 19 марта (1 апреля) о восстании уже были получены неопровержимые данные. Дальнейшая разведка велась исключительно летчиками, причем все, что удалось узнать, превышало всякие ожидания по своим ужасам.

Оказалось, что вскоре после занятия округа большевики приступили к замене местных властей специально для этого присланными из центра лицами. Волей-неволей казачество примирилось с этим, но тут начались такие ужасы, которые немислимо было перенести. Опустошив все хозяйства, большевики встретили протесты повальными расстрелами, поруганием женщин, сжиганием целых хуторов и станиц. Убивали даже детей.

Наконец терпение верхнедонцов лопнуло, и они восстали. Сейчас же с фронта и из России были подтянуты значительные советские силы для подавления восстания. В захваченном на Донском фронте приказе советского командования говорилось: «В наикратчайший срок подавить восстание предателей, воспользовавшихся доверием красных войск и поднявших мятеж в тылу. Донцы еще раз обнаружили в себе вековых врагов трудового народа. Все казаки, поднявшие восстание в тылу красных войск, должны быть поголовно уничтожены, а также и те, кто имеет какое-либо отношение к восстанию и противосоветской агитации. Не останавливаться перед процентным уничтожением станиц, сжечь хутора и станицы, поднявшие против нас восстание в тылу». Далее, указав на необходимость мести «огнем и мечом», приказ заканчивался так: «Мы терпим и отогреваем на груди змею измены и предательства вековых царских холопов-казаков. Будем же беспощадны в своей борьбе. Еще несколько ударов меча революции, и счастливая рабочая республика, упоенная (!) смертью врагов и предателей, зацветет, осуществляя великие цели коммунистов».

Комментарии этого документа излишни. Он красноречиво говорит сам за себя и весьма ценен для характеристики большевиков и их системы насаждения советской власти.

А вот картина, нарисованная одним из летчиков, доставивших сведения о восстании: «Г.Г. члены круга! Низкий поклон и привет шлют вам восставшие казаки Верхне-Донского округа. Шлют вам привет больные и раненые герои, осиротевшие семьи и матери. Все просили передать вам, что ужаснейшие насилия, надругательства, колоссальные грабежи, пожарища долго терпели казаки. И все они, как один, восстали против этого ига, которое было хуже и гораздо тяжелее, чем когда-то бывшее на Руси татарское иго. Они просили поведать вам о тех ужаснейших переживаниях, которые они испытывали от большевиков-коммунистов в Верхне-Донском округе. Из всей массы зверств

этих полулюдей приведу лишь несколько примеров. О многом сами вы уже знаете.

Так, например, в одном из хуторов Вешенской станицы, когда один престарелый казак сказал правду в глаза большевикам, указав на мародерство, они отрезали ему язык, прибили его гвоздями к подбородку и водили так несчастного по станице до тех пор, пока он не умер. Из хутора Каргинского они увели сто девушек, заставили их рыть окопы, потом этих девушек обесчестили и, когда подходили восставшие казаки, выгнали их вперед своей цепи и почти всех расстреляли пулеметами. Одна казачка, тоже из Вешенской станицы, за то, что она не хотела признать власть большевиков, была обещена и потом заперта в своем доме вместе с пятью своими детьми; дом был обложен соломой и сожжен дотла.

Очевидцы всего этого передают об ужасах, о колоссальных жестокостях, о потрясающих картинах, происходивших в станице Вешенской, какие им пришлось переживать. Большевики здесь быстро применились к обстоятельствам, привезли оркестр музыки и устроили пьяный разгул. На этом разгуле приказали присутствовать всем гимназисткам и всем подросткам-девушкам. Родители знали заранее, что ожидает их детей, и отказались отпустить их туда. Тогда обезумевшими комиссарами был издан декрет, что всякий родитель, не пустивший на этот вечер свою дочь, подлежит немедленному расстрелу, и, как сообщил председатель Вешенского окружного совета, большая часть из этих гимназисток была обещена и часть их увезена большевиками.

Все церкви были осквернены. В одном из хуторов Мигулинской станицы обнаглевшие комиссары-жиды заставили венчать батюшку с кобылой и заставили плясать батюшку с матушкой, и вырвавшаяся оттуда дочь их передавала о том, что в заключение батюшка был зверски замучен. О подобных зверствах свидетельствуют многие местные жители, и много говорить обо всем этом я не буду»...

Далее летчик описывает картину встречи их восставшими: «Всюду забрасывали нас цветами, встречали колокольным звоном... После молебна мы проходили среди выстроившихся в две шеренги учащихся местного Вешенского училища. Всюду путь наш был устлан цветами...»

Депутат восставших Сафонов нарисовал ту же картину ужасов и картину борьбы восставших, которым пришлось своими средствами организовать оружейную мастерскую и патронный завод. Та же картина рисовалась и в донесении Кругу окружного совета восставших: «Эти люди, потомки самого сатаны, принялись за грабеж, насилие и расстрелы мирных жителей, грабили хлеб и скот, срывали с икон ризы, забирались в сундуки и выбирали из них ценности и носильное белье

и платье, забирали чайную, столовую и кухонную посуду. Насиловали женщин, девушек и детей, накладывали контрибуцию, которую выжимали силой штыков. И наконец, приступили к расстрелам и казням. Расстреливали за один раз десятками мирных жителей, а казнили такими способами, что, взглянувши на их жертву, кровь стынет в жилах человека. Душа казака не вынесла такого испытания...»

Те же ужасы описывает в своем донесении командированный на аэроплане к восставшим член Круга Богатырев. А вот письмо председателя совета Мигулинской станицы к летчикам (летчики опустились в станице Вешенской): «Дорогие долгожданные ласточки! Вы прилетели весной и с юга, но не песни принесли, а больше, неизмеримо больше. Вы принесли нам надежду на жизнь, надежду на воскресение. Привет же вам, дорогие гости, от населения Мигулинской станицы. Привет ее на смерть дерущихся полков. Передайте земной поклон Большому войсковому кругу, Донской армии и Донскому атаману. Скажите казакам нашей станицы, что их матери, жены, дети, еще оставшиеся в живых, с изможденными лицами, голодные и оборванные, из пламени горящих хуторов, протягивают свои израненные руки и просят помощи. Скорее идите к нам, скорее несите оружие, снаряды, патроны, дабы было чем прогнать Богом проклятых кровавых вампиров. К числу пострадавших хуторов относятся все 49, расположенных на правом берегу Дона. Все сначала ограблены и потом сожжены, одни частью, другие сплошь. Несчастные женщины и дети, не успевшие спастись бегством, расстреляны и изрублены. Подписи: *Сытин и Любимов*».

Можно было бы привести еще полные ужаса рассказы казаков Чайкина и Мирошникова, прибывших 16 (29) мая из Вешенской станицы в Новочеркасск на лодке по Дону (650 верст), но все это сводится к одному и тому же, и дело беспристрастной истории уделить особое внимание восстанию Верхне-Донского округа, чтобы охарактеризовать все ужасы большевистского «рая».

Подобных документов было достаточно, чтобы возбудить гнев оставшегося верным Дону казачества и укрепить решимость командования спешить на помощь, которая была обещана восставшим в особом воззвании к ним Круга.

И помощь действительно шла. Учитывая настроение восставших и результаты работы конницы, донское командование намечает удар конной группой по прямому направлению к восставшим, как обещающий быстрое очищение Дона и усиление слабой Донской армии за счет восставших (в одном Верхне-Донском округе число восставших определялось, по донесению их руководителей, в 25 тысяч че-

ловец, причем в восстании и борьбе участвовали не только казаки, но и крестьяне). Другой удар был намечен на восток в общем направлении на Царицын, как выходящий в крепкий по духу и богатый правобережный район среднего Дона, откуда тоже доходили слухи о брожении казачества против большевиков. Приурочение операции к весне тоже сулило успех — надвигалась страдная пора для земледельцев; казачество, державшее фронт по Донцу, тянуло к земле, родным куреням и к покинутым семьям.

Что дух армии окреп, видно было из ее работы в самый тяжелый период борьбы на Донце, где за время стояния армии было захвачено 6 тысяч пленных, 50 орудий и 264 пулемета. Энергичными мероприятиями нового командования армия уже была реорганизована и сведена в три корпуса, что облегчало систему управления.

Началом активных действий явилось наступление Кавказской армии²³ в конце апреля (начале мая) в общем направлении вдоль железной дороги Торговая—Царицын на Царицын. Армия эта была вновь сформирована, и во главе ее стал генерал Врангель²⁴, выдвинувшийся в роли крупного кавалерийского начальника при освобождении от большевиков Северного Кавказа. Под его начальством армия в ночь на 5 (18) мая форсировала реку Маныч, а 8 (21) заняла станицу Великокняжескую, решив этим участь большевиков на левом берегу Дона и принудив их к отходу в направлении на Царицын. В этом успехе кавказцев на их левом фланге принимала участие конница 1-го Донского корпуса²⁵, которой в дальнейшем принадлежала честь очищения правого берега Дона и выхода в тыл Царицыну. Следом за кавказцами двинулся вперед 1-й Донской корпус, стоявший на нижнем Донце, 2-й²⁶, стоявший севернее его по обе стороны железной дороги Царицын—Лихая, и 3-й²⁷, с конной группой генерала Секретева²⁸, бывший на Воронежском направлении. Операция началась в ночь на 11 (24) мая, причем конница Секретева двинута на соединение с верхнедонцами, а конница 1-го корпуса, под командой командира корпуса генерала Мамонтова, форсировала Дон восточней устья Донца 18 (31) мая.

Огромную помощь войскам оказала правильно налаженная наконец на Донце пропаганда. Близость фронта и наличие железных дорог ко всем его участкам облегчили эту работу, и советские войска уже начинали митинговать.

25 мая (7 июня) конница генерала Секретева соединилась с верхнедонцами, разрезав южный фронт противника надвое и отрезав правый фланг 9-й советской армии к западу от пути своего следования. Конница генерала Мамонтова, пройдя за четверо суток 200 верст,

25 мая (7 июня) уже овладела станицей Нижне-Чирской, очистив правый берег Дона от противника.

В дальнейшем 1-й корпус конницей наступал через станицу Усть-Медведицкую — станцию Арчада — станицу Раздорскую, откуда частью сил вышел в тыл Царицыну, другой частью — на Красный Яр; пехота была направлена по Дону на судах в Царицынский район. 2-й корпус, вышедший на Дон между реками Медведицей и Хопром, одной колонной двинулся по реке Кумыгле и вдоль железной дороги на Поворино, а другой вверх по Хопру. 3-й корпус направлялся вдоль железной дороги на Воронеж, поддерживая связь с добровольцами по линии железной дороги на Елец. На флангах донцов шло блестящее наступление Кавказской армии, занявшей 18 июня (1 июля) Царицын, и молниеносное продвижение добровольцев на Харьков—Курск—Орел. 17 (30) июня Донская армия очистила весь Дон и южную часть Воронежской губернии от большевиков, и фланги ее обеспечивались кавказцами и добровольцами.

Подъем царил неописуемый. Силы противника против донцов определялись всего в 29 тысяч и 170 орудий, трофеи же донцов за этот период — в 15 тысяч пленных, 150 орудий и 350 пулеметов, не считая отбитого награбленного большевиками имущества. Остальные войска противника рассеялись.

Помимо военных операций этого периода, необходимо отметить два важных акта главнокомандования: 1. 12 (25) апреля была выпущена декларация союзникам с объяснением целей и 2. признание генералом Деникиным в лице адмирала Колчака Верховного правителя и Верховного главнокомандующего 30 мая (12 июня).

На следующий день разъезжающийся по домам Донской круг выпустил свою декларацию с главными пунктами о единой демократической России с государственным устройством по воле Учредительного собрания, о местной автономии, о передаче земли трудящимся и о признании донского крестьянства полномочным с обеспечением за ним права в экономическом и законодательном строительстве жизни.

Говоря об этих мероприятиях Круга, нам необходимо остановиться подробно на земельном вопросе. Проект «Земельного закона Все-великого войска Донского», выработанный комиссией Законодательных Предположений Войскового круга ко 2-й сессии его в 1919 году, устанавливал следующее: 1. Все частновладельческие земли подлежат принудительному отчуждению в земельный фонд войска Донского, включая и земли, принадлежащие Крестьянскому Поземельному банку. 2. Срок перехода этих земель в земельный фонд — 1 (14) сентября 1919 года. 3. Не подлежат принудительному отчуждению:

а) отрубные и хуторские участки и земли, укрепленные законами 14 июля 1910 года и 29 мая 1911 года, б) земли, купленные сельскими обществами и приобретенные товариществами через Крестьянский Поземельный банк, в) частновладельческие земли, не превышающие районного максимума (35—40—50 десятин) земли, могущей быть в руках одного лица, г) земли, принадлежащие городам, посадам и местечкам, д) усадьбы с постройками постоянного типа и прилегающие к ним огороды (с зачетом в земельный максимум, не подлежащий отчуждению), е) сады, независимо от их размеров (тоже с зачетом), ж) дачные места, застроенные и незастроенные, з) земли под мельницами, фабриками, заводами и другими постройками промышленного характера «в размере, необходимом для правильной работы промышленного предприятия» (по особому определению на каждый случай). Безвозмездно отчуждаются земли: а) вымежеванные раньше из общих войсковых земель и дошедшие до последних владельцев безвозмездно, б) монастырские, в) церковные, вымежеванные из войсковых земель, станичных или общинных, а также подаренные или завещанные, г) благотворительных, учебных и культурно-просветительных учреждений. Земли, доставшиеся владельцам покупкой, отчуждаются в земельный фонд с возмещением покупной цены, пошлин, уплат ипотечных долгов, бывших на земле в момент ее покупки. Оплачиваются все коренные улучшения, сделанные на всякой отчуждаемой земле после ее покупки последним владельцем (исключая колодцев и водопойных прудов); по особому соглашению с войском оплачиваются постройки или же сносятся владельцами. Отчуждаемые платно земли оплачиваются именными обязательствами войска Донского, которым присваивается доход в 8 процентов годовых, освобождаемый от обложений сбором. Обязательства выдаются на 10 лет и обеспечиваются всем земельным фондом войска Донского и всеми его средствами. Владельцам отчужденных бесплатно земель, не имеющих иных доходов и не могущим обеспечить себя личным заработком по своему возрасту, болезни или нахождению в учебных заведениях, выдаются пособия — старым до смерти, больным до выздоровления, несовершеннолетним до гражданского их совершеннолетия. При наделении отчужденной землею отдельных лиц и обществ право собственности на нее остается за войском, земля же эта предоставляется лишь в пользование и владение без права отчуждения и залога, причем наделению не подлежат те, малоземелье которых создано вследствие добровольного отчуждения ими своих земель. Предусматривается право наделения отдельных лиц землей в виде хуторского или отрубного участка на началах вечного и потом-

ственного ею пользования без права сдачи этой земли в аренду и с обратным переходом ее войску в случае прекращения ведения на ней собственного хозяйства.

Таким образом, из этого проекта закона, проведению в жизнь которого помешало занятие большевиками всей территории Дона, видно, что донское казачество откликнулось на земельную нужду «малоземельных Донских казаков и крестьян», решив отобрать излишек земли у лиц ее не обрабатывающих и передать в пользование трудящимся.

Говоря о деятельности Круга 4-го созыва, необходимо указать, что плодотворной его работой руководил известный донской политической деятель В.А. Харламов²⁹. В будущем Дон, безусловно, оценит эту энергичную казачью фигуру, мы же для характеристики его авторитета среди казаков можем отметить, что В.А. Харламов был членом всех русских государственных дум от Дона. Естественно, что парламентский опыт его весьма пригодился для работы в местном донском представительном учреждении.

Этот же Круг 17 (30) апреля принял текст благодарности английскому правительству за оказываемую помощь, вручив его главе английской миссии генералу Бриггсу, посетившему Круг, указавшему на помощь Англии и выразившему симпатии по адресу «единой России».

Обстановка весьма благоприятствовала широким операциям. Учитывая это, генерал Деникин отдает свой исторический приказ от 20 июня (3 июля) о дальнейшем наступлении всех армий, имея конечной целью занятие Москвы. Донская армия, по смене ее правого фланга Кавказской, должна была наступать на фронт Тамбов—Елец, причем, по опыту действий конных масс, донское командование решило сосредоточить конницу 1-го корпуса генерала Мамонтова (впоследствии эта конница была переформирована в 4-й Донской конный корпус³⁰, во главе которого стал генерал Мамонтов) в районе Урюпинская — Новохоперск для глубокого рейда в тыл противника. 3 (16) июля 4-му корпусу генерала Мамонтова была поставлена задача «прорвать фронт противника между Борисоглебском и Бобровом и, разрушив тылы красных, способствовать быстрейшему продвижению армии...».

Выдвижение корпуса состоялось в конце июля (середине августа), когда положение на правом фланге сильно осложнилось. К сожалению, утомленная Кавказская армия не только не сменила ослабленный выделением конной группы генерала Мамонтова правый фланг донцов, но ей не удалось уничтожить налетом уцелевшие части Приволжской группы противника. Воспользовавшись задержкой, противник усилил эту группу (8, 9, 10-я армии — общей численностью до 90 тысяч бойцов) за счет Сибирского фронта и в конце июля (середине августа)

та) переходит ею в наступление на всем фронте между Волгой и Хопром. Одновременно большевистская группа Селивачева повела наступление в общем направлении на Волчанск в разрез между Донской и Добровольческой армиями. В результате сильной растяжки фронта Юга России эта группа, перейдя линию железной дороги Куляновск—Волчанск, выходит во фланг добровольцам. Тем временем донское командование, ожидая успеха от конницы генерала Мамонтова, решив временно поступиться частными интересами и жертвуя северо-восточным углом Донской области, уже двинуло конницу Мамонтова на север.

В Приволжском районе, воспользовавшись прорывом между донцами и кавказцами, образовавшимся вследствие оттяжки 1-го Донского корпуса (в это время уже подчиненного командующему Кавказской армией) ближе к Волге и отходом 2-го Донского корпуса в район узла Поворино, противник обходит их фланги, вынуждая 1-й и 2-й корпуса к отходу за Дон и Хопер, и обрушивается на Кавказскую армию, тесня ее к Царицыну.

Тем временем угроза группы Селивачева ликвидируется активными действиями добровольцев, что дает одновременно возможность 3-му Донскому корпусу, действовавшему очень вяло, особенно его левым флангом, выдвинуться на фронт Богучар—Павловск — верховье реки Россошь.

Что касается конной группы генерала Мамонтова, то, прорвав с тяжелыми боями фронт противника, она двигается в его глубокий тыл, занимая 5 (18) августа Тамбов, 10 (23) Козлов и 15-го (28) Лебедянь. В это время генерал Мамонтов узнает о неудачах на стыке донцов и добровольцев и сворачивает обратно на помощь фронту. 18-го (31) он занимает Елец, 23 августа (5 сентября) одной колонной Грязи, а другой Касторное (западнее Воронежа), 29 августа (11 сентября) Воронеж и 5 (18) сентября соединяется с войсками фронта юго-западнее города Коротоояка, помогая дальше 3-му корпусу занять его и выдвинуться к Лискинскому узлу.

Не останавливаясь над захваченными корпусом трофеями, необходимо отметить в военном отношении роспуск громадного числа мобилизованных, разрушение ряда важнейших железнодорожных узлов и уничтожение громадного количества интендантских складов и складов орудий и снарядов. К сожалению, нужно признать ошибочным поворот корпуса на юг. Уже по всему ходу операций было видно, что появление нашей конницы в глубоком тылу противника произвело страшный переполох в Москве, но несколько не отразилось на фронте. Пожалуй, больше пользы принес бы рейд на Москву, вызвав бегство центральной власти и помощь населению в вооружении.

Судя по легкости выполнения рейда, можно считать вполне вероятным, что коннице удалось бы занять Москву, вопрос же удержания ее находился бы всецело в руках населения и готовности его к борьбе с большевиками. Опасности для конного отряда эта операция никакой не представляла, так как поймать его у советской власти было нечем и, кроме того, в случае угрозы наша конница легко могла в любом месте выйти на фронт и присоединиться к армии.

Непосредственным следствием этого рейда явилось: 1) выдвижение противником из Царицынского района лучшего своего конного корпуса Буденного в район Воронежа, очевидно, для борьбы с нашей конницей и 2) решение формировать крупные конные массы для подобных же операций.

Отрицательной стороной рейда было увлечение многих участников его грабежом. Объяснение, что частные лица и жители не подвергались грабежу, а разбирались только военные и коммунистические склады, причем жителей даже снабжали предметами, забираемыми из складов, не изменяет положения. Грабеж остается грабежом. Если большевики увлеклись этим «спортом» на Дону, то это обязывало противную сторону именно не повторять их ошибки, что дало бы, безусловно, отличные результаты. Попытка донского командования произвести осмотры у возвращавшихся из рейда частей не увенчалась успехом. Части сумели уклониться от осмотров.

Приблизительно с моментом возвращения конного корпуса из рейда совпадает блестящий успех 2-го Донского корпуса. В ряде боев с 24 августа (6 сентября) по 9 (22) сентября корпус не только останавливает наступление противника, переправившегося на правый берег Хопра, но отбрасывает его на левый берег, нанеся серьезные поражения и захватив 15 тысяч пленных, 11 орудий и 70 пулеметов. Однако новое наступление противника с 14 (27) сентября с угрозой обходом обоих флангов отрезать 2-й корпус от переправ через Дон вынуждает 2-й корпус отойти за Дон для перегруппировки.

Соединившись с фронтом, конный корпус генерала Мамонтова выполнил еще одну трудную задачу, порученную ему командованием. Переправившись 12 (25) сентября через Дон севернее Коротояка и пройдя по тылам Лискинской группы противника, конный корпус принудил его 23 сентября (6 октября) очистить Лискинский железнодорожный узел, подступ к которому с юга был совершенно невозможен. В эту же операцию конный корпус установил связь с конницей генерала Шкуро³¹, занявшей легко город Воронеж после первого занятия его донцами, и подготовил начало операции по очищению северной части Дона от противника.

Таким образом, за период борьбы с момента ухода за Донец и до конца сентября Донская армия проявила целый ряд тяжелых подвигов: 1. Прежде всего, она сдержала натиск противника на Донец в то время, когда казачеству грозило полное уничтожение. 2. В период стояния на Донеце совместно с Кавказской и Добровольческой армиями сломлен дух советской армии. 3. В период май—июнь ею очищена вся донская территория блестящими рейдами своих конных групп, поддержанных наступлением пехоты. 4. Смелым рейдом в глубокий тыл противника донцы пытались подготовить путь для успешного продвижения армий Юга России к Москве. Этот рейд был произведен в ущерб прямым интересам Дона, так как, воспользовавшись ослаблением правого фланга донцов, противник снова занял весь левый берег Дона. К сожалению, рейд этот не дал ожидаемых от него результатов. 5. Напряжение Дона исключительно бойцами видно из ниже приведенных данных:

10 (23) мая	15	тысяч бойцов	131 орудие	531 пулемет
16 (29) июня	40	тысяч	«	«
15 (28) июля	42,5	тысячи	« 177	« 753
1 (14) августа	30,25	тысячи	« 161	« 743
1 (14) сентября	39	тысяч	« 175	« 724
1 (14) октября	46	тысяч	« 192	« 939

Однако движению всех сил на север сильно мешала Приволжская группа противника, состоявшая из 8, 9, 10-й советских армий и заключающая в себе два лучших боевых корпуса конницы Буденного и Думенко.

Оценивая серьезную угрозу этой группы, донское командование обращалось неоднократно к главнокомандованию с просьбой прежде всего уничтожить эту группу и лишь после этого продолжать марш на север. Предлагалось сосредоточить всю массу конницы Юга России в Воронежском районе и ударом по тылам Приволжской группы в общем направлении на Балашев и далее, по обстановке, на Саратов или Камышин разбить ее. Эта операция сразу изменяла положение на всем Донском фронте и выводила его на всем протяжении за границу области, разрешая тем самым острый вопрос так называемой «пограничной болезни» казаков, неохотно удалявшихся от границ Дона.

Согласие не последовало, и Донской армии пришлось самой взять на себя операцию очищения северных областей Дона от противника, началом чего необходимо считать описанную выше Лискинскую операцию донской конницы и для проведения чего была объявлена новая

мобилизация, давшая до 20 тысяч человек. К этому времени у Приволжской группы противника был обнаружен сдвиг к северо-западу с сосредоточиванием крупных сил к Воронежу. К этому же времени относится и начало вспышек восстаний в тылу Добровольческой армии.

Говоря о наступлении летом 1919 года, нельзя обойти молчанием еще одного серьезного фактора, безусловно оказавшего влияние на развитие успеха операций и послужившего одной из главных причин катастрофы 1919—1920 годов на фронте Вооруженных сил Юга России. В Украину следом за наступающей армией двинулись воспрянувшие духом помещики. Они не только приступили к восстановлению своих «законных» прав, но даже начали мстить виновникам своего разорения.

Как только в штабе Донской армии были получены определенные данные по этому возмутительному делу, командованием немедленно было послано в штаб главнокомандующего подробное донесение с указанием фактических данных и с изложением мнения донского командования о необходимости принятия самых энергичных мер против этого зла. Одновременно в издававшейся при штабе армии газете «Вестник Донской Армии» был помещен ряд статей, имевших целью отрезвить тех, кто смотрел на грядущие события с точки зрения личных интересов. Приняты ли были какие меры главнокомандованием и какие — неизвестно. Однако видимых результатов мероприятий, если таковые были сделаны, наблюдать не удалось...

Продолжая удар из Лискинского района на северо-восток, 3-й и 4-й Донские корпуса встретили сильное сопротивление противника со стороны Боброва и Чесменки, что вызывает отдачу приказа об общем наступлении донцов, начавшемся 25 сентября (8 октября). К 15 (28) октября правый фланг донцов вновь выдвигается на Грязе-Царицынскую железную дорогу, а центр (2-й корпус) вновь очищает от противника правый берег Хопра.

В начале (конце) октября получены точные данные о намечающемся прорыве противника в Воронежском районе. К этому же времени относится ослабление донцов в этом районе на конную бригаду полковника Морозова³², двинутую, по требованию главнокомандования, для подавления восстаний в тылу Добровольческой армии. Для этой же цели направлена и одна из кавказских дивизий, предназначавшихся для усиления войск Курско-Воронежского района.

Действительно, в середине (конце) октября противник переходит по всему фронту в энергичное наступление, послужившее началом последнего акта описываемой борьбы и приведшее к отходу Вооруженных сил Юга России в Крым.

Катастрофа 1919—1920 годов на фронте Вооруженных сил Юга России и отход противобольшевистских войск в Крым

Октябрь 1919-го — март 1920 года

С середины (конца) октября положение на фронте Вооруженных сил Юга России сложилось весьма неблагоприятно для них: 1. Усилил свои армии подтянутыми пополнениями и целыми частями за счет Сибирского фронта, противник перешел в решительное наступление по всему фронту. 2. В тылу всей Добровольческой армии вспыхнуло восстание, оттянувшее часть сил фронта и безусловно оказавшее влияние на настроение войск фронта. 3. В войсках Юга, прошедших все лето в непрерывных тяжелых боях, испытывалось переутомление. 4. Слабость сил Юга и непомерное увеличение за лето фронта вызвало сильную растяжку частей при полном отсутствии резервов. 5. Полное неустройство тыла и хозяйничанье темных элементов, решивших использовать успехи армии в своих выгодах и восстановивших этим широкие народные массы против Вооруженных сил Юга России.

В частности, против 18 тысяч пехоты, 19 тысяч конницы и 200 орудий донцов советская армия насчитывала 49 800 пехоты, 17 800 конницы и 360 орудий. Это положение вызывает решение донского командования провести мысль о посадке большей части Донской армии на лошадей, для чего в начале (середине) ноября объявляется конская мобилизация и командование обращается с просьбой к главнокомандованию повлиять на Кубанское правительство о напряжении сил для помощи.

Вообще участие кубанцев в активной борьбе нужно признать недостаточным, принимая во внимание процентное отношение войск к численности населения. Каковы причины этой пассивности, это выяснят люди, ближе стоявшие к этому делу, но, без сомнения, халатности кубанцев много способствовало простое чувство шкурничества. Враг был еще далеко, и все утешались мыслью: «Авось до нас не дойдет». Кубанские политики винят во всем ненормально сложившиеся взаимоотношения с главнокомандованием, тем хуже для тех, кто в своей пропаганде опирался именно на этот аргумент, внося развал в части, бывшие на фронте, и увеличивая в них дезертирство.

Начатое противником наступление развивалось быстро, и к концу ноября (середине декабря) его войска уже стояли на северной части излучины Дона, а Воронежская ударная группа, занявшая еще 16 (29) октября Воронеж, уже была у железнодорожного узла Валуйки, угрожая правому флангу и тылу Добровольческой армии.

Сосредоточенная в Валуйском районе конная группа донцов и кавказцев, находившаяся под командой генерала Мамантова, не оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Силы этой группы определялись в 3500 донской конницы и около 1 тысячи кавказских казаков, и, кроме того, сюда же было придано 1350 стрелков. Командующий группой генерал Мамантов доносит об изморенности частей непрерывными боями и об их нестойкости; особенно были деморализованы и ослаблены, по его донесению, кубанские части.

Справедливость требует указать, что и 4-й Донской корпус, надломленный в моральном отношении рейдом в глубокий тыл противника, тоже был сильно расшатан. Громадное число рядовых бойцов и начальствующих лиц, устремившихся в тыл со своей «добычей», проявили полное нежелание возвращаться обратно. Этим только и объясняется такой малый боевой состав 4-го Донского конного корпуса.

27 ноября (10 декабря) вся конная группа генерала Мамантова приказом главнокомандующего была изъята из подчинения командующего Донской армией и передана в подчинение Добровольческой армии.

Это распоряжение вызывает телеграмму командующего Донской армией генерала Сидорина от 28 ноября (11 декабря) за № 10209/к, в которой, между прочим, говорится: «...В данное время Донская армия выделила для усиления Добрармии и на внутренний фронт в ее тылу до 6500 шашек и штыков, а всего, с уже находящимися в движении пополнениями, 8000 шашек и штыков, т. е. сняты по нашему масштабу значительные силы, что не может не отразиться на устойчивости Донского фронта, и я опасюсь, что при дальнейшем нажиме противника армия не будет в состоянии удержаться на берегах Дона»... Далее, ссылаясь на слабую численность кубанцев на фронте, командующий говорит: «Опасаясь самых печальных последствий в ближайшем будущем, прошу Вас уравнивать тяготу боевого напряжения всех областей Юга России, прежде всего казачьих войск».

Как видно, при этих условиях на активность со стороны Донской армии, и в частности ее конной группы, рассчитывать было трудно, тем не менее, зацепившиеся за рубеж Дона правофланговые и центральные части армии продолжали оказывать сопротивление, не допуская переправ противника на правый берег Дона.

Хуже сложилась обстановка на левом фланге. Воспользовавшись большим прорывом, образовавшимся между 3-м Донским корпусом и прижавшейся к Купянскому узлу конной группой генерала Мамантова, противник 3 (16) декабря занимает конницей на фланге и в тылу группы Старобельск и Сватово, что вместе с сильным натиском

с севера поставило конную группу в серьезное положение, и после тяжелых трехдневных боев она очистила Купянск.

Отрешение командующим Добровольческой армией генералом Врангелем генерала Мамантова от командования группой и назначение на его место одного из кубанских генералов вызывает протест генерала Мамантова. В своем донесении он указывает на то, что в состав его группы входит 4350 шашек и 2000 штыков донцов и всего 1700 бойцов-кавказцев, и говорит: «учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замещение, как командующего конной группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Донской армии и младшим меня по службе. На основании изложенного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4 Донского корпуса» (входившего в состав группы). Этот протест вызвал поддержку донского командования и Донского атамана, и в конце концов вопрос был разрешен обратной передачей 4-го Донского корпуса в Донскую армию. Конечно, и это положение не могло благоприятствовать делу, особенно в такое время.

Необходимо остановиться над одним ужасным злом, принесшим громадный вред делу, что особенно рельефно выяснилось в боях у Сватова. Здесь обнаружилось не поддающееся учету количество у войск обозов и поездных составов, находящихся в непосредственном ведении штабов, частей и технических групп. Пока армия шла вперед, все это терялось в глубоком тылу, но при быстром отходе вся эта масса не успевала откатываться от фронта и оказалась на пути войск. Весь этот ненужный хлам был вреден еще и в том отношении, что, нисколько не обслуживая нужд войск, он привлекал к себе толпы дезертиров. По отходе от Сватова, при расформировании генералом Мамантовым обозов 4-го конного корпуса, из одних этих обозов было извлечено до 4 тысяч бойцов, оставшихся без пристанища после уничтожения их «базы». И такие облавы генерал Мамантов делал не раз.

Переправа конного корпуса Думенко в конце ноября (середине декабря) через Дон на Богучарском направлении окончательно усложнила обстановку на Донском фронте, а оставление Добровольческой армией Харькова свидетельствовало о неблагополучии и там. Считаясь по опытам прошлого с возможностью задержки только на рубежах, донское командование отдает распоряжение подготовить к обороне рубеж Донца и объявляет дополнительную мобилизацию, но, к сожалению, ни одна из мер не была проведена в жизнь.

Что касается инженерной подготовки той или другой позиции, то долгий опыт Гражданской войны показал полную несостоятельность инженерного ведомства в полевой работе. Оно было способно к рабо-

те лишь в нормальных условиях войны, сейчас же оно не могло ни собрать рабочих, ни достать инструмента, а назначенные для руководства работами начальники участков больше оглядывались на свои тылы и заботились о заблаговременном отходе, а не о работе. Вообще из всех технических войск лишь донские летчики сумели вложить всю душу в работу на полуразрушенных аппаратах, принося особенно большую пользу во время восстания верхнедонцов. К сожалению, большим злом у них были так называемые поездные «базы», занимавшие громадное число вагонов и паровозов.

Больше вреда, чем пользы, принесли также и броневые автомобили. В то время как противник пользовался ими с большим умением, донские броневики, за ничтожным исключением, в самые нужные моменты всегда отказывались служить и объявляли о необходимости какого-либо ремонта. Не принесли пользы и танки, действовавшие так удачно в Добровольческой и Кавказской армиях. Очевидно, донское командование не сумело их заставить работать. Мало того, в самые критические минуты под Новочеркасском в декабре 1919 года танки попали в руки противника. Факт этот подлежит выяснению, так как спасшиеся члены экипажа танков жалуются на то, что их не поддерживали донские войска, а войска указывают на отказ танков работать.

Полную несостоятельность проявило и лицо, стоявшее во главе автомобильного дела: можно было постоянно видеть бесконечное число легковых и грузовых автомобилей, занятых работой в тылу, тогда как на фронте никогда автомобилей не было. Даже когда был поднят вопрос об организации автомобильных пулеметных батарей, то провести это в жизнь не удалось, так как тыл не пожелал отказаться от своих личных удобств. Между тем «базы» корпусных автоотрядов отличались такой же громоздкостью, как и «базы» авиапарков. Когда Донская армия отходила за Донец, то на Зверевский железнодорожный узел в числе громадного количества поездных составов прибыла «автобаза» одного из корпусов. Под ней был состав в 22 вагона, на фронте же корпуса не было ни одного автомобиля. Из технических учреждений необходимо отметить необыкновенно полезную деятельность и продуктивность работы технических поездов (инженера Калакуцкого и др.), с поразительной быстротой восстанавливавших все разрушения железнодорожных сооружений и, главное, мостов...

Вообще погубил армию тот самый тыл, который ею прикрывался. Всю войну он был весел, беспечен, кутил, веселился в те моменты, когда на фронте люди гибли за великое дело спасения Родины. И всю войну в тылу можно было видеть одних и тех же лиц, благоденствующих в дни побед армии и распространяющих панику в дни ее неудач.

О переполнении тыла можно судить по тому факту, что когда начальник штаба Донской армии генерал Кельчевский, назначенный на должность военного министра нового правительства Юга России, потребовал в январе 1920 года списки служащих отдела военного министерства, то оказалось, что их было свыше 1800 человек. Генералом Кельчевским была послана телеграмма своему заместителю о немедленном сокращении штата до минимума, причем сделана ссылка, что такой состав военного министерства превышает боевой состав любой дивизии.

Такой же излишней громоздкостью отличались и все «работающие на оборону», и тыловые учреждения, и «сам» войсковой штаб на Дону. В этих учреждениях зачастую можно было встретить лиц, никогда за всю свою жизнь не видевших фронта и прочно сохранявших свои позиции во время долгих лет. Не обидно бы было, если бы этот «опыт» шел на пользу делу, однако было как раз наоборот. Обросшие мохом бюрократы, служившие темпом мирного времени, занимались всем, чем угодно, но не отстаиванием интересов фронта. Заурядным явлением были постоянные тормозы в наградах фронту, тогда как награды тыловым деятелям проходили с невероятной скоростью. Это вызвало у фронта вполне понятную ненависть к штабным учреждениям.

Образцом деятельности этих учреждений может быть следующий характерный случай.

Надеясь на содействие одного из офицеров Генерального штаба Донской армии, один из знакомых его офицеров-фронтовиков просит продвинуть скорее его производство. Заручившийся согласием соответственной «инстанции» штаба, ходатай через два месяца узнает, что «представление куда-то завалилось».

— Что же делать? — вопрошает ходатай.

— А пусть вышлют дубликат, — отвечает «инстанция».

Дело сделано. Через месяц новая справка. Опять «представление» тщетно ищется в груди бумаг на столе, причем наводящий справку устанавливает чрезмерные надежды высшей «инстанции» отделения штаба на знания своих писарей, о всемогуществе которых вообще ходило много слухов. После неудачных поисков разговор заканчивается приблизительно следующей тирадой изведенного ходатая:

— Я не удивляюсь, что фронт так ненавидит штабы. При таком отношении к делу иначе быть не может. Если Вы позволите так делать со мной, офицером Генерального штаба армии, что же Вы тогда делаете с рядовым офицерством, которое даже не осмеливается войти в Ваше святое святых. Если Вы завтра к утру не найдете на-

градного листа, то я, доложив обо всем начальнику штаба, выдаваю этот лист у Вас...

Через час-полтора лист был найден.

К сожалению, среди тонувших в бездне тыла «работников на оборону» можно было видеть офицеров со значками Академии Генерального штаба, занятых работой, ничего общего не имеющей со службой Генерального штаба, а в каких-то комитетах и т. п. Один из таких деятелей в тяжелые декабрьские дни вызывал к аппарату начальника оперативного отделения, занятого оперативной работой, лишь для того, чтобы просить его доложить командующему армией приглашение на предстоящую в каком-то новочеркасском учреждении елку... Попытка командования выживать тыловых «дельцов» на фронт обычно заканчивалась неудачей: пользуясь связями, эти господа лишь переползали из одного тылового органа в другой. Да если бы они и попали на фронт, то принесли бы пользы мало.

Тыловым бичом являлись также органы снабжений. Стоявший во главе их на Дону перед катастрофой 1919—1920 годов талантливый и безупречно честный работник не в силах был бороться с тыловым коршуньем, налетавшим на все заготовки и распределявшим львиную долю, прежде чем заготовленное для армии попадало по назначению. В результате фронт был постоянно раздет, разут, особенно если принять во внимание скаредность казаков, всегда старавшихся не только явиться на фронт в самом оборванном обмундировании, но немедленно отправить домой то обмундирование, какое получалось. В результате в станицах, особенно на юге, можно было видеть одетыми в казенного образца обмундирование не только казаков, но и баб и детей, тогда как фронт был раздет.

Что касается войскового интендантства и войсковых обозов, то эти учреждения были буквально бесполезны. Доказательством, например, может служить, что интендантство и обозы 4-го конного корпуса генерала Мамантова, отставшие от него в момент отправления корпуса в рейд, так и не присоединились к корпусу до самого отхода на Кубань. Отставшие от частей обозы привлекали к себе уклоняющихся от фронта чинов, а при частях создавались новые обозы, грабившие и озлоблявшие население. Борьба с грабежом была очень трудна хотя бы потому, что казачество смотрело на него как на средство пополнить все то, что было «реквизировано», «национализировано» и т. п. большевиками при нашествии их на Дон.

Еще большим злом было железнодорожное дело. Исправление разрушений производилось, как сказано выше, с поразительной быстротой техническими поездами, наладить же эксплуатацию железной до-

роги начальники военных сообщений так и не могли. Вся их деятельность сводилась к переписке, тогда как ничего не знающие по этой специальности станционные коменданты заигрывали с мелкими железнодорожными агентами, стараясь добиться у них популярности, а все эти власти, плохо обеспеченные, брали на каждом шагу взятки, как брали и многие коменданты. Нужна была суровая расправа со всем этим болотом, тогда как верховная власть была чересчур гуманна.

Еще один кошмар — это медицинское ведомство. Допустим, что трудно было найти медикаменты и высший медицинский персонал, но не найти санитаров и сестер милосердия для больных — это совершенно непонятно. Образцом деятельности военно-медицинского ведомства может служить следующий возмутительный случай: по донесению военно-санитарного инспектора во второй половине января 1920 года, то есть когда Донская армия стояла по левому берегу Дона и Маныча, часть лечебных заведений оказалась расположенной на правом берегу Маныча. Составляя донесение в штаб армии, санитарный инспектор не только не знал, где у него фактически расположены госпитали, но даже не потрудился взглянуть на карту, чтобы хотя бы установить невозможность такого абсурдного случая, когда лечебные заведения оказались в тылу противника.

Еще один фактор, облегчавший большевикам борьбу, — это плохое отношение в штабных сферах «белых» офицеров к «красному» офицерству, особенно к «красному» Генеральному штабу, что служило помехой к переходу «красного» офицерства на сторону «белых». Уже во время осеннего отхода 1919 года из штаба главнокомандующего был разослан циркулярный запрос в штабы армий по этому поводу, в котором указывалось на существующую ненормальность и спрашивалось мнение командующих армией.

В ответе донского командования указывалось, что еще после объединения командования Вооруженными силами Юга России в начале 1919 года донским командованием по собственному почину уже было изложено свое мнение в особом донесении. Это мнение подтверждалось и теперь и в общем сводилось к следующему: офицеры, попавшие в «белую» армию, не должны смотреть на своих братьев, принужденных служить в советской армии, с точки зрения «непогрешимых судей». Считаясь с принудительной системой службы офицеров в советской России, с террором, с институтом заложников и с системой поруки, нужно смотреть на громадное большинство советских офицеров как на лиц, вынужденных к этой службе обстоятельствами. Этот взгляд требовал иного отношения к переходящим на нашу сторону офицерам, чем укоренившийся в глубоком тылу Вооруженных сил Юга

России, что вызывало бы более свободный переход «красного» офицерства на сторону «белых». Не говоря уже о том, что указанный запрос главнокомандования был запоздалым, он, собственно говоря, принес очень мало пользы, так как вышедшее весной 1920 года новое положение «с амнистиями» перешедшим «красным» офицерам мало чем меняло установившуюся систему «хождения по мукам» во время церемонии их «реабилитации».

В таких условиях, осложняемых еще воцарившейся распутицей, армия двинулась на юг к Донцу, причем последняя мобилизация не оправдала ожиданий, так как с приближением противника мобилизуемых неудержимо тянуло в тыл.

Директива к отходу на Донец была отдана 5 (18) декабря. Здесь командование предполагало задержаться, оправиться и потом повторить весеннюю операцию 1919 года, тем более что теперь наученное горьким опытом казачество уже не оставалось по домам, а отходило с армией.

К сожалению, большей частью командного состава, видимо, тоже был потерян дух. В середине (конце) декабря это определилось настолько ясно, что поступил ряд самых отчаянных донесений вплоть до советов о капитуляции, от чего, видимо, не прочь была и часть тыловых дельцов Новочеркаска. Командующий Донской армией генерал Сидорин отнесся к этому резко отрицательно, отлично понимая, что вопроса о капитуляции быть не может. Однако ему уже не удалось восстановить потерянного начальниками духа.

В это же время, а именно 20 декабря (2 января), выяснилось, что на Донце армия не удержится и ее левый фланг и центр быстро катились вместе с Добровольческой армией в общем направлении на Ростов, правый же фланг медленно отходил прямо на юг к Дону. Однако необходимо отметить мимолетный успех конного корпуса генерала Мамантова 15 (28) декабря — 20 декабря (2 января), разгромившего около двух пехотных дивизий противника, но перед его конницей корпус отходил без особых боев.

21 декабря (3 января) ослабленная Добровольческая армия³³ переименована в корпус с подчинением донскому командованию, намеревавшемуся дать последний отпор севернее Новочеркаска, чтобы не сдать противнику столицы Дона. Здесь конница генерала Мамантова тоже имела успех, разгромив две пехотные дивизии противника, но дальше у нее не хватило духа, и она начала беспорядочное отступление на юг. Причина этой неустойчивости весьма простая — казаки знали, что в тылу у них полузамерзший Дон с единственной в то время мостовой переправой у станицы Аксайской, и не могли продолжать борьбу, имея у себя в тылу такую преграду.

Вообще во время всего отступления за Дон как донские части, так и стоявшие во главе их начальники, быть может совершенно того не замечая, проявили полное нежелание встречаться с конницей противника в открытом бою. К счастью, кавалерийские начальники противника (Буденный и Думенко) либо не учитывали этого и не использовали для дешевого успеха, либо сами недостаточно верили в свои силы. Мы склонны считать с последним предположением. Доказательством, что это имеет известные основания, служат неудачи советской конницы на левом берегу Дона в начале 1920 года.

Донское командование, заметив эту ненормальность работы своей конницы, пыталось понудить ее к активности (вплоть до отрешения от командования высших начальствующих лиц и расследований), но ничего сделать не могло, так как конница не исполняла приказов об атаке конницы противника и неудержимо катилась на юг.

27 декабря (9 января) вся армия уже была на левом берегу Дона, переправившись через него с колоссальными затруднениями. Правый фланг армии (1-й Донской корпус) и Кубанская армия (бывшая Кавказская) несколько позже отошли за реку Маныч. Спасли положение лишь наступившие морозы, которые снова прекратились, как только закончилась переправа. Природа помогла своим сынам.

Отход за Дон и Маныч сразу изменил положение, дав армии серьезный рубеж. Настроение войск приподнялось, и численность их увеличилась вдвое, поднявшись с 22 тысяч бойцов начала (середины) декабря на 40 тысяч при 200 орудиях и 860 пулеметах к 1 (14) января, не считая еще Добровольческого корпуса. Объяснение тоже простое: лишившиеся домов на Родине дезертиры присоединились к своим частям. Однако можно с уверенностью сказать, что не меньше скрылось народа и в тылу, не считая громадного числа беженцев. Таким образом, Дон совершенно опустел — казачество боялось там оставаться.

Зато кубанцы и терцы неудержимо катились по домам. Развал в их частях шел полный. Дезертиры теперь находили себе оправдание в том, что они спешили в начавшую формироваться Кубанскую армию.

Задержка наступления противника, видимо решившего отпраздновать свои успехи в занятых Ростове и Новочеркасске, дала возможность донскому командованию к 5 (18) января сформировать на Ростовском направлении сильный конный резерв (4-й корпус и кавказцы). В этот день конница Буденного переправилась через Дон у станицы Аксайской, обозначив наступление в стык донцов и добровольцев.

Необходимо отметить, что все наступление противника к Дону было проведено исключительно двумя конными группами: группа Ду-

менко не свыше 5 тысяч, наступавшая восточнее железной дороги Воронеж—Новочеркасск, и группа Буденного до 15 тысяч западнее ее. Пехота же мало принимала участия и как только появлялась на фронте, то неукоснительно терпела неудачи.

Что касается конницы противника, то, будучи главным образом укомплектована донскими и кубанскими казаками, она не обладала какими-либо непобедимыми качествами, а имела успех лишь там, где у ее противника не хватало стойкости, или где у него был подорван дух, или же во время развала противника. Что это так, можно видеть из январских боев на Дону и Маныче, где отступавшие части донцов все время бьют еще так недавно гремевшую своими «успехами» конницу противника.

В боях 5 (18) — 8 (21) января концентрической атакой донцов, кавказцев и добровольцев нанесено сильное отражение переправившейся через Дон восточнее Ростова коннице Буденного и она отброшена за Дон.

После короткой передышки и перегруппировки оба конных корпуса противника возобновляют наступление уже в нижнем течении Маныча, но в боях 13 (26) — 16 (29) января 4-й Донской конный корпус бьет по частям 15-го (28) Думенко, а 16-го (29) Буденного, причем оба корпуса теряют всю артиллерию и все пулеметы и, неся большие потери, панически бегут за Дон. Сейчас во главе 4-го корпуса, вместо уехавшего в Екатеринодар на Верховный казачий круг генерала Мамантова, стоял известный кавалерийский генерал Павлов³⁴. Начальником штаба по-прежнему оставался молодой талантливый генерал Генерального штаба Калиновский³⁵. Он, в роли начальника штаба, сделал многое, как во время рейда конницы генерала Секретева к восставшим верхнедонцам в апреле 1919 года, так и во всей боевой работе 4-го конного корпуса с момента его формирования.

Кроме этих данных, мы можем привести следующий характерный случай, служащий доказательством, что конница противника несколько не считала себя непобедимой, а просто действовала, пользуясь удачно сложившейся обстановкой. Накануне отхода донцов в декабре 1919 года из Новочеркасска штабу конного корпуса Думенко удалось включиться в телефонную линию штаба 3-го Донского корпуса, стоявшего в Новочеркасске.

— Ну что, штаб корпуса, собираетесь уходить из Новочеркасска? — спрашивает штаб Думенки.

— Да нет, еще не думаем! — отвечает офицер Генерального штаба из штаба 3-го корпуса.

— Напрасно, напрасно — пора уже, а то дела-то ведь у вас неважны, — продолжает разговор штаб красных.

— Ничего, — возражает 3-й корпус, — вот подошли броневики, танки...

— Не помогут ни броневики, ни танки, если потерян дух, — перебивает голос из штаба Думенки, — весной, когда вы нас гнали, то и у нас все это было, однако мы драли так, что нельзя было сдержать. Нет, раз потерян дух, то ничего не выйдет — мы это знаем хорошо по собственному опыту...

Одновременно с 4-м Донским корпусом во всех этих операциях добровольцы неизменно бьют противника на Ростовском направлении, где он пытался форсировать Дон пехотой.

✓ Безусловной ошибкой донского командования было неиспользование этого успеха, хотя генерал Павлов предлагал перейти к преследованию противника. К сожалению, в Гражданскую войну командование всех степеней относилось весьма невнимательно к основным требованиям военного искусства, и особенно в вопросе преследования разбитого противника. Решено было активные операции приурочить к моменту сосредоточения кубанцев, намеченного в начале февраля.

Но кубанцы, как выяснилось позже, собирались плохо, и часть их, будучи восстановлена пропагандой против главнокомандования, начала собираться в особые группы «зеленых» и беспокоить тыл, вызвав оттяжку донских частей и других войск с фронта для противодействия.

Здесь необходимо несколько подробнее остановиться на политической обстановке, хотя надо заметить, что все важнейшие события происходили на почве осложнения взаимоотношений главнокомандования и Кубанского правительства.

Ввиду этого вполне точная картина может быть в этом отношении дана людьми, ближе стоявшими к делу. Нам необходимо только отметить, что по почину, кажется, Кубани, в декабре 1919 года родилась мысль о создании «Верховного казачьего круга» из представителей всех казачьих войск с целью захвата верховной власти, что, естественно, встретило противодействие со стороны добровольцев.

✓ 10 (23) января Верховный круг обменялся с генералом Деникиным телеграммами, а на следующий день на Круте от имени Донских атамана и правительства выступил председатель Донского правительства Мельников с советом не обострять отношений с Добровольческой армией и не искать новых союзников. Такого же взгляда держалось и донское командование, имевшее постоянную связь с некоторыми членами Круга по аппарату.

W Окончательное выяснение взаимоотношений произошло 12-го (25) в ставке у генерала Деникина, куда были приглашены представители

Верховного круга и атаманы казачьих войск. Было установлено: 1. Возможность и необходимость дальнейшей борьбы. 2. Необходимость выдвижения на фронт кубанцев. 3. Право существования казачьих армий при едином управлении верховного командования. 4. Необходимость наличия идеи единства России, так как «русское добровольчество и офицерство готово сложить свои головы за Россию, но за благополучие одного лишь казачества умирать не будет», что высказано добровольческими начальниками и командующими Донской и Кубанской армиями. 5. Добровольцы местной власти не подчинятся. 6. Горские народы Северного Кавказа власть Верховного круга не признают.

Так было резюмировано решение этого совещания генералом Деникиным в его декларации Верховному кругу. Проект ее накануне своего выступления генерал Деникин читал в штабе Донской армии ее командующему, начальнику штаба и временно и. д. генерал-квартирмейстера. Спросив их мнение, генерал Деникин сделал некоторые исправления, приняв, между прочим, в их редакции пункт о земельном вопросе. Вообще, несмотря на недоразумения, бывшие раньше, и на обострения в тылу, донское командование стояло открыто на стороне генерала Деникина.

16 (29) января генерал Деникин выступил на Верховном круге с декларацией, начинавшейся так: «В дни наших неудач все ищут причин, поколебавших фронт. Правые видят их в недостаточно твердом проведении своей программы, левые в реакционности правительства; одни в самостийных стремлениях, другие в нетерпимости к новым государственным образованиям, третьи в главном командовании. И все в грабежах и бесчинствах войск, даже те, кто толкал их на это, замечая недостаток патриотизма жаждой наживы. Теперь, когда все горит в огне политических страстей, трудно найти истину».

Далее генерал Деникин все-таки указывает, что дух был подорван и отступлением, и наживой, и безудержной пропагандой, подрывавшей авторитет командования и затемнявшей дело борьбы, и подчеркнул сильное дезертирство кавказцев, имевших в самый страшный для Кубани час на фронте всего лишь 8200 человек.

По вопросам тыловых событий главнокомандующий, между прочим, сказал: «Екатеринодар устранил Россию, создал казачье государство, формирует самостоятельную армию и готовится принять всю полноту власти военной и гражданской на юго-востоке. Одно только не приняли во внимание, что Добровольческая армия и главнокомандующий служат России, а не Верховному кругу. Тем не менее екатеринодарские речи сделали свое дело. На фронте явилась неуверенность в возможности продолжать при таких условиях борьбу».

Подчеркивая значение Единой России, генерал Деникин определил свое отношение к окраинам так: «1. Признано самостоятельное существование фактических окраинных правительств, ведущих борьбу с большевизмом. 2. Установление будущих отношений окраин России совершится путем договора общерусского правительства с окраинными. Это не нетерпимость, а соблюдение высших интересов русской державы».

✓ Далее, сославшись на постановление совещания 12 (25) января, генерал Деникин указал, что при отказе Верховного круга от организации общерусской власти и создании казачьего государства все добровольцы и офицеры, заполняющие технические части казачьих войск, уйдут.

Обрисовав картину развала и бедствий, генерал Деникин предложил примирение на следующих условиях: 1. Единая великая неделимая Россия. 2. Подчинение казачьих армий единому командованию. 3. Борьба с большевизмом до конца. 4. Автономия окраин и широкая автономия казачьих войск; широкое самоуправление губерний и областей. 5. Участие в общегосударственном правительстве представителей казачества. 6. Представительное учреждение законосовещательного характера. 7. Земля крестьянам и трудовому казачеству. 8. Широкое обеспечение профессиональных интересов рабочих. 9. Всеобщее Учредительное собрание, устанавливающее форму правления.

Лично о себе генерал Деникин сказал, что в борьбе за форму правления участвовать не будет, считая «одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в своей массе желает той или другой власти».

✓ Эта декларация и совещание 12 (25) января проливают свет на назревший конфликт. Не задаваясь целью исследовать его причины и разбирать виновность или невиновность одной из сторон, можно сказать, что донское командование, знавшее, что всегда силы Донской армии по их численности являлись главными силами Юга России, не претендовало на отделение армии с момента подчинения главнокомандованию, хотя и бывали осложнения, в которых донское командование отстаивало интересы Донской армии, однако не в ущерб общему делу.

Это отношение, видимо, оценивалось и главнокомандующим, у которого в тяжелые дни переживаний Юга России было самое оживленное общение с донским командованием, в лице которого генерал Деникин, очевидно, встречал поддержку. Иначе нельзя объяснить совещание генерала Деникина с донским командованием накануне выступления с декларацией и частые посещения Ставки донским командованием в лице командующего армией и начальника штаба.

С другой стороны, необходимо признать безусловно законные желания политических кругов казачества, составлявшего главные силы во-

оруженных борцов с большевизмом, иметь голос в общероссийском правительстве. Уступка главнокомандования в этом отношении и создание в начале (середине) февраля смешанного правительства, во главе которого был поставлен Донской атаман генерал Багаевский, удовлетворили наконец этому желанию. К сожалению, мера эта слишком опоздала.

Останавливаясь на больном вопросе «сепаратизма» или «самостийности» казачества, мы можем констатировать, что и широкие массы донских казаков были далеки от этого. Если считать, что нежелание донцов углубляться в Россию является признаком «сепаратизма», тогда можно с таким же основанием обвинять в «сепаратизме» любую русскую губернию, уезд, волость и деревню. Ведь русские народные массы, благодаря своей некультурности, в вопросе патриотизма не ушли дальше понятия своей собственной деревни, в которой сосредоточивались все интересы крестьянина. Сюда он устремился с фронта после неудач Европейской войны в надежде «авось до нашей деревни не дойдет», отсюда же он не хотел уходить во время революционной борьбы, опасаясь, как бы в его отсутствие он не был обижен своими односельчанами. Почему же тогда многие хотели видеть что-то иное в мыслях казачества? Почему донцов, страдавших «пограничной болезнью», пытались упрекать в «сепаратизме» даже после того, как Дон понес громадные жертвы и все лучшие силы его или погибли в неравной борьбе, или бежали с Родины от ужаса большевизма?!

Нет, не «сепаратизм» был помехой в вопросе движения донцов на спасение России. Рядовой казак думал так же, как всякий русский крестьянин, что лучше, милее его родного угла ничего нет и быть не может. Эта мысль весьма характерно выражена известным донским писателем Крюковым, приводящим («Донская Волна», № 16, стр. 5) простую и нескладную речь одного из станичников на Круге в период разговоров о движении донцов вперед. Вот выдержка из этой речи:

— Я коснуся одному г. члены: так как мы на той поприще стоим, штобы своо не отдать, а чужово нам не надо, то надо до тово добитьсья, штобы эти флажки (указывает на карту с обозначением фронта) назад не передвигались, но и в даль далеко дюже не пуцались... Россия?! Конешно, держава была порядошная, а ныне произошла в низость... Ну и пуцай!.. У нас и своих делов не мало собственных... Прямо сказать, г. члены, кто пропитан казачеством, тот своево не должен отдать дурно... А на счет России повременить. Пуцай круг идет к той намеченной цели, штобы спасти родной край — пригребай к своему берегу... Больше ничего не имею, господа члены...

Эта простонародная логика, безусловно, присуща всем русским народным массам, но в ней нет и намека на сепаратизм, под кото-

рый, конечно, не подведешь меткую и все говорящую мысль: «Пригребай к своему берегу». Можно ли упрекать этого простого оратора, что он так сильно любит свой Дон? Следует ли из этого, что он не любит России? Следует ли из этого, что он «сепаратист» или «самостийник»?!

Остановимся теперь на оценке донским командованием причин неудач. В приказе по армии от 17 (30) января за № 25 командующий армией говорит: «Доблестные войска Донской армии и Добровольческого корпуса! Когда преступный наш тыл совершенно разложился и наша администрация, погрязши во взяточничестве, позабыла закон и нужды населения, восстановила против армии народ занятой нами территории, когда противник, сосредоточив на фронте все силы, перешел в наступление, вы принуждены были начать отход».

Подчеркивая далее последние успехи армии, генерал Сидорин говорит:

— Не бывать прошлым ошибкам. Борьба за народ и для народа, за Россию и для России, за казачество и его свободу, — это ныне основы нашей борьбы и нашей работы. Единым фронтом пойдут казаки и добровольцы, сметут коммуны и тем положат начало миру между русских людей...

Возвратимся теперь к фронту. Разочаровавшись в помощи кубанцев, командование решает в конце января (начале февраля) начинать наступление на север имеющимися силами, но в это время получились сведения о сдвиге конного корпуса Буденного с низовья реки Маныча на восток против развалившегося фронта Кубанской армии на Тихорецкое направление. Это побуждает донское командование двинуть 1 (14) февраля главную массу 4-го Донского корпуса в юго-восточном направлении для уничтожения конницы противника. Одновременно начато наступление на Ростов—Новочеркасск, но уже только Добровольческим и 3-м Донским корпусами. Это решение было рискованно, так как вызывало рассредоточение сил, однако оборонительное положение на Ростовском направлении, после того как Дон замерз, тоже являлось небезопасным.

К несчастью, к этому времени установились морозы до 27 градусов, что погубило окончательно донскую конницу. В то время как обходная конная группа Буденного, двигаясь правым берегом реки Маныча и вдоль железной дороги Великокняжеская—Торговая, имела все время по пути следования громадные населенные пункты, где останавливалась на ночлег, казаки, двинувшиеся опустошенным еще в первое нашествие большевиков левым берегом Маныча, были совершенно лишены крова (до сих пор не ясно, почему 4-й конный корпус не пошел правым берегом

Маныча, где селения сохранились; возможно, что командир корпуса не рискнул слишком далеко отделяться от фронта армии). В результате к моменту выхода 5 (18) февраля к железнодорожному узлу Торговая из 12 тысяч бойцов в 4-м Донском конном корпусе осталось всего 5500, все остальное выбыло из строя, как обмороженное. Ослабла физическая сила корпуса, надорван был дух, и корпус не смог разбить ту самую конницу противника, которую он бил в январе. Донская армия лишилась своего главного резерва, которым так удачно маневрировала весь январь месяц.

Тем временем Добровольческий корпус с успешными боями переправился через Дон и, разбив против себя противника, занял к 8 (21) февраля Ростов и Нахичевань. 3-й Донской корпус тоже выдвинулся в направлении на Новочеркасск, но развить наступление не мог. В это время на правом фланге у него появился конный корпус Думенко, у казаков же конницы не было. Пришлось корпусу отходить. Сложившаяся обстановка побуждает 10 (23) февраля очистить Ростов и Нахичевань и вновь отойти за Дон.

После неудавшейся попытки перейти в наступление 12 (25) февраля конной группой против Буденного, командование решает сосредоточить против него всю конницу донцов, кавказских казаков и добровольцев. Тогда, воспользовавшись ослаблением фронта на Ростовском направлении, противник переходит в наступление с севера и делает прорыв на фронте 3-го Донского корпуса и в стыке донцов и добровольцев. Парировать прорывы было нечем, так как вся конница уже была на правом фланге донцов, почему 16 (29) февраля решено отвести войска на следующий рубеж — реку Кагальник. Но задержаться здесь уже не удалось. Войска потеряли окончательно дух и, не считаясь с отдававшимися приказами, все покатило на юг к рубежу Кубани. Уже сейчас командование увидело, что вряд ли удастся задержаться на этом рубеже. Всех тянуло на Новороссийск.

21 февраля (5 марта) армия была уже на линии ст. Новолешковская — река Челбас, 25 февраля (9 марта) — на линии река Бейсут, имея на правом фланге конную группу вдвое сильнее, чем конная группа противника, но не смогушую дать отпор ввиду потери духа. 4 (17) марта войска отошли на левый берег Кубани, где произошло вновь выделение Добровольческого корпуса из ведения донского командования. При переправе через Кубань повторилась та же картина, что и при переправе через Дон, — в распоряжении Донской армии оказалась единственная мостовая переправа у Екатеринодара, устроить же намеченные переправы через Кубань восточнее и западнее Екатеринодара к нужному моменту так и не удалось.

Еще в момент отхода к Кубани оперативная часть штаба Донской армии предусматривала возможность, что армия не удержится на Кубани. В докладе, сделанном по этому поводу 26 февраля (10 марта) во время стояния штаба армии в Тимашевской, указывалось на то, что отход всей армии на Новороссийск грозит большими осложнениями. Прежде всего предусматривалось отсутствие достаточного количества средств для переброски всей армии и громадного количества беженцев из Новороссийска в Крым. Далее указывалось на то, что широкие казачьи массы, разделенные от территории Дона морем и потерявшие весь конский состав, в Крыму могут совершенно утратить боеспособность.

Ввиду этих соображений предлагалось, поддерживая тесную связь с добровольцами, направление которых определилось ясно на Новороссийск, приложить все силы к отрезвлению кубанского казачества и, объявив о создавшемся положении всем бойцам, отходить в общем направлении на юго-восток на Майкопский отдел. Далее предполагалось использовать этот богатый район для отдыха армии, тем более что на этом направлении силы противника были ничтожны, и с наступлением весны перейти в наступление. В случае неудачи из Майкопского района имелось два пути отхода: в юго-восточном направлении через Пятигорск в Грузию (фланговый марш относительно слабой Ставропольской группы) и в крайнем случае в юго-западном — вдоль железной дороги на Туапсе, оттуда по побережью на Грузию или на судах в Крым. Принятие этого решения вызывало необходимость начать немедленные переговоры с Грузией, для которой, согласно докладу, уничтожение вооруженных сил казачества большевиками грозило наводнением большевиками самой Грузии. Одновременно указывалось на необходимость в создавшихся условиях штабу армии отказаться от передвижения по железной дороге в поезде, а перейти на передвижение лошадьми, держась ближе к войскам.

Начальником штаба армии этот проект был отклонен, причем было указано, что уже было решено с главнокомандованием об отходе армии, в случае необходимости, на Новороссийск, откуда предположена экспедиция по побережью на юго-восток. Одновременно намечалось движение кубанцев частью сил вдоль железной дороги Армавир—Туапсе. Части, вышедшие на побережье, будут вывозиться транспортом в Крым. В дополнение начальник штаба сообщил о начале переговоров с Грузией и о сделанных распоряжениях о закладке баз, как по железной дороге на Новороссийск, так и по железной дороге Армавир—Туапсе.

Положение отходящих армий особенно осложнилось в период 6—8 (19—21) марта, когда фронт Донской армии оказался прорванным

на Екатеринодарском направлении ничтожными силами противника, причем переутомленные и нервно настроенные войска не оказали должного сопротивления. К этому же времени правый фланг советских войск, видимо, усилился за счет части кубанцев, а в тылу армии нападение «зеленых», разоружение ими отдельных команд и ограбление обозов приняли регулярный характер.

Над этими двумя событиями необходимо остановиться. Большая часть Кубанской армии разбрелась по домам, где часть казаков пыталась умиловить большевиков «нейтралитетом» или даже притворно-дружественным отношением, а другая пополнила ряды фантазеров «зеленых», привлекавших казаков к себе обещанием окончания братоубийственной войны.

Первая группа кубанского казачества разочаровалась в своих надеждах весьма быстро, и уже в тот момент, когда большевики только что успели перешагнуть северную границу Кубани и показать свою власть, вспыхнул ряд восстаний в станицах северной части Кубани. Однако, как всегда, подобные разрозненные удары пользы не принесли, и часть кубанцев бежала на юг, присоединившись к отходящей армии, другую часть, видимо, большевики заставили выступить на своей стороне и остальные ушли в горы к «зеленым».

Что касается «зеленых», то в этот стан с самого начала зарождения этих банд еще в Воронежской губернии (май, июнь 1919 года) стекалось все то, что явно уклонялось от активной борьбы с той или другой стороны. Просто-напросто сначала «зеленые» укомплектовывались шкурниками и ничего серьезного собой не представляли. На Кубани «зеленые» были уже опасней. Проповедуя идею протеста против господства добровольцев и, главное, обещание мира, они сманивали к себе переутомленное войною казачество, а имея необходимость добывать средства к жизни (так как ютились они по лесам и горам), они грабили обозы, обезоруживая одновременно команды.

Донское командование решило попытаться вести переговоры с «зелеными», желая выяснить их позицию и найти пути примирения с ними. 6 (19) марта посланный к ним с полномочиями офицер прибыл в ст. Смоленскую (20 верст южнее Екатеринодара), где имел свидание с вожаками «зеленых» Пилюком и Савицким. Пилюк, сотник-кубанец, видимо, руководитель по военной части, а Савицкий, юрист, товарищ председателя Кубанской краевой рады и член Верховного казачьего круга, — руководитель политический. Оба вожака «зеленых» высказали свое мнение, что входящий в программу казачества пункт об Учредительном собрании невыполним, так как для этого казачеству нужно завоевать всю Россию и что Учредительное собрание либо будет собрано большевика-

ми, либо эсерами. Гражданская война проиграна, но что для казачества не все потеряно, так как большевики стремятся не обладать душой казачества, а его богатствами. В Екатеринодаре у Пилюка имеется организация, имеющая соглашение с ответственными представителями советской власти, которой заключено соглашение о признании советскою властью независимости казачьих земель, как условие заключения мира. Но для мира нужен фронт как реальная сила, почему одному из отрядов при отходе было приказано занять Екатеринодар, сохраняя по отношению к большевикам вооруженный нейтралитет. Оставшиеся в Екатеринодаре казачьи политические деятели должны вести переговоры о мире на вышеупомянутых условиях. Сами «зеленые» против всяких расправ, к донцам относятся сочувственно и воевать с ними не желают. Далее Пилюк указал на невозможность прохода донцов через горы по условиям природы, отсутствия продовольствия и отношения жителей, которые, несмотря на нейтралитет, будут продолжать партизанские действия. Пилюк объяснил непримиримые отношения «зеленых» к Добровольческой армии использованием генералом Деникиным казачества и непринятием им мира, предлагавшегося советскою властью (?). Подчеркнув непримиримое отношение «зеленых» к коммуне, оба руководителя высказали горячее сочувствие эсерам и подтвердили связь своей группы с советскою Россией. В общем, «зеленое» движение этим посещением охарактеризовалось как война против войны с выражением отвращения к расправе и крови, но все расчеты вожаков «зеленых», как подтвердилось позже, были совершенно фантастические, и привлеченные вожаками массы скоро испытали это на собственной шкуре.

Ничего это свидание не дало, и армия двинулась 8 (21) марта дальше на Новороссийск, причем главные силы конницы, отрезанные от железной дороги Екатеринодар—Новороссийск, двинулись на юго-восток. Позже они соединились с остатками Кубанской армии и вместе с ней вышли через Туапсе на Черноморское побережье, куда попали и части, лишенные возможности погрузиться на пароходы в Новороссийске. Встретив недружелюбное отношение грузин и отказ их пропустить через границу, часть казаков разбрелась по кавказским горам, часть проникла в Грузию помимо желания грузинских властей и часть была перевезена на пароходах в Крым в последней трети апреля (начала мая).

Что касается отхода остальных войск Донской армии, то он совершился в самых кошмарных условиях прямо на Новороссийск. Зародившийся у главнокомандования план отвести хотя бы часть армии на Таманский полуостров, к сожалению, не удалось осуществить. Выбросив в этом направлении конную группу, советское командование от-

резало путь отхода на Тамань. От ст. Крымская, где сходятся две железные дороги, вдоль которых отходили донцы и добровольцы, все двинулось к Новороссийску уже по одному направлению. Ввиду невылазной грязи по лесной дороге как войска, так и обозы двигались главным образом по железнодорожному полотну, задерживая и без того слабое движение поездов. Описать весь ужас этого движения трудно. Все железнодорожное полотно, обочины и прилегающие лесные тропинки были буквально забиты бесконечным морем всадников, пеших людей, повозок, на которых сидели мужчины, женщины, дети, лежали больные, трупы убитых и умерших. Можно было наблюдать душераздирающие сцены, как какая-либо истомленная тяжестью походов и первыми переживаниями женщина закостенелыми от холода руками держала останки близкого, дорогого ей существа, прижимаясь к застывшему трупу, как бы в ожидании от него помощи.

А вот тянется группа донских калмыков и калмычек в их цветных национальных костюмах. Прежде они шли громадными таборами с обозами и всем домашним скарбом. Мало-помалу волы, лошади и верблюды выбивались из сил и гибли в липкой грязи чернозема. А люди все шли и шли дальше в надежде найти спасение от ужасов большевизма... По прилегающим к железнодорожному полотну лесам, видимо выражая идею задуманного «зелеными» мира, колыхалась бесконечная паутина не то из телеграфных лент, не то из специально кем-то нарезанных полос бумаги. Ими были опутаны все деревья. Эти тонкие, неизвестно кем развешанные полоски бумаги так ярко выделялись на общем фоне земли и леса, невольно возбуждая горькую усмешку:

— Неужели же они являлись символом проповедуемого «зелеными» мира и если да, то неужели же сами изобретатели его не нашли иного способа для выражения своей мысли? Ведь эти легко колеблемые, узкие, длинные лоскутки бумаги только опутывали деревья, но первое прикосновение руки человека, первый сильный напор ветра — и все это рвалось на мелкие куски. Не было ли это для «зеленых» символом плохого мира?!

Хотя и в этих невероятных условиях войска в ряде стычек пытались еще временами сдержать натиск противника, но по всему было ясно, что все эти попытки ни к чему не приведут. Если войска теряли дух в то время, когда у них в тылу были такие незначительные преграды, как Дон и Кубань, то вполне понятно, что они испытывали при сознании, что у них в тылу море. Все спешили к этому рубежу в надежде скорее попасть на спасительные корабли. Если бы армия знала, что в этом отношении ее ждет ужас разочарования, то, конечно, она

не катилась бы с такой поспешностью к манившему многих лиц, плохо понимавших обстановку, Новороссийску.

Необходимо указать, что рядовое казачество, решив идти куда угодно, часто говорило о Грузии, Армении, Персии и Турции, но почти никогда не слышно было среди казаков разговоров о Крыме. Почему? Очевидно, казаки инстинктивно чувствовали, что, спасаясь в Крым, они должны были бросить лошадей. Ну а без лошади казак плохой воин — не даром до Европейской войны донцы имели лишь конные части.

✓ Зато большинство офицерства неудержимо тянуло на Новороссийск. А между тем прибывшая 12 (25) марта в Новороссийск в штаб главнокомандующего особая комиссия из штаба Донской армии (в составе инспектора артиллерии Донской армии генерала барона Майделя³⁶, начальника снабжений генерала Калиновского³⁷, начальника штаба 4-го Донского конного корпуса Генерального штаба генерала Калиновского и начальника оперативного отделения штаба Донской армии Генерального штаба полковника Добрынина) для выяснения и урегулирования вопроса о транспортных средствах для перевозки армии и беженцев установила, что все суда уже заняты тыловыми учреждениями и добровольческими частями и что надежд на полную перевозку донцов нет никаких. А между тем, кроме тех 38 500, частью расплывшихся к «зеленым» бойцов, которые состояли в боевой численности Донской армии по данным 1 (14) февраля, не меньше было народа при многочисленных обозах, не считая уже бесконечного числа беженцев. Точно выяснить численность подошедших к Черному морю донцов, принадлежащих к составу армии, и беженцев, подведенных ими лошадей, скота, привезенного уцелевшего имущества, невозможно. А кроме того, сколько рассеялось народа по ущельям и лесам северных предгорий Кавказа?! Чтобы усумнившаяся в зверствах большевиков Западная Европа могла хотя бы впоследствии понять весь ужас своей ошибки, Дон в будущем даст точные статистические данные, подтверждающие, что боровшееся с большевиками в авангарде Европы донское казачество в тяжелые дни потери своей Родины и отхода к Черному морю ушло с Дона не отдельными группами «буржуазии». Нет, ушло громадное большинство способного к работе и годного к тяжелому походу трудового казачества.

Генералом Деникиным выражена была комиссии готовность перебросить в Крым не только всю Донскую армию, но и всех беженцев с их имуществом, если донское командование гарантирует удержание Новороссийска в течение недели.

Стремление главнокомандующего спасти от верной гибели донское казачество, вложившее до сих пор сделанным для борьбы на-

пряжением самую большую лепту в дело борьбы с большевизмом, понятно. Однако что же могла ответить на это предложение генерала Деникина комиссия? Факты говорили сами за себя: разговор этот был 12 (25) марта, а уже 14 (27) марта Новороссийск эвакуировался полным ходом, причем громадное большинство не нашедших на пароходе мест донских казаков двинулось по Черноморскому побережью на юго-восток, лелея тщетные надежды на спасение в Грузии. К сожалению, необходимо отметить, что для Донской армии не было отведено своевременно особых пароходов, предназначенных в специальное ее распоряжение для эвакуации, и эвакуировались лишь те, кому посчастливилось. Это оставило горький осадок в душе донского казачества. ✓

Мы не будем останавливаться над всеми ужасами этой эвакуации и над описанием картин захвата стоявших в Новороссийской гавани кораблей. Мы не хотим упрекать кого-либо в этом, мы констатируем простые факты и предоставляем во всем этом разобраться беспристрастным историкам. Однако мы считаем необходимым указать, что во время эвакуации Новороссийска в числе войск, обеспечивавших Крым с севера, в составе войск генерала Слащева на Крымском перешейке была и Донская бригада полковника Морозова, отправленная донским командованием еще в октябре 1919 года для подавления восстаний в тылу Добровольческой армии. ✕

О. Ротова³⁸

ВОСПОМИНАНИЯ³⁹

Когда произошла революция, я имела возможность близко узнать донских казаков, зная о них до этого лишь понаслышке. Увидела я их в Петрограде при подавлении ими восстания красных против Временного правительства. Тогда весь Петроград говорил о казаках как о единственно возможных спасителях нашей несчастной России. От своего лазарета я присутствовала на похоронах павших казаков, произведших на меня неизгладимое впечатление. Я видела родных павших, приехавших с Дона, шедших за гробами и ведших боевых коней павших казаков. Увидела я и стройные казачьи сотни со своими офицерами, провожавшие своих убитых станичников. Как они не были похожи на распустившихся до скотства солдат Петрограда! Меня до слез тогда поразило безмолвное величие в своем горе родственников павших.

Так вот каковы казаки, думала я! И это когда «керенщина» разложила нашу Родину до предела! Казаки глубоко запали мне в сердце.

Помню, как отец мой, возвратившись с Московского совещания, куда был командирован от Академии наук, рассказывал, какое глубокое впечатление произвело на него выступление генерала Каледина. На фоне собравшейся там «говорильни» Керенского, пышных фраз, хвастовства, соперничества в речах ораторов не по сути дела, мы наконец услышали голос русского патриота-казака, немного отрезвившего болтунов. Каледин, выступив от имени всех казачьих войск, дал яркое и полное представление о состоянии нашего Отечества, идущего к полному краху. Сжато, как деловой человек, умный и знающий, что он хочет и что надо для спасения России, он предложил проект, выработанный представителями всех казачьих войск. По словам отца, спасение можно было ждать от Каледина и казаков. Поразило и возмутило нас, когда узнали, что «паяц» Керенский отрешил генерала Каледина от должности атамана и приказал ему явиться в Петроград. И как радовались мы, услышав, что «с Дону выдачи нет», как тогда говорили в нашей среде. Но еще более всех возмутило, когда прошли слухи, что Керенский мобилизовал три военных округа против Каледина и Дона — впоследствии кадры красных в борьбе против Белого движения.

С приходом к власти большевиков братья мои решили пробираться на Дон. Отпустили и меня родители, так как оставаться мне было более чем опасно, — банды красноармейцев стали врывать в квартиры не только для обыска и грабежа, но и насиловали девушек и молодых женщин, увозили их на потеху своим «товарищам», и потом они исчезали. Братья мои успели проскочить на Дон, а я и моя гувернантка-англичанка, смотревшая за мной с пеленок, застряли в городе Балашове. Границу с Доном красные закрыли, там шли бои. Положение мое было плачевным — почти без денег и без знакомых в чужом городе.

В Балашове стоял штаб какой-то формировавшейся части красных, состоявший почти весь из бывших офицеров царской армии. Как я позже узнала, многие поступали туда, чтобы потом перейти к казакам. Видимо, поэтому здесь и не было таких бесчинств, как в Петрограде. Случайно я встретила находившегося в Балашове и застрявшего, как и я, знакомого моих родителей и от него узнала о подпольной организации белых, помогавшей бежать на Дон и скрываться здесь. Он посоветовал мне устроиться сестрой милосердия в городской больнице, где доктор П., опытный старый хирург, кое-кого принял, будучи сам противником большевиков. Я пошла туда, и доктор П. меня ласково принял. Здесь работая, я узнала, что Дон захватили красные, расправившись с казаками. Местные партийцы ликовали, а мы в душе носили

траур. Неожиданно я получила инфекцию ноги, и мне нужно было ее ампутировать. Я отказалась, предпочитая умереть. Сам доктор П. решил меня лечить, предупредив, что надежды не было почти никакой, но что он попробует впервые свой метод лечения. Он меня вылечил, но я пережила адские муки. К весне я стала поправляться и узнала радостную весть, передававшуюся под строгим секретом: восстал Дон, освободили Новочеркасск, там идут жестокие бои, казаки поднялись поголовно, нещадно расправляясь с бандами красных. Красные здесь это скрывали. Однако начались аресты и расстрелы по подозрению, доносам и за распространение слухов об успешном восстании казаков, длившиеся вплоть до занятия казаками Балашова. Все жили в постоянном страхе. Еще накануне красные заправились объявили, что рабоче-крестьянская армия подавила попытку восстания казаков и все в порядке. В один из дней в больнице стали говорить втихомолку, что главные партийцы скрылись, не поставив в известность мелкую сошку. Утром другого дня я увидела из окна госпиталя бегущих и снующих туда-сюда в панике чекистов и советских служащих, неожиданно разбежавшихся и скрывавшихся, как крысы.

Раздались выстрелы, очень немногие, и я увидела несколько конных, кто в форме, а кто и по-домашнему, но у всех на фуражках, шапках и папах были белые ленточки. Это был разъезд казаков, а вслед за ним вступила и пехота. Вступил не то полк, не то дружина Кочетовская, как тогда называли. Город ликовал, люди высыпали на улицы, приветствуя освободителей от гнетущего кошмара последних дней. Казаки пока не производили арестов и обысков, и красные сатрапы, не успевшие бежать, стали перекрашиваться в белый цвет. В городском саду узнали жестокого чекиста, одевшегося офицером и спокойно там прогуливавшегося. Нашлись люди, сообщившие в штаб казаков, и его арестовали.

На другой день я пошла в штаб отряда с желанием поступить сестрой милосердия, предъявила документы, рассказала о себе, и меня ласково и любезно приняли. Я вступила в славный Кочетовский полк, с которым провела всю Гражданскую войну, сжившись с ним и его полюбив. Этот полк и сроднил меня с казаками.

Состав полка был из пожилых казаков, молодежи почти не было. К нам, сестрам, относились по-отечески, жалели и заботились о нас, как о дочерях. Нас было тогда три сестры, и они, видя, как мы, постоянно рискуя жизнью, шли за цепями, перевязывая раненых, старались нам всячески услужить. Называли нас «сестрица Олечка, Анечка» и т. д. Полк был большого состава, дружный и крепкий. При мне последовательно командовали полком два командира. Последний, командовавший значи-

тельно дольше, особенно ярко мне запомнился. Его жена, очень обаятельная женщина, при нашем отходе через Донскую область присоединилась к полку, отступая с нами на Кубань. За Екатеринодаром муж ее заболел сыпным тифом и волей-неволей должен был остаться, где его и жену приютили кубанцы. Он мне передал пакет различных важных бумаг с просьбой их сохранить, надеясь рано или поздно со мной встретиться. До 1943 года я их возила с собой, но в Берлине при бомбежке сгорели все вещи, сгорел и этот пакет. О судьбе полковника и его жены я никогда ничего не узнала, хотя долгое время их разыскивала.

Это был полковник Цыганков, кадровый царский офицер, полный благородства, чести и храбрости. Он пользовался большим авторитетом и уважением среди казаков, ценивших его. Был строг, но справедлив, заботился о казаках. Отношение казаков к своим офицерам было, я бы сказала, по-семейному, — все одной станицы и хуторов. Однако боевая дисциплина была образцовой. Полк всегда пополнялся своими станичниками. Сколько и каких боев было у полка, упомянуть трудно. Были наступления, отступления, и я всегда восхищалась полковой спайкой и видела, что было это исключительно потому, что все друг друга знали: кумовья, сваты и т. д. Здесь не могло быть дезертиров и укрывавшихся, так как не только фронтовые казаки, но и в станице, особенно казачки, ревностно следили за этим. Разговор у них был прост...

«Наши там сражаются, а ты что здесь околачиваешься? Вылечился и езжай обратно, где наши сыны и мужья. Там не засидишься», — рассказывали казаки.

На фоне всех батальных эпизодов есть некоторые, которые навсегда запечатлелись у меня в памяти, и я до сих пор с дрожью их вспоминаю. Однажды на участке нашего полка красные сильными цепями повели энергичное наступление. Мы не выдержали и стали отходить. Раненые, кто мог, шли сами, а остальных, перевязанных и неперевязанных, несли казаки. Цепи наши, отступая, отстреливались, кое-как сдерживая красных, увеличивавших свой натиск. С трудом, обессилив, дошли мы до глубокой балки со своими ранеными и стали. Наши продолжали отстреливаться, но видно было, что это продлится недолго. Слишком много было красных, и шли они напористо. Я думала, что тут нам приходит конец. Но видимо, нашим командованием все было предусмотрено: неожиданно из балки появилась наша конница. Широкой лавой, молча вынеслась она, проскочив наши отступавшие цепи, и я увидела, как блеснули клинки шашек казаков, и раздалось громкое «Ура!». Все это для меня было так неожиданно, что я, как парализованная, остановилась на месте, смотря широко открытыми глазами на мчавшуюся карьером нашу конницу. Остановились и наши

цепи, медленно повернув обратно. Раздалось, как мне показалось, несколько залпов, и все стихло. Невольно я закрыла глаза, а когда их открыла, то увидела бегущих в беспорядке назад красных, которых, как мне казалось, безмолвно рубили наши казаки. Я видела, как сверкали клинки над головами красных и они падали. Издалека — было, наверное, более версты — вся эта картина представлялась экраном немого фильма батальных сцен. Я даже не могу передать того ощущения, пережитого тогда мной. Был какой-то экстаз. Нервное напряжение дошло до предела. Я радовалась нашей победе, что-то оживленно говорила с глазами, увлажненными слезами. Убивали, рубили людей, но почему такой нервно-радостный подъем?! Тут у меня все смешалось: радость победы и спасения. Видимо, реакция человека, пережившего свою верную гибель. Эта конная атака, виденная мною так близко, осталась в памяти жуткой, незабываемой.

Затянулась война с переменным успехом для нас. В одном из наступлений нашего полка, когда мы попали под сильный ружейный и пулеметный огонь, я, следуя, как всегда, за цепями и перевязывая раненых, была ранена сама. Ранение не было тяжелым, но вывело меня из строя. Ехать мне было некуда, чтобы после выздоровления можно было бы немного передохнуть, и я осталась при полковом обозе. Меня лечил наш полковой врач, и я скоро поправилась. За это ранение при наступлении и за другие бои я получила Георгиевский крест IV степени.

Наступили холода, усилился тиф, казаки были к зиме плохо одеты. Ударили морозы. Морозы и тиф сильно ослабили Донскую армию. Устали казаки в непрерывных боях, дух был подорван, и донцы стали отступать. Поход вообще и на Москву не удался. Донские полки сильно таяли. К чести нашего полка, он стойко держался численно и духом. Казаки нашего полка были непримиримы к красным и с болью в сердце видели, как Дон вновь захватывают большевики. Ободряли себя тем, что неуспех был временным. Так постепенно докатились мы до Маныча. Здесь я получила тяжелое для меня известие: мой брат Павел, гвардейский артиллерист, состоя в донских частях, при отступлении был тяжело ранен и, как мне рассказывали, не желая попасть в руки красных, застрелился. Горе мое было неутешно. Зная, что другой мой брат Сергей, гвардейский сапер, тоже в донской пехоте, я за него очень беспокоилась. Что с ним, жив ли он, убит ли?

Здесь на Маныче в хуторе Леонове, называли его Княже-Леонов, я сама едва не погибла, попав с лазаретом в плен к красным. После очередного и длительного перехода при отступлении наш лазарет остановился в хуторе Кн. Леонове, а полк был направлен занять какой-то участок. Красные, как и мы, замотанные постоянными пере-

ходами, активности не проявляли, остановившись в каком-то хуторе довольно далеко от нас. Небольшая охрана лазарета из подбитых и больных казаков расположилась на окраине хутора, откуда можно было ожидать появления красных. Казалось, что нам ничего не угрожало. Мы, сестры, занялись своими ранеными и собой. Но неожиданно появились красные со стороны, откуда их не ждали, и врасплох, без выстрела, захватили всех нас. Кое-кто все же успел спастись. Нас, трех сестер, собрали в одну избу под охраной двух красных. Конечно, не обошлось без издевательств над нами. Ставили нас к стенке, наводя на нас винтовки, приказывали поднять руки, инсценируя расстрел. Однако нас не били и не насиловали, но дали нам понять, что расстреляют, ожидают лишь приказания. Что мы пережили, описать трудно. Мы были в каком-то оцепении — оцепенении, совершенно безвольными и ко всему безразличными. Сидеть нам не позволяли, и мы стояли у стены. Сколько времени это длилось, не знаю, мы потеряли счет времени. Вдруг мы услышали ружейные и пулеметные выстрелы в самом хуторе. Через окно были видны бегущие в панике красные. Наш караул бросился к двери и выскочил, не взглянув на нас. Стрельба быстро смолкла, а мы в своем оцепенении продолжали стоять у стены, словно прикованные. Распахнулась дверь, кто-то ворвался в избу, и я услышала: «Сестрица Олечка и все они здесь!» Это оказались казаки нашего полка. Успевшие спастись уведомили полковника Цыганкова, что лазарет захватили красные, не больше полуроты, чувствовавшие себя неуверенно, как им показалось. Полковник Цыганков немедленно отрядил две сотни, и казаки, уставшие от переходов, почти бегом под командой самого полковника Цыганкова бросились освобождать лазарет. К счастью, полк стоял недалеко от нас, верстах в шести.

Покидая хутор Леонов, со мной на подводе ехали вахмистр и старший урядник. Они рассказали, как произошло наше освобождение. По их словам, казаки, узнав о нашем пленении, решили во что бы то ни стало спешить на выручку «наших сестриц». Получив приказание командира полка, они через несколько минут уже выступили и шли «почти на рысях». «Мы, сестричка Олечка, почитай, почти два года с вами и видели, сколько сестры потрудились для раненых. Разве могли мы оставить вас в такой беде?» Эти слова были для меня лучшей наградой за мою работу в полку. Другая награда, которую я получила раньше: меня казаки приписали к своей станице, чем я очень гордилась.

Не пришлось нам идти назад освобождать Дон, как думали казаки нашего полка. Мы стали быстро отходить по Кубани. Войну здесь мы проиграли. Я видела, сколько конных и пеших казаков отходили без

всякого руководства, были их большие десятки тысяч. Это была огромная военная сила твердых антикоммунистов, которую если бы собрать и организовать, то можно было бы не только остановить, но и разбить красных, которые сами выдохлись и слабо нас преследовали.

Где был наш пресловутый командующий Донской армией генерал Сидорин? Где были наши донские «министры», много говорившие, но ничего не сделавшие? В полку как офицеры, так и казаки говорили, что они на подлости были весьма способны и активны, сваливая генералов Краснова, Денисова и Полякова⁴⁰, а на другое оказались не только никчемными, но злостными разрушителями.

До Новороссийска добрались и там собрались, чтобы потом пополнить ряды красных. Казаков на пароходы не грузили. Осталось это на совести тех, кто этим заведовал. Что было там, уже давно известно и описано. Спасибо, нашлись люди, взявшие меня и несколько моих раненых казаков, и довели до Евпатории. Полк мой, славный Кочетовский полк, перестал существовать. Напишет ли о нем кто-либо?

М. Бугураев⁴¹

БРОНЕПОЕЗДА ДОНСКОЙ АРМИИ⁴²

В составе Донской армии в 1918 году была Донская железнодорожная бригада (генерал-майор Н.И. Кондырин⁴³), состоявшая из четырех дивизионов. Каждый дивизион — из трех броневых боевых поездов и одного ремонтного поезда.

Бронепоезда состояли нормально из двух бронеплощадок с двумя трехдюймовыми орудиями и четырнадцатью тяжелыми пулеметами Максима. Экипаж броневое поезда насчитывал 9 офицеров и 100 нижних чинов, половина из которых были донские казаки. Командирами в большинстве случаев были офицеры донской артиллерии, на правах командиров батарей. Бронепоезда носили названия:

1-й дивизион: «Атаман Каледин», «Гундоровец», по два орудия, «Князь Суворов» — четыре орудия;

2-й дивизион: «Раздорец», «Митякинец», по два орудия, «Илья Муромец» — четыре орудия;

3-й дивизион, командир дивизиона войсковой старшина И.И. Бабкин: «Партизан полковник Чернецов», — подъяесаул Сергей Амплиевич Ретивов (убит), капитан Киянец, «Казак Землянухин», — штабс-капитан Попов, «Генерал Бакланов», — сотник К.Н. Фетисов;

4-й дивизион: «Донской баян», «Ермак», «Иван Кольцо».

Два отдельных бронепоезда: «Атаман Орлов», — войсковой старшина Л.А. Стефанов (убит); «Атаман Назаров», — подьесаул Н.Д. Скандилов.

Эта бригада принимала участие в боях на линиях железной дороги Лихая—Царицын, Лихая—Лиски, Лихая—Купянск и Звереве—Штеровка. Кроме этих бронепоездов, на Северном фронте, на участке Бобров—Таловая—Поворино—Михайловка имелось три отдельных бронепоезда, действовавшие самостоятельно: 1 — «Бузулук», — есаул П.А. Федоров, 2 — «Хопер», — подьесаул Н.С. Аврамов, 3 — отбитый у красных отрядом генерала Гусельщикова, — командир бронепоезда капитан Н.И. Лобыня-Быковский.

В 1919 году Донская бронепоездная бригада была разделена на два полка. Командирами полков были полковник Рубанов⁴⁴ и полковник Лященко. Дивизионы были упразднены. Каждый полк состоял из семи бронепоездов и одного ремонтного поезда. В каждый полк входил, кроме того, дивизион из двух специальных бронепоездов тяжелой артиллерии (шестидюймовые пушки «кане»), по два орудия в поезде.

В боях за город Луганск, в апреле 1919 года нам, 8-й Донской казачьей конной дивизии⁴⁵, помогали орудия «кане», установленные на площадках. Названия их я, к сожалению, не помню, но я обратил внимание на то, что эти площадки имели прочные упоры. Не знаю, были ли эти упоры на всех площадках с шестидюймовыми пушками «кане» или только на тех двух, что были при нас. Эти упоры были устроены так: на всех четырех углах площадки на подвижных шарнирах были куски рельс такой длины, что, когда их откидывали к земле, концы рельс касались земли, но, чтобы рельсы были перпендикулярны площадке (и земле), нужно было бока площадки (поочередно) немного поднять, для чего имелись специальные домкраты. Вся эта процедура происходила очень быстро. И когда концы рельс касались и упирались в землю, то, отпустив домкраты, тяжестью орудия концы рельс вдавливались в землю. Таким образом, сила удара при выстреле из орудия отдавалась (и распределялась) не только на одни колеса, но и на рельсовые упоры.

И. Сагацкий⁴⁶

БОЙ ПОД СТАНЦИЕЙ ДОЛЖАНСКАЯ⁴⁷

2-я сотня партизанского отряда генерала Семилетова⁴⁸ спешно формировалась в начале января 1918 года в опустевшем здании Донского кадетского корпуса. После первых боев под Ростовом и последовавшего

за ними призыва есаула Чернецова⁴⁹, на который сразу откликнулась учащаяся молодежь Новочеркаска, и кадеты в первую очередь, корпус был закрыт.

Не успев, по разным причинам, попасть к Чернецову, наша группа, несколько кадет и гимназистов, решила ехать на фронт со второй сотней Семилетова. Заручившись согласием офицеров сотни принять нас, мы, в день отправки отряда на фронт, ушли тайком из дому и явились к командиру сотни есаулу Бокову. Нас записали в один взвод, выдали нам винтовки, патроны и приказали не расходиться.

Сотня пестрела разнообразием одежд: казенного обмундирования не было, и поэтому все выходило на фронт в том, в чем явились для записи в отряд. В составе сотни были офицеры, одиночные юнкера и даже кое-кто из старых казаков, но главная масса партизан состояла из учащейся молодежи, рвавшейся в бой с большевиками.

Во время раздачи оружия произошел несчастный случай. Он произвел очень тяжелое впечатление на окружающих. Один из офицеров отряда объяснял нашему кадету Каменову, как надо обращаться с японской винтовкой. Каменов стоял против него и, вытянув шею над дулом винтовки, следил за его объяснениями. Офицер кончил и нажал на спуск. Грянул выстрел: офицер забыл вынуть оставшийся в винтовке патрон. Каменов, убитый наповал, свалился к ногам офицера. Тот бросился к кровати, где лежал его наган, и хотел немедленно застрелиться, но его вовремя схватили и отобрали у него револьвер. Офицер долго бился на постели и рыдал, потом затих и остоленел.

Через несколько часов сотня выступила походным порядком на вокзал. Была морозная темная ночь. Гражданская война уже охватывала город своими ужасами. Только кое-где жизнь напоминала о себе через щели неплотно закрытых ставень. Город казался вымершим, и, когда сотня, выйдя на Московскую, запела «Смело мы в бой пойдём»... улицы ответили ей гробовым молчанием. Маленький вокзал Новочеркаска был забит толпой военных, в шинелях и полушубках. Всюду было грязно, холодно и беспорядочно. В ожидании погрузки сотня разместилась в одной из зал.

Вдруг на станции началось оживление: со стороны Зверева подходил поезд. Громокая и тяжело выпускающая пары, он остановился у перрона. «Чернецовцы с фронта... раненые и убитые...» — пронеслось в толпе. Действительно, на одной из платформ поезда из-под брезента, замеченного снегом, виднелись чьи-то сапоги, отброшенная в сторону рука... Легко раненные выходили сами. Среди них и конвоиров мы узнавали наших кадет. Их лица были суровы и озабочены. «Ранен... убит... остался на фронте», — слышались их короткие ответы на рас-

спросы о друзьях. Потом начали проносить тяжело раненных. Большинство их оказалось тоже кадетами нашего корпуса. Некоторых, за недостатком носилок, несли на растянутых одеялах или шинелях.

Наконец подали состав. Сотня уже собиралась грузиться, как что-то загорелось на паровозе. Партизаны бросились к нему, и пожар был вскоре благополучно остановлен. В ту же ночь поезд тронулся в направлении на Зверевево.

На следующее утро поезд пришел на маленькую станцию Гуково, одиноко стоявшую в открытой и безлюдной степи. Здесь сразу бросились в глаза свежие следы недавнего боя: Гуково накануне было взято ночным налетом Чернецова и на станции произошел короткий, но жестокий рукопашный бой. Большевики оказались захваченными врасплох в вагонах, и чернецовцы в эту ночь были беспощадны. На обледенелом снегу всюду виднелись побуревшие пятна крови, валялись гильзы и патроны, а сейчас же за станционной постройкой в нескольких местах лежали рядами трупы красных. Среди них нерешительно бродили полуодичавшие собаки и одинокие свиньи с запачканными кровью рылами. Один из убитых — латышский стрелок — глядел серыми глазами в небо. Между бровей чернело небольшое отверстие, а по переносице и щеке, к углу рта, стекла и застыла тоненькая струйка крови.

На рассвете следующего дня Усачев, мой однокашник по корпусу, потянул меня за рукав и таинственно прошептал на ухо: «Пойдем скорее». Я молча последовал за ним. Невдалеке от станции, за большой скирдой сена, стояло отделение юнкеров Донского военного училища. Перед юнкерами держались спиной к скирде какой-то рыжий парень и три человека в обтрепанной австрийской форме. Командующий отделением юнкеров обратился к венграм и предложил им повернуться спиной. Два унтер-офицера повернулись по-военному лицом к сену, третий же, оказавшийся поручиком, ответил матерной руганью и замахнулся в ярости рукою на юнкера. Тот вовремя отпрыгнул в сторону и крикнул: «Отделение, пли...» Раздался короткий залп...

Эти трое венгров были захвачены юнкерами случайно: во время боя с Чернецовым они, перераненные, пользуясь темнотою ночи, успели зарыться в скирду сена. Немного погодя на станцию Гуково пришел разъезд юнкеров. Ища убежища от ледяного ветра, он расположился за этой скирдой. Одна из лошадей, пощипывая сено, наткнулась на ноги забравшегося туда венгра и захрапела; раненый же застонал от боли. Встревоженные юнкера моментально отыскивали спрятавшихся и вытащили их из скирды. Все трое оказались инструкторами Красной армии, а таковых с самого начала Гражданской войны не щадили.

Ночью наш взвод при одном пулемете погрузился на паровоз и вышел на разведку в сторону Должанской. Темнота была полная. Над степью крутила сильная метель. Паровоз, с потушенными огнями, продвигался очень тихо, боясь наскочить на взорванный путь. Все были начеку и с напряжением вглядывались вперед, где все сливалось в однообразный черный хаос. Так паровоз добрался до соседней станции. Она тоже оказалась пустой.

Партизаны, сменяясь, простояли всю ночь в сторожевом охранении. В рожице около станции показалось еще темнее. Под ветром жутко цокали сосульки на ветвях и зловеще, на разные голоса, скрипели стволы деревьев. Мороз заметно крепчал. Глубокой ночью паровоз со взводом тронулся обратно на Гуково.

Еще до рассвета наш длинный эшелон с двумя трехдюймовыми пушками впереди, установленными на открытых пультмановских платформах, отошел от Гукова на Должанскую. По полученным сведениям, Должанская была занята большевиками-шахтерами Донецкого бассейна и шедшими с ними латышами и бывшими военнопленными из австрийской армии. Таким образом, бой казался неизбежным. Для молодой 2-й сотни семилетовцев он являлся первым боевым крещением, как и для большинства юных добровольцев-партизан.

Начинало сереть. Метель немного улеглась. Со всех сторон простиралась однообразно-ровная пелена глубокого снега. В вагонах шли негромкие разговоры. Говорили о чем угодно, кроме предстоящего боя, но именно поэтому чувствовалось, что все напряжены и что все думают только об этом бое.

Рассвело совсем. Поезд вдруг начал замедлять ход и потом остановился. Вдоль вагонов шел офицер и вызывал охотников в дозоры. Несколько партизан прыгнуло к нему на насыпь. Офицер объяснил им задачу, и они, рассыпаясь в обе стороны от пути, пошли вперед. Отпустив их на полверсты, поезд медленно проследовал за ними.

Не прошло и четверти часа, как от дозоров донесся выстрел. Мы увидели, что дозоры сворачиваются и поспешно отходят назад. Впереди зазвучали другие выстрелы, и над эшелоном понеслись одиночные пули.

Впереди, верстах в полутора от поезда, местность слегка поднималась и скрывала происходящее вдали. Там же железнодорожный путь, проходя между двумя небольшими холмами, круто поворачивал налево. Мы, несомненно, вошли в боевое соприкосновение с большевиками, и они были где-то там, за этим поворотом дороги.

Вьюга поднималась снова. Пули летели чаще. Огонь красных усиливался. Сотня спешно выстроилась на насыпи и потом повзводно, рассыпаясь на ходу, стала вытягиваться влево от железнодорожного

пути. Вдоль него тянулись непрерывной вереницей щиты от снежных заносов. Сугробы снега доходили до их верхушек и местами образовывали сплошные перекаты. Ближе к повороту начинался с той же стороны пути редкий перелесок.

Партизаны перелезли через щиты и, выйдя в степь, пошли одной широкой цепью к противнику. Большевики заметили наше движение и еще усилили огонь. Подойдя к перегибу местности, цепь залегла, и начался бой по всей линии фронта. В грохоте стрельбы не стало слышно ни команд, ни криков партизан. Рядом со мной лежал Усачев. Он уже побывал в боях под Ростовом.

Большевики стреляли точно и не жалели патронов: пули буквально засыпали нашу цепь. Слух улавливал разные звуки: тонкие, певучие, коротко свистящие, как шмель. Некоторые пули вздымали облачки снега, смешанного с землей, и это сопровождалось чем-то вроде небольшого взрыва. Усачев объяснил: «Они стреляют из разных винтовок. Гудят пули Гра, а взрывы — от австрийских дум-дум». Огонь стал настолько силен, что поднять голову было уже трудно. Цепь казалась пригвожденной к земле.

Немного влево работал один из наших пулеметов. Прислуга его состояла из гимназистов Петровской гимназии. Вскоре после начала боя там оказался убитым наповал Беляевский. Вслед за ним были перебиты все остальные номера. В конце концов случайно влетевшая в ствол пуля заклинила пулемет и вывела его окончательно из строя.

Есаул Боков держался около нас. В светло-коричневой кожаной тужурке, в брюках с лампасами и с карабином в руках он спокойно ходил вдоль цепи, наблюдая за боем. Подойдя к месту, где мы лежали, он закричал: «Четыре человека с правого фланга... Перейти через щиты к железнодорожному полотну, в прикрытие к пулемету»... и Боков указал невдалеке маленький бугор, у поворота дороги. На нем звучно строчил юнкерский пулемет.

Два гимназиста, старый казак-калмык и я четвертый бросились к щитам. Добраться до них по глубокому снегу, под сильнейшим огнем, было нелегко, но еще труднее оказалось перелезть через них в шинели и с оружием в руках. Обледеневшие, с острыми концами, они были в человеческий рост. Щиты настолько занесло снегом, что пришлось руками разгребать к ним проход. Под тяжестью тела они нагибались и выскользывали из рук. Большевики увидели нас и повели беглый огонь по щитам. После долгих усилий мы все же справились с ними и очутились с другой стороны в длинном пустом коридоре, образовавшемся между щитами и бугром. Мы отдышались там и привели себя в порядок.

Казак-калмык быстро покинул нас и поднялся на вершину холмика. Оттуда он принялся рассматривать даль, не обращая внимания на свистевшие пули. Когда я, в свою очередь, поднялся наверх, калмык улыбнулся мне: «Только что сбил одного... так и грохнулся...» — «Где же большевики?» — «Да вот, совсем недалеко... Может быть, шагов восемьсот... То лежат, то подходят поодиночке».

Я вглядывался вперед, но ничего, кроме ровной пелены снега, разобратить не мог. Юнкерский «максим» работал рядом почти без перерывов. Через головы размеренно неслись снаряды из обеих наших пушек и глухо рвали где-то у большевиков.

Степь продолжало заметать снегом. Мороз безжалостно пронизывал до костей. Сзади по коридору к нам подполз человек с нарисованными на шинели погонами поручика. Он был из команды связи. Поручик передал, что большевиков очень много, что наша сотня несет большие потери и из-за убийственного огня не может сдвинуться со своей невыгодной позиции. Выкурив папиросу, поручик пополз обратно.

Бой шел с неослабевающим напряжением. Свыкшись с первыми впечатлениями и страхами, мы теперь по очереди поднимались на бугор, расстреливали оттуда, по указанию калмыка, обойму, потом возвращались вниз в свою дыру. У нас уже слышались шутки, и как-то совсем незаметно мы просто забыли о происходившем рядом с нами, потеряв всякое понятие о времени. К действительности вернулся нас тот же офицер-телефонист. Его лицо было перепугано, и он очень торопился. Не добежав до нашей ниши, поручик закричал:

— Вы с ума сошли! Отходите скорее назад. Рядом больше никого нет... Офицерский отряд уже отошел на правом фланге, наша сотня тоже начала отход...

Когда мы выскочили из норы, юнкерского пулемета на прежнем месте уже не было. С ним же, видимо, ушел и казак-калмык. Со стороны, где недавно лежала наша цепь, не слышалось больше ни одного выстрела. Вдали виднелись фигурки семилетовцев, отходивших к дымившему верстах в двух поезду...

Стало сразу жутко: попасть в плен к большевикам, какой ужас. Мы бросились бежать, но снег был по колени, и пришлось быстро перейти на шаг. Потом мелькнула другая страшная мысль: «А вдруг нас бросят? Подождет ли нас поезд?» Мы с тревогой смотрели туда, где намечались белые дымки паровоза. Моментами чудилось, что поезд действительно уходит назад.

Мы шли вдоль перелеска, подбадривая друг друга, как вдруг Петя Попов заметил лежавшего на снегу между деревьев человека. Услышав

наши голоса, человек поднял голову и с ужасом посмотрел на нас. Только тогда мы рассмотрели на его плечах офицерские погоны.

Второй гимназист спросил меня:

— Берем его...

Но офицер, не поняв этих слов и, видимо, приняв нас за подхваченных большевиков, потянулся к расстегнутой кобуре за наганом. Мы закричали: «Свои» и бросились к нему, но офицер поднялся на руках и пополз в перелесок, оставляя за собой на снегу две широких кровавых полосы.

— Петька, бери наган, — бросил я Попову, прижав офицера к земле.

Тот застонал от боли и закричал:

— Уходите сами. Дайте мне возможность застрелиться... У меня перебиты обе ноги...

Но мы вырвали у него наган.

— Господин сотник, берите нас за шеи... Скорее. Бог даст, вынесем... Будем сменяться... — И мы силой потащили его.

Офицер сначала отбивался, умолял бросить его и вернуть ему револьвер. Ноги его волочились по снегу, и он страдал от боли, но раздумывать или обращать на это внимание было некогда: каждая упущенная минута могла стоить всем жизни.

Мы несли сотника, часто сменяясь, тяжелым шагом, забыв о несшихся в спину пулях. Мысль была сосредоточена только на поезде. Казалось, что мы никогда не дойдем до него. Ни справа, ни слева, ни позади никого из наших не было видно, и большевики вот-вот должны были появиться из-за поворота железной дороги.

Все же расстояние до поезда стало как будто сокращаться. Мы шли теперь открыто, прямо по полотну. Большевики откуда-то заметили нашу группу, и пули понеслись на нас густым роем, но страх быть брошенными придавал мужества и сил. Уже оставалось не более полуверсты до поезда. «Лишь бы заметили нас», — сказал с надеждой Попов. Офицер затих и, напрягая последние силы, держался за наши шеи. И радость — нас заметили с поезда. Оттуда махали руками, торопя нас.

Пули свистели теперь с трех сторон: большевики обходили оба фланга и стремились сомкнуть кольцо вокруг поезда. Я помню, как в тумане, как мы дошли, как сразу стало легко, когда раненого офицера подхватили подбежавшие партизаны и как я, с трудом поднявшись на площадку товарного вагона, свалился, потеряв на несколько минут сознание.

Я пришел в себя, когда Боков высылал из вагонов партизан отстреливаться от наседавших большевиков. Из-за телеграфного столба, от-

куда я стрелял, можно было отчетливо разглядеть на снегу подходившую цепь красных. Несмотря на наш огонь, большевики продолжали приближаться к поезду. Становилось тревожно. «Почему не уходим? Может быть, паровоз не в порядке?» Пули щелкали по рельсам, по насыпи, пробивали вагоны. Раздалась команда:

— По вагонам! — и немного спустя: — Отставить! Продолжать стрельбу!

В это время мы заметили вдали выходившего из перелеска человека. Он очень медленно направлялся к поезду. Разобрать издали, кто это такой, было невозможно. Боков колебался: он смотрел то на этого человека, то на подходивших большевиков и, видимо, прикидывал время. Потом он решительно крикнул: «Усилить огонь!»

«Успеет ли дойти?» — приходила мысль. Потом сразу узнали его: это был гимназист Каргальский. Он приближался, медленно ступая, без винтовки, шинели и папахи. Черные кудрявые волосы, запорошенные метелью, трепал ветер. Лицо его было мертвенно-бледно, глаза закрыты, руки приложены к груди. Гимнастерка была распахнута до пояса, и вся грудь залита огромной паутиной разбрызганной крови. К нему побежали навстречу, подхватили его и успели передать сестре милосердия. Это был последний вышедший живым из боя партизан 2-й сотни. Погрузив Каргальского, Боков, наконец, крикнул:

— По вагонам!

Еще несколько томительных минут, и поезд, быстро набирая ход, стал отходить на юг. Большевики кричали издали, угрожающе махали руками и продолжали стрелять по эшелону.

2-я сотня Семилетовского отряда в своем первом и неудачном бою под Должанской понесла тяжелые потери. Ни одного из убитых вынести ей не удалось, были брошены и некоторые раненые. Их участь была, конечно, ужасна.

Среди вынесенных раненых оказался мой друг — Усачев, простреленный в цепи в обе лопатки, несколько минут спустя, после того как я перешел в прикрытие, к пулемету. Вынесли и тяжело раненного разрывной пулей в плечо красавца гардемарина Александра Попова⁵⁰, бывшего вахмистра нашего корпуса. (Несколько недель спустя был зверски добит большевиками в Новочеркасске.)

Силы большевиков под Должанской, как говорили об этом позже, во много раз превосходили наши. Большевики были осведомлены о наших намерениях захватить Должанскую и ожидали нас, заранее выбрав и пристреляв рубежи. Настоящий бой был начат ими лишь тогда, когда Семилетовский отряд очутился на намеченной большевиками линии. Этим объяснялись наши тяжелые потери под Должанской.

Вынесенный же офицер оказался сотником Зарубиным. Много позже, когда кадеты, после окончательного освобождения Новочеркаска, собрались в корпусе, я узнал, что в одном из младших классов учился его брат. Сотник Зарубин, оправившийся от ранений, как-то приехал днем в корпус с целью лично поблагодарить неизвестного ему по фамилии кадета, вынесшего его из боя под Должанской. Дежурный офицер оповестил об этом сотню, но я был очень застенчив и не назвал себя.

Немного погодя мы выходили на прогулку. В вестибюле я сразу узнал его, но мне стало неловко, что сотник может узнать меня. Поэтому, проходя мимо, я особенно отчетливо отдал ему честь. Зарубин внимательно посмотрел на меня, но не остановил. Несколько месяцев спустя он был убит, если не ошибаюсь, на Воронежском фронте.

И. Поляков⁵¹

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ⁵²

...В томительном ожидании чего-то нового, охваченный чувством страха, смешанного с любопытством, город будто замер. Улицы опустели. Кое-где на перекрестках группировались подозрительного вида типы, нагло осматривавшие редких одиночных прохожих и пускавшие вслед им замечания уличного лексикона.

Наступал момент торжества черни. Временами раздавались редкие одиночные выстрелы, а где-то вдали грохотали пушки. То забытые герои-партизаны, не предупрежденные об оставлении Новочеркаска, боем пробивали себе дорогу на юг. О них не вспомнили. В суматохе забыли снять и большинство городских караулов, каковые, ничего не подозревая, оставались на своих местах вплоть до прихода большевиков. Такая нераспорядительность донского командования подорвала к нему доверие, и многие партизанские отряды не пожелали влиться в Донской отряд, предводительствуемый Походным атаманом генералом Поповым, а присоединились к Добровольческой армии. В числе ушедших с добровольцами находился и сподвижник Чернецова поручик Курочкин⁵³, а также Краснянский⁵⁴, Власов⁵⁵, Р. Лазарев⁵⁶; ушел с добровольцами и генерал Богаевский.

В 5 часов вечера, пройдя часть города, я свернул с Почтовой на Хомутовскую улицу, намереваясь выйти к кладбищу, откуда взять направление на хутор Мишкин, затем на станицу Аксайскую и далее на Ольгинскую. Не доходя до окраины города, я встретил прохожего, по

виду рабочего, который, поравнявшись, бросил мне на ходу фразу: «Не спеши, товарищ, наши идут с этой стороны». Не совсем поняв его, однако не вступая с ним в разговор, я ускорил шаг, но не прошел и двухсот шагов, как между кладбищем и Ботаническим садом стал ясно различать маячивших отдельных всадников, державших направление на город. Было совершенно невероятно, чтобы здесь оказались наши партизаны, идущие к тому же в город, скорее это могли быть только красные. Итак, следовательно, единственное бывшее, по-моему, свободным юго-западное направление было уже отрезано. Со всех остальных сторон, я знал, Новочеркасск был окружен противником...

Не зная, куда приткнуться, где преклонить голову, я, терзаемый мрачными мыслями и томимый чувством жуткого одиночества, повернул обратно и машинально побрел в противоположную сторону, где когда-то жил мой дальний родственник...

А в это время город перешел во власть «Северного революционного казачьего отряда» под начальством Голубова. Голубов — донской казак по происхождению. Окончил Донской кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Служил в донской артиллерии, а затем ушел в Томский университет, где считался крайних правых убеждений. В дни войны вернулся на службу. Неглупый, лично храбрый, алкоголик, с большими наклонностями к авантюризму, он с началом революции, видимо, задался целью стать «красным донским атаманом» и с неутомимой настойчивостью начал проводить в жизнь свой замысел. Не стесняясь в средствах, он добивается популярности и влияния среди части казачества, склонного к усвоению большевизма, а в дни Каледина составляет из них «революционную ватагу» и с нею ведет борьбу против Донского правительства. Как известно, борьба кончилась самоубийством атамана Каледина и падением Новочеркасска. Но мечта Голубова не осуществилась. Атаманом он не стал. Звезда Голубова стала закатываться. Большевистские главари потеряли в него веру. Голубов заметался и начал сдавать позиции. Последняя его попытка поднять казаков против пришлого элемента (им же приведенного), захватившего власть в области, закончилась убийством Голубова в станице Заплавской казаком Пухляковым. Так окончилась мятежная жизнь красного донского главковерха.

Войсковой круг, во главе с председателем и атаманом, в 4 часа дня молился в соборе о спасении города и казачества от надвигавшейся опасности, а после молитвы вернулся в здание для продолжения своего заседания.

С ватагой казаков Голубов ворвался в помещение, где заседал Круг, приказал всем встать и спросил: «Что за собрание?» Затем, подбе-

жав к атаману, продолжавшему сидеть, он грубо закричал: «Кто ты такой?» — «Я выборный атаман, — спокойно ответил генерал Назаров. — А вы кто такой?» — спросил он у Голубова. «Я революционный атаман — товарищ Голубов». Затем, сорвав с атамана погоны, Голубов приказал казакам отвести генерала Назарова и председателя Круга на гауптвахту. Многие представители парламента, пользуясь суматохой, быстро скрылись, переоделись и растворились в толпе. Небывалую силу духа, мужество и красивое благородство проявил в этот момент, рассказывали мне, генерал Назаров, оставшись сидеть один, когда все члены Круга послушно встали по команде Голубова (в предсмертном письме жене генерал Назаров, между прочим, писал: «...смешнее всего было зрелище 100—200 человек Круга (Верховной власти), вытянувшихся в струнку перед Бонапартом 20-го века»). Испуганно и беспомощно озирались казаки-старики. Когда же кто-то из них спросил: «А как же нам быть?» — «Нам не до вас, убирайтесь к черту», — закричал Голубов.

Так закончил свою жизнь Донской парламент. Какие мотивы побуждали Донского атамана остаться в Новочеркасске и обречь себя на гибель и почему, имея полную возможность покинуть город, он этого не сделал, остается и поныне неразгаданным. Некоторый свет на это проливает генерал Лукомский⁵⁷, указывая в своих «Воспоминаниях», что в ночь на 12 февраля он последний раз говорил по телефону с генералом Назаровым.

«Он (Назаров) мне сказал, что он решил вместе с Войсковым Кругом не уезжать из Новочеркаска, что, оставаясь, он этим спасет город от разграбления. Я ему советовал ехать в армию ген. Корнилова, сказал, что, оставаясь в Новочеркасске, он обрекает себя на напрасную гибель. Ген. Назаров мне ответил, что большевики не посмеют тронуть выборного Атамана и Войсковой Круг, что, по его сведениям, первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам донские казаки под начальством Голубова, что этот Голубов, хотя и мерзавец, убивший Чернецова, но его, Назарова, не тронет, так как он за него как-то заступился и освободил из тюрьмы... Мои уговоры были напрасны, ген. Назаров еще раз сказал, что он убежден, что его не посмеют тронуть, а затем добавил, что если он ошибается и погибнет, то погибнет так, как завещал покойный Атаман Каледин, сказавший, что выборный Атаман не смеет покидать своего поста».

Возможно, что было так, как утверждает генерал Лукомский, но поражает уверенность генерала Назарова, что большевики не посмеют его тронуть и что, оставшись, он этим спасет город от разграбления. Факты и действительность того времени говорили совершенно

обратное, и, кроме того, по крайней мере раньше, у генерала Назарова такой уверенности не было. Ведь настаивая на военном совещании в ночь на 12 февраля на необходимости дать большевикам последний решительный бой, атаман Назаров тем самым показывал, что с большевиками другим языком, кроме языка пушек и пулеметов, говорить нельзя и никакая сентиментальность с ними недопустима.

Правильнее предположить, что на генерала Назарова в последний момент повлияло постановление оставаться в городе Круга, питавшего еще, я думаю, смутную надежду на благоприятный исход своей делегации, посланной к большевикам для переговоров. Но, как и нужно было ожидать, пока делегация вела переговоры, большевики заняли город и начали жестокую расправу с мирным населением. Надо думать, что именно это решение Круга, морально связав Донского атамана, обрекло его на бесцельную жертву.

В значительной степени повинно и донское командование, не сумевшее отступление из города провести планомерно и систематически и допустившее беспорядочное бегство. Бежать из столицы атаману и Кругу — позорно, но во временном отступлении ничего постыдного нет. Произойди отход не так внезапно и сколько-нибудь организованно, а не так, как на самом деле было, и прояви Походный атаман генерал Попов немного решительности и настойчивости, — нет сомнения, что и Донской атаман, и Круг легко отказались бы от своего необоснованного решения и ушли бы в Задонье.

Еще более туманен вопрос с вывозом из Новочеркаска довольно значительного золотого запаса государственного казначейства. В течение утра 12 февраля вопрос этот поднимался несколько раз, происходили длительные переговоры по телефону штаба с Донским атаманом, готовились уже подводы для погрузки золота, назначался конвой, затем вдруг все отменялось, чтобы через некоторый срок начаться снова.

В общем — колебались, и в конечном итоге часть золота досталась большевикам. В «Донской Летописи» Ис. Быкадоров⁵⁸ старается оправдать такое решение, указывая, что золотой запас был государственным достоянием, а не донским, что с вывозом его в Донской отряд, отступавший в степи, терялась бы моральная ценность самого похода, а сверх того — наличие в отряде золота составляло бы приманку и вызвало бы у большевиков настойчивость и энергию в преследовании. С этим можно было бы согласиться, если бы, во-первых, входившие в Новочеркасск большевики являлись законными представителями российской общепризнанной власти, а не простой бандой

деморализованной черни; во-вторых, моральная ценность похода не только не пострадала бы, но возросла бы, если бы государственное достояние было спасено от расхищения его разбойниками и грабителями; наконец, можно было бы по частям передать его на хранение в наиболее стойкие станицы, чем устранялась бы опасность разжигать аппетиты у большевиков в преследовании отряда в расчете на золотую наживу.

Говоря о моральной ценности Степного похода, нельзя упускать из виду, что его возглавители в то время меньше всего об этом думали и ничего не сделали, чтобы придать походу больший удельный вес. Если бы вопрос стоял иначе, то нет сомнения, что оставление Новочеркасска выполнили бы планомерно и продуманно, предоставив всем желающим возможность участия в походе, а население было бы открыто оповещено, что отряд уходит в степи, где будет выжидать выздоровления казачества от большевистского угара (существование отряда для красных главарей все равно не было тайной) и будет служить светлым маяком для всех, горячо любящих Дон, и тем ядром, к которому должны примыкать все обиженные и угнетаемые большевистским произволом и насилием. Подобное обращение к населению молниеносно разнеслось бы по донской земле, поддержало бы дух казачества, а наличие отряда служило бы живым доказательством намеренного непризнания советской власти верхами казачества.

На самом деле выход из города, превратившийся в бегство, стремились обставить ненужной таинственностью, создав в населении впечатление личного спасения небольшой группы офицеров и учащейся молодежи.

В этом отношении, надо признать, Добровольческая армия высоко держала знамя, определенно говоря, что уходит в неизвестную даль, глубоко веря в близкое оздоровление казачества от большевистского угара...

*А. Падалкин*⁵⁹

ПАРТИЗАНЫ-СТЕПНЯКИ⁶⁰

С захватом всероссийской власти большевиками-коммунистами в Петрограде атаман Донского войска А.М. Каледин, по решению Войскового правительства, объявил, что войско Донское не признает власти Совета народных комиссаров и не допустит распространения ее на донскую землю.

Бывший Верховный главнокомандующий российскими армиями генерал М.В. Алексеев, не видя нигде на просторах бывшей Российской империи места для организации борьбы с властью Совета народных комиссаров во всероссийском масштабе, приехал на Дон, где по стовору с атаманом Калединым приступил к организации Добровольческой армии. При этом он рассчитывал не только на помощь войска Донского, но и всего русского народа и, в первую очередь, на российское офицерство.

Совет народных комиссаров посылает против Дона свои войска, состоявшие из рабочих отрядов Красной гвардии, отрядов латышей и матросов, некоторых частей войск бывшей Российской армии и отрядов из военнопленных немцев и венгров. Атаман Каледин и генерал Алексеев для защиты Дона могут выставить только немногочисленные отряды донских партизан и добровольцев «Алексеевской организации».

С приездом на Дон бывшего Верховного главнокомандующего генерала А.Г. Корнилова на Дону создается зародыш будущей всероссийской власти — триумvirат: генерал Корнилов — командующий Добровольческой армией, генерал Алексеев — финансы и внешние сношения, генерал Каледин — управление базой борьбы — Областью войска Донского.

Командование Добровольческой армией опубликовывает особую декларацию о целях борьбы с большевиками, в которой говорится и о том, что Добровольческая армия будет защищать до последней капли крови казачьи края, давшие ей приют.

К концу января 1918 года определенно выяснилось, что всенародного ополчения для борьбы с властью Советов не только во всероссийском масштабе, но и в масштабе Донского войска не получилось. Приток добровольцев как в Добровольческую армию, так и в донские партизанские отряды был невелик. Казаки-«фронтовики» объявили «нейтралитет». Не было достаточного пополнения и из центра России.

Вожди Добровольческой армии, располагая незначительными силами и не видя помощи от Дона, решили увести свою армию на Кубань и стали к этому готовиться. Атаман Каледин, чтобы было кем заменить уходящую с Дона Добровольческую армию, 28 января обратился к донским казакам с воззванием — стать на защиту Дона, а в ночь на 29 января генерал Корнилов просит атамана Каледина «вернуть» ему офицерскую роту, бывшую на северном, Новочеркасском направлении, для присоединения ее к уходящей с Дона Добровольческой армии.

Атаман Каледин, выполняя просьбу генерала Корнилова, отдает соответствующий приказ и сообщает Донскому правительству, что он сла-

гает с себя обязанности Донского атамана, а чтобы пробудить казаков от «нейтралитета» и заставить их стать на защиту Дона, приносит себя в жертву, пустив пулю в сердце.

Походный атаман Донского войска генерал А.М. Назаров и начальник Новочеркасского военного училища генерал П.Х. Попов поднимают сполох. Они считают, что война с войсками Совета народных комиссаров и после смерти атамана Каледина должна продолжаться.

Атаман Назаров, как Походный атаман, по праву преемственности и уступая просьбам казаков Новочеркасской станицы, принимает пост Донского Войскового атамана, а Донским Походным атаманом назначает генерала П.Х. Попова.

Оба они обращаются к донским казакам с призывом помочь донским партизанам стать на защиту Дона. Но и тут всенародного ополчения не получилось, но число донских партизан несколько увеличилось, что дало возможность атаману Назарову передать Добровольческой армии несколько партизанских отрядов для защиты подступов к Ростову.

Добровольческая армия, рассчитывая после «Калединского выстрела» на подъем донских казаков, задержалась на Дону. Но, не получив значительного пополнения, на которое оно рассчитывало, ее командование приняло 5 февраля окончательное решение оставить Ростов и «уходить в степи».

7 февраля атаман Назаров поехал в Ростов в штаб Добровольческой армии, где в общих чертах договорился с генералом Корниловым о дальнейшей борьбе с большевиками. 9 февраля Добровольческая армия, а с нею и донские партизанские отряды, бывшие в ее распоряжении под Ростовом, оставили Ростов и к 12 февраля сосредоточились за Доном в станице Ольгинской.

С оставлением Ростова оставление Новочеркасска было вопросом нескольких дней, поэтому 9 февраля атаман Назаров в штабе Походного атамана созвал военный совет, на котором предложил свой план оставления Новочеркасска и дальнейшей борьбы с большевиками. Походный атаман на этом совете предложил свой план, который незначительно отличался от назаровского, но должен был сохранить много жизней донских партизан. Военный совет принял план Походного атамана, одобренный и Войсковым атаманом генералом Назаровым.

С утра 12/25 февраля 1918 года донские партизанские отряды занимают последние позиции вокруг Новочеркасска, а в 12 часов дня Войсковой атаман Назаров, после бесплодных уговоров членов Войскового круга покинуть Новочеркасск и принимая во внимание посыла-

ку Кругом делегации к красному главковерху на север от Новочеркасска — Саблину — и к командиру Северного казачьего революционного отряда Голубову в станицу Мелиховскую, к моменту появления отряда Голубова в станице Кривянской отдает приказ Походному атаману генералу П.Х. Попову к 5 часам вечера вывести из Новочеркасска донские партизанские отряды для выполнения ими задачи согласно плану, принятому на военном совете 9 февраля, то есть, не прекращая борьбы Дона с большевиками, увести партизан в задонские степи, чтобы там — в пределах Дона — сохранить огонь борьбы с большевиками, зажженный атаманом Калединым; выждать в степях пробуждения Дона и выздоровления казаков-«фронтовиков» от «нейтралитета»; вести работу среди казачьего населения Дона по возбуждению его против большевиков, готовить казачьи народные восстания, помогать казакам в организации этих восстаний, а когда они вспыхнут — помочь восставшим казакам силами партизан; организовать для борьбы в войсковом масштабе и, наконец, помочь казакам в созыве Войскового круга для решения вопросов дальнейшего существования войска и установления правопорядка на Дону.

13/26 февраля, пока партизаны, покинувшие Новочеркасск, переправлялись у станицы Старочеркасской через реку Дон, Походный атаман дважды посетил штаб Добровольческой армии в станице Ольгинской, чтобы выяснить окончательное решение ее командования о дальнейших планах борьбы с большевиками.

Тогда выяснилось, что планы вождей Добровольческой армии не были едиными: генерал Алексеев, генерал Деникин и др. настаивали на движении на Кубань. Генерал Корнилов, поддерживаемый генералом Лукомским, генералом Богаевским и др., склонялся к необходимости, в интересах дальнейшей борьбы, к движению в Астраханские степи, граничащие с Задонскими степями, куда должны были двигаться партизаны генерала Попова.

Победила точка зрения генерала Алексеева. Добровольческая армия под командой генерала Корнилова и донские партизанские отряды под командой генерала Попова, преследовавшие одну и ту же цель — борьбу с большевиками, — по причинам тактического порядка, достижения положительных результатов в этой борьбе, разошлись в разных направлениях.

Добровольческая армия, по свидетельству генерала Деникина, пошла на Кубань «за синей птицей». А генерал Алексеев писал своим близким, что армия шла в неизвестность, чтобы «зажечь светоч». При этом генерал Алексеев предусматривал возможность роспуска армии на Кубани и распыления ее в кавказских предгорьях.

Донские партизанские отряды под водительством Походного атамана шли в определенное место и с определенной задачей — своим присутствием в пределах Дона зажечь пламя казачьих народных восстаний. Вожди и начальники донских партизан, ушедших в Задонские степи, предполагали начало казачьих восстаний через полтора месяца. Лично Походный атаман, кроме этих предположений, основанных на абсолютном знании казаков и их психологии, имел еще и точно поставленную ему Войсковым атаманом и одобренную Войсковым кругом задачу, которую он мог выполнить, только находясь в пределах войска Донского.

Дальнейшие события на Дону показали, что в своем решении остаться в пределах Дона Походный атаман и начальники партизанских отрядов не ошиблись. В настоящее время даже советская печать отмечает, что если бы не было в Задонских степях партизан, то и казачьих восстаний на Дону весной 1918 года могло не быть. А зарубежная пресса в настоящее время правильно отмечает, что если бы не было весной 1918 года восстаний народных казачьих масс, то основоположники борьбы с большевиками — участники 1-го Кубанского, Степного и Дроздовского походов — просто были бы уничтожены войсками Совета народных комиссаров.

Донские партизаны, ушедшие во главе с Походным атаманом генералом Поповым в Задонские степи, от пребывания их в степях были названы партизанами-степняками, а самый поход получил наименование Степного.

Партизанские отряды, находившиеся в Степном походе, в большинстве своем состояли из казачьей учащейся молодежи и молодого донского офицерства, но было в них немало и неказаков, и даже на командных должностях, как, например, полковник Чернушенко, полковник Лысенко, капитан Балихин⁶¹ — краса и гордость партизан — и др. Были даже партизаны-добровольцы евреи: в отряде Семилетова — Борис Дедов, уроженец города Ростова; а в отряде полковника Мамонтова в станице Великокняжеской вошла особым взводом группа около двадцати человек молодых прапорщиков-евреев, последнего выпуска Тифлисской школы прапорщиков. Одному из них — Б. Лапшину — во время арьергардного боя у ст. Граббевской разорвавшимся красным снарядом оторвало ногу.

Все отряды состояли из людей самого разнообразного социального положения и различных политических убеждений. И нередко можно было видеть в цепи или в карауле мирно беседующих: крайнего монархиста полковника Ляхова⁶², социалиста — члена 1-й Государственной думы Аладына⁶³ и брата известного революционера Бориса Са-

винкова — Виктора⁶⁴; казака-единонеделимца и казака-самостийника. Немало было казаков-калмыков.

Среди партизанских отрядов особо выделялись: отряд полковника Хорошилова⁶⁵, состоявший буквально из детей — мальчиков от 12 до 15 лет, считавшийся последним резервом, — и штаб-офицерская дружина генерала Базавова⁶⁶, почти полностью состоявшая из генералов и штаб-офицеров, бывших по своему возрасту до выхода в поход в отставку, а потому в походе ее называли «песочной» дружиной.

Общая численность партизан-степняков с пополнениями в походе была до 3000 человек, а к 50-й годовщине начала похода на переключку откликнулось пока только около 40 человек. При этом не оказалось в живых не только ни одного партизана отряда генерала Базавова, но и ни одного из отряда полковника Хорошилова.

В день оставления Новочеркасска донскими партизанами 12/25 февраля Донской атаман генерал Назаров, члены Донского Войскового круга во главе с их председателем войсковым старшиной Волошиновым, в присутствии Походного атамана генерала П.Х. Попова с чинами его штаба, отслужили в Донском войсковом соборе молебен о спасении столицы Дона — города Новочеркасска — от разграбления красными бандами и о спасении населения от издевательств и убийств.

После этого архиепископом Донским и Новочеркасским преосвященным Митрофанием было совершено краткое моление о ниспослании победы партизанам, покидающим город. При этом архиепископ Митрофаний благословил Походного атамана и в его лице партизан на ратный подвиг образом Покрова Пресвятой Богородицы, являвшимся копией с иконы, под покровительством которой казаки оставили Азов в 1647 году.

Начиная с 1919 года партизаны-степняки ежегодно отмечают день начала Степного похода церковным молением с провозглашением вечной памяти начальникам и партизанам-степнякам, на поле брани с богоборческой властью живот свой положившим и в мире скончавшимся. В день пятидесятилетия начала похода моление это было совершено 25 февраля в Париже, в соборе на rue Daug, совместно с Русским общевоинским союзом и с участниками 1-го Кубанского генерала Корнилова и Дроздовского походов.

Днем окончания Степного похода считается 5 мая, то есть день, когда была закончена последняя задача партизан-степняков, когда Кругом спасения Дона был избран Донской Войсковой атаман, распустивший партизанские отряды.

Начало казачьих восстаний на Дону и окончание Степного похода было торжеством идеи похода партизан. Поэтому начиная с 1919 года

день окончания похода почитается партизанами-степняками их праздником, который они отмечают ежегодно. В 1968 году день пятидесятилетия окончания похода предложено отметить «Днем Непримиримости» к советской власти.

СТЕПНОЙ ПОХОД⁶⁷

Родимый Край

Родимый Край... Как ласка матери, как нежный зов ее над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов.

Чуть тает тихий свет зари, звенит сверчок под лавкой в уголке, из серебра узор чеканит в окошке месяц молодой... Укропом пахнет с огорода... Родимый Край...

Кресты родных моих могил, и над левадой дым кизичный и пятна белых куреней в зеленой раме рощ вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель, застывший в думе, — волнует сердце мне сильнее всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарований.

Тебя люблю, Родимый Край...

И тихих вод твоих осоку, и серебро песчаных кос, плач чибиса в куге зеленой, песнь хороводов на заре, и в праздник шум станичного майдана, и старый милый Дон не променяю ни на что...

Родимый Край...

Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная — щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчание мудрое седых курганов и в небе клетот сизого орла, в жемчужном мареве виденья зипунных рыцарей былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зеленый и родной... не ты ли это, Родимый Край?

Во дни безвременья, в годину смутную развала и паденья духа я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал тебя, мой Край Родной...

Но все же верил, все же ждал; за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметнет волну наш Дон Седой...

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...

И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебрястый подголосок звенит вдали, как нежная струна...

Звенит, и плачет, и зовет...

То Край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов,
за свой порог и угол...

Кипит волной, зовет, зовет на бой Родимый Дон...

За честь Отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит Седой
наш Дон, — Родимый Край...

Ф. Крюков⁶⁸

(Донская Волна. 1918. 26 августа. № 12)

Существует мнение, что известное стихотворение в прозе Федора Дмитриевича Крюкова «Родимый Край» случайно найдено в его бумагах без даты и, следовательно, можно думать, что оно написано им в неопределенное время и вне зависимости от обстановки, имея в виду историческое прошлое Дона. На самом деле это не так.

Происхождение его тесно связано с переживаемыми Россией и Доном днями, и поэтому фактическая сторона его появления имеет значение, а она такова: после захвата власти большевиками в Усть-Медведицком округе во главе с войсковым старшиной Ф.К. Мироновым 21 января 1918 года Ф.Д. Крюков жил в своей Глазуновской станице, в 39 верстах от Усть-Медведицкой, изредка наезжая в нее повидаться со своими друзьями и навестить сына, учившегося в реальном училище.

Когда в конце апреля в округе началась вооруженная борьба казаков-«кадет» с их противниками казаками-«мироновцами», изгнанный из станицы Усть-Медведицкой «Революционный Совет» Миронова перенес свою резиденцию к железной дороге в слободу Михайловку, откуда и руководил всеми операциями.

Вооруженная борьба разгоралась, переговоры, ведшиеся на происходившем в мае в Михайловке съезде делегатов обеих сторон, не приводили ни к чему и явно затягивались Мироновым, ожидавшим отряды красных матросов из Царицына и Борисоглебска, для наступления на Усть-Медведицкую, объявленную контрреволюционным гнездом, подлежащим уничтожению.

Шла подготовка и в Усть-Медведицкой, но у казаков-кадет не было оружия, кроме шашек, не было патронов, даже на имевшееся ничтожное число винтовок. Приходившие отряды отдельных станиц, в три-четыре сотни конных и пеших казаков, имели на весь отряд всего каких-нибудь 15—20 винтовок с 5—8 патронами на винтовку, что, понятно, не могло не отражаться на настроении казаков.

Воодушевленная учащаяся молодежь шла в бой, вооруженная одними палками, и доставала себе оружие у красных. Были уже десятки

убитых и раненых; в станице не было ни медикаментов, ни перевязочных средств, не было ни копейки денег на самые необходимые расходы по уходу за ранеными, и неоткуда было достать их.

Тот патриотический подъем, какой царил среди восставших казаков 14 хуторов ст. Усть-Хоперской — родины атамана А.М. Каледина, — далеко не захватывал станицы и хутора округа. И в то время, когда за Доном уже горели хутора и шайки матросов с орудиями и пулеметами двигались от линии железной дороги на Усть-Медведицкую, расстреливая десятками ни в чем не повинных стариков, и когда безоружная молодежь и казаки восставших отрядов гибли в неравных боях, в это время в станицах и хуторах левого берега Дона шли бесконечные споры на хуторских сборах о том, нужно ли участвовать в борьбе и чью принять сторону.

Некоторые хутора выбрасывали белые флаги, заявляя этим свою «нейтральность», другие делились на две группы: «нейтральных» и «восставших», и, наконец, были хутора, делившиеся на резко обособленные три группы: «мироновцев», «кадет» и «нейтральных». К этой последней группе, скрывавшей в себе и самый «шкурнический» элемент станиц и хуторов, в первые дни принадлежала и родная станица Ф.Д. Крюкова — Глазуновская.

Все эти колебания казаков, бесконечные споры их на собраниях, начинавшиеся с раннего утра и кончавшиеся поздним вечером, угнетающе действовали на Федора Дмитриевича, жившего в своей станице и часто вызывавшегося казаками на сбор для разъяснения тех или иных вопросов. Для него, приговоренного уже к смерти и чудом спасенного от расстрела, все вопросы были ясны; он сам ни на минуту не расставался со своим германским карабином, и вопрос «что делать?» для него разрешался просто: нужно браться без колебаний за топоры и вилы и очищать родную землю от разбойничьих банд, именовавшихся революционным народом.

Но это мнение не было по душе большинству казаков его станицы, для них более были приемлемы призывы обыкновенных шкурников, скрывавшихся под видом нейтральных, и в то время, как большая часть боевых казаков ушла к Миронову, а меньшая сражалась в рядах кадет, шкурники философствовали в станице на тему: «Моя хата с краю».

Все убеждения Федора Дмитриевича на сборах, что эта шкурническая позиция не спасет их от расстрелов и грабежей красы и гордости революции — матросов, уж по одному тому, что они казаки, на его станичников не действовали, и только позже они убедились в этом горьким опытом, и Глазуновская станица была впоследствии одной из непоколебимых в своей стойкости в борьбе с красными.

В эти тяжелые первые дни начала борьбы с красными в Усть-Медведицком округе, в дни полной неопределенности, душевного шатания и неуверенности не только в далеком будущем, но и в завтрашнем дне, тяжелой общей душевной угнетенности, только учащаяся молодежь местных учебных заведений, с примкнувшими к ней студентами, была бодра и весела. Образованный из нее подъесаулом Алексеевым партизанский отряд с пением своего бодрого марша ходил за станицу на обучение, резко выделяясь среди общего угнетенного состояния.

А оно питалось фронтом, с которого шли тяжелые вести — молодые казаки, так называемые фронтовики, сформированных в станицах отрядов держали себя неопределенно, среди них было много колеблющихся, а из хуторов левого берега Дона и прямо сочувствовавших Миронову, — все это создавало неуверенность в отрядах. Отдельные отряды часто митинговали, отказываясь выполнять боевые задания, все еще надеясь на мирное разрешение вопроса: быть в округе большевистским советам или жить казакам по старине?

На поднявших восстание усть-хоперцев, мужественно дравшихся с большевистскими бандами, сыпались упреки в поднятии напрасно оружия. Знаменитый Козьма Крючков⁶⁹, бывший, по обыкновению, в первых рядах, жаловался, что ему нельзя слова сказать, как ему сейчас же со злобой говорили: «Всемирную славу хочешь и генеральские погоны».

При таком крайне неопределенном настроении казаков не могло быть уверенности в поднятое ими же самими дело борьбы с большевиками у офицеров, призванных казаками же в свои отряды. Своим жертвенным примером они воодушевляли свои отряды, и многие из них гибли при обстановке, исключавшей возможность этого в иных условиях, — так погиб сотник А.И. Емельянов, не поддержанный казаками отряда при команде его «в атаку»...

Но поднятое дело борьбы все же не умирало, напротив, оно росло и ширилось. Один за другим приставали нейтральные хутора к восставшим и высылали свои отряды за Дон на помощь бившимся там казакам. И целые дни на вершине Пирамиды, ставшей теперь «исторической» точкой округа, стояли толпы народа, молча, пристально всматриваясь в даль Задонья, где на широком, многоверстном пространстве горели отдельные хутора и кое-где рвалась над ними шрапнель... гудели орудия. А по дорогам зеленеющей майской степи из присоединившихся хуторов заунывными казачьими песнями, полными грусти, тянулись змейки казачьих отрядов, шедших к Дону на сборный пункт. Далеккой, эпической стариной, овейной грустью, веяло от всей этой картины...

На горе часто бывали Федор Дмитриевич Крюков и Роман Петрович Кумов. Здесь мало говорили, но само молчание говорило больше всяких слов. В такой обстановке, между жизнью и смертью, в станице Усть-Медведицкой был устроен «летучий» концерт для получения средств на первую помощь раненым. Утром, в день концерта, к Крюкову, уезжавшему в свою Глазуновскую станицу, только что освобожденную от большевиков, повидать родных и свой очаг обратилась его квартирная хозяйка А.В. Попова, приглашенная участвовать в концерте, написать что-либо для прочтения ею на этом вечере.

Федор Дмитриевич ответил:

— Что же я могу написать Вам, — стихов я не пишу, а стихотворений в прозе писать не умею, а то, что я пишу обычно, не подходит.

Это было за час до его отъезда, а уезжая, он вышел из своей комнаты и, передавая ей набросанный «Родимый Край», сказал:

— Подойдет — прочтите, а нет — выбросьте...

«Родимый Край» был прочитан под аккомпанемент-экспромт рояля П.П. Васильева и произвел неопишуемое впечатление...

В открытые окна переполненного зала реального училища, с далеким видом на Задонье, видно было зарево горевшего в 20 верстах за Доном хутора Зимовника, — то отряд красных, предводительствуемый матросом, жег дома семей офицеров, ушедших в противные отряды. Изредка слышны были одиночные орудийные выстрелы...

На сцене сидели 17 юношей партизанского отряда, раненных в бою под хутором Шашкином, где из отряда в 100 человек было одних только убитых 26... Один за одним проходили вокально-музыкальные номера грустных мелодий, невольно отражавших общее настроение, и, наконец, вечер заканчивался мелодекламацией А.В. Поповой. С редким по теплоте чувства искусством стала она читать это стихотворение под мелодию казачьих песен, полную тоски и грусти. Прочитанный несколько раз подряд, «Родимый Край» произвел на присутствующих неизгладимое впечатление...

Его наизусть знала молодежь, в сотнях экземпляров его требовали на фронт, и со словами из него «за честь отчизны» шли в бой молодые и старые казаки. Психологическое влияние на казачьи массы этих немногих строк, сочетавших в простых и ясных словах близкие и безгранично дорогие душе и сердцу каждого донца понятия, было огромно.

Они, эти немногие строки, связывали его настоящее с далеким прошлым истории его Родного края, обвеянной такой поэтической красотой, и в тяжелые, мрачные дни полной неизвестности его настоящего они придавали бодрость и укрепляли веру в будущее. В этих строках казаки своей простой душой глубоко чувствовали, что в их

многовековой истории начинается новая страница и что, написанная их слезами и кровью, она не забудется русским народом. Нужно было видеть эти вдохновенные лица молодежи и слышать бесконечные повторения отдельных мест из «Родимого Края», чтобы понять оставленное впечатление в каждом, прочитавшем его, и оценить все его психологическое значение на поднятие духа и настроения в колебавшихся народных казачьих массах...

Убитая молодежь в первом бою с Мироновым из отряда партизан подвесаула Алексеева, в числе 13 трупов, была похоронена в общей могиле, на высшей точке горного берега Дона, в четырех верстах от Усть-Медведицкой, называющейся Пирамидой, и на огромном деревянном кресте над этой «Братской Могилей» был приведен конец из «Родимого Края» от слов «...во дни безвременья, в годину смутную развала...», но по занятии 29 января 1919 года Усть-Медведицкой станицы красными крест начали рубить, — Миронов остановил и приказал только сорвать эту надпись.

В ясные летние дни с Пирамиды открывается редкая по красоте картина беспредельной Донской степи с извивающимися на много десятков верст вокруг нее Доном и красивыми степными притоками его — Хопром и Медведицей. По радиусу в 80 верст с Пирамиды видны станицы и хутора, утопающие в зелени садов и левад, с белеющими в них колокольнями церквей. Легкой синеватой дымкой среди зеленеющих лугов отмечены пути Старого Дона, Медведицы и Хопра, и какой-то особой грустью веет от картины кажущихся беспредельными пусть и сыпучих песков, левого берега Дона...

У подножия Пирамиды, на берегу Дона, с впадающей в него с противоположной стороны Медведицей, красиво расположился Усть-Медведицкий Преображенский монастырь, так много раз воспетый Ф.Д. Крюковым и Р.П. Кумовым в их произведениях, придающий какую-то особую мягкость и теплоту общей картине...

Нужно было видеть Ф.Д. Крюкова, присутствовавшего на похоронах этих первых жертв Гражданской войны, чтобы понять его душевное состояние... Оно вылилось во втором его стихотворении в прозе, названном им «Пирамиды» и посвященном героям «Братской Могилы». А Р.П. Кумов, часто проводивший время на Пирамидах и особенно полюбивший их, как он говорил, после того, как они украсили исторической Братской Могилей, — мечтал посвятить им целое большое произведение, связанное с пережитыми событиями, тоже назвав его «Пирамиды».

И тот и другой, страстно мечтавшие найти покой среди дорогих братских могил Пирамиды, унесли с собою скорбь, оставив жизнь

вдали от родных, любимых мест, вдохновлявших их на дивные строки. Федор Дмитриевич Крюков умер 20 февраля 1920 года на Кубани. Роман Петрович Кумов — 20 февраля 1919 года в Новочеркасске.

П. Скачков (Донская Летопись. 1923. № 1)

Незадолго до своей смерти Роман Петрович Кумов, друг Федора Дмитриевича Крюкова, поместил в № 12 «Донской Волны» от 26 августа 1918 года, издававшейся нашим талантливым писателем и журналистом, также безвременно погибшим, Виктором Севским (В.А. Краснушкиным⁷⁰), трогательные строки, посвященные погибшим героям.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ГЕРОЕВ

Пусть позволит мне ваша чистая память возложить к подножью ваших безвременных могил несколько смиренных благодарных благоговейных былинки.

Я не погублю для этого в моем маленьком цветнике ни пышных маков, ни тонкостебельных синеоких васильков — пестрое, но непрочное богатство. Пусть они живут и дышат в память вашу...

Но я отдам вам то, что мне дороже всех пышных маков, синих васильков и благоухающих левкоев: несколько былинки седой горькой полыни и полевого цветущего чебора. Пусть они напомнят вам, как напоминали когда-то мне на чужбине, о прекраснейшей стране под солнцем, где течет единственная в свете по синеве своих вод старая Река и где на пустынных прибрежных горах колышется белая подсохшая полынь да сладко курится розовый ладонный чебор.

Пусть расскажут они вам, как рассказывали когда-то мне в далеких землях, о нашей тихой станице под высокими горами — Пирамидами, о милых, изрытых дождевыми потоками улицах, о старом задумчивом соборе, на котором чудесно трезвонят ко всеобщей под праздники, о сиреневых палисадниках, о заросших шумящими пахучими левадами и садами Базах и Клипах, о коротеньких переулках к Дону с восхитительными видами на старую синюю богатую воду.

Пусть скажут они вам о ваших оставленных на степной стороне беленьких домах под лепечущей вишней, о грустных лампадах, зажженных в вечерний час близкой рукой во имя ваше, о родных, о близких людях, — о всем том, что вами, высокими, оставлено ныне беззаветно и беспрекословно, ради долга и высокой чести...

И пусть передадут они вам, что вся великая Донская степь с седой полынью и розовым чебором, с чистой ромашкой и важными красно-

головыми татарниками, с холодной мятой и узорчатым тысячелистником, со всяким, всяким полевым разнотравием, ныне клонится перед вами ниц и поет, как под сильнейшим свежим ветром: «Слава вам, слава»...

Клонятся ниц полинявшие под солнцем деревянные голубцы при дорогах, возмутились в глубоких тенистых оврагах ключевые воды, восшумели полевые дикие красавицы — боярышники и луговые терны, задымила травяным ароматом дебелая яркая «рожа» под подъемным слуховым окном: «Слава вам, слава»...

Падают ниц, до самой сырой земли степные народы, и те, которые пьют воду из старой синей Реки, и те, которые пьют воду из далеких степных жемчужных озерца, на белых хуторах: «Слава вам, слава».

Генерал П.Х. Попов и его роль в организации и развитии Белой борьбы

Кто в Новочеркасске, особенно среди кадет, не знал начальника Новочеркасского военного училища генерала Попова? Его видели на парадах, его встречали в городе, но... это было знакомство издалека. Весной 1912 года случай помог нашему выпуску встретиться с ним и оценить его немного ближе. В этот год, по окончании экзаменов, для строевой сотни был введен недельный поход с ночевкой в палатках и довольствием из походной кухни. Ввиду отъезда 6-го и 7-го классов частью в Москву, на открытие памятника императору Александру III, частью в Петербург, на гимнастический съезд кадетских корпусов, в поход выступили только два отделения 5-го класса, перешедшие в 6-й. Среди нас было много музыкантов, и, выпросив инструменты, мы симпровизировали небольшой духовой оркестр. При выступлении от нашей музыки собаки разбегались в разные стороны, но в походе мы быстро сыгрались и имели небольшой репертуар.

Возвращаясь в Новочеркасск со стороны Александро-Грушевска, мы в сумерках подошли к юнкерскому лагерю и грянули какой-то марш. Из рощи слышались крики, а затем топот ног бегущих к железнодорожной платформе юнкеров. Когда мы подошли к ней, раздалась команда «смирно!» — то взвод юнкеров отдавал честь донским кадетам. Мы ответили тем же, после чего были приглашены в училище на ужин.

Генерал Попов встретил нас в столовой, поздоровался и предложил развлечь юнкеров музыкой, пока все приготовят. Когда ужин был по-

дан, он поблагодарил нас за игру и даже поставил в пример своим юнкерам, а потом, обходя столы, беседовал с кадетами, спрашивая, как мы перенесли поход, ночлег в открытом поле и прочее. Вряд ли он думал тогда, что через шесть лет, с такими же юнцами, какими мы были в то время, ему придется проделать гораздо более тяжелый, длительный и героический поход по Сальским степям, в борьбе за честь и вольность Донского войска.

Ласковое, чисто отеческое отношение генерала Попова к юным кадетам произвело на нас большое впечатление, и, покидая лагерь, мы прокричали в честь начальника училища громкое «Ура!».

Прошло немного лет, и разыгрались грозные события. Началась Первая мировая война. Многие из юных кадет и юнкеров, став офицерами, сложили свои головы на поле брани. На пополнение убыли десятков донских полков требовались все время новые офицеры. Их ускоренная подготовка была возложена на генерала Попова, как опытного начальника училища, что помешало ему уйти на фронт, и в этой скромной, но ответственной должности он продолжал оставаться в тени, пока не разразилась революция, сокрушившая вековые устои российской государственности.

Развернувшиеся в Новочеркасске события сразу выдвинули генерала Попова на первый план. Новочеркасское военное училище с первых дней стало оплотом порядка против развивавшейся всюду революционной анархии. Попытка Областного Исполнительного Комитета сменить начальника училища не удалась, так как юнкера заявили, что если тронут генерала Попова, то они будут защищать его с оружием в руках («Донская Летопись» № 2).

По мере углубления революции и стихийно развивавшегося «нейтрализма» донских частей три сотни дисциплинированных и преданных своему начальнику училища юнкеров представляли единственную реальную силу, на которую опиралась донская власть. Юнкерам пришлось выполнять задания самого разнообразного характера, но особенно важной была роль, которую сыграло училище в деле организации донских партизанских отрядов. Им оказывалась помощь и советом, и инструкторами, и обучением стрельбе из пулеметов. Благодаря этому, сколь невелико было общее число героических защитников Дона в конце января 1918 года, все же их было значительно больше, чем в начале того же месяца, когда, по словам атамана Каледина, у него на всех фронтах оставалось 67 штыков. И когда 29 января прозвучал трагический выстрел и не стало атамана, те, кто был тогда в Новочеркасске, помнят, какая жуткая и гнетущая атмосфера царил в городе. Если в тот же день не рухнуло все, то только потому, что если не тысячи,

то все же сотни донских партизан, истекая кровью, сдерживали напор Красной гвардии, позволив вновь организовать атаманскую власть и продолжать борьбу.

В тяжелый и грозный час согласился генерал Назаров стать Донским атаманом, а генерал Попов принял назначение на пост Походного атамана. Нужно было глубокое сознание долга, чтобы не уклониться от ответственности. В распоряжении генерала Попова находились только немногочисленные партизанские отряды да три сотни юнкеров, так как остатки еще не разошедшихся по домам строевых частей не исполняли больше никаких боевых приказов. Попытка привлечь к обороне казачьи дружины ближайших к Новочеркасску станиц успеха не имела, и стало очевидно, что одни партизаны, несмотря на весь их героизм, не смогут долго сопротивляться напору многочисленных и хорошо вооруженных отрядов большевиков. Занятие последними Новочеркаска и установление на Дону советской власти было неизбежно в ближайшем будущем, но формирование партизанских отрядов все же продолжалось. Генерал Попов и некоторые из его сотрудников, зная казаков и их веками сложившийся быт, считали, что они недолго уживутся с новыми пришельцами, ломавшими все старые устои, и конфликт казачества с большевизмом неизбежен. К этому моменту нужно было сохранить организованные вооруженные кадры, на которые можно будет опереться, и тогда же был намечен план увода партизанских отрядов в глушь Донских степей, где им легче будет продержаться некоторое время в ожидании грядущих событий. С партизанами должен был уйти и последний выборный Донской атаман генерал Назаров.

После оставления Ростова Добровольческой армией 9 февраля донские партизаны продолжали сдерживать напор красных на северном направлении, но неожиданное прибытие 11 февраля революционного казачьего отряда войскового старшины Голубова в ст. Кривянскую, создав угрозу с тыла, заставило принять решение о немедленном отходе партизан в степи. 12 (25) февраля 1918 года Новочеркасск был оставлен, и партизанские отряды отошли в ст. Старочеркасскую. Атаман Назаров в последнюю минуту изменил свое решение и остался в Новочеркасске, где в тот же день был арестован и вскоре расстрелян. Красная большевистская волна захлестнула Дон.

Не склонили головы перед красными захватчиками одни лишь партизаны во главе с Походным атаманом генералом Поповым, на которого легла тяжелая ответственность за сохранение и наилучшее использование этих стойких бойцов в дальнейшей борьбе за освобождение от большевистского ига.

Пока добровольцы, оставив Ростов и сосредоточившись в ст. Ольгинской, приводили себя в порядок, руководители Добровольческой армии, созвав военный совет, обсуждали вопрос о дальнейших действиях. На совете обнаружилось два течения. Генерал Корнилов, поддержанный генералом Лукомским, предлагал двинуться в отдаленный от железной дороги и малонаселенный район на стыке Дона, Кубани и Ставропольской губернии, где было легче отбиваться от большевиков. Генерал Алексеев и генерал Деникин стояли за движение на Кубань, богатую продовольствием и фуражом, надеясь найти поддержку у кубанских казаков и создать базу в Екатеринодаре, так как этот город еще не был во власти большевиков. На втором заседании военного совета 12 февраля было решено идти на Кубань. Решение это могло быть только условным, так как вожди Добровольческой армии еще не знали, каковы были намерения Походного атамана.

13 февраля состоялась встреча генерала Попова с генералом Корниловым в ст. Ольгинской и, так как их взгляды совпадали, ему удалось убедить генерала Корнилова о совместном движении в район зимовников. Согласно принятому плану, Добровольческая армия двинулась в направлении на Торговую, а отряд Походного атамана на Великокняжескую. Однако в ст. Егорлыцкой Добровольческая армия изменила свое решение и 21 февраля повернула на Кубань, послав предложение Походному атаману присоединиться к ней.

Его отряд в это время уже втянулся в боевые операции, и по занятии Великокняжеской, после совещания с начальниками партизанских отрядов, генерал Попов это предложение отклонил, так как донские партизаны имели задачу способствовать освобождению Дона и должны были оставаться на Дону.

Природный донской казак, сын известного на Дону общественного деятеля Х.И. Попова, основателя и хранителя Донского музея, хорошо знавший историю Дона, нравы и быт казаков, генерал Попов глубоко верил, что пассивность донских казаков временна, что они не снесут долго красное иго, что восстание на Дону неизбежно. Эта вера, а не честолюбие, в котором неосновательно упрекали его, была причиной его отказа следовать с Добровольческой армией на Кубань. Последующие события подтвердили правильность решения генерала Попова и его великую прозорливость, опровергнув расчеты и предложения руководителей Добровольческой армии.

Одним из факторов, ускоривших восстание на Дону, было присутствие на его территории в Сальском округе отряда Походного атамана. В то время как связь с Добровольческой армией, после ее ухода на Кубань, совершенно оборвалась и о ней ничего не знали, отголоски

борьбы партизан-степняков проникали в ближайшие донские станицы и оттуда распространялись дальше. Чем больше росло недовольство среди казаков против своеволия и зверств большевиков, тем больше думали они о том, что где-то недалеко есть люди, не покорившиеся красным и ведущие с ними успешную борьбу. Это укрепляло сознание, что борьба с насильниками возможна, стоит лишь взяться за оружие, и что в этой борьбе они будут не одни. С надеждой на помощь росла уверенность в успехе, ускорившая процесс брожения и вызвавшая первую вспышку восстания на Дону.

19 марта восстала станица Суворовская, поддержанная ближайшими к ней станицами, немедленно пославшая гонцов к Походному атаману. 25 марта началось восстание станицы Баклановской и соседних с нею станиц, тоже вошедших в связь с Походным атаманом. Произошло то, что предвидел и на что надеялся генерал Попов. 30 марта его отряд был уже на Дону в полосе восстания, в то время как Добровольческая армия, истекая кровью, безуспешно штурмовала Екатеринодар.

Насколько это было важно для дальнейшего хода Белой борьбы, становится ясным, если сопоставить события, происшедшие в то время. 2 апреля Добровольческая армия, сняв осаду Екатеринодара, отошла в немецкую колонию Гначбау, где, похоронив Корнилова, переживала острый моральный кризис.

Иначе обстояло дело на Дону. В этот же день (2 апреля) отряд Походного атамана закончил переправу на правый берег Дона, и с приходом его в ст. Нижне-Курмоярскую восстание на Дону стало распространяться с невероятной быстротой. Значение отряда Походного атамана в деле развития борьбы определялось не количеством бойцов, а тем моральным подъемом, который вызвало его появление среди казаков. Надо было слышать радостные крики и ликующий колокольный звон, которым встречало партизан население прибрежных станиц при их движении вниз по Дону из Цымлянской в Константиновскую.

Некоторое влияние на развитие восстания имели и сильно преувеличенные народной молвой сведения о численности отряда Походного атамана. Это учитывали некоторые из организаторов восстания и намеренно их распространяли. Мне вспоминается следующий случай. В станице Мариинской, будучи старшим квартирмейстером, я, прежде чем двинуться в станицу Константиновскую, вышел немного пройтись и, увидев, что у станичного правления толпились казаки, пошел туда. Пробраться внутрь мне не удалось, и я стал прислушиваться у входа. До меня донеслись отрывки фраз: «Изведут наш Тихий Дон... Пропадет казачье семя...»

Голос показался мне знакомым, и я решил подождать конца. Скоро казаки стали расходиться и из помещения вышел человек, по внешности типичный заводской рабочий. Кепка, синяя косоворотка, темного цвета штаны с отворотом внизу.

Это был Генерального штаба полковник Гушин, которого я сразу узнал, несмотря на маскарад, так как он был одно время на Германском фронте начальником штаба нашей дивизии (2-й Кубанской). Участником Степного похода, как ошибочно считают некоторые, он не был, а некоторое время был организатором обороны в районе ст. Константиновской. Я подошел к нему, представился, и он отвел меня в сторону поговорить. Узнав, что я выступаю с квартирьерами в ст. Константиновскую, он предупредил меня, что там один из двух полков еще колеблется, и рекомендовал принять меры предосторожности, а прощаясь, добавил: «Вероятно, вам пошлют навстречу делегатов. Если будут спрашивать, сколько вас, то говорите: двадцать тысяч».

От исполнения этого совета я уклонился. Подъезжая к Константиновской, верстах в трех от нее, я издали увидел одинокую фигуру конного казака, явно нас поджидавшего. Когда приблизились, он подъехал ко мне и спросил — кто мы такие и куда едем? Прежде чем ответить, я спросил его — кто он такой? Он ответил, что послан казаками 2-го полка, чтобы узнать — что за войско и сколько приближается к станице. Тогда я сказал ему, что мы квартирьеры отряда Походного атамана, а за нами и по суше, и по воде идет весь отряд, а сколько — увидишь потом, и, указав рукой на ясно видимые вдали пароходы и баржи, добавил: «А теперь скачи в станицу и чтоб там к нашему приходу все было в порядке, так как Походный атаман шутить не любит». Казак тотчас стегнул по лошади и поскакал. Когда мы прибыли в станицу уже в сумерках, там все было спокойно и никаких инцидентов не было.

К пламени восстания, охватившего 1-й и 2-й Донские округа, прибавился новый очаг в районе Новочеркаска, где 1 апреля восставшие казаки станицы Кривянской и ближайших станиц овладели временно столицей Дона.

Восстание продолжало развиваться, охватывая новые районы, и весть о нем дошла до Добровольческой армии. Когда 15 апреля в ст. Успенской генерал Деникин объявил об этом добровольцам, сказав, что они пойдут теперь на Дон, его слова были покрыты громким «Ура!». Все воспрянули духом, и от прежних сомнений и угнетенного состояния не осталось и следа. Это было лучшим доказательством правильности решения генерала Попова оставаться на Дону.

Дальнейшее известно. 21 апреля Добровольческая армия пришла в станицу Егорлыцкую, а 23 апреля восставшие донцы под коман-

дой Походного атамана овладели Новочеркасском, куда 25 апреля подошел отряд полковника Дроздовского, помогший окончательно разбить большевиков и прочно овладеть городом. Начался новый этап Белой борьбы. Если она выросла, окрепла и развилась из совокупности трех походов: Первого Кубанского, Степного и Дроздовского, то надо признать, что наибольшее влияние на ее развитие оказал Степной поход и в этом заслуга генерала П.Х. Попова.

Е. Ковалев¹.

Атаман Петр Харитонович Попов

После смерти Донского атамана Каледина и вступления в должность Донского атамана Назарова генерал Петр Харитонович Попов в феврале 1918 года стал Походным атаманом донских казаков и после расстрела коммунистами атамана Назарова занял его место. Вера в неизбежность скорого восстания донских казаков против тирании коммунизма удержала Походного атамана П.Х. Попова на Дону и подвигла на сговор с вождем Добровольческой армии генералом А.Г. Корниловым о совместных действиях на стыке войска Донского, войска Кубанского и Ставропольской губернии.

Изменение генералом А.Г. Корниловым намеченного плана и уход на Кубань Добровольческой армии, несмотря на уговоры, не подействовали на Походного атамана П.Х. Попова, и он со своими партизанскими отрядами «Вольных Донских казаков» остался в Сальских степях и уже в конце марта начал объединение разрозненных восстаний донцов в одно организованное действие против тирании коммунистов.

Еще в начале апреля 1918 года будущему Донскому атаману П.Н. Краснову положение Дона казалось безнадежным, и он категорически отказался возглавить восстание южных станиц Дона. В середине апреля казалось, что восстание выдыхается, и казаки нескольких станиц настолько заколебались, что оставили свой участок фронта и против них пришлось посылать специальные отряды для разоружения и восстановления нарушенного порядка.

Но систематическая работа штаба Походного атамана по налаживанию связи и укреплению организации позволила П.Х. Попову 23 апреля занять Новочеркасск. 28 апреля 1918 года начальник 1-й Отдельной русской бригады добровольцев полковник М.Г. Дроздовский издал в Новочеркасске приказ, в котором он напомнил, что город этот «с первых дней возникновения отряда был нашей целью, целью всех наших

✓ надежд и стремлений — обетованной землей». Указав дальше на пройденный отрядом путь и на перенесенные им лишения, полковник Дроздовский призвал всех помнить, «что только смелость и твердая воля творят большие дела и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы». И дальше: «Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода».

В Новочеркасске благодаря смелости и твердости воли П.Х. Попова началась подлинная работа по объединению всех казачьих сил с силами Добровольческой армии генерала Деникина и доблестных дроздовцев.

✓ Во время 10-летней службы генерала П.Х. Попова в штабе Московского военного округа ему несколько раз приходилось быть руководителем военных игр войсковых соединений округа. Позже ему пришлось в трудных условиях Гражданской войны применить этот опыт на практике и блестяще провести то, что ни раньше, ни позже не удалось осуществить ни Корнилову, ни Алексееву, ни Колчаку, ни Деникину, а именно — впервые получить в свое распоряжение около 50 тысяч бойцов и возможность мобилизацией иногороднего населения, которое находилось на территории, подчиненной донским казакам, довести количество бойцов в течение месяца до 120 тысяч. Для осуществления намеченного плана уже 29 апреля Походным атаманом и Кругом спасения Дона было направлено в Киев посольство в составе начальника штаба Походного атамана генерала В.И. Сидорина, профессора Академии Генерального штаба полковника Гущина, бывшего помощника наказного атамана по гражданской части И.Т. Семенова, члена Круга, директора Новочеркасского реального училища М.А. Горчукова.

К несчастью для всего дела борьбы с коммунистами, отъезд этих влиятельных в Новочеркасске лиц позволил нескольким честолюбцам вновь выдвинуть кандидатуру генерала П.Н. Краснова в Донские атаманы и провести ее значительным большинством.

✓ 3 мая 1918 года генерал Краснов был избран, а 5-го Круг спасения Дона был закрыт. В тот же день П.Н. Краснов назначил командующим Донской армией генерала С.В. Денисова и отдал приказ о роспуске партизанских отрядов, а 6 мая был уволен в отставку Походный атаман П.Х. Попов, только что произведенный постановлением Круга спасения Дона в генерал-лейтенанты.

Добровольческая армия Деникина и кубанские казаки оказались на положении гостей и союзников Дона. Посольство Походного атамана П.Х. Попова в Киев было отменено и послано другое во главе с генералом А.В. Черячукиным⁷² с другим совсем заданием.

П.Н. Краснов поставил донским казакам невыполнимую задачу стать во главе всех казаков, всего Юга России, не в результате согласования деятельности, а в результате удачно сложившейся обстановки и той позиции в борьбе с коммунистами, которую удалось занять донским казакам, благодаря смелости и твердой воле в проведении намеченного решения П.Х. Попова весной 1918 года. Изменение основной цели в борьбе с коммунистами для данного момента привело к невольной задержке в вовлечении и разворачивании широких народных масс в эту борьбу. Вследствие этого произошла большая задержка с мобилизацией неказачьего населения Дона, уход Добровольческой армии и дроздовцев, которым предназначалась главная роль при этой мобилизации, на Кубань, задержка в направлении главного удара на группу Щаденко—Ворошилова, бывшую в этот момент в центре Дона, а благодаря этому задержка в установлении прочной связи с северными округами Дона и возможность прорыва группы Щаденко—Ворошилова к Царицыну и тем самым увеличение сил коммунистов на фланге, с постоянной угрозой центру Дона.

Вместо объединения разрозненных сил, теперь уже не только всего Всевеликого Войска Донского, а всей России, горевшей в огне борьбы с коммунизмом (в июне, июле 1918 года Самара, Казань, Ярославль были заняты антикоммунистами. Поднялись против коммунистов Сибирь, Урал, Средняя Азия, Прибалтика и Архангельский край), Всевеликое Войско Донское безуспешно пыталось подчинить себе Добровольческую армию Деникина, создавало Южную Русскую армию Иванова, пыталось с кубанцами, калмыками и горцами восстановить Юго-Восточный союз и вынуждено было в сентябре бросить с таким трудом созданную Молодую Армию на гибель, под Царицын, а позже — под Старобельск и с великим трудом преодолевать пограничную болезнь. Все это привело к полному разгрому антикоммунистов в их разрозненных, хотя порою и очень успешных действиях.

В результате разгрома Дона в январе 1919 года и требования Круга смены командования спасти положение опять призван был генерал П.Х. Попов. Со знанием обстановки генерал П.Х. Попов ознакомил генерала А.И. Деникина с положением. Генерал Деникин понял важность момента и, не дожидаясь формального соглашения, немедленно бросил только что закончившие разгром коммунистов на Се-

верном Кавказе и нуждавшиеся в отдыхе и реорганизации силы Добровольческой армии, кубанцев и терцев на помощь Дону.

Организация партизанских отрядов из учащейся молодежи и выдвижение их на линию реки Донец у Каменской и Белой Калитвы создали возможность необходимой перегруппировки. Новый атаман Всевеликого Войска Донского генерал А.П. Богаевский, избранный в феврале 1919 года, просит генерала П.Х. Попова возглавить Донское правительство в этих тяжелых обстоятельствах; как верный сын Тихого Дона, он принял на себя всю тяжесть восстановления и реорганизации тыла и напряжения всех жизненных сил Дона для восстановления Донской армии, еще так недавно столь мощной, а теперь совершенно дезорганизованной. Потребовалась трехмесячная напряженнейшая работа, для того чтобы не только остановить победоносное движение коммунистов, но и нанести им тяжелое поражение в мае 1919 года.

Заслуга генерала П.Х. Попова в этом деле была признана всеми, и только тогда, в апреле 1919 года, Войсковой круг признал и отметил значение для Дона Степного похода, — установив знак Степного похода, статут которого приравнивался к статуту ордена Святого Георгия.

Степняк

Деятельность генерала П.Х. Попова с начала революции до Степного похода

Когда 1 марта в Новочеркасске были получены первые сведения о событиях в Петрограде, П.Х. привел училище в боевую готовность и с разрешения атамана графа Граббе послал по городу юнкерские патрули, чтобы сразу пресечь всякого рода выступления, могущие нарушить течение нормальной жизни в городе.

Когда дошли до Дона сведения о революции и когда политические дельцы, ставшие господами положения в столице Дона, постарались стать у кормила новой власти, чтобы ликвидировать господствующее положение казаков во всем войске, образовали «Областной Исполнительный Комитет» с «Военным отделом», в котором было засилие солдат запасных полков, то П.Х. послал туда в качестве наблюдателей есаулов Захарова и Сутулова, дабы быть в курсе дел «Военного отдела» и своевременно парализовать его вредную деятельность.

В первые же дни образования этого Комитета были произведены многочисленные аресты представителей старой администрации, вплоть

до брандмейстера. Видя это, некоторые старшие начальники, занимавшие ответственные посты, стали подавать в отставку и уходить от казачьих дел. Но П.Х. оставался на своем посту и силами своих юнкеров старался преграждать путь всякому произволу. Когда Донской Исполнительный Комитет расположился в Атаманском дворце как «хозяин Донской земли», а его Военный отдел в здании Областного правления, генерал Попов, пригрозив юнкерами, потребовал очистить занятые помещения, что и было выполнено. Однако Военный отдел решил арестовать генерала Попова и для этого направил к училищу батальон солдат с пулеметами. Но когда солдаты подошли к училищу и потребовали его выдачи, юнкера заявили, что арестовать П.Х. можно, только перейдя через их трупы, и батальон «несолоно хлебавши» ушел, а П.Х. оставался начальником училища до смерти генерала Каледина или, вернее, до оставления Новочеркасска 12 февраля 1918 года.

У Военного отдела было намерение «разогнать» войсковой штаб, атаманскую канцелярию и Донское Областное правление. Тогда П.Х. принял соответствующие меры по охране этих учреждений, а отделу пригрозил, что если он попытается их «разогнать», то он перевешает его членов. На этом дело и кончилось. Когда в Военном отделе по адресу казаков стали раздаваться угрозы: «Поцарствовали и буде... теперь наш черед пришел... мы эти казацкие привольности да угодыя — во как зажмем...» — П.Х. был, вероятно, единственным человеком, настаивающим, что для преграждения проникновения на Дон красных идей и против угроз Военного отдела нужно противопоставить мощную казачью организацию. При молчаливом содействии Исполнительного Комитета солдатская масса, наглея, стала вмешиваться и в экономическую жизнь войска: повсюду начали появляться представители армейских комитетов и их комиссары и начали распорядиться, реквизировать, отчуждать и т. д. И П.Х. проявил инициативу в создании Союза казаков, задачами которого были объединение казаков на «казачьей платформе» путем созыва казачьего съезда для разрешения войсковых вопросов и выработка правил созыва Войскового круга. Он прежде всего собрал вокруг себя группу офицеров из войскового штаба, атаманской канцелярии и Областного правления. В этом ему помогали А.П. Елифанов⁷³, А.П. Бондырев, братья Бояриновы, подъесаул Сухоруков и др., которыми был создан Офицерский союз. Пользуясь положением почетного члена Новочеркасского станичного правления, П.Х. настоял, чтобы оно приняло активное участие в организации Союза донских казаков. Как председатель организационной комиссии, П.Х. от имени правления созвал 14 марта собрание казаков станицы и всех казаков, прожи-

вавших в данное время в городе. На нем присутствовали большие группы, представлявшие казачьи части Новочеркасского гарнизона, группы казачьей молодежи из всех учебных заведений города. А в виде представительства от станиц всего войска П.Х. командировал на собрание всех юнкеров, свободных от нарядов.

✓
Собрание получилось импозантное во всех отношениях. Единогласно было принято решение о создании Союза Донских Казаков. Попытка есаула Голубова и редактора газеты «Вольный Дон» Казмичева сорвать дело организации Союза не удалась, и они получили горячую отповедь от П.Х. и С.И. Бояринова⁷⁴. Председателем организованного Союза Донских Казаков усиленно просили быть П.Х., но он отказался в пользу подьесаула Сухорукова.

✓
Следующей задачей П.Х. было объединить казачий Офицерский союз с Союзом Донских Казаков. И это ему удалось. Председателем правления объединенного Союза был избран есаул А.П. Епифанов.

✓
Организация Союза произвела в городе сенсацию, и к П.Х. в Военное училище потянулись делегации с выражением благодарности за объединение казаков в Союз. Официально участия в работах правления Союза П.Х. Попов не принимал, но, по свидетельству члена правления Г.И. Карева (журнал «Казачье Дело», № 4—5), «формально не входя в состав правления, очень близкое участие в делах Союза принимал ген. П.Х. Попов». По его инициативе первым актом правления Союза было обращение к вр. исп. должность Войскового атамана Е. Волошинову о передаче Союзу, как единственной казачьей общественно-политической организации газеты «Вольный Дон», бывшей в то время официальным донским органом, но находившейся в ведении Донского Исполнительного Комитета, что и было сделано.

✓
Донской Исполнительный Комитет, при помощи есаула Голубова, пытался подчинить Союз себе «как единственной законной революционной власти», но ничего из этого не вышло. Голубов пытался также на эту тему говорить с П.Х. «о важных казачьих делах», но генерал Попов его не принял с предупреждением, что если он к нему явится вторично, то он предаст его суду юнкеров.

Союз Донских Казаков был первым островком среди надвигающегося потопа большевизма, и его организация была оправдана последующими событиями как на Дону, так и вообще в России. Это большая заслуга генерала Попова перед войском в дни смутного времени на Руси.

Для того чтобы легализировать существование Союза, была послана телеграмма военному министру Временного правительства Гучкову с просьбой утвердить Союз с кратким сообщением о его целях и за-

дачах. После ответной телеграммы Гучкова от 24 марта, утверждавшей Союз и одобрявшей его цели и задачи, Союз стал именоваться «Войсковым Союзом Донских Казаков» и 7 апреля выпустил свое первое «Воззвание к донским казакам», которое почти полностью было написано П.Х.

Параграф 1 гласил: «С.Д.К. в лице Временного Правительства и Государственной Думы признает единственную государственную власть и заверяет в готовности защищать эту власть от посягательств, с какой бы стороны они ни исходили. Союз заранее приветствует тот новый порядок устройства России, который будет установлен Учредительным Собранием».

Параграф 2: «С.Д.К. приветствует героическую русскую армию и присоединяется к ее мощному голосу — довести войну до победного конца».

Параграф 3: «С.Д.К. шлет глубокий поклон на войну в окопы и на Дон родным станичникам и призывает их к единодушной работе по устройству своего быта и своей службы на исторических казачьих основаниях широкого самоуправления».

В этом воззвании П.Х., определяя свое отношение к войне и к устройству новой России, проявил максимум лояльности к Временному правительству. Однако 15 апреля тот же министр Гучков сообщил вр. исп. должность Войскового атамана (назначенному на эту должность Областным Исполнительным Комитетом), председателю Областного Исполнительного Комитета (создавшемуся самочинно революционным порядком, фактически без участия организованного казачества) и председателю С.Д.К., что «устройство краевой жизни остается в ведении Областного Исполнительного Комитета, а Атаману, как представителю Российского правительства, надлежит согласовать свою деятельность с работой этого Комитета». Этим сообщением Гучкова «хозяином» на Дону делался Облисполком, а вр. исп. должность атамана — агентом Временного правительства.

Генерал Попов на это послал Гучкову письмо, указывая на несуразность его сообщения и что оно может повести не только к разного рода недоразумениям, но и вызвать на Дону междоусобицу в борьбе за власть. Ответа от Гучкова не последовало, а С.Д.К. продолжал назначенную работу по организации войскового казачьего съезда в Новочеркасске. Одновременно им было отправлено воззвание к казакам на фронт с призывом к объединению «в целях выхода казачества на его исторический путь существования — по казачьему «присуду», положившее начало созданию в действующей армии особых казачьих комитетов, начиная от дивизий и кончая штабами фронтов, под разными

названиями, и удержавшее казаков от вхождения в комитеты солдатских депутатов.

λ На казачьем съезде в Новочеркасске П.Х. был делегатом от станиц Новочеркасской и Мигулинской и от Новочеркасского военного училища.

В Военном отделе Облисполкома в то же время состоялось бурное заседание, на котором прапорщик Арнауты и есаул Голубов требовали разгона С.Д.К., ареста и предания революционному суду генерала Попова как инициатора, организатора и вдохновителя этого Союза. Но представители училища есаулы Захаров и Сутулов припутнули Комитет юнкерами и казачьим гарнизоном, и все успокоились.

λ Одновременно П.Х. не терял связей с Петроградом и неоднократно писал членам Государственной думы Саватееву и Аккракандцеву, членам «Донского Куреня» Харламову, Лагунову и др. о необходимости созыва в Петрограде или Москве общеказачьего съезда для «выявления казачьего лица, его отношения к революции и обмена мнениями о будущем казачества». «Петроградские» казаки приняли соответствующие меры, и в результате 17 марта Волошиновым и генералом Поповым была получена от Саватеева телеграмма о том, что премьер-министр Временного правительства князь Львов разрешил казачий съезд в Петрограде для выяснения «казачьих нужд» и просил атамана сделать распоряжение о высылке представителей от каждой станицы, что официальное распоряжение по этому поводу делается военным министром Гучковым не только во все казачьи войска, но и казачьи части действующей армии и что съезд созывается на 23 марта. Действительно такое распоряжение было получено в Новочеркасске и в окружных станицах 18 марта. Новочеркасская станица в числе других делегатов выбрала генерала Попова, но он по состоянию здоровья не мог поехать.

ψ Я не буду останавливаться на работах этого съезда, но не могу не отметить, что П.Х. тихо и скромно, без рекламы и шума, но и здесь приложил свою руку, а какова была польза от совета Союза казачьих войск — общеизвестно. А на открытии съезда член Государственной думы Саватеев в своей речи отметил, что инициатива созыва съезда принадлежит генералу Попову.

На апрельском казачьем съезде в Новочеркасске П.Х. — член его президиума и делегат от нескольких станиц и от Новочеркасского военного училища. На первом, майском Войсковом круге он делегат от станиц Новочеркасской и Казанской.

λ Когда поднялся вопрос о кандидатах в атаманы, имя П.Х. было названо одним из первых. Но он отвечал: «Подождем приезда гене-

рала Каледина. Его знает не только Дон и вся Россия, но и заграница. Ему и быть Атаманом, а я пригожусь и на меньших ролях». При приезде генерала Каледина в Новочеркасск П.Х. одним из первых ему делает визит и после говорит М.П. Богаевскому: «Вы наш Златоуст. Сумейте уговорить А.М. Каледина баллотироваться в Атаманы». 18 июня А.М. Каледин был выбран Войсковым атаманом. При выборах Кругом начальника войскового штаба первым кандидатом был выставлен генерал Попов, но и тут он отказался, говоря, что революция может так обернуться, что у атамана и Войскового штаба может не оказаться никакой воинской части, кроме училища, поэтому он предпочитает оставаться во главе его, дабы сохранить надежную воинскую силу.

После выборов Войскового атамана и правительства П.Х. как будто отходит от общественно-политической деятельности, проводя все время в училище, но это только кажется. Вечерами он или у атамана Каледина, или у его помощника М.П. Богаевского, помогая им советом и делом. Особенно ярко это выразилось в дни «мятежа» генерала Корнилова, когда Временное правительство объявило атамана Каледина мятежником, мобилизовав против Дона Московский и Казанский военные округа и приказав начальнику Ростовского гарнизона генералу Черноярову арестовать атамана, бывшего в то время в поездке по северным округам области. М.П. Богаевский объявил «сполох» и обратился за помощью и советом к генералу Попову, чтобы предупредить атамана об опасности и не допустить его ареста. В хутора и станицы были посланы «летучки», и, кроме того, П.Х., сговорившись с М.П., посылает шесть юнкерских вооруженных отрядов с задачей разыскать атамана и доставить его в Новочеркасск. Одна из этих групп, на двух автомобилях, была захвачена Красной гвардией на станции Морозовская.

На Войсковом круге, обсуждавшем «мятеж» Каледина, П.Х. был одним из первых, считавших необходимым послать Временному правительству телеграмму «С Дона выдачи нет», а атаману Каледину приказать никуда не ездить и по-прежнему выполнять обязанности Войскового атамана, а на случай, если А.М. Каледин решил бы ехать в Могилев, П.Х. для его сопровождения и охраны в пути организовал особый юнкерский отряд с пулеметами и ручными гранатами под командой есаула Н.П. Слюсарева⁷⁵.

После захвата власти в Петрограде большевиками атаман Каледин вместе с генералом Поповым изучает вопрос — как избежать распространения советской власти и на казачьи земли. П.Х. предлагает создать казаче-украинский барьер от Оренбурга до Курска, чтобы отрезать большевиков от богатых Юга и Сибири и тем «уморить» их, а

генералу Алексееву с его Добровольческой организацией предоставить в этом «барьере» район Саратов—Камышин. Для установления связи по этому вопросу он послал к Оренбургскому атаману Дутову⁷⁶ письмо от генерала Каледина со своим бывшим юнкером сотником Дмитриевым.

Атаман консультировался с генералом Поповым и по многим другим вопросам: когда приезжали к нему представители союзных военных миссий и посольств из Петрограда на предмет обсуждения борьбы с большевиками в целях продолжения борьбы с немцами; когда французское военное представительство в Румынии считало нужным отвести находившуюся на границе катастрофы румынскую армию к границам Дона для реорганизации и вело по этому поводу переговоры с генералом Калединым, поручившим генералу Попову разработать план расположения румынских войск на границах Дона. Румынский король Фердинанд принял предложение французов, но этому воспротивился председатель совета министров Братианов.

Совместно с генералом Алексеевым генерал Каледин вел переговоры с командованием чехословацких и польских легионов о переброске их к границам Дона. Разработка плана расположения этих войск была тоже поручена П.Х. Однако президент Масарик воспротивился тому, чтобы чешские части вмешивались в «русские внутренние дела». Его примеру последовали и поляки. Отмечаю все это как факты особого доверия атамана Каледина и как доказательство того, что он высоко ценил способности П.Х.

Атаман Каледин во все ответственные моменты давал начальнику училища важные поручения. В дни обезоружения запасных полков на Хутунке П.Х. был назначен «как бы» командующим войсками Новочеркаска. И задача эта была блестяще выполнена. В дни «Ростовского похода» атаман Каледин назначил П.Х. «как бы» своим помощником по военной части для организации похода, и с этой задачей П.Х. справился блестяще, собрав в распоряжение атамана необходимые воинские силы. П.Х. пользовался безграничным доверием атамана, который одно время предлагал ему пост Походного атамана, но П.Х. от этой чести отказался в пользу генерала Назарова, обещая свою помощь советом и делом. И он это выполнил, прежде всего, в организации партизанских отрядов, главной базой организации которых было училище.

Выполняя все эти важные и много других мелких дел и поручений, генерал Попов не забывал и своего училища, создав ему авторитет грозной несокрушимой силы в распоряжении атамана. Училище являлось хранителем порядка в столице Дона, здесь была сосредоточена реши-

мость борьбы с Советами за свободу Дона, здесь была идеологическая и материальная база сказочного донского партизанства, здесь, начиная с Чернецовского отряда, формировались и обучались почти все партизанские отряды, здесь было зарождение Добровольческой армии, и первых своих добровольцев генерал Алексеев принимал от начальника Новочеркасского военного училища генерала Попова, искренно благодаря его за прием и ласку, оказанные его добровольцам, которым в училище вначале предоставлялись не только крыша и питание, но и обмундирование за счет училища. А когда не оказалось больше свободных помещений для общежитий, П.Х. отдал для этого свою личную квартиру.

Своих юнкеров он посылал во все концы Дона для перевозки денежных сумм. В Новочеркасске юнкера несли караулы, а когда нужно было «заткнуть дырку» на фронте, они, как отряды «скорой помощи», появлялись где нужно и лихо били большевиков. Когда выяснилось, что «Алексеевская организация», имея юнкеров-артиллеристов, не может получить орудий, он, чтобы не раздражать команды донских батарей отобранием у них пушек, посылает своих юнкеров вместе с юнкерами-добровольцами под командой генерала Герасимова⁷⁷ (помощника начальника училища) в село Лежанка, чтобы там «украсть» орудия в 39-й пехотной дивизии. Задача выполнена блестяще, и добровольцы получили нужные им орудия. Когда в Новочеркасске в январе 1918 года образовался подпольный военно-революционный комитет, деятельным членом которого был войскового штаба есаул Щепкин, генерал Попов, при помощи есаула Чернецова, своими юнкерами разгромил эту организацию, захватив с полицным урядника Фомина и члена Круга сотника Запорожцева.

По настоянию генерала Попова для поддержания в городе порядка все донские офицеры, проживавшие в Новочеркасске, были взяты на учет и сведены в сотни Донского офицерского резерва, начальником которого по предложению П.Х. намечался генерал И.Д. Попов⁷⁸, но по настоянию войскового штаба им был назначен генерал Груднев⁷⁹, который не оправдал возлагавшихся на него надежд, тогда как генерал И.Д. Попов показал себя в Степном походе и позднее блестящим организатором и храбрым начальником.

П.Х. председательствовал на собрании офицеров, когда есаул Чернецов призывал их стать на защиту Дона, но, когда выяснилось, что записалось для этого всего 27 человек, генерал Попов сказал: «Какой позор! Я бы всех вас согнул в бараний рог и прежде всего лишил бы содержания». А Чернецов заявил собранию, что «при таком положении большевики скоро займут Новочеркасск и в первую очередь бу-

дуг вешать офицеров»; он будет знать — за что его вешают, «а вы и этого знать не будете». В результате записалось 115 человек, но для отправки на фронт явилось 38.

Атаман Каледин не только не имел достаточно военных сил для борьбы с большевиками, но не имел для этого и достаточных денежных средств. И в этом отношении генерал Попов пришел ему на помощь: в начале января 1918 года, пользуясь не только своими личными связями, но и связями своего отца, он собирал в училище поочередно директоров местных банков, хозяев донских коневодств, директоров горно-заводской промышленности, совета Союза донских дворян и торговых казаков, которым предлагал «тряхнуть мощной» и собрать средства. В результате было собрано около 15 миллионов рублей, но... было поздно — атаман Каледин застрелился. Собранные деньги поступили в распоряжение нового атамана генерала Назарова, который по совету П.Х. сразу же передал из них 6 миллионов генералу Алексееву для Добровольческой армии.

Когда, по свидетельству генерала Деникина, в высших кругах Добровольческой армии зародилось неудовольствие атаманом Калединым за отсутствие у него «дерзания» в борьбе с большевиками, председатель Союза донских дворян Леонов, по полномочию, как он говорил, старейших дворян Донского войска из военной среды, пришел к П.Х. с предложением «взять в свои руки атаманский пернач, если нужно, насильственным путем при помощи юнкеров и поддержке донских дворян», которых якобы поддержит «все донское офицерство», П.Х. просто выгнал Леонова, предупредив, что если он сделает такое предложение кому-нибудь другому, то будут арестованы и повешены юнкерами все причастные к этой попытке переворота.

Когда до атамана Каледина стали доходить слухи, что Добровольческая армия собирается покинуть пределы Дона, то он командировал в Ростов генерала Попова, чтобы он в «личной дружеской беседе выяснил бы планы ген. Корнилова». В Ростове он не застал генерала Корнилова, а в штабе Добровольческой армии его заверили, что «слухи неверны». Факт командирования П.Х. к генералу Корнилову для «дружеской беседы» с ним свидетельствует об их взаимной симпатии, и недаром генерал Попов о генерале Корнилове говорил, что «он был не из породы недотеп», а генерал Корнилов при «Ольгинском споре» поддерживал план Походного атамана Попова.

Когда 29 января 1918 года в Атаманском дворце происходило трагическое совещание атамана с Войсковым правительством о дальнейшей борьбе с большевиками, П.Х., предчувствуя «недобрые решения», с раннего утра находился в штабе Походного атамана, где совеща-

ся с начальником штаба полковником Сидориным «о надвигающейся беде». Когда из дворца сообщили, что атаман и правительство сложили свои полномочия и атаман приказал Походному атаману генералу Назарову «прекратить огонь — больше ни одного выстрела», П.Х. первым звонит генералу Каледину, который решительно ответил: «Вопрос решен — другого выхода нет» и сообщил, что в районе хутора Малый Нецветай появился сильный отряд красных с артиллерией и что нечем прикрыть это направление. П.Х. немедленно послал туда для разведки взвод юнкеров.

Когда появившийся в штабе Походного атамана войсковой есаул Янов сообщил подробности трагического заседания и высказал мысль о возможности самоубийства атамана Каледина и что нужно подумать о спасении атамана, П.Х. советовал полковнику Сидорину вызвать начальника атаманского отряда полковника Каргальского, отряду которого предлагалось, быть может, даже силой «спасти» атамана. Узнав, что во дворце бесповоротно решен вопрос о передаче власти городской думе, станичному правлению Новочеркасской станицы и военно-революционному комитету, П.Х. на это твердо заявил, что «допустить передачи власти нельзя, что борьба не может быть прекращена, нужно выиграть время, что с уходом Добровольческой армии из Ростова необходимо отойти от железной дороги, может быть, уйти в степи, но борьбу так или иначе продолжать». Его поддержал полковник Сидорин. Генерал Назаров по телефону сообщил атаману Каледину мнения П.Х., Сидорина и свое. Атаман Каледин, не выслушав до конца, раздражительно ответил: «Поступайте как хотите, я уже не атаман». Не прошло и полчаса, как из дворца сообщили, что атаман Каледин застрелился.

Акт о передаче власти подписан не был. П.Х. считал до самой своей смерти, что «покойный Каледин не исчерпал всех средств и сдался преждевременно». На вопросы «что ж теперь будет?» П.Х. отвечал: «Никому власть не может быть передана. Будет избран новый атаман, и борьба будет продолжаться». И пользуясь положением почетного члена правления Новочеркасской станицы, он поднял в ее правлении «сполох». Когда соборный колокол извещал горожан о смерти атамана, «сидельцы» станичного правления и юнкера созывали народ для решения вопроса об атаманской власти и о судьбе Дона. По «сполоху», поднятому генералом Поповым, громадное здание станичного правления к вечеру было набито битком. Люди сидели на открытых окнах, на деревьях, заполнили тротуары. Неутомимый М.И. Бояринов⁸⁰ размещает, уплотняет и на вопрос, кто будет атаманом, отвечал: «Атаманом быть П.Х. Попову». Когда последний появился в зале — со всех

сторон крики: «Просим быть Войсковым атаманом». Полковник Сидорин сделал краткий доклад о положении, из которого следовало, что оно не так уж плохо, что борьба может продолжаться. После него говорил генерал П.Х. Попов: «Выборы атамана — прерогатива Круга. Круг собирается только 4 февраля. Войско не может оставаться ни одной минуты без атамана. Существует принцип преемственности власти, в силу которого власть Войскового атамана должен взять на себя Походный атаман генерал Назаров. Вот наш новый атаман», — закончил П.Х., указывая на входящего генерала Назарова и, чтобы не смущать собравшихся своим присутствием, передает председательствование полковнику Бояринову, а сам уходит на обмывание тела погибшего атамана.

Генерал Назаров сообщил, что получена телеграмма от генерала Корнилова, что Добровольческая армия задерживается в Ростове, что это дает возможность продолжать борьбу, но и казаки должны помочь партизанам. Собравшиеся предлагают сейчас же начать запись в «боевую дружину», обещают атаману всестороннюю помощь и поддержку в создании армии для борьбы с большевиками и просят генерала Назарова принять пост Войскового атамана до Войскового круга. Войсковой старшина Н.И. Тарарин⁸¹ объявляет, что предварительная запись в «боевую дружину» уже дала около 200 человек. А.М. Назаров соглашается принять «тяжелый крест» до собрания Войскового круга и всем записавшимся в дружину предлагает немедленно отправиться в Кадетский корпус. Затем отправляет офицеров-добровольцев в ближайшие станицы поднимать «сполох» для защиты Дона путем организации станичных дружин, направляя их в Новочеркасск. Сам он отправляется в Кадетский корпус, где вместо записавшихся 200 человек находит... всего около 30.

В 6 часов утра генерал Назаров вызывает к себе в штаб Походного атамана генерала П.Х. Попова, которому сообщает: «Собрание казаков просило меня взять на себя обязанности Войскового атамана. Я согласился. Вы здесь свой человек. Дон в опасности. Прошу мне помочь и принять пост Походного атамана». Так же кратко П.Х. ему ответил: «Знаю, дорогой Анатолий Михайлович, что Дон в опасности. Не смею отказываться».

Сразу приступили к делу. Первым актом было обращение к войску, в котором говорилось: «Помогите партизанам! Спасайте честь Родины и старого Дона! Пушки гремят уже под Сулином...»

Как в первые дни революции, в атмосфере развала, анархии, распада и разнузданности, так и в дни казачьих трагедий, самоубийства Каледина, в момент растерянности, когда казалось, что все потеряно,

все рухнуло, борьба проиграна, П.Х. был в творческой роли организатора, советника, духовного руководителя, вдохновителя и борца за интересы и идеалы казачества. И сам он в эту столь критическую, тяжелую и почти безнадежную минуту при отсутствии воинской силы, при всеобщем упадке духа, когда другие не хотели брать никакой ответственности, он ее не убоился, смело стал во главе горсти партизан, с глубокой верой, что казаки опомнятся и рано или поздно придут на помощь партизанам.

31 января атаман Назаров поехал в Ростов к генералу Корнилову. Генерал Корнилов просил помощи в 2000 бойцов в течение 10 дней. 1 февраля в его распоряжение с Новочеркасского фронта направлены отряд полковника Краснянского, Чернецовский отряд под командой есаула Лазарева, отряд сотника Хоперского, добровольно формируется дружина казаков Гниловской станицы, которая выступает на помощь корниловцам под ст. Хопры. В район армянских поселений в Ростовском направлении направлены отряд есаула Назарова и дружина Александровской станицы. Ольгинская станица выставляет свою дружину в сторону Батайска, станицы Аксайская и Грушевская выставляют свои дружины из «фронтовиков» для защиты юртов своих станиц. Эти же станицы посылают дружины стариков в Новочеркасск, куда идут и дружины из других станиц. Походный атаман генерал П.Х. Попов лично посещает 7-й Донской казачий полк и остатки 16-го и 17-го полков. Так как в 7-м полку было много казаков Новочеркасской станицы, он обещает выступить. В 16-м и 17-м полках людей почти нет, но офицеры этих полков есаул Боков, есаул Власов, войсковой старшина Мартынов, есаул Бобров и подъесаул Аврамов формируют свои отряды. Формируются также и новые партизанские батареи.

В ожидании прибытия в Новочеркасск станичных дружин П.Х. обратился к начальнику Донского офицерского резерва генералу Грудневу с просьбой выделить для формирования этих дружин нужное количество офицеров. Генерал Груднев отказался, указывая, что это не его дело, а дело войскового штаба. А войсковой штаб, в свою очередь, утверждал, что если дружины составлены из добровольцев, то и командный состав также должен был быть из них. По просьбе П.Х. было созвано собрание офицеров резерва, на котором П.Х. произнес большую речь, призывая офицеров организовать офицерские дружины и идти в организуемые станичные дружины. Поговорили и разошлись... Почему? По свидетельству полковника Добрынина, «одни из чувства простого самосохранения, другие не могли и не хотели этого делать из-за самолюбия, оскорбленного незаслуженным недоверием широких казачьих масс...», а генерал Деникин пишет: «Донское офицерство, насчитывающее несколько ты-

сяч, до самого падения Новочеркаска уклонялось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую Армию — единицы, а все остальные, связанные кровью, имущественно, земельно с Войском, не решались пойти против ярко выраженного настроения и желания казаков-фронтовиков». И в результате офицеров для станичных дружин не нашлось. Офицеров на местах в станицах было мало, и больше молодых, которые не хотели идти в командиры к старикам, да и старики рассчитывали, что командиров им дадут в Черкасске.

Когда в Новочеркасск стали прибывать станичные дружины, кстати сказать значительно поредевшие по пути, часть их была помещена в Кадетском корпусе, в Военном училище и других учебных заведениях, но главная масса была помещена по частным квартирам. Те, кто попали в корпус или училище, жили как кадеты и юнкера и так же питались, то есть так, как не всегда питались дома. Большевистские агитаторы использовали это для пропаганды, говоря, что не напрасно за ними так ухаживают, дружинники им поверили, что «тут не все чисто», и постепенно стали «возвращаться» домой. Те, кто попали в другие учебные заведения, довольствие должны были получать через начальника снабжения, где всякие мелкие чиновники, не сочувствовавшие борьбе с большевиками, всячески тормозили дело питания. В обстановке того времени бороться с этим было трудно, и эти дружинники также под влиянием большевистской пропаганды стали возвращаться в свои станицы. Те же, кто оказались размещенными по частным квартирам, оказались не в лучшем положении. Если призывы атаманов Назарова и Попова всколыхнули станичных казаков старших возрастов, то они не коснулись многих городских обывателей, которые думали лишь о своем личном благополучии, предоставляя другим подставлять свою грудь под пули большевикам, так же как кормиться и одеваться за свой счет. Зажиточный городской элемент мог и был обязан поддержать подъем «серой» казачьей массы, но эта масса не только не встретила сочувствия, но подчас чувствовала и вражду за принудительный постой на квартирах и особенно за пользование кухнями. Предоставленные сами себе дружинники эти подверглись усиленной большевистской пропаганде, стали постепенно «остывать» и распыляться.

Кроме всего этого, при всем желании, особенно в условиях того времени, за два-три дня из необученной массы нельзя было «сколотить» хотя бы относительно боеспособную часть, а посылать людей просто на «убой» атаман Назаров и генерал Попов не могли себе позволить. В результате атаман Назаров не смог выполнить требований Добровольческой армии оказать ей помощь людьми. Об этом хорошо

знали и в штабе Добровольческой армии, так как уже 5 февраля там снова был решен вопрос об оставлении Ростова. Атаман Назаров, узнав об этом случайно, поехал в Ростов 7 февраля и сообщил, что все-народного ополчения не получилось, что он больше того, что уже дал, ничего дать не может и поэтому благодарит Добровольческую армию за все ею сделанное и больше задерживать ее не может.

В ночь на 9 февраля Добровольческая армия покинула Ростов, а 10-го закончила переправу через Дон, уводя с собой и донские партизанские отряды, бывшие на Ростовском фронте. Новочеркасск со стороны Ростова оказался неприкрытым. Походный атаман генерал Попов перебросил в станицу Аксайскую 2-ю сотню Новочеркасской дружины, вторую часть Чернецовского отряда под командой ротмистра Курочкина и просил генерала Корнилова задержать в Аксайской отряд полковника Краснянского.

Возвращаясь немного назад. 31 января генерал Назаров сдавал штаб Походного атамана генералу Попову. Офицеры штаба, так же как и офицеры войскового штаба, были собраны в одной из комнат штаба Походного атамана. Атаман Назаров довольно пространно обрисовал картину общего положения, затем закончил словами: «Все вы знаете П.Х., прошу выслушать и его».

Генерал Попов сказал почти дословно: «Вы меня знаете, знаю и я вас всех за отдельными исключениями. Но не все офицеры как Войскового, так и штаба Походного атамана присутствуют здесь. Это плохая примета. Значит — не все сочувствуют делу борьбы с большевиками и, вероятно, собираются от нее уклониться. Предупреждаю, что борьба будет продолжаться до полной победы над большевиками и никаких компромиссов. Сил у нас немного, но тот, кто сражается на фронте, имеет сильный дух и непреклонную волю к борьбе до победы. Этим мы и победим. Красная гвардия сильна числом своих людей и вооружением, но слаба духом. Красное командование старается привлечь на свою сторону казаков. Если ему удастся это сделать, хотя бы временно — это будет казачьей трагедией. Чтобы не устраивать бойни между казаками, быть может, нам придется на какое-то время покинуть Новочеркасск. Но этим борьба не будет закончена. Мы уйдем в степи и там переждем исцеления казаков от нейтралитета. Придет весна, казак поймет, где правда и право, и встанет на их защиту». Дальше призывал не терять веру в то, что казаки не потерпят советского рабства, и «мы, офицеры, должны помочь им скорее разобраться в сущности большевизма».

П.Х. уже тогда допускал возможности оставления Новочеркаска, все свои планы строил на выздоровлении казаков от «нейтралитета» и

уже тогда думал о Задонских степях как о временном пристанище для тех, кто не желал признавать советской власти и готов был бороться до конца.

По оставлении Ростова, естественно, вставал вопрос об оставлении Новочеркаска. Поэтому еще 5 февраля атаман Назаров, когда Круг постановил вести борьбу до победы, «на всякий случай» командировал в станицу Константиновскую генерала П.Н. Краснова с задачей приготовить на месте прием войсковых учреждений, партизанских отрядов и Войскового круга. Круг, со своей стороны, командировал туда же особую комиссию во главе с полковником С.К. Бородиным⁸². А Походному атаману было приказано подготовить план эвакуации Новочеркаска.

✓ Войска северной группы генерала Ф.Ф. Абрамова⁸³ и войска северо-западного направления генерала А.В. Черячукина в неравных боях, цепляясь за каждую пядь земли, постепенно отходили к Новочеркаску. К 9 февраля генерал Абрамов подошел к Персиановке, всего в 12 верстах от Новочеркаска, а генерал Черячукин с незначительными силами подошел к ст. Грушевской в 15 верстах от столицы Дона.

По данным разведки штаба Походного атамана, красные Антонова-Овсеенко, окружавшие Новочеркасск, не считая Ставропольской группы, принявшей участие во взятии Ростова, имели свыше 30 тысяч бойцов, свыше 200 пулеметов, больше 30 легких орудий и 4 тяжелых, несколько броневых автомобилей и 2—3 бронепоезда. Больше половины красных войск было с северной и северо-западной стороны Новочеркаска.

Казачьи революционные полки Голубова, не вступившие еще в бой и находившиеся в районе Александро-Грушевской, в любой момент могли занять станицу Раздорскую, Мелиховскую и Бесергеновскую и тем отрезать путь партизан на Константиновскую.

✓ Против всей этой массы красных в распоряжении Походного атамана официально числилось около 3000 человек, находившихся как на боевых участках, так и в Новочеркаске. В это число входили малонадежные: Новочеркасская и Константиновская дружины, 7-й Донской казачий полк, две сотни студенческой дружины, фельдшерские и общеобразовательные курсы; малочисленные и совершенно небоеспособные остатки дружин из стариков Аксайской, Гниловской и других станиц. Все это составляло около 1500 человек. На формировании в Новочеркаске находилось несколько партизанских отрядов, главным образом из учащейся молодежи — около 500 человек. И только около 1000 вполне боеспособных и надежных партизан было на фронте. На вооружении всей этой «армии» было около 10 орудий (трехдюймовых), около 50 пулеметов и один примитивный бронепоезд.

Положение Новочеркасска стало критическим. В то время в городе возник слух, что Голубов передал кому-то записку с предложением впустить его казаков в город, чем якобы гарантировалась полная безопасность населения от произвола, самосудов, насилий и грабежей. Эти его обещания смутили горожан и немалую часть офицеров, проживающих в Новочеркасске, и весь день 9 февраля атаман Назаров и штаб Походного атамана были засыпаны недоуменными вопросами отцов города и офицеров — неужели город может стать ареной кровопролитий, когда Голубов предлагает такие заманчивые условия? Слухи об этом проникли и в Войсковой круг и нашли здесь сторонников, которые начали сначала осторожно, а потом все смелее говорить о необходимости послать делегации к красным главковерхам Голубову, Сирвесу и Саблину.

Войсковой и Походный атаманы, насколько могли, удерживали Круг от этого, но Круг не внял их голосу и уже 9 февраля послал свои делегации в Ростов в штаб Сиверса и в Александро-Грушевскую к Голубову.

В такой обстановке генерал Назаров и генерал Попов должны были подумать как о дальнейшей борьбе, так и о судьбе партизан. Вечером 9 февраля ими были собраны все начальники отрядов, дабы посвятить их в подробности создавшейся обстановки и выработать дальнейший план действий.

Собрание, на которое были приглашены и президиум Круга, и некоторые общественно-политические деятели, началось с доклада Войскового атамана. Генерал Назаров обрисовал обстановку, указав, что Круг еще 5 февраля постановил перенести свою работу в Константиновскую. Туда же, по мнению генерала Назарова, нужно эвакуировать и золотой запас, интендантские склады, войсковые учреждения, госпиталь и т. д. Главная же задача вооруженных сил — воссоздание Большого Войскового круга и через него возрождение войска и его освобождение от советской власти. Ближайшая же задача, сосредоточив в одном кулаке все силы, — разбить красных на северном Персиановском направлении, потом повернуть на Константиновскую для осуществления поставленных задач. Сам генерал Назаров предлагал лично руководить всеми боевыми операциями и даже лично водить войска в атаку. План этот отличался необыкновенной простотой и был полон рыцарского порыва.

Он не встретил почти никаких возражений со стороны начальников отрядов, хотя было очевидно, что он не отвечал создавшейся обстановке. Времени для столь громоздкой эвакуации было мало, да и путь на Константиновскую мог быть отрезан в любой момент (что и случилось уже 11 февраля). Маленькая армия детей-партизан по-

несла бы такие потери, восстановить которые было бы невозможно. Но молчаливое согласие начальников отрядов, идейных людей, решивших скорее умереть в открытом бою за честь Родного Края, чем искать пощады у врага, было также понятно. Это был все же какой-то выход.

Генерал Попов предложил несколько иной план. Он указал, что решение вопроса должно строго логически вытекать из задания, поставленного войскам, — воссоздание Большого Войскового круга и возрождение Дона. Но большевистская зараза в создавшейся обстановке захватывает уже и станицы, и, следовательно, выполнение основного задания — задача будущего, а в данное время нужно больше всего думать о выигрыше времени, необходимого станицам и еще уцелевшим полкам для выздоровления от большевистского угара. Параллельная задача — сохранение хоть маленькой, но реальной силы, на которую станицы могли бы опереться в момент пробуждения Дона для дальнейшего создания мощной Донской армии, для окончательного очищения Дона от красных. Пробуждение же Дона наступит через полтора-два месяца, с наступлением весны и началом полевых работ.

При выполнении же плана генерала Назарова большевики, несомненно, попытаются втянуть голубовских казаков в боевые действия, и партизанам придется драться со своими же казаками, которые в скором времени могут превратиться из Савлов в Павлов и тоже выступить против красных.

Отсюда вытекает дальнейший план действий: не подвергая несомненному риску уничтожения в неравном бою крошечной армии партизан, необходимой для будущей борьбы, вывести ее в такое место, где она бы оставалась вне всякой зависимости от станиц, могла бы выждать полтора-два месяца, а когда обозначится отрезвление станиц, прийти к ним на помощь и приступить к осуществлению основной задачи. Для этого нужно вести партизан не на Персиановку, где они, вероятно, сложат свои головы, а в Задонские степи, в район зимовников, где найдется все необходимое для их существования. А Кругу переехать в Константиновскую, там продолжать свою работу, захватив все ценное и безусловно необходимое, так же как и раненых, и поддерживать связь с партизанами. К осуществлению такого плана нужно торопиться, так как окружение красными Новочеркаска заканчивается, абсолютно открытым остается лишь направление на Старочеркасскую станицу, которое временно обеспечивается остановкой в Ольгинской Добровольческой армии. Из Старочеркасской перейти за Дон, откуда можно перейти и в Константиновскую.

Предложение генерала Попова было горячо поддержано всеми начальниками отрядов и генералом Назаровым, сказавшим: «П.Х. прав. Не нужно подвергать армию риску».

Но командующими фронтами генералом Абрамовым и генералом Черячукиным высказалось иное мнение: всякая борьба, если она не поддержана казаками, должна быть прекращена, а партизаны распущены, так как надежды на «выздоровление казаков» проблематичны, в степях партизаны могут быть уничтожены. Им может быть предложено или остаться в городе, или в одиночном порядке, кто как пожелает, присоединиться к Добровольческой армии.

На другой день после совещания Походный атаман, с разрешения Войскового атамана, заменил генерала Абрамова на посту командующего Северным фронтом полковником Мамонтовым. При оставлении Новочеркаска генерал Абрамов уехал в свою станицу, а генерал Черячукин остался в городе.

Всю подготовку по оставлению Новочеркаска атаман Назаров возложил на Походного атамана, так как сам должен был все время проводить на непрерывных мучительных заседаниях Круга, который все не мог решить — уходить ли ему из города или оставаться? Но между генералом Назаровым и генералом Поповым было решено оставить город 11-го вечером. Поэтому генерал Попов уже в ночь на 10 февраля принимал все необходимые меры. И в ночь на 11 февраля приказал с раннего утра начать погрузку золотого запаса, интендантского имущества, продовольствия, огнеприпасов, раненых и т. д.

Всю ночь 11 февраля на Круге шла борьба между сторонниками ухода Круга с партизанами и сторонниками того, чтобы остаться в городе «для защиты населения от кровавой расправы, грабежей и насилия». Главным застрельщиком последнего решения был член Круга Маркин. К наступлению дня Круг решил остаться в Новочеркасске, и в тот же день от него посылается делегация к красному главковерху Ю. Саблину.

Когда шла агония Новочеркаска, в Александро-Грушевской казаки Голубова митинговали. 10 февраля вечером на собрании делегатов от частей ими было принято решение: оказать самую энергичную поддержку советским войскам в борьбе за взятие Новочеркаска. В параграфе 3 по настоянию Голубова было: «Для противодействия агитации Донского Войскового Правительства и занятия более удобного места для военных действий перейти ближе к Новочеркаску и Дону».

Комиссар голубовского отряда Пугачевский в своих воспоминаниях пишет, что параграф 3 рассматривался в штабе Саблина как попытка казаков «уйти из-под нашего влияния» и что это вызвало там тре-

вогу, так как там «боялись измены казаков». И этим он объясняет свое назначение в отряд Голубова с заданием «следить за поведением и настроением казаков, предотвратить возможную измену и их выступление против советской власти». В последнюю минуту 10 февраля Антонов-Овсеенко дал ему задачу: «Вести казаков в охват Новочеркасска по маршруту Шахты — хутор Ягодин — станица Раздорская». Пугачевский договорился с Голубовым выступить из Шахт в 2 часа дня 11 февраля, но в 12 часов узнал, что Голубов с казаками рано утром ушел из Шахт к Дону. Он бросился вдогонку. В Ягодине он встретил красную артиллерию отряда Петрова, от которой узнал, что Голубов в Ягодин не заходил. По дороге в Раздорскую догнал обоз Голубова и от обозников узнал, что Голубов пошел прямо на Мелиховскую, не заходя в Раздорскую. Пугачевский помчался туда и через некоторое время увидел: «...прекрасное, никогда не виданное, незабываемое зрелище — во всю ширь степи, теряясь в предвечерней мгле и снегах, шла донская кавалерия. Сзади пулеметы и артиллерия... которая неудержимым потоком стремилась к Новочеркасску...» Голубов объяснил комиссару, что он получил из Новочеркасска «добавочные сведения, по которым пришлось ускорить марш». Видимо, эти сведения доставила делегация Круга к Голубову, посланная в ночь на 10 февраля. Но об этом он умолчал. Когда Голубов шел в Мелиховскую, чтоб там переночевать, к Ю. Саблину спешила новая делегация Круга.

Прибытие отряда Голубова в Мелиховскую, о чем стало известно в штабе Походного атамана, в ту же ночь изменило положение Новочеркасска, и единственным путем отхода партизан осталось направление на Старочеркасскую.

Когда Круг 11 февраля послал свою делегацию к Саблину, атаман Назаров приказал Походному атаману остановить эвакуацию города до его особого распоряжения. И вместе с генералом Поповым продолжал уговаривать Круг уйти из города вместе с партизанами.

Одновременно принимались меры, чтобы из города ушло возможно больше казаков и тем более офицеров. Для этого еще 10 февраля Походный атаман вызвал генерала Груднева, начальника Донского офицерского резерва, и предложил ему подготовить резерв для оставления города. Генерал Груднев на это ответил, что он ничего «готовить» не будет, но с офицерами «поговорит» и предложит желающим уйти с партизанами. Небольшую группу он действительно собрал 11-го вечером, сообщил им предложение Походного атамана, но добавил, что лично он остается, а другие пусть поступают как хотят.

В тот же день, 10 февраля, генерал Попов побывал в правлении Новочеркасской станицы и просил его предложить казакам станицы

создать особую дружину для ухода из города; по его же распоряжению в тот же день было создано офицерское собрание в Епархиальном училище, на котором он призывал офицеров не оставаться на милость победителей, а уходить, записываясь в партизанские отряды. Офицеры поговорили и разошлись, только единицы записались в отряд Гнилорыбова⁸⁴, который нес охрану атамана, Войскового круга, Областного правления и казначейства. Побывал он и на собраниях общественных деятелей, представителей разных организаций, учреждений города и т. д. И там говорил о том же. Им было сообщено и в казачьи воинские части, расположенные в городе, о предстоящем уходе, а начальникам частей было предложено поговорить с казаками о желательности их ухода с партизанами.

11 февраля утром по приказанию Походного атамана было собрано еще одно собрание всех офицеров Новочеркаска. Собралось свыше 3000 человек. Начальник штаба Походного атамана полковник Сидорин призывал всех покинуть город. Наиболее решительные высказывались за отход всем офицерам сильной вооруженной группой под начальством Походного атамана, но раздавались и иные голоса — о необходимости вступления в переговоры с Голубовым. Поговорили и разошлись. «Решительных» оказалось мало. Одни из них вошли в состав Штаб-офицерской дружины, а другие, покинув город в одиночку, вошли в состав Конно-офицерского отряда в хуторе Арпачине.

В тот же день, когда Круг выбирал делегацию к Саблину, П.Х. уговаривал Круг этого не делать и уходить с партизанами, обещая Кругу «продержаться» в Новочеркасске до вечера 13-го или даже до утра 14-го. Но и это никого не соблазнило.

11-го же по просьбе Походного атамана было созвано еще одно совещание в Областном правлении из начальников отрядов, президиума Круга, представителей городской управы и Новочеркасской станицы, разных общественных и гуманитарных организаций и казачьих воинских частей. Генерал Попов обрисовал положение: хутор Протопоповский Аксайской станицы и станица Александровская заняты большевиками; хутор Каменный Брод Грушевской станицы занят матросами Мокроусова. Красные в непосредственной близости к Новочеркасску, ими заняты Несветайские хутора, и они на подступах к Персиановке. Голубов вошел в станицу Мелиховскую. Войсковой круг, вероятно, останется в городе — Бог ему судья. Но пусть не задерживает Войскового атамана. Эвакуация города задержана. Средств для эвакуации раненых нет. Кто о них позаботится здесь? Партизанские отряды уйдут за Дон. Если они задержатся в городе, то нет гарантий, что он не подвергнется бомбардировке. Если на

какое-то время город останется без власти, могут быть выступления черни, грабежи и насилия. Кто это предотвратит? Студенческая дружина самораспустилась. Если Круг останется, он должен совместно с разными общественными организациями взять на себя заботу о раненых. Сотни Новочеркасской дружины, которые не собираются покидать города, должны привлечь в свой состав других горожан и совместно с остающимися воинскими частями составить отряды самообороны и принять на себя охрану войсковых складов, учреждений и т. д. Придут большевики — будет расправа. Казаки Голубова от нее не спасут. Все те, кто не хотят быть ее жертвами и кто верит в Дон и его светлое будущее, должны уйти с партизанами.

Говорил генерал Попов более часа при абсолютной тишине. Президиум Круга заявил, что заботу о раненых партизанах он берет на себя, а представители станицы, дружины и казачьих частей обещали взять на себя караулы и поддержание порядка в городе. В тот же день генерал Попов приказал своему начальнику штаба послать в госпиталь, где находятся раненые и больные партизаны, полковника Грузинова для снабжения их на всякий случай деньгами из средств штаба. Распоряжение это было выполнено рано утром 12 февраля. В ночь на 12 февраля П.Х. снова выступает на Круге все по тому же вопросу — оставаться ли Кругу в городе или нет?

Ранним утром 12 февраля Походный атаман дает распоряжения об охране города со стороны Кривянки отряду есаула Боброва с приданными ему остатками станичных дружин Аксайской, Гниловской и др. «Бронепоезд» есаула Упорникова⁸⁵ послать в Персиановку. Сотням 7-го Донского казачьего полка, находившимся у Несветаевских хуторов, к 12 часам дня отойти к Новочеркаску, к Татарской слободке, где и охранять подступы к городу. Отрядам войскового старшины Яковлева и есаула Бокова к этому времени выдвинуться к Краснокутской роще и кладбищу с одним орудием батареи есаула Неживова⁸⁶. Для охраны города со стороны ст. Грушевской и хутора Мишкина отряду сотника Хоперского занять позицию у Новой Тюрьмы. Инженерной сотне полковника Макеева⁸⁷ у полустанка Александровский взорвать железнодорожное полотно и завалить его вагонами. Атаманскому отряду полковника Каргальского⁸⁸ со 2-м орудием батареи есаула Неживова перейти за реку Аксай у мельницы Цикунова и наблюдать за дорогой из Кривянской в Старочеркасскую, а так как по городу «поползли слухи», что местные большевики готовят выступление, чтобы помешать уходу партизан, то отряды — юнкерский есаула Слюсарева и партизанские есаула Назарова⁸⁹ — назначены для патрулирования по городу, особенно со стороны Хутунка.

Атаман Назаров, видя, что решения Круга все затягиваются, а обстановка с каждой минутой ухудшается для партизан (разъезды голубовцев уже появились у Кривянской) и что при дальнейшем промедлении не удастся вывести части с Персиановского направления в 8 часов утра, разрешил сделать предварительные распоряжения и приготовления к уходу. По прямому проводу было приказано полковнику Мамонтову в Персиановке: его отряду и отряду войскового старшины Мартынова⁹⁰ отойти в Новочеркасск и занять позицию в сторону Кривянки у железнодорожного вокзала и у мельницы Цикунова, а другие части в Персиановке подготовить к отходу. Генералу Черячукину в ст. Грушевской было приказано: отряду полковника Упорникова⁹¹ и Баклановскому отряду есаула Власова отойти к Новочеркасску, поручив охрану ст. Грушевской местной дружине.

Кроме того, с подробными инструкциями отхода из Новочеркаска были посланы в штаб полковнику Мамонтова Генерального штаба капитан Говоров, а в штаб генерала Черячукина — есаул Губарев.

12 февраля с раннего утра, в холодном тумане, непрерывной рекой тек поток беженцев из Новочеркаска в Кривянскую и Старочеркасскую. А у Мелиховской отряд Голубова, развернувшись в боевой порядок, двинулся к Новочеркасску. Скоро его движение стало видно с церковной колокольни и со сторожевого кургана в Александровском саду. К 12 часам дня голубовцы расположились в Кривянской.

Узнав о движении отряда Голубова, Войсковой круг послал ему навстречу напросившегося есаула Сиволобова, который должен был договориться с Голубовым о занятии его отрядом Новочеркаска не ранее 5 часов вечера.

После его посылки, в 12 часов дня, Походный атаман получил записку от атамана Назарова об оставлении города партизанами: «Войсковой круг выслал делегацию в Бесергеновскую станицу для переговоров с 10-м и 27-м Донскими полками, чтобы возложить на них охрану города. Приказываю сосредоточить войска для отвода их в избранном направлении. Отвод войск должен быть законен не раньше 5 часов, т. е. так, чтобы до подхода 10-го и 27-го полков город не был бы без прикрытия. 12.2.1918». Только после этого генерал Попов отдал распоряжение отходить на Старочеркасскую по мосту через Аксай у лесного склада Цикунова. Первыми двинулись отряды есаула Боброва, полковника Хорошилова и есаула Назарова. Последнему было приказано прикрывать Старочеркасскую со стороны Богаевской и Семикаракорской.

Во избежание образования «пробок» в городе и на переправе отрядам были указаны часы отхода и указаны направления. Одни долж-

ны были отходить по Троицкому спуску — Московской улице — Платовскому проспекту и дальше мимо областной больницы к переправе, другие — по Железнодорожной улице и по Крещенскому спуску мимо вокзала, чтобы в случае надобности при давлении со стороны Кривянки прикрыть переправу. Обозам было приказано закончить переправу не позже 2 часов, пехоте и артиллерии — к 3 часам. Отряды Мамантова и Мартынова должны были оставаться на позиции у вокзала и мельницы Цикунова фронтом на Кривянскую до нового распоряжения. Отряды Бокова, Власова и Яковлева должны были оставаться на своих местах до 4-х, а потом идти к переправе. Конные Семилетовские сотни должны были задержаться до 4 часов на окраине города в сторону Персиановки, а потом идти к реке Аксаю. Сотням 7-го полка оставаться на их участке до 4 часов, а дальше поступать по своему усмотрению. Юнкерский отряд есаула Слюсарева получил приказание нести патрульную службу в городе до 4 часов, а после поступить в личное распоряжение Походного атамана на переправе через Аксай. Отряд войскового старшины Гнилорыбова должен был охранять заседания Войскового круга и Войскового атамана, находясь в распоряжении последнего, и покинуть город по его распоряжению, то есть в последнюю минуту (поэтому он именовался «Сотней смерти»). Атаманский отряд полковника Каргальского должен был оставаться на прежнем месте, до его замены юнкерами Слюсарева, а затем идти в Старочеркасскую. Создававшаяся штаб-офицерская дружина генерала Базовова должна была немедленно идти в Старочеркасскую. Бронепоезду есаула Упорникова было приказано выдвинуться к Персиановке и беспокоить красных артиллерийским огнем до 4 часов дня, а затем отойти к переправе, где испортить орудия и, погрузив пулеметы на подводы, которые будут ждать у переправы, идти туда же. Все отряды, бывшие в стадии формирования, и Константиновская дружина должны оставить город одновременно с артиллерией. Однако бронепоезд оставил свою позицию раньше и прибыл в Новочеркасск между 3 и 4 часами, и команда его разошлась. Часть офицеров с есаулом Измайловым присоединилась к партизанам, уходящим в Старочеркасскую, а пулеметная команда с есаулом С.Н. Красновым²² с одним пулеметом через ст. Аксайскую пошла в ст. Ольгинскую, остальные разошлись по домам в Новочеркасске.

В этот же день генерал Попов посетил самораспускающиеся сотни Студенческой дружины и призывал студентов временно пополнить сотни Новочеркасской дружины, чтобы составить охрану города до вступления казаков Голубова. А затем советовал студентам разъехаться по станицам для подготовки восстаний против советской власти.

С этой же целью он посетил Военно-фельдшерские курсы и общеобразовательные курсы урядников и остающиеся в городе сотни Новочеркасской дружины. Последних благодарил за «службу» и просил сменить, то есть заменить партизан на караулах, на складах, учреждениях и т. д. до прихода голубовцев. Просьбу эту дружинники выполнили.

А в это же время полковник Сидорин с начальником особого отделения (политического) Д.М. Афанасьевым в штабе Походного атамана инструктировали лиц, оставляемых для секретной работы в Новочеркасске, Ростове и других местах области, снабжая их деньгами и соответствующими документами. Таких лиц было оставлено в Новочеркасске около двадцати человек, главным образом студентов и молодых офицеров. Одни из них погибли, другие блестяще выполнили возложенные на них задания.

К 3 часам дня генерал Попов был вызван атаманом Назаровым, передавшим ему «на всякий случай» наспех набросанную им точную и определенную задачу, которая в главных чертах сводилась к следующему: увести партизан в Задонские степи, где и сохранить их для будущей борьбы; поднять на Дону восстания против советской власти, объединить их и руководить ими; при первой возможности созвать Войсковой круг для решения вопросов власти на Дону и выборов Войскового атамана; придя в Старочеркасскую, посетить в Ольгинской генерала Корнилова и договориться с ним о подробностях совместных действий на основе уже рассмотренного им и генералом Корниловым плана дальнейшей борьбы.

Когда шла переправа партизан через Аксай и пока они шли к этой переправе под злобное шипение, улюлюканье большевизанствующих, под молчаливую неприязнь умеренных, под насмешки знакомых, называвших уходящих Дон Кихотами и под слезы матерей — Войсковой круг во главе с Войсковым атаманом и председателем Круга в 3 часа дня отправились в Войсковой собор отслужить молебен о спасении города и жителей его от грабежей и насилий. Генерал Попов, как бы охраняя Круг и атамана, скромно шел сзади во главе своего штаба. После молебна владыка Митрофаний благословил Походного атамана и в его лице и всех партизан на ратный подвиг копией иконы Покрова Пресвятой Богородицы, которая была у казаков во время Азовского сидения. Служба затянулась почти до 4 часов.

После атамана Назаров с Кругом пошли на последнее в этот период и в его жизни столь печальное и трагически закончившееся заседание Круга. Походный атаман и полковник Сидорин пошли в свой штаб, чтобы по телефону проверить, сняты ли все отряды охранения, при-

казать отряду полковника Мамонтова уходить сейчас в Старочеркасскую, а отряду Мартынова в 5 часов снять офицеров-наблюдателей на колокольнях Войскового собора, Троицкой церкви и пожарной каланчи, так же как и дежурного офицера на почтовом телеграфе, сотника Н.А. Ломакина, который, кстати, доложил полковнику Сидорину, что красные заняли Персиановку и что их комендант говорил с ним по аппарату, предлагая скорее «убираться» из города, и предупредил, чтобы не чинили сопротивления при входе красных войск в Новочеркасск.

Сейчас же после 4 часов со стороны вокзала послышалась ружейная и пулеметная стрельба — то партизанская сотня войскового старшины Мартынова встречала огнем наступавших голубовцев. Стрельба была услышана на заседании Круга, и атаман Назаров приказал войсковому старшине Гнилорыбову снять охрану Круга и уходить в Старочеркасскую, а в отряд Мартынова прискакал член Круга и на словах передал приказание атамана «прекратить огонь» и тоже уходить туда же. Так как Мартынов имел приказ Походного атамана «сняться с позиции» в 5 часов, а до того охранять город от голубовцев со стороны Кривянской, то он послал своего адъютанта с тем же членом Круга к Походному атаману, который приказал Мартынову прекратить огонь и отходить к переправе.

К 4 ч. 30 в городе не осталось «брошенных» или «забытых» партизан. Ушли все, кто хотел, остались по своей вине одиночки, задержавшиеся дома, куда они «зашли», чтобы проститься с родными. В последнюю минуту из Новочеркасска в Добровольческую армию выехал ее представитель генерал Складовский⁹³ и редактор «Нового Времени» Н. Суворин⁹⁴, а в Старочеркасскую члены Государственной думы А.Ф. Аладин и Араканцев, а за ними через Аксайскую в Ольгинскую с группой партизан быховец, автор книги «Жертвы вечерние» — есаул Родионов⁹⁵.

Член Круга есаул Сиволобов, вернувшись от Голубова, доложил Кругу, что Голубов вступит в город в 6 часов вечера и гарантирует неприкосновенность атамана и Круга. По мнению другого члена Круга, Н.Д. Дувакина, «или Голубов обманул Сиволобова, или Сиволобов обманул Круг и атамана». А комиссар голубовского отряда Пугачевский свидетельствует, что Голубов из Мелиховской «двигался шагом, не спеша», в Кривянской отряд «расположился по квартирам, как будто на ночевку». И что Голубов все время твердил, что «город еще сильно занят противником и что он со своими силами, понеся большие потери, может его не взять». И все время советовал Пугачевскому «не спешить», и что, наконец, в 4 часа он, сам Пугачевский, без ведома Голубова «поднял» отряд и «повел его сам на Новочеркасск». Догнав-

ший его Голубов вновь советовал «в город не входить в конном строю, т. к. город сильно занят противником». Тут Голубов или обманывает Пугачевского, чтобы сдержать данное Сиволобову обещание, или, не зная сил генерала Попова и даже имея донесение своих дозоров, ведших наблюдение за дорогой на Старочеркасскую и видевших движение туда партизан из Новочеркаска, видимо, все же боялся «засады». Возможно, Голубов не знал, что Походный атаман оставляет город без боя потому, что считал этот бой бесполезным для данного момента и вредным для будущего.

Как известно, Голубов, заняв город, ворвался с Пугачевским на заседание Круга, который на его окрик «сволочь, встать!» встал как один человек, кроме атамана Назарова, хотя среди членов Круга, кажется, было большинство офицеров и в почтенных чинах, хорошо знавших Голубова, как и он знал многих. Все члены Круга не только встали, но никто, кроме нескольких рядовых казаков-стариков, не протестовал на грубое обращение и арест атамана и председателя Круга, а подобострастно спрашивали, что он прикажет делать, и, получив ответ: «Мне некогда возиться с вами, убирайтесь все к черту!» — поспешили «убратся».

Новочеркасск оставлен. Партизаны начали свой легендарный поход.

А.Падалкин

Степной поход и начало казачьих восстаний на Дону

Между 2 и 4.30 12 февраля 1918 года донские партизанские отряды под водительством Походного атамана генерала П.Х. Попова ушли из Новочеркаска в Степной поход.

Подробной его истории до сих пор по разным причинам, а главным образом материальным, не написано. За недостатком места и из-за отсутствия подробной и точной документации и я не берусь этого сделать. Но тем не менее, нам необходимо напомнить об этой славной странице истории Дона и всей Гражданской войны на Юге России.

Цели Степного похода изложены на предыдущих страницах. 13 февраля генерал Попов в станице Ольгинской безуспешно пытался задержать Добровольческую армию на Дону.

Если бы не было Степного похода, то, возможно, не было бы так скоро и казачьих восстаний на Дону, что отметила не только казачья эмигрантская литература, но и советская. Так это понимали и руководители этих восстаний, считая, что партизаны — это «допинг» для

казачьего повстанческого движения и что существование партизанских отрядов было лучшим моральным стимулом для колеблющихся. Так это понимал и Круг спасения Дона, и Большой войсковой круг февральской сессии 1919 года, отмечая заслуги степняков и их вождя. Но если бы не было казачьих восстаний, то и судьба партизан могла бы быть печальной. Это отлично понимали руководители Степного похода, и особенно генерал Попов, который при помощи особого отделения своего штаба руководил всей работой по подготовке казачьих восстаний, не жалея никаких средств и не упуская ни одной возможности. Первые результаты сказались уже 4 марта, то есть через 20 дней после оставления Новочеркасска, и скоро началось стихийное народное движение сопротивления советской власти по всей Области. Но чувствовалась невидимая руководящая «рука» Походного атамана и его штаба, что известно мне лично и что отмечает советская мемуарная и историческая литература, для которой, несомненно, в советских архивах имеется соответствующая документация. В то время я был скромным чиновником для особых поручений особого отдела штаба Походного атамана. Фигурально выражаясь — маленьким винтиком сложного механизма, его большого ведущего колеса, но был у самого его центра, поэтому мог видеть его работу лучше других, оставшихся в живых. В походе вел дневник, а после ознакомился с архивом Союза партизан-степняков, с литературой, относящейся к походу и казачьим восстаниям, и собрал богатый материал не только о событиях и военных операциях, но и о настроениях, мыслях, переживаниях, надеждах партизан и восстающих казаков. К сожалению, размер журнала не позволяет останавливаться на этом подробно.

Партизаны, двигавшиеся из Новочеркасска в Старочеркасскую, видели «маячившие» дозоры голубовцев, наблюдавших за их движением и подходивших так близко, что они могли перекликаться с партизанами. Но они друг друга не трогали, каждый шел своей дорогой, быть может размышляя, что деление на «кадет» и «трудовых казаков» — явление временное и поэтому не стоит «обострять отношений».

Ночь на 13 февраля партизаны провели в хорошо их принявшей Старочеркасской станице, а рано утром начали переправу по льду через Дон в Задонье. Из станицы некоторая часть партизан под влиянием пропаганды председателя Союза донских дворян Леонова ушла в Ольгинскую, в Добровольческую армию: отряды есаула Бокова, Баклановский отряд есаула Власова, группа «новоиспеченных» партизан полковника Краснянского под командой войскового старшины Дударева⁹⁶, группа офицеров-казаков и не-казаков, покинувших Новочеркасск в одиночном порядке. Частично «самораспустилась» 2-я сотня Новочер-

касской дружины, бывшая на «фронте» в Аксайской и пришедшая прямо в Старочеркасскую после последней перестрелки с рабочими Аксайского стекольного завода Добровольского у Плавного моста через Аксай.

В станице Старочеркасской председателем Союза донских дворян А.П. Леоновым, очевидно, под влиянием сторонников Екатеринодарского направления среди высших чинов Добровольческой армии, чтобы увести донских партизан в станицу Ольгинскую в распоряжение генерала Корнилова, был задуман «переворот», имевший целью армию Походного атамана генерала Попова присоединить к добровольцам и передачу его власти новому лицу. Таким лицом намечался полковник Мамонтов, которому в хуторе Арпачине и было сделано соответствующее предложение. Полковник Мамонтов отклонил предложение и доложил о нем Походному атаману. Леонов, зная крутой нрав генерала Попова, уехал в станицу Ольгинскую под крылышко генерала Алексеева.

В хуторе Арпачине была объявлена дневка для подсчета сил партизан, производства реорганизации отрядов, установления количества имеющихся запасов и количества совершенно небоеспособного элемента — частных лиц, последовавших за партизанами. Из 16 отрядов, из которых некоторые имели по 30—40 человек, были организованы более крупные соединения (6 отрядов были лишены самостоятельности), способные на выполнение самостоятельных боевых задач. Все отряды были сведены в «Отряд Вольных Донских Казаков», то есть независимых от советской власти.

В Арпачине тоже был «отлив» и «прилив». Ушла в свою станицу Константиновская дружина, а из одиночных офицеров, ушедших из Новочеркаска с партизанами, была организована Конно-Офицерская сотня полковника Чернушенко. По данным, хранившимся в Союзе партизан-степняков, в «Отряд Вольных Донских Казаков» вошли:

1. Отряд полковника Э.Ф. Семилетова состоял из двух конных и трех пеших сотен, подрывной и пулеметной команд, двухорудийной батареи, медицинского околодка и обоза. В основной его отряд вошли отряды: войскового старшины Мартынова, сотника Хоперского и остатки Новочеркасской дружины. Помощниками-заместителями полковника Семилетова были: 1-м полковник Лысенков, командовавший пешими сотнями, 2-м войсковой старшина Ленивов⁹⁷, командовавший конными сотнями. Командирами сотен были: конных — 1-й подьесаул Галдин, 2-й — подьесаул Зеленков⁹⁸; пешими последовательно командовали: 1-й есаул Пашков (убит у Казенного моста), капитан Балихин (убит у Ал. Грушевска) и войсковой старшина

Ретивов; 2-й есаул Тацин, 3-й — войсковой старшина Мартынов; начальником пулеметной команды был подъесаул Кундрюков, батареи — капитан Щукин, обоза — капитан Виноградов, комендантом и начальником комендантской команды — есаул А.В. Губарев. Из хутора Веселого отряд вышел в составе 701 человека при 13 пулеметах.

2. Отряд сотника Ф.Д. Назарова состоял из двух конных сотен, подрывной команды при пяти пулеметах и околodka. 252 человека.

3. Отряд полковника Мамонтова — из двух пеших сотен, при четырех пулеметах в 205 человек. В основной его отряд входили отряды: полковника Яковлева (смешанный) и полковника Хорошилова (детский). Помощником Мамонтова был полковник Шабанов, который командовал группой отрядов.

4. Юнкерский конный отряд есаула Н.П. Слюсарева — в 96 человек при трех пулеметах. Помощником Слюсарева был есаул В.С. Крюков.

5. Атаманский конный отряд полковника Г.Д. Каргальского с заместителем войсковым старшиной Хрипуновым — 92 человека при трех пулеметах.

6. Конно-Офицерский отряд полковника Чернушенко с заместителем есаулом Дубовсковым — 85 человек при трех пулеметах.

7. Штаб-Офицерская пешая дружина генерала Базавова («песочники» и дети) с заместителем его полковником Ляховым. Сюда входил пеший ученический отряд есаула Боброва (48 человек), в Великокняжеской переведенный в отряд полковника Семилетова. Всего в отряде было 116 человек при двух пулеметах.

8. Офицерская боевая конная дружина войскового старшины Гнилорыбова — 106 человек при трех пулеметах.

9. Инженерная сотня генерала Моллера⁹⁹ — 36 человек при одном пулемете и одной полевой радиостанции.

10. 1-я Отдельная батарея есаула Неживова — два трехдюймовых орудия и два пулемета Льюиса: 38 человек.

11. 2-я Отдельная батарея есаула Кузнецова — одно орудие и 1 «льюис»: 22 человека.

В хуторе Веселом все отряды были сведены в «Отряд Вольных Донских Казаков» в 1727 человек боевого состава, из которых 1110 человек было пехоты, 617 — конницы при 5 орудиях и 39 пулеметах, под общим командованием Походного атамана генерала Попова.

В Великокняжеской присоединилось около 200 человек учащейся молодежи, а позднее, в Восточных коневодствах, отряд пополнился четырьмя калмыцкими сотнями, в 620 конницы при четырех пулеметах, под общим командованием генерала И.Д. Попова (командиром 1-й сотни был полковник Абраменков, 2-й — войсковой старшина Ко-

стриюков, 3-й — подъесаул П.М. Аврамов¹⁰⁰, 4-й — калмык сотник Яманов), что увеличило общую численность отряда до 2850 человек.

В нестроевой части отряда было 251 человек, распределяющихся следующим образом.

Штаб отряда — адъютантом Походного атамана был полковник Кучеров¹⁰¹, офицерами-ординарцами войсковой старшина Н.И. Тарарин и войсковой старшина Розов.

Начальником штаба был полковник В.И. Сидорин, его помощником и начальником оперативного отделения — есаул Сутулов, казначеем отряда — есаул М.И. Тарарин, начальник хозяйственной части — есаул Платонов, начальник службы связи — полковник Кудинов, обязанности начальника разведывательного и контрразведывательного отделений выполнял начальник военно-следственной комиссии генерал Жерве, обязанности коменданта отряда — полковник Мамонтов. Всего обслуживающего персонала штаба было 31 человек при одном пулемете.

Особое место при штабе занимало особое отделение штаба Ростовского военного округа под начальством инженера Д.М. Афанасьева, с помощником на должности чиновника для особых поручений А.П. Падалкиным и 16 секретных сотрудников.

Артиллерийское управление и его обоз, возглавляемое начальником донской артиллерии генералом Астаховым¹⁰², с адъютантом управления есаулом Е.А. Федоровым¹⁰³, в 36 человек при одном пулемете. В обозе находилось 200 артснарядов, 300 тысяч ружейных патронов, около тысячи ручных гранат, 5 пулеметов, около 500 винтовок и некоторое количество военного снаряжения.

Походный госпиталь — 21 человек обслуживающего персонала, кроме сестер милосердия.

Калмыцкая группа членов Донского Войскового круга и духовенства — 22 человека, очень способствовавших привлечению в отряд казаков-калмыков.

Группа общественных деятелей во главе с членами Государственной думы казаком Араканцевым и не-казаким Аладьиным — 18 человек.

В отряде было рядовыми партизанами, сестрами милосердия и отрядными поварами 78 женщин и девушек.

Наибольший численный состав отряда к 28 марта доходил до 3000 человек.

С 20 марта по 5 апреля в порядке распыления из отряда ушло около 150 человек и было уволено около 50 (китайцы сотника Хоперского).

С 5 апреля по 4 мая в отряд вступило 500 новых добровольцев, в Константиновской присоединился партизанский отряд есаула Димитриева, из учащих этой станицы — около 100 человек.

Общие кровавые потери с 12 февраля по 25 марта были убитыми и умершими от ран — 81 человек, ранеными — 211.

Каждый отряд имел свой значок: штаб Походного атамана — русский национальный трехцветный флаг; отряд Семилетова — синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны серебряный Георгиевский крест, с другой — золотая буква «С»; отряд войскового старшины Мартынова, вошедший в Семилетовский, — черное поле с серебряной оторочкой, с одной стороны четырехконечный степной крест, с другой — серебряная буква «М»; Мамонтовский отряд — белое поле с золотой оторочкой, с одной стороны шестиконечный золотой крест, с другой — золотые буквы «О.М.»; юнкерский отряд — голубое поле с серебряной оторочкой и серебряные буквы с двух сторон «ЮН.ОТ.»; Назаровский отряд — синее поле с золотой оторочкой, с одной стороны золотые лучи восходящего солнца, с другой — золотые буквы «О.Н.»; Атаманский отряд — значок Л.-Гв. Атаманского полка; Офицерская боевая дружина Гнилорыбова — белое поле с золотой оторочкой, с обеих сторон золотые буквы «О.Б.Д.»; Конно-офицерская сотня Чернушенко — синее поле с серебряной оторочкой, с обеих сторон серебряные буквы «К.О.С.»; инженерная сотня — белое поле с красной оторочкой и серебряные буквы, с одной стороны «И.Н.», с другой — «СОТ.»; Штаб-офицерская дружина генерала Базавова — черное поле с серебряной оторочкой и с одной стороны буквы «Ш.О.Д.»; управление начальника артиллерии — синее поле с красной оторочкой и с одной стороны красные буквы «У.Н.Д.А.»; батарея Неживова — белое поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы «Б.Н.»; батарея есаула Кузнецова — синее поле с красной оторочкой и с двух сторон красные буквы «Б.К.»; калмыцкие сотни — желтое поле с красной оторочкой и с двух сторон литеры «1 К.С., 2 К.С.» и т. д. — всего четыре сотни.

14 февраля в хуторе Арпачине был произведен смотр маленькой партизанской армии. На «смотр» партизаны пришли с песнями, веселые и улыбающиеся. Собравшиеся жители хутора говорили, одни полные сочувствия: «И как они, бедные дети, будут воевать?», другие, злобные духом: «Ироды окаянные, кадеты проклятые, передуть бы вас всех!», третьи, наиболее многочисленные, относясь совершенно безразлично: «Подумаешь, вояки тоже!» В своем слове генерал Попов, спокойный и уверенный, что показывало его уверенность в партизанах, напомнил об их доблести в предыдущих боях и указал задание, возложенное на них Войсковым атаманом. «В настоящее время трудно сказать — каким путем это удастся осуществить, путь — укажет обстановка». Далее он отметил, что Добровольческая

армия генерала Корнилова для совместных действий с партизанами идет другой дорогой. В заключение генерал Попов потребовал соблюдать в отрядах полный порядок, дисциплину, без всяких комитетов и митингов; пьянство, игра в карты, грабежи, обиды местного населения будут строго караться «вплоть до изгнания из отряда». Требовал также бережливости казенного имущества и указал, что в целях сбережения денежных средств «жалованье до поры до времени» выдаваться не будет. Все это вызвало одобрительное выражение на лицах партизан и реплики среди жителей: «Вот это хорошо, правильно сказал атаман...» Сам генерал Попов показывал пример экономии и нетребовательности, приказав войсковому старшине Тарарину купить за его личный счет «лантух», который был бы покрывалом на сено во время ночевки вповалку с чинами его штаба.

Первое боевое столкновение после переправы через Дон произошло поздно вечером 13 февраля: инженерная сотня, шедшая в хутор Арпачин после того, как повзрывала лед на Дону, на месте переправы была обстреляна казаками-фронтамиками Манычской станицы, обстрелявшими уже юнкерские разъезды в ночь на 13 февраля.

При движении на Арпачин и далее на хутор Веселый боковым охранением главных сил со стороны Дона был конный отряд Назарова, а со стороны степи — юнкерский отряд. Когда главные силы ночевали в Арпачине, отряд Назарова ночевал в Манычской, где казаки станицы держали себя вызывающе, а посланный Назаровым наутро 14 февраля разъезд на станицу Богаевскую был там обстрелян ружейным и пулеметным огнем. Потом это объясняли тем, что «кадеты вырезали» станицу Манычскую и ее два хутора. Назаров объявил, что это неверно, что партизаны — казаки и с казаками не воюют, и предложил «богаевцам» послать делегатов в Манычскую проверить слухи, что и было сделано. После станица партизан не трогала, и их разъезды свободно разъезжали по юрту Богаевской станицы 14 и 15 февраля. Слухи о том, что партизаны «вырезают» целые поселения, сопровождали их во время всего похода, и командование для их опровержения неоднократно направляло в «вырезанные» места делегатов из запуганных поселений.

15 февраля главные силы перешли на хохлацкий хутор Веселый в 60 верстах от Арпачина. Партизаны, еще не втянувшиеся в переходы, едва тянулись, уже на первой половине пути и в Веселом было много больных, главным образом с кровавыми натертыми мозолями. Походный атаман проявил особенную заботливость о «пострадавших».

В хуторе Веселом Походный атаман был принужден учредить при отряде судебную-следственную комиссию и отрядный суд. Вызвано это

было тем, что из группы полковника Биркина¹⁰⁴ из офицеров, кадет и казаков Донского кадетского корпуса, остававшихся в Новочеркасске после оставления его партизанами и приехавших в Арпачин уже после того, как партизаны выступили на Веселый, в желании скорее их догнать, при требовании от хуторского атамана обывательских подвод войсковой старшина Тихонов случайно убил из винтовки хуторского казака. Отец убитого приехал в Веселый с жалобой к Походному атаману. Генерал Попов знал лично Тихонова, допускал возможность несчастного случая, но, чтобы эти «случаи» не повторялись и не клали бы пятна на партизан, приказал произвести расследование и виновника предать суду. Отец-старик был удовлетворен, но в ту же ночь группа полковника Биркина, а с ней и войсковой старшина Тихонов, ушла в Добровольческую армию, что вызвало впечатление, что она бежала от ответственности. Это вызвало негодование партизан.

Генерал Попов всегда придавал большое значение, как одному из видов борьбы с красными, пропаганде и политической разведке в их стане. Пользуясь трехдневной стоянкой в Веселом, приказал начальнику особого отделения Д.М. Афанасьеву собрать всех сотрудников и провести с ними двухчасовую «беседу» об их работе среди местного населения, где будут проходить партизаны, в среде Красной гвардии, о казачьих настроениях, о мероприятиях советской власти на Дону и т. д. и просил Афанасьева два раза в неделю представлять ему сводки «казачьей температуры». В этом отношении он оказался очень требовательным и никогда не довольствовался сухими докладами, но требовал материалы, на основании которых эти доклады основывались, и глубоко вникал во все слышанное. Основываясь на полученных сведениях, он сам вел особые таблицы по округам, отмечая изменение казачьих настроений и мероприятий советской власти, и, принимая то или иное решение, всегда пользовался собранным у него материалом.

Во время стоянки главных сил в Веселом почти что все конные отряды были расположены на хуторах в 10—15 верстах от Веселого. Один из этих отрядов имел перестрелку у хутора станицы Богаевской, где укрылись мужики хутора Веселого во главе с Думенко. Оставшиеся же жители хутора говорили партизанам: «Уходите от нас... Большевики люди хорошие, зла нам не сделают».

В том же хуторе один партизан не-казак, называвший себя офицером, за игру в карты, а главное, за кражу револьвера у другого партизана отрядным судом был приговорен к смертной казни. Но генерал Попов приговора не утвердил, сказав: «Зачем убивать дурака? Выгнать его из отряда. Пусть идет на все четыре стороны. Удастся ему «там»

спастись — его счастье, нам его крови не нужно», и этот партизан был изгнан.

При подготовке операции против Великокняжеской начальник штаба отряда полковник Сидорин по приказанию Походного атамана послал не только конные разъезды для производства глубокой разведки, но посылал в станицу и агентов особого отделения. Так, 18 февраля хорунжий Калмыков сообщил, что Великокняжеская занята красным отрядом Кулакова.

19 февраля из Веселого партизаны широким фронтом двинулись через хутор Хомутец, зимовники Демина, Пишванова и т. д. Отряд Чернушенко выбил Красную гвардию Думенко с зимовника Орлов-Подвал.

20 февраля весь отряд сосредоточился на зимовниках Пишванова, Королькова, Жеребкова, Орлов-Подвал и др. Штаб Походного атамана был в районе зимовника Королькова, и отсюда в ночь на 21-е был послан в глубокую разведку в Великокняжескую юнкерский взвод с есаулом В. Крюковым. Задача была им выполнена блестяще, но два юнкера было ранено. Это были первые раненые у партизан после оставления Новочеркасска.

20 февраля на зимовник Королькова казаком из отряда Голубова было доставлено письмо от него самого к «братьям-партизанам», в котором он предлагал вернуться в Новочеркасск, гарантируя всем жизнь, чтобы «отстоять Дон от красных». По распоряжению генерала Попова письмо это, чтобы «не смущать людей», не было передано брату Голубова Алексею, партизану Гнилорыбовского отряда. Казак этот рассказал о расстрелах в Новочеркасске, после того как Красная гвардия Ю. Саблина 13 февраля вошла в Новочеркасск, как командующий революционными казачьими войсками сотник Смирнов с казаками 10-го и 27-го Донских казачьих полков спасали раненых партизан. Но спасти всех не удалось, много было расстреляно или выброшено из окон госпиталей. Рассказывал о том, что в Кривянской Красной гвардией Петрова были расстреляны студенты В. Стефанов и С. Ершов, оставленные в Новочеркасске для подпольной работы. Это были первые жертвы подпольщиков-партизан.

В тот же день по просьбе калмыков Платовской станицы помочь им в борьбе с Красной гвардией из местных крестьян генерал Попов выделил особый сводный отряд полковника Мамонтова. 21 февраля этот отряд с успехом выполнил поставленную ему задачу: разбить красные отряды Никифорова и Думенко у хуторов Солёный и Щара-Булук. Отряд Чернушенко побывал в хуторе Казюрине и, «проскочив» до Орловки, имел там бой, а отряд Назарова добирался до

Мартыновки, где тоже имел бой. Другие отряды почти без боя заняли станицу Платовскую, где генерал И.Д. Попов приступил к формированию калмыцких сотен.

С зимовника Орлов-Подвал Походный атаман командировал в северные калмыцкие станицы есаула Холмского и прапорщика Куркусова с задачей организовать в этих станицах калмыцкие партизанские отряды.

Выполняя эту задачу, есаул Холмский с дороги послал вперед прапорщика Куркусова в район станиц Батлаевской и Ново-Алексеевской, чтобы подготовить сбор партизан. Позднее выяснилось, что Куркусов, прибыв в станицу Ново-Алексеевскую, просил своих верных друзей собрать тайно людей, которые готовы были бы пойти в отряд, обещая через несколько дней вернуться с новыми определенными инструкциями и указаниями «начальника», то есть есаула Холмского. Тайная запись в «партизанский отряд» в станице Ново-Алексеевской быстро дала сотню людей на прекрасных конях, готовых в любой момент присоединиться к партизанам генерала Попова, но... плохо вооруженных. Прошло два-три дня, в станицу Ново-Алексеевскую не явились ни Холмский, ни Куркусов, то есть они были пойманы большевиками, рыскавшими по калмыцким станицам, и расстреляны.

Почти одновременно с этим в районе северных калмыцких станиц, пользуясь еще поручением атамана Назарова организовать калмыков для борьбы с большевиками, прибыл полковник Мангатов¹⁰⁵ в сопровождении войскового старшины Болдырева, есаула Макарова и сотника Абушинова, большевики, напав на их след, безуспешно охотились за ними, так как калмыки их тщательно укрывали. К концу февраля полковник Мангатов со своими помощниками приехал в станицу Ново-Алексеевскую в санях, запряженных четверкой хороших коней. Остановились они в доме Уланова, где устроили летучее совещание с местными активными антибольшевиками. Это была их последняя «организационная» деятельность. Отсюда они все четверо направились с докладом к Походному атаману.

В Ново-Алексеевской к ним присоединились десятка два вооруженных калмыков. Отсюда Мангатов с группой до 25 человек направился в станицу Великокняжескую, рассчитывая там «поймать» партизан атамана Попова, но... опоздал. Партизаны оставили Великокняжескую и двинулись в восточные коневодства. У станицы Великокняжеской группа Мангатова нарвалась на сильный красногвардейский отряд. Полковник Мангатов был убит. Группа его рассеялась, и часть ее во главе с сотником Абушиновым по одному-два человека присоединилась к отряду генерала Попова, который через некоторое время командировал Абуши-

нова в северные калмыцкие станицы с группой калмыков для организации в этих станицах калмыцких восстаний, что через некоторое время и увенчалось успехом.

21, 22 и 23 февраля главные силы партизан занимают зимовники Янова, Жеребкова и др. Семилетовский отряд занимает Михайловку, откуда высылаются разъезды к Казенному мосту, где они имели столкновения с разъездами красных.

24 февраля партизаны вели наступление на Казенный мост. Об этом мною написано в № 50 «Родимого Края». Было взято много пленных, среди них комиссар Чесноков, два орудия и три пулемета. У партизан было убито 9 человек и 40 раненых. Был убит и командир 2-й пешей Семилетовской сотни, офицер редкой храбрости и хладнокровия есаул Пашков. Это была большая потеря. После занятия Казенного моста отряд Семилетова ночевал на зимовнике Меснякина, куда из Великокняжеской прибыла делегация из трех казаков, сообщивших, что ночью красные оставили станицу.

25 февраля была занята без боя Великокняжеская, в которой было захвачено шесть орудий, значительное количество патронов и снарядов, много военного имущества (в том числе и полевая радиостанция), но очень мало винтовок, которые все были отправлены генералу И.Д. Попову для вооружения калмыков. Первыми вошли в станицу юнкера есаула Слюсарева и отряд войскового старшины Гнилорыбова. 26 февраля отряд Мамантова оставил Платовскую под защиту калмыцких сотен генерала И.Д. Попова и также пришел в Великокняжескую. Здесь были получены сведения о расстреле Войскового атамана Назарова и семи генералов и офицеров. С этого момента Походный атаман генерал Попов является и временно исполняющим должность Войскового атамана, то есть носителем верховной власти на Дону.

На станичном сборе Великокняжеской, на котором присутствовало много казаков из ближайших хуторов и станиц, генерал Попов рассказал о последних днях атамана Каледина и призывал к борьбе с большевиками, указав на то, что несет казакам советская власть. Многие обещали, но ничего не решили. На другой день на сборе казаки выразили готовность присоединиться к партизанам, но при условии, что станица не будет ими оставлена. Генерал Попов разъяснил, что остановка партизан в Великокняжеской может быть только временной, так как «усидеть» на железной дороге под угрозой красных и с севера, и с юга, не имея тыла и пополнений, трудно, и что партизаны в случае нажима большевиков от Царицына и Торговой, чтобы не делать станицу ареной боев, перейдут в восточные коневодства, где будут не только ожидать всеобщего пробуждения казаков, но и будут

беспокоить большевиков своими набегами, напоминая казакам о своем существовании. Все это казаков не удовлетворило, и из ополчения станицы ничего не вышло. А когда подписывался станичный приговор о необходимости поддержать партизан, то из 500—600 человек, бывших на сборе, подписалось лишь 28 человек, да и то в большинстве представители хуторов.

Из захваченных в Великокняжеской советских газет, воззваний, декретов и пр. видно было, что советская власть чувствует себя на Дону не твердо, что казаки на местах воздерживаются от применения советских декретов, а больше тяготеют к казачьим «обыкновениям». Во многих станицах на требование центральной власти заменить атаманов выборными Советами станичные правления переименовывались в Советы, а атаманы в их председателей. Во многих местах области, начиная с Новочеркаска, появились подпольные казачьи организации.

О работе этих организаций впоследствии писал г-н Олин в «Донской Волне» («Тайные работники»), в то время Походный атаман приказал начальнику особого отделения увеличить кадр чинов его отделения для их посылки во все округа для установления связи с подпольными организациями и другой работы того же характера. Кадр был увеличен на шесть человек из числа партизан, имевших склонность к «сильным ощущениям» (два было из Юнкерского отряда, по одному — из Назаровского и Гнилорыбовского и два из Семилетовского).

✓ Из советских газет стало известно, что основные силы красных, занявших Новочеркасск, — отряды Сиверса, Саблина и Петрова под общей командой Антонова-Овсеенко — переброшены на Украину, чтобы задержать движение туда немецких войск. На их место организуются отряды Красной гвардии из местных рабочих и крестьян, причем последние, в большинстве, не идут в эти отряды.

26 февраля на казачьих собраниях выступали войсковой старшина Гнилорыбов, полковник Мамантов и есаул Ф.Д. Назаров. На их призыв отозвалось примерно около 200 человек учащейся молодежи во главе с учителем реального училища И. Дудкой.

27 февраля Конно-Офицерский отряд Чернушенко после коротких боев занял хутора, лежащие на север от железнодорожной линии Великокняжеская—Двойная. В этот же день на станцию Эльмут (в 18 верстах на север от Великокняжеской) прибыл из Царицына красный бронепоезд и несколько эшелонов Красной гвардии. Несколько эшелонов было обнаружено и на ст. Двойная. В первом завязавшемся бою у ст. Эльмут участвуют отряд Назарова и часть Семилетовского отряда.

28 февраля красные подвезли новые части. На усиление Назарова посланы остатки семилетовцев и отряд Гнилорыбова. Временами бой

доходил до рукопашного. Красные отходили, потом вновь шли в атаку. На ст. Великокняжеская была захвачена телеграмма, что от Торговой движется бронепоезд и несколько эшелонов пехоты. Так как в план Походного атамана не входило долго задерживаться в Великокняжеской, то он приказал начать отход в глубь восточных коневодств, а для взрыва железнодорожного полотна на Торговую был послан сотник Е. Ковалев. При оставлении Великокняжеской 1-й Семилетовской конной сотне пришлось вести упорный бой у хутора Н. Кундрюческого.

За время пребывания в Великокняжеской отряд Чернушенко сделал набег на хутор Каменский, а Юнкерский и Атаманский отряды — на хутора Кундрюческий и Тавричанский.

Поздно ночью на 1 марта все отряды собрались на зимовниках Михайлюкова, № 1 и № 2 и Егора Пишванова, у которого были уничтожены красные разъезды, где и простояли весь день. Наблюдение за Великокняжеской, которую заняли красные, вели юнкера Слюсарева. В этот же день калмыцкие сотни Платовской станицы под напором больших красных сил во главе с генералом И.Д. Поповым отошли на зимовник Орлов-Подвал.

2 и 3 марта партизаны ведут усиленную разведку в глубь восточных коневодств и вокруг своего расположения. Отряд Чернушенко имел значительный бой с большевиками у хутора Эльмутинского, когда он совершал новый набег на хутор Каменский.

4 марта партизаны заняли в восточных коневодствах широкое расположение на 40—50 верст в глубину, заняв зимовники С. Безуглова, Полкопаева, В. Безуглова, Н. Безуглова и др.

Еще в Великокняжеской, в штабе Походного атамана, были получены сведения от сотника Х., бежавшего из Новочеркаска, что там после занятия Красной гвардией 6-й пеший казачий батальон не разошелся по домам, для того чтобы по возможности противодействовать власти большевиков, что этот батальон, так же как и 10-й казачий революционный полк, скрыли в своих рядах много офицеров-партизан под видом рядовых казаков, что много студентов, учащейся молодежи, слушатели фельдшерских курсов разъехались по станицам для подготовки восстания казаков против советской власти. Позднее выяснилось, что все это было результатом работы людей, оставленных в Новочеркасске генералом Поповым и в особенности сотника Кузнецова. Результатом этого — уже 4 марта в ст. Грушевской была организована дружина в 150 человек из учащих, молодых офицеров и казаков, выступившая на хутор Рыгин под командой сотника Леонтьева, чтобы содействовать перевороту в станице Каменской, намечен-

ному 2-м Донским казачьим полком и каменскими казаками. Однако на хуторе Рыгине выяснилось, что распоряжением командующего революционными донскими казачьими полками сотника Смирнова 2-й полк переведен в Константиновскую. Переворот был отложен, но в ночь на 13 марта дружина произвела набег на оружейный склад в Каменской, в результате которого было увезено в Грушевскую несколько сот винтовок, несколько пулеметов и значительное количество патронов, но при возвращении в Грушевскую сотник Леонтьев в стычке с красными был убит.

4 марта прибывший в Сальский округ Голубов с небольшим казачьим отрядом в станице Денисовской, арестовав М.П. Богаевского, увез его в Платовскую, направляясь в Новочеркасск. Об этом стало известно в штабе Походного атамана позднее. А 5 марта Голубов, оставив М.П. в Платовской под охраной местной Красной гвардии, со своими казаками дал знать о своем желании «разговаривать» с партизанами. Есаул Назаров и полковник Захаревский¹⁰⁶ сообщили об этом в штаб Походного атамана. Там вспомнили о письме Голубова к его брату, партизану А.М. Голубову, и, вопреки мнению Походного атамана, вместе с Назаровым и Захаревским настаивали на вступлении в переговоры с Голубовым через брата Алексея. Последний был вызван в штаб, но категорически отказался от встречи с братом. Переговоры не состоялись.

В ночь на 5 марта Конно-Офицерская сотня, бывшая в набеге, имела бой в районе хутора Каменского. В тот же день калмыцкая полусотня отряда И.Д. Попова из зимовника Орлов-Подвал совершила набег на один из хуторов Платовской станицы, где разогнала отряд Красной гвардии; одновременно с восточных окраин Сальского округа хорунжий Абуша Алексеев привел 200 конных вооруженных калмыков.

К утру 5 марта партизанские отряды располагались следующим образом: на зимовнике Подкопаева — семилетовцы со своей батареей капитана Щукина, на зимовнике С. Безуглова — штаб Походного атамана, отрядный госпиталь, управление начальника артиллерии генерала Астахова с его обозом, отрядный обоз под командой есаула Платонова, инженерная сотня полковника Макеева, штаб-офицерская дружина генерала Базавова, на зимовнике В. Безуглова — отряды есаула Назарова, полковника Мамонтова, войскового старшины Гнилорыбова и батарея есаула Неживова, на зимовнике Н. Безуглова — отряды полковника Чернущенко, Атаманский полковника Каргальского, Юнкерский есаула Слюсарева и одно орудие есаула Кузнецова. Предполагалось время стоянки использовать на боевую подготовку партизанской молодежи. Но в

Гашунском районе появился красный отряд Кулакова, поэтому на заре 6 марта было приказано совершить набеги Назарову с батареей Неживова на хутор Мокрый Гашун и Церковный; отряду Чернушенко — на зимовник Михайлюкова 2; Атаманскому и Юнкерскому с орудием есаула Кузнецова — на село Новоселовка; отрядам Гнилорыбова и Базавова перейти на зимовник Н. Безуглова. Все набеги увенчались большим успехом, и все отряды почти без потерь, но с большой добычей ночью вернулись на свои стоянки.

Когда донские партизанские отряды, придя в район восточных коневодств, «устраивали» свое расположение в зимовниках, Оренбургское и Уральское войска, не зная о том, что партизаны оставили свою столицу и ушли в степи, старались связаться с Новочеркасском и получить помощь с Дона.

Атаман Оренбургского войска полковник А.Н. Дутов из Верхне-Уральска 5 марта послал на Дон своих гонцов: донского офицера, бывшего при нем для связи, есаула Дмитриева и партизана Червя с письмом к М.П. Богаевскому, в котором писал об оставлении Оренбурга, что об общем положении доложат гонцы, и просил прислать ему оружия, огнеприпасов, офицеров и главное — денег.

Гонцы, прибыв в Новочеркасск, донских партизан там уже не застали. Оренбуржец Червь вернулся к атаману Дутову, а есаул Дмитриев уехал в ст. Константиновскую и приступил там к организации партизанских отрядов из учащейся молодежи.

Почти одновременно с гонцами от Оренбургского атамана атаман Уральского войска Мартынов¹⁰⁷ тоже послал на Дон своего гонца есаула А.И. Потапова¹⁰⁸, чтобы установить связь с силами, борющимися с большевиками на Дону, ознакомить их с положением в Уральском войске и, может быть, выработать общий план борьбы. Однако, пока есаул Потапов добрался до Дона, Добровольческая армия ушла на Кубань, а донские партизаны — в степи. Имя генерала Корнилова больше привлекало восточные казачества, и есаул Потапов пытался «догнать» добровольцев, но попал в Ставрополь и, возвращаясь оттуда на Урал через Донское войско, намеревался связаться там с Походным атаманом генералом Поповым и для этого с Тихорецкой поехал на Царицын. Но в это время в районе железной дороги Котельниково—Ремонтная донские партизаны вели бой с красными, и он, едва вырвавшись от красных, не связавшись с генералом Поповым, вернулся на Урал.

6 марта из Великокняжеской были получены сведения, что там большевики расстреляли священника Проскурякова и двоих его сыновей-студентов, арестовали много казаков и грабят население. Уве-

зенных арестованных на одном из зимовников — есаула Макарова с братом и отцом, учителя Черепяхина и ряд других лиц — расстреляли.

Чтобы освободить арестованных и наказать большевиков за расстрелы и грабежи, Походный атаман послал 7 марта в Великокняжескую «карательную» экспедицию (1-я конная и 1-я пешая сотни семилетовцев под командой капитана Балихина), которая в ночь с 7-го на 8-е ворвалась на железнодорожную станцию Великокняжеская, разгромила стоявшие там эшелоны красных, испортила железнодорожные стрелки, телефон и телеграф. Ворвавшись в станицу, партизаны освободили арестованных из тюрьмы, которые к ним присоединились, разогнали местную Красную гвардию, расстреляли комиссаров и, пройдя по станице с песнями, к вечеру 8 марта, имея всего трех легко раненных, вернулись на свою стоянку на зимовник Подкопаева, приведя 20 пленных.

8 марта с зимовника Орлов-Подвал двинулся к главным силам партизан генерал И.Д. Попов с двумя калмыцкими сотнями Платовской станицы хорунжих Боринова и Барманджинова. Они присоединились к главному отряду 10 марта, и генерал И.Д. Попов доложил Походному атаману об аресте Голубовым М.П. Богаевского и о неудачной попытке его освобождения. Богаевский был переведен в Великокняжескую.

В тот же день отряд Назарова совершил набег на ст. Граббевскую, откуда привел две сотни вооруженных калмыков, а разведка от отряда Гнилорыбова установила, что в районе села Ремонтное Ставропольской губернии прибыл из Царицына хорошо вооруженный и многочисленный отряд красных под начальством ростовского рабочего Тулака.

Показателем казачьих настроений в то время было то, что казаки Луганской станицы 8 марта разобрали железнодорожный путь на 4—5 верст к Луганску, для того чтобы отбить направленных на Луганск из Каменской в Чека 34 офицера. Луганская дружина, окружив остановившийся поезд, освободила арестованных. Против луганцев был выслан красный карательный отряд, Луганская дружина, бедная оружием, должна была уступить силе, и освобожденные офицеры вновь попали в руки большевиков. Бежал только один подъесаул К., присоединившийся в Н. Курмоярской к партизанам. А 9 марта станица Хомутовская прогнала отряд красных, присланный для установления советской власти. Дон начинал выздоравливать от «нейтралитета».

Узнав, что, видимо в предвидении больших боев, большевики в Манычевской грязелечебнице оборудовали госпиталь, и так как в партизанском лазарете был большой недостаток медикаментов, перевязочных

средств, постельного белья и одеял, отряд Слюсарева совершил туда удачный набег, и утром 10 марта партизанский лазарет получил все нужное. Привезли с собой в качестве «языка» мобилизованного доктора, который сообщил немало ценных сведений о возможном в ближайшем времени серьезном наступлении большевиков.

10 марта в Новочеркасске председатель Исполкома Медведев и «Совет пяти» настаивают на ликвидации офицеров. Казаки 6-го батальона послали в Исполком делегацию с требованием оставить офицеров на свободе и прекратить регистрацию, угрожая в противном случае их защитить с оружием в руках. К ним присоединились казаки 10-го Донского казачьего полка, часть 27-го и вся артиллерия «Голубовской революционной дивизии». Исполком медлил с ответом, тогда эти казаки вышли вооруженными на улицу, навели орудия, заряженные боевыми снарядами, на здание, где заседал Исполком, и угрозой разнести его артиллерийским огнем заставили Исполком уступить. А Медведев должен был покинуть Новочеркасск. Это была первая ощутительная победа над советской властью. Дон оживал...

Расположившись в зимовниках, партизаны из-за группировки вокруг них больших сил красных по приказанию Походного атамана вырыли небольшие окопы и усилили охранение. Сам генерал П.Х. Попов объехал их расположение и для их одобрения проводил с ними «беседы». Из-за разбросанности отрядов в них велась пропаганда неизвестно как проникающей советской агентуры. Чтобы сеять панику среди них, распускались слухи, что весь отряд Мамантова «вырезан», что посланный туда отряд Гнилорыбова, потеряв в бою половину своего состава, разбежался и т. д.

К Походному атаману приезжали коннозаводчики с просьбой, чтобы партизаны оставались в коневодствах «все время», предлагая за это даже деньги. Генерал Попов ответил, что этого обещать он не может, а от денег отказался, заявив, что партизаны не наемники и пришли сюда не для охраны коневодств. После этого отношения между ними создались «странные»: коннозаводчики, как будто сочувствовавшие партизанам, отказывали им в самых мелких вещах, объясняя это тем, что если партизаны уйдут, то они будут расплачиваться за «добрые отношения» к ним. На все обращения они обычно отвечали: «Берите все, что хотите, но берите сами — силой. Вы будете иметь все необходимое, и мы будем гарантированы, когда придут большевики». То есть получалась та же картина, что в свое время в Ростове и Новочеркасске, где никто не хотел ничего давать добровольно.

11 марта было произведено перемещение отрядов — штаб Походного атамана перешел в центр расположения на зимовник Н. Бе-

зуглова, а отряд Слюсарева имел значительный бой с красными у зимовника Байздренкова. Весь день шел дождь со снегом, так что семилетовская сотня, бывшая в дальнем охранении, вернулась на свою стоянку в раскисших и вытянувшихся «кожухах», рукава вытянулись до пола и т. д.

12 марта отряд Семилетова с зимовника Подкопаева переходил на зимовник В. Безуглова. Во время перехода теплая погода сменилась холодом. Мелкий дождь замерзал, покрывая людей и лошадей коркой льда. Благом было еще то, что Семилетов мобилизовал все коннозаводческие «возилки», запряженные волами. Ехали медленно, без остановок, но «удобству» мешал замерзающий дождь, который всех сидящих на «возилках» сковывал своим ледяным покровом (это был своего рода «ледяной поход»). На зимовнике В. Безуглова на весь отряд не хватило теплых, приспособленных для жилья помещений, часть людей в замерзших кожухах разместились в конюшнях, поэтому наутро обнаружили десятки больных партизан.

С появлением партизан в коневодствах большевистская агитация и провокации захватила не только Сальский округ, но проникла и в глубину Астраханской и Ставропольской губерний. Распространялись самые невероятные слухи, нервируя население, что «кадеты вырезают все население», не щадя даже детей, сжигают села и в своем варварстве не знают границ. Чтобы этому противодействовать, особое отделение отправило своих лучших пропагандистов вахмистра Иванова в Ставропольскую губернию и хорунжего А. — в Астраханскую.

Красный главковерх Тулак поднял против партизан астраханских и ставропольских крестьян, которые из сел за 200—300 верст от границы Дона спешили на выручку «обижаемых» товарищей, в то время как главное внимание Походного атамана было обращено на запад, в сторону железной дороги Царицын—Торговая, где шло спешное формирование красных отрядов.

Когда партизаны атамана Попова подошли к Ставропольской губернии, то большевистские власти все местные красные отряды, разбросанные по уездам, направили в распоряжение Тулака, а в губернии началось антибольшевистское движение, особенно ярко выразившееся в Медвежинском уезде под руководством коренного ставропольца капитана В. Жукова. По свидетельству последнего, оно началось именно под влиянием действий донских партизан у границы Ставрополья, которые отвлекли внимание красных властей от местных дел. Это дало возможность населению Ставрополья не только свободно жить по своему усмотрению, но к половине апреля 1918 года организовать четырехтысячный отряд самообороны для защиты от Красной гвардии, возглавителем которого

и был избран капитан Жуков. Действия донских партизан у себя на Дону, на общем собрании медвежинцев, были одобрены, и предполагалось послать к Походному атаману делегацию, но к этому времени донские партизаны ушли далеко от границ Ставрополя и она послана не была. По свидетельству капитана Жукова, добровольческое командование, начав свой 2-й Кубанский поход, не использовало ставропольские отряды самообороны и они были распущены.

Чем спокойнее держались партизаны, тем смелее становились красные, и мелкие стычки перешли в бои. Так, против отрядов Мамонтова были собраны отряды местного донского формирования Т.П. Круглякова, Мокро-Гашунский отряд Скибы, зимовниковский отряд Савина, Куберловский Кулишенко, Мартыновский Ковалева и др., общей численностью свыше 3000 под общим командованием Кулакова.

А между тем в Новочеркасске на требование Исполкома выдать находящихся в Кривянской офицеров станица ответила, что не только их не выдаст, но что если красные что-либо сделают с офицерами, то казаки в свою очередь устроят резню большевикам. Последние не реагировали, так как видели, что с каждым днем в войске для них становится все тревожнее. Считая, что одной из главных причин этого является наличие в Задонских степях партизан, Тулаку было приказано во что бы то ни стало их ликвидировать, распространив заранее слухи среди казаков об окружении и уничтожении отряда генерала Попова и на Кубани армии генерала Корнилова.

12 марта Тулак начал свое наступление. Первыми боями были бои отрядов Каргальского и Чернушенко у зимовника Байздренкова. Атаки красных были отбиты. Но так как в этот же день началось скопление красных у Маныческих грязелечебниц, то есть в противоположном направлении, отряды Слюсарева и Гнилорыбова с орудием есаула Кузнецова произвели удачный ночной набег. Взята была большая добыча, пленные, за исключением комиссаров, были отпущены, и в итоге красные в этом направлении были надолго обезврежены. После в штабе Походного атамана было решено нанести ряд коротких ударов в районе зимовника Королькова, занятого крупными силами красных, для чего был создан сводный отряд полковника Мамонтова из отрядов Мамонтова, Каргальского, Гнилорыбова, Чернушенко, Назарова, Граббевской калмыцкой сотни, батареи Неживова и орудия есаула Кузнецова. Ночью на 13-е сводный отряд выступил с зимовника С. Безуглова к зимовнику Королькова. Зимовник Байздренкова, оставшийся незанятым, 13 марта на заре был занят красными, что поставило под угрозу правый фланг отряда Мамантова.

13 марта после столкновения разъездов в Стариковой балке около зимовника Королькова около 9 часов начался бой на подступах к зимовнику. Он продолжался до самого вечера, с переменным успехом, в весьма тяжелых условиях для партизан: все время шел то град, то снег — люди промокли, поле превратилось в непролазную грязь. Пехота Мамонтова и спешенные партизаны Назарова и Гнилорыбова несколько раз ходили в атаку. Каргальский и калмыки действовали жиденькой цепью на флангах. Все атаки были отбиты красными, занимавшими удобную позицию. Три партизанские пушки с открытых позиций вели бой с шестью орудиями красных, находившихся в хорошем прикрытии. Но три красных орудия были подбиты. С темнотой партизанам удалось сбить красных с занятой ими возвышенности, они стали отходить, оставляя горы трупов. Темнота и поднявшаяся снежная метель помешали их полному разгрому, а в последний момент, из-за плохой видимости, отряд Каргальского атаковал отряд Чернушенко, приняв его за красных. В последнюю минуту ошибка обнаружилась благодаря отрядным значкам. К 7 часам вечера партизаны заняли зимовник. Красные при своем отходе отравили всю воду немногочисленных колодцев сулемой — было несколько случаев отравления среди партизан, быстро оправившихся благодаря своевременно оказанной медицинской помощи, но лошади пострадали. Озлобленные этим партизаны беспощадно расстреливали красных, прятавшихся на сеновалах и в скирдах соломы.

Утром 14 марта Чернушенко и Каргальский после короткого боя овладели зимовником Сергеева в 6 верстах на юг от зимовника Королькова, но 2-я Платовская калмыцкая сотня, занимавшая зимовник Пишванова, была атакована красными, но отбила все атаки. Красные, разбитые у зимовника Королькова и Сергеева, и после неудачной атаки зимовника Пишванова отошли к хуторам Совоськину и Курьячому, где были их значительные резервы, оттуда стали обстреливать артиллерией зимовник Пишванова.

Несмотря на серьезность положения на фронте, который был фактически со всех сторон, Походный атаман командировал в Великокняжескую хорунжего А., чтобы выяснить возможность «отбить» М.П. Богаевского у Голубова, и для этой цели, в ущерб «фронту», предназначались значительные силы. Однако хорунжий А., вернувшись, доложил, что Богаевский увезен в Новочеркасск.

15 марта была произведена перегруппировка расположения отрядов: штаб Походного атамана, госпиталь, артиллерийский и интендантский обозы под прикрытием штаб-офицерской дружины генерала Базавова и «детского» отряда полковника Хорошилова перешли на зимовник С. Безуглова, Чернушенко с зимовника Сергеева перешел

на зимовник Байздренкова, оставленный красными, туда с зимовника Я. Королькова перешли отряд Гнилорыбова и орудие Кузнецова. Отряд Семилетова сосредоточился на зимовнике Пишванова, а Слюсарева — на зимовнике Н. Безуглова.

А в войске дела шли своим чередом: 15 марта большевики созвали в Ростове «Областной Съезд Советов», на две трети состоявший из большевиков. На нем должен был быть решен вопрос о «национализации» земли явно во вред казакам, и станицы всего войска стали готовиться к смертному бою, рассчитывая на помощь партизан.

Утром 16 марта войсковой старшина Семилетов, дабы прекратить обстрел красными зимовника Пишванова, по собственной инициативе предпринял наступление на большевиков в хуторе Савоськине. 3-я пешая сотня атаковала «в лоб», 2-я Платовская конная сотня пошла в обход левого фланга красных, которые оказали сильное сопротивление. Лишь когда на правом фланге рассыпалась в лаву конная сотня есаула Зеленкова, они поспешно оставили хутор, и поздно вечером партизаны вернулись на зимовник Пишванова.

В этот день рано утром было приказано полковнику Мамонтову с отрядами Мамантова, Гнилорыбова и Назарова с батареей Неживова, оставив 1-ю Граббевскую сотню и орудие есаула Кузнецова на зимовнике Я. Королькова, занять зимовник Трубникова, выбив оттуда красных. Но так как после их ухода против зимовника Королькова появились сильные отряды красных, то Походный атаман приказал отряду Назарова вернуться. Назаровский отряд при своем движении к зимовнику Королькова встретил отставшую батарею Неживова. При встрече он попал под артиллерийский обстрел. Батарея Неживова отвечала. Атака красных была отбита. Не имея представления о сложившейся обстановке, Назаров вместе с батареей Неживова пошел не на зимовник Королькова или Трубникова, а на зимовник Безуглова, куда и пришел поздно вечером.

16 марта был днем больших событий в отношении дальнейшего пребывания партизан в степях. Генерал Попов сделал Неживову и особенно Назарову строгий выговор, несмотря на то что очень ценил их боевую деятельность, за неисполнение боевого приказа и за самовольное прибытие на зимовник Безуглова. Назаров счел себя обиженным и подал «непочтительный» рапорт. Походный атаман назначил следственную комиссию, чтобы выяснить причины невыполнения приказа. Назаров же заявил, что никаких показаний он комиссии давать не будет и предпочитает этому «отделиться» от «Отряда Вольных Донских Казаков», уйти в станицы и действовать там со своим отрядом на свой страх и риск. При этом обвинил войскового старшину Розова,

офицера-ординарца штаба Походного атамана, в шпионаже в пользу большевиков. Для расследования этого дела Походным атаманом к этому времени была уже назначена следственная комиссия, работой которой, до ее заключения, Назаров был неудовлетворен. Самочинно арестовав Розова, он создал свою комиссию, которая в несколько минут заставила Розова сознаться, что он не офицер, а вольноопределяющийся одного из запасных ростовских полков — Симановский и что действительно он был большевистским агентом. 17 марта он был расстрелян партизанами Назарова. А «дело» Назарова о неисполнении боевого приказа было предано забвению.

К этому неприятному «делу» прибавилось еще и то, что под влиянием большевистской пропаганды, проникнувшей в отряды, может быть, при помощи того же Розова, стали говорить о необходимости найти выход из положения и даже о необходимости распыления. Небольшая группа ушла уже с зимовника Трубникова, говоря, «чтобы пробраться к генералу Корнилову». Пошли разговоры: «Довольно в степях сидеть и ждать, пока казаки восстанут. Нужно что-то предпринять». Больше всего таких разговоров было в отрядах Чернушенко, Каргальского, Гнилорыбова и Базавова, то есть в отрядах, состоявших главным образом из офицеров. Эти мысли поддерживал и Назаров.

По этому вопросу 16 марта на зимовнике С. Безуглова состоялось совещание начальников отрядов и их помощников и общественных деятелей под председательством Походного атамана. Совещание, обсудив положение, признало его очень тяжелым. Начиная с младших и кончая старшими, были предложены ряд выходов, из коих были: 1 — Пробиваться в Персию к англичанам. 2 — Пробиваться в Румынию или Польшу. 3 — Распылиться по станицам и хуторам мелкими группами для организации борьбы на местах. 4 — Распылиться отрядами, чтобы поднимать станичные восстания. 5 — Искать возможности соединиться с Добровольческой армией. Большинство же старших чинов высказалось в том духе, что решение вопроса должно принадлежать Походному атаману, как заместителю Войскового атамана, получившего от него определенное задание, которое он должен выполнить по своему разумению, учитывая общее положение, которое многие не знают.

Генерал Попов, подводя итоги вышесказанному, дал такую оценку: Персия, Румыния, Польша — шкурная авантюра, распыление группами — это то, к чему призывают большевики, организация борьбы на местах — мысль недурная, но «не зная броду, не суйся в воду» и что «поспешность хороша при ловле блох», соединение с Добровольческой армией — старая негодная песнь с опозданием на месяц.

После начальник особого отделения Афанасьев сделал доклад о положении на Дону на основании советских газет, показания населения, пленных и наших агентов. Основываясь на этом докладе и его резюмируя, генерал Попов определенно заявил, что «поход близится к концу, что нужно еще потерпеть, и что скоро партизаны потребуются Дону, и что все фантастические планы должны быть отброшены». Члены совещания без возражения разъехались по своим частям с верою в близкий конец «сидения в степях».

Как бы подтверждая сказанное Походным атаманом, 16 же марта из села Ремонтного, что на границе с Астраханскими степями, в штаб Походного атамана приехали делегаты от астраханских сел района Райгород и от района Кисты, заявившие, что они представители 18 пограничных сел, которые на своем съезде для самообороны организовали ряд отрядов, которые по зову новоселов из Сальского округа пришли на границу Донского войска, чтобы не допустить «кадет», все уничтожающих на своем пути, в свои края. Приехали они сегодня для того, чтобы выяснить цели «кадетов», их требования и, быть может, прийти к мирному соглашению. Генерал Попов прежде всего предложил им убедиться на месте во лжи новоселов. Оказалось, что это было уже сделано, а потому делегаты и приехали для переговоров. Походный атаман заверил их, что партизаны никаких захватнических целей не преследуют, что они ведут борьбу с Красной гвардией в Донском войске, что если крестьяне Астраханской и Ставропольской губерний оставят их в покое и разойдутся по домам, то и партизаны не будут переходить границы войска Донского, что крестьяне Сальского округа также призываются оставить партизан в покое и приступить к мирному труду и что в случае насилия разных шаяк грабителей, именующих себя Красной гвардией, он обещает свою помощь обижаемому населению. Все это делегаты просили изложить на бумаге и послать своих делегатов в село Ремонтное, они обещают, что крестьяне астраханских и ставропольских сел разойдутся по домам, войны с партизанами вести не будут. Делегатами генерал Попов отправил есаула Сутулова и члена Государственной думы Аладына, выехавших в Ремонтное 17 марта. ✓

На боевых участках в этот день также были перемены: зимовник Лисицкого, занятый наблюдательным постом партизан для наблюдения за железнодорожной линией Торговая—Царицын, был захвачен красными. Хорунжий Егоров и Васильев были там зверски замучены. ✓ Зимовник Подкопаева, занятый конно-подрывным взводом Семилетовского отряда, тоже был оставлен под давлением той конницы, что была на зимовнике Лисицкого.

Отряды Мамантова и Гнилорыбова выдержали два сильных боя с различными группами большевиков, но овладели зимовником Трубникова в крайнем углу Донской области, на стыке с Астраханской и Ставропольской губерниями.

✓ 18 марта в связи с общей обстановкой штаб Походного атамана, лазарет, артиллерийский и интендантский обозы, штаб-офицерская дружина, отряд полковника Хорошилова и юнкерский отряд перешли на зимовник Я. Королькова, куда должен был прийти и отряд Каргальского.

Из станицы Граббевской прибыли гонцы к Походному атаману с докладом, что ее хутора подвергаются грабежам красных, угоняющих скот и терроризирующих население, и с просьбой оказать им помощь.

✓ В этот же день восстала против большевиков Суворовская станица и, мобилизовав все население, способное носить оружие, в ночь на 19 марта под командой местного учителя сотника Алимова двинулась освобождать почти что с голыми руками окружную станицу Н. Чирскую. 19 марта, заняв ее, избрали окружным атаманом полковника Растягаева. К суворовцам присоединились станицы: Н. Чирская, Есауловская, Потемкинская, Верхне- и Нижне-Курмоярские, Нагавская и Филиповская. Восстание Суворовской станицы, по справедливости, должно считаться началом восстаний казаков на Дону против советской власти.

✓ Одновременно с выступлением суворовцев в ст. Манычевской по инициативе сотника Кузнецова состоялся съезд станиц Черкасского округа, на котором присутствовали и делегаты 6-го батальона и голубовских полков, 10-го и 27-го. Съезд этот дал возможность казакам обменяться мыслями, и из глубины души всех ораторов вырвался протест против крови, пролитой в Новочеркасске. В каждой речи чувствовалась глубокая любовь к родине, и каждый присутствующий был вправе сказать, что заря возрождающегося казачества разгорается. Съезд не вынес определенных резолюций, представители станиц разъехались с решением вновь собраться 1 апреля для окончательного решения и выяснения своего отношения к советской власти. Но каждый уезжал с сознанием, что на съезде ясно выяснилось, что если выступит против советской власти какая-нибудь станица, то ее дружно поддержат другие.

✓ 19 марта в станицу Граббевскую для защиты ее населения был послан отряд Назарова, имевший столкновение с красными у хутора Мокрый Гашун. Это столкновение красные главноверхи в селе Ремонтном Ставропольской губернии посчитали как нарушение переговоров и едва не учинили расправы над Сутуловым и Аладьиным. Из района

Грabbевской Назаров привел еще две сотни калмыков. С этого момента можно считать, что калмыки открыто выступили против большевиков, и, если бы в распоряжении Походного атамана было бы достаточно оружия, можно было, как полагал генерал Попов, сразу поднять все калмыцкие станицы.

Войсковым старшиной Семилетовым были получены сведения, что большевики готовят большое наступление на его отряд со стороны хутора Савоськина, и, чтобы предупредить их, он сам решил совершить набег. Бой разыгрался в так называемой Курячей Балке, вдоль которой расположены с запада на восток хутора Курячий, Савоськин, экономия Ладченко, зимовник Скороходова, экономия Байздренкова, зимовник Пишванова и зимовник Лисицкого. В ночь на 19-е Семилетов сосредоточил свой отряд за зимовником Скороходова, Байздренкова и Пишванова и легко очистил их от красных. Против него были большие силы красных под общей командой Тулака. Значительные их силы занимали хутор Савоськин и зимовник Нечаева. Рано утром 19-го семилетовцы сбили красных и загнали их в хутор Савоськин. Тулак бросил против партизан отряд Кулакова, силы которого во много раз превышали силы партизан. Этот бой известен под названием «бой на Курячей Балке». Он не только был описан много раз в казачьей эмигрантской литературе, но и в советской, так что описывать его не буду. В этом бою красные потеряли более 1000 человек убитыми, а партизаны до 200 убитых и раненых, что для них было значительной потерей (бой описан и в № 15 «Родимого Края»).

К вечеру 19 марта семилетовцы сосредоточились на зимовнике А. Королькова, в 11 верстах от Курячей Балки, чтобы быть поближе к войскам Тулака.

Начиная с ночи 17 марта в штаб Походного атамана начали возвращаться посланные в разные концы войска агенты особого отделения. Первым вернулся хорунжий А. из 2-го Донского округа. Из его доклада было ясно, что округ «созрел» для восстаний и что почин могут сделать Суворовская или Потемкинская станицы. Из сказанного выше известно, что почин сделали суворовцы. 18 марта вернулся ветеринарный фельдшер Ф., который нарисовал картину казачьих настроений в южных станицах 2-го Донского и северных станицах 1-го Донского округов. Докладывал он также и о событиях в Черкасском округе, но по слухам. В ночь на 19-е вернулся калмык Н. из калмыцких станиц района Андреевской. Он рассказал, что еще в конце первой половины марта казаки Андреевской станицы совершили удачный набег на ст. Котельниково для добычи оружия. Станица готова к выступлению в любой момент. 20-го утром вернулись

из Донецкого округа студент П. и из Верхне-Донского юнкер С., которые доложили о том, что достаточно маленькой искры, чтобы в округах вспыхнули восстания. Были также агенты в Хоперском, Усть-Медведицком, Ростовском и Черкасском округах, но они еще не вернулись. С особенным нетерпением Походный атаман ожидал агентов из Черкасского округа, так как считал, что освобождение Дона нужно начинать со столицы. Из донесений агентов и из подробного доклада особого отделения о казачьих настроениях во всем войске, доклада, основанного на советских газетах, опросе пленных, населения и т. д., генералу Попову стало ясно — температура «поднялась до вспышки». Все эти сведения были ясными признаками казачьего отрезвления, нужно было поддержать его, вдохнуть в зародыш движения струю уверенности. Настало время партизанам приблизиться к станицам, дабы своим присутствием дать казакам поддержку, импульс, составить рычаг, на который мог бы опереться весь переворот. Поэтому 20 марта Походный атаман снова созвал военный совет на зимовнике Королькова, который в это время обстреливался артиллерией красных, на котором и рассказал о положении на Дону в данное время. Генерал Попов в Степном походе смотрел на партизан не как на боевую силу для освобождения Дона, а как на моральную, предназначенную для моральной поддержки выздоравливающего от нейтралитета казачества. После обрисовки положения на Дону генерал Попов почти буквально сказал: «Наше сидение в степях кончилось. Наступил момент выполнения нашей основной задачи, и для этого нам нужно двигаться к Дону, т. е. в пределы Войска, к станицам». На совещании никто не вспомнил о фантастических проектах, никто речей не произносил, все были зачарованы близкой возможностью напоить коней в Тихом Дону. Задавались только отдельные вопросы атаману и начальнику особого отделения, касающиеся деталей происходящего на Дону. Но день 20 марта был праздником только для чинов военного совета, так как генерал Попов считал это военным секретом и просил пока об этом не говорить. Военный совет молчаливо принял решение «идти к Дону». Партизанские же отряды в это время находились на границах войска на стыке Астраханской и Ставропольской губерний и Донской области.

В этот же день, 20 марта, в Черкасском округе большевики отправили в станицу Егорлыцкую карательный отряд. Егорлычане, мобилизовав все мужское население вплоть до 70-летних стариков, наголову разбили красных, захватив винтовки, два пулемета и много патронов.

21 марта Походный атаман, чтобы обмануть красных и создать у них впечатление, что партизаны намереваются уйти с Донской земли

в астраханские или ставропольские степи, приказал всем отрядам сосредоточиться в крайнем углу Донской области на зимовнике Трубникова. К этому времени астраханские и ставропольские крестьяне, приходившие из своих сел для борьбы с партизанами, покинули «фронт» и ушли в свои деревни.

На зимовнике Трубникова, за отсутствием достаточного количества помещений, партизаны располагались под открытым небом. Была прекрасная весенняя погода, и расположение партизан представляло красивое, незабываемое зрелище или табора цыган, или полчищ татар, остановившихся на привале. Только отрядные значки, развевавшиеся при легком степном ветре в разных местах расположения, да русский национальный флаг, обозначавший штаб Походного атамана, напоминали о том, что здесь расположился «Отряд Вольных Донских Казаков». Партизаны с оживлением обсуждали вопросы — почему их всех собрали в одном месте и куда их поведут отсюда? Начальники на эти вопросы молчали и только давали понять, что «сидение в степях» кончено.

Красные потеряли «контакт» с партизанами и начали поиски их конными разъездами, появившимися на виду у зимовника Трубникова только к полудню 22 марта. Концентрирование партизанских отрядов на зимовнике Трубникова действительно обмануло большевиков, которые вместо того, чтобы преградить пути к Дону, стали сосредотачивать большие силы на территориях Астраханской и Ставропольской губерний, дабы преградить путь в этом направлении.

К вечеру же 22 марта на зимовник Трубникова вернулись из села Ремонтного есаулы Сутулов и Аладьин, а с ними и новая делегация военно-революционного комитета штаба главковерха Тулака. Делегация эта была с большими требованиями: требовалась сдача отряда и выдача всех партизанских начальников, до взводных командиров включительно, рядовым же партизанам «гарантировали» сохранение жизни. Вела она себя нахально, с цинизмом, не знавшим предела. Ответ Походного атамана был весьма вразумительным: отпустив крестьян-заложников, он приказал повесить комиссаров-коммунистов.

К этому времени большевики вновь окружили партизан, оставив свободным только небольшое расстояние в северном направлении, охраняемое небольшими их силами. 23 марта, в 2 часа ночи, бросив все лишние повозки и ненужный груз, оставив на зимовнике лишь юнкерский отряд для наблюдения за красными, ведомые опытными проводниками-калмыками по степным дорогам, партизаны двинулись на... север, то есть туда, где большевики их совсем не ожидали. Фланговым маршем они вышли из окружения, не потеряв ни одного человека. Шли они и остаток ночи, и весь день 23 марта.

А в Черкасском округе большевики 23 марта послали карательные отряды против станицы Кагальницкой и против Хомутовской. На помощь этим станицам Манычская и Богаевская отправили свои отряды — объединенными силами красные были разбиты. В округе настали дни тревожного ожидания большевистской мести и расправы. Станицы готовились к отпору и самозащите.

23 марта юнкера Слюсарева после небольших стычек с красными разъездами оставили зимовник Трубникова.

24 марта главные силы партизан, дойдя утром до хутора Хуторского, после короткого привала круто повернули на запад, на станицу Граббевскую. Красные вновь «потеряли» партизан, и только после обеда 24 марта их авангард имел короткий бой с арьергардом партизан у хутора Хуторского. Главные силы партизан уже ночевали в Граббевской.

23 марта, когда партизаны генерала Попова «продвигались» к станицам, в одном из хуторов Баклановской станицы были задержаны красными партизанами четыре партизана-степняка, поддавшиеся пропаганде о необходимости распыления и ушедшие в свою Баклановскую станицу. После ареста они были доставлены на станцию Ремонтная. Хутор поднял тревогу и стал просить помощи у станицы. Чтобы спасти обреченных станичников, наутро 24 марта собралось 70 всадников, которые двинулись к Ремонтной. По дороге к ним присоединился поголовно соседний хутор Жуков. Присоединились и казаки других хуторов, и к вечеру 24 марта у Ремонтной стоял отряд казаков, более чем 300 человек, потребовавших освобождения партизан. Комиссары Ремонтной уступили — партизаны были спасены. Спасители вернулись в станицу и, окрыленные бескровной победой, подняли вопрос о поголовном восстании против захватчиков власти. К 25 марта организован отряд в 600 человек. По дороге в Ремонтную он пополняется казаками с соседних хуторов, со станицы Андреевской (300 всадников). Ремонтная взята лихой атакой пешими казаками. Узнав о выступлении баклановцев, к Ремонтной подошли дружины других станиц, что увеличило число восставших до 3000 человек, но винтовок было всего 300, всего один пулемет и ограниченное количество патронов. Ими была разрушена железная дорога как на Царицын, так и в сторону Котельникова. Но красные, исправив путь, обстреливают станцию артиллерийским огнем, несмотря на это, весь день 26 марта восставшие казаки под общей командой есаула Андрианова удерживают ее в своих руках.

На заре 25 марта главные силы партизан-степняков покидают ст. Граббевскую, оставив сильный авангард, и двигаются на ст. Бурульскую.

Отряд Назарова, находившийся с батареей Неживова на хуторе Мокрый Гашун, неожиданно был атакован значительными силами красных. Во время артиллерийской перестрелки есаул Неживов был убит на своем командном посту, на крыше дома. При оставлении Граббевской последним партизанским отрядом Семилетова он также был атакован значительными силами большевиков, отбил несколько атак и сам ходил в контратаку с песней «Смело мы в бой пойдем».

В силу настойчивого преследования партизан красными, на походе была произведена перегруппировка войск. На переправе через Гашун был оставлен заградительный отряд под командой полковника Мамонтова — из его пешего отряда под командой полковника Шабанова, конный отряд Гнилорыбова, 2-я калмыцкая Платовская сотня и батарея Неживова. Отряд, прикрывая отход, выдержал сильный бой, понеся значительные потери, среди которых прапорщику Лапшину были оторваны ноги, а сотник А.А. Пятницын тяжело ранен. Авангард, заняв ст. Бурульскую, выдвинулся к станице Еркетинской. В Бурульской к главным силам партизан присоединилась бурульская калмыцкая сотня — около 150 человек.

26 марта главные силы партизан выступили на ст. Еркетинскую, выдвинув авангард к зимовнику Бакбушева. Арьергардные бои произошли у Бурульской.

На полпути к Еркетинской к партизанам подъехал разъезд казака Ромашкина с «летучкой» от полковника Растегаева¹⁰⁹ из Н. Чирской, в которой сообщалось о восстании казаков 2-го Донского округа и занятии ими Н. Чирской, об избрании его окружным атаманом. Полковник Растегаев просил Походного атамана спешить на помощь восставшим, также и материальной помощи. В тот же день генерал Попов отправил разъезд Ромашкина обратно вместе с офицером для связи, которому была передана денежная помощь для восставших и была обещана помощь людьми и оружием.

Движение к Бурульской изменило всю обстановку: партизаны стали двигаться на юг, приближаясь к казачьим станицам. Генерал Попов считал, что было крайне важно задержаться в Бурульской, чтобы оказать давление на астраханские и ставропольские села, понудив их к выступлению против большевиков, но определенные сведения, что в придонских станицах началось движение против красных, заставили его спешить с движением вперед — в глубь области.

27-го утром главные силы двинулись на Еркетинскую. По дороге генералу Попову было доставлено частное письмо от полковника А.И. Бояринова¹¹⁰ из Н. Курмоярской станицы, сообщавшее, что правобережные станицы «созрели» для восстаний и что партизанам необходимо

спешить за Дон, чтобы «поднять их». Это письмо свидетельствовало о том, что сведения о движении партизан к Дону уже широко распространились и даже перебросились за Дон. Бояринов писал: «Сознание необходимости освобождения от советской власти вполне созрело в станицах, но нет оружия, нет ядра, около которого казаки организовались бы. Нужна неотложная помощь, как в моральном, так и в материальном отношении». Становилось ясно, что нужно спешить к берегам Дона, чтобы раздуть первые искры в пламя пожара, и генерал Попов решил из Еркетинской двигаться к Андреевской и там переправиться через реку Сал. К вечеру главные силы расположились в Еркетинской, арьергард остался в Бурульской, Чернушенко занял зимовник Бакбушева, а юнкера и Атаманский отряд заняли Андреевскую. Чтобы не была прервана связь между Еркетинской и Бурульской, что было возможно, так как появились крупные силы красных, между ними были посланы калмыцкие разъезды.

У самой Андреевской станицы протекает река Сал, на которой не было никаких переправ. А у партизан был огромный обоз раненых и больных, интендантский, отрядные обозы и т. д. Начальником переправы был назначен войсковой старшина К.А. Ленивов, а командиру инженерной сотни было приказано организовать техническую сторону переправы; при помощи казаков Андреевской станицы он соорудил свыше десятка плотов на бочках. Андреевцы оказали большую помощь при переправе.

Переправа началась в 2 часа дня 27-го и тянулась до позднего вечера 28-го. Арьергард Мамантова из-за непрерывных атак красных и начатого ими обходного движения оставил Бурульскую и к вечеру отошел в Еркетинскую. Так как он в течение двух дней был в непрерывных боях, то был сразу направлен к переправе в Андреевскую, а оборона Еркетинской и переправы была поручена Семилетову. Сначала для этого в его распоряжении был его отряд в составе 1-й пешей сотни войскового старшины Ретивова, 2-й пешей сотни есаула Тацина, 1-й конной сотни есаула Галдина, 2-й конной сотни подьесаула Зеленкова, конного взвода и остатков 3-й пешей сотни войскового старшины Мартынова, батареи капитана Шукина и приданных двух калмыцких сотен 1-й полковника Абраменкова и 2-й войскового старшины Кострюкова.

Некоторую задержку в переправе внес отряд Чернушенко, который 27-го утром ушел от зимовника Бакбушева, потребовал переправы вне очереди и, переправившись, направился к Дону. Уход Чернушенко потребовал переброски к зимовнику Бакбушева юнкеров есаула Слюсарева из Андреевской.

С переправой штаба Походного атамана в Андреевскую стало известно во всех подробностях не только о восстании в Баклановской и других станицах, но и о том, что восставшие, 25 марта заняв Ремонтную, 26-го ее оставили и отошли на хутор Минаев, что 26-го же восставшие узнали о нахождении в ближайших калмыцких станицах партизан и было решено во что бы то ни стало установить с ними связь и просить у них помощи. Однако до 28-го руководители восстания ничего в этом отношении не сделали, и восставшие, после оставления Ремонтной, настояли перед своим командованием немедленно идти на соединение с партизанами и 27-го двинулись на юго-восток. В это время Ремонтная с востока была обстреляна отрядом Чернушенко, что остановило движение восставших, и они установили связь с Чернушенко, остановившись на ночлег в 12 верстах от станции на степном хуторе. Чернушенко, под предлогом спешности своего движения со специальной задачей от Походного атамана, заявил, что не может оказать поддержки восставшим, но передал им два пулемета с командой своих партизан и значительное количество патронов.

Получив эти сведения, Походный атаман приказал отряду полковника Каргальского с орудием есаула Кузнецова выступить на заре 28-го, чтобы помочь восставшим вновь занять Ремонтную, что и было выполнено — станция вновь была занята. Красная пехота с Ремонтной отошла на юрты Власовской станицы. А через некоторое время со стороны Котельникова и Царицына появились красные бронепоезда, а с юга полк красной кавалерии. Подтянулась и пехота с Власовских юртов. Среди восставших велась усиленная пропаганда против дальнейшей борьбы с большевиками, особую энергию в этом отношении проявлял сотник Бояринов. В результате часть восставших ушла в свои станицы, а большинство оставшихся вновь оставили Ремонтную и сосредоточились на хуторе Минаеве. Партизаны вернулись в Андреевскую. Обстановка менялась ежеминутно, и штаб Походного атамана в зависимости от этого принимал необходимые и выполнимые для него меры.

28-го, когда уже ушла помощь к Ремонтной, Походный атаман получил записку от начальника восставших есаула Андрианова с просьбой оказать помощь, а через некоторое время получил записку такого же содержания из района ст. Котельниково от полковника Бородин. Все это дает известные указания в вопросе дальнейшего движения к Дону, и генерал Попов намечает «резать» железнодорожную линию между Котельниковом и Ремонтной, на переезде южнее станции Семичная. В Андреевской к Походному атаману приезжали представители 11 восставших станиц, заявившие, что они признают в его лице верховную войсковую власть.

Когда в ночь на 29 марта партизаны вернулись с Ремонтной в Андреевскую и полковник Каргальский доложил о положении и настроении восставших, генерал Попов, считая, что положение поправимо, приказал Назарову на заре 29-го с его отрядом и батареей Неживова отправиться на хутор Минаев и помочь восставшим восстановить положение — занять Ремонтную. Однако, как увидим ниже, Назаров приказания не выполнил.

28-го с раннего утра группа Семилетова вела упорный бой за Еркети́нскую и, оставив станицу к 12 часам, заняла позицию в трех верстах от Андреевской. Здесь к ней присоединился отряд юнкеров, оставивших зимовник Бакбушева. Тут же была ему придана штаб-офицерская дружина Базавова. Батарея капитана Щукина, переправившись через Сал под прикрытием батареи Неживова, заняла рядом с ней огневую позицию на станичном кладбище. Примерно до 2 часов дня, когда закончилась переправа обозов, Семилетов отбивал все атаки красных, а затем стал постепенно выводить из боя подчиненные ему части, переправляя их через Сал в Андреевскую. Последними, до сумерек, оставались калмыцкие сотни Абраменкова и Кострюкова и юнкера Слюсарева, неоднократно ходившие в атаку. Происходили горячие схватки. Последней атакой отогнав красных на пару верст от переправы, под прикрытием ураганного огня четырех партизанских орудий, они переправились вплавь. Красные отошли в Еркети́нскую и... исчезли.

По позднейшим сведениям, начиная от Граббевской, партизан преследовала сводная группа красных свыше 6000 человек, имея два конных казачьих полка полного боевого состава. Эта масса могла партизан просто «раздавить», но, по тем же сведениям, начальником штаба этой группы «по мобилизации» был казак есаул С. Он-то все время «сдерживал боевой порыв» красных и тем противодействовал разгрому партизан. В итоге в ночь на 29-е все партизанские силы сосредоточились в Андреевской.

А в Черкасском округе шли свои события. 28 марта большевики отправили в Кривянскую грузовик с матросами. Кривянцы их перебили. 29-го Кривянская с нарочными отправляет эстафету в станицы Заплавскую, Бесергеновскую, Мелеховскую, Раздорскую и Богаевскую: «27 марта, вечером, красная гвардия вошла в Новочеркасск. Режет и убивает мирных жителей. Станица Кривянская восстала. Начальником отряда избран Фетисов¹¹¹, помощником Говоров. Мобилизуйте 20 годов».

29-го же марта Богаевская приглашает представителей станиц, участвовавших на съезде 18 марта, на свой станичный сбор. Собрались представители 11 станиц. К этому времени Богаевская уже выслала подкреп-

ление в Кривянской, и это в полном единении с иногородними станицы. На этом импровизированном съезде был кликнут клич «К оружию», создан «Комитет Общественного Спасения» и вынесено постановление о необходимости «беспощадной борьбы с советской властью за освобождение Дона и организации краевой власти».

В Андреевской же 29 марта к партизанам присоединилась станичная дружина. Половину ее для «психологической поддержки» генерал Попов отправил в распоряжение есаула Андрианова, а половину полковнику Бородину.

Решая из Андреевской двигаться к Дону, Походный атаман был намерен, перерезав железную дорогу, остановиться на один-два дня на хуторе Королева и на Верхне-Яблочном, откуда при нужде легко было помочь и Андрианову на ст. Ремонтная, и Бородину к ст. Котельниково. Чтобы помочь Андрианову и обеспечить переход партизан через железную дорогу, генерал Попов приказал юнкерскому отряду Слюсарева с наступлением темноты 29 марта совершить набег на ст. Семилетова — взорвать полотно железной дороги на высоте хутора Королева.

Из Андреевской партизаны выступили в ночь на 30 марта, и рано утром Семилетовский отряд расположился на хуторе В. Яблочном, а остальные отряды на хуторе Королева. Около 8 часов утра со станции Котельниково появился красный бронепоезд, но был отогнан огнем партизанских орудий. В хуторе Королева из отряда Мамантова был выведен отряд полковника Яковлева и, пополненный остатками отряда Чернушенко, снабженный небольшим количеством винтовок для станичных дружин, был отправлен к ст. Котельниково, на помощь полковнику Бородину. Был и другой «отлив»: ушла часть партизан отряда Назарова и единицы из других отрядов по своим станицам.

30 марта в Королев приезжали полковник Бородин и есаул Андрианов, доложившие Походному атаману, что казаки их станичных дружин митингуют, бросая позиции, уходят в свои станицы и что никакие убеждения начальников на них не действуют. При этой встрече выяснилось, что отряд Назарова не помог дружинам есаула Андрианова. Назаров этот факт объяснил усталостью отряда, желанием его партизан скорее попасть в свои станицы за Дон и т. д., но обещал выступить «сейчас же». В то время применять «крутые» меры не всегда было разумно, и генерал Попов, сказав Назарову, что вместо него послан другой отряд, просил его не «беспокоиться». А есаулу Андрианову обещал прислать семилетовцев. И действительно, рано утром 31 марта в хутор Минаев были отправлены под командой еса-

ула Балихина 2-я конная и 1-я пешая сотни Семилетовского отряда, калмыцкая сотня есаула Аврамова и батарея Неживова. Но оказалось, что уже поздно — дружины таяли не по дням, а по часам. Не помогли ни увещания начальников, ни предупреждения Походного атамана, что своим распылением дружины приведут в свои станицы красных и навлекут на свои дома и семьи весь ужас их злобы и произвола. При отъезде Бородина и Андрианова генерал Попов благодарил казаков за их выступление от имени войска, его лично и партизан, подчеркнув, что казаки своим выступлением в некоторой степени облегчили переправу партизан через Сал, «сковав» красных на железной дороге одним своим присутствием.

31 марта, когда группа капитана Балихина выступила на хутор Минаев, к Походному атаману прискакал гонец есаула Андрианова, сообщивший, что его отряд уже рассыпался и могущие прибыть в Минаев партизаны положения не исправят.

К этому времени вернулись из командировки в Черкасский и 1-й Донской округа агенты особого отделения студент К. и вахмистр Иванов, сообщившие, что эти округа на границе восстания и там все упования на партизан. К этому времени все партизанские силы были сосредоточены на хуторе Кривом, куда из станичной почты Нижне-Курмоярской сообщили о начавшихся восстаниях в районе станиц В. и Н. Кундрючевских и Екатерининской и что зреют восстания в Донецком округе. А после обеда на моторной лодке прибыли гонцы из станицы Богаевской от сотника Кузнецова — подьесаул Бардышев и старший урядник Цыпкин, с сообщением о положении в Черкасском округе и с просьбой спешить с партизанами. Генерал Попов командует туда вместе с возвращающимися гонцами, для организационной работы, полковника Ляхова и полковника Монакина¹¹² и агента особого отделения хорунжего А. Получив от полковника Бородина записку, рисующую развал его дружины в таких же мрачных красках, как и есаул Андрианов, Походный атаман приказал полковнику Яковлеву и капитану Балихину идти на соединение с партизанами в хутор Кривой. Когда к нему в хутор Кривой приезжали от есаула Андрианова с вопросом — что ж им теперь делать, генералу Попову ничего не оставалось как ответить: «Сами начинали — сами кончайте» и предложить Андрианову и Бородину с остатками их дружин уходить вслед за партизанами на правую сторону Дона.

И. Степной в журнале «Донская Волна» в очерке «Баклановцы», описывая восстания своего района, пишет, что «прекрасно начатое дело борьбы с большевиками (в этом районе. — А. П.) умирало... Пали духом станичники», «ехали они по домам» и там собирались на сход

обсудить вопрос — как выйти с честью из создавшегося положения, выхода не было, и отдал сходный приказ — «винтовки зарыть в землю», но что «все сознательно мыслящие, не желавшие гнуть шею под ярмом большевизма, оставляли родные станицы, кров, семью и... шли на правый берег Дона, чтобы там с винтовкою в руках стать на защиту казачьей воли».

Действительно, с партизанами ушло немало казаков Баклановского района и почти все офицеры. Из них были сформированы дружины, принявшие участие в борьбе с красными в Черкасском округе, в частности под командой есаула Ф.Е. Перфилова. 18 апреля 100 человек их принимало участие в карательной экспедиции в ст. Семикаракорскую на пароходе «Вольный Казак». Часть их ушла к восставшим казакам района Н. Чирской станицы.

1 апреля рано утром была начата переправа на правый берег Дона в станицу Н. Курмоярскую. Она производилась на паромов и лодках, днем и ночью и закончилась к полудню 2 апреля. Штаб переправился на одном из первых паромов. Первое, что доложили в станице Походному атаману, это было сообщение с местной почты, что в Донецком округе в районе Гундоровской действует против большевиков партизанский отряд есаула Сухаревского, что Гундоровская для самозащиты от красных организовала отряд под командой есаула Рытикова, что в районе Бело-Калитвенской станицы началось движение под руководством полковника Быкадорова, а в районе Екатерининской станицы под командой войскового старшины Старикова¹¹³ и есаула Позднышева¹¹⁴.

2 апреля был отдан приказ о расформировании «Отряда Вольных Донских Казаков». Из отдельных партизанских отрядов был сформирован «экспедиционный» отряд под командой полковника Мамонтова, в который вошли отряды Мамонтова, Гнилорыбова, Каргальского и два орудия. К его штабу был прикомандирован есаул Сутулов с задачей произвести разведку в Усть-Медведицком и Хоперском округах и поднимать там восстания. Введения из этих округов в штабе Походного атамана были весьма скудны. Отряд Мамонтова из Н. Курмоярской выступил в Н. Чирскую 4 апреля.

Две калмыцкие сотни были оставлены отдельными сотнями: одна как конвой штаба Походного атамана, а вторая в распоряжении генерала И.Д. Попова, назначенного командующим войсками 1-го Донского округа. Остальные калмыцкие сотни были сведены в калмыцкий полк под командой войскового старшины Суворова, а после его ранения полк принял есаул Н.П. Слюсарев. Отряд Назарова был расформирован, и его партизаны влиты в другие отряды. Штаб-офицерская дружина также была расформирована, чины ее оставались в распоря-

жении штаба Походного атамана и предназначались для станичных формирований. Инженерная сотня превратилась в управление инженерной части штаба Походного атамана. Другие партизанские отряды были влиты в Семилетовский отряд. Отряд Хорошилова (малолетние кадеты) был расформирован, дети сначала были переданы на попечение Цымлянской станицы, потом на попечение окружного управления 1-го Донского округа, а оттуда затем отправлены в Новочеркасск. Все раненые были переданы сначала в Цимлянскую больницу, потом перевезены в Константиновскую.

Позднее, по донесениям есаула Сутулова и агентов особого отделения, в Усть-Медведицком округе антибольшевистское движение началось в конце марта: старогригорьевцы еще 28 марта послали свою делегацию во главе с Кременсковым в Н. Чирскую, чтобы выяснить «что к чему», а 8 апреля вместе с соседними станицами постановили «присоединиться к восставшим против советской власти и мобилизовать станицы». Начальниками районов обороны были избраны подъесаул Каласков и сотник Седов, командование отрядами поручено хорунжему Федорову и прапорщику Маринину. Примерно в это же время начальниками обороны станиц Трех-Островянской и Сиротинской был выбран войсковой старшина Иванов. Тоже в конце марта в Усть-Хоперской по инициативе сотника Веденина образовался «Совет Вольных Станиц и Хуторов». В районе Усть-Медведицкой были созданы партизанские отряды есаула Алексеева и сотника Долгова. Формально восстание в Усть-Медведицком округе произошло с 28 на 29 апреля, когда усть-хоперцы под общим руководством войскового старшины Голубинцева с боем заняли Усть-Медведицкую, а к ним присоединились станицы Ново-Александровская, Распопинская и Клетская.

В Хоперском округе уже с 31 марта действуют партизанские отряды Дудакова¹¹⁵ Урюпинской станицы и есаула Сонины Зотовской, которые 1 апреля на один день заняли Урюпинскую. По ее оставлению оба отряда объединились в Зотовско-Урюпинский отряд во главе с есаулом Кривовым при начальнике штаба есауле Моргунове. Узнав обо всем этом, Походный атаман для связи, инструктирования, с агитационной литературой и своими приказами отправляет есаула А. в Усть-Медведицкий округ и есаула Чувашина в Хоперский.

В Н. Курмоярской Походный атаман получил дополнительные сведения, что 20 марта большевики потребовали от Гундоровской выдачи дружины Сухаревского, офицеров и оружия, послали туда карательную экспедицию, часть которой была гундоровцами уничтожена, а другая взята в плен. Туда был командирован есаул Х., от которого позже стало известно, что 14 апреля красные большими силами повели наступ-

ление на Гундоровскую, которая, мобилизовав в станице и хуторах всех казаков до 70 лет, под командой полковника Гусельщикова разбила большевиков. 15 апреля они бросили на станицу новые силы под командой Щаденко, но тоже были разбиты. Гундоровцы, ожидая новых наступлений красных, послали свою делегацию в город Луганск и нашли там немцев, которые обещали свою помощь. Однако гундоровцы принуждены были отойти на левый берег Дона, где митякинцы тоже вступили в борьбу с большевиками. Здесь казаки вместе с немцами 19 апреля разбила красных наголову. Полковник Гусельщиков Походным атаманом был назначен начальником обороны Гундоровско-Митякинского района.

5 апреля в Н. Курмоярскую приезжал хорунжий Х., гонец подьесаула Дрынкина, атамана Мигулинской станицы, чтобы узнать положение дел в 1-м и 2-м Донских округах, сообщивший, что на 17 апреля созывается станичный сбор с участием хуторов, так как в станице зародилась мысль «отмежеваться» от станицы Каменской, объявить войну большевикам. Генерал Попов командует туда полковника Алферова¹¹⁶.

16 апреля Тираспольский отряд 1-й Социалистической армии выгрузился на станции Шептуховка, чтобы походным порядком идти в Воронежскую губернию. 17 апреля он остановился на ночлег в хуторе Сетракове. Мигулинцы быстро мобилизовались (до 50 лет), захватили большевиков врасплох, забрали всю артиллерию, а красногвардейцев прогнали на север. 20 апреля в Мигулинской состоялся съезд, на котором полковник Алферов был избран окружным атаманом и командующим войсками округа.

Так, 2 апреля он отдает приказ с целью расширить районы восстаний вниз по Дону, об общей мобилизации и создании районов обороны, из четырех-пяти станиц, чтобы каждый район мог составить отряды в 1200—1500 человек, способных для самостоятельных оборонительных и наступательных операций и достаточно подвижных для переброски в соседние районы на случай совместных действий. Назначает туда начальников обороны и офицерские кадры. В зависимости от обстановки на местах, в некоторых районах он оставляет для большей устойчивости и как ядро для формирований партизанские отряды. Так, в Н. Курмоярской была оставлена такая группа под командой полковника Антонова.

5 апреля в Н. Курмоярской генерал Попов созвал совещание членов Круга всех созывов для обсуждения вопроса о его созыве. Присутствовало до 100 человек, большинство считало, что Круг нужно созвать в Новочеркасске. Здесь впервые предстоящий Круг был назван «Кругом спасения Дона». Совещание признало единогласно за

Походным атаманом временную верховную власть, как законного заместителя Войскового атамана Назарова.

✓ За время пребывания партизан в Н. Курмоярской 3 апреля 2-я конная Семилетовская сотня есаула Зеленкова захватила вблизи станицы пароход «Венера», шедший из Ростова в Калач, на котором было захвачено до 200 красногвардейцев. 4 апреля 1-я конная сотня есаула Галдина и 2-я пешая сотня есаула Тащина, совершив набег с одним орудием капитана Шукина на ст. Нагавскую, разбила там красный отряд под командой сотника Бояринова, захватив два орудия, но и партизаны понесли значительные потери.

4 апреля, получив дополнительные сведения о том, что в районе В. и Н. Кундрючевских и Екатерининской станиц действуют повстанческие отряды полковника Быкадорова и войскового старшины Старикова, генерал Попов командует туда для связи сотника Кузнецова, назначив полковника Быкадорова командующим войсками, а войскового старшину Старикова начальником обороны. Позднее в Цымлянскую оттуда для связи со штабом Походного атамана приехал есаул Позднышев.

✓ 18 апреля войска полковника Быкадорова, разбив красных у станции Тащино, захватили богатую добычу: около 5 тысяч снарядов, пулеметы, винтовки и до двух миллионов патронов. А войсками войскового старшины Старикова, на одном из хуторов Екатерининской станицы, были захвачены остатки 27-го Донского казачьего революционного полка, во главе с командиром полковником Седовым, который после доставки его в Константиновскую станицу умер от разрыва сердца.

✓ Еще 1 апреля в Константиновской начались заседания окружного съезда Советов, на котором должен был рассматриваться и вопрос отношения к советской власти. Чтобы он принял решение в нужном смысле, Походный атаман отправил туда 2 апреля генерала И.Д. Попова с его калмыцкой сотней. Генерал И.Д. Попов явился на заседание съезда в полной генеральской форме, при орденах, в сопровождении двух калмыков, георгиевских кавалеров. Через полчаса съезд был переименован в Окружной круг, а генерал И.Д. Попов избран окружным атаманом. Круг постановил выступить активно против советской власти и приступить к организации дружин для борьбы с ней. Походный атаман был признан единственным законным главою войска, в руках которого должна находиться вся военная и гражданская власть.

3 апреля утром штаб Походного атамана получил сведения, что Новочеркасск занят восставшими казаками Черкасского округа. Радости не было конца, и ниже-курмоярцы широко угощали партизан «заветными» бутылками вина. Но она была омрачена 6 апреля, когда

Походным атаманом были получены в ст. Цимлянкой первые сведения об оставлении столицы Дона и 6-го же появились и первые беженцы оттуда.

В Черкасском округе за это время произошли следующие события. 31 марта Кривянская станица при поддержке Раздорской, Заплавской, Бесергеновской, Мелеховской и Богаевской, под общим командованием войскового старшины Фетисова, на рассвете 1 апреля заняла Новочеркасск. В это время в станице Манычской под руководством М.В. Кузнецова¹¹⁷ происходил окружной съезд станиц Черкасского округа, который происходил под тем же настроением, что и в Богаевской 29 марта. Председателем съезда был Ф.И. Бабкин¹¹⁸. Как и на съездах 18 и 29 марта, лишних слов сказано не было — царило сознание важности момента, было не до трескучих фраз. Съезд объявил себя временно верховной властью Черкасского округа и выделил районный штаб обороны, объявил беспощадную борьбу с советской властью. До организации войсковой власти признал за Походным атаманом, как за временным заместителем Войскового атамана, всю верховную, как военную, так и гражданскую, власть. Разъехались делегаты по своим станицам проникнутые единодушием и с радостной вестью, полученной во время заседания, что Новочеркасск в руках казаков. Эта весть окрылила всех надеждой на успех, это была уже не заря возрождающегося казачества, а солнце брызнуло своими лучами и разбудило донских казаков от короткого, но тяжелого сна.

Из Ростова, в предвидении Манычского съезда, комиссары послали карательную экспедицию на тральщике «Св. Николай», дабы не допустить съезда, но манычские казаки «атаковали» тральщик, и он вернулся в Ростов, не выполнив своей задачи. Задонские станицы (Кагальницкая, Хомутовская и др.) в это время тоже вели борьбу с красными под руководством генерала Семенова¹¹⁹.

Накануне Манычского съезда подпольная организация Аксайской станицы, руководимая ст. урядником Зацепиным, оставленным в Новочеркасске 12 февраля особым отделением, командировала его на Кубань, на поиск Добровольческой армии. По дороге он прихватил делегатов от задонских станиц, тоже искавших помощи в борьбе с большевиками. По дороге на Кубань они встретили разъезд Добровольческой армии полковника Барцевича¹²⁰, который проводил их в штаб генерала Деникина в станицу Успенскую Кубанского войска. Это решило вопрос о дальнейшем движении добровольцев.

Как Походный атаман в Новочеркасске, так и генерал Корнилов и генерал Алексеев в Ростове оставили секретных агентов для подпольной антибольшевистской работы. Во главе ее, в Ростове, стоял

И.А. Добрынский, которому удалось организовать значительную офицерскую группу, которая поддерживала связь с Добровольческой армией через поручика Колю Х., оставшегося в Ростове раненым, и донскую казачку Валю Гайдукову, а главное, через капитана Натуса¹²¹ — начальника команды связи Корниловского полка, который установил связь генерала Корнилова с Ростовом еще в начале марта.

Параллельно с Добрынским, в Ростове работали студенты-казаки, оставленные в Новочеркасске Походным атаманом, Свистунов и Коротков, бывшие членами ростовской студенческой казачьей организации. Им удалось создать в Ростове подпольную казачью организацию из учащейся молодежи, в которую вошло много и не-казаков, и привлечь на свою сторону Союз увечных воинов, городскую милицию и казаков Гниловской и Александровской станиц. Все это, по мысли руководителей, могло выступить в любой момент. Но время выступления мог назначить только Добрынский по соглашению «со своим штабом», как глава военной офицерской организации. Однако, когда восставшие казаки 1 апреля заняли Новочеркасск и подходили к Ростову, он не только не отдал соответствующие распоряжения, но и удержал «казачий центр» от выступления.

После занятия Новочеркаска 1 апреля там около 11 часов ночи по инициативе группы «политиканствующих» офицеров во главе с есаулом Яновым¹²² был образован, как временная краевая власть, «Совет Оборонь», в который уже потом был включен Манычский «штаб обороны». Войска восставших казаков в Новочеркасске пополнялись очень слабо. Офицеры шли неохотно на командные должности, а те, кто присоединились, в большинстве пошли рядовыми под команду урядников и вахмистров.

Восставшие пытались освободить увезенного в Ростов М.П. Богаевского и подошли к Нахичевани. Большевики бросили против них все, что могли, даже членов донского съезда Советов. Представитель Походного атамана полковник Ляхов и Монакин, приехавшие в Новочеркасск поздно вечером 2 апреля, видя, что восстание уже началось без них, не стали «мешать» тем, кто начал его, хотя и видели, что в Новочеркасске шла уже борьба за верховную власть. Войсковой старшина Фетисов, избранный казаками, «Советом Оборонь», был заменен генералом К.С. Поляковым¹²³ с присвоением титула «Командующего Донской Армией», а его начальником штаба был приглашен полковник С.В. Денисов, проживавший в станице Богаевской. В такой обстановке руководство боевыми операциями восставших и вообще организация всего дела, в силу разных обстоятельств, были не на высоте. В частности, для поддержки духа казаков не велось никакой пропаган-

ды. Характерной особенностью было колебание настроений, как это было в Баклановском районе: от подъема к упадку и обратно. Многие представители восставших станиц допускали, что при таких обстоятельствах Новочеркасск может быть оставлен, и настаивали на необходимости заранее вывезти из города запасы золота, снарядов, патронов и пр., но им всегда отвечали, что об этом своевременно позаботится штаб.

В результате ряда причин казаки от Нахичевани отошли к Новочеркасску, а 4 апреля и он был ими оставлен с такой поспешностью и неорганизованностью, что ничего не было вывезено, даже деньги. «Совет Обороны» вывез всего 25 тысяч рублей. А в Заплавской станице, чтобы подбодрить казаков, им говорили: «Походный атаман везет золото, пушки, снаряды и патроны». Остатки «Донской Армии» сосредоточились в станице Заплавской, где началась их реорганизация.

К этому времени и командованию «Армией», и «Совету Обороны» было известно, что партизанская «армия» Походного атамана сосредоточена в Нижне-Курмоярской и что Манычский съезд станиц Черкасского округа признал в лице Походного атамана верховную власть в войске, как военную, так и гражданскую. Однако «Совет Обороны», созданный в Новочеркасске после Манычского съезда, с «благословения командования «Армии», чтобы вырвать власть у Походного атамана генерала П.Х. Попова путем образования Временного Донского правительства, 8 апреля объявил себя таковым, но в то же время продолжая рассматривать партизан Походного атамана как «допинг» для восставших казаков.

Во время стоянки партизан в Н. Курмоярской было замечено как характерное явление массовое передвижение со стороны Ростова, вверх по Дону, подозрительных групп и отдельных лиц красногвардейского типа, на всякого рода моторных лодках, так же как и эшелонов по железной дороге на Царицын из Торговой. Опрос задержанных или пленных красногвардейцев показал, что в Ростове советские власти встревожены не на шутку, так как казачье освободительное движение разрасталось с каждым днем все шире, а с другой — какая-то сила начала давить извне. Этой силой были немцы.

Станица Н. Курмоярская в истории Степного похода, как и вообще в истории первых дней антибольшевистского движения на Дону, была тем пунктом, откуда Походный атаман начал планомерную организацию борьбы в войсковом масштабе. Здесь, в его штабе, было положено начало плана формирования постоянной «молодой» Донской армии. Закончен он был в ст. Константиновской и Раздорской и полностью был принят и приведен в жизнь атаманом Красновым.

С вечера 4 апреля партизаны, частью баржами и пароходами, частью походным порядком, покинули Н. Курмоярскую. Несколько задержались в Цымлянской, где еще не прошел дух советского засилья и местный совет обороны, образовавшийся по приказу Походного атамана, занимал несколько странную позицию. Но чутко прислушивался — что скажет окружной съезд в Константиновской. Генерал П.Х. Попов не раз выступал и на станичном сборе, и на общем собрании, и в местном совете обороны. Отметим, что при выступлении из Н. Курмоярской Походный атаман приказал всем чинам особого отделения следовать походным порядком, чтобы по пути вести пропаганду.

В Цымлянской был захвачен пароход «Пустовойтов», переименованный в «Вольный Казак», который явился основоположником Донской военной флотилии. При следовании партизанской флотилии вниз по Дону население прибрежных станиц высыпало на берега Дона и приветствовало партизан и Походного атамана криками «Ура!». В некоторых местах «Вольный Казак», на котором находился Походный атаман, подходил к берегу, и тогда генерал Попов произносил краткие речи и принимал хлеб-соль. Движение партизан от Н. Курмоярской до Раздорской было сплошным триумфальным шествием.

8 апреля партизаны рано утром прибыли в Константиновскую. Здесь начинается новая фаза борьбы Дона с большевиками и новая организационная деятельность генерала П.Х. Попова. Здесь и в станице Раздорской все силы восставших казаков и партизан получают новую организацию. Создаются с подчинением штабу Походного атамана отдельные группы войск: Задонская, генерала Семенова, район действия — ст. Мечетинская—Кагальницкая, со штабом в Егорлыцкой; Южная, полковника Денисова, район действия — против Новочеркасска, со штабом в Заплавской; Северная, полковник Семилетова, — против Александро-Грушевска, со штабом в Раздорской. Кроме того, другие группы: Верхне-Донского округа, полковника Алферова, район действия — весь Верхне-Донской округ, со штабом в Мигулинской; 2-го Донского округа, полковника Мамонтова, район действия — весь 2-й округ, со штабом в Н. Чирской; 1-го Донского округа, генерала И.Д. Попова, район действия — весь округ, со штабом в Константиновской. Отдельные отряды: Донецкий, полковника Быкадорова, со штабом в ст. Екатерининской, с районом действия Лихая—Усть-Бело-Калитвенская; Гундоровский, полковника Гусельщикова, со штабом в Гундоровской, район действия — Митякинская—Луганская; Хоперский, есаула Кривова, со штабом в Зотовской, район действия — в сторону Урюпинской; Усть-Медведицкий, войскового старшины Голубинцева¹²⁴, со штабом в Усть-Медведицкой, район действия — весь округ.

Было создано также около десятка районов обороны. Позже число их и их отрядов увеличилось, в частности, когда в 20-х числах апреля произошло восстание против большевиков крестьян хутора Сулина и казачьего хутора Сулинского-Кундрючевского. Начальником этой группы был назначен штабс-капитан Сычев, со штабом в ст. Владимирской. Все эти силы так или иначе были связаны со штабом Походного атамана и действовали до 5 мая по его указаниям, а в зависимости от военного положения меняли не только места стоянок, но и районы действий. Так, Донецкий отряд полковника Быкадорова с 1 мая действовал уже в Задонском районе, совместно с войсками этого района.

В Константиновской партизан поразило и вызвало недоумение отношение к казачьим восстаниям генерала Краснова, проживавшего в станице под немецкой фамилией. Когда к нему 2 апреля явилась депутация от казаков Константиновской, Раздорской станиц и 9-го полка, во главе с офицером 10-го полка, бывшим войсковым есаулом Сиволобовым, с просьбой принять на себя руководство восставшими казаками 1-го Донского округа, имея в виду объединить вокруг него все казачье антибольшевистское движение, генерал Краснов принял ее крайне грубо и на обращенную к нему просьбу ответил: «Я казакам не верю и никакого дела с ними иметь не желаю». И вообще в этот тяжелый, критический период жизни Дона генерал Краснов не проявил никакого желания участвовать в неблагодарной черной работе и рисковать ответственностью за возможные неудачи с поднятием казаками восстаний. При попытке Походного атамана иметь встречу с генералом Красновым для обсуждения вопросов борьбы с большевиками для освобождения Дона генерал Краснов, как говорили, считая себя бывшим командующим армией последних дней Временного правительства, считает себя старше Походного атамана и находит недопустимым первому делать визит к Походному атаману.

Когда 10 апреля в Константиновскую к Походному атаману приезжала делегация из Заплавской станицы от штаба «Донской Армии» и от «Временного Донского Правительства», то председатель правительства Г. Янов и начальник оперативного отделения армии И. Поляков, раньше чем видеть Походного атамана, «навестили» генерала Краснова. О чем у них была речь — неизвестно, но потом говорили, что они тоже предлагали генералу Краснову стать во главе казачьего движения и что он, по тем же мотивам, что и делегации Сиволобова, тоже отказал.

В Константиновской отдал себя в распоряжение Походного атамана 9-й Донской казачий полк, часть 2-го Донского казачьего полка и Константиновский партизанский отряд есаула Димитриева. Казаки

2-го полка были влиты в 9-й, что дало шестисотенный полк полного боевого состава при 20 пулеметах. Его командиром был назначен есаул Климов. Этот полк и отряд Димитриева были включены в группу полковника Семилетова.

В Константиновской же генерал Попов посещал заседания окружного Круга, чтобы выяснить его настроение и сообщить ему свое мнение о проведении определенных воззрений через делегатов Круга в станицы. С помощью Круга им был принят ряд мер по обеспечению Новочеркасска и Ростова хлебом и мясом после их освобождения, по созданию баз для довольствия казачьей армии. Для этого, по его совету, Кругом были выделены специальные комиссии, а он включил туда специалистов. Сюда, в Константиновскую, шло прямо паломничество делегаций из станиц почти всего войска. Отсюда была установлена связь со станицами, расположенными у железной дороги Лихая—Царицын и со станицами Донецкого округа, и здесь же было принято ряд важных решений.

Особым отделением штаба Походного атамана было разослано во все округа, по станицам и хуторам, воззвание войскового старшины Фетисова «К Великому Донскому Казачьему Войску» и приказ-обращение Походного атамана к донцам с призывом к восстаниям против советской власти. Не боясь уронить своего «престижа», Походный атаман приказал первым разослать обращение Фетисова, а потом свой приказ-обращение.

В Константиновской делегация «Временного Донского Правительства» и штаба «Донской Армии» — Г. Янов и И. Поляков добивались признания этого правительства до созыва Круга за верховную власть на Дону; признания права за Заплавской группой именоваться «Донской Армией», настаивали на том, чтобы генерал Попов оставался бы Походным атаманом «своих» партизан и чтобы он вел организационную работу повстанческого движения в других округах, а «Донской Армии», по праву ее «первородства», предоставил Черкасский округ, со всеми выходящими отсюда последствиями. Но генерал Попов ясно и определенно ответил, что он Походный атаман всех вооруженных сил Дона и что после гибели Войскового атамана Назарова он является его заместителем — верховной властью на Дону, впредь до разрешения этого вопроса Войсковым кругом. Ему не нужно никакого Временного правительства с правами верховной власти, но он готов работать с любой общественной организацией, независимо от ее названия, для освобождения Дона от большевиков. Он готов работать «рука в руку» с Временным Донским правительством, но не как с верховной властью, а как с общественной организацией по вопросам

продовольствия, созыва Круга, по поднятию казаков на борьбу с большевиками и т. д., но что о всех своих мероприятиях Временное Донское правительство должно ему докладывать заранее. Член делегации А.М. Горчуков считал, что точка зрения Походного атамана «законна и логична», но Г. Янов и И. Поляков «по праву первых начавших борьбу» настаивали на своих требованиях. Вопрос остался открытым, и делегация вернулась в станицу Заплавскую.

В Константиновской был захвачен пароход «Москва», на нем поместился штаб Походного атамана. 9 апреля, погрузив на его борт и на баржи все, что можно, в 9 часов теплого, весеннего, солнечного утра, когда могучий Тихий Дон величаво катил свои мутные воды по широкой долине, украшенная русскими национальными флагами партизанская флотилия, вытянувшись в кильватерную колонну, производя чарующее и грозное впечатление, торжественно, под крики «Ура!» партизан и провожающих поплыла вниз по течению. Почти около каждой станицы, по какому-то таинственному сигналу, разносился вдоль по Дону колокольный звон из прибрежных селений, и народ сбегался к берегу. «Флотилия» замедляла свой ход, чтобы Походный атаман генерал П.Х. Попов мог принять депутации с приветствием и хлебом-солью. У всех праздничное настроение, все ликовало, хотя были последние дни Великого поста.

10 апреля флотилия подошла к Раздорской. Все ее жители, и стар и млад, бросились к пристани. Флотилия замедляет ход. Громовое «Ура!» и на судах, и на берегу. «Москва» плавно отделяется и идет к пристани. Из толпы встречающих выделяется депутация станицы, образуя круг для приветствия Походного атамана. В центре ее — атаман станицы, по бокам — старики депутаты с традиционными хлебом-солью. Как только бросили мостки, Походный атаман, в форме, при оружии, быстрым шагом идет к депутации. Станичный атаман говорит краткое приветствие, старики подносят хлеб-соль. Дети, девочки, подносят цветы. Минута торжественная. В этот момент перед генералом Поповым бросается на колени член Назаровского Круга Макаров, много сделавший, чтобы Круг 12 февраля остался бы в Новочеркасске, и просит Походного атамана простить ему все зло, которое он причинил делу борьбы с большевиками. «Бог вам судья, кто старое вспомнит — тому глаз вон», — отвечает генерал Попов.

Через час началась разгрузка партизан, артиллерии, обозов. Конные части также триумфально шли походным порядком до Раздорской; особенно теплый прием им был в станице Богоявленской.

С прибытием партизан станица Раздорская превратилась в военный лагерь. Начали подходить и мобилизованные дружины соседних хуто-

ров и станиц. Шла большая работа по организации частей, налаживался вопрос об их снабжении и т. д. А одновременно в штабе Походного атамана спешно заканчивался план создания постоянной Донской армии («Молодой»), которая смогла бы сменить на фронтах станичные дружины, а по очищению Дона от красных — создать надежную охрану его границ.

11 апреля Временное Донское правительство издало приказ № 3, в котором говорилось, что «после тяжелого похода в станицу Раздорскую прибыл во главе своего отряда Походный Атаман; что Временное Донское правительство в полном единении с доблестным командованием Донской Армии решило для пользы дела и успешности борьбы передать высшее командование и полноту военной власти Походному Атаману; что Временное Донское Правительство, избранное и облеченное доверием восставших казаков, оставляет за собой, до созыва Круга Спасения Дона, всю полноту гражданской власти и высший контроль по всем вопросам, связанным с успешностью борьбы с большевиками; что Круг Спасения Дона должен быть созван немедленно по освобождению столицы Дона от большевиков; что Временное Донское Правительство приступило к предварительной работе по созыву Круга, что о порядке выборов и дне созыва Временное Донское Правительство известит станицы, хутора, полки и дружины». Приказ этот был доставлен Походному атаману в тот же день частным лицом с сообщением, что он широко распространяется не только в войсках Заплавской группы и населении этого района, но послан и в другие станицы и хутора. Приказ этот, как и его распространение без ведома Походного атамана, вызвали у него горечь и раздражение. Старшие чины штаба, полагая, что издан он был не без согласия командования Заплавской группы, рекомендовали Походному атаману немедленное его смещение и роспуск Временного Донского правительства, указывая, что такая мера будет одобрена всеми командующими других групп. Но Походный атаман, в интересах борьбы с красными, не нашел возможным принять такие меры, но в тот же день, не объясняя мотивов, вызвал в Раздорскую генерала К.С. Полякова и полковника Денисова.

Временное Донское правительство, видимо не зная, что приказ № 3 уже известен Походному атаману, послало его ему с «командующим Донской Армией», и вместе с тем просило генерала Попова «при возможных переменах в командном составе оставить на ответственных постах генерала Полякова и полковника Денисова», подчеркнув, что «они пользуются доверием казаков».

12 апреля «командующий Донской Армией генерал К.С. Поляков и полковник С.В. Денисов приехали в Раздорскую, оставив за себя в

Заплавах генерала Балабина¹²⁵ и подполковника И.А. Полякова». Генерал К.С. Поляков в разговоре относительно приказа просто заявил, что он не стремится быть не только «командующим Донской Армией», но и ни к какому командованию, что он принял его в тяжелую минуту, чтобы спасти — что можно, что он сделал — что мог, и теперь, с приходом Походного атамана, он ни на что не претендует, а просит его уволить в отставку, так как он не привык служить в атмосфере «дряг», и рекомендовал вместо себя командующим Южной группой генерала Е.И. Балабина, временно уже его заменяющего в Заплавской группе и уже как известного генералу Попову по его работе в Макевском районе в дни Каледина, но предупредил, что вероятно, и он, по тем же мотивам, тоже откажется. Походный атаман удовлетворил просьбу об отставке генерала К.С. Полякова и, чтобы не обижать полковника Денисова, назначил его командующим Южной группой и по просьбе последнего его начальником штаба назначил И.А. Полякова, но фактически эти обязанности выполнял генерал М. Свечин¹²⁶.

Новое командование Заплавской группы не изменило своего отношения к штабу Походного атамана, и, по свидетельству полковника Добрынина, это «неприятное отношение» давало себя знать и «построено оно было на почве личного самолюбия Заплавского штаба», переоценившего свои достоинства и стремившегося обвинить штаб Походного атамана и его самого, «в неправильности решений, одухотворяющих действия предыдущего периода борьбы», и что на почве этих неприятных отношений даже назревал развал в заплавских войсках, в тылу которых находились беспокойные станицы Мелиховская и Семикаракорская. По поводу встречи Походного атамана с командованием Заплавской группы в Раздорской председатель Временного Донского правительства в своем труде писал: «...состоялось довольно неприятное заседание, грозившее в будущем не объединением всех сил, а разъединением». Чтобы этого избежать, Походный атаман 13 апреля посетил войска Южной группы, где сказал казакам о необходимости продолжать начатую борьбу и верить в конечную победу. В Заплавской он имел «беседу» и с Временным Донским правительством. Пожурил его за приказ № 3, но в интересах борьбы и казачьего единства в борьбе никаких мер не принял, но потребовал «таких номеров больше не выкидывать». «Правительство» согласилось.

За время пребывания в войсках Южной группы Походный атаман обратил внимание, что не только казаки, но и большинство офицеров не только не носят погон, но не имеют и военной формы, и поэтому их не всегда можно отличить от красногвардейцев. Во избежание «недоразумений» во время боевых операций генерал Попов отдал приказ

всем имеющим форму носить погоны, а кто ее не имел — нашить на головные уборы белые полосы, которые должны были их отличать от красных. Этот отличительный знак сохранился в Донской армии всю Гражданскую войну.

14 апреля главные силы Походного атамана составляли группы Северная (полковника Семилетова) и Южная (полковника Денисова). В первую входили: партизаны семилетовцы, яковлевцы, юнкера, Константиновский партизанский отряд Димитриева, сводный конный полк есаула Климова и Калмыцкий партизанский конный полк — всего примерно 3200 человек. Позиция была у Мокрого Лога. Во вторую входили Новочеркасский (А.П. Фицхелаурова¹²⁷), Кривянский (Н.Г. Зубова¹²⁸), Раздорский, Заплавский, Бесергеновский, Мелиховский и Богаевский (полковника Желтухина) пешие полки, 6-й батальон, 7-й Донской казачий (В.Н. Карпова) и сводный полк Туровева — общей численностью до 6500 человек. Позиция их была на участке Бесергеновская—Кривянская. В резерве обеих групп были дружины Кочетовская, Камышевская, Зотовская и др., расположенные в тылах и находившиеся в стадии формирования. На правом фланге Северной группы в сторону железной дороги линии Лихая — Белая Калитва была Донецкая группа полковника Быкадорова из станичных дружин Усть-Белокалитвенской, Ермаковской, Екатерининской, Усть-Быстрианской, Владимирской, В. и Н. Кундрючевских — всего около 5000 человек. На левом фланге Южной группы была Задонская группа генерала Семенова, направленная в сторону железной дороги Ростов—Тихорецкая и Ростов—Торговая. В нее входили станичные дружины Егорлыцкая, Кагальницкая, Мечетинская и Хомутовская — всего около 3500 человек.

В это время разведка штаба Походного атамана установила поспешное продвижение огромного количества поездов с Красной гвардией со стороны Лихая—Звереве на Ростов, возвращавшихся обратно пустыми. В Сулине и в Александро-Грушевске усиленно проводилась добровольная и насильственная мобилизация рабочих на рудниках и заводах и в крестьянских поселениях. А в Звереве и Лихой были обнаружены признаки близкого присутствия немецких войск. Было известно также об их движении к Таганрогу.

По мнению Походного атамана, с имевшимися войсками в Южной группе можно было овладеть Новочеркасском в любой момент, но при сопоставлении всех имеющихся сведений было ясно, что при создавшейся обстановке Южная группа после занятия города попала бы в клещи огромных масс со стороны Ростова и Александро-Грушевска, что при не вполне устойчивом настроении станичных дружин было

угрозой не только нового очищения казаками столицы Дона, но и в таком случае, может быть, и крушением самой идеи борьбы за освобождение края. Поэтому у Походного атамана запрашивался другой план: повременить со столь желанной атакой Новочеркаска, а временно центр внимания перенести на Александро-Грушевск. Поэтому он приказал полковнику Денисову из его группы, для усиления Северной, передать Раздорский, Богаевский и Мелиховский пешие полки полковнику Быкадорову, после оставления им Усть-Белокалитвенской выделить из его отряда Верхне- и Нижне-Кундрючевские дружины под общей командой войскового старшины Старикова и обеспечить ими не только правый фланг Северной группы, но и от возможного удара в тыл, в сторону Константиновской, а полковнику Семилетову приказывает 15-го атаковать Александро-Грушевск.

Наступление началось бодро и уверенно, правое крыло, где были партизаны и полк Климова, уже очистили ряд рудников, но на левом фланге, где были станичные дружины, с самого начала была заминка, а потом началась сумятица. Войсковой старшина Балихин, общий любимец и гордость партизан, руководивший на левом крыле, увидев колебание дружин, бросился наперерез уже отходившему их левому флангу, чтобы задержать его и тем устранить уже начинающуюся панику в дружинах, но был тяжело ранен и не успел переломить колебания мелеховцев, «сдавших» сначала на левом фланге, а потом заставивших этим и всю группу отойти. Раздорский полк отошел к Заплавам, богаевцы и мелиховцы — к себе в станицы (причем мелиховцы привели в свою станицу красных фуражиров и даже снабдили их фуражом и провиантом, за что позже получили кличку «хлебосолов»). А партизаны, обойденные с левого фланга, понесли большие потери, особенно семилетовские пешие сотни.

Неудача под Александро-Грушевском не обескуражила генерала Попова. Он считал, что нервность и слабая устойчивость станичных дружин — дело поправимое, и приказал войскам Северной группы снова готовиться к наступлению, взяв в свои руки «сколачивание» рассыпавшихся частей. Работа кипела и день и ночь. Обстановка улучшалась. Подходили новые подкрепления из станиц, но был острый недостаток патронов и снарядов. Патронов было всего 10 тысяч, а снарядов — 40 штук на орудие.

К 17 апреля стало известно о движении к Дону с Кубани Добровольческой армии. 18 апреля прибыл от нее для связи донской партизан есаул Чеботарев.

А в Южной группе все велась пропаганда против Походного атамана и всех участников Степного похода, распространялись слухи, что

✓ генерал Попов и партизаны 12 февраля бежали из Новочеркаска, бросив все и вся на милость победителей, бросили раненых и золото. Шли они из штаба Южной группы, и, чтобы их пресечь, нужно было сменить весь штаб. Походный атаман этого не делал по той же причине, по которой терпел и выходы Временного Донского правительства.

✓ 15 апреля командующий Южной группой прислал Походному атаману рапорт в ультимативной форме, требуя особого отношения к Южной группе. 16 апреля — его новый рапорт, что «вверенная ему группа стала совершенно небоеспособна», что «Бесергеновский и Заплавский полки в стадии начала разложения», что «конница совершенно небоеспособна по своей трусости», что требуются новые части, которые могли бы «послужить примером повиновения и долга» и т. д.

✓ 17 апреля Донецкий отряд у ст. Тацинской, заняв Усть-Белокалитвенскую и разрушив мост через Белую Калитву, захватил около 5 тысяч снарядов и до 200 тысяч патронов, что внесло большую панику в красное командование. Походный атаман, принимая во внимание обстановку, приказал Северной группе занять исходное положение для новой атаки Александро-Грушевска.

✓ 17-го же пароход «Венера», перевозивший из Раздорской в Константиновскую раненых, проходя мимо Семикаракорской, был обстрелян ружейным огнем, а раненые, бывшие в станице, брошены в Дон. Генерал Попов был принужден послать в Семикаракорскую карательную экспедицию на пароходе «Вольный Казак», под командой полковника Косоротова.

✓ Из Ростова в этот же день были доставлены сведения о существовании там подпольных антибольшевистских сил, могущих выступить в любой момент и отдающих себя в распоряжение Походного атамана. Генерал Попов немедленно отправил туда на моторной лодке распоряжение начать выступление только по его приказу, которое будет приурочено к атаке Новочеркаска, чтобы одним ударом захватить оба города. Но позднее выяснилось, что не-казачья часть этих сил, под руководством Добрынского, выступила в 10 часов вечера на 20 апреля, не предупредив об этом станичные казачьи группировки в городе. Ими были захвачены ростовский порт, почта, пароход «Киев», тральщик «Феофания», ледокол «Фанагоря» и посыльный катер «Татарин». Но большевики быстро ликвидировали это выступление. Катеру «Татарин» удалось уйти в сторону Таганрога. На полпути бывшие на нем вышли на берег и присоединились к проходящему мимо отряду полковника Дроздовского. «Феофания» ушел в «Мертвый Дон», оттуда одна часть восставших ушла на соединение с Добровольческой арми-

ей, другая вернулась в Ростов, и лишь несколько казаков пришли в Раздорскую. Всего из 500—600 человек выступивших покинуло Ростов около 200 человек. Среди них донская казачка Константиновской станицы Шура Гайдукова, студентка Ростовского университета, которая немедленно поступила сестрой милосердия в Корниловский полк и была убита в первом же бою.

Ликвидировав это восстание, большевики разоружили Союз увечных воинов, милицию, произвели многочисленные аресты и расстрелы среди «Казачьего центра», подпольной казачьей студенческой организации. В результате двухмесячная работа пропала даром и организованных антибольшевистских сил в городе не осталось. Но несмотря на неуспех восстания, оно внесло дезорганизацию в советские войска, часть которых ушла в Батайск и дальше, а часть в Нахичевань и на ст. Кизитеринка. Это обстоятельство позволило отряду полковника Дроздовского без особого труда вечером 21 апреля занять Ростовский вокзал и дойти до центра города, броневик же капитана Нилова¹²⁹ доходил до Нахичевани.

18 апреля, рано утром, Северная группа начала вторую атаку Александро-Грушевска. Правая колонна сосредоточенным ударом смела красных и на их плечах ворвалась на первые рудники. Но левая колонна из Новочеркасского и Раздорского полков, под командой полковника Фицхелаурова, атаковавшая с юга Бурасовский рудник, подавленная артиллерией красных, начала поспешно отходить, совершенно оголив левый фланг Северной группы. Этим воспользовались большевики, тотчас развиг ураганный огонь во фланг и по тылам семилетовцев. Высланный для парирования охвата Калмыцкий полк, не поддержанный артиллерией Семилетова из-за отсутствия снарядов, не мог остановить нахлынувшую лавину красных. Группа Фицхелаурова отошла в Заплавь. Вторая атака Александро-Грушевска сорвалась...

Эта неудача была компенсирована тем, что красные в этот день сделали вылазку из Новочеркаска и были наголову разбиты Южной группой под командой генерала Балабина и конными сотнями есаула Сафронова и сотника Азарянского. Захвачено было до 5 тысяч снарядов, около 200 тысяч патронов и т. д.

19 апреля похоронили красу и гордость партизан войскового старшину Бакихина. В этот же день была разоружена Кочетовская дружина, усмирены и приведены в порядок дружины Мелиховская и Богаевская и усмирена станица Семикаракорская.

20 апреля из Задонской группы генерал Семенов донес, что Добровольческая армия вошла в пределы Дона и бригада генерала А.П. Богаевского Донским Партизанским полком заняла Мечетинскую. В штаб

генерала Деникина Походный атаман послал для связи полковника Манакина. Северная группа полковника Семилетова с утра была дважды атакована красными у Мокрого Лога. Обе атаки были отбиты, и было захвачено значительное количество снарядов, патронов и т. д. Потери Северной группы были незначительны, а красные на поле боя оставили множество трупов. Это очень подняло дух станичных дружин Северной группы, и казаки стали поговаривать о необходимости овладеть Александро-Грушевском ночной атакой.

Принимая все это во внимание, имея уже значительные запасы огнестрельных припасов, генерал Попов приказал Семилетову готовиться к третьей атаке Александро-Грушевска, а сам отправился в станицу Заплавскую, чтобы лично ознакомиться с настроением и состоянием войск Южной группы. Там в ночь на 21-е получил донесение своего начальника штаба полковника Сидорина, что, согласно докладу агента особого отделения вахмистра Иванова, вернувшегося из Ал.-Грушевска, там после кровавой «бани» началось разложение: мобилизованные крестьяне и рабочие уходят из Красной гвардии, уходят и проходящие эшелоны в сторону Ростова, в городе остается лишь местный гарнизон из горнозаводских рабочих, фронтовиков и местного населения. Сидорин просил Походного атамана 21-го снова атаковать город при помощи некоторой части войск Южной группы, но генерал Попов, в силу совокупности всех данных, приказал «повременить» с новым наступлением на Ал.-Грушевск и 21-го приказал командующему Южной группой готовить его войска к атаке Новочеркаска.

В ночь на 22-е полковник Сидорин донес Походному атаману, что в Раздорской задержана моторная лодка с бежавшими из Ростова служащими порта, сообщившими, что город занят каким-то офицерским отрядом и что немецкие части подходят к Ростову. 22-го утром конные разъезды сотника Азарянского и сотника Гавриленкова, высланные к Новочеркасску, донесли, что они дошли до окраин города, что красные по случаю наступающей Пасхи пьянствуют, охраны города почти нет и что много поездов выходят на Ростов. А вернувшийся из самого города агент особого отделения хорунжий А. дополнил, что, действительно, Ростов вечером 21-го был занят каким-то офицерским отрядом, красные частично отошли в Нахичевань и ст. Александровскую, часть за Дон — в Батайск и что для освобождения Ростова из Новочеркаска утром 22-го послано несколько эшелонов красной пехоты со значительным количеством орудий, конный полк, бронепоезд, два броневика и т. д. В силу этого Новочеркасский фронт сильно ослаблен, красное командование нервничает, чувствуя себя как в мышеловке, так как помимо общего положения на Дону, немецкие войска

подходят или уже подошли к Ростову и Звереву. В силу этого пути отступления красным, не хотящим покидать железную дорогу на Воронеж и Царицын, или за Дон — через Ростов отрезаны.

Получив все эти сведения, Походный атаман приказал начальнику Южной группы полковнику Денисову в 3 часа ночи на 23 апреля атаковать Новочеркасск, а начальнику Северной группы — оставив заслон против Александро-Грушевска, партизанский отряд приблизить к правому флангу Южной группы фронтом на Персиановку, для усиления Южной группы — прислать в Заплавскую конный полк есаула Климова, а для символического участия партизан-степняков в атаке Новочеркаска прислать в Заплавскую же конную семилетовскую сотню есаула Зеленкова и офицеров-подрывников из юнкерского отряда. Но когда Походный атаман попросил начальника штаба Южной группы И.А. Полякова передать этот приказ в штаб Походного атамана для передачи командующему Северной группой полковнику Семилетову, Поляков заявил, что этого он сделать не может, так как красные заняли в тылу Южной группы Мелиховскую, прервали телефонную и телеграфную связь с Раздорской, связи с Семилетовым тоже нет и сильные разъезды красных находятся между Заплавской и Раздорской. Иначе говоря, с «занятием» Мелиховской красными создавалась угроза тылу Южной группы, готовящейся к атаке Новочеркаска. Генерал Попов, чтобы не отменять атаки, послал из своей конвойной калмыцкой сотни несколько разъездов с распоряжением полковнику Сидорину выслать требуемые части ликвидировать красных, «занявших» Мелиховскую. Калмыки на всем своем пути не встретили ни одного красного разъезда и установили, что Мелиховская красными не занята и не занималась. Все сказанное И.А. Поляковым оказалось его фантазией. Уже в эмиграции он сознался, что обманул генерала Попова. Его обман не только вызвал задержку прибытия в Заплавскую назначенных Походным атаманом частей из Северной группы, но мог и сорвать все наступление.

Меры, принятые генералом Поповым, позволили Южной группе вести атаку «без оглядки назад» и получить назначенные части для ее усиления. Они пришли усталые, но пришли вовремя — до начала атаки. Сотня Зеленкова была назначена на правый фланг Новочеркасского полка, полковник Климов оставлен как резерв в распоряжении Походного атамана, подрывники, в частности есаул Крюков, были назначены в левую группу, а поручик Кирсанов — в правую.

К 3 часам ночи на высоту у Кадамовских хуторов, недалеко от Персиановки, где был командный пункт, приехали командующий группой полковник Денисов, Походный атаман с адъютантом полковником Ку-

✓ черовым, штаб-офицером для поручений полковником В.А. Карповым, несколькими чинами особого отделения штаба Походного атамана с полусотней калмыков из конвойной сотни генерала Попова с есаулом П. Аврамовым. Ровно в 3 часа Походный атаман зажег сигнальную вежу для начала атаки Новочеркаска.

✓ Еще с вечера 22 апреля конница полковника Туроверова была отправлена в обход Новочеркаска с задачей содействовать его атаке, а с занятием города действовать в направлении Аксайской станицы, где, на вербовав добровольцев, двигаться дальше на Ростов. Тогда же с вечера в Старочеркасскую была направлена «Донская флотилия» под командой партизана-степняка лейтенанта Тарасенкова¹³⁰, состоявшая из «адмиральского» парохода «Вольный Казак», вооруженного двумя пушками и шестью пулеметами «максим» (для «десантной операции» на нем было 200 человек «морской пехоты», часть которой были партизаны-семилетовцы), и несколько катеров с пулеметами «кольт». До рассвета «флотилия» укрылась за островом против Аксайской станицы. Тогда же на высоту хутора Мишкина и полустанка Александровский была выдвинута партия охотников для обеспечения левого фланга наступающих.

✓ Когда атакующие части подошли к Новочеркасску, три конные сотни полка Климова выдвинулись в Хутунок, где обнаружили в казармах запасных полков значительные запасы огнeприпасов, которые немедленно были вывезены в Заплавскую. Другие три сотни полка Климова были выдвинуты к Кривянской, где укрылись в складках местности против Новочеркасского вокзала. К рассвету, после упорного сопротивления в самом городе, Новочеркасск был взят казаками.

✓ К 8 часам утра Заплавский и Бесергеновский полки прикрывали город со стороны хутора Мишкина, сотня Зеленкова — со стороны Грушевской, за Кадетским корпусом, Богаевский полк и 6-й батальон — со стороны Персиановки, Раздорский и Мелиховский — со стороны хуторов Большой и Малый Несветай.

Как только казаки заняли город, как по волшебству загудели пасхальными перезвонами соборные колокола, а им стали вторить колокола всех церквей. Со всех сторон слышалось радостное «Христос воскрес!». Жители, увидав въехавшего в город через Троицкий спуск Походного атамана, приветствовали его криками: «Ура партизанам!» Так как среди партизан сотни Зеленкова было почти 90 процентов жителей Новочеркаска, то он им позволил строем, поочередно, по полусотне совершить прогулку по городу. Жители, видя знакомые лица и узнав место их стоянки — в Кадетском корпусе, — бросились туда, одни — чтобы повидать своих родных, другие — чтобы узнать о судь-

бе тех, кого с ними не было. На Атаманском дворце, по приказанию Походного атамана, был поднят русский национальный флаг.

Некоторые командиры полков на радостях сравнительно легкого захвата города и, видимо полагая, что красные бежали далеко, с разрешения начальника штаба Южной группы отпустили своих людей «в отпуск по домам». В первую очередь это произошло в лучших полках — Новочеркасском и Кривянском.

В это время красные, установив у Новой тюрьмы артиллерию, открыли по городу огонь; три или четыре снаряда попали в купол собора, и под прикрытием огня они стали накапливать значительные силы. А по городу в это время бродили кучки казаков разных полков и ни одного командира. Походный атаман, проезжая по Московской улице, когда Платовский проспект и Дворцовая площадь осыпались гранатами красных, увидел около Торговых рядов одно орудие и около полусотни конных и пеших казаков. А командир одной из сотен Бесергеновского полка доложил ему, что в районе завода «Южная Бавария» неустойчиво и туда нужны подкрепления. Тут же «случайно» оказался артиллерийский офицер есаул Лобачев, которому Походный атаман приказал взять брошенное орудие и присоединить его к орудию, стоявшему у Михайловской церкви, открыть самый жестокий огонь и сбить батарею красных, что у Новой тюрьмы, а командиру Бесергеновской сотни — взять казаков, находившихся у Торговых рядов, и отвести их на угрожаемый участок у завода «Южная Бавария», обещая прислать еще людей, для сбора которых он проехал со своими офицерами-ординарцами по Платовскому проспекту, где бродили группы казаков, и направлял их туда же. По телефону он приказал есаулу Зеленкову с его сотней «прочистить» Краснокутскую рошу, а командиру своего конвоя, есаулу Аврамову, бывшему в Военном училище, с конвоем и двумя сотнями полка есаула Климова атаковать батарею со стороны кладбища. Батарея есаула Лобачева заставила красные орудия замолчать, а есаул Аврамов закончил дело, захватив красную батарею и пленных, в чем ему помог случайно подошедший из ст. Грушевской ее отряд. Положение было спасено.

Донская «флотилия» во взятии и удержании Новочеркаска тоже сыграла заметную роль: как только из Новочеркаска утром 23-го у Аксайской стали появляться бегущие эшелоны красных, флотилия вышла из-за острова и открыла по ним огонь, наводя панику не только на железнодорожной линии у Аксайской, но и на комиссаров в Ростове, что заставило красного командующего войсками Молова приказать немедленно уводить поезда с «нижней» ростовской железнодорожной линии в Батайск, на расстоянии 10 метров поезд за поездом. А появление «Вольного Казака» 24 апреля на виду у Ростова вызвало бегство

оттуда многих частей Красной гвардии, что облегчило и немцам, и казакам взятие Ростова на 25 апреля.

В ночь на 24-е во дворец к Походному атаману со сторожевой заставы у Краснокутской роши был доставлен «неизвестный», оказавшийся капитаном Благовским — офицером отряда полковника Дроздовского, который сообщил, что с вечера 21-го до утра 22-го дроздовцы занимали Ростов, где потеряли свыше 100 человек убитыми и ранеными, что сейчас отряд сосредоточен в селении Крым и что полковник Дроздовский, узнав, что казаки осаждают Новочеркасск, предлагает свой отряд в полное распоряжение старшего казачьего начальника. Генерал Попов немедленно отправил с капитаном Благовским к полковнику Дроздовскому офицера штаба Южной группы и предложил ему сосредоточить его отряд в ст. Грушевской.

24 апреля в штаб Походного атамана на автомобиле от полковника Дроздовского приезжали капитан Нилов и поручик Александров, которые получили от Походного атамана подробную ориентировку и просьбу продвинуться в ст. Грушевскую и нарисовали положение отряда Дроздовского.

24 апреля чинами особого отделения, по приказанию Походного атамана, был арестован сапожник, член красного «Совета пяти», подписавший сотни смертных приговоров «контрреволюционерам». По приказанию генерала Попова он подлежал военно-полевому суду. Однако, как позже выяснилось, во дни атаманства генерала Краснова он по протекции начальника штаба Донской армии И.А. Полякова был освобожден из тюрьмы, а после оставления Новочеркаска в конце 1919 года продолжал свою кровавую работу, подписав, вероятно, еще тысячи смертных приговоров казакам.

24 апреля по приказанию Походного атамана особой командой под руководством полковника Карпова были осмотрены все поезда на станции Новочеркасск и ее товарные склады. Было обнаружено такое количество снарядов и патронов, что никто не ожидал. Было приказано все это вывезти в арсенал. Кроме того, было обнаружено громадное количество награбленного красными добра. К нему были выставлены надежные караулы с тем, чтобы в будущем это добро передать в распоряжение Круга.

В этот же день красные делали попытки наступать на Новочеркасск со стороны Персиановки, но легко были отбиты. Несмотря на это, Походный атаман приказал выдвинуть специальный отряд к Земледельческой школе.

Появилась в городе и небольшая группа донских партизан, участников Кубанского похода Добровольческой армии. Сведения о них, о

прибытии на Дон отряда полковника Дроздовского и немцев быстро распространялись по городу и проникли в войска. Это значительно подняло дух казаков, вместе со взятием столицы Дона вселило в них веру в свои силы и конечную победу, и они считали совершенно необходимым вести борьбу до конечной победы. А в это же время командование Южной группой, в лице командующего и его начальника штаба, уже 24 апреля предлагали Походному атаману начать с большевиками «мирные переговоры», послав к ним делегатов. Походный атаман не стал с ними обсуждать этого вопроса, а просто заявил: «Забудьте о переговорах, а если поднимете этот вопрос второй раз — предам военно-полевому суду». Этим ответом он нажил себе непримиримых врагов.

25 апреля с 10 часов утра большевики, теснимые с севера немцами и восставшими казаками, желая через Ростов скорее пробиться за Дон, со стороны Персиановки повели наступление широким фронтом на Новочеркасск. Казаки держались нетвердо, некоторые части их стали отходить, все больше принимая направление на Заплавскую. В городе появились паникеры, штаб Южной группы посылает Походному атаману панические сообщения о «грозности» обстановки и даже думает об эвакуации. Генерал Попов едет на командный пункт к Троицкой церкви и берет руководство боем в свои руки. Артиллерия, находившаяся вблизи Хутунка, вызывается в город и располагается в несколько ярусов, на спуске от Троицкой церкви, у артиллерийских казарм и по спуску Платовского проспекта с приказанием открыть самый убийственный огонь. Есаулу Климову было приказано спешить свой полк и занять позиции вдоль железной дороги, на насыпи, выставив все свои 20 пулеметов. Партизанскую сотню есаула Зеленкова и конную кривянскую сотню «укрыли» во дворе арсенала. Наспех собранный офицерский отряд под командой полковника Фарафонова¹³¹ уступом располагается за полком Климова. Полагая, что отряд полковника Дроздовского уже в ст. Грушевской, туда посылается сотник Иловайский с приказанием отряду идти в Новочеркасск. Полковник Дроздовский, узнав о положении у Новочеркаска, по собственной инициативе немедленно присылает конно-горную батарею, конный казачий дивизион есаула Фролова, сформированный в ст. Ново-Николаевской и пополненный в Таганроге и попутных станицах, и капитана Нилова на броневике «Верный», обещая к вечеру привести в город весь отряд. Полковнику Семилетову было приказано ударить конными партизанами в тыл красным и пешими во фланг. Помимо всех принятых мер, город надежно обеспечивался разливом рек Тузлова и Аксая, и единственным подходом к нему была узкая гать от Хутунка к единственному мосту.

✓ К 2 часам красные заняли Хутунок и солдатские казармы. Батарея Дроздовского с прикрытием есаула Фролова заняла позицию у скакового поля и открыла огонь по резервам красных. Казармы были зажжены казачьей артиллерией.

Большевики стали подаваться назад. «Верный» их преследовал. Появление на фланге и в тылу обходной колонны Семилетова и преследование отходящих полком Климова, казаками Фролова и конными сотнями Зеленкова и Кривянской обратили отступление в неудержимое и беспорядочное бегство. Преследование продолжалось до Персиановки: «Верный» расстреливал красных «на выбор», казачья конница также «на выбор» их рубила. Разгром красных был полный, уцелевшие пробились через ст. Лихая на Царицын. В этот же день немцы и казаки полковника Туроверова заняли Ростов, выслав свои авангарды к Батайску и Ольгинской станице.

Вступивший в Новочеркасск отряд полковника Дроздовского для успокоения населения прошел с музыкой по городу. Дроздовцы за время пребывания в Новочеркасске, за счет его населения, увеличили свой состав до 3000 человек. Когда в 1-м Донском округе, в районе Константиновской, создалось неблагоприятное положение для казаков, то по просьбе Походного атамана туда были направлены конно-горная батарея, казаки есаула Фролова и броневик «Верный». Они действовали в сторону Великокняжеской; там был убит есаул Фролов. После избрания Донским атаманом генерала Краснова дроздовцы ушли в Добровольческую армию.

✓ 26 апреля Временное Донское правительство по-прежнему без ведома Походного атамана «решило» созвать Круг спасения Дона
✓ 28 апреля и в тот же день разослало сообщение об этом в станицы, хутора, дружины и полки. За два дня не только не могли приехать делегаты из далеких станиц 1-го Донского, Донецкого и других округов, но и само сообщение не могло попасть в эти округа. Поэтому на Круге не были представлены не только станицы, занятые красными, но и большинство освобожденных станиц. В последний момент число делегатов пополнялось случайными людьми из жителей Новочеркаска и из людей, случайно оказавшихся в городе. Попытки генерала Попова мирно изменить дату созыва Круга ни к чему не привели, а крайних мер, в интересах борьбы с большевиками, он не находил возможным применить.

✓ 26 апреля Походный атаман послал от Донского войска делегацию в Ростов во главе с полковником Гуцциным, в которую были включены и представители Временного Донского правительства с разведывательной целью, после чего 27-го было назначено посольство на Украину

для переговоров с Гетманским правительством и с немецким командованием. В его состав вошли от Временного Донского правительства И.Т. Семенов и М.А. Горчуков и от заместителя Войскового атамана, то есть от Походного атамана генерала Попова, его начальник штаба полковник Сидорин и полковник Гуцин. Кандидатуры всех четырех лиц из руководящих деятельностью Временного Донского правительства были встречены недоброжелательно, но они приняли их, чтобы к моменту созыва Круга спасения Дона «убрать» из Новочеркасска. Позже посольство и его задачи были утверждены Кругом спасения Дона, то есть были одобрены мероприятия Походного атамана.

27 апреля в Новочеркасск приехал представитель Добровольческой армии генерал Кисляков¹³², предложивший от имени генерала Деникина передать командование всеми антибольшевистскими силами ему — генералу Деникину. Генерал Попов ответил, что при настоящих условиях он этого сделать не может, а Временное Донское правительство и Круг спасения Дона на то же предложение ответили, что все войска, находящиеся на территории Дона, должны подчиняться только Донскому Войсковому атаману и в настоящее время его заместителю — Походному атаману.

Но когда генерал Деникин, не предупредив донское командование, направил из Добровольческой армии в Новочеркасск около 2000 раненых добровольцев, то, несмотря на то что в городе не было достаточно госпиталей и на требования командования Южной группы отправить этих раненых в Ростов, генерал Попов приказал их разместить в учебных заведениях, обращенных в госпиталь. И когда Добровольческая армия отдыхала в пределах Дона, на ее содержание распоряжениями генерала Попова с 23 апреля по 3 мая из донской казны было отпущено 6 миллионов рублей, а восставшие казаки, достаточно хорошо снабженные огнеприпасами и оружием, захваченными у большевиков, братски поделились ими с Добровольческой армией.

26 апреля партизаны-степняки в Новочеркасске участвовали в параде по случаю освобождения города, а 28-го уже дрались с красными под Ал.-Грушевском, после занятия которого отводятся в Новочеркасск на заслуженный ими отдых. На этом фактически поход партизан заканчивается, но они еще служат войску, неся в городе гарнизонную службу.

За отъездом на Украину генерала Сидорина начальником штаба Походного атамана с 26 апреля состоит генерал Денисов, и с этого времени он же и руководил военными операциями, особенно в южных округах, так как генерал Попов должен был организовывать вой-

сковую администрацию, налаживать отношения с Добровольческой армией, с немецкими оккупационными властями и т. д.

✓ В последних числах апреля начались восстания в калмыцких станицах: Ново-Алексеевской, Денисовской, Иловайской, Кутейниковской, Батлаевской под руководством есаула Тепкина, есаула Сельдинова, подъесаула Шадманжинова, хорунжего Абушинова, Мусова и др. 1 мая от них в Константиновскую к генералу И.Д. Попову пробились хорунжий Абушинов и казак Шарапов, сообщившие, что восставшие станицы выставили по одной-две конные сотни и отдают себя в распоряжение Походного атамана.

✓ 28 апреля в Новочеркасск стали прибывать делегаты Круга спасения Дона. Регистрация выяснила, что приехали только делегаты от частей, действовавших в Черкасском округе, от станиц и хуторов только от части Ростовского округа, и почти полностью от Черкасского и 1-го Донского. На первом заседании Круга в 6 часов вечера, по настоянию Походного атамана, в число членов Круга были включены представители калмыцких частей, как представители Сальского округа. 1 мая состав Круга был пополнен случайно приехавшим в Новочеркасск товарищем председателя «Союза казаков» 2-го Донского округа Ивановым, представителями Новочеркасской городской думы Черевковым, Белявским и Колесниковым и отдельными лицами, принимавшими то или другое участие в освобождении Дона. Однако по настоянию председателя Временного Донского правительства не были приглашены ни в число членов Круга, ни в качестве докладчиков такие фактические руководители казачьих восстаний, как войсковой старшина Фетисов, сотник Кузнецов, войсковой старшина Стариков, полковник Гусельщиков, полковник Быкадоров, генерал Семенов и др., так же как и такие представители партизан-степняков, как генерал Семилетов, есаул Слюсарев и др. Круг получился несколько однобоким и состоял главным образом из лиц, угодных руководителям Временного Донского правительства и командованию Южной группы.

✓ Свои заседания Круг спасения Дона начал в составе 130 человек. Первым приветствовавшим Круг был Походный атаман. Он же был первым докладчиком о положении на Дону, о целях и возможностях дальнейшей борьбы, о необходимости создания Донской армии, о переговорах с немцами и Добровольческой армией, о финансовом положении и т. д. 30 апреля по всем этим вопросам Круг вынес постановления: верховное командование всеми силами на территории Дона должно принадлежать Войсковому атаману, а до его избрания его заместителю Походному атаману генералу П.Х. Попову; были одобрены проекты организации молодой Донской армии с поручением Походному атама-

ну приступить к проведению их в жизнь; для разрешения финансового вопроса была избрана по предложению Походного атамана особая комиссия, было поручено Походному атаману произвести обязательную мобилизацию всех казаков присяги 1917—1919 годов. 31 апреля генерал Попов доложил Кругу, что к 1 мая вооруженные силы Дона насчитывают свыше 50 тысяч человек, с достаточным количеством артиллерии и пулеметов, взятых с боя. Имеются аэропланы и речная флотилия. Территория войска освобождена от красных более чем на 75 процентов. 1 мая Походный атаман подписал приказ о порядке формирования постоянной армии, о мобилизации определенных возрастов, об организации военного управления с прочно заложенным в основу его принципом — беречь войсковую казну, о реорганизации станичных дружин в полки, дивизии и т. д.

2 мая Круг приступает к разрешению вопросов организации войсковой власти и выборов Донского Войскового атамана. Генерал Попов на утреннем заседании, кратко высказав свою точку зрения, дальше не вмешивается в работу Круга и всего себя отдает проведению в жизнь его решений по вопросам борьбы с большевиками и организации армии. К этому времени в Новочеркасск прибыл генерал П.Н. Краснов, который был приглашен председателем Круга Г. Яновым сделать доклад о будущей донской власти. Еще до его приезда на Круге велась пропаганда в пользу его кандидатуры в Донские атаманы и его сторонниками распускались слухи, что генерал Попов не желает баллотироваться в атаманы. Сторонники кандидатуры генерала Попова, считая его бесспорно первым кандидатом, которому атаманский пернач принадлежит по праву, даже не пытались вести пропаганду за него и даже не говорили с ним о возможности баллотироваться. Большинство членов Круга отнеслось критически к проекту основных законов и единоличной власти атамана, как об этом высказался генерал Краснов 2 мая. И после того как его сторонники открыто стали говорить, что генерал Попов не желает выставлять свою кандидатуру и поэтому необходимо принять условия, предложенные генералом Красновым, только тогда сторонники генерала Попова спросили его — намерен ли он баллотироваться в атаманы, на что он ответил — нет, пояснив, что в такой ответственный момент, да еще при составе Круга в 130 человек, для авторитета будущего атамана нельзя разбивать голоса. Тогда противники проектов генерала Краснова устроили частное совещание 3 мая, пригласив обоих генералов. На этом совещании генерал Попов заявил: «Если в такой ответственный момент генерал Краснов берет на себя бремя единоличной власти — дайте ему ее и примите предложенные им законы, а если в будущем нам не понравятся ни атаман,

ни законы, то атамана выгоним, а законы изменим». Этим вопрос был исчерпан и громадное большинство голосов генералу Краснову было обеспечено. Закрывая собрание, инициаторы его выразили пожелание, чтобы генерал Попов оставался бы Походным атаманом. Генерал Краснов на это ответил: «Вы предвосхитили мои мысли, я как раз хотел просить об этом генерала Попова».

3 мая на вечернем заседании К.С.Д. закрытой баллотировкой 107 голосами из 130 избрал Донским атаманом генерала П.Н. Краснова, а 4 мая постановил «принять» основные законы, предложенные генералом Красновым. В тот же день, в 2 часа дня, избранный атаман назначил парад частям Новочеркасского гарнизона, но командующего парадом назначил не, как следовало, Походного атамана, а начальника его штаба генерала Денисова.

5 мая на заседании Круга генерал Краснов объявил свой приказ о назначении заведующих отделами Правительства Всевеликого войска Донского. Управляющим военным и морским отделом и командующим Донской армией назначался генерал Денисов. В другом приказе того же дня должность Походного атамана упразднялась, а генерал Попов назначался генералом для поручений при Донском атамане, в следующем параграфе сухо говорилось о расформировании партизанских отрядов, и только. Об их боевых заслугах и не вспомнили. Круг правильно оценил значение этого приказа и в своем вечернем заседании, заканчивая сессию, вынес постановление: «Принимая во внимание боевые заслуги Походного Атамана Попова в борьбе с советскими войсками и тяжелые труды, понесенные им на благо родного Дона, произвести Походного Атамана в генерал-лейтенанты».

Степной поход был окончен. Генерал Попов, не получая от Донского атамана по должности генерала для поручений никаких поручений, подал ему рапорт об отставке, каковую и получил.

О партизанах-степняках вспомнил Большой Войсковой круг февральской сессии 1919 года, то есть при атамане А.П. Богаевском. Тогда Круг постановил: «В воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях и понесенных безмерных трудов и лишений во время Степного похода наградить всех его участников знаком отличия Степного похода — «Степным Крестом».

Степной Крест в пределах Дона был приравнен к статуту ордена Святого Георгия. Носится он на Георгиевской ленте. Кресты были номерные, и 1-й был поднесен генералу П.Х. Попову на торжественном собрании, посвященном первой годовщине окончания похода, председателем Круга — В.А. Харламовым. Всего Степных Крестов было выдано оставшимся в живых к первой годовщине немного больше тысячи.

Крест за Степной поход с 23 апреля 1919 года по март 1920 года получило 1236 человек. Следовательно, к 23 апреля 1919 года партизан-степняков после окончания Степного похода пало на поле брани за свободу Дона, умерло от ран и в мире скончалось свыше 1600 человек. За границу в ноябре 1920 года уехало только около 400 человек. Следовательно, с 23 апреля 1919 года по ноябрь 1920 года при разных обстоятельствах семья партизан потеряла еще свыше 800 человек.

С первого года пребывания в эмиграции партизаны-степняки ежегодно совместно с участниками 1-го Кубанского генерала Корнилова и Дроздовского походов отмечали в начале февраля начало походов. Была отмечена и 50-летняя годовщина в Париже, совместно с другими казачьими организациями, так же как и начало казачьих восстаний. К этой юбилейной дате никого из начальников отрядов в живых не осталось. На объявленную к этому времени переключку партизан-степняков отозвалось 44 человека (24 во Франции, 4 в Германии, 1 в Бельгии, 2 в Канаде, 1 в Австралии, 1 в Израиле, 3 в Аргентине, 8 в США). Есть предположение, что десяток лиц не отозвалось, следовательно, к 50-летию юбилею осталось в живых около 55 человек. С первых дней эмиграции существовало Объединение Партизан-Степняков с центром в Париже. В настоящее время его председателем, вероятно последним, является есаул А.П. Падалкин.

Итак, по переключке к 50-й годовщине окончания похода осталось в живых всего примерно 50 человек, рассеянных по всему миру. Скоро уйдут и они в другой мир, «где нет ни печали, ни вздыханий», но память об их Степном походе сохранится навсегда. Участниками его были люди всех возрастов и положений, от 11-летнего мальчика-кадета до седого отставного генерала. Партизанская армия была всесословная, всеклассовая и беспартийная. Наряду с крайними монархистами были в ней и умеренные социалисты, как, например, члены Государственной думы Аладьин или родной брат известного революционера-террориста Бориса Савинкова. Пройдут года, будет еще немало походов и боев, но история Степного похода и его вождя генерала П.Х. Попова останется одной из самых светлых и славных страниц в истории Дона, где в каждой строке будет героизм, в каждом слове — страдания и под каждой буквой запекшаяся кровь, много крови, но никакой грязи.

Казачьи восстания на Дону явились основой борьбы с советской властью на Юго-Востоке России. В трехлетней борьбе с большевиками казаки дали в войска Вооруженных сил Юга России 80 процентов всего их состава. Бог не судил белому воинству победы над сатанинской вла-

стью, но общенародная борьба белых армий, начатая по почину донских казаков, спасла Европу от похода на нее в 1918 году Красной гвардии, который готовили Ленин и Троцкий под лозунгом «грабь награбленное». Как бы в настоящее время ни был страшен большевизм, как бы ни была велика его сила, отношение к нему казачества остается по-прежнему непримиримым.

После Степного похода

Выйдя в отставку, генерал Попов поселился в скромной квартире на Ермаковском проспекте. Редко принимал участие в общественной казачьей жизни, однако квартира его была местом паломничества казаков и любившей его казачьей интеллигенции, и бывших его партизан, и казаков из станиц. К нему шли не только просто поговорить, но шли за всякими справками и советами. Тянулась к нему и «пишущая братия» во главе с В. Севским. В кругу его близких квартира его стала называться «справочное бюро», а сам он «консультантом по всем вопросам».

Он живо интересовался ходом борьбы с большевиками и всеми общественно-политическими событиями, но никто не слышал от него критики нового донского командования только для критики. Но когда появились слухи о попытках атамана Краснова вступить в переговоры с большевиками, он не скрывал своего отношения к этому вопросу.

То ли это обстоятельство, то ли бесконечные паломничества к нему вызвали то, что штаб Донской армии установил слежку за его квартирой и даже сделал попытку его ареста. Он прогнал «соглядатаев» и пришедших для его ареста, предупредив их, что в другой раз он поступит с ними иначе. А к моменту созыва Большого Войскового круга августовской сессии он, избранный член Круга от Новочеркасской станицы, выяснил, что штаб Донской армии готовится его арестовать и выслать из пределов Дона. Он, возмущенный этим, позвонил председателю Донского правительства генералу Богаевскому, прося умерить пыл инициаторов его ареста, предупредив, что он член Круга и стреляет метко. Генерал Богаевский принял соответствующие меры, и вопрос на некоторое время был исчерпан.

В это время на защиту П.Х. по инициативе певца славы и героизма донских партизан — редактора журнала «Донская Волна» — В. Севского, казака Константиновской станицы Краснушкина подняла свой голос «казачья общественность». Севский был подвергнут штабом Дон-

ской армии домашнему аресту с угрозой закрытия журнала и высылки его самого из пределов войска. Казачья общественность отстояла журнал и Севского, а в их лице и П.Х.

26 мая 1918 года П.Х. организовал перевозку тела полковника Чернецова из хутора Гусева и его торжественные похороны в Новочеркасске, посвятив его памяти большую статью в местной газете. Несмотря на «неприятное» к нему отношение нового командования, когда генерал Семилетов, генерал Сидорин и другие повели открытую публичную пропаганду против германофильской политики Краснова, П.Х. написал им всем письма, укоряя их за то, что они этот вопрос «вынесли на улицу», и требовал прекратить это безобразие. Во время работ Круга августовской сессии П.Х. неизменно выбирался почти во все комиссии, создаваемые по разным вопросам, всегда старался сдерживать их членов от крайностей.

Чтобы сохранить память о Степном походе, он намерен был организовать Союз. Партизан-Степняков, чтобы собрать материалы о походе в одном месте, то есть в Союзе, и для целей взаимопомощи. Однако эта его идея не встретила сочувствия атамана Краснова, и организация Союза была воспрещена. Но он неоднократно выступал в защиту партизан-степняков.

В февральскую сессию 1919 года П.Х. также член Войскового круга. К этому времени красные подходили к Новочеркасску, положение было настолько критическое, что члены Круга на частном совещании решили, не ожидая открытия Круга, командировать в Екатеринодар и к Кубанскому правительству члена Круга, который сумел бы побудить последних оказать помощь Дону войсками, и немедленно. По мнению совещания, способным сделать это был только генерал Попов, который выехал в Екатеринодар во главе делегации и уже на другой день телеграфировал президиуму Круга, что помощь обеспечена, а 2 февраля просил президиум Круга озаботиться посылкой в Екатеринодар пустых железнодорожных составов для перевозки войск.

Вернулся с Кубани П.Х. 6 февраля, т. е. тогда, когда новый Донской атаман генерал А.П. Богаевский при выборе председателя Донского правительства предложил Кругу двух кандидатов: Н.М. Мельникова¹³³ и П.Х. Попова. Н. Мельников снял свою кандидатуру в пользу П.Х. Попова, кандидатура которого была принята почти единогласно, и в тот же день атаман Богаевский подписал приказ о назначении генерала П.Х. Попова председателем Донского правительства и министром иностранных дел. Эти посты П.Х. занимал с 7 февраля по 18 сентября 1919 года. 15 февраля атаман Богаевский заболел сыпным тифом, и генерал Попов вступил в исполнение обязанностей Донского атамана.

на и исполнял эти обязанности свыше трех месяцев, то есть в самое критическое время для Дона.

Так как Донской атаман, согласно конституции, являлся и главой армии, то П.Х., как его заместитель, отдавал немало времени и ей, состав которой к этому времени упал до 15 тысяч человек, Красная же армия в это время насчитывала до 90 тысяч. Новый командующий армией генерал Сидорин, то есть бывший начальник штаба Походного атамана, не отказавшись от принятия в свои руки этой должности в такие тяжелые дни, приступил к энергичной работе по закреплению положения на Донце, а генерал П.Х. Попов всячески помогает ему и его штабу в этом отношении.

Тогда, по инициативе П.Х., были организованы или, вернее, возрождены донские партизанские отряды: Семилетовский, Чернецовский, Дудаковский, Студенческая боевая дружина и др. Кадрами для их формирования явились партизаны — участники Степного похода и 1-го Кубанского. Командные должности в них заняли офицеры-партизаны участники этих походов: есаул Брыкин¹³⁴, есаул М. Попов¹³⁵, есаул Д. Артемов¹³⁶ (командовавший некоторое время чернецовцами после смерти есаула Брыкина) и многие другие.

Первыми на фронт были брошены семилетовцы и студенты, которые отличились в боях у ст. Лихая и у станиц Морозовской и Каменской. Позднее эти партизанские отряды составили партизанский корпус под командой генерала Семилетова, который показал чудеса храбрости у ст. Репная. Организации партизанских отрядов, брошенных на фронт в критические моменты, позволила донскому командованию привести в порядок отходящие части Добровольческой армии. А последние, зараженные порывом партизан, воспрянули духом и восстановили свою боеспособность.

19 февраля красные пытаются овладеть Новочеркасском со стороны Каменской станицы, генерал Попов с генералом Сидориным выезжают на угрожаемый участок, где они совместно личным присутствием воодушевляют армию и дают первый отпор красным. Этим отход Донской армии фактически был окончен и началась новая эра борьбы, в которой П.Х. принял непосредственное участие. Между 6 и 22 марта он с генералом Сидориным присутствует на участке Мигулинская — Великокняжеская.

В начале апреля, когда красные выдвинули конницу Буденного и Думенко для выхода на линию Торговая — Ростов-на-Дону, П.Х., «тот самый Попов, — как пишет Буденный, — что зимой 1918 г. вел борьбу с красными отрядами в Сальском Округе», с генералом Сидориным встречает эту красную конницу у хутора Золотарева Богаевской станицы.

20 апреля противник выдвигается на линию Егорлыцкая—Мечетинская—Кагальницкая, чтобы захватить Ростов. Генерал Попов снова на фронте, где также совместно с генералом Сидориным руководит операциями и просит генерала Деникина помочь Донской армии. Подходит Кавказская армия, продвижение красных остановлено. Полковник Добрынин в своей книге об операциях второй половины февраля, марта и апреля 1919 года пишет: «Образец умелого использования Донским командованием слабых сил, для того чтобы бить противника по частям, образец умелого маневрирования». К руководству этим маневрированием приложил руку генерал П.Х. Попов.

По вступлении в должность председателя правительства П.Х., как член Круга, был им избран председателем комиссии по обороне войска и принимает энергичные меры восстановления армии: производит чистку тыла от громоздких и ненужных учреждений и управлений и т. д. Когда в марте и апреле в Новочеркасске были слышны орудийные выстрелы и когда там вновь появились «нейтралисты» и началось бегство из города, генерал Попов издал приказ, запрещающий выезд из города без уважительных причин. «Шептунам» о необходимости «замирения» пригрозил преданием суду. Как председатель комиссии по обороне и как заместитель атамана, он рекомендует командующему армией отказаться от громоздкой и не соответствующей числу казаков в боевой линии организации вооруженных сил, разделенных на три армии. Свести эти армии в корпуса, не считаясь ни с какими неудовольствиями старшего командного состава.

17 апреля генерал Попов, несмотря на тяжелое положение на фронте, как временный заместитель главы войска, с большим достоинством принимает в Новочеркасске англо-американскую миссию генерала Бригса. Объезжая позже с миссией фронт, он показывал ей не парадную сторону, а те разрушения, что несут большевики, и тот героизм, который проявляют казаки за свои курени.

Всю деятельность генерала Попова на должности председателя Донского правительства, министра иностранных дел и временного заместителя атамана перечислить в небольшом труде невозможно, но нужно отметить, что он придавал большое значение новому оружию — пропаганде, помогая кому нужно советами и знанием этого дела. Когда его, как председателя правительства, посетил сербский посланник Ненайдич, он поднял вопрос о возможности помощи Дону Сербией. Ненайдич, считая это возможным, находил, что нужно послать делегацию к королю и в скупщину (парламент), и обещал со своей стороны всестороннюю помощь. О том же он говорил и с болгарским полковником Калаксызовым. Для «разведки на местах» генерал Попов отправил в

71
Сербию черногорца, новочеркасского коммерсанта Скулича, женатого на казачке, а в Болгарию — участника Шипкинских боев генерала Пономарева. Когда же об этом стало известно Особому совещанию, генерал Деникин отказал в праве Донского правительства вести эти «сепаратные переговоры».

У
Y
V
Y
V
Примерно тогда же П.Х. получил с «оказией» письмо из Польши от своего бывшего юнкера есаула Яковлева, сообщавшего о намерении маршала Пилсудского «помочь красной армии побить белую армию» путем «топтания на месте». Об этом П.Х. сообщил генералу Деникину, но был намерен предложить Пилсудскому заключить между Доном и Польшей «оборонительный союз», рассчитывая, что этим заставит поляков вести наступательные действия. Но и тут генерал Деникин воспротивился «сепаратным» переговорам и послал в Польшу своего представителя. Тогда же генерал Попов восстановил связь с правительственными и военными кругами Чехии через чеха чиновника Еждика. И тут ему была обещана помощь Дону, но послать туда своих представителей он не имел возможности. Это был период блестящих успехов на фронте, и генерал Попов, чтобы не вступать в открытую борьбу с генералом Деникиным, вынужден был покинуть посты председателя Донского правительства и министра иностранных дел.

У
V
V
V
Еще будучи председателем Донского правительства, он был горячим сторонником создания Юго-Восточного Союза, так как считал, что казаки составляют главные силы в борьбе с большевиками, что судьба всего российского дела решается на казачьих землях и поэтому казачество имеет право, чтобы им не только командовали, но и считались с его законными желаниями. Он считал, что для пользы общего дела в этот Союз нужно привлечь не только казаков и горцев, но также Ставрополье, Крым и Новороссию.

У
V
V
Уйдя с поста председателя правительства, П.Х. работает во многих комиссиях Войскового круга и заботится о партизанах, разрабатывая проекты памятников на месте гибели Чернецова, на Курячей Балке и на новочеркасском кладбище, на партизанском участке, собирая на это средства, так и исторические материалы по истории партизанского движения. Как средства, так и документы передавались им в Союз Партизан-Степняков. Но оставление Новочеркасска в конце 1919 года не позволило осуществить его идеи, собранные же им средства из-за болезни казначея Союза остались в Новочеркасске, а архив Союза пропал уже в эмиграции.

Во второй половине октября 1919 года положение на фронте резко изменилось к худшему и в Черкасском округе появились значительные группы беженцев из северных округов. Кругом была создана осо-

бая комиссия под председательством П.Х. для организации им помощи. Ближайшим его сотрудником и помощником был писатель Ф.Д. Крюков, который во время одной из своих поездок к беженцам заразился тифом и от этого умер.

В это время снова, как весной, нависла угроза занятия столицы Дона большевиками. Войсковой круг вновь вспомнил генерала П.Х. Попова и, приняв решение об организации особой армии для защиты Новочеркаска, командуящим этой армией назначил П.Х., а начальником штаба генерала Бондарева. Командующий ВСЮР генерал Деникин не допустил ее формирования, и штаб ее был расформирован в станице Ольгинской.

По оставлении Новочеркаска генерал Попов был назначен атаманом Богаевским в Новороссийск для организации там эвакуации за границу больных, раненых, семей, учебных заведений, Войскового музея, областных архивов, казначейского запаса, серебра и т. д. Почти одновременно с этим собравшийся в Екатеринодаре Верховный общеказачий круг, договорившись с главнокомандующим ВСЮР об образовании Южнорусского правительства, предложил генералу Попову занять там пост и военного министра. Но он отказался после совещания с Донским атаманом, правительством и Кругом. Также отказался он, как и генерал Сидорин, когда на Верховном круге и на совете атаманов поднимался вопрос об объединении войск казачьих армий в одну общеказачью армию и первым кандидатом на роль командуящего считался генерал Попов. Свой отказ они мотивировали тем, что эта мера уже запоздала.

В январе 1920 года П.Х. приступил к эвакуации за границу всего ему порученного, войдя в контакт с дипломатическими и военными миссиями Франции, Англии, Италии и других стран, с которыми должен был договариваться о предоставлении перевозочных средств, о возможности размещений в их странах, о содержании эвакуируемых. Особое внимание он встретил, по старому знакомству, у югославянского посланника Ненайдича, при помощи которого, в первую очередь, на пароходе «Афон» в Югославию были отправлены воспитанницы Донского и Харьковского институтов. Второй партией, на английском пароходе «Ханнокер», были значительная группа раненых, женщин и детей, отправленных на Принцесвы острова, и Донской кадетский корпус с директором генералом А.В. Черячукиным, уехавшими в Египет. Третьей партией были остатки кадет, часть больных и раненых, часть казаков-беженцев, отправленных на пароходе «Иртыш» в Югославию. Четвертой — главным образом больные, раненые и часть беженцев, отправленные в Румынию на пароходе «Колыма».

Всего им было отправлено из Новороссийска около десяти партий на острова Мраморного моря, на Лемнос, в Сербию, Болгарию, Грецию. В Константинополь были отправлены ценности музея и областного архива, запас серебра казначейства и некоторые запасы зерна и табака. Когда главная масса скопившихся в Новороссийске была эвакуирована, П.Х. был назначен Донским атаманом его представителем на Константинопольский район и на Балканы, где он должен был ознакомиться с размещением эвакуированных, их питанием и общим положением и т. д. Объехав Сербию, Болгарию и Румынию, П.Х. поселился в Константинополе, где сделал все, что мог, чтобы отправить в Новороссийск для общей эвакуации наибольшее количество судов. В Константинополе с поездками на Балканы он находился до июня 1920 года, за это время добился от союзного командования улучшения питания, организации медицинской помощи и обеспечения особым питанием детей, стариков и больных.

Находясь в Константинополе, он внимательно следил за событиями в Крыму и в особо важных случаях «подавал» свой голос. Когда англичане предложили свои «услуги» для заключения мира между казачками и большевиками и вели в этом направлении пропаганду, генерал Попов, как представитель Донского атамана, подал свой протест против «нечеловеческого» посредничества. Когда генерал Врангель предал суду генерала Сидорина, П.Х. послал ему письмо с указанием, что генерал Сидорин, как назначенный на должность командующего Донской армией по представлению Донского Войскового круга, подлежит его суду. Когда из Крыма стал готовиться «Назаровский десант» казаков на Дон, П.Х. писал в Крым, что это авантюра, которая погубит тысячи казаков. Так и вышло — погиб десант, свыше 1000 человек, и из-за него на Дону до 3000 людей.

Как представитель Донского войска, он очень помог военному агенту генерала Врангеля при хлопотах о перевозке из Польши в Крым казачьих частей генерала Бредова¹³⁷ и, в частности, 42-го Донского казачьего полка¹³⁸ и донской батареи. Когда в Крыму, в с. Астраханка, инспектор Донской армии генерал Топилин¹³⁹ был захвачен и расстрелян большевиками, П.Х. был вызван в Крым и получил предложение атамана Богаевского принять пост, но он, зная положение армии и что инспектировать нечего, отказался. После этого был назначен генералом для поручений в распоряжении Донского атамана.

За некоторое время до эвакуации Крыма, когда вопрос об этом был решен, генерал Попов был снова командирован Донским атаманом в Константинополь, чтобы там на месте с союзным командованием наладить прием и размещение донских воинских частей и беженцев. 10 но-

ября, прибыв в Константинополь, он немедленно вошел в контакт с союзными властями, указав, что покинуть Крым могут до 50 тысяч донцов, половина которых будут беженцами. Союзное командование не ожидало такого количества донцов и было принуждено пересмотреть свои планы расселения. Вначале предполагалось разместить Донской корпус на Лемносе, но П.Х. настоял на поселении его в Турции. Осмотрев предложенный Чатаджинский район и найдя его состояние довольно плачевным, он просил союзное командование и Международный Красный Крест хотя бы примитивно оборудовать будущие жилища казаков. Но сделано было очень мало: привезено некоторое количество соломы. Некоторое количество людей было намечено для отправки в Болгарию, Сербию, Грецию, Румынию и на острова Мраморного моря.

С прибытием из Крыма неожиданного количества людей все планы союзного командования оказались нарушенными, и П.Х. пришлось «отвоевывать» места для донцов, места уже ранее намеченные, что не всегда удавалось. Однако удалось, как было намечено, отправить в первую очередь в Югославию оставшихся в Крыму донских кадет с полковником Бабкиным¹⁴⁰ с педагогическим персоналом и группу донских беженцев с генералом Рудаковым¹⁴¹ в 400 человек на пароходе «Сиам». Всего в первый день в Югославию было направлено 1730 человек. 29 ноября в Болгарию на пароходе «Трувор» им были отправлены значительная группа беженцев и членов Круга с заместителем председателя Круга Гнилорыбовым и в Румынию, на пароходе «Витим», группа беженцев, имевшая во главе члена Круга генерала Н.В. Черячукина¹⁴², в Грецию группу казаков-беженцев с генералом Алпатовым¹⁴³ в 350 человек. На другой день туда же были отправлены значительная группа больных и раненых донцов с генералом П.К. Писаревым¹⁴⁴. Тогда же значительная группа беженцев, Атаманское военное училище, запасной пеший полк генерала Бородина были отправлены на Лемнос. Много беженцев было расселено в Константинопольском районе, а Донской корпус — в районе Чатаджи. Для учета расселенных, организации их жизни на местах П.Х. было поручено объехать страны расселения. Поездка его продолжалась около двух месяцев. Всюду он советовал не сидеть «на чемоданах», но устраиваться крепко и надолго, не рассчитывать на войсковые пособия, а проявлять настойчивость, энергию, инициативу для своего устройства. 26 января 1921 года он выступил с большой речью на заседании членов Круга против большевизанствующих требований «демократической группы» Гнилорыбова. Большая часть членов Круга разделяла точку зрения генерала Попова, и в результате группа Гнилорыбова демонстративно покинула зал заседания. Пришлось П.Х. столкнуться с пропагандой крайне правых

казаков о необходимости перевыборов нового Войскового атамана, против чего П.Х. всегда боролся.

✓ В апреле 1921 года, когда был создан Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, П.Х. назначается его представителем в Софию. Там ему сразу пришлось столкнуться с левыми элементами казачества, положение его осложнялось тем, что в Болгарии было левое земледельческое правительство, работал Украинский Красный Крест, призывавший к возвращению в СССР, склоняли к этому казаков и болгарские коммунисты, и большевистские провокаторы. Не имея никаких средств бороться с этим злом, П.Х. первое время мог использовать лишь личные беседы с казаками и улучшение условий их существования. Он добился от болгарского правительства для казаков права свободного передвижения и бесплатного проезда на железной дороге, поддержки неимущим из Русского Красного Креста и т. д. Многих казаков устраивал на работу. Позднее он организовал неперIODическое издание газеты «Казачье Слово».

Когда стал намечаться перевоз казаков в Болгарию с Лемноса, а в то время в Болгарии еще было неприязненное отношение к русским, как к врагам по войне 1914—1918 годов, П.Х. поместил ряд статей в болгарской прессе об освободительной войне 1877—1878 годов, о роли казаков в ней, об участии казаков-добровольцев в болгарской армии в 1912 году. По его просьбе писали в газетах и видные болгарские общественные деятели, указывая на необходимость оказать приют русским беженцам вообще и казакам в частности. Прочел он и ряд лекций в больших городах о войне 1877—1878 годов, подчеркивая при этом, что в этой войне приняли участие 53 донских полка и 24 батареи, что казаки этих частей вывезли из Болгарии сотни брошенных болгарских детей, которых вырастили и воспитали, и что сейчас эти дети, или их дети, как донские казаки, нуждаются в приюте. Все это дало известные результаты в перемене отношения болгар. В местах большого скопления казаков он организовывал детские школы, доставляя учебные пособия через Всероссийский земский союз, организовал казачью вспомогательную кассу, основой которой были 3000 турецких лир, отпущенных Донским атаманом, доставал ссуды для обзаведения собственным хозяйством, устраивал студентов на стипендии ВЗС.

По его же инициативе в Болгарии был организован Союз донских инвалидов, первые средства на содержание которого поступили через него от донской казны. Был устроен, вероятно первый на чужбине, инвалидный дом на Шипке. По поручению атамана созывает в Пловдиве первый эмигрантский Донской казачий съезд, на котором он и председательствует. Состоит представителем ОСДКТ в Бол-

гари, одной из забот П.Х. было расселение казаков станицами, хуторами или артелями. Он считал это необходимым для достижения их организованности и для облегчения связи с ними в целях осведомления и борьбы против разлагающей пропаганды демагогов и большевиков. Первая станица была организована им лично в Дольна-Ореховице, которая после его отъезда во Францию была названа станицей имени Походного атамана генерала П.Х. Попова. С переездом Донского атамана и правительства в Болгарию представительство ОСДКТ было упразднено и П.Х. выходит в отставку.

А. Падалкин

Донские партизаны уходят в степи...

Со дня ухода донских партизанских отрядов из Новочеркасска в степи прошло более 50 лет. В эмиграционной казачьей печати есть много упоминаний об этом, но подробного, правдивого описания еще нет до сих пор. Многие еще остаются невыясненным, много есть и сведений, не соответствующих истине. Есть даже и обвинения Походного атамана генерала Попова в том, что «...отряд уходил тайно... что многие военнообязанные остались в Новочеркасске и после были расстреляны большевиками...». Это — неправда.

В то время я был уже в Новочеркасске и опишу подробно и правдиво все то, чему я был свидетелем, относящееся к этому периоду.

Нужно указать на одну особенность жизни в Новочеркасске. Хотя он был столицей войска Донского, но это был типичный провинциальный город России. Все его жители находились под влиянием различных слухов: всегда обсуждали случившиеся события, о которых они узнавали (в станицах, городах войска и всей России)... Так было и в дни революции, так было и при наступлении Красной гвардии на Дон в 1917 году. Каждое событие, случившееся даже и вне города, но ставшее известным только одному жителю в городе, немедленно по «беспроволочному телеграфу» — от соседа к соседу — становилось известным всему городу.

Есть люди, которые говорят и пишут, что они не знали, что Новочеркасск может быть оставлен его защитниками. Это заявление — неправдиво. О том, что придет время, когда город надо будет оставить, раньше всех предупреждал атаман Каледин. Он говорил об этом офицерам гарнизона два раза: в Офицерском собрании; на первом собрании я не присутствовал, оно описано в «Донской Летописи», но я был на втором собрании. Это было примерно в половине января 1918 года.

Присутствовали генералы Каледин и Чернецов. М.П. Богаевского не было. Генерал Каледин предупреждал офицеров, что необходима немедленная помощь донским партизанам, истекающим кровью. Если офицеры ее не окажут, красногвардейцы займут город и в первую очередь пострадают офицеры же. Атаман говорил коротко. Все комнаты второго этажа в офицерском собрании были переполнены офицерами так, что «яблоку негде было упасть». После атамана еще короче говорил Чернецов. Он призывал офицеров записываться в его отряд или другие...

О возможном уходе партизан знали офицеры, а от них и все жители города. Только никто не знал точно — когда наступит этот несчастный день.

В это время я занимал должность временного адъютанта у начальника донской артиллерии генерала И.П. Астахова. Моя обязанность была записывать и принимать добровольцев в партизанскую донскую артиллерию. Канцелярия моя находилась в Новочеркасском военном училище. Нам было уже известно, что Добровольческая армия 9 февраля оставила город Ростов и через ст. Аксайскую ушла в ст. Ольгинскую. Ростовское направление осталось совершенно открытым. У атамана Назарова не было войск послать туда.

На Персиановке партизаны едва-едва сдерживали сильный натиск красных. Положение становилось для защитников Новочеркасска безвыходным. И об этом знал каждый житель столицы Донского войска.

V' Генерал И. Поляков писал в своей книге «Донские казаки в борьбе с большевиками»: «После смерти Атамана Каледина все внимание и весь интерес большинства офицеров штаба сосредотачивалось преимущественно на изобретении планов наиболее безопасного бегства». И это вполне понятно. Значит — уже с 30 января офицеры готовились к оставлению Новочеркасска. Как же после этого можно уверять, что Степной отряд ушел тайно и многие военнообязанные остались в городе?

Утром 10 февраля штабом Походного атамана в Епархиальном училище созвано было совещание начальников войсковых частей гарнизона. Они решили: завтра, 11 февраля, город будет оставлен. О чем все начальники должны предупредить своих подчиненных, чтобы те, кто не хотят оставаться в городе, могли своевременно подготовиться и вместе с партизанами уйти... Около 11 часов дня генерал Астахов запиской сообщил мне об этом в Военное училище, причем добавил: «О времени выступления будет сообщено дополнительно». Вскоре другой запиской он сообщил, что выступление отложено на 12 февраля и час будет сообщен своевременно. Вечером 10 февраля ко мне

на квартиру пришел мой сосед, есаул в отставке В.А. Калмыков, и спросил: «Верно ли говорят соседи, что партизаны оставляют город?» Я ответил: «Да, верно, но выступление отложено на 12-е». — «Как же мне поступить — уходить из города или оставаться?» Я ответил, что остаюсь; остался и он.

В «Белой России» генерал С. Денисов писал: «Изменяя время отхода отряда из Новочеркаска вместо 11 на 12-е февраля, Атаман Назаров формулировал свое приказание так: «Эту операцию совершить таким порядком, чтобы до подхода отряда Голубова в Новочеркасск таковой не оставался без прикрытия». Эта выписка указывает, что был приказ атамана Назарова об отходе партизан. Генерал Денисов делал это извлечение из приказа уже после 23 апреля, когда был Новочеркасск занят казаками. В феврале генерал Денисов не был в Новочеркасске, вероятно, в делах войскового штаба он нашел это распоряжение атамана. Факт налицо, тайны об уходе отряда не делал никто, и приказ об этом был.

Генерал И. Поляков писал, что 11-го вечером, придя из штаба, он от своих хозяев узнал, что завтра, 12 февраля, город будет оставлен партизанами. Он не поверил этому сообщению, полагая, что это очередная сплетня, пущенная друзьями большевиков с провокационной целью. До этого времени он почему-то не знал, что партизаны готовятся к оставлению города. Странно! И возможно ли, чтобы в отделе второго генерал-квартирмейстера об этом не знали?

Я сделаю некоторые пояснения о том, как проходила служба в армии при отдаче письменных распоряжений и приказов, так как многие читатели не знают этого. Она во всех частях Русской Императорской армии, и после революции тоже, была строго регламентирована. В каждой части была книга приказов и приказаний, отдельно. Особые книги были для секретных бумаг. В частях были адъютанты, которые получали от высших штабов и различных учреждений приказы, приказания и другие различные бумаги. Вся переписка, получаемая в части, вводилась во входящий журнал под номерами: указывалась дата получения бумаги, ее номер по входящему журналу и краткое содержание бумаги. Все секретное имело отдельный журнал. Все посылаемое, исходящее из частей, заносилось в журнал исходящих бумаг. Причем в обоих журналах обязательно указывалось, откуда, из какого учреждения и в каком количестве экземпляров получена или отправлена данная бумага. Специальные распоряжения отдавались отдельно. Если штабное учреждение было в одном городе, то обычно еще все получающие бумаги расписывались с указанием даты и часа полученной бумаги. В каждой части имелись книги очередных прика-

заний, и каждый офицер обязан был читать и расписываться в книге. Специально срочные распоряжения, если час был не служебный, посылный из части приносил офицеру на квартиру. Когда в свою часть приходил командир, утром или после обеда, то всегда ему давались все бумаги, вновь полученные, и он по ним делал свои распоряжения по части: строевые, хозяйственные и пр.

Об уходе партизан было известно всем в городе, знали и жители уже 10 февраля, а генерал И. Поляков узнал об этом только 12-го утром. Могли ли забыть его часть в штабе и случайно не послать туда сообщение или распоряжение об уходе партизан? Нет. Его часть забыть не могли. Почему? Потому что количество печатных распоряжений печаталось точно, сколько надо было рассылать по всем частям и вне данного города, подчиненным штабу и составляющим гарнизон города. Адьютант, офицер штаба, ведающий отправкой и рассылкой этих распоряжений, всегда проверял — по исходящему журналу, — точно и всем ли послано данное распоряжение или приказ. Единственным объяснением разбираемого мною случая может быть только то, что генерал И. Поляков почему-либо в эти дни не приходил на службу.

Рано утром 12 февраля я на службе получил записку от генерала Астахова, что сегодня партизаны уходят из Новочеркаска. Сборный пункт на плацу Кадетского корпуса. Час выступления точно указан не был, но нужно было собраться не позже 3 часов дня, чтобы уйти за светом. По получении этой записки я ушел домой. Своему соседу есаулу Каалмыкову сказал, что партизаны уходят около 3 часов. Он мне ответил, что уже знает об этом.

Хотя я решил остаться, но все же интересовался, как будут уходить партизаны, поэтому часов около трех я пошел на корпусный плац. На углу Баклановского проспекта и Татарской улицы, против корпусного здания, был кирпичный дом в углу большого двора, у стен его несколько маленьких домиков-клетушек. В них ютились семьи многих бедных «служителей» Кадетского корпуса. За многочисленностью тамошнего населения, особенно детей, этот двор кадеты называли «Порт-Артуром». Здесь я встретил корпусного ламповщика (тушил, чистил, зажигал лампы). Он спросил меня — куда я иду, знал он меня, когда я учился в корпусе, после моего ответа сказал мне: «Все уже ушли полчаса тому назад».

Я все же пошел на плац. Там был оставлен Походным атаманом конный офицерский разъезд с сотником во главе. Генерал Попов ему приказал остаться как «маяк» и всем опоздавшим давать направление, куда ушел отряд. Ему было приказано держаться «до темноты»

по возможности». Разъезд был в 12 коней, с сотником на плацу, два конных казака и на всех пяти улицах, окружающих плац, по два конных наблюдателя, охрана разъезда. Все ворота в железной решетчатой ограде плаца были открыты: в случае опасности разъезд мог сразу уйти в нужном направлении. Оставленный «маяком» офицерский разъезд указывает, что генерал Попов не только не забыл, что могут быть опоздавшие, но даже и позаботился о них, чтобы они могли присоединиться к отряду. Уход партизан около 3 часов дня можно объяснить тем, что ст. Кривянская уже была занята казаками-фронтниками, а по приказу атамана Назарова Походный атаман должен был избежать вооруженного столкновения с казаками Голубова. В 5 часов дня Голубов со своей конницей занял Новочеркасск, а вскоре вошли и войска красных.

Часть партизанского отряда не ушла в Донские степи с генералом Поповым, а ушла на Кубань с генералом Корниловым. Почему? Это интересный вопрос, и можно сказать, что до сих пор он еще не освещен достаточно полно; постараюсь дать беспристрастное объяснение на основании данных, которые у меня имеются.

Известно, что генерал Корнилов, оставляя город Ростов, еще не решил, куда идти: на Кубань или в Донские степи. К вечеру 10 февраля вся Добровольческая армия сосредоточилась в ст. Ольгинской. Генерал Корнилов 12 февраля сам один принял решение двигаться в Донские степи. Узнав об этом, генерал Алексеев писал генералу Корнилову: «Пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий, мы не будем иметь возможности получать пополнение людьми и предметами снабжения. Прошу Вас сегодня же созвать военное совещание из лиц, стоящих во главе организации, и их помощников». На военном совещании в тот же вечер было решено идти на Кубань.

Когда партизанские отряды узнали, что Добровольческая армия идет в Донские степи, то есть с отрядом генерала Попова вместе, но в разных направлениях, часть из них присоединилась к Добрармии, и генерал Попов не протестовал. Он мог бы отдать приказ о присоединении своих партизан к Степному отряду. Генерал Попов был строг и характер имел суровый и решительный, почти не поддающийся влиянию других лиц. Хотя военный совет Добровольческой армии принял решение двигаться на Кубань, но генерал Корнилов до последнего момента вел усиленную разведку района зимовников.

Из трех пеших партизанских донских отрядов составлен был Партизанский полк, около 800 человек, командиром которого был назначен генерал-майор А.П. Богаевский. Из конных партизан было

составлено два конных отряда — полковника Глазенапа¹⁴⁵ и полковника Корнилова¹⁴⁶.

✓ Генерал И.А. Поляков об уходе партизан с Добровольческой армией пишет: «Нераспорядительность Донского командования подорвала к нему доверие, и многие партизанские отряды не пожелали влиться в Донской отряд, предводительствуемый Походным Атаманом ген. Поповым, а присоединились к Добровольческой Армии». И далее: «Где-то вдали грохотали пушки, то забытые герои партизаны, не предупрежденные об оставлении Новочеркаска, боем пробивали себе дорогу на юг». «В числе ушедших с добровольцами находился и сподвижник Чернецова поручик Курочкин, а также Краснянский, Власов, Р. Лазарев, ушел с добровольцами и генерал Богаевский».

✓ Я привел полностью эту фразу, потому что она построена так, чтобы создалось впечатление, что и генерал Богаевский якобы был недоволен и... ушел с партизанами в Добрармию. Генерал Богаевский объясняет свой уход с Добровольческой армией так: «Получив известие о намерении добровольцев покинуть Ростов, я со своим штабом решил присоединиться к ним. Другого выхода не было. К этому времени у меня в распоряжении было только десяток офицеров штаба и несколько солдат. Оставаться в Ростове значило сознательно и совершенно бесполезно идти на верную смерть». О своем решении, конечно, генерал Богаевский должен был донести Донскому атаману, и генерал Назаров его не вернул в Новочеркасск. Это было 9 февраля, а донские партизаны присоединились только 12-го. Почему же генерал Поляков в своей книге не указал все точно, так, как оно было? Странно. Где же правда?

В ст. Мечетинской генерал Корнилов объявил войскам, что Добровольческая армия идет на Кубань. «Взор его, — пишет Деникин, — испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами донских партизан». Были собраны все начальники отдельных отрядов. «Пойдут ли с Дона?» Вот подтверждение того, что причина ухода с Добровольческой армией была совместное движение в зимовники. «Партизаны смущены, некоторые опечалены. Но в душе выбор их уже сделан — идут с Корниловым».

Генерал Корнилов послал извещение генералу Попову и звал его идти вместе. Генерал Попов отказался, но... подчеркиваю вторично — партизан к своему отряду, идущих с генералом Корниловым, не потребовал. Генерал Деникин писал: «Про ген. Попова говорили, что честолюбие удержало его от подчинения ген. Корнилову». Конечно, это не верно, генерал Попов должен был считаться не только с российской государственностью в лице генерала Корнилова и Добровольче-

ской армии, но и с донскими казаками и думать об их будущем. Все старые, опытные казачьи начальники и старики донцы знали, что восстание будет и... скоро. Казакам нужна будет помощь. А что будет и что ждет Добровольческую армию? Вернется ли она на Дон? И если вернется, то когда? Никто не мог знать.

Генерал Попов остался со своим отрядом на Дону. Правильно сделал, он должен был остаться. И как показала жизнь и последующие события, генерал Попов оказался прав в своем решении. А восстание на Дону облегчило Добровольческой армии возвращение и ускорило ее приход на Дон.

О том, что генерал И. Поляков писал: «грохотали пушки... забытые партизаны пробивали себе путь...» — ничего этого не было. С уходом партизан до следующего утра над Новочеркасском нависла какая-то зловещая тишина. Улицы были пусты. Все жители сидели по домам, и даже не было ружейной стрельбы. И.А. Поляков пишет: «В суматохе забыли снять и большинство городских караулов». Все эти обвинения относятся к генералу Попову. Но если даже это и было так, то ни к генералу Попову, ни к Степному отряду это не имело никакого отношения, и вот почему. И.А. Поляков пишет, что после нескольких дней прихода большевиков «я встретил моего дядю... 12 февраля он был в карауле у интендантских складов и его забыли снять...».

В Новочеркасске я был дежурным офицером по караулам гарнизона. Караулов было только два. Один на городской гауптвахте на Платовском проспекте, имеющий двух часовых; один наружный на площадке гауптвахты у колокола, другой внутренний в Государственном казначействе, на Соборной площади. Часовой стоял внутри казначейства у специальной комнаты, где хранились ценности. Около часового был электрический звонок, которым он вызывал разводящего или, в случае тревоги, сообщал в караул из казначейства в караульное помещение. Дверь в казначейство тоже была замкнута. При смене караулов, ежедневно, дежурный по караулам офицер обязан был лично проверить исправность звонка.

Второй караул находился за городом в направлении Ботанического сада, в 3 верстах от него. Там были пороховые погреба, охраняемые двумя часовыми: один с наружной стороны к шоссе Новочеркасск—Ростов, другой с тыловой стороны пороховых погребов, врытых в землю. Остальной караул помещался в небольшом, специально построенном домике, саженьях в двухстах от погребов. Часовые оба имели телефонные звонки в караульное помещение. В случае тревоги вызывали выстрелом. Оба караула были связаны телефоном.

У интендантских складов, если они были, стояли не часовые, а вооруженные дневальные, которые сменялись сами, а не разводящими. По уставу гарнизонной службы — часовые не подчинялись генералу Попову и, если бы он лично отдал приказание часовому оставить пост, часовой его приказания не исполнил бы. Так что нельзя и обвинять генерала Попова, что будто не все караулы были сменены. Часовой исполнял приказания Государя Императора и своих начальника караула и разводящего.

Заявление о том, что в городе остались военнообязанные, тоже не выдерживает никакой критики, так как в штабах все знали 10 февраля, что партизаны уходят. Кто себя считал военнообязанным, находились в партизанских отрядах. Все остальные были как бы частными лицами, если можно так сказать, и находились по домам. Мобилизация объявлена не была; части и офицеры расходились по домам, и защита Дона уже шла на добровольных началах. Много внимания уделено мною сомнительным точностям в книге генерала Полякова, относящимся к донским партизанам. Но это необходимо было сделать, так как в донской печати о них почти ничего нет. Придет время, когда историк разберется в правде.

Есть сведения, что генерал Попов отдал приказ 1 апреля о распылении Степного отряда. Это распоряжение нисколько не умаляет значения похода донских партизан. Такова была военная, боевая обстановка. Генерал П.Х. Попов ушел из Новочеркаска не для того, чтобы в степях найти большевиков и уничтожить их, и не для того, чтобы потерять свой отряд... загубить живую силу.

Заканчивая писать о «степняках Отряда Вольных Казаков», надо отдать им должное. Генерал Попов и донские партизаны свою задачу вполне выполнили. Они сохранили живую силу защитников Дона и вновь продолжали борьбу с большевиками. Степной отряд не избегал боев и, когда надо было, вступал в бой с большевиками и побеждал их.

Приведу мнение последнего Донского Войскового атамана генерала А.П. Богаевского о Степном отряде; оно очень правильно, точно и, главное, беспристрастно в своей оценке. «Историческая заслуга Походного Атамана несомненна, ген. Попов не отказался стать во главе тех донских офицеров и казаков, которые смело решились на открытую борьбу с большевиками. В эти страшные дни растерянности и упадка духа степняки спасли честь Донского казачества, как Добровольцы — честь Русской Армии. Доказав, что не все донцы решили держать нейтралитет. В лице Степного отряда сохранилось ядро, около которого впоследствии выросла Донская Армия».

В заключение надо добавить: хотя восстание на Дону началось независимо от участия Степного отряда, но его существование в Донских степях имело громадное значение для казаков, поднимавших восстание, и они в первый же день восстания (суворовцы) послали конный разъезд к генералу Попову с просьбой о помощи.

М. Бугураев

В Новочеркасске

1918 год. Месяц — апрель. Отряд полковника Дроздовского, встреченный под Ростовом большими силами красных, после тяжелого боя должен был отойти... Настроение у всех было подавленное. Пройти походом 1200 верст из Румынии и, казалось бы, быть уже у цели — соединиться с генералом Корниловым, а вместо этого — полная неизвестность.

Но неожиданно рано утром было приказано авангарду отряда немедленно двинуться к Новочеркасску, к которому подходит большая группа красных со стороны Каменноугольного района. Несмотря на страшное переутомление лошадей, авангарду удалось подойти к городу, когда разъезды красных были уже в его предместьях, а за ними по дамбе двигались густые колонны пехоты. Но беглый огонь нашей конно-горной батареи, пулеметы броневика «Верный» и лихая работа двух эскадронов конницы привели к полному разгрому красных, которые с большими потерями, бросая оружие, пленных, обратились в повальное бегство.

На следующий день весь наш отряд входил в город. Жители встречали его со слезами радости, некоторые становились на колени, целовали даже лошадей. Все знали — Новочеркасск был спасен в последнюю минуту...

Нашей батарее было отведено место на Троицкой площади. Однажды я был дежурным по батарее. Было раннее утро. Город еще спал, но спал теперь спокойным сном... Мое внимание привлекло несколько людей в штатском, с ними была женщина, державшая в руках что-то большое, зеленое... Они, видимо, кого-то ждали. И действительно, с противоположной стороны площади показалась сначала группа всадников, а за ними стал втягиваться на площадь конный отряд. Все они были от меня далеко, и я не мог разобрать — кто это, но, когда головная группа отряда поравнялась со штатскими, я увидел, как бывшая с ними женщина подошла к одному из всадников, видимо, командиру отряда, и через голову лошади одела венок из зелени...

На следующий день мне стало известно, что это был конный отряд под командой полковника Семилетова из отряда Походного атамана генерала Попова, отряд, который уже все считали погибшим, но которому все же удалось после почти трехмесячного Степного похода, в невероятно тяжелых условиях, окруженному со всех сторон красными, поднимая по дороге казачьи станицы, подойти к столице Дона...

Встреча этого отряда на Троицкой площади при такой необычайной обстановке произвела на меня очень сильное впечатление, и часто, часто я вспоминал этот случай. Это было признание доблести командира и всего отряда и одновременно признание жертвенности и верности долгу всем, кто в одиночку, группами, отрядами со всех концов России стекались на Дон под знамена борьбы за Родину против красных...

Вспоминаю атамана Попова, когда он после взятия Новочеркасска 26 апреля на плацу у Краснокутской Рожи делал смотр отряду полковника Дроздовского. Тогда он, обнажив голову, говорил: «...низко кланяюсь вам от лица Донского казачества, славные дроздовцы, пришедшие из далекой Румынии, чтобы в тяжелый момент помочь казакам отстоять столицу Дона».

В прошлом году степняки-партизаны отмечали 50-летие своего Степного похода. Им — в рассеянии сущим, а также всем почившим и павшим в неравной героической борьбе за Родину — Слава!

А. Зауэр¹⁴⁷

Степной поход в Задонье в 1918 году и его значение

Ворвавшийся 12 февраля 1918 года в Новочеркасск во главе красных есаул Голубов прекратил существование на Дону казачьей власти и разогнал Войсковой круг. Арестовав председателя Войскового круга Волошинова и Войскового атамана А.М. Назарова, он подошел к осуществлению своей заветной давнейшей мечты к атаманству. Но мечта не осуществилась. Высшие руководители советской власти, используя предательство Голубова, устранили его от всякого участия в местной жизни.

Во главе управления области стал областной Совет Донской республики под председательством бывшего председателя Каменского военно-революционного комитета вахмистра Подтелкова. Новочеркасском правил сподвижник Голубова вахмистр Смирнов.

V Вся область покрылась сетью советских учреждений, а казачьи станичные и хуторские правления со станичными атаманами были уп-

разднены. Для казачества наступило время для предметного изучения советского режима и большевизма. Боровшиеся против большевиков силы — на юге отряд добровольцев полковника Кутепова с участием донских партизан Семилетова и Назарова и несколько сот казаков Гниловской станицы, на севере партизанский отряд полковника Чернецова, погибшего 22 января близ хутора Гусева, — отходили под напором советских войск за Дон.

Там сосредоточились штабы Добровольческой армии и Походного атамана генерала П.Х. Попова. Генерал Корнилов намечал путь на Кубань: туда привлекало многочисленное казачье население, для которого советская власть была органически неприемлема в силу уклада его жизни и исторических традиций, богатство населения хлебными запасами и борющийся за свою независимость Екатеринодар.

Генерал Попов со своим отрядом в 1500 человек направлялся в Задонье. Он решил остаться в пределах области, на донской территории, и сохранить идею преемственности казачьей власти среди казачьего населения, уверенный в поддержке и помощи этого населения и пополнении своего отряда, уверенный в скором пробуждении казачества от большевистского наваждения. Генерал Попов делал попытки задержать в пределах области Добровольческую армию, предлагая ей направиться в степи Сальского округа, изобилующие хлебными запасами, кормом для скота и лошадьми. В результате было решено произвести разведку этого края, а армия двинулась в южные пределы Донской области, в направлении станиц Хомутовской, Мечетинской, Егорлыцкой.

В Мечетинской станице были получены неудовлетворительные сведения о зимовниках, и Корнилов дал приказ двигаться на Кубань. Перед тем как уйти из Донской области, генерал Корнилов предложил Походному атаману генералу Попову присоединиться к нему. Генерал Попов ответил отказом, мотивируя свое решение настроением отряда, нежелающего покидать пределы родного Дона и уверенного, что казачество не перенесет советской власти, восстанет против нее и сбросит ее в непродолжительном времени. Отряд будет ждать пробуждения казачества, оставаясь в его среде. Пути двух армий разошлись.

Для Добровольческой армии между Доном и Кубанью не было никакой принципиальной разницы. Генерал Деникин в своих воспоминаниях отмечает, что Дон и Кубань для добровольцев были лишь частями русской территории. Для донских партизан генерала Попова Дон был «Родным им краем», который им трудно было покинуть. Присутствие Степного отряда в области должно ускорить и облегчить повстанческое движение.

Степной отряд нес идею казачьей самостоятельности, казачьей вольности, он шел с призывом к восстанию казаков против большевистской тирании. Генерал Деникин говорит, что Походного атамана генерала Попова «честолюбие» удержало от подчинения Корнилову. Это показывает, что с военной точки зрения дробление военных сил, получившееся в результате принятого генералом Поповым решения, было неправильно, возможно, разумность решения Добровольческой армии, основанного на учете и расчете, стоит выше решения, основанного на вере и психологии отряда партизан, но для казачества решение генерала Попова является таким понятным и жизненно правдивым.

Генерал Корнилов настаивал на присоединении отряда к Добровольческой армии, полторы тысячи человек представляли в то время внушительную силу. После принятого решения в станице Мечетинской идти на Кубань генералу Попову послано предложение о присоединении.

Для отряда генерала Попова уход добровольцев из пределов области был делом не безразличным: ослаблялись антибольшевистские силы в области, подрывалась идея и значение присутствия значительной военной силы для поднятия и развития восстания казаков. Но кроме того, с добровольцами уходили донские партизаны, образовавшие Партизанский пеший полк под начальством генерала А.П. Богаевского, и Конный партизанский отряд полковника Глазенапа. С донскими партизанами уходили донцы с известным именем в казачьих кругах. Кроме генерала Богаевского — полковник Краснянский, войсковой старшина И.П. Карташев¹⁴⁸, Боков, Власов, сподвижник Чернецова Курочкин, Р. Лазарев и другие.

Завоевав Дон, советская власть сбросила с себя маску, отказалась от своего учения о «трудовом казачестве», которое уже сыграло свою предательскую и провокационную роль, открыто заявила о своих задачах и целях в казачьих землях.

Юрий Саблин с циничной откровенностью заявил депутатам Войскового круга: «Казачество как таковое должно быть уничтожено с его сословностью и привилегиями». Это было исходное положение советской казачьей программы (подробная программа разработана была позднее Центральным комитетом Российской компартии). Она рекомендовала: 1 — Самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость путей недопустимы. 2 — Истребить поголовно богатых казаков и крестьян, провести беспощадный массовый террор по отношению вообще к казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе против советской власти. 3 — Конфисковать

хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. 4 — Переселить на Дон «крестьянскую бедноту». 5 — Уравнить пришлых иногородних с казаками. 6 — Провести полное разоружение казаков и расстреливать каждого, у которого будет найдено оружие после срока сдачи. 7 — В казачьих станицах оставлять вооруженные отряды. 8 — Комиссарам предлагается проявлять максимальную твердость и неуклонно проводить настоящее указание. Эта коммунистическая программа и проводилась в жизнь советской властью с первого дня ее организации на Дону.

Истреблены: Волошинов, Назаров, М.П. Богаевский и другие видные вожди казачества, истреблено офицерство, казачья интеллигенция. Полились на Дону реки крови лучших сынов его. Задача «расказачить, истребить, терроризовать и поселить крестьянскую бедноту, уравнить с иногородними» проводилась «твердо и неуклонно». Советский режим и его идеология оказались для казаков непереносимыми. Надежды Походного атамана и его отряда сбылись раньше, чем предполагалось. По всей области без предварительного сговора начались в разных местах восстания казаков, сначала в станицах и хуторах Черкасского округа, затем в станице Суворовской, в казачьих поселениях по течению Дона вниз от Н. Чирской, во 2-м Донском округе. Походный атаман переходит у Н.-Курмоярской на правый берег Дона к повстанцам, присоединяется окружная Константиновская станица, поднимаются станицы по Дону, 1-го Донского округа, наконец, поднимаются северные округа: Верхне-Донской, Усть-Медведицкий.

И всюду одна картина: появляется небольшая группа, дружины связываются, объединяются, растут численно, дело переносится на хуторские и станичные сборы, там оно расширяется, крепнет. Объединяются хутора и станицы, организуют «советы вольных хуторов и станиц», «советы обороны Дона», назначаются руководители военной борьбы, создается власть, ведающая разными органами управления. Это движение, возникшее в самой гуще казачьего населения с аналогичными методами действия, по порыву, воодушевлению массы является стихийным народным движением. Но нет вождей с громким именем, нет предварительно разработанного плана, нет штабов, вызвавших бы уважение своей организационной предварительной работой.

К 28 апреля восставшие казаки овладели уже Новочеркасском, освободили большую часть Черкасского округа, части 1-го Донского, 2-го и Верхне-Донского округов. Донецкий округ очищен совместно с прибывшими в это время немцами, которые очистили от большевиков Ростовский и Таганрогский округа.

Все повстанческое движение, все отряды и дружины находились под высшим командованием Походного атамана генерала Попова, по рас-

поряжению которого созывается в Новочеркасске Круг спасения Дона, который организует казачью власть, выбирает Донского атамана, устанавливает порядок в освобожденных местах и дает директивы на ближайшее будущее. В истории повстанческого казачьего движения одним из важнейших факторов является Степной отряд генерала Попова. Он сохранил идею казачьей борьбы с советской властью. Он спас честь и знамя вольного казачества. Он служит связующим звеном между временем Каледина—Назарова и временем Краснова—Богаевского, он дает право утверждать: казачество не прерывало своей вооруженной борьбы с большевиками.

Предметный урок советского режима доказал органическую неприемлемость для казачества большевизма, вызвал взрыв стихийного, народного казачьего революционного движения. Великая вера в казачество жила в сердцах донских партизан Степного отряда, переносившего мужественно и терпеливо в безбрежных Донских степях все физические и моральные страдания своего скитания, без крова и приюта, в холоде и голоде, под страхом быть раздавленными сильным и жестоким врагом, но и велика была радость дожидаться осуществления своей веры, такого яркого воплощения своей идеи, являвшейся единственной опорой и оправданием Степного похода. Самый факт существования Степного отряда говорил о том, что казачество не умерло, не задушено, оно борется за свое существование. Эта мысль вселила бодрость, устранила апатию, упадок духа, рабскую подчиненность, звала к борьбе, к подвигу. Этим объясняется та быстрота, с которой началось восстание. Не прошло и месяца после установления по станицам и хуторам Советов, как казаки уже изгнали представителей советской власти и приступили к восстановлению станичных и хуторских правлений и атаманов. Больше того, когда начались восстания, они начались именно там, где бродил Степной отряд. Походный атаман становится центром движения, центральной властью, он помогает и содействует восстанию.

К восстанию примыкают станицы и хутора, где появляется отряд, так поднялся правый берег Дона. Генерал Попов посылает полковника Мамонтова для организации повстанческого движения во 2-м Донском округе. Он объединяет под своим командованием две вооруженные казачьи группы на Дону. Две группы против Александро-Грушевска и Новочеркаска. Он ведет планомерную борьбу с красными войсками, всюду отступающими под организованным воодушевленным напором повстанцев.

Все сделанное Степным отрядом генерала Попова ярко живет в благодарной памяти казачества, которое не забудет и по достоинству

оценит решение его остаться в среде казачества в беспросветные для него дни советского кровавого владычества и попытки его задержать в пределах области Добровольческую армию, и его веру в казачество, и его значение и роль в повстанческом казачьем движении. В память Степного похода Войсковой круг установил для его участников нагрудный знак «темно-стального цвета на Георгиевской ленте в виде могильного креста», встречающегося на степных курганах.

*К. Каклюгин*¹⁴⁹

Е. Ковалев

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТЕПНОГО ПОХОДА И НАЧАЛО ВОССТАНИЙ НА ДОНУ¹⁵⁰

В № 103 журнала «Казачье Единство» И. Плахов поместил статью «Восстание ст. Баклановской Донского Войска 25-го марта 1918 г.», а в № 63 журнала «Родимый Край» — «Поправки», по поводу статьи А. Падалкина «Донские партизанские отряды и их начальники в гражданскую войну». Обе статьи имеют связь между собой. В первой описывается восстание казаков ст. Баклановской и соседних с нею; причины, вызвавшие это восстание; влияние его на движение отряда Походного атамана к Дону; прибытие партизан на хутор Королев и переговоры начальников восставших казаков с Походным атаманом, дальнейшее движение партизан на правый берег Дона и конец восстания казаков-баклановцев. Во второй автор делает поправки и возражения по поводу некоторых данных, приведенных в статье А. Падалкина, вплоть до отрицания некоторых боевых действий отряда партизан-степняков, и снова останавливается на переговорах восставших с Походным атаманом и его штабом.

Всякое новое свидетельство, проливающее свет на происшедшие в свое время события и уточняющее те или иные факты, является ценным для установления исторической истины, поскольку оно объективно. В этом отношении чисто фактическое описание событий в районе ст. Баклановской и соседних с ней станиц в конце марта 1919 года заслуживает внимания. Другое дело — оценка и чисто субъективные, категорические утверждения и неправильно обоснованные выводы, делаемые автором как в отношении восстания казаков ст. Баклановской, так и в отношении действий отряда партизан-степняков.

В начале первой статьи И. Плахов неправильно передает и толкует слова А. Падалкина, цитируя его, когда пишет: «23-го марта партиза-

нам стало известно, что с этого дня они были уже не одни — пробуждался Дон, т. е. что на Дону начались восстания». Слова «известно» в описании А. Падалкина нет. Говоря об уходе партизан 23 марта в ст. Граббевскую, он писал: «С этого дня в истории партизанских отрядов, участвовавших в Степном Походе, начался новый этап. С этого времени они были уже не одни — пробуждался Дон». Это следует понимать, что среди казаков начались волнения, появилась ненависть и злоба к большевикам и они готовы были взяться за оружие, то есть сделать то, что партизаны сделали уже давно. О начавшихся восстаниях он не говорил.

✓ Прежде чем говорить, в силу каких причин отряд Походного атамана начал 23 марта движение к Дону, перечислим кратко события, предшествовавшие этому движению.

С 12 марта красные стали проявлять активность, и с нашей стороны были приняты меры противодействия. Отряд, занимавший до этого широкое расположение на 40—50 верст в глубину, произвел перегруппировку и сосредоточился.

13 марта сводный отряд под командой полковника Мамонтова выбил большевиков с зимовника Я. Королькова, а 14 марта конные отряды полковника Каргальского и полковника Чернушенко заняли зимовник Сергеева. На зимовнике Я. Королькова произошло массовое отравление партизан водой из бочек, которую большевики при уходе отравили сулемой, и доктор Бауман отпаивал пострадавших яйцами.

15 марта 3-я Семилетовская пешая сотня войскового старшины Мартынова и 2-я калмыцкая конная сотня, при поддержке одного орудия Семилетовской батареи, атаковали большевиков у хутора Савоськина, принудив их к отступлению. Когда наш успех ясно обозначился, я послан был к Походному атаману с донесением. Генерал Попов, ввиду приближавшейся ночи, приказал прекратить преследование и отойти на ночлег в исходное положение на зимовник Пишванова.

17 марта на зимовнике Ст. Безуглова по приговору военно-полевого суда был расстрелян партизанами уличенный в шпионаже, пораженческой агитации и самозванстве, лжевойсковой старшина Розов, устроившийся адъютантом в штабе Походного атамана. Красивый мужчина, отлично одетый, с боевым орденом и целым рядом нашивок на рукаве за ранения, одним словом, «тонняга», никогда не бывший офицером, а, как говорили, бывший унтер-офицер какого-то полка и председатель революционного комитета, расстрелявший немало офицеров, он признался во всем, но до последнего момента держался геройски, угостив всех папиросами и подарив свой золотой портсигар уряднику, командовавшему расстрелом.

В ночь с 18 на 19 марта отряд войскового старшины Семилетова двумя колоннами пошел в набег на большевиков, сосредоточившихся на хуторах на Курячей Балке. Колонна полковника Лысенко в составе 2-й и 3-й пеших сотен, с одним орудием Семилетовской батареи и 2-й калмыцкой сотней, сбилась ночью с дороги, потеряла время и подошла к указанному для атаки пункту, когда уже рассвело, в то время как весь план был построен на внезапной атаке в темноте перед рассветом.

Большевики, силы которых в несколько раз превышали отряд партизан, имевшие, кроме пехоты, артиллерию и даже конницу, видя малочисленность партизан, перешли в контратаку, и завязался ожесточенный бой.

3-я Семилетовская пешая сотня, на которую навалились большевики, оказалась в тяжелом положении. К счастью, на помощь подошла вторая колонна под командой капитана Балихина (1-я пешая, 1-я и 2-я конные сотни и одно орудие), что позволило вывести из боя 3-ю сотню, потерявшую убитыми и ранеными $\frac{3}{4}$ своего состава. При таких потерях в любой армии войска теряют боеспособность и превращаются в нестройную толпу, а я видел 3-ю сотню, уже выведенную из боя, когда она свернулась и отходила: впереди строем, под командой единственного оставшегося в живых взводного офицера, ровным шагом шли пешие, сзади ехали конные. Бой еще не кончился, и вокруг рвались снаряды. Сотня спустилась в балочку и подходила к мосту через какую-то речушку, когда с фланга вновь засвистали пули. Партизаны перешли мост все тем же ровным шагом и только инстинктивно повернули головы в сторону, подняв воротники, как если бы внезапно подул степной холодный ветер. В бою был смертельно ранен и начальник пеших Семилетовских сотен полковник Лысенко. Хотя этот бой и был тяжелым для партизан, все же большевикам, несмотря на большое превосходство в силах, не удалось ни окружить, ни разбить отряд семилетовцев, отошедших к вечеру в полном порядке на зимовник Александра Королькова, и в последующие дни красные активности не проявили.

На другой день состоялся военный совет начальников партизанских отрядов под председательством Походного атамана. Никого из участников этого совещания не осталось в живых, и никто теперь не может точно сказать, о чем там говорили. Однако партизанам стало известно, что обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе отряда и, соответственно с этим, о его дальнейших действиях.

Нахождение в отдаленном углу Донского края, имевшее смысл зимой, так как позволило партизанам сравнительно спокойное существование и необходимый отдых в течение двух недель, делало дальнейшее

их пребывание здесь и бесцельным, и опасным. Окруженному со всех сторон мелкими бандами отряды, в районе с враждебно настроенным к нему населением соседних губерний, рано или поздно грозило уничтожение, если бы он оставался на месте, и только движение и маневр могли вывести его из этого положения.

К тому же с наступлением весны и началом активных действий большевиков штаб Походного атамана, как пишет в своих «Записках» генерал П.Х. Попов, «вел разведку к стороне ст. Андреевской, которая, совместно с калмыцкими станицами, отвергла советскую власть и, оставляя свою казачью самобытность, вступила, по слухам, в открытую борьбу с красными... Первые признаки казачьего отрезвления были налицо. Нужно было поддержать его, нужно было вдохнуть в зародыш движения струю уверенности. Нужно было продвинуться ближе к станицам, чтобы своим присутствием дать им импульс, составить рычаг, на который мог бы опереться весь переворот».

В силу вышеуказанных причин и невзирая на то, что о начавшемся освободительном движении среди казаков в штабе Походного атамана не имелось еще никаких определенных сведений, кроме неясных слухов, 20 марта было принято решение двигаться к Дону. Поворот был сделан в ночь с 23 на 24 марта, когда, совершив фланговый марш и выйдя из окружения, Степной отряд занял ст. Граббевскую. И. Плахов это оспаривает и считает, что «поворот к Дону отрядов Пох. Атамана надо считать не с 20-го марта, как пишет г-н Падалкин, а со дня прибытия к Пох. Атаману посланцев полк. Бояринова (26 марта) с вестью, что путь к Дону свободен».

20 марта действительно никакого поворота к Дону еще не было, но А. Падалкин этого и не утверждал. В этот день было лишь принято решение повернуть к Дону, и в течение трех дней партизанские отряды сосредоточивались в районе зимовника Трудникова. Поворот был сделан 23 марта с движением на станицы Граббевскую, Бурульскую и Еркетинскую, и достаточно бросить беглый взгляд на карту, чтобы убедиться в этом. Сделан он был независимо от восстания казаков ст. Баклановской, о котором в то время еще ничего не знали, так как оно началось 25 марта, а к 26 марта, когда о нем узнали, партизаны сделали уже добрую половину пути и подходили к реке Салу.

И. Плахов перечисляет целый ряд неточностей в описании Степного похода А. Падалкиным и делает поправки, из которых некоторые, быть может, и справедливы, но другие вызывают поистине изумление. Не будучи сам участником похода, он категорически отрицает возможность боя при переправе через реку Сал у ст. Андре-

евской не на основе каких-либо бесспорных, не вызывающих сомнения данных, а лишь на основании своих собственных выводов, которые сводятся к следующему.

Бой с красными при переправе через реку Сал у Андреевской отряд ВДК (Вольных донских казаков) иметь не мог, так как в Андреевской никаких красных отрядов не было. Если же это был бой арьергарда с наседавшими красными, то последние, следуя по пятам отряда ВДК, могли появиться в Андреевской, затем на хуторе Королеве и даже на хуторе Кривом — у переправы через Дон. Однако никаких красных в этих пунктах не было.

В ст. Андреевской красных действительно не было, но в течение двух дней шел бой наших частей, прикрывавших переправу, с наседавшими красными. Если красные не появились в хуторе Королеве и дальше, из этого еще не следует, что они не существовали, к чему сводится слишком простой вывод господина Плахова.

Чтобы прийти туда, им тоже нужно было переправиться через реку Сал, что во время полноводья, как пишет он сам, было делом нелегким вообще, а при наличии на правом, да еще господствующем, берегу переправившегося уже сильного отряда партизан из трех родов оружия, могущего оказать сопротивление, трудно осуществимым в частности. Поэтому красные просто не рискнули идти дальше и даже не пытались приблизиться к Салу вечером 28 марта.

Но бой у ст. Андреевской все-таки был, и 28 марта над моей головой пронеслось достаточное количество пуль, чтобы утверждать это категорически. В этот день после полудня, когда переправа главных сил уже была закончена и на левом берегу оставались последние конные части, капитан Балихин, командовавший арьергардом, прежде чем отдать им приказ об отходе, решил лично объехать позицию, вызвав в качестве конвоя взвод конной сотни отряда войскового старшины Мартынова. Когда мы прибыли, он двинулся рысью вдоль линии фронта, временами останавливаясь и осматривая местность. Красные, как только заметили нашу группу, стали усиленно ее обстреливать, и вокруг нас запели пули.

У меня был конь, которого партизаны называли «юнкерским» конем, так как он попал ко мне в артиллерийский взвод при формировании в юнкерском училище, и я взял его себе под седло в бою 4 февраля у ст. Каменоломня, когда под огнем они упустили моего собственного коня. Вообще он был очень спокойного характера, в походе привязался ко мне и ходил за мной как собака, но... свиста пуль не выносил. Горячился, нервничал, гарцевал и его приходилось оглаживать. Когда мы закончили объезд, он так взмылился, что стал совершенно белым.

Капитан Балихин отпустил нас, приказав идти к Салу и переправляться на другой берег. Когда мы подошли к переправе, на этом берегу никого не было, не было и парома, а был лишь на другом берегу человек с единственной лодкой. Мы расседлали лошадей и, пока они остывали, перевезли в лодке седла, оружие и часть людей, а затем переправили вплавь лошадей. Дело было к вечеру, но еще светило солнце, и, взобравшись повыше на берег, мы сели у строений отдохнуть на солнышке, посматривая вдаль за Сал. Через некоторое время с нашей стороны недалеко раздался орудийный выстрел, затем еще несколько. Видимо, Семилетовская батарея прикрывала отход калмыцких сотен.

Что бой у реки Сала был, подтверждает в своих воспоминаниях и участник Степного похода калмык Цуцуков, который пишет: «Калмыцкие сотни полковника Слюсарева всегда прикрывали Штаб и обозы, а на этот раз они прикрывали переправу всех сил Ст. Отряда через Сал. Нам пришлось сдерживать крупные силы противника. Вечером мы получили приказ отступить к ст. Андреевской. Т. к. наши сотни были в арьергарде, то нам пришлось переправляться с боем. Части Ст. Отряда переправились через реку на паромах, но для нас их уже не оказалось. Начиналось наводнение. По реке шла мутная вода, заливавшая оба берега. Перейдя в контратаку на наседавшего на нас противника и прогнав его версты на полторы, мы галопом понеслись к Салу и благополучно его переплыли».

И. Плахов отрицает возможность набега партизан на станции Ремонтная и Семичная, равно как и столкновение отряда полковника Чернушенко с красными у станции Ремонтная, объясняя, что этого «не было и не могло быть», т. к. обе станции находятся на правом берегу р. Сала, который в это время года не везде проходим, а в тот год, от обилия снеговой воды, вышел из берегов, что исключало всякую возможность переправ в «любом» месте. Господин Плахов упустил из виду, что партизанским отрядам не было надобности переправляться в «любом» месте, так как в их распоряжении имелась переправа у ст. Андреевской, где все и переправились, а затем можно было действовать в любом направлении.

По свидетельству одного из бывших партизан отряда полковника Чернушенко, столкновение с красными этот отряд имел у сел. Ильинка. После этого отряд не рассыпался, как ошибочно указал господин Падалкин, а, перейдя ночью железную дорогу на каком-то переезде, направился прямо к Дону, переправился на другой берег в ст. Цымлянкой, где и был расформирован, сдав винтовки и пулеметы в станичное правление.

И. Плахов, описывая восстание казаков ст. Баклановской, делает и оценку этого восстания. Он пишет: «Призыв баклановцев звучным эхом прокатился по всем прибрежным станицам и хуторам, как вверх, так и вниз по Дону, до Новочеркаска включительно, встретив повсюду единодушный отклик, что показало, что чаша терпения казачьего народа была переполнена. Все брались за оружие, все горели национальным порывом для защиты своего порога, своего уклада жизни, своей свободы от безбожной, разбойной красной власти. В тот момент, когда отряды Пох. Атамана переправляются на правую сторону Дона, казаки Черкасского округа, под командой славного баклановца войскового старшины М.А. Фетисова, уже берут г. Новочеркасск. Дон заколыхался. На призыв Баклановцев казаки соседних с ними станиц — вниз по Дону до ст. Романовской и вверх — до ст. В. Курмоярской — отозвались в тот же день. С переправой же 1-го апр. Пох. Атамана на правую сторону Дона восстание стало расширяться с невероятной быстротой. По свидетельству А. Падалкина, к приходу Пох. Атамана в ст. Константиновскую уже имелись группы восставших казаков в районах Заплавской, Черкасского Округа, Ермаковско-Калитвенской (полк. И.Ф. Быкадоров) и Кагальницко-Мечетинской. Таково было значение восстания ст. Баклановской».

Нельзя отрицать, что восстание казаков ст. Баклановской было отрядным фактом, нашедшим отклик в ближайших к ней станицах, и слухи о нем распространились довольно далеко вверх и вниз по Дону, но господин Плахов преувеличивает его значение, делая вывод, что восстания в других районах явились следствием восстания казаков ст. Баклановской. Никакой связи восстания казаков станиц Кривянской, Мечетинской, Гундоровской и Калитвенской с восстанием казаков ст. Баклановской не имели. Просто аналогичные условия (грабежи, убийства и своеволие красных) вызвали и аналогичную реакцию. Никто в мемуарно-исторической литературе не придает восстанию казаков ст. Баклановской того значения, которое придает ему И. Плахов, ибо, вспыхнувшее, как искра, оно столь же быстро, как искра, стало и угасать. Если же, как он пишет, с переправой отряда Походного атамана на правый берег Дона восстание на Дону стало распространяться с невероятной быстротой, то это явилось следствием того морального подъема, который вызвало появление непререкаемой законной власти, опиравшейся на вооруженную силу и положившей начало организации и объединению различных повстанческих групп.

В том же журнале, описывая общую обстановку накануне восстания казаков ст. Баклановской, И. Плахов перечисляет меры, приня-

тые красными для ликвидации отряда ВДК при его попытке пробиться к Дону, якобы ставшие известными начальникам повстанческих отрядов: создание кулака на ст. Зимовники с участием некоторых частей 39-й советской дивизии из армии Сорокина, вооружение населения хохлацких слобод и железнодорожников, вооруженная охрана мостов через реку Сал и др.

Не будем долго останавливаться на том, как «красный волк» желал скушать степняка-партизана — «белую шапочку». Он уже больше месяца точил на это зубы и облизывался, и только острая приправа отбивала у него аппетит к этому блюду. Пять орудий, около сорока пулеметов с достаточным количеством патронов, испытанная в боях пехота и довольно сильная по тем временам конница делали это блюдо неприятным на вкус — проглотить его было нелегко, и оно могло застрять в горле. Так или иначе, но к моменту восстания преградить путь отряду Походного атамана красным не удалось и он подходил к реке Салу.

26 марта восставшие начали активные действия, имевшие целью не оказание помощи отряду Походного атамана, местонахождение которого им не было точно известно, а захват участка железной дороги Котельниково—Ремонтная, причем ими были заняты станции Ремонтная и Семичная. Отряд же Походного атамана пришел в этот день и расположился главными силами в ст. Еркетинской, не зная еще ничего о действиях повстанцев. Хотя И. Плахов и пишет, что полковник Бояринов вечером 25 марта послал двух гонцов в штаб Походного атамана с вестью, что «путь к Дону свободен», вряд ли последний мог употребить подобное выражение, не зная еще результата действий повстанческих отрядов.

Тем не менее вечером 26 марта штаб Походного атамана получил наконец точные сведения, что, кроме восстания в ст. Суворовской, вспыхнуло также восстание в ст. Баклановской и в соседних с нею станицах. Создалась обстановка, значительно облегчившая дальнейшее движение отряда Походного атамана, не в силу прямой помощи восставших, а вследствие благоприятного стечения обстоятельств.

«С выходом восставших казаков на линию ж. д. Ремонтная—Котельниково, — пишет И. Плахов в журнале «Казачье Единство», — отряд Походного Атамана спокойно пошел к переправе через Сал к ст. Андреевской». Чтобы не нарушать этого спокойствия, он и отрицает в п.п. 1, 2 и 3 «Поправок» бой с красными при переправе через Сал и другие действия.

Не успели еще партизаны закончить переправу через Сал 28 марта, как к Походному атаману уже поступили просьбы о помощи от восставших, оставивших железную дорогу, которой снова овладели красные.

Хотя он и пишет, что восставшими было обращено внимание на порчу железнодорожной линии Гашун—Ремонтная—Семичная, по ней в тот же день уже циркулировали красные бронепоезда, то есть что разрушения не были произведены совсем или они были очень незначительны. Уже пересекая железную дорогу ночью, буквально под носом красного бронепоезда, отряд Походного атамана на рассвете 29 марта был им обстрелян артиллерийским огнем от ст. Семичной.

29 марта утром отряд Походного атамана пришел на хутор Королев, где состоялась встреча Походного атамана с начальниками восставших отрядов. Как описывает эти встречу и переговоры И. Плахов в «Родимом Крае» и «Казачьем Единстве», читавшим эти журналы известно. Сущность ее сводится к следующему: восставшие казаки, облегчившие партизанам движение к Дону, попросили у них помощи для овладения станциями Ремонтная и Котельниково, но партизаны отказали и поторопились переправиться на правую сторону Дона. После отказа Походного атамана в помощи восставшим казакам начальникам повстанческих отрядов ничего не оставалось, как распустить свои дружины, а самим с офицерами спешно уходить вслед за партизанами на правую сторону Дона. Так окончилось восстание казаков ст. Баклановской и соседних с ней станиц, патетически заканчивает он свою статью в журнале «Казачье Единство».

Это описание тенденциозно, необъективно, не рассказывает всего до конца и имеет целью оправдать неудачу восстания отказом Походного атамана в помощи. Но по поводу этого отказа в двух статьях И. Плахова нет согласованности. В журнале «Казачье Единство» он пишет, что 29 марта генерал Попов отказался от всякой помощи восставшим казакам, а в журнале «Родимый Край» вынужден признать, что поздно вечером в тот же день в штабе Походного атамана было решено оказать поддержку дружинам и утром 30 марта на хутор Минаев прибыл небольшой отряд партизан с одним орудием для помощи восставшим по овладению ст. Ремонтная, но, мол, через 20 минут этот отряд был отозван, получив приказ немедленно идти на хутор Кривой. Невольно встает вопрос: почему эта двойственность в описании, почему эти настойчивые просьбы о помощи партизан, без которых восставшие не решались что-либо предпринять? Ведь станция Ремонтная, где, по свидетельству И. Плахова, находился лишь небольшой отряд красных, 50—60 человек, при одном пулемете, легко была взята восставшими 26 марта, причем при взятии ее казаки если и были недостаточно вооружены, то численно раз в десять превосходили противника (200 конных и пехота ст. Баклановской и дружины станиц Филипповской и Терновской).

С подходом же, после взятия станции, как сам он пишет, дружин станиц Романовской, Цымлянской и Андреевской силы их удвоились. Однако удержать станцию больше двух дней они не смогли, но, при каких обстоятельствах ее оставили, И. Плахов умалчивает.

В журнале «Казачье Единство» он пишет, что был послан 29 марта около 4 часов дня к Походному атаману с докладом о положении и настроении в отряде восставших казаков, но каково было это положение и настроение, тоже умалчивает. А об этом следовало бы сказать, ибо среди восставших произошло то, что происходило почти во всех других районах восстания и не является специфической особенностью восстания в районе ст. Баклановской, — потеря духа восставшими.

Об этом явлении генерал Оприц пишет в своей книге «Лейб-Казачи», Париж, 1939 г., следующее: «Как характерную особенность боев эпохи восстаний на Дону, нельзя не отметить резких переломов настроений восставших — от подъема к упадку и обратно, под влиянием молниеносно распространяющихся слухов. Восприимчивость эта должна быть объяснена главным образом импровизированным характером частей, где недоверие рядового казака к офицеру и обратно, порожденное революционными переживаниями, еще не было изжито и где не могло быть прочной «сбитости», присущей дисциплинированной части, являвшейся результатом предварительной учебной подготовительной работы». Он приводит примеры этого непостоянства (в Черкасском районе), перечисляет станицы, в которых генералу Смирнову с его отрядом приходилось наводить порядок, вплоть до разоружения одной дружины, и заканчивает так: «При наличии отмеченной выше изменчивости настроений, существование отряда степняков Походного Атамана ген. П.Х. Попова и Добровольческой Армии ген. Деникина, а затем прибытие с Румынского фронта отряда Дроздовского являлось весьма важным фактором успеха восстаний, ибо самый факт существования этих крупных отрядов являлся лучшей моральной опорой для колеблющихся».

Этой переменчивостью настроений, быстрым упадком боевого духа и объясняются настойчивые просьбы из всех районов к Походному атаману о помощи. Всем начальникам восставших отрядов хотелось иметь в своем распоряжении надежные партизанские части, причем народная молва увеличивала во много раз их действительную численность. Просьба о помощи восставшим казакам у ст. Ремонтная была получена от есаула Андриянова, когда партизаны заканчивали переправу через реку Сал и им предстояло еще перейти линию железной дороги, находившуюся в руках противника, а вскоре затем поступила аналогичная просьба и от Генерального штаба подполковника Бородина от ст. Котельниково.

Походный атаман в своих «Записках» отмечает, что у ст. Ремонтная стояли казачьи дружины станиц — Баклановской, Терновской, Филипповской и Романовской, но оружия не хватало на всех, патронов было мало, и казаки стали колебаться, митинговать. Чтобы поддержать дух казаков и не дать им развалиться, к Ремонтной был брошен небольшой партизанский отряд с одним орудием и пулеметами. Из хутора Королева были выдвинуты части в помощь подполковнику Бородину. Но пишет он дальше: «Обе операции — и на Ремонтную и на Котельниково, к сожалению, сорвались; казаки замитинговали и пошли к своим станицам, бросив позиции. Никакие убеждения начальников отрядов на них не действовали. Не помогло и предупреждение Походного Атамана, что таким путем они приведут в свои станицы красных и навлекут на свои дома и семьи ужас их бесовской злобы и разрушения».

Вот в чем причина неудачи восстания в районе ст. Баклановской, и партизаны тут ни при чем. Втягиваться в боевые операции на периферии, при полной неорганизованности тыла, отряду Походного атамана было в то время нецелесообразно, но даже если бы партизаны взяли своими силами ст. Ремонтная, а затем ушли, передав ее восставшим, она снова была бы оставлена последними при первом же нажиме красных из-за упадка боевого духа.

*Я. Тельнов*¹⁵¹

АПРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ХОПРЕ 1918 ГОДА¹⁵²

Мне идет 87-й год, и я, вероятно, единственный из оставшихся в живых участников этого восстания. Дело было так: отряд подьесаула Соина состоял из маленькой, но отборной группы офицеров и урядников да трех юнкеров Калединского призыва. Главари Совдепа и весь гарнизон ст. Урюпинской были захвачены в плен и посажены в окружную тюрьму. Все это стало возможным благодаря умелому, можно сказать, искусному водительству операцией опытного и бесстрашного подьесаула Соина.

Но об этом ниже, сейчас же я хочу отметить хорунжего Дудакова (по образованию агронома), который был организатором боевой группы, куда он вовлек и подьесаула Соина, естественно ставшего по своему чину и опытности начальником (атаманом) отряда.

Дудаков был казак Зотовской станицы, которая находилась от Урюпинской ниже по Хопру, за нею шли станицы Федосеевская и Букановская, за которыми Хопер уже впадал в Дон. Близко к этим стани-

цам примыкали ст. Кумылженская на речке Кумылге и ст. Арженовская немного выше по Хопру от Зотовской. Это были глухие места, и красногвардейские отряды, иногда проходившие по округе для устрашения, боялись здесь показываться.

Вот в этом-то глухом углу хорунжий Дудаков и начал ковать свой заговор. Политическим советником у него был В.П. Клонов, тоже агроном, казак с тех же Соинских хуторов. Вот к ним-то в качестве боевого вождя примкнул и подьесаул Соин. Мы же три юнкера: мой брат Иван (старше меня на три года), Илья Мотовилин и я, Яков Тельнов, — все три Луковской станицы, без труда были вовлечены Дудаковым в заговор по двум причинам: во-первых, потому, что тогда было такое поветрие, что юнкера обязательно должны были участвовать в восстаниях против большевиков, но самое главное заключалось в том, что мы тоже, как Дудаков и Клонов, были агрономами.

Все мы окончили Донское сельскохозяйственное училище, которое давало звание агронома и вместе с этим — почетного гражданина. Это замечательное училище было закрытым учебным заведением. При нем был пансион, и проходящие не допускались. За шесть лет пребывания в училище мы сживались и отлично знали достоинства и недостатки каждого. Вот почему Дудаков, вовлекая нас в заговор, действовал наверняка.

Но связь с Дудаковым была очень трудной, или, вернее, ее совсем не было, так как наша станица отстояла от Зотовской верст на 80, а от Урюпинской она была всего в 25 верстах. Но незадолго до восстания брат Иван ездил в станицу Кумылженскую, где у него были кое-какие вещички, так как он проработал в этой станице два года в качестве руководителя и в прилегавших станицах тоже, по закреплению песков и оврагов, для чего на Дону была создана специально для этого так называемая «песочно-овражная партия». Он, конечно, не проехал Хотовскую и так получил от Дудакова последние инструкции, но нам о них не распространялся.

И вот в один прекрасный день, в двадцатых числах апреля, пришли с хутора Суховского (30 верст от ст. Луковской) мой брат Иван и Илья Мотовилин, которые жили там у отца Ильи, Якова Петровича Мотовилина, я же жил у моей сестры Марии, ставшей мне также и матерью, так как восьми лет я уже был круглым сиротой. Она жила в самой Луковской, в собственном доме, а ее муж Григорий Афанасьевич Кривошеев, казак этой же станицы, был учителем, став за время войны сотником, скрывался где-то в ст. Морозовской. Вообще в те времена ни один офицер не жил дома. Брат сказал мне: «Завтра идем в Урюпинскую». — «Зачем?» — «Там узнаешь!»

На другой день мы были в Урюпинской и поместились у сына торговца хутора Суховского. Тут брат сообщил, что план восстания тщательно разработан подьесаулом Соиным и держится в полном секрете. Восстание произойдет ночью в одну из таких-то дат, но их не помню. Мы должны, как только услышим взрыв ночью, бежать к зданию бывшего реального училища, где помещается красный гарнизон окружной станицы. Мы спали не раздеваясь. Первая ночь прошла тихо, но на вторую ночь мы услышали взрывы и бросились стремглав бежать, куда было назначено.

Здесь мы в первую очередь, в темноте, распознали Дудакова, потому что, собственно, одного его и знали. Он немедленно вручил нам по винтовке. Какой-то очень внушительный по фигуре человек с огромным рупором кричал: «Сдавайтесь! Вам ничего не будет! Если станете сопротивляться, забросаем ручными гранатами!» И кто-то для убедительности швырнул пару гранат под стены здания, но не в окно. «Ваши начальники все арестованы, сопротивление бесполезно!» И еще пара гранат под стены. «Поднимайте руки вверх и выходите наружу, вам ничего не будет!» Позже мы узнали, что это был сам подьесаул Соин.

Красногвардейцы стали выходить наружу с поднятыми руками. Повстанцы принимали их, строили в колонну. Набралось человек полтора, а может, и больше. Их окружила жидкая цепь конвоя, человек пятнадцать, вряд ли двадцать, в которые входили и мы трое. Мы отконвоировали эту колонну и сдали в тюрьму, где уже стояла наша стража.

Тут мы узнали от Клонова, что отряд Соина поодиночке и в разные дни вошел в ст. Урюпинскую еще за несколько дней до восстания и разместился кто у родственников, кто у знакомых, кто на частных «въезжих», которые еще существовали тогда, а кто и прямо в доме «крестьянина», конечно, под видом личных дел, а их действительно многие имели в окружной станице. Были распознаны квартиры главарей и тщательно изучено расположение гарнизона.

В первую очередь была обезоружена полусонная тюремная стража, сама посажена в тюрьму и заменена своей. Затем начались аресты главарей. На долю Дудакова выпало арестовать окружного военного комиссара — начальника гарнизона. Когда Дудаков сообщил разбуженной хозяйке квартиры, что им срочно надо видеть по важному делу военного комиссара, она с зажженной лампой тотчас же проводила их в спальню комиссара, а сама ушла — не могла же она присутствовать при секретных разговорах. Комиссар проснулся и, по-видимому, не мог сразу понять, в чем дело, но, когда он увидел, что Дудаков хватает его маузер, лежавший на стуле, он понял и вскочил, но тут Клонов огрел

его прикладом по голове, и он снова улегся. В углу комнаты у комиссара оказалась еще и винтовка. Комиссар скоро очнулся, ему дали одеться, увели и сдали в тюрьму, а хозяйка квартиры, по-видимому, так и не поняла, что за люди у нее были.

Самому Соину не повезло. Он должен был арестовать председателя окрисполкома Селиванова (казак по происхождению), но его не оказалось дома. И тогда Соин ушел с главными силами к железнодорожной станции, которая была расположена на окраине станицы, где тоже находились значительные силы красногвардейцев, мы же трое и приставший к восставшим казак Андреев (по образованию техник) получили задание взять пороховые погреба — два небольших кирпичных здания. Стража при этих погребах играла также роль заставы с юга, так как прямо в них упиралась длинная дамба (с версту), пересекавшая в половодье рукав от Хопра.

Уже светало, и едва мы выдвинулись из станицы, как по нам открыли жестокий пулеметный огонь, что заставило нас пригнуться к земле и возвратиться под защиту домов и садов. Пули тархтели по железным крышам и шуршали по верхушкам деревьев. Мы осмелели, опять выдвинулись вперед и залегли за поваленный телеграфный столб, послуживший нам прикрытием и опорой для винтовки.

Нас продолжали осыпать пулеметным огнем, но безвредным, а когда замолкали, — мы открывали прицельный огонь, то тоже безрезультатно. Мы установили, что у погребов только два человека, но как взять таких лихих пулеметчиков, мы не представляли. И вдруг, по-видимому обеспокоенный затянувшейся стрельбой, к нам пришел сам Соин. Он лег рядом с нами и сказал: «Вы, ребята, пока не стреляйте», стал внимательно изучать местность, что делается у пороховых погребов, и пришел к тому же заключению, что там только два человека, и потом сказал: «Вы, ребята, лежите и наблюдайте, но ни в коем случае не стреляйте».

Затем он перебрал винтовку из правой в левую руку и, действуя правой рукой и двумя ногами, избирая понижение рельса, пополз к пороховому погребу. По нему открыли бешеный пулеметный огонь, но он все полз и полз, пока не подполз на такое расстояние, что мог вступить с пулеметчиками в переговоры. Он убедил их, что сопротивление бесполезно, все начальство и гарнизон уже сдались и если они сдадутся, то им ничего не будет. Вместе с подьесаулом мы отконвоировали и сдали пулеметчиков в тюрьму. Так была подавлена последняя точка сопротивления красных.

После этого наши силы распределились так: сам подьесаул Соин с главными силами расположился на вокзале, так как наступление крас-

ных ожидали по железной дороге со стороны ст. Алексиково Грязе-Царицынской железной дороги. (Эти «главные силы» были вполне мистическими: Дудаков, вербуя нас, говорил, что у него завербовано 60 человек, теперь же было ясно, что Соин овладел Урюпинской ночным налетом с ничтожным числом людей.)

Дудаков стал своего рода начальником гарнизона, в его распоряжении остались для наведения и поддержания порядка в станице все его однопитомцы по сельскохозяйственному училищу: Клонов, И. Тельнов, Мотовилин и единственно приставший из Урюпинской Андреев. Мне, как самому младшему (21 год), поручили проверку и сортировку на годные и негодные громадного числа винтовок, захваченных в Урюпинской. С этим делом надо было спешить, так как тогда была надежда, что казаки всколыхнутся и их придется вооружать. И действительно, вскоре мне в помощь прислали четырех реалистов местного реального училища лет по 16—17. К моему удивлению, они знали винтовку, и у нас дело пошло довольно успешно.

Мы продержались в Урюпинской три дня, и все это время мы с реалистами занимались разборкой винтовок, но ни одного человека к нам не привели для вооружения Сполоха, на который рассчитывали; не получилось. Ни сама Урюпинская, ни ближайшие станицы и хутора никак на наше восстание не отозвались.

На четвертый день, едва мы с реалистами занялись разборкой винтовок, как к нам вошли мой брат Иван, Илья и Андреев. Брат сказал мне: «Ты распусти свою команду, мы имеем другое задание». Когда реалисты ушли, брат сказал: «По железной дороге наступают красные, Соин пошел им навстречу, а нашей четверке дано задание оградить станицу с тыла. Мы займем позицию против дамбы. Приказано мирных жителей пропускать, а если появятся красные, то расстреливать».

Мы заняли указанную позицию против дамбы, это опять у тех же пороховых погребов. Мирных жителей шло довольно много, и никто у нас пропуска не спрашивал. Но вот показались два казака, явно фронтовики. Поравнявшись с нами, они крикнули: «Тельновы ребята, пропустите». А потом, присмотревшись к Илье, и ему: «Да и ты, Илюша, здесь!» (Наша фамилия была блондистая и хорошо известна в станице, так как отец три раза подряд избирался атаманом.) Когда казаки прошли, Илья объяснил, что эти казаки с хутора Суховского нашей станицы. Мы тогда не придали особого значения тому, что мы были опознаны, но потом нам это дорого стоило.

Не знаю, сколько прошло времени, но потом мы услышали, что на другой стороне Урюпинской идет бой. Как долго он продолжался, мы не отмечали, но потом все стихло. Было ясно, что кто-то побежден,

но кто, мы знать не могли и, естественно, волновались. Вдруг мы увидели, что со стороны Урюпинской прямо на нас несется черный автомобиль. Поравнявшись с нами, он остановился. Открылась дверца, из нее высунулся Дудаков и крикнул: «Ко мне!» Мы подошли, а он сказал: «Соин убит. Теперь надо спасаться. Спрячьте понадежнее ружья, они еще пригодятся, а сами подавайтесь за Хопер».

В автомобиле — пять человек, про остальных Дудаков не сказал ничего. С тем автомобиль дал газ и помчался по дамбе. Крутом не было никаких строений, кроме порохового погреба, и мы прямо с винтовками тоже зашагали по дамбе. Было бесконечно горестно, что погиб такой бесстрашный и талантливый офицер, а казаки оказались совершенно глухи к начатому им делу.

На другой стороне залива и Хопра был чей-то сад и в нем сарай, под крышу которого мы и засунули наши винтовки. Теперь надо было поспешать к переправе через Хопер в ст. Тепикинскую, до которой было 18 верст. Мы разделились по двое. Брат с Ильей пошли вперед, а мы с Андреевым подождали, пока они скроются из вида, а потом тоже потопали за ними. Мы пришли к переправе, когда брат Иван и Илья были еще на этой стороне, но как раз был снаряжен к отправке паром с двумя подводами, на него мы и погрузились все четверо и скоро были на другой стороне Хопра, то есть в относительной безопасности.

На этом можно было бы и закончить налет на Урюпинскую, но дело в том, что никакой, даже относительной безопасности для нас не получилось, а наоборот, прямая опасность от своих же казаков и даже от родных... Об этом я и хочу рассказать для памяти потомству. Генерал Поляков был прав, полемизируя с Каклюгиным, что поначалу не всегда и не везде казаки рвались в бой с красными.

От Тепикинской до нашей Луковской было всего 7 верст и шло лугами и перелесками. Мы их сделали еще засветло, но не вошли сразу в станицу, а подождали густой темноты и тогда прошли до самого дома сестры, не встретив никого. Сестра встретила нас по-сестрински хорошо. Мы объяснили ей, что нам надо как можно скорее уходить куда-нибудь подальше, так как были опознаны и в первую очередь будут искать у нее. Илья и брат Иван опять решили спасаться у отца Ильи на хуторе Суховском, где у Ильи было полно родных, я же мог бы найти убежище на хуторах Верхнереченском или Нижнереченском нашей же станицы, где было много родных по отцу и по матери, но я выбрал хутор Мазин Тишанской станицы, где была замужем наша старшая сестра Ганя, — такой глухой хутор, куда, казалось, ворон костей не занесет. Этот выбор устраивает также и Андреева; у него

были родственники в ст. Бурацкой, но он не знал туда дороги, а это было как раз по одной дороге на Мазин.

Сестра всплакнула и сказала с горечью: «Вот муж скрывается неизвестно где, а теперь и вы должны скрыться и опять останусь я одна». Но она нас накормила и уложила спать, с тем чтобы в 3 часа ночи нас разбудить. Первыми, как всегда, вышли брат Иван и Илья, а за ними мы с Андреевым.

Наша станица с трех сторон окружена горами, и для сокращения пути и скрытности я не пошел улицами, а мы взяли приступом, несмотря на полную тьму, довольно высокую и крутую гору, покрытую барбарисом (по-казачьи кисляткой), но зато сразу же оказались за станицей и как раз на дороге на Мазин и Бурацкую. Дорога идет по высокому плоскогорью с суходольными лугами и перелеском, а налево к Хопру — густой лес. Яркое солнце, посевов нет, и нигде ни души. И несмотря ни на что, делается радостно на душе. Так мы легко отмахали 25 километров, где был поворот налево к Хопру, на Бурацкую, и мы тепло распрощались с Андреевым.

Теперь мне предстоит сделать 10 верст, из них 5 по плоскогорью, а потом начинался медленный спуск к речке Тишанке, на которой стоял хутор Мазин. Я уже начал спускаться к Тишанке, когда открылся мне Мазин с его садами и водяной мельницей, что стояла на речке. Но чем дальше я иду, тем больше у меня растет еще пока неясное беспокойство по поводу того, что я что-то не совсем ясно вижу у мельницы. Но дальше — больше, и я уже совершенно явственно различаю, что у мельницы стоит черный автомобиль. Откуда в этой глуши мог взяться автомобиль?

Наиболее вероятно, что это автомобиль Дудакова... Может быть, они еще здесь, тогда я присоединюсь к ним. И я даже прибавляю шаг. Но вот я вижу, как от автомобиля отделяются два человека и идут наперерез мне. Дальше — больше, и я отлично различаю, что один весь в коже с маузером на боку — значит, комиссар, второй — просто солдат с винтовкой. Теперь все ясно, я попал прямо в руки тем, от кого спасался. Бежать было еще можно, но этим самым выдашь, кто ты есть, и тогда они уже сделают все, чтобы меня поймать... Страху у меня нет, а основания идти в Мазин у меня есть. Итак, решаю продолжать мой путь...

Дорога идет к речке не по перпендикуляру, а несколько влево, а враги идут справа, так что если я пойду по дороге, то преследователям придется много бежать, а скорее всего, чтобы остановить меня — стрелять. Я решаю сразу же показать, что я их нисколько не боюсь и никаких враждебных действий от них не ожидаю. Я сворачиваю с дороги и иду

к речке напрямик, что ускоряет нашу встречу. Скоро мы сближаемся. Солдат вскидывает ружье к плечу, человек в коже кричит: «Руки вверх!» Я поднимаю руки, пакетик с парой белья, врученный мне сестрой, падает на землю. Комиссар обыскивает меня — у меня ничего нет, кроме пачки махорки. Я тороплюсь поднять свой пакетик, комиссар только щупает его. Затем начинается допрос. «Куда идешь?» — «В Мазин». — «Чего ты там не видел?» — «А у меня тут сестра замужем». — «Какая сестра, что за сестра?» — «А она тут замужем за Семеном Филипповичем Поповым». Комиссар смотрит на солдата, тот кивает и говорит: «Да, есть такая». Я не стою столбом, а двигаюсь к речке, они идут вместе со мной: один справа, другой слева. Комиссар продолжает: «А зачем он (то есть Семен Филиппович) тебе понадобился?» — «А он наказывал, чтобы приходил помогать». — «А чего ему помогать, чего делать?» — «А у него просушка, а казаки сейчас отсеялись, а до сенокосов и покосов еще далеко, так вот потому на просушку большой завоз и надо помогать, а у него пять человек детей мал мала меньше». Комиссар опять смотрит на солдата, тот кивает и говорит: «Верно».

За этими разговорами мы подходим к небольшому уступу у самой речки. Я беззаботно усаживаюсь на него, достаю свою махорку и начинаю свертывать папиросу, предлагаю им — отказываются. Комиссар немного помолчал, а потом возобновил допрос. Тут только спросил: «Какой станицы?» — «Луковской». — «А что у вас делается?» — «А у нас ничего не делается». — «Ну, как казаки?» — «А казаки рады без ума, что война кончилась, и говорят, что ее хоть бы век не было».

Я чувствую, что выиграл это словесное сражение. Допрос уже переходит в разговор, и сам перехожу в наступление: «А вы что здесь делаете?» — «А это тебя не касается», — отвечает комиссар. «Ну, раз не касается, то будьте здоровы». Я бросаю окурок, подхожу ближе к воде, сажусь на песок лицом к воде, как всегда это делается, а значит, к ним спиной, снимаю сапоги, засучиваю штаны выше колен и вижу, что они по-прежнему стоят рядом, комиссар с маузером на боку, солдат опирается на винтовку, и смотрят на меня. Я встаю, делаю им прощальный жест рукой и не спеша, вольготно иду к хутору, ни разу не оглянувшись на них. До первого дома саженой пятнадцать, но я иду и думаю, пальнут в меня или нет, и, только скрывшись от них за первый дом, я почувствовал, что спасен, и тут прибавил шаг.

Зять и сестра были дома, завоза не было, и просушка не работала. Они удивились моему появлению, и, понятно, я должен был объяснить им, в чем дело. Зять сказал, что Дудаков с товарищами примчался сюда на автомобиле вчера, но у них кончился бензин и они его бросили, а

сами взяли на хуторе тройку лучших лошадей и помчались по шляху прямо к Дону. Всезнающий солдат — это наш пастух, он был на войне, а после опять вернулся к нам, но, как только пришли красные, он сразу пристал к ним. «Они тебя не тронули, потому что их здесь мало и они боятся казаков, но завтра сюда прибудет большой отряд, и тогда они поведут себя иначе, а меня за укрывательство контрреволюционера сожгут. Уходи, куда хочешь».

Сестра защищает и так и этак, но это не помогает. Она в слезах, но и они не помогают, а он твердит свое: «Уходи, куда хочешь. Сам впутался в это дело, сам из него и выпутывайся, как хочешь. Уходи». Я, конечно, возразить ничего не мог. Сдается и сестра: «Ну, куда теперь тебе деваться? Больше некуда, как к Лене...»

Я сам думал о Лене, но выбрал Ганю, потому что Лена (Елена Архиповна) была только старшей невесткой, у нее были свекор и свекровья. Она вышла замуж в богатую казачью семью за старшего сына, но уже был женат и второй сын, а третий был наготове к тому. Этот род Кузнецовых потому и был богат, что у них не было принято рано делиться. С отцом всегда оставался младший сын, и у них же было основное богатство рода. Теперь я был рад этому предложению Гани. Она накормила меня и уложила спать, сказав, что разбудит глубокою ночью и проводит до такого места, откуда уже не заблужусь (я не знал дороги).

Мы вышли среди ночи. Стояла такая темнота, что хоть глаз выколи. Недаром подьесаул Соин выбрал для налета на Урюпинскую такое время, в этом была половина успеха дела. Ганя шла с грудным ребенком на руках, и путь ее был нелегкий. До хутора Нижнереченского нашей станицы было 25 верст. Мы прошли один хутор, потом другой и нигде не встретили ни души. Шли в полной темноте по чистому полю и наконец дошли до какой-то развилка дорог. Здесь Ганя остановилась и сказала: «Эта дорога, что идет налево, приведет тебя прямо на хутор Нижнереченский, и теперь ты уже никак не заблудишься». Тут мы с нею расстались. Ганя плакала, я расцеловал ее от всего сердца, и мы пошли каждый своей дорогой.

Скоро стало светать, взошло солнце, и раскрылся чудесный апрельский день, а все горести как-то были забыты. Но пришел я не к хутору Нижнереченскому, а к глыбе огромных камней, каждый примерно с товарный железнодорожный вагон. Это меня несколько не опечалило, я немедленно забрался на один из этих камней и тут же увидел недалеко и сам хутор Нижнереченский. Меня удивило то, что мы со Степаном, младшим братом мужа моей сестры, не раз скакали в этих местах на лошадях, а эти камни не видели, несомненно, остаток ледникового периода.

Теперь я бодро пошагал к открывшемуся мне хутору, прямо по бездорожью. Богатая усадьба Кузнецовых со множеством хозяйственных построек и огромным садом находилась в самом конце хутора под горой, а на горе красовалась им же принадлежащая стройная ветряная мельница, выкрашенная в желтую краску. То, что Ганя ошиблась дорогой, было даже лучше, мне не надо было идти хутором, и я, думаю незамеченным, вошел в усадьбу Кузнецовых. И тут мне опять повезло.

Первым, кого я встретил, была моя сестра Елена Архиповна. Я сразу рассказал ей правду и что теперь ищу убежище. Отправился было к Гане, но Семен Филиппович меня выставил... Сестра сразу сказала мне: «Ты оставайся, а я батю (свекру) пока ничего не скажу». Она же, по уговору с «батей», дала мне занятие, чтобы я занялся садом, тем самым стараясь скрыть меня от глаз людей. Сама же очень горевала, что ее муж-урядник Лейб-Гвардии Атаманского полка до сих пор еще не вернулся домой.

Я прожил у Кузнецовых больше двух недель, но вот однажды, в воскресенье, сестра сообщает мне: «Сегодня батя вернулся из церкви (он был ктитором) и говорит мне, там ему казаки сказали, что он скрывает у себя контрреволюционера. Узнают каратели, они тебя сожгут. Пусть твой брат уходит, куда хочет». Сестра была очень расстроена и говорит: «Ну, куда я тебя теперь дену? Больше некуда, как к дяде Матвею». Мы сразу же стали запрягать лошадь, она положила в повозку полость, на которую я лег, и сверху закрыла меня сеном.

Дядя Матвей Васильевич Жуков жил в Верхнереченском, который почти сливался с Нижнереченским, но в противоположном от Кузнецовых конце, так что нам пришлось проехать оба хутора. Семья дяди была очень религиозна, как и весь род Жуковых, как и моя мать, и все они в противоположность Тельновым были брюнетами. Когда мы приехали, вся семья была в сборе: сам Матвей Васильевич, его жена, старший сын Никиша, который после контузии в японскую войну стал заикой, его жена Домаша и их восьмилетний сын Степа. Не было дочери, красавицы Улиши, которую, по традиции рода Жуковых, отдали в Устьмедведицкий монастырь замаливать грехи за всю семью, и младшего сына Алеши, примерно моих лет, о котором поступали не совсем ясные сведения.

Елена Архиповна сразу объяснила всей семье мое положение и чем оно вызвано и спросила, могу ли я у них остаться. Матвей Васильевич сразу же ответил: «Пусть остается», а потом обратился ко всей семье и спросил: «Верно ли я говорю?» Его жена сказала: «Ну, как же можно? Может, и наш Алеша скитается без пристанища?» Никиша и Домаша

подтвердили свое согласие кивками. Так я и остался у дяди Матвея Васильевича. Он считался по тем временам человеком сравнительно образованным, так как окончил городское училище, равное примерно прогимназии.

Дядя на другой же день вручил мне толстую книгу в прекрасном переплете — «Былое Тихого Дона» П.Н. Краснова и сказал: «Вот тебе и занятие, поди не читал, а по улицам да по родне гулять не приходится». Я действительно не читал и всю неделю был поглощен этой книгой. Но в воскресенье утром дядя говорит мне: «Вот что, Яша, у нас сегодня собрание, пойдем и ты на собрание, там ты повинись перед казаками, они тебе простят, и все будет хорошо».

Не отдавая себе отчета, чем мне грозит, если и дядя откажет мне в убежище, я поспешил ответить: «Нет, дядя, виниться я не пойду, а если вы боитесь, то я куда-нибудь уйду». Но дядя замахал руками: «Не моги этого и думать. Не хочешь, не ходи. Сиди и не рыпайся». И он ушел один. Долго не было дяди, семья была в тревоге и я тоже. Наконец дядя вернулся. Первым делом он помолился на образа и потом объявил: «Ну, слава Богу, слава Богу. Все обошлось благополучно. Нашлись горланы, которые стали кричать и указывать атаману: «Его надо арестовать и выдать Краснопольской слободе». (Это была всего в 7 верстах очень революционная слобода еще в 1905 году, а теперь особенно.) Атаман на это ответил, что если они хотят, то пусть идут и арестуют, а он не пойдет — на то есть карательные отряды. И сразу всем закрыл рты. Слава Богу, слава Богу», — еще раз повторил дядя. Наверное, он еще до собрания договорился с атаманом, умело легализовал у себя мое пребывание и вместе с тем обезопасил себя.

Тут же дядя рассказал, что случилось с братом Иваном и Ильей, когда они после дела в Урюпинской вернулись на хутор Суховский к отцу Ильи Якову Петровичу Мотовилину. Очевидно, он узнал это на собрании. Суховские казаки сами арестовали Ивана и Илью и на ночь посадили под караул, с тем чтобы утром выдать, как контрреволюционеров, все той же революционной Краснопольской слободе. Но стражу поставили из молодых неслужилых казаков; отец и брат Ильи частью их подкупили, частью уговорили и подпоили, так что они крепко заснули, а арестованные бежали, и где теперь находятся, неизвестно.

Я прожил у дяди Матвея еще неделю и так и не мог одолеть «Былое Тихого Дона». И вдруг в воскресенье приехала Елена Архиповна и сообщила, что ее муж, атаманец Иван Георгиевич Кузнецов, вернулся и привез сведения, что по всему Дону идет восстание и скоро перекинется на Хопер. Карательные отряды больше не ходят, боятся, и мы можем ехать в Луковскую к сестре Марии.

Мы тепло распрощались с дядей и со всем его семейством и много благодарили всех за их доброту и за то, что они в трудную минуту приютили меня. По дороге в Луковскую выяснилось, что Елена тоже уже знала, что случилось с Иваном и Ильей, и мы сразу же сошлись с ней на том, что мне некуда больше бежать, как к нашей четвертой сестре Вере. Она вышла замуж в Урюпинской за кондитера, но они потом переехали в Сибирь, в Курган, где их кондитерская пошла очень хорошо.

От сестры Марии мы узнали, что она получила от Веры письмо, в котором хоть и иносказательно, но вполне понятно для нее было сказано, что Иван и Илья находятся у нее в Кургане. Мария рассказала, как к ней нагрянули каратели, тщетно обыскивали и все мужские вещи забрали. «Но слава Богу, хоть вы остались живы», — закончила она.

Елена через два дня уехала, а по станице уже открыто поползли слухи, что низовые по Хопру станицы поднимаются одна за другой против большевиков и волна восстания движется вверх по Хопру. Скоро она докатилась до нашей Луковской и разлилась по всему округу.

На этот раз хоперские казаки, видя, как против большевиков поднимается весь Дон, проявили былое единодушие и сплоченность казачества и другие присоединились ко всеобщему восстанию.

А. Голубинцев¹⁵³

РУССКАЯ ВАНДЕЯ¹⁵⁴

Осиное гнездо

Февраль 1918 года на исходе. Не стало на Дону атамана. Разгромлен и загажен Новочеркасск. Помутились головы у казаков — трудно стало старикам сдерживать буйную молодежь — «фронтовиков». Уже почти повсюду на Дону Советы сменили атаманов, но свято блюдут усть-хоперцы старину, чтут старики порядки и обычаи дедовские: все еще атаман правит станицей, в домах портреты царские, казаки в погонах.

Недаром славится Усть-Хоперская станица по всему Тихому Дону, и орлы и коршуны вылетали из нее: и славный атаман генерал Каледин, и лихой казак Кузьма Крючков, и печальной памяти «красный атаман Дона», «президент Донской Советской республики» подхорунжий Подтелков. Слывет станица в округе «контрреволюционной» и

«белогвардейской», но пока еще не решаются красные власти круто расправиться: боятся трогать это «осиное гнездо».

Шлет из Усть-Медведицы окружной комиссар, бывший войсковой старшина Филипп Миронов, грозные приказы: упразднить атамана и избрать Совет; грозит в случае неповиновения прислать карательный отряд. Мнутся старики, но делать нечего, предложили станичному атаману называться «председателем» — плюнул старик и отказался. Попробовали выбирать — нет охотников представлять советскую власть. Наконец уговорили подхорунжего Атанова: «Если и ты откажешься — мужика назначут». Довод основательный.

С выбором Совета жизнь потекла как будто по-прежнему, только на майдан стали являться «иногородние»; зазвучали непривычные речи о равенстве, о раздаче казачьей земли мужикам, об уравнильно-трудо-вом землепользовании; стали читаться декреты и приказы всякого рода, ничего доброго не сулившие казакам, и т. п.

Долго крепились казаки, слушая наглые речи «хохлов», один из которых, сапожник Капустин, разошелся вовсю и, убеждая упрямых стариков, сказал: «У вас, старики, бороды длинные, да головы глупые!» Это переполнило чашу терпения — сорвался с места урядник Осин, ударом кулака сшиб нахала с трибуны, старики подхватили и, избив до полусмерти, выбросили из станичного правления. Дня через три Осин и еще три казака были вызваны окружным комиссаром товарищем Мироновым в Усть-Медведицу на расправу. Заупрямились старики, не желая выдавать, и только угроза прислать карательный отряд и взять силою заставила отпустить Осина.

По прибытии в окружной Совет Осин был избит, предстал перед революционным трибуналом и, отсидев около двух недель в тюрьме, возвратился домой. Декреты, вызывающее поведение иногородних, случай с Осиним создали настроение неудовольствия, обиды, боязни за будущее; это чувство росло, ширилось, вызывая острую ненависть к новым порядкам. Чувствовалось, что наступила пора использовать это настроение. Почва для работы была благоприятна. Нужна только искра.

Распустив, по приказанию Донского атамана Каледина, по домам в бессрочный отпуск, с оружием, приведенный мною с Румынского фронта 3-й Донской казачий Ермака Тимофеева полк, я 15 февраля 1918 года из станицы Глазуновской переехал в станицу Усть-Хоперскую, где и поселился в уединенном доме. Редко показываясь, я внимательно следил за развивающимися событиями. Не вмешиваясь открыто в станичную жизнь, имея общение лишь с верными людьми, по большей части моими сослуживцами по 3-му полку, я с их помо-

щью образовал небольшое ядро с целью поддерживать и развивать антибольшевистское настроение и направлять волю станицы к желаемой цели. На хуторах, по указанию прапорщика Щелконогова и его отца К.Т. Щелконогова, были намечены верные, твердые и убежденные люди, по большей части старики и выборные, которые изредка тайно приезжали ко мне поодиночке для доклада, обмена мыслями и получения инструкций. Здесь им объяснялись и толковались декреты и распоряжения красных властей, гибельные последствия этих декретов для казаков, необходимость и возможность сопротивления проведению их в жизнь, объяснялись события на Украине и значение их для Дона, положение на фронте, непрочность советской власти и т. п.

Получив более или менее полную информацию, они возвращались домой, делились со своими хуторянами полученными сведениями и разъяснениями, являясь вместе с тем и серьезными оппонентами заглядывавшим иногда на хутора с целью большевистской пропаганды гастролерам из Усть-Медведицы. Кроме того, связь с хуторами постоянно поддерживалась при помощи многочисленных моих сослуживцев по 3-му полку.

Работать в более широком масштабе можно было только при помощи и через «Съезды Хуторских Советов», невидимо руководя их работой и обращая постановления их в замаскированные воззвания к сплочению, сопротивлению и, наконец, к открытому неповиновению и восстанию с оружием в руках против советской власти.

Узнав о времени и цели съезда хуторских Советов и о предполагаемых к обсуждению вопросах, я на отдельных клочках бумаги писал резолюции к будущему постановлению съезда по интересующим нас вопросам, а затем свой человек ехал в соседние хутора и передавал верным людям готовые решения, обыкновенно одному лицу только одну резолюцию, давая при этом, конечно, соответствующую инструкцию. Являясь на сход, выборный, после дебатов, просил слова и предлагал резолюцию, читая ее по бумажке. Гладко написанные фразы, отвечающие настроениям казаков, обычно принимались почти без изменения криками «в добрый час» и заносились в протокол решений съезда.

Таким образом, была провалена объявленная Мироновым мобилизация: «Не отказываемся от мобилизации, но требуем сначала роспуска и удаления Красной гвардии из Усть-Медведицы и выдачи предварительно оружия на руки подлежащим мобилизации». Затем, на приказ о сдаче казенного оружия, съезд ответил, что оружия в станице вообще очень мало и что оно необходимо для защиты станицы от появившихся на

севере банд. Наконец, было сделано постановление (следствие ареста и избияния урядника Осина), что в будущее время арест усть-хоперского гражданина может быть произведен только с разрешения местного совета, а если кто-либо будет арестован усть-медведицкими властями, то немедленно всем выборным с хуторов явиться на сход в Усть-Хоперскую с оружием и привести с собою каждому по пяти вооруженных казаков (хуторов в Усть-Хоперской станице свыше тридцати).

В каждом постановлении делалась приписка: «В целях поддержания связи разослать копии во все станицы округа для сведения». Говорят, что, читая усть-хоперские постановления, товарищ Миронов приходил в бешенство, кричал, рвал постановления, грозил карательным отрядом, но... дальше слов дело пока не шло.

Таким образом, забронировав себя последним постановлением от активного вмешательства усть-медведицких властей, Усть-Хоперская станица, получив название «контрреволюционной» и «белогвардейской», стала недвусмысленно готовиться к восстанию.

— Вот отпахаемся и начнем, — говорили казаки.

Но время шло, наступали праздники Св. Пасхи, чувствовалось, что если не начнем, то будем арестованы, ибо слухи уже проникли в Усть-Медведицу и местные шпионы-большевики усиленно зачастили свои визиты в окружной Совет к Миронову.

Ждать больше нельзя, все готово, нужен только толчок, только искра. Оружие, посланное из Усть-Медведицы в крестьянскую слободу Чистяковку и перехваченное казаками хутора Каледина, и явилось этим толчком. «Советская власть вооружает «хохлов» против казаков» — пронеслось по всем хуторам станицы; это переполнило чашу терпения и открыло глаза даже благожелательно смотревшим на советскую власть.

Что же в это время делалось за пределами Усть-Медведицкого округа? Что делалось на Украине? Что делалось на юге Дона? В этом отношении Усть-Хоперская была совершенно отрезана от остального мира — никаких сведений, никаких слухов. По советским данным, все обстоит благополучно, все тихо, все довольны. В последнее время даже газеты, из которых раньше можно было почерпнуть кой-какие сведения о событиях на Украине, стали задерживаться большевиком-почтмейстером. Правда, промелькнули было слухи, что в Новочеркасске что-то было на Пасху, что немцы подходят к Каменской, а ездившие в Обливы за солью казаки хутора Каледина говорили, что слышали будто бы орудийную стрельбу к юго-востоку от станции Обливская (Суровикино), но сведения эти были какие-то робкие, неуверенные, проверять их было трудно и небезопасно, и поэтому они быстро за-

глохли. Местный же почтмейстер, ярый сторонник советской власти, заявлял всем, что все это вздор, что всюду спокойно и советская власть установилась прочно и твердо.

На 24 апреля был назначен съезд Советов станицы. Если и это собрание кончится без результата, то ждать больше нечего. Лошади готовы, отдохнули, перекованы, в сумах заготовлены патроны и провизия: надо уходить на Украину, тем более что получено тайное предупреждение от одного из членов Усть-Медведицкого окружного Совета, что на днях из Усть-Медведицы в Усть-Хоперскую будет отправлена вооруженная команда для производства арестов, причем я должен быть арестован в первую голову.

Усть-Хоперское восстание.

«Журнал военных действий Усть-Хоперского отряда»

Начатое 24 апреля, на следующий день, то есть 25-го, мирно протекало совещание съезда Советов станицы Усть-Хоперской, занимаясь разрешением мирных жизненных вопросов и задач, неразрывно связанных с наступлением весны. Были и тихие мирные разговоры, прорезались и бурные прения, возбуждавшие весь съезд. Но время протекало, проходило возбуждение, и дело делалось своим обычным порядком.

Предстояло избрать делегатов на «Окружной Съезд Представителей Земельных Комитетов» и дать им соответствующий наказ, который являлся бы отзвуком на «Общие положения о земельных комитетах». Особенно не нравился станичникам маленький по размерам, но огромный по содержанию параграф положений, в котором указывалось на то, что «к предметам ведения губернских земельных комитетов относится: фактическое изъятие земли, построек, инвентаря, сельскохозяйственных продуктов и материалов из владения частных лиц».

Туманное представление о прелестях уравнильно-трудового пользования землей и инвентарем, неясное очертание глубин социализма уже и раньше мерещились многим казакам, не потерявшим еще здравый житейский смысл; уже давно некоторые поговаривали, что дело привело к тому, что у казаков только «кизи» казачьи остались; но были еще и такие, которые утверждали, что «земля есть дух», что «она не сделана руками человека», а потому, следовательно, она и не должна принадлежать никому. В то же время последние являлись собственниками, и твердыми, конечно, собственниками таких предметов социального обихода, как коровы, лошади, овцы и

прочая живность, которая, разумеется, ни в коем случае не могла быть делом рук человеческих.

Особенное упорство в отстаивании этого положения проявляло местное иногороднее население — «наплыв», по выражению казаков. Незначительная, преимущественно пролетарская часть казачьего населения старалась поддержать иногородних в этом отношении. Такое же, если не хуже, было и отношение к советской власти, к «красногвардии», как ее здесь называли, ко всяким съездам Советов и к декретам нынешнего правительства. Те же защитники и те же противники, то же соотношение сил. Особую тревогу в казачьем населении вызвал тот факт, что по постановлению окружного исполнительного комитета из Усть-Медведицы было отправлено несколько транспортов оружия для крестьянской слободы Чистяковки.

Желания советской власти оказались ясными и меры вполне недвусмысленными. Брожение началось и особенно усилилось после того, как вооруженные чистяковцы обстреляли чернышевских конвоиров, которые гнали пленных красногвардейцев. Чистяковцы хотели освободить последних. Такой оборот дела сильно не нравился казакам, и безоружные чернышевцы, попросив помощи у усть-хоперцев, решили ликвидировать чистяковское выступление. На братский зов в один момент откликнулись казаки хутора Каледина. Под руководством подьесаула Шурупова и с их помощью чистяковское дело было исполнено.

Просьба чернышевцев о помощи в Усть-Хоперскую станицу была передана в 2 часа дня 25 апреля Николаем Гавриловичем Гавриловым, который явился на съезд Советов, доложил выборным о ходе событий в районах станиц Казанской, Мигулинской и Чернышевской и прочитал постановление граждан хутора Большого об объявлении мобилизации в целях защиты своих интересов, освобождения от Красной гвардии и прочей социальной дребедени, которой так полны в настоящее время все стороны нашей жизни.

Искра была брошена, братский зов чернышевцев и большанцев был услышан, в 3 часа 30 минут дня соответственное решение было принято, и съезд вынес постановление, копия которого приводится ниже:

«Постановление Съезда Советов Усть-Хоперской станицы 1918 года, 25-го апреля № 144.

1. Общее собрание граждан станицы и хуторов постановило: не подчиняться существующей советской власти и всеми мерами задерживать красногвардейцев.

2. Немедленно приступить к принудительной мобилизации населения ст. Усть-Хоперской и прилежащих к ней хуторов (мужского пола), вышеозначенных поселений, способных носить оружие, от

17-ти по 50 лет включительно. Лицам духовного звания (священникам, дьяконам и псаломщикам) предоставляется право добровольной мобилизации.

3. Сейчас же мобилизовать подлежащие годы, выдать им нарезное оружие и патроны, находящиеся у населения; те лица, которые утаят оружие, подвергаются денежному штрафу в размере 500 рублей или 50 розгам.

4. Командный состав должен быть из офицеров, которым вменяется право распределять между собою все командные должности.

5. Начальником Гарнизона Усть-Хоперской станицы и прилежащих к ней хуторов (кроме Большого и Усть-Клинового) назначается войсковой старшина Голубинцев; Начальником Штаба Гарнизона подпоручик Иванов и Комендантом Гарнизона прапорщик Щелконогов, которые пользуются правами согласно правил старого устава о военной службе.

6. Лица, уклоняющиеся по неуважительным причинам идти с составившим населением на защиту интересов, а также за отлучку и побег после объявления мобилизации, подвергаются наказанию вплоть до смертной казни.

Подписал: Председатель *Никуличев*. Товарищ Председателя *И. Багров*. Секретарь *Токарев*».

Ответственное решение, таким образом, было вынесено, и от слов необходимо было прийти к делу. Первое и самое важное, что было сделано в этом направлении, это то, что на местный телеграф был поставлен контроль, дабы оттуда не могли дать сведений в Усть-Медведицу о положении на местах. Сейчас же в здание станичного правления были приглашены офицеры, которые были ознакомлены с решением съезда Советов и приглашены руководить народным движением. Тут же, часа через полтора-два, были сформированы конные разъезды из добровольцев и высланы по дорогам, ведущим к Усть-Медведице. Ознакомившись с положением дела, господа офицеры отправились на совещание, результатом которого явился приказ:

«Приказ По Гарнизону станицы Усть-Хоперской 25 апреля 1918 года № 1

1. Сего числа, согласно постановлению станичного схода, я принял на себя обязанности Начальника Гарнизона ст. Усть-Хоперской.

2. Приказываю подпоручику Иванову вступить в исполнение обязанностей Начальника Штаба гарнизона.

3. Поручику Пархоменко принять командование формируемой пешей сотней.

4. Прапорщик Русак назначается младшим офицером в пешую сотню.

5. Прапорщику Щелконогову вступить в исполнение обязанностей Коменданта станицы Усть-Хоперской.

6. В состав гарнизона ст. Усть-Хоперской входят хутора: Рыбный, Избушный, Бобровский и Зимовный, которым мобилизоваться сегодня в ст. Усть-Хоперской. Остальным хуторам станицы завтра, 26-го апреля, к 5-ти часам вечера прибыть для мобилизации на хутор Большой, Усть-Хоперской станицы.

7. Сотника Красноглазова назначаю командиром формируемой конной сотни.

8. Хорунжий Говорухин и прапорщик Наумов назначаются младшими офицерами в конную сотню.

9. Зауряд-прапорщика Красноглазова назначаю комендантом местной почтово-телеграфной конторы.

10. Зауряд-военному чиновнику Щеголакову состоять в распоряжении Начальника Штаба.

Начальник Гарнизона войсковой старшина *Голубинцев*.

Начальник Штаба Подпоручик *Иванов*».

Таким образом, народное движение получило первичную форму, первичный зародыш, из которого должна была развиваться мощная, истинно народная организация, отстаивающая свои права, свою жизнь, свою свободу. Необходимо было дать полную возможность этому зародышу развиваться, свободно работать вне опасности и вне влияния вредного элемента, зараженного духом преступно-безумного большевизма. Важно было, находясь под рукой противника, расположившегося в Усть-Медведице, наскоро создать прочную гарантию для успешного проведения мобилизации. Это было достигнуто. Временный контроль с почты был снят и заменен постоянной комендатурой. Начальник почтово-телеграфной конторы был арестован и отрешен от должности, которую занял почтово-телеграфный чиновник Гаврилов. По постановлению схода были арестованы вожаки местной «пролетарщины», среди которых был и почтальон. Между 4 и 5 часами уже были организованы конные разъезды и пешие посылы, которые к этому времени исполняли возложенные на них задачи, и уже к вечеру результаты этой работы сказались в том, что в Усть-Хоперскую были доставлены перебежчики, несшие в противный лагерь донесения о событиях, происходящих в станице. Но пойманы были не все, некоторым из них, явно уличенным и уже открытым, Куликову Ефиму (лет 17—18) и Даниилу (по-житейски Долька) Романову (лет 19—20) удалось добраться до Усть-Медведицы и ударить челом всесильному в то время Миронову, офицеру с темным и преступным прошлым, беспринципному честолюбцу. Подобное

паломничество было предпринято и еще кой-кем из местных жителей, между которыми были даже и женщины.

Между тем формирование сотен происходило ускоренным темпом, и указанные выше перебежчики дали Миронову сведения о численности уже сформированных к этому времени частей. Из перехваченной телеграммы видно, что противник имел сравнительно точные сведения о численности нашего отряда: «У аппарата товарищ Горячих и член Окружного Исполнительного Комитета Блинов. Сегодня из Усть-Хоперской прибегли два беженца, которые передали следующее: подполковник Голубинцев мобилизует от 17 до 50 лет, кто не желает, их заставляет силою оружия, даже и крестьян, пехоту и конницу. Пехоты в первый день уже набрали 150 человек и конницы 100 коней, но пока что оружия у них очень мало. В Вешенскую они послали делегацию за пушками. Есть сведения, что у них в Вешенской... орудий, посты их высланы в 12 верстах от Усть-Медведицкой и, кроме этих постов, заняты хутора Большой, Царица и хутор Каледин, где арестовали двух делегатов Чернышевской волости, которые везли двадцать...»

Для ограждения мобилизации от всяких случайностей и для более планомерной организации отдельных боевых частей по юрту станицы Усть-Хоперской были назначены два главных сборных пункта: один из них станица Усть-Хоперская, к которой отнесены были хутора: Рыбинский, Избушный, Бобровский и Зимовной; другой — хутор Большой, куда должны были отойти остальные хутора станицы. В первый же день стали поступать и донесения от разъездов со сведениями о противнике. Первое донесение поступило от прапорщика Наумова, начальника разъезда № 2, направленного в сторону Усть-Медведицы: «Разъезд № 2. 9 час. 25 мин. вечера. Хут. Кузнечиков. Начальнику Гарнизона ст. Усть-Хоперской. Доношу, что разъезд № 2 прибыл благополучно на хут. Кузнечиков. Переправа находится на хут. Шемякином, куда послано за ней 7 человек привести сюда. Хуторской председатель хут. Рыбного распорядился выслать 8 человек для охраны берега и 8 на дорогу. Мне донесено, что этим разъездом задержаны подозрительные лица, стремившиеся переправиться на лодке через Дон. По частным сведениям, партии большевиков переправляются обратно из Усть-Медведицы. Кроме того, сообщено, что какой-то Степка Рябой, видимо, Степан Федоров Андреев (Буза) отправился на Усть-Медведицу. Желательно узнать, дома ли он. Начальник разъезда прапорщик Наумов».

Самое живейшее участие в организации отрядов принял хутор Рыбный, жители которого без разговоров, как один человек примкнули к народному движению. Хутор Избушный несколько медлил,

под влиянием агитации подхорунжего Кривова, отдавшего дань большевизму.

Организация отрядов в хуторе Бобровском тормозилась разложившейся частью населения, под непосредственным руководством матроса Анфиногенова, у которого на хуторе было очень много родственников из иногороднего и казачьего сословия; но как бы то ни было, сильное чувство, бодрый дух и сознание правоты своего дела со стороны здорового элемента взяли верх, упрямое до бессмысленности тяготение к большевизму в первый же день было сломано, инертное отношение многих к происходившим и происходящим событиям разрушено и еле заметное раньше чувство великой и неотвратимой необходимости стало получать все более и более реальные формы. Чувствовалось беспомощное бессилие одних, преимущественно разделяющих платформу советской власти, их жалкая, недоумевающая растерянность, раскаяние прозревших «блудных сынов», возвратившихся с фронта, лихорадочность действий ставших у аппарата налажения организации и яркое, красочное спокойствие стариков, озаренное светлой, яркой и радостной надеждой на успех в предпринятом деле.

Везде и всюду витала эта надежда, эта радость начала воскресения, и только она одна окрыляла восставший народ и заставляла почти совершенно безоружные части совершить великий подвиг изгнания торгующих совестью из пределов родных полей. А недостаток вооружения был поразительный: существовали сотни, в которых к моменту выступления насчитывалось по 12 винтовок; пешие же части были совершенно безоружны. О средствах же, необходимых для приобретения довольствия и фуража, и думать было нечего. Эта надежда, эта тихая радость и тут совершила чудо, после которого положение стало совершенно определенным.

Начальником гарнизона станицы Усть-Хоперской было выпущено следующее воззвание к Вольным хуторам и станицам Тихого Дона:

«Ударил час. Загудел призывный колокол, и Тихий Дон, защищая свою волю и благосостояние, поднялся как один человек против обманщиков, угнетателей, грабителей мирного населения.

Отцы и братья казаки, в тяжелое время, в грозный час жизни, ушедшие на защиту Ваших интересов да не будут оставлены Вами!

Ваш долг и Ваша прямая обязанность накормить бойцов, сражающихся за Ваши и народные интересы, охраняющих тяжелым трудом добытое Вами добро.

Не пожалейте капли хлеба и провианта, дабы не отдать потом моря Вашего добра, ибо придет хам, а он уже близок, и от цветущих хуторов и станиц останется один пепел.

Стоя на страже сражающихся за Вас, приказываю каждому хутору, каждому поселению, впредь до особого распоряжения, наладить на первый случай своими средствами, на своих подводах подвоз и доставку провианта и фуража к частям, мобилизованным из этих поселений.

Помните — спорить не время. Каждая минута дорога. Дружно все, как один. За Тихий Дон! За Казачью Волю!

Начальник Гарнизона ст. Усть-Хоперской войсковой старшина *Голубинцев*. Начальник штаба подпоручик *Иванов*».

Это воззвание среди населения встретило в высшей степени теплый прием. Помогали все, кто чем мог и как мог.

26 апреля, в 6 часов утра, на имя начальника гарнизона станицы Усть-Хоперской было получено в штабе следующее донесение: «Разъезд № 2. 4 часа 35 мин. утра. х. Кузнечики. Начальнику Гарнизона ст. Усть-Хоперской. Доношу, что ночь прошла благополучно. Паром доставлен сюда на хутор. При высылке разъезда № 1 желательно снабжать казаков сеном, т. к. приходится быть в чистом поле. Настроение жителей к нам сочувственное, и, по словам хуторского председателя, хуторской сбор выразил вчера готовность защищать казачество. Начальник разъезда прапорщик *Наумов*».

Вскоре была сформирована и конная сотня, командир которой сотник Красноглазов получил уже предписание выступить на хутор Рыбный, отправив разъезды дальше в сторону Усть-Медведицкой. Одновременно с этим по хуторам ст. Усть-Хоперской и некоторым хуторам ст. Усть-Медведицкой были разосланы воззвания, копии которых приводятся ниже:

«Воззвание. Отцы и братья казаки! Пришел час решить судьбу Тихого Дона! Ваше счастье в ваших руках. Казачья доблесть требует от Вас только одного призыва, одного клича: К оружию! Не дожидайтесь особых приглашений. Поднимайтесь все, как один человек, в единой воле, в едином желании победить или умереть! Ибо теперь наша жизнь — наша победа! Наши Мироновы — наша смерть! Пусть погибнет один предатель с кучкой своих подлых приверженцев, дав право на жизнь и на лучшее будущее сотням тысяч лучших людей! Казаки, помните о Миронове! Помните о человеке, за чечевичную похлебку продавшем Дон и наводнившим его разнузданными бандами красногвардейцев. Казаки, помните Чистяковку, помните оружие, посылаемое для подкрепления ее в тыл Вам! Не забывайте «Иуд Искаротских», предавших Вас на разграбление. Оплевавших и опоганивших Тихий Дон. С первых же дней революции положивших на Вас пятно изменников. Связавших Вас по рукам и по ногам. Обезоруживших

Ваших сыновей и братьев для более легкой расправы с Вами. Казаки, помните о Мироновцах. Воскресите былую доблесть Донцов.

Начальник Гарнизона ст. Усть-Хоперской войсковой старшина *Голубинцев*. Начальник штаба подпоручик *Иванов*».

Второе воззвание всем хуторам, Советам и казакам гласило:

«Казаки, в трудное время недорода на ваших полях каждый день дает нашему округу все новые и новые шайки пьяных разнузданных красногвардейцев, проедающих ваши народные деньги, ваши трудовые гроши. Ваших сыновей и братьев обезоружили и устранили от охраны Родного Края, родных очагов, чтобы дать смертоносное оружие пришлым бандам хищников, призванных для установления порядка и уклада жизни у нас на Дону. Помните, ответственное решение принято. Все как один человек сплотимся в едином порыве, в едином желании добыть похищенную у нас волю и право распоряжаться самим собою. Боритесь за идеал свободы своей всеми средствами, какие найдутся в вашем распоряжении. Ни одного фунта хлеба, мяса, пшеницы грабителям красногвардейцам. Ни одной капли провианта для красногвардейских банд, ни одного сведения, ни одного слова доноса в вражеский стан. Дружно и с Богом вперед! Казаки, прошлая доблесть зовет вас исполнить свой долг до конца. С нами рука об руку идут Верхне-Донской, Первый и Второй Донские, Черкасский, Сальский и все низовье Дона.

Начальник отряда ст. Усть-Хоперской войсковой старшина *Голубинцев*. Начальник штаба подпоручик *Иванов*».

26 апреля начали поступать различные донесения, просьбы и представления хуторских обществ, которые показывали, что и на хуторах началась лихорадочная работа по организации движения. Председатель хутора Бобровского просил начальника гарнизона ст. Усть-Хоперской о разрешении выставить охрану вверенного ему хутора из переписей старого возраста, мобилизованных в хуторе. Охрана должна состоять из людей честных и стойко охраняющих интересы казачества, причем все подозрительное должно быть отставлено и отстранено от несения этой ответственной службы.

Хуторское общество хутора Девяткина прислало следующее постановление, которое отчасти показалось странноватым, ввиду того обстоятельства, что смысл его походил несколько на занимательное постановление присяжных заседателей, сводящееся к форме: «Невиновен, но не заслуживает снисхождения».

Девяткинцы оказались в этом постановлении отчаянными служби-стами и исполнителями постановления съезда Советов в ст. Усть-Хоперской: они звонко забряцали мобилизационным оружием, угрожая

«грабительским бандам» отказом в снисхождении, но все же отдали известную дань и, некоторым образом, «делегации». Привожу копию этого постановления: «Постановление. Мы, казаки хутора Девяткина на общем собрании 8 сего мая, выслушав доклад председателя нашего хутора Анфима Герасимова Милашева и постановление станичного сбора от сего числа № 144 о немедленной мобилизации всех казаков и лиц иногороднего ведомства от 17 до 50 лет для защиты казачьих интересов, постановили: согласно постановлению приступить к мобилизации, но так как много получено особенно тревожных сведений о нападении каких-то грабительских партий на окрестные населения наших казачьих хуторов, а в особенности о событиях в хуторе Шемякином и Чистяковской волости, послать делегатов в названный хутор и не выступать впредь до тех пор, пока не возвратятся делегаты и не осветят нас подробно о предстоящих опасностях.

Председатель собрания *Милашев*».

По-видимому, пресловутые делегации не вышли еще из моды на хуторе Девяткине, и, вероятно, всякие хотя бы и спешные дела и вопросы разрешались словами: «так что, нельзя ли делегацию, аргументом, которому в числе многих других за время «великих свобод» научились фронтовики.

Совсем иной характер носило постановление, вынесенное хуторским обществом хутора Тюковного. Освободительное движение, начавшееся в станице Усть-Хоперской, было единодушно поддержано тюковновцами. Они писали:

«Постановление. Общее собрание хутора Тюковновского под председательством Хуторского Атамана Иллариона Крючкова постановило:

1. Сейчас же мобилизовать всех казаков и иногородних лиц от 20 до 50 лет для защиты казачьих интересов и родного края от вторжения в пределы области красной армии и гвардии, которая уничтожает и истребляет жилища и хозяйство казаков.

2. Завтра же, 26 апреля, выступить на сборный пункт в хутор Большой в распоряжение Начальника Гарнизона, войскового старшины Голубинцева.

3. Все казаки, имеющие собственных лошадей, должны явиться на сборный пункт конными, в полном обмундировании, снаряжении и вооружении, у кого таковое имеется, как холодное, так и огнестрельное.

4. Пешие также должны явиться в тот же сборный пункт в полном обмундировании и вооружении.

5. Причем все казаки должны иметь провиант на три дня.

6. Хутор должен выслать при выступающем отряде три повозки, причем при них должно находиться по одному казаку.

7. Все подлежащие мобилизации казаки и иногородние должны без всякого сопротивления вступить в ряды. Лица же, не подчиняющиеся настоящему постановлению, должны быть объявлены изменниками и предателями и немедленно изгнаны из пределов Донской области.

8. В случае же появления дезертиров из нашего хуторского отряда подобные должны быть немедленно убиты как предатели.

Настоящее постановление утверждаем нашими подписями. Тюковновский Хуторской Атаман *Крючков*. Граждане хутора — следуют подписи».

Постановление общества хутора Еланского носило не такой страстный характер. Оно отличалось наиболее спокойным, деловитым и даже хозяйственным отпечатком в вопросе проведения мобилизации для защиты своих интересов. Не забыт был даже пастух Плешаков, которого общество освободило от призыва по мобилизации. Еланцы писали:

«Общее собрание граждан хутора Еланского, в своем полном собрании, от 26 апреля 1918 года, обсудив тяжелое положение родного края и согласуясь с постановлением хут. Горбатова, решило постановить следующее:

1. По обнаружившейся уже опасности решило немедленно принять меня к пресечению этой опасности в корне.

2. Немедленно же мобилизовать всех годных носить оружие с 17-летнего возраста до 55 лет. Причем постановили: а) уклоняющиеся от мобилизации подлежат смертной казни; б) за утайку оружия и вообще боевых припасов подлежат штрафу в 500 рублей и 50 розгам.

3. Командование нашей армией подлежит чисто офицерскому составу.

4. Собрание порешило оставить при хуторе пастуха Сергея Михайловича Плешакова.

Настоящее постановление общества хутора Еланского единогласно принято.

Председатель хут. совета *Растегаев*. Секретарь *Василий Дубровин*».

В то же самое время и Усть-Медведицкий Совет не оставлял Усть-Хоперской станицы без своего благосклонного внимания. Как бы незначай и между прочим, в станице было получено в высшей степени красноречивое предупреждение. Привожу его здесь, не меняя орфографии: «Предупреждение. Я, Командующий 1-ой Донской Революционной Армией, прибывши в Усть-Медведицу с целью разогнать контрреволюционные банды, в виду того что эти банды ушли в сторону, временно уезжая на ст. Себряково для регистрации оружия, предупреждаю всех граждан что если за время моего отсутствия будут при-

бывать агитаторы белой гвардии и население будет их поддерживать, а не предавать советской власти, представляя такими действиями возможность контр-революции поднять голову, то я двину всю свою 120.000 армию и не оставлю здесь камня на камне.

Командующий I-й Донской Революционной Армией *Горячих*.

Адъютант *Иван Барицков*. 1918 года, мая 8 дня н. с. Усть-Медведица № 1415».

Усть-хоперцы остались очень довольны вышеприведенным предупреждением, тем более что последнее ясно говорило как о целях посещения товарищем *Горячих* Усть-Медведицкого округа, так и о причинах его поспешного отъезда в Себряково. Как ни горяч был товарищ *Горячих*, все же в раскаленном воздухе юрта ст. Усть-Хоперской он не мог надолго акклиматизироваться, хотя на известную часть нашего населения и сумел навести известное настроение. Пошли толки о том, что в Усть-Медведицу переправилось более 500 человек социальной пехоты, вооруженной от пят до зубов, что уже к переправе подошли части двух кавалерийских полков, движущихся в подкрепление пешим красногвардейцам, что уже на Березках установлены пушки, готовые привести в чувство опьяневших стариков и контрреволюционеров станицы Усть-Хоперской. Охали, вздыхали, что дело уже пропало, что все мы погибли и т. д. и т. д.

Между тем Усть-Медведицкий исполнительный комитет во главе с социал-гражданином из мордобойц *Мироновым*, введенный в курс событий, совершающихся в Усть-Хопре, подкрепил предупреждение товарища *Горячих* обещанием порадовать усть-хоперцев присылкой в станицу карательного отряда 26 апреля к 9 часам вечера. Это любезное обещание было передано по телеграфу в форме разговора гражданина *Миронова* с председателем Совета *Ф. Никуличевым*.

Милую беседу привожу ниже. Вызванный к аппарату *Никуличев* говорит Усть-Медведице:

— Председатель *Никуличев*.

— Я военный комиссар *Миронов*. Я приехать не мог, ибо получил вашу записку вчера в 2 часа дня. Нет ли чего интересного и неприятного у вас в станице или хуторах?

Никуличев: Все спокойно, интересного, неприятного пока нет.

Миронов: Что делает в вашей станице полковник *Голубинцев*?

Никуличев: На съезде Советов его съезд просил организовать самозащиту от хулиганов, идущих под флагом Красной армии.

Миронов: С которой стороны и откуда они ждут этих хулиганов?

Н и к у л и ч е в: С верховьев Дона.

М и р о н о в: За что арестованы четыре человека?

Н и к у л и ч е в: По случаю недоверия населения.

М и р о н о в: Кто именно арестован?

Н и к у л и ч е в: Я сейчас сведения не могу дать. Когда узнаю фамилии, тогда сообщу.

М и р о н о в: Чем заслужили эти люди недоверие у населения?

Н и к у л и ч е в: Арестованы они для спасения их жизни.

М и р о н о в: Сейчас у нас есть беглецы из проходивших через вашу станицу и говорят другое — то, что у вас есть сейчас. Большинство членов окружного Совета у аппарата, предлагаем арестованных выслать сюда и вместе с ними выслать делегацию от станицы и от сформированного Голубинцевым отряда для переговоров к 9 часам вечера сегодня. Если это не будет исполнено, все последствия ложатся на товарища Никуличева и его соучастников.

Н и к у л и ч е в: Арестованы они народом, и без разрешения съезда выслать их не могу.

М и р о н о в: Без разговоров выслать арестованных и делегацию. За спину народа не прятаться, так делает сволочь в кавычках, о которой вы не писали.

Н и к у л и ч е в: Я за спину народа не прячусь, а исполняю его волю.

М и р о н о в: Мы члены окружного Совета, по воле того же народа, просим исполнить нашу просьбу, чтобы не пролить крови того же народа.

Н и к у л и ч е в: Мы крови проливать не думаем.

М и р о н о в: Категорически предлагаю исполнить, что сказано, в противном случае силою оружия заставаю исполнить. Просим не прикрываться флагом красноармейцев, пронося свой партизанский.

Н и к у л и ч е в: Посягательств на советскую власть нет, и партизан никаких нет. Я состою председателем, и все члены на местах.

М и р о н о в: Так, требования исполнить к 9 часам. С появлением карательного отряда в Усть-Хоперской оружие сдать без выстрела. Если это будет сделано, то Совет поверит вам. Помните, что вся ответственность ложится на вас. До свидания.

В момент ведения переговоров станица Усть-Хоперская располагала следующими силами: двумя пешими сотнями, сбитыми наспех из людей самого разнокалиберного состава, и одной конной сотней.

Пешие сотни были совершенно безоружны, одна из них, сотня прапорщика Русака, была даже отпущена на дом, в хутора Бобровский и Зимовновский. О вооружении конной сотни также долго говорить не

приходится. Словом, если бы карательному отряду действительно вздумалось оказать честь станице Усть-Хоперской своим посещением, то винтовкам, бомбам и пулеметам красногвардейцев станица могла бы противопоставить около сотни шашек, пять-шесть пик и 20—30 винтовок, среди которых видное место занимали обыкновенные охотничьи ружья. При таком положении дел перспектива борьбы с красными не могла обещать каких-либо положительных результатов, тем более что скомплектованные сотни в большом количестве были составлены из элемента, склонного к ведению войны митингами и делегациями.

Ни один час 26 апреля не обходился без митинга, ни одно приказание не исполнялось без долгих разговоров, особенно пешими сотнями. Временами казалось, что игру в освобождение от советской власти, затеянную 25 апреля, ожидает судьба мыльного пузыря, который под влиянием известных причин быстро принимает определенную форму, сохраняющуюся до известного предела... Как скоро наступит предел, за которым могла разразиться катастрофа, никто предугадать не мог. Но с каждым часом настроение делалось все более и более тревожным, элемент, социализирующий до большевизма, все выше и выше поднимал голову, становился все более и более задорным, но все же до решительных действий с этой стороны было еще далеко, и усть-хоперские большевики пока еще держались более или менее прилично, так как вчерашний подъем заставлял их работать за углами и не выступать открыто. Росту тревожного настроения способствовал факт задержания усть-медведицких мясников, которые приехали в Усть-Хоперскую для заготовки мяса. Мясники говорили, что на 27 апреля им заказано доставить мяса на 1000 человек. Местное население нервничало, и эта нервность передавалась штабу, который решил, в случае невозможности задержать противника перед Усть-Хоперской, отступить с отрядом по дороге на хутор Большой, где шло формирование отрядов двадцати пяти хуторов ст. Усть-Хоперской.

Мелкий упорный дождь, похожий на осенний, еще усиливал тревожность настроения. Пришлось пережить несколько тревожных часов. Осведомленный о положении станицы войсковой старшина Голубинцев в 6 часов 20 минут вечера писал подпоручику Иванову: «Завтра утром прибываю с хорошо вооруженным конным отрядом. Получил сведения, что у Миронова 46 человек конницы, пехота вся ушла. Миронов врет, примите меры на всякий случай. Отряд формирую из отборных людей — не беспокойтесь. Делегаций никаких не принимайте. Переговоры будем вести тогда, когда ни одной красной сволочи не будет в Усть-Медведице. Население поголовно восстало. Прибыли отряды (подъесаула Шурупова) из-под Чистяковки. Отбито оружие и

400 голов скота. Арестованных ни в коем случае не выпускать. Казаки горят желанием идти на Усть-Медведицу. Войсковой старшина Голубицев. Казаки, прибывшие из-за Дона, говорят, что красная гвардия бежит, бросая оружие. Делегаций не посылать».

После вышеприведенного сообщения командиры конной и пешей сотен были осведомлены о положении Усть-Медведицы и получили предписание держаться до последней возможности. Часов в 10 вечера штаб ст. Усть-Хоперской читал следующее: «Часа через 2—3 прибудет в Усть-Хоперскую 1-я конная сотня. Озаботьтесь квартирами. Фураж пусть сегодня дадут жители. К утру сено прибудет отсюда. Через 2—3 часа после 1-й сотни прибывает 2-я конная сотня, хорошо вооруженная. Послано за пулеметами. Завтра еще прибудут подкрепления. Общий подъем.

Войсковой старшина Голубицев».

Одновременно с этим было получено и распоряжение о высылке арестованных Аомова, Капустина и почтальона Перфильева с сыном. Арестованные в ночь были отправлены на хутор Большой. Настроение штаба улучшилось. Явилась бодрость и уверенность в успехе.

Чрезвычайный Съезд Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа

26 апреля после полудня на всех дорогах, ведущих к хутору Большому, видны были конные и пешие группы вооруженных казаков, направлявшихся туда для мобилизации. Отряды сопровождались подводами с провизией. К 5 часам вечера хутор Большой представлял обширный военный лагерь. На площади у училища хуторские атаманы и офицеры проверяли списки, оружие, патроны. Хуторские отряды сводились в сотни и передавались назначенным мною командирам, которые немедленно уводили свои сотни на квартиры в указанные районы для заканчивания формирования: разбивки на взводы, назначения младших начальников, распределения и учета имеющегося оружия и патронов.

Несмотря на темный дождливый день, настроение было бодрое, приподнятое и деловое. На хуторе Большом к этому времени уже была сформирована конная сотня, несшая ближайшую охрану хутора; от нее для охраны мобилизации и для разведки мною были высланы разъезды по направлению на Усть-Медведицу и Царицу.

С формированием приходилось особенно торопиться, так как из Усть-Хоперской, через несколько часов после моего прибытия на ху-

тор Большой, были получены тревожные сведения, что нервность там усиливается, и являлась опасность, как бы усть-хоперцы не начали войны с посылки делегации.

Следует еще учесть, что хутор Большой, в связи с событиями у Чистяковки, мобилизовался еще 24 апреля, но сейчас же, после порыва, и здесь уже началась реакция и страх расправы и ответственности уже заметно чувствовался.

— Еще бы, какая смелость! Объявили войну России! — шептали малодушные.

Весть о мобилизации станицы Усть-Хоперской и приглашении всем хуторам и станицам Усть-Медведицкого округа прислать своих делегатов в тот же день разнеслась по всем станицам к югу от Дона, и 26-го вечером на хутор Большой стали прибывать делегаты и представители от хуторов и станиц: Усть-Медведицкой, Распопинской, Краснокутской, Перекопской, Клеуцкой, Кременской и даже Чернышевской и Ново-Григорьевской. Успех усть-хоперской мобилизации произвел на всех огромное впечатление и поднял дух. Под влиянием этого впечатления в ночь с 26 на 27 апреля в училище состоялся «Чрезвычайный Съезд Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа».

Выслушав мой доклад о положении и о дальнейшем плане действий, а также доклад усть-хоперского делегата И.П. Короткова (впоследствии члена Войскового круга), съезд решил присоединиться к усть-хоперцам и немедленно мобилизовать все станицы и хутора Усть-Медведицкого округа, избрав начальника Усть-Хоперского отряда, войскового старшину Голубинцева Александра Васильевича «Командующим Освободительными Войсками Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа». Затем, по моему предложению, был избран «Совет Вольных Хуторов и Станиц» и продовольственная комиссия.

Привожу по памяти постановление съезда:

«Постановление Чрезвычайного Съезда Советов Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа 27 апреля 1918 г. хут. Большой Усть-Хоперской ст. № 1

Чрезвычайный Съезд делегатов от хуторов и станиц Усть-Медведицкого Округа, выслушав доклады Начальника Усть-Хоперского отряда войскового старшины Голубинцева и делегата Усть-Хоперской станицы Ив. П. Короткова, постановил:

1. Не подчиняться существующей Советской власти и объявить восстание против Советской власти, с целью изгнания красной гвардии из пределов округа и восстановления казачьей власти.

2. Объявляется мобилизация всех способных носить оружие до 50-летнего возраста.

3. Командующим Освободительными Войсками Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа назначается войсковой старшина Голубинцев; начальником Штаба подьесаул Сучилин.

4. По предложению войскового старшины Голубинцева избирается Совет Вольных Хуторов и Станиц при Командующем Освободительными войсками Усть-Медведицкого Округа в составе: сотника Веденина, хорунжего Лащенова, урядника Алферова, казака Алферова и казака Лащенова, с задачей чинить суд и расправу и содействовать распоряжениям Командующего Войсками по административной части, без права вмешиваться в военные и оперативные распоряжения Командующего Войсками.

5. Избирается продовольственная комиссия в составе: о. Николая Попова, Н.Г. Гаврилова и др.

6. Делегатам съезда немедленно развезти настоящее постановление съезда и оповестить все хутора и станицы для сведения и исполнения. Подписи делегатов съезда».

Съезд закончился на рассвете 27 апреля, и делегаты поскакали в свои хутора и станицы, развозя весть о всеобщем восстании и призыв к мобилизации.

Здесь я должен сделать маленькое разъяснение, ибо у многих должен естественно явиться вопрос: для чего, собственно, надо было избирать Совет, хотя бы и «белый»? Следует отметить, что, кроме положительных сторон обстановки, были, как всегда, и отрицательные — прибывали делегации от дальних хуторов и станиц и даже из соседних округов ознакомиться с ходом и характером восстания, с целью и шансами на успех и т. п., причем в составе этих делегаций были преимущественно фронтовики. Многие из них открыто заявляли, что они, собственно, не против «советов», но против «Красной гвардии»; отравленные ядом свобод и митингов, они еще очень боялись «старого прижима», дисциплинарной власти начальников и т. п.

К сожалению, это были не только казаки, но и некоторые молодые офицеры производства Керенского, вошедшие во вкус ролей «председателей» и «членов» всяких комитетов. Распускались слухи, как бы невзначай, о «старорежимности» бывшего командира 3-го полка.

Учитывая все это, вместе взятое, а также отлично зная психологию фронтовиков, еще в начале революции вкусивших прелесть распущенности, и наслушавшись за последние два дня речей и пожеланий, в которых явно сквозила боязнь «старого режима», «начальников», какая-то нежность и даже благоговение к модным словам «совет», «председатель», я решил, дабы не скомпрометировать и не погубить движения в самом его начале, потребовать от съезда избрания Совета, надеясь его исполь-

звать как ширму в борьбе с намечавшейся уже оппозицией, как политической, так и «шкурной» главным образом; правда, еще пока робкой и придавленной общим подъемом. Кроме того, имея при себе Совет, я тем самым «вырывал зубы» у оппозиции и мог его использовать, проводя в жизнь мои административные распоряжения по гражданской части.

К сожалению, Совет, а главным образом его председатель, не оправдал моих надежд и скорее служил мне тормозом, чем помощником. Правда, как «фирма», Совет сильно связывал красноватую оппозицию и особенно противника, ослабляя их агитацию только одним фактом своего существования. В первое время Совет состоял из пяти членов: председателя сотника Веденина, хорунжего Лащенко, урядника Алферова и еще двух казаков. Хорунжий Лащенко, видя недостаток в офицерском составе в частях, еще в самом начале просил откомандировать его на фронт. Урядник Алферов, присутствуя как-то при приеме мною одной делегации из Верхне-Донского округа, глубоко мысленно заметил, что он, собственно, по убеждению тоже большевик, но только «идейный». Стоявший во главе Совета сотник Веденин, офицер военного времени, производства Керенского, из народных учителей, социалист, с самого начала повел тайную агитацию против меня, как «контрреволюционера» и монархиста. Правда, цели он не достиг, казаки отнеслись к нему враждебно и с недоверием, а на хуторе Карасеве, где он решился задать старикам вопрос, доверяют ли они бывшему командиру 3-го полка, его даже прогнали с майдана и чуть не избили. Затем, в тяжелое время, когда красные подходили к Усть-Медведице, он через какую-то сестру милосердия завел сношения с Мироновым. К сожалению, я тогда еще не мог его повесить, а впоследствии, когда положение окрепло, он улизнул благоразумно куда-то в тыл, на юг. О дальнейшей его судьбе я сведений не имею.

Несмотря на общий видимый подъем, все же не чувствовалось особенной твердости и приходилось быть особенно бодрствующим и осторожным в распоряжениях, балансируя так, чтобы не свалиться ни вправо, ни влево. Задача у меня была, на первое время, ввиду отсутствия связи с остальным миром и неясной обстановки, резко очерчена: освободить округ от красных, не навязывая насильно казакам того или другого режима или способа управления. Затем, по очищении округа, созвать окружной съезд и решить дальнейшую судьбу округа. В этом смысле и даны были мною обещания, в моей речи, чрезвычайному съезду. Желанием сдержать свое слово объясняется и мой отказ занять должность окружного атамана, вопреки состоявшемуся уже назначению, этим же объясняется и созыв окружного съез-

да, несмотря на отсутствие необходимости в нем и даже на то, что мне из Новочеркаска дали понять, что съезд вообще лишний, но мне его разрешается собрать, если я считаю это по каким-либо соображениям желательным; хотя я и разделял это мнение, но старый офицерский принцип держаться данного слова заставлял меня настаивать на созыве съезда.

Желая, для пользы дела и по обстановке, придать восстанию широко народный характер, я в первое время даже не требовал обязательной замены Советов атаманами, считаясь с тем, что на майдане станицы Усть-Хоперской 25 апреля находились еще ярые до истерики защитники Советов; тем не менее, через 24 часа ни одного Совета не было — старики делали свое дело.

Впоследствии мои друзья и единомышленники выражали мне свое удивление и недоумение, как я, царский офицер, убежденный монархист и консерватор, терплю при себе «совет», хотя бы и «почти белый»; не утвердил выбранного Усть-Медведицей окружного атамана, устранял иногда блестящих и прямых офицеров-начальников только потому, что они не могли справиться и ладить с распущенными казаками. Да, все это было так, и делал я это с болью в сердце, но этого властно требовала обстановка, иначе было нельзя — цель оправдывала способы и средства. Я ясно отдавал себе отчет, что все эти меры были только временного, внешнего, чисто тактического характера, своего рода необходимым по времени успокаивающим средством для еще частью больного, нервного и будирующего организма, ибо в толще своей население было глубоко консервативно и «красная лихорадка» только слегка задела фронтовую молодежь.

Освободительная армия Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа

В первые дни восстания работа была особенно напряженной, не прекращавшейся даже ночью. Обстановка требовала быстро создать достаточно сильный кулак, так как 26 апреля было получено из хутора Горбатова донесение, что отступающий из Ростова отряд Подтелкова — «красного атамана Дона» — направляется на Усть-Медведицу и, весьма вероятно, будет проходить через хутор Большой, родной хутор Подтелкова, в котором жили его отец и жена — «донская царица», по выражению большинства. Кроме того, необходимо было срочно послать подкрепления в Усть-Хоперскую, где нервность усиливалась, после моего отъезда на хутор Большой для проведения мобилизации.

В ночь с 26 на 27 апреля, когда еще в приходском училище хутора Большого шло заседание Чрезвычайного Съезда Хуторов и Станиц, на площади перед училищем строилась едва законченная формированием 2-я конная сотня подьесаула Шурупова для выступления в Усть-Хоперскую. В ту же ночь был сформирован штаб командующего войсками. Начальником штаба мною был назначен кадровый офицер, подьесаул Сучилин Михаил Давидович¹⁵⁵. На площади перед зданием штаба взвился большой флаг командующего Освободительной Армией.

На очереди стояло разрешение двух важных вопросов: о довольствии людей и лошадей и об оружии. Первый вопрос разрешился пока довольно легко: на хуторе Большом оказались громадные запасы войскового сена, а владелец местной мельницы Николай Гаврилович Гаврилов пошел сам навстречу, предложив на первое время в достаточном количестве муку для печения хлеба. Организацией, учетом и распределением фуража и довольствия, а также организацией хлебопечения занялась продовольственная комиссия, в состав которой, кроме других лиц, входили Н.Г. Гаврилов и местный священник о. Попов.

Более остро стоял вопрос об оружии. Конные сотни были вооружены винтовками — одна на трех всадников и по 5—10 патронов на винтовку. У пеших хуторских отрядов винтовок совершенно не было, и поэтому я решил их отправить пока на свои хутора, возложив на них несение гарнизонной службы и охрану своих хуторов. О пулеметах и пушках не могло быть пока и речи. Недостаток оружия объясняется тем, что некоторые полки Усть-Медведицкого округа, придя с фронта домой, демобилизовались и неосторожно сдали оружие в войсковые склады, находившиеся в зоне красного контроля.

Еще 25 апреля из станицы Усть-Хоперской была послана в Вешки депутация просить оружия, но надежды на скорое получение было мало, поэтому я решил попытаться счастья и достать его у немцев, по слухам, занимавших станцию Чертково. С этой задачей был послан подьесаул Грошев; миссия его увенчалась успехом, и через несколько дней, а именно 7 мая, я получил первый транспорт оружия: 8 пулеметов, несколько сот винтовок и 50 артиллерийских снарядов. С получением оружия хутор Большой принял оживленный вид: застучали мастерские, исправляя и налаживая оружие, обучались вновь созданные команды пулеметчиков и молодых казаков.

27 апреля мною был выпущен 1-й приказ Войскам Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого округа с объявлением о моем вступлении в командование восставшими казаками. В приказе была объявлена цель восстания, общая обстановка и даны общие директивы по

организации борьбы. Предписывалось старшим офицерам, находящимся в станицах Распопинской, Клецкой, Кременской, Краснокуцкой, Перекопской и Ново-Григорьевской (последняя 2-го Донского округа), организовать оборону и, вступив в командование, со званием начальников обороны, в районах своих станиц немедленно произвести мобилизацию населения; сформировать сотни и полки; связаться с соседями вправо и влево; вести разведку и ежедневно два раза присылать подробные донесения об общей обстановке, о противнике и о настроении жителей. Были высланы разъезды в Верхне-Донской округ и на юг для розыска и связи с отрядами 2-го Донского округа.

К вечеру 27 апреля в моем распоряжении было восемь сформированных конных сотен, вооруженных на $\frac{1}{3}$ винтовками с 5—10 патронами на каждую винтовку, две пешие сотни, 25 хуторских отрядов, почти безоружных, и конвойная полусотня из тюковновцев. Пехота по недостатку оружия была отправлена временно в свои хутора для обучения. Конница распределялась следующим образом: две сотни в Усть-Хоперской для обороны станицы и разведки на Усть-Медведицу и на север, одна сотня несла службу летучей почты на хуторе Горбатове с разведкой на юг и юго-восток и четыре сотни в резерве на хуторе Большом.

Чувствовалось, что положение крепло, и можно было взяться и за Усть-Медведицу. Прибывшие в Усть-Хоперскую подкрепления сильно подняли дух усть-хоперцев, и они уже нетерпеливо спрашивали, когда же будем брать Усть-Медведицу.

Взятие Усть-Медведицы

28 апреля, около полудня, я отдал приказ о наступлении на Усть-Медведицу. Атака была назначена на рассвете 29-го, для чего было приказано:

1. Подъесаулу Говорухину Вас. Мих.¹⁵⁶ 28 апреля вечером, с наступлением темноты, с двумя пешими сотнями и одной конной выступить из Усть-Хоперской на Усть-Медведицу, наступая по правому берегу Дона с таким расчетом, чтобы на рассвете атаковать Усть-Медведицу.

2. Сотнику Красноглазову с конной сотней ночью у хутора Кузнецики переправиться на левый берег Дона, с задачей отрезать путь отступления красным из Усть-Медведицы.

3. Есаулу Говорухину Фед. Ив.¹⁵⁷ 28 апреля, в 14 часов, с двумя конными сотнями выступить из хутора Большого в район хуторов Царицы, где сделать привал, и оттуда начать наступление на Усть-

Медведицу, с таким расчетом, чтобы на рассвете 29 апреля атаковать Усть-Медведицу с юга, одновременно с усть-хоперцами.

Ободренные успехом мобилизации, усть-хоперцы погорячились и, не дождавшись выхода обходной колонны сотника Красноглазова в тыл Усть-Медведице и подхода со стороны Царицы двух конных сотен есаула Говорухина, еще до наступления рассвета, ночью, сбив и захватив заставы красных, заняли Усть-Медведицу. Окружному комиссару Ф. Миронову с приверженцами и частью красногвардейцев удалось бежать в слободу Михайловку.

Перебив часть красных, усть-хоперцы захватили первые трофеи: 5 пулеметов, 400 винтовок и 150 пленных. Овладев Усть-Медведицей, первым делом повстанцы бросились к тюрьме и освободили политических узников, главным образом офицеров, в числе которых был доблестный партизан сотник Долгов, впоследствии войсковой старшина и командир одного из усть-медведицких конных полков (убит в 1920 году в бою у станицы Константиновской, в отряде полковника Ф. Назарова).

С захватом Усть-Медведицы я объявил мобилизацию всему округу. За Дон были посланы офицерские разъезды с задачей поднять население и произвести мобилизацию. Сравнительно хуже, чем в других станицах, шла мобилизация в Усть-Медведице. Такого порыва, как у усть-хоперцев, далеко не было; мобилизовались медленно, неохотно, выжидая дальнейших событий, выяснения дальнейшей обстановки; чувствовалась какая-то нерешительность, даже офицеры не все явились на регистрацию, что побудило меня выпустить резкий приказ с угрозой предания полевому суду всех уклоняющихся от исполнения своего долга.

Пассивность Усть-Медведицы вызывала резкие нарекания усть-хоперцев. С захватом Усть-Медведицы, казалось, наступательный порыв у казаков исчез и поднять их на энергичное преследование противника не представлялось возможным. Все пока держалось на исключительной доблести и самопожертвовании офицеров, учащейся молодежи и особенно стариков, своим авторитетом влиявших на фронтовиков.

Особенно следует отметить энергию и деятельность некоторых офицеров: подьесаула Бабкина (убит в 1918 году), сотника Долгова (убит в 1920 году), подьесаула Емельянова (убит в 1918 году), подьесаула Алексеева, есаула Гордеева, подьесаула Забазнова, сотника Попова, гвардии сотника Рубашкина¹⁵⁸ (впоследствии генерала и начальника дивизии), есаула Коновалова и многих других.

В первый же день по занятии Усть-Медведицы подьесаулом Бабкиным был сформирован из местной учащейся молодежи партизанский

отряд, силою в 100 человек; почти одновременно с ним из учащих, охотников-казаков и офицеров станицы Клецкой сотник Долгов формирует второй партизанский отряд, такой же численности. В первые же дни подъесаул Емельянов сформировал конную сотню из казаков-добровольцев; и по общей мобилизации из усть-медведицких казаков станицы и прилегающих хуторов начал формироваться Усть-Медведицкий конный полк.

На радостях, после освобождения станицы, собрался местный поселковый Усть-Медведицкий сход и избрал окружным атаманом подъесаула Х. (фамилии не помню).

Присланное на другой день мне постановление об избрании на утверждение я не мог утвердить, хотя кандидат был вполне достойный офицер, и отменил выборы, мотивируя свое несогласие тем, что в выборах принимала участие лишь одна Усть-Медведицкая станица, даже без участия своих хуторов, и, таким образом, конечно, не могла выражать воли не только всех свободных станиц округа, но даже одной Усть-Медведицкой станицы в целом.

Но главным образом я отменил выборы потому, что считал еще несвоевременным назначение окружного атамана, так как это дало бы повод и лишний козырь для агитации красным всех оттенков, еще не изживших революции, о возвращении к старому режиму и т. п., ибо среди казаков и, особенно, местных «интеллигентов» еще было много таких, которые говорили, что они борются, собственно, не с советской властью, а с «красной гвардией» и что они тоже большевики, но только «идейные» и прочее... Но чтобы все же установить гражданскую власть в округе, я на другой день пригласил в окружное правление местных нотаблей и, ознакомившись с положением и желаниями, назначил «Заведующим Делами Управления Окружного Атамана» гв. подъесаула Хрипунова, местного жителя и бывшего юриста, которому предложил немедленно вступить в исполнение обязанностей и наладить и восстановить расшатанный революцией порядок. Начальником полиции назначил полковника Попова. В дальнейшем во внутреннюю жизнь Усть-Медведицы я не вмешивался, предоставив гражданскую власть подъесаулу Хрипунову.

Станицы по правому берегу Дона: Распопинская, Клецкая, Перекопская, Кременская и 2-го Донского округа Н. Григорьевская, получив мой приказ о мобилизации, сейчас же приступили к формированию конных и пеших сотен под руководством начальников обороны из старших офицеров, находившихся в данный момент на местах. Мобилизация шла успешно, лишь не хватало винтовок и пулеметов, и я был завален просьбами от станиц о скорейшей присылке оружия. Советы почти всю-

ду были уничтожены: вновь появились станичные и хуторские атаманы. От всех станиц за Дон были высланы разъезды для разведки и поднятия восстания.

V В первые же дни после Усть-Хоперского восстания по реке Куртлаку, к юго-востоку от хутора Большого, мобилизовались казаки прилежащих хуторов и составили Куртлакскую группу под командованием гвардии есаула Сутулова¹⁵⁹. В первой половине мая есаул Сутулов прибыл на хутор Большой с просьбой об оружии. Я уделил ему часть винтовок и два пулемета из первого транспорта оружия, полученного от немцев. Куртлакская группа получила задачу вести разведку на юг и восток и связаться с 2-м Донским округом, где, по слухам, также началось восстание.

Что же касается задонских станиц, по реке Медведице, то там еще господствовал страх перед Мироновым, колебание и нерешительность, еще много голосов было за «нейтралитет». Мобилизованные там отряды были ненадежны и малочисленны; являлись еще смелые агитаторы и сторонники большевиков, главным образом из иногородних, осмеливавшиеся вызывающе выступать на майдане станицы Кепинской с речами против мобилизации и борьбы с «народной властью». Для прекращения в корне опасной заразы пришлось применять крутые меры для вразумления одних и острастки других, слишком ярких сторонников советской власти.

Общее положение после занятия Усть-Медведицы было следующим: красные отряды, выбитые из Усть-Медведицы, поспешно отошли к Михайловке; туда же бежал и Миронов со своими «главковерхами». По пути Миронов, задержавшись для смены лошадей на почтовой станции в станице Арчадинской, страшно нервничал, торопился, волновался, грозил присылкой больших карательных отрядов...

Район округа за Доном, между левым берегом Медведицы и Доном, до станицы Кепинской включительно, был очищен от красной администрации и отрядов и занят нашими разъездами, высланными для производства мобилизации. Станицы же по правому берегу реки Медведицы Глазуновская, Скуришенская, Арчадинская еще были заняты красными, получавшими директивы из Михайловки.

Миронов, оправившись после первого поражения и получив подкрепление матросами со станции Филоново, а также мобилизовав мужиков в слободах Михайловке, Сидорох и других крестьянских слободах, расположенных к северу от железной дороги Филоново—Царицын, 2 мая предпринимает усиленную разведку с целью перехода вновь в наступление на Усть-Медведицу. Сеть красных отрядов, высланных из Михайловки, усиленных матросами, 3 мая занимает станицы Глазуновскую, Арчадинскую и Скуришенскую.

С 4 мая начинаются столкновения наших передовых частей и разъездов с перешедшими в наступление красными, сначала у станицы Кепинской, где в конной атаке был убит доблестный сотник Емельянов, затем в станице Глазуновской, куда на рассвете разъезд усть-хоперцев в 28 коней, налетев на станицу, захватил пленных, лошадей, телефонное имущество и дал возможность бежать находившимся в станице под наблюдением красных офицерам 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка, остававшимся в ст. Глазуновской после роспуска полка по домам.

5 мая у хутора Зимняцкого партизанский отряд подьесаула Бабкина до поздней ночи, неся большие потери убитыми и ранеными, оказывал упорное сопротивление превосходившему по численности и вооружению отряду матросов. В этом бою был убит начальник отряда, доблестный подьесаул Бабкин. В командование вступил подьесаул Алексеев, долгое время затем блестяще руководивший боевой деятельностью отряда. Тесня наши малочисленные, почти лишенные патронов части, красные упорно наступали на Усть-Медведицу.

6 мая донесения с фронта были одно тревожнее другого. Наши части под напором противника медленно приближались к Дону. Тишина темной, теплой майской ночи лишь изредка нарушалась резкими ружейными выстрелами. Усть-Медведица агонизировала. Отходившие за Дон отряды еще более усиливали нервность и подавленность. Настроение падало. Необходим был новый импульс, новый толчок для поднятия духа и энергии.

В станице Глазуновской

Для того чтобы дать представление о настроении казаков и о положении в станицах, лежащих к северу от реки Дона, я, на основании личных впечатлений и докладов господ офицеров, останавлиюсь на описании жизни и событий в станице Глазуновской после прихода туда с фронта 3-го Донского Казачьего Ермака Тимофеева полка, одного из наиболее крепких полков донской конницы.

3-й Донской Казачий полк, один из блестящих полков Императорской армии, гордый своими боевыми делами и железной дисциплиной, овеянный боевой славой дедов, еще со времен Шанграбена; почти наполовину состоящий из георгиевских кавалеров, в числе которых был и известный всей России Кузьма Крючков, первый георгиевский кавалер Великой войны, находился в резерве, в Бессарабии, в окрестностях города Болграда, залечивая свои раны и отдыхая после боев и славных дел в Восточной Пруссии, Галиции, Карпатах, Полесье и Добрудже, где у

деревни Каранасуф конной атакой двух сотен, есаулов Голубинцева и Красовского, опрокинул, изрубил и забрал в плен укрепившиеся в деревне 7-ю и 8-ю роты и пулеметную команду 53-го пехотного болгарского полка и, развивая успех, очистил весь район, занятый частями болгарской конницы генерала Колева. Везде и всюду славные и славные дела. Дух отцов витал в рядах полка.

Революция... С грустью выслушали казаки весть об отречении Императора, опустили чубатые головы. Временное правительство... Приказ № 1-й, затем несчастье России — Керенский, затем большевики... Развал... Не стало фронта, и полк, по зову атамана Каледина, сохранив полную дисциплину, во всеоружии, во главе с командиром полка, войсковым старшиной Голубинцевым, со всеми офицерами 12 декабря 1917 года со станции Бельцы тронулся на Дон.

Никто по пути не осмелился остановить или задержать полк, и только когда полк подходил к станции Лозовая, из Полтавы и Харькова, чтобы перенять полк, шедший, по мнению большевиков, к атаману Каледину на помощь, двинуты были четыре эшелона большевиков. Торопясь домой и не желая ввязываться в бой и задерживаться, полк не пошел навстречу красным, а, заняв станцию Лозовая, остановился для обороны и затем, разобрав за собою железнодорожный путь на 4 версты, через два дня беспрепятственно двинулся дальше.

Вот уже близок Дон, но надо проехать красный Царицын, где сидит товарищ Минин. Головной эшелон — две сотни и учебная команда — под общей командой есаула Красовского, был двинут командиром полка на Царицын с директивами действовать по обстановке.

Медленно эшелон подходит к перрону. Вокзал запружен серой солдатской массой, щелкающей семечки. Закрытые вагоны; ни одного казака снаружи; таинственная тишина насторожила всех и удивила. Из классного вагона выходит начальник эшелона, за ним следуют в полной форме, с шеvronами и Георгиевскими крестами, два ординарца и направляются в город, в находившийся недалеко от вокзала военно-революционный комитет. Толпа солдат на перроне с удивлением расступается, давая дорогу.

В военно-революционном комитете начальник эшелона требует дать паровоз для следования дальше. На предложенные в военно-революционном комитете вопросы и поставленные условия начальник эшелона не счел нужным давать объяснений, а подтвердил категорически свое требование — дать немедленно паровоз для дальнейшего следования, угрожая в случае задержки или отказа эксцессами, которые могут быть крайне печальными для военно-революционного комите-

та. Уверенность в собственных силах и настойчивость произвели впечатление, и путь полку был открыт.

Рождество. Полк в родной станице Глазуновской. Но дома не все благополучно: большевики нахлынули на Дон. События быстро чередуются к худшему. В Усть-Медведице сменен окружной атаман и властвует военный комиссар, изменник и предатель, войсковой старшина Миронов. В слободе Михайловке, населенной мужиками, уже прочно обосновалась красная рвань. В январе в Михайловке зверски убито 36 офицеров. Казаки колеблются, вид смущенный, смотрят хмуро. Весть о смерти Каледина. Общая растерянность. Начались митинги, созываемые усть-медведицкими гастролерами, на которых восхваляется советская власть, завоевания революции, сулят всякие блага, уговаривают казаков выбрать командный состав, дабы не показать себя «несознательными» и не отстать от революции.

На одном из митингов приезжий из Усть-Медведицкого революционного комитета чумазый солдат и еще какой-то делегат предлагают полку выбрать нового командира: «Товарищи, выбирайте казачка, зачем обязательно офицера, вот мы в Усть-Медведицком комитете, хотя и малограмотные, а работаем же, оно, правда, трудновато, но справляемся!» Несколько казаков хмуро заявляют, что они довольны командиром и нет надобности выбирать нового. «Да, это так, товарищи, — заявляет усть-медведицкий делегат, — может быть, он и хорош, но все же он барин, лучше бы своего, трудового казака». Наконец, после долгих дебатов и пререканий, не желая, по-видимому, ударить лицом в грязь и показать себя «несознательными», решают: «Просить командира полка и гг. офицеров прибыть на митинг полка».

Здесь командиру полка, войсковому старшине Голубинцеву, усть-медведицкие делегаты ставят вопрос: согласен ли он вести полк в Михайловку для борьбы с контрреволюционными бандами, наступающими с севера? Командир ответил, что считает войну законченной, а на братоубийственную войну он полк не поведет. Такой ответ казакам, уставшим от войны, импонировал, но делегаты и кучка своих крикунов настояли на своем. Начались выборы командира полка. Войсковой старшина Голубинцев ушел домой. «Честь» выборного командира была предложена по очереди всем офицерам, но все категорически отказались. Среди подхорунжих и вахмистров также не нашлось охотника баллотироваться в командиры.

После долгих споров пришли к заключению: «Просить опять полковника Голубинцева». Избрали делегацию.

— Теперь он пошлет всех вас к такой-то матери, а нас выгонит! — заявили делегаты и отказались идти.

Начались споры. Митинг затянулся. Простояв несколько часов на морозе без результата, казаки мало-помалу разбежались по домам. Оставшаяся кучка, человек тридцать, избрала командиром полка нестроевого казака Семена Пономарева, портного из очень бедной и малопочтенной семьи. «Дома у него не за что коня привязать!» — говорили про него казаки. Товарищу Миронов между тем настойчиво требует полк в Михайловку, обещая деньги, сахар, одежду и т. п.

Учитывая общее положение и настроение казаков и имея еще ранее соответствующие инструкции от Войскового атамана генерала Каледина, командир полка, войсковой старшина Голубинцев, отдал приказ об увольнении всех казаков полка в бессрочный отпуск с оружием. В тот же вечер и ночью, благодаря старанию командиров сотен и офицеров, казаки, получив отпускные билеты и жалованье, разъехались по домам. Остался лишь для ликвидации казенного имущества «военно-революционный комитет», в который, по секретному предписанию командира полка, с целью сохранения имущества от расхищения, да и вообще как сдерживающее начало, вошел подъесаул Попов Владимир Вас. (убит в бою под Царицыном). Господам офицерам дана была возможность уехать, кто куда пожелал.

✓ На другой день после выборов новый «командир», исполняя волю Миронова, приказал полку к 8 часам утра собраться в станице Скуришенской для следования в Михайловку; но на сборный пункт прибыли только «командир» и два казака, жившие с ним на одной квартире, а остальные казаки полка уже были у себя на хуторах или оставались в Глазуновской, совершенно игнорируя распоряжение и считая себя в законном отпуску.

✓ Через несколько дней, 15 февраля, войсковой старшина Голубинцев уехал в Усть-Хоперскую станицу, дав соответствующие инструкции остававшемуся в Глазуновской есаулу Красовскому. Большая часть господ офицеров также разъехалась по домам. Простились офицеры с казаками очень миролюбиво и даже сердечно. Уезжавший в Усть-Медведицу командир 4-й сотни есаул Коновалов Андроник¹⁶⁰ при прощании сказал казакам пророческую фразу: «Погодите, весною нас еще позовете!»

Характерно отметить, что вскоре после выборов командира к войсковому старшине Голубинцеву явился штаб-трубач Черников, член полкового военно-революционного комитета, один из наиболее, казалось бы, сочувствовавших новым порядкам, с просьбой о разрешении ему вступить в брак.

— Зачем ты ко мне обращаешься, — заметил ему войсковой старшина Голубинцев, — теперь у вас есть выборный командир, к нему и отправляйся!

— Что Вы, Ваше Высокоблагородие, — взмолился Черников, — смеетесь, как я могу обращаться за разрешением к такой сволочи? Мне надо разрешение от настоящего командира, а не от Семки Пономарева!

Итак, казаки разъехались по домам, остался военно-революционный полковой комитет, которому власть была, видимо, по душе. Но ни авторитетом, ни уважением революционный комитет не пользовался, ибо более хозяйственные казаки разъехались по своим хуторам и занялись хозяйством, а в комитете осталась лишь «голь», которой домой незачем было особенно торопиться.

Для характеристики отношения казаков к комитету приведу еще одну сцену. Едва только комитет приступил к ликвидации имущества полка, как от казаков стали поступать требования об удовлетворении их лошадьми, в обмен за убитых или пришедших в негодность. В числе других, требуя коня, явился в комитет казак Иван Хрипунов, георгиевский кавалер, бежавший из немецкого плена, побывавший в Голландии, в Англии и, наконец, явившийся в полк. «Подожди, Ваня, дай разобраться, — говорит председатель комитета приказный Мокров, бывший денщик, утирая рукавом мокрый лоб. — Видишь, как трудно, у нас на лбу каплями пот выступает, работаем не покладая рук и никак не поспеваем». — «Удивительно, — отвечает Хрипунов, — был командир и один все успевал делать, а вас тридцать дураков, получаете по 30 рублей суточных каждый и ничего не можете делать, сволочи!» — «Да ты не ругайся, не то, знаешь, мы с тобой справимся и заставим уважать комитет!» — загорячился было председатель, принимая угрожающий тон. «Коня, сволочи!» — кричит расходившийся Хрипунов и бросается с плетью на председателя. Произошла свалка, и, наконец, торжествующий Хрипунов, при всеобщем одобрении и хохоте, отправляется к себе на хутор.

Настроение у стариков было угнетенное, подавленное — не того ждали они от войны. Они ждали возвращения своих сынов, покрытых славою побед, под звон колоколов, ждали грамот Высочайших, молебнов, славы, парадов, гульбы и проч. и проч. На деле же полное разгильдяйство, непризнание их авторитета, порицание того, во что они верили, в чем они видели весь смысл и радость жизни...

К оставшимся в станице офицерам отношение стариков было сочувственное, и очень даже, да и фронтовики в большинстве были солидарны со стариками. Мutila рвань, кучка негодяев, по большей части даже не нюхавших пороху, нестроевые, обозники, оставшиеся дома, подкупленная муть дна и особенно иногородние, которые, видя офицеров, шипели от злости, рисуя себе картину, как они будут рас-

W правляться с ними, линчевать, убивать. Злодейства в Михайловке еще были свежи в памяти у всех. Как никогда, выявлялась теперь злоба негодяев не только по отношению к офицерам, но и ко всему казачеству. Вслед почти открыто говорили: «Погодите, вашу...» и т. п. Избиение 36 офицеров 12 января в Михайловке, видимо, совершенно оттолкнуло казаков от этой сволочи.

Казаки полка из станицы разъехались большей частью по родным хуторам и занялись домашними делами, и, таким образом, последней опасности, последнего сдерживающего начала для этой шкурной рвани в станице не стало. Участились разъезды красных по хуторам и станицам, с бомбами, с пулеметами, с пьяными песнями; проскачут через станицу с шумом, гамом, со стрельбой и скроются дальше. Участились митинги, на которых проклинались Каледин, офицеры и все прошлое, а потом, когда ясно стало, что никто не препятствует и не чинит противодействий, начали объявлять декреты, устанавливать Советы, власть на местах и т. п. Что и прошло совершенно свободно; атаманов в станицах не стало, появились Советы. В Глазуновской атамана, урядника Назарова, хотя и называли председателем, но казаки продолжали по-прежнему считать его атаманом.

В Михайловке помещался штаб «Фильки» Миронова, Чрезвычайка и представители пролетариата из Царицына. Старикам все это сильно не нравилось, по закоулкам делились с офицерами впечатлениями, жаловались, удивлялись, не понимали, как все это случилось и что будет дальше.

Чем дальше, тем хуже жилось офицерам в Глазуновке, особенно после неудавшейся мобилизации молодых казаков в Усть-Медведице, где старики и молодые казаки были разогнаны пулеметами. К офицерам своего полка казаки-фронтовики относились хорошо, приносили хлеб, молоко, картофель, здоровались при встрече, но глядели в землю, видимо, из-за недостатка гражданского мужества, да и совесть не была достаточно чиста. Михайловский и Усть-Медведицкий комитеты все подготовили для производства впечатления о крепости советской власти и для устрашения населения.

Опасности непосредственной для красных, казалось, нет; казаки, ошеломленные событиями, приутихли; настал благоприятный момент для вывоза из мест, где были полки, всего воинского имущества, снаряжения и оружия в Михайловку. Из Глазуновской был вывезен весь обоз 3-го полка, 8 пулеметов и 46 тысяч патронов.

V Офицеров пока официально не трогали, и лишь потому только, что в Михайловском революционном комитете были казаки 3-го полка: урядник Блинов, вахмистр 3-й сотни подхорунжий Гутняев, револю-

ционный командир полка Семка Пономарев и другие, которые еще считались со своими офицерами, как бы стеснялись их, видимо, воинская честь и прежнее уважение еще не окончательно испарились у них, хотя и видно было по морде, что они не доверяют офицерам, да и, кроме того, они были уверены, что рано или поздно офицеры от них не уйдут. Казалось, новая власть прочно утвердилась в Усть-Медведице и Михайловке, как будто все для нее было благополучно.

Но вот в начале апреля стали распространяться всякие слухи: то банды белых «кадет» появились со стороны станицы Букановской, то немцы двигаются и уже близко и т. п. Офицеров взяли на учет. Были дни такие, что хозяин одной из офицерских квартир, казак Д. Д. Попов, предлагал офицерам увезти их в глухую степь к себе на землю, где у него была землянка, а старая казачка Григорьевна, беспокоясь за участь офицеров, умоляла их скрываться на лугу в кустах, куда обещала приносить пищу и все сведения. К Пасхе положение ухудшилось, за офицерами усиленно наблюдали; из Михайловки приехал член революционного комитета урядник М. Блинов, с портфелем под мышкой и важным видом, производить дознание, так как поступил донос, что офицеры есаул Красовский и сотник Орехов занимаются контрреволюционной пропагандой.

В это же время докатывается до Глазуновки весть, что полковник Голубинцев занял Усть-Медведицу, и всякие невероятные слухи: немцы, украинцы, кадеты... Одно лишь было верно: Голубинцев с устьхоперцами поднял восстание и занял Усть-Медведицу... «Офицеры в погонах, казаки тоже, дисциплина, отдавание чести...» Старики ликовали, и фронтовики не отставали, не все, конечно, но пока скрытно.

Офицеры, пока не поздно, решили бежать к повстанцам, но привести в исполнение это намерение было уже трудно, ибо наблюдение усилилось, и 3 мая Глазуновка была занята боковым отрядом красных, главные силы их шли через хутора Зимник и Подольховку на Усть-Медведицу. По телефону в станицу Глазуновскую было из Михайловки передано приказание — арестовать всех офицеров как единомышленников Голубинцева, а ночью почтовый чиновник, подслушавший разговор по телефону, тайком прибежал к есаулу Красовскому и сотнику Орехову и посоветовал бежать не теряя времени, так как революционный трибунал в Михайловке заочно приговорил есаула Красовского и сотника Орехова к расстрелу, а остальных офицеров приказано арестовать и препроводить в Михайловку.

Ночь была особенно тревожна. Но на рассвете, к счастью офицеров, разъезд устьхоперцев в 28 коней ворвался в Глазуновку, захватил телеграфный пост, почту, пленных и, разыскав офицеров, вручил есау-

лу Красовскому предписание командующего освободительными войсками, войскового старшины Голубинцева: «Немедленно со всеми офицерами прибыть в Усть-Медведицу, в Штаб Освободительной Армии».

Собрав господ офицеров 3-го полка, есаул Красовский вместе с сотником Ореховым, двумя сотниками Марковыми и сотником Семеновым бежали через хутор Ярской, занятый заставой повстанцев, на Усть-Медведицу. Полковник Валуев добровольно остался, отказавшись бежать, под предлогом, что считает восстание безнадежным, а в сущности потому, что, увлекшись какой-то станичной девчонкой, не пожелал с ней расстаться.

На поддержку захваченной врасплох в станице полуроте красных большевики выслали из станицы Скурышенской эскадрон конницы, который начал перестрелку с усть-хоперцами, но был энергично атакован повстанцами и оставил в руках у казаков четырех убитых и четырех лошадей. Вслед за эскадроном красные двинули две роты пехоты и вновь заняли Глазуновку, а казаки, отстреливаясь, отошли к хутору Ярскому.

Наступление Миронова

Заняв станицу Глазуновскую боковым отрядом и поведя наступление главными силами, в составе 2000 человек пехоты с артиллерией и несколькими сотнями мобилизованных на севере области казаков, на Усть-Медведицу через ст. Кепинскую и хутор Подольховский, Миронов мог встретить сопротивление только со стороны партизанских отрядов и небольших групп казаков и офицеров, ибо мобилизованные наскоро сотни или оставались на своих хуторах, или отходили к Усть-Медведице, не оказывая упорного сопротивления. Казалось, что первый порыв пропал, что энергия, проявленная в начале восстания, иссякла. Усть-хоперцы, занятые обороной своей станицы, видя пассивность усть-медведицких казаков, заявляли, что если Усть-Медведица не желает сама обороняться, то зачем же мы будем ее выручать. Положение еще усугублялось тем, что находившиеся на хуторе Большом сотни нельзя было взять, так как с юга были получены сведения, что Подтелков, выгнанный из Ростова, двигается с отрядом на Усть-Медведицу, и, конечно, была большая вероятность, что он пойдет через свой родной хутор Большой. Вновь же сформированные в Усть-Медведице сотни за Дон переправляться отказывались и уже разлагались.

Весь день 6 мая наступавший противник был с большим напряжением сдерживаем нашим редким из-за недостатка патронов огнем. С наступлением темноты наши группы защитников стали переправ-

ляться через Дон в Усть-Медведицу. Последним поздно вечером, под непосредственным огнем противника, прибыл доблестный подьесаул Забазнов со своим небольшим отрядом офицеров и казаков.

Ночью, с 6 на 7 мая, красные заняли Усть-Медведицу отрядом около 2000 человек солдат и матросов. Наши «кадетские» отряды сосредоточились в 2 верстах к западу от Усть-Медведицы и заняли оборонительную позицию. Настроение было подавленное. Кое-где за углами начиналась агитация против «виновников» восстания с предложением «выдать зачинщиков» и послать делегацию к большевикам и т. п.

В это же время на хутор Большой прибыли из Верхне-Донского округа присланные по моей просьбе два орудия-гаубицы, с прикрытием из полусотни молодых казаков. Весть о прибытии пушек быстро разнеслась по хуторам и сильно подняла дух у казаков. Они не верили своим глазам, с хуторов посылали конных казаков проверить слухи, ощупать орудия, настоящие ли они; некоторые даже со слезами целовали пушки. Перед отправкой орудий на позицию я приказал провезти их через некоторые хутора для поднятия настроения и дабы убедить казаков, что орудия настоящие, ибо распускались злонамеренные слухи, что пушки якобы деревянные.

В тот же день эти орудия под руководством войскового старшины Тарасова удачно обстреляли Усть-Медведицу и хутор Ярской, что произвело большое впечатление на казаков и смугило красных, не веривших, что у белых могла быть артиллерия. К сожалению, снарядов для гаубиц было мало, около десяти штук, и эффект был главным образом моральный.

День 8 мая прошел в лихорадочной подготовке к контратаке и в усиленной разведке. Усть-медведицкие группы, занимавшие позицию к западу от станицы, были усилены подошедшими с хутора Большого усть-хоперскими сотнями и утром 9 мая стремительной атакой вновь овладели Усть-Медведицей. Красные были опрокинуты в Дон и в панике беспорядочно старались перебраться на левый берег. Казаки, заняв правый возвышенный берег Дона, расстреливали плывущих большевиков на выбор; на поверхности воды беспрерывно поднимались красные кровавые фонтаны от попадавших в цель пуль. В этом деле было уничтожено несколько сот большевиков; в продолжение всего мая и даже еще в июне ниже Усть-Медведицы, до станиц Трех-Островянской и Голубинской включительно, казаки вылавливали в Дону трупы убитых в бою и утонувших красных при переправе 9 мая. Наши трофеи были: 9 пулеметов, 700 винтовок и несколько десятков тысяч патронов. Разбитые большевики, преследуемые нашими отрядами, после нескольких попыток задержаться,

опираясь на высланные из Михайловки поддержки, бежали в панике до самой Михайловки.

✓ Как я уже упоминал, 9 мая вечером мною был получен от немцев, занимавших станцию Чертково, первый транспорт оружия. Связь с немцами была установлена еще ранее, несколько дней тому назад, при первом занятии нами Усть-Медведицы. Еще до получения первого транспорта я 7 мая вторично командировал войскового старшину Х. с такой же задачей — достать оружие. Немцы вторично отпустили еще 700 винтовок, 6 пулеметов и 50 снарядов.

(Начальник немецкого отряда на станции Чертково полковник Х. (фамилии, к сожалению, не помню) предложил офицеру подписать письмо, что от имени командующего войсками он обязуется прислать немецкой кавалерийской бригаде в обмен за оружие овса. Войсковой старшина заявил, что он не уполномочен подписывать никаких обязательств; тогда редакция письма была изменена в таком смысле, что войсковой старшина Х. будет настаивать перед командующим войсками о присылке овса германской бригаде, но офицер отказался, ссылаясь на то, что он вообще настаивать не может. Наконец, командир бригады удовлетворился письмом, в котором войсковой старшина Х. обязывался доложить командующему освободительными войсками, что командир немецкой бригады в обмен за оружие просит прислать овса для лошадей бригады. В скором времени я получил из Новороссийска несколько вагонов овса, из которых два вагона с благодарностью уступил немцам.

Осада Михайловки

После разгрома у Усть-Медведицы и ряда столкновений у станций Глазуновской, Кепинской, Скуришенской и особенно у Арчадинской части Миронова, преследуемые нашими отрядами, отошли к Михайловке, куда к этому времени со станции Филоново в подкрепление им прибыли красные матросы и солдаты. Михайловка поспешно была укреплена колючей проволокой и обнесена окопами. На станции Себряково появились блиндированные поезда. Все местное население ближайших крестьянских слобод было Мироновым мобилизовано и посажено в окопы. Благодаря вышеупомянутым мерам Михайловка с налета не была взята и операция затянулась еще на полтора месяца.

✓ В очищенных мною от большевиков станицах была объявлена мобилизация, и в несколько дней из отдельных сотен и отрядов мною было сформировано пять конных полков, в шестисотенном составе, и

несколько пеших отрядов. Полки получили названия по станицам, из которых были сформированы: Усть-Хоперский, Усть-Медведицкий, Глазуновский, Арчадинский и Клеуцкий конные полки. На хуторе Большом были организованы учебные команды, команды пулеметчиков и артиллеристов. В Усть-Медведице установлено гражданское управление округа. В станицах за Доном были назначены начальники обороны станиц, вместо председателей станичных Советов вновь появились атаманы. Штаб командующего войсками перешел в Усть-Медведицу. Части с хутора Большого, ожидавшие появления отряда Подтелкова, были передвинуты за Дон, так как были получены донесения, что Подтелков и Кривошлыков не решились идти на Усть-Медведицу, направились западнее и у хутора Каргинского были разбиты казаками Верхне-Донецкого округа и повешены.

Оперативное отделение штаба перешло в станицу Арчадинскую. Войска стали готовиться к наступлению на Михайловку и были сосредоточены в районе станицы Арчадинской и хутора Ильменьки, в 3—4 верстах от Михайловки. Усть-Медведица оставалась в тылу и могла вздохнуть свободно.

В середине мая общая численность мобилизованных повстанцев достигла 10 тысяч человек, но более или менее удовлетворительно были вооружены только пять конных полков и два пеших батальона, у остальных холодное оружие, пики и старые ружья. Пешие батальоны были сформированы преимущественно из молодых казаков, и их боеспособность была неудовлетворительна, даже с точки зрения Гражданской войны.

Дабы не дать возможности Миронову мобилизовать казаков северной части округа, в станицы Етеревскую, Раздорскую, Березовскую, Малодельскую были высланы разъезды с моими воззваниями, прокламациями и литературой. Из северных станиц стали тайно пробираться ко мне в штаб в Арчадинскую отдельные офицеры и казаки, и, таким образом, связь с севером установилась, но мобилизовать казаков, выжидавших падения Михайловки, пока еще не удавалось.

Подготовка к наступлению на Михайловку затянулась. Среди казаков большого порыва к наступлению не замечалось, начальники частей тоже находили необходимым не торопиться с атакой Михайловки и дать возможность сбить и подготовить части. Дело ограничивалось разведкой и мелкими столкновениями и перестрелкой. К началу июня пешие батальоны заняли Ильменьки, а конницу я сосредоточил в хуторах по балке, к северо-западу от хутора Ильменьки.

В первой половине июня решено было атаковать Михайловку. С вечера было занято исходное положение, и перед рассветом 1-й и

2-й пешие батальоны и партизанский отряд подъесаула Алексеева перешли в наступление со стороны хутора Ильменьки.

Сигналом для общей атаки был огонь нашей батареи, располагавшейся десятком снарядов (присланные немцами снаряды были для трехдюймовых пушек, наша же батарея была гаубичной четырехдюймовой). Конница под командой есаула Лащенко приказано было, выйдя скрытно по балке во фланг позиции противника, сообразуясь с наступлением пеших батальонов, в конном строю атаковать Михайловку. Но есаул Лащенко или опоздал, или, потеряв направление, сбился, и участия в атаке конница не приняла. Пешие батальоны из молодых казаков, не выдержав огня красных, залегли, и поднять их к дальнейшему наступлению не удалось. Партизанский отряд в темноте взял неправильное направление и опоздал к общей атаке. Таким образом, наступление не дало никаких результатов.

Через несколько дней наступление опять было повторено, но без результата.

В последнем наступлении принимал участие добровольцем находящийся в это время у себя в станице донской писатель и секретарь Войскового круга Ф.Д. Крюков, написавший, вдохновленный восстанием усть-медведицких казаков, известное стихотворение в прозе «Родимый Край». В этом бою Федор Дмитриевич был легко контужен артиллерийским снарядом.

Во время моего пребывания на фронте в тылу, в станице Усть-Медведицкой, было не вполне благополучно: начальник штаба, находившийся в это время в Усть-Медведице, мне доносил, что «Совет Вольных Хуторов и Станиц» вмешивается и тормозит его работу, политически неблагонадежен, проявляет тенденцию захватить власть над войсками и надоедает ему с требованиями вызвать меня в Усть-Медведицу якобы для объяснений и доклада Совету о положении.

Через несколько дней, получив вторично от начальника штаба тревожное донесение и просьбу приехать, я прибыл с конной полусотней в Усть-Медведицу и отправился в управление окружного атамана, где собравшийся Совет меня ожидал. Предварительно, на всякий случай, я отдал распоряжение начальнику конвоя приготовиться к аресту членов Совета.

За пять минут до моего появления конвойцы заняли соседнюю комнату, смежную с комнатой, где собрался Совет, и построились двумя шеренгами, шпалерой у двери, ведущей в зал заседаний. Члены Совета насторожились и забеспокоились. При моем появлении раздалась команда: «Смирно!» и громкий ответ конвойцев на мое приветствие: «Здравия желаем, господин полковник!» Затем офицер

конвоя влетел в зал заседаний и громким голосом объявил: «Идет командующий войсками, встать!»

Не ожидая такого оборота дела, вскочившие члены Совета были, по-видимому, очень смущены, и, когда я, выждав минуту, пригласил членов Совета сесть и высказаться, что им угодно, товарищу председателя (председатель сотник Веденин смущенно молчал), агроном одной из станиц, фамилии его не помню, заикаясь, заявил, что члены Совета желали бы знать общее положение на фронте.

— Начальник штаба, доложите господам членам Совета обстановку, — обратился я к начальнику штаба.

После доклада начальника штаба товарищу председателя заявил, что Совет вполне удовлетворен объяснениями.

Затем я, обращаясь к Совету, заявил:

— Теперь я прошу вас, господа члены Совета, принять к сведению следующее: 1. Все сводки с фронта, которые штаб считает возможным сообщать, ежедневно публикуются для всеобщего сведения в особом бюллетене и в местной газете. 2. Я настоятельно прошу членов Совета ограничить свою деятельность теми рамками, которые им предоставил Чрезвычайный Съезд Хуторов и Станиц 27 апреля, и 3. Требую немедленно, сегодня же, откомандировать всех состоящих в Совете «кооптированных» господ офицеров на фронт, ввиду крайнего недостатка офицеров в частях.

Товарищу председателя мне заявил, что сегодняшним протоколом о заседании господа офицеры будут откомандированы и Совет принимает к сведению мои указания. После этого заседания я уже не имел ни встреч, ни разговоров с целым Советом вкуче.

Отмечу еще один интересный инцидент, происшедший во время доклада начальника штаба о положении на фронте; он свидетельствует о том ничтожном влиянии, которым пользовался Совет среди казаков. Дело в следующем: одному из усть-медведицких полков приказано было переправиться на левый берег Дона и идти в станицу Кепинскую. Полк собрался на берегу и замитинговал; в заседание Совета явился один из офицеров полка и доложил мне, что казаки не желают переправляться, говорят, что готовы «умереть» на правом берегу, защищая Дон, но за Дон идти не хотят.

— Сотник Веденин, — обратился я к председателю Совета, — пойдите побеседуйте с казаками и разъясните им необходимость исполнять распоряжения — это ваше дело.

Через десять минут сотник Веденин прибегает обратно взволнованный, бледный, потный и говорит, что казаки его прогнали и чуть не избили. По окончании заседания я отправился к месту перепра-

вы, и через пять минут казаки, после краткого разъяснения, начали переправу.

В начале июля Миронов, усиленный матросами, опять переходит в наступление. После боя у станиц Арчадинской и Кепинской наши части медленно отходят за реку Медведицу. Конные сотни и партизанские отряды Алексеева и Долгова ведут упорные бои, отстаивая каждую пядь земли. 3 июля, после тяжелого боя у хутора Шашкина, наступление красных было остановлено.

4 июля были получены сведения о подходе к Усть-Медведице с юга отряда генерала Фицхелаурова в составе двух дивизий. 5 июля отряд, состоящий из 1-го конного отряда полковника Татаркина¹⁶¹ и 1-го пешего отряда полковника Старикова, вступил в Усть-Медведицу. В тот же день на состоявшемся совещании старших начальников решено части «Освободительной Армии Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа» включить в Донскую армию.

Молодые казаки были выделены из частей и отправлены в Новочеркасск в формирующуюся молодую армию, а остальные части сведены в две дивизии: из пяти Усть-Медведицких конных полков образован «4-й конный отряд войскового старшины Голубинцева», типа дивизии; вошедшие в отряд полки получили новые номера и названия: 13, 14, 15 и 16-го Усть-Медведицких Конных полков, а из пехоты и пеших отрядов сформирован «3-й пеший отряд есаула Сутулова». Таким образом, с прибытием частей генерала Фицхелаурова период обособленных действий Освободительных войск Вольных Хуторов и Станиц Усть-Медведицкого Округа заканчивается и сливается с общими действиями Донской армии.

4-й Конный отряд

С прибытием новых частей Донской армии дух усть-медведицких повстанцев сильно поднялся. Опять появился порыв, и 6 июля вся усть-медведицкая конница, сведенная в одну дивизию, получив наименование «4-го конного отряда войскового старшины Голубинцева», перешла в стремительное наступление и в тот же день, опрокинув красных, заняла станицу Кепинскую, затем, тесня противника, ст. Глазуновскую и после упорного боя станицы Арчадинскую и Скурышенскую, отбросив красных к Михайловке.

Через несколько дней, в середине июля, началось общее наступление генерала Фицхелаурова. 4-й конный отряд, действуя на левом фланге группы, атаковал станцию Кумылга; 1-й пеший отряд войскового стар-

шины Старикова и 3-й есаула Сутулова наступали на Михайловку, а 1-й конный отряд повел наступление на станцию Арчеда. Красные были сбиты на всем фронте и начали быстрое отступление. По занятии Кумылги для преследования мною был послан 13-й конный полк есаула Лащенко. Полк в тот же день, сделав около 60 верст, нагнал противника у хутора Секачи и нанес ему сильный удар, захватив пленных и много оружия.

Продолжая наступление вверх по Медведице, Усть-Медведицкий конный отряд последовательно занимает станицы Раздорскую, Березовскую, Малодельскую и по пути следования производит мобилизацию и формирование новых частей. В этот период были сформированы 17, 18 и 19-й конные полки из казаков станиц, лежащих по реке Медведице.

Во второй половине июля наш отряд занял слободу Даниловку, где задержался несколько дней, так как дальнейшее наступление было замедлено ввиду упорного сопротивления красных, занимавших слободу Ореховку. Во время нашего пребывания в Даниловке станица Островская сбросила советскую власть, выбрала атамана и объявила мобилизацию. Для поддержки станицы я отправил туда две конные сотни с задачей занять переправу против слободы Ореховки, находившейся еще в руках красных. Одновременно ударом от Даниловки и от Островской большевики были выбиты из Ореховки.

Красные отошли к северу, за границу Дона, в село Лопуховка. Конный отряд перешел в ст. Островскую и занял хутора к северу и северо-востоку от станицы, до границы Саратовской губернии. Таким образом, противник в этом районе был выброшен за пределы Донской Земли.

Во время пребывания штаба отряда в Даниловке в полках отряда производились выборы депутатов на Войсковой круг. Как-то просматривая газеты и литературу, присланные из Новочеркасска для рассылки в части отряда, я обратил внимание на воззвания и прокламации, подписанные генералом Сидориным и другими всем известными лицами, недвусмысленно направленные против Донского атамана генерала Краснова и самым открытым образом старавшиеся подорвать тот громадный авторитет и доверие, которым пользовался среди казаков этот великий атаман. Возмущенный такой демагогической и опасной агитацией, вдвойне преступной в такое тяжелое время, когда на фронте рекой лилась казачья кровь, я приказал уничтожить эту грязную макулатуру и послал в штаб войска рапорт с просьбой не рассылать по войскам такой опасной дряни. Эта антипатриотическая агитация получила на Дону название «Кампании пароходного атамана».

В августе, когда части Донской армии подошли к границе Саратовской губернии, приказано было продолжать наступление. Тяжелое впечатление произвело полученное одновременно известие, что полки 1-го конного отряда полковника Татаркина замитинговали и отказались переходить границы Дона. Усть-Медведицкие полки беспрекословно исполнили приказ и вторглись в пределы Саратовской губернии. Но ввиду того, что на соседних участках части еще митинговали, наши казаки особенного рвения не проявляли, и хотя никаких инцидентов или неисполнения приказаний не было, но чувствовалось, что пример казаков Татаркина оказывал известное влияние на психологию казаков и вселял сомнения в необходимости выносить войну за пределы области.

В конце августа и в сентябре части нашего района — Северо-Западного фронта — вели частые бои с красными с переменным успехом. Наступали и отступали, но без решительных результатов. Главным противником в этот период был Миронов с частью своих казаков и, главным образом, с мобилизованными крестьянами донских слобод и с приданными к ним группами матросов.

Одно из наших наступлений было особенно удачно: мы вышли далеко за пределы области и вошли в Саратовскую губернию на фронте: Красный Яр, Рудня, Матышево. Красные были отброшены за реку Терсу. Железнодорожное полотно на участке Матышево — Красный Яр во многих местах было взорвано, что значительно затрудняло действия красных бронепоездов. Обстановка, казалось, нам благоприятствовала, но неожиданное появление неприятельских броневых автомобилей не только остановило наше наступление, но и навело большую панику на наши части, особенно на пехоту, и мы принуждены были отойти к границам области. Положение было, впрочем, к вечеру восстановлено, так как наши потери были только морального характера и разрозненные во время боя части к вечеру быстро собрались, со свойственной казакам способностью быстро ориентироваться и находить свои части. Образовался новый фронт, по северной границе области.

В этот период следует еще отметить два набега 4-го конного отряда в тыл противника. Обстановка была такова: Миронов с красными занимал слободу Ореховку. Наши пешие части — позицию к северо-западу и северу от Даниловки — против Миронова. 4-й конный отряд — район хуторов Гончаров — Секачи — Булгуран. Находившиеся левее Усть-Медведицкого района хоперцы под натиском противника отходили.

Сосредоточившись в хуторе Булгуране, Усть-Медведицкая конная дивизия сделала налет на тылы красных, наступавших на хоперцев. Неожиданным ударом села по реке Терсе — Матышева, Сосновка, Судачье — были заняты нами. Усть-Медведицкие полки уничтожили

много тыловых учреждений и штабов, разгромили несколько учебных и резервных частей, военных мастерских, захватили обозы, около десятка походных кухонь, два денежных ящика с большой суммой денег, пойман был комиссар, заведующий продовольствием района. Наша прогулка по тылам произвела большую панику у красных, чем воспользовались находившиеся в отступлении части Хоперского округа и перешли в контрнаступление, захватив пленных, трофеи, и вновь восстановили прежнее положение.

Не могу игнорировать один инцидент, характерный по тому времени. Конный отряд, сосредоточенный в хуторе Булгуране, перед выступлением в набег ожидал донесений от высланных разъездов. Тем временем приказано было накормить лошадей, для чего купить овес у населения, выдав установленные Донским правительством квитанции. Комендант штаба дивизии доложил начальнику штаба, что в доме, где фуражиры хотели купить овса для штаба, сидит член Войскового круга, который не разрешает брать фураж. Начальник штаба спрашивает меня, как поступить.

— Кто член Круга?

— Какой-то урядник.

— Попросите члена Круга ко мне, — приказываю одному из адъютантов штаба.

Минут через десять возвращается адъютант и смущенно докладывает, что член Круга говорит: «Няхай начальник дивизии сам придёт!»

Взбешенный такой наглостью, приказываю: «Привести за уши!»

Два конвойца приводят одного из «хозяев» Дона.

— Ты что же, мерзавец, вместо того, чтобы содействовать войскам всеми силами, как велит долг казака и члена Круга, когда войска находятся в борьбе и казаки льют кровь как воду, а ты восстанавливаешь население против армии, подстрекаешь к неповиновению, вставляешь нам палки-в колеса? Помогаешь большевикам! Ты не член Круга, а изменник и большевик! На телеграфный столб каналью! — приказываю. X

Два казака подхватили растерявшегося и побледневшего депутата.

— Помилуйте, Ваше Высокоблагородие! — падая на колени, взмолился член Круга. — Виноват, сказал не подумавши, сознаю свою вину, мы люди темные и т. п.

Помиловал... Член Круга бесконечно счастлив и ревностно нам помогает. Может быть, я реагировал на наглость немного резко и строго, но во время войны, особенно гражданской, малейшее попустительство и колебание власти ведет к потере авторитета и разложению. V

Вообще следует отметить, что некоторые члены Круга, развращенные поблажками и тыловой лестью, упоенные властью, убежденные в своей

безнаказанности, признающие только свои права и преимущества, но не желающие знать обязанностей, вели себя самым непристойным образом, вступали в пререкания с войсковыми начальниками, отдавали административные распоряжения, вмешивались в жизнь воинских частей и т. п. По глупости ли они это делали или это был еще отзвук революционной распушенности и угара, но часто их бестактные выступления принимали такой характер, что заставляли призывать их к порядку и применять к ним самые суровые меры внушения и укрощения. Что в тылу сходило безнаказанно, то на фронте было недопустимо.

Отмечу еще один характерный, такого же порядка, случай. В сентябре 1919 года мой отряд оборонял большой участок на среднем Дону, от Перекопской до Трехостровянской станице. В нашем районе, на участке 30-го конного полка, постоянно вертелся член Круга Х., произведенный из нижних чинов в сотники. Такого порядка производства практиковались Кругом. Пользуясь званием члена Круга, он постоянно, болтаясь между частями отряда, вмешивался в распоряжения младших начальников, лазил по позициям, распоряжался, доносил по начальству одновременно со мною о всех наших успехах, хотя на глаза мне никогда не попадался; случалось, что и бил казаков, и даже однажды, по своей инициативе, в районе станицы Н. Григорьевской завел переговоры с красными, занимавшими позицию по левому берегу Дона, считая себя, очевидно, как «жена Цезаря, вне подозрений».

Молодой командир 30-го конного полка есаул Долгов не знал, как отделаться от этого неугомонного депутата, и, возмущенный явно пораженческого характера переговорами с красными, донес мне рапортом и спрашивал, как поступить с «дипломатом»? Моя резолюция на рапорте была кратка: «Выпороть». Средство помогло. Член Круга исчез и, по-видимому, понял, что средство, предложенное мною в данном случае, было и своевременное, и рациональное, ибо через две недели, когда я был тяжело ранен, в числе многочисленных полученных мною телеграмм от начальников и сослуживцев была телеграмма и от члена Круга сотника Х. ...

Были и еще подобные случаи, когда, вероятно, избыток энергии, жажда административной деятельности и желание так или иначе проявить себя толкали наших «законодателей» на необдуманные и неудачные проявления инициативы в районе фронта. Все эти выходки можно объяснить лишь следствием извращенного понятия о своей «неприкосновенности», безнаказанности и преувеличенного мнения о своей непогрешимости. Но как показал опыт, решительные меры быстро приводили в чувство опьяневших от власти «законодателей» и ставили их на свое место.

Через два дня после набега на Матышево я сделал второй налет на Лопуховку, в тыл группе красных Миронова, занимавшей слободу Ореховку. Из хутора Булгурана Усть-Медведицкая дивизия выступила напрямик, по степи, без дорог, на Лопуховку и в 14 часов, открыв артиллерийский огонь по селу, внезапно с двух сторон атаковала Лопуховку. После краткого сопротивления село было занято, защитники частью взяты в плен, частью разогнаны; телефонные провода с Ореховкой были предварительно нашими разъездами перехвачены, изолированы и включены в наши аппараты, что лишило гарнизон Лопуховки возможности сообщить своевременно Миронову о нападении.

Лопуховка была переполнена тыловыми командами, обозами с продовольствием, патронами и оружием. Здесь была захвачена большая добыча: 120 пулеметов в разобранном виде, в ящиках, совершенно новых, очевидно, только что присланных из Центральной России, масса патронов и артиллерийских снарядов, сотни винтовок, телефонное имущество и несколько походных кухонь. Вывоз захваченного военного материала продолжался больше двух часов. Тем временем 14-й конный полк занял село, что в 10 верстах к северу от Лопуховки, где также было взято несколько двуколок и повозок с военным имуществом.

В Ореховке поднялась тревога. На запросы Миронова по телефону о причине артиллерийской стрельбы наши телефонисты отвечали, что производится учебная стрельба; но орудийная стрельба встревожила Миронова, и он выступил из Ореховки на поддержку, открыв по нашим частям сильный орудийный огонь; наша батарея очень удачно отвечала. Артиллерийский бой продолжался, пока не закончена была отправка трофеев в хутор Булгуран. К вечеру дивизия без потерь возвратилась в Булгуран. К сожалению, наши пешие части, занимавшие позицию против Ореховки, не воспользовались, по примеру хоперцев, нашим набегом в тыл противника и никакой активности не проявили.

Во второй половине сентября Усть-Медведицкая дивизия была перебросена на Камышенское направление.

На Иловле

4-й конный отряд полковника Голубинцева (Усть-Медведицкая конная дивизия), перебросенный с Рудненского направления на Камышенское, продолжал теснить красных, отходивших к хутору Романову. В бою у станции Гуровской 25 сентября 1918 года был уничтожен Балашевский пехотный полк, взято 1500 пленных, 20 офицеров и 12 пулеметов.

✓ В начале октября конной атакой 16-го конного полка под командой войскового старшины Дьяконова¹⁶² у хутора Романова был опрокинут и уничтожен красный пеший отряд товарища Подшивалова. Взято около 2000 пленных. Продолжая наступление и преследуя красных, дивизия заняла село Соломатино. Противник отошел на село Таловка, откуда был выбит и занял для обороны Камышин. Город был обнесен окопами; сильный численно гарнизон оказал большое сопротивление, и наша первая атака города не удалась.

✓ Одной из причин неудачи следует считать факт, что в операции приняли участие лишь два полка дивизии, 14-й и 16-й, а 15-й конный полк был на несколько дней задержан полковником Стариковым, помогая ему в какой-то операции, а затем на мое требование направить полк на присоединение к дивизии полковник Стариков отправил его к северу, объясняя свои действия тем, что он якобы полагал, что этим содействует моей операции. 13-й конный полк, выпрошенный генералом Татаркиным, через штаб Северо-Восточного фронта на несколько дней также запоздал присоединиться к дивизии.

Дивизия осадила город Камышин. Передовые сотни занимали деревню Сестренку, а разъезды проникали на южную окраину города, к реальному училищу. Вскоре в помощь мне для взятия Камышина была придана 1-я пешая казачья бригада. Осада города затянулась, большевики проявляли небывалое упорство. Стычки передовых частей продолжались ежедневно. Из случайно перехваченных по телефону разговоров красных командиров в Камышине можно было вывести заключение, что большевики, несмотря на значительные силы, занимавшие город, были в большой тревоге и усиленно укрепляли свои позиции по окраинам города.

✓ В начале ноября, сбив передовые части противника, постепенно приближаясь к городу, наши полки заняли исходные пункты для общего наступления. Атака была назначена на рассвете 9 ноября. Боевой приказ был разослан частям 8 ноября в 12 часов дня; но обстановка внезапно изменилась — в 14 часов 8 ноября из штаба Северо-Восточного фронта генерала Яковлева¹⁶³ было получено по телефону приказание: «Передав пехоту и дальнейшее ведение операции по овладению Камышином генералу Оссовскому (прибывшему накануне с большим штабом, но без войск), полковнику Голубинцеву с конницей немедленно, форсированным маршем выступить из Соломатино в район станции Лог для действий на тылы красных, теснящих группу генерала Татаркина». Группа генерала Татаркина занимала район ст. Лог и прикрывала штаб Северо-Восточного фронта.

На мой доклад по телефону об обстановке, о том, что назавтра назначена атака Камышина, что сейчас части нельзя снять с исходных пунктов без того, чтобы красные не узнали об уходе конницы, начальник штаба Северо-Восточного фронта полковник Коновалов¹⁶⁴ мне сообщил, что командующий фронтом генерал Яковлев, несмотря на мои и его доклады об обстановке у Камышина, находит необходимым немедленно снять конные части с позиции и спешно выступить в район Лога.

Дабы скрыть от противника уход конницы, я приказал с наступлением темноты без шума снять передовые части конницы и, накормив людей и лошадей, конному отряду сосредоточиться в селе, находящемся в 4 верстах к югу от Соломатина, по дороге на Гусевку. Выступление назначено на рассвете 9 ноября, в 5 часов утра.

Передав с сожалением операцию против Камышина генералу Оссовскому¹⁶⁵ (через час после моего ухода генерал Оссовский оттянул части на 15 верст назад, оставив Соломатино), я 9 ноября в 5 часов утра по скрытой от противника дороге выступил и около полудня занял село Грязное, где людям, не спавшим всю ночь, был дан короткий отдых для приготовления пищи. В тот же день, вечером, отряд подошел к деревне Семеновке, занятой красным «Отрядом Саратовского Совета». После перестрелки и нескольких снарядов 16-й конный полк в пешем строю повел наступление, а 14-й конный полк глубоким обходом атаковал красных с фланга. Противник был сбит, оставил много убитых и под покровом ночи отошел к селу Малая Ивановка. Таким образом, был прорван фронт отрядов Саратовского Совета, прикрывавших с севера участок по реке Бердия, от Большой Ивановки до Усть-Погожей и хутора Молоканова.

На другой день, 10 ноября, после перестрелки и обхода с флангов, были последовательно заняты села Малая Ивановка и Лозное. Из села Лозного были высланы офицерские разъезды с подрывным материалом для порчи и взрыва железной дороги в тылу у красных, в районе хутора Попова и южнее, на участке между реками Иловлей и Тишанкой, с целью воспрепятствовать поездам противника действовать против группы генерала Татаркина.

Разъезды, пробравшись скрытно, выполнили задачу успешно: железная дорога во многих местах взорвана и разрушена, рельсы сняты и зарыты в землю. Разрушения повторялись в течение нескольких дней, и натиск броневых поездов против группы генерала Татаркина, что особенно беспокоило штаб Северо-Восточного фронта, был парализован действиями отдельных разъездов.

11 ноября Усть-Медведицкие полки заняли Большую Ивановку, защищавшие ее Советская конная бригада и красная Украинская пе-

В шая бригада отошли на хутора по реке Иловле. 12 ноября, преследуя противника по реке Иловле, дивизия с боем заняла хутора Алимов, Писарев и село Серафимовка. В тот же день были высланы разьезды для розыска и связи с 1-м конным отрядом, входившим в группу генерала Татаркина и, по некоторым данным, находившимся где-то в районе Ширяевых хуторов.

Красные под нашим натиском отошли к хуторам Попову и Авилову, где, укрепившись, оказывали упорное сопротивление. Во время боя у хутора Попова от наших разьездов я получил донесение, что 1-й конный отряд полковника Красцова находится за рекой Иловлей и ведет наступление с запада в направлении на хутор Авилов.

В К вечеру, около 4 часов, хутор Попов был нами занят. Разместить в нем на ночлег по квартирам весь отряд не представлялось возможным, а квартирбываком, ввиду сильного мороза и утомления людей, ставить дивизию было нецелесообразно; поэтому я оставил один полк в хуторе Попове, а с остальными решил отойти на ночлег в Большую Ивановку.

Высланные вперед квартирьеры при подходе к Большой Ивановке были встречены ружейным и пулеметным огнем противника, занявшего село со стороны Малой Ивановки, во время нашего отсутствия. Подходившие части дивизии завязали ночной бой. Красные, боясь окружения, стали отходить по дороге на М. Ивановку. Несколько удачных артиллерийских снарядов по отступавшей колонне заставили большевиков бежать в панике, бросая по дороге обозы. Крайнее утомление и позднее время заставили ограничить преследование артиллерийским огнем и выделением отдельных разьездов.

В Утром 13 ноября дивизия повела наступление на Мал. Ивановку. После краткой артиллерийской подготовки наши части конной атакой заняли М. Ивановку, уничтожив 6-й Запасный кавалерийский полк и отряд товарища Рожкова. Взято 300 пленных, почти все — астраханские калмыки, обозы и много оружия.

Вторую половину ноября дивизия вела почти ежедневно удачные, но утомительные бои в районе больших сел Давыдовка, Лозное и по реке Иловле, куда постоянно прибывали из района Царицына свежие красные отряды. Имея противника со всех сторон, дивизия часто теряла связь со штабом фронта, ибо телефонные линии рвались или уничтожались большевиками; после нашего ухода из какого-либо села оно часто вновь занималось красными отрядами, высылаемыми из Царицына или Камышина.

С 1 по 8 декабря в очень тяжелых условиях, бескормице, густом тумане, морозе свыше 20 градусов, Усть-Медведицкие полки очищали от красных районы хуторов Ширяевских и Авилова.

8—10 декабря следует отметить бои у села Солодча совместно с 1-м конным отрядом. При первом наступлении на Солодчу 1-й конный отряд не принял участия, ввиду сильного мороза, и только на другой день совместными действиями Солодча была взята. Оставив Солодчу, противник занял Б. Ивановку, Лозное и Давыдовку, откуда пришлось выбивать красных еще несколько дней. Продолжая теснить противника, 4-й конный отряд около 20 декабря занял села, лежащие к северу и северо-западу от посада Дубовка на Волге, и 21-го начал наступление на Дубовку; в это же время из штаба фронта была получена телефонограмма: немедленно прекратить операцию против Дубовки, форсированным маршем идти на Лозное и уничтожить появившуюся ударную группу противника. О силе, направлении движения и составе этой группы в приказании не упоминалось.

Дивизия, выслав разъезды вперед, взяла направление на Лозное. 14-му конному полку, находившемуся на ночлеге в деревне Олени и ведущему разведку на Дубовку, послано сообщение о новой задаче с приказанием отозвать разъезды и идти на присоединение к дивизии, в Лозное. Вскоре разведка донесла, что красные, в составе двух-трех пеших бригад с артиллерией и бригадой конницы, занимают хутор Садки. Около 4 часов отряд подошел к Садкам и завязал перестрелку. Поднявшаяся вьюга и наступившая темнота прекратили бой, и дивизия на ночлег отошла в Лозное. От командира 14-го полка получено донесение, что полк остановился на ночлег в деревне... в нескольких верстах от села Лозного. Село Лозное расположено в ложине, имеющей форму плоской чашки, по дну которой с востока на запад протекает речка Тишанка. По берегам речки, к северу и югу от села, тянется ряд доминирующих холмов.

Утром 22 декабря от разъездов получены донесения, что красная пехота выступила из хутора Садки и двигается по дороге на Лозное. Дежурный 15-й конный полк занял позицию по высотам к югу от села. Около 11 часов обозначилось наступление красных цепей на Лозное и на нашем левом фланге появилась неприятельская конница. Завязался бой. Затрещали пулеметы, загрели пушки. 14-му конному полку, подходившему к Лозному, было послано навстречу сообщение об обстановке, с приказанием обеспечить наш левый фланг от красной конницы.

Около 13 часов положение было следующим: 15-й конный полк У ведет перестрелку с медленно, но настойчиво наступающей красной пехотой; 16-й конный полк в спешенном порядке занял удобную позицию по северным высотам окраины Лозного, у выхода из села; 14-й конный полк, находящийся в 2—3 верстах на левом фланге, ве-

дет перестрелку с красной конницей. Красные теснят 15-й конный полк, которому приказано медленно, перекатами отходить на левый фланг позиции 16-го полка. 15-й полк, под командой войскового старшины Воинова Якова, в образцовом порядке, как на маневрах, с боем отходит, под прикрытием нашей артиллерии и пулеметов, к позиции 16-го полка.

В это время получено донесение, что к Лозному подходит 1-й конный отряд полковника Кравцова. Красные втягиваются в село, наводнили его и делают неоднократные попытки, под прикрытием своей артиллерии и пулеметов, атаковать нашу позицию, но безуспешно. Наши части, заранее пристрелявшись, не выпускают противника из села, не давая ему возможности подняться по отлогим скатам. Несколько атак отбито, наши части несут потери, но держатся упорно. Красные, заняв село, попали как бы в ловушку, сами не подозревая того. Слева подошел 14-й конный полк и ведет интенсивную перестрелку с красной конницей. К штабу отряда, находящемуся под огнем противника, на позиции 16-го полка, подсакивает начальник штаба 1-го конного отряда войсковой старшина Корнеев, с докладом, что 1-й конный отряд находится в 2 верстах и ждет распоряжений. Ознакомив войскового старшину Корнеева с обстановкой, направляю часть 1-го конного отряда в обход села Лозного с правого фланга, для удара в тыл противнику.

Обстановка складывается благоприятно для нас. Время назрело для перехода в наступление. Приказываю: 15-му полку с двумя сотнями 16-го полка в пешем строю перейти в контратаку с фронта. 14-й конный полк атакует красную кавалерию. 13-й конный двинулся наметом в обход Лозного, по ложине, и атаковал красных в конном строю. Спешенные сотни с криком «Ура!» ворвались в село, одновременно со стремительной конной атакой. Большевики не выдерживают, смешались и бегут в панике, преследуемые нашей конницей. Все, что втянулось в село, было частью перебито, частью захвачено в плен. Почти вся ударная группа была уничтожена; ускользнула лишь конница. Из захваченных на позиции батарей наши артиллеристы, повернув неприятельские орудия, открыли из них огонь по бегущему противнику. Высланная для преследования конница врубилась в бегущие колонны, сея ужас и панику. В этом славном деле взято около 3500 пленных, 7 орудий, 28 пулеметов, масса винтовок, лазарет, кухни и обозы.

На другой день, 23 декабря, утром нами были заняты хутора Садки, Прудки, где были уничтожены успевшие улизнуть остатки ударной группы и забраны все обозы и двуколки.

Боевой день закончен. Противник разгромлен и уничтожен. Пленные и трофеи отправлены в тыл. Для преследования высланы разъез-

ды. Реляция написана, приказания отданы. После нескольких тяжелых боевых дней люди нуждаются в отдыхе. Большое село разбито на районы по полкам. В селе оживление. По улицам патрули. Настроение у всех бодрое и приподнятое. Варится пища, и заготавливается фураж. Можно расседлать лошадей, кроме дежурной части. После красных в некоторых домах села осталось несколько ящиков ракет; люди забавляются, освещая небосклон разноцветными огнями.

Комендант штаба дивизии докладывает, что собранные по дворам остатки пленных красноармейцев, около 200 человек, помещены в училище. Знакомясь с расположением частей и принятыми мерами предосторожности и охранения, я, обходя районы, заглянул с офицерами штаба в помещение для пленных. Среди до отказа набитых солдатами классных комнат несколько молодых женщин — сестер милосердия санитарного отряда красной группы. Вид испуганный и усталый, смотрят со страхом. Зная по опыту, какой опасный элемент представляют на войне женщины, особенно молодые, да еще и пленные, среди частей, давно не видавших женщин, приказываю коменданту подыскать для них отдельное помещение, поставить караул и никого не допускать.

Старушка учительница местной школы охотно согласилась приютить на ночь у себя в квартире пленных сестер. После опроса некоторых пленных солдат зашел в квартиру учительницы. Четыре красивые женщины успели умыться и привести себя в порядок; прежний страх исчез, смотрят с любопытством и некоторым еще опасением. Предлагаем папирос; охотно и с наслаждением курят. Одна из них, высокая и красивая блондинка, после нескольких фраз, ободренная нашим отношением, с некоторым смущением обращается вполголоса ко мне с просьбой показать полковника Голубинцева.

— Зачем вам? — спрашиваю удивленно.

— Мы так много слышали о нем, что любопытно взглянуть.

— Он перед вами, — отвечаю со смехом.

Женщина смущена, смотрит с удивлением и видимым недоверием. Лицо заливают густой румянец.

— Что, разочарованы? — рассмеялся я.

— Совсем нет... но мы представляли себе полковника Голубинцева очень суровым, пожилым и с большой бородой... нас так пугали им, а вы... — сестра запнулась, — молодой и совсем не страшный, — лукаво улыбаясь, продолжала сестра, оправившись после первого смущения.

Через несколько минут пленницы, убедившись, что белые офицеры совсем не страшны для женщин, уже совершенно откровенно, улыбаясь с деланой скромностью «праведниц, готовых и согрешить», говорили мне:

— Теперь, господин полковник, мы ваши пленницы и вы можете делать с нами что хотите!

— К сожалению, не могу, — улыбнулся я. — Мой пример был бы соблазном для подчиненных и против моих принципов. Мы наши желания подчиняем воле и установленному воинскому порядку. Я могу лишь приказать вас накормить, пожелать вам спокойной ночи, а завтра утром отправлю вас в тыл вместе с остатками пленных.

— Так скоро! — вырвалось у одной из сестер... И она, смутившись, добавила: — Мы так давно не видали настоящих царских офицеров...

Прощаясь, сестра, задерживая мою руку, с нескрываемым сожалением говорила:

— Прощайте, господин полковник, так скоро и неужели навсегда!

Мой начальник штаба, любуясь рассыпанными по плечам золотыми локонами другой сестры, с неохотой и сожалением оставляя помещение, неуверенно, обращая ко мне, со слабой надеждой в голосе говорит:

— Может быть, будем здесь вместе ужинать?

— Нет, И.И., лучше отдельно, — рассмеялся я, — ибо после ужина еще труднее будет расставаться... *Noblesse oblige!*

Наши отряды 4-й и 1-й за это блестящее дело получили благодарственную телеграмму Донского атамана генерала Краснова.

24, 25 и 26 декабря Усть-Медведицкая дивизия, совместно с отрядом полковника Кравцова, очистила от незначительных частей противника хутора Широков, Араканцев, станцию Котлубань и разъезд Конный.

26 декабря в районе станции Котлубань и разъезда Конный красные, усиленные бронепоездами, пытались упорно сопротивляться, но соединенными действиями наших двух конных отрядов были сбиты и отошли на станцию Гумрак. Покончив с красной ударной группой, наш отряд переходит 26 декабря в район села Прямая Балка, откуда 27-го ведет наступление на станицу Пичужинскую на Волге, где сосредоточилась масса советской конницы. За несколько дней перед этим было получено из штаба Северо-Восточного фронта предупреждение быть особенно осторожным, так как активная группа красной конницы Думенко из Царицынского района переброшена к северу от железной дороги на Царицын.

У станицы Пичужинской и произошла моя первая встреча с конницей Думенко. Бой ограничился перестрелкой и маневрированием без особенных результатов. В перестрелке был убит есаул Хрипунов.

На 29 декабря было условлено с полковником Кравцовым совместное наступление на посад Дубовку. В назначенный час я начал опера-

цию, с боем занял деревню Тишанку, но вследствие сильного тумана связь с полковником Кравцовым не была установлена, и с наступлением темноты я отошел на ночлег в хутор Садки. На другой день выяснилось, что полковник Кравцов, ввиду густого тумана, не считал возможным вести операцию, но меня о своем решении не уведомил.

30 декабря, после вчерашнего наступления, Усть-Медведицкая дивизия отдыхала в хуторе Садки. Около 15 часов наши разъезды донесли мне, что 1-й конный отряд быстро отходит на Садки, преследуемый красной конницей. По тревоге дивизия выступила на поддержку и, заняв позицию, огнем артиллерии остановила красных и приняла на себя отходившие в беспорядке части 1-го конного отряда. Преследующие части красных были отброшены и быстро скрылись.

По докладу прибывшего начальника штаба 1-го конного отряда войскового старшины Корнеева полковник Кравцов решил самостоятельно атаковать Дубовку, рассчитывая не встретить особенного сопротивления. При подходе к Дубовке, в районе Тишанской балки, отряд был встречен контратакой красной конницы, в подавляющем количестве, и, понеся большие потери ранеными и убитыми, в числе последних был и начальник отряда полковник Кравцов, принужден был спешно отойти. По рассказу фельдшера одного из полков отряда Апришкина, бывшего в момент боя около полковника Кравцова, красные, пользуясь туманом, зашли по балке в тыл и окружили полковника, руководившего боем. Не желая сдаваться живым в плен, полковник Кравцов застрелился.

Объединив командование всей конной группой, я на ночлег и отдых отправил полки 1-го конного отряда в село Лозное. 31 декабря из штаба фронта прислан мне был на усиление 4-й пеший полк в 200—300 штыков, в очень плачевном состоянии, как в смысле боевой подготовки, так и дисциплины, и гаубичная батарея из двух орудий. День прошел спокойно, и, ввиду утомления частей и сильного мороза, боевых действий не предпринималось. Красные также нас не беспокоили, отойдя в район Дубовки.

С наступлением темноты конницу в сторожевом охранении сменил 4-й пеший полк, заняв заставами окраину деревни. К вечеру мороз усилился и поднялась вьюга. Половину лошадей разрешено было расседлать, оставив в каждом полку дежурную часть в полной готовности. Людям разрешено было по очереди мыться в банях. Около 10 часов вечера, когда в штабе отряда готовились к встрече Нового года, неожиданно со стороны южной окраины села поднялась сильная ружейная, а затем и пулеметная стрельба. Дом, занятый штабом отряда, стал простреливаться ружейными пулями. В хуторе поднялась суматоха. От 4-го пешего пол-

ка получено донесение, что красные внезапно напали на сторожевое охранение и заняли окраину села. По телефону и через ординарцев полкам приказано по тревоге собираться на сборный пункт, на северную окраину хутора. Быстро выбрались полки из хутора и построились в резервных колоннах на северной окраине. Через 3—4 минуты после тревоги конная батарея есаула Овчинникова, заняв позицию, открыла огонь по подступам и по южной окраине хутора. Красные между тем, вырезав заснувшее и пьяное, по случаю Нового года, сторожевое охранение 4-го пешего полка, ворвались в деревню. Вьюга и туман еще более осложняли обстановку. Ориентироваться можно было только по выстрелам. Справа, в обход хутора, показались неприятельские конные группы; судя по выстрелам и донесению посланного с разъездом от конвойной сотни штаба сотника Маркова, силу этих групп можно определить в два-три отдельно действующих эскадрона.

Для противодействия обходу на правый фланг, на выстрелы, были выдвинуты две сотни. Две другие сотни в пешем строю и одна в конном перешли в контратаку хутора. Конная сотня, наступавшая по долине, по замерзшей речке, пересекавшей хутор, столкнулась с красным эскадроном; в схватке около пятидесяти красных кавалеристов и командир эскадрона были зарублены. Ружейная и пулеметная стрельба, прерываемая орудийным огнем, охватила со всех сторон хутор. Завязался ожесточенный ночной бой. Удачными попаданиями артиллерии красная колонна, сосредоточенная на южной окраине хутора, была расстроена и бросилась в сторону, к востоку от хутора. Воспользовавшись поднявшейся у противника суматохой, сестра 4-го полка Грекова не потерялась и увела захваченный было красными лазарет и пленных.

Постепенно, по мере выяснения обстановки, наши части, выдвинутые на поддержку атакующим, втянулись в бой, обходя хутор слева и справа. К 3 часам утра противник был окончательно выбит из села и скрылся в темноте, оставив убитых и пленных. Части вновь заняли квартиры. Из опроса пленных выяснилось, что красная Доно-Кубанская конная бригада, застигнутая в пути вьюгой, сбилась с пути и, блуждая в поисках ночлега, случайно наткнулась на расположенные в хуторе Садки наши части. Беспечное сторожевое охранение было захвачено врасплох, частью вырезано, благодаря чему красным удалось почти без шума подойти к селу и занять окраину. Не предполагая, что хутор занят сильными частями противника, и не рассчитывая встретить дальнейшего сопротивления, красная бригада решила остановиться на ночевку.

В первых числах января 1919 года наш конный отряд, усиленный 5-м пешим казачьим полком в 500 штыков, сосредоточился в районе

сел М. Ивановка — Лозное для обороны этого сектора. Погода была ясная. Стояли сильные морозы.

5 января красная конница, перейдя в наступление, вытеснила из М. Ивановки 14-й конный полк и с диким воем атаковала 5-й пеший полк, занимавший позицию к западу от М. Ивановки. Подпустив красных на 300—400 шагов, пеший полк с удивительной выдержкой и хладнокровием встретил атаку несколькими отчетливыми залпами. Атакующая в массе конница отхлынула в беспорядке, оставляя убитых и раненых, преследуемая частым ружейным огнем.

В тот же день, между 12 и 16 часами, красная конница шесть раз бешено, в конном строю, переходила в атаку на село Лозное, но постоянно с потерями откатывалась назад, под убийственным ружейным и пулеметным огнем спешенных частей нашей конницы, занимавших по северной возвышенности села Лозного заранее подготовленную и пристрелянную позицию. Особенно блестяще действовала конная батарея есаула Овчинникова, метким ураганным огнем вносящая смерть и ужас в ряды атакующих.

С командного пункта можно было наблюдать освещенные заходящим солнцем красочные атаки советской конницы, несшейся волнами на Лозное и сметаемой огнем артиллерии. Укрепившиеся на позиции по окраинам села спешенные сотни постоянно заставляли красных, подскакивающих почти вплотную, так же быстро смешаться и поворачивать назад, неся потери. Несмотря на проявленное упорство и настойчивость, противник не добился успеха; прорвать наше расположение ему не удалось, и к вечеру красная конница отошла в село Давыдовка.

6 января я перешел в наступление на Давыдовку. При подходе к Давыдовке мы были встречены сильным артиллерийским огнем; один из снарядов попал в группу штаба отряда, двигавшуюся в голове колонны, и убил двух лошадей и проводника, жителя села Лозного, в тот момент, когда последний, по миновании надобности, был отпущен домой, но задержался, докуривая папироску.

Развернувшись, наши части начали наступление, стараясь охватить село с фланга и отрезать путь отступления на Дубовку. После краткой перестрелки противник, прикрываясь артиллерией, отошел на посад Дубовку. Из опроса захваченных в Давыдовке пленных и рассказа священника, в доме которого находился штаб красной конницы, мы узнали, что село занимала конная дивизия Думенко, командовал ею временно, ввиду ранения в руку в бою 30 декабря начальника дивизии, его помощник Семен Буденный. Маленькая деталь: священник обратил внимание, что товарищ Буденный, получая донесения, долго и усердно их рассматривал, затем, передавая их начальнику штаба или адъ-

ютанту, говорил: «Ничего не разберешь, так непонятно, сукины сыны, пишут!»

Продолжая теснить красных, мы заняли село Прямая Балка. Буденный отошел на Песковатку и Дубовку. С занятием Прямой Балки боевой день закончен. Разместить на ночлег весь отряд в Прямой Балке не представлялось возможным, и часть отряда я отвел на ночлег в Давыдовку, куда к вечеру были подтянуты обозы, а в Прямой Балке оставил 16-й конный полк и 5-й пеший; последний было бы правильней оттянуть назад, но так как пешие части были особенно утомлены, я, уступая просьбе командира полка и не желая заставлять полк сделать еще один переход, нарушив общее правило, решил остаться полку в Прямой Балке. Дальнейшее наступление продолжать было рискованно, ибо мы значительно выдвинулись вперед и наш правый фланг был совершенно открыт и как бы висел в воздухе, а противник был многочислен и активен.

У 7 января отряд не предпринимал никаких действий, ограничиваясь разведкой. Я предполагал из осторожности оттянуть части из Прямой Балки в Давыдовку и в этом смысле сделал доклад генералу Яковлеву.

У В ответ 8 января утром от генерала Татаркина была получена телефонограмма: «Не беспокойтесь за ваш правый фланг, я его обеспечил в селе Тишанка пешим полком с батареей».

Впоследствии оказалось, что пеший полк самовольно оставил Тишанку еще накануне. Получив телефонограмму генерала Татаркина, я отдал приказ о наступлении. Когда дивизия строилась у восточного выхода из Давыдовки, из Прямой Балки по телефону было получено донесение от командира 16-го конного полка, что красная конница с броневыми автомобилями внезапно, массой обрушилась на Прямую Балку; вскоре прискакал казак со вторым донесением: 5-й пеший и 16-й конный полки спешно отходят по балке, тянущейся вдоль нашего пути наступления, преследуемые красной конницей и бронемашинами. По получении таких сведений части отряда быстро заняли позицию, забаррикадировали и перекопали где успели дороги и, встретив противника пулеметным и орудийным огнем, задержали его стремительный натиск. Приняв на себя отступающие наши части, отряд с боем стал отходить, дав предварительно возможность обозам выбраться из Давыдовки.

По докладу командира 16-го конного полка, полковника Дьяконова, части, занимавшие Прямую Балку, получив приказ о наступлении на Дубовку, начали строиться и выходить из села, ожидая подхода главных сил отряда. Вперед была выслана разведка, а правый фланг, надеясь на части, находившиеся, согласно сообщению генерала Татаркина,

в Тишанке, охранялся лишь заставами. В это время, совершенно неожиданно, со стороны Тишанки на наш правый фланг обрушился конный отряд Буденного с двумя бронемашинами. Внезапное появление броневиков с пулеметами произвело панику в 16-м конном полку. Полк бросился в соседнюю балку, тянувшуюся слева, параллельно нашему движению, 5-й пеший полк мужественно принял атаку, встретив красных ружейным и пулеметным огнем.

Подавляющее число противника, внезапность и главным образом благодаря невиданным еще машинам, казавшимся неуязвимыми, заставило полк, потерявший половину людей, также отходить по балке, группами, к Давыдовке. Появление у противника машин произвело сильное впечатление на все наши части. Нервность повысилась, как следствие неподготовленности к борьбе с броневиками и кажущейся беспомощности остановить их стремительность. Призрак бронемашин еще несколько дней витал над частями, и иногда появление на горизонте кухни вызывало тревожные крики: «Броневик!»

Следующие дни, 9—12 января, отряд, отходя к Большой Ивановке, вел бои с переменным успехом с красной конницей. В это время на Северо-Восточном фронте было неблагоприятно, особенно на севере, где части, почти без боя, отходили к югу.

Заканчивая краткое описание действий в Иловлинском районе, я не могу не подчеркнуть некоторых обстоятельств и фактов и не сделать некоторых выводов. Конный отряд в непрерывных боях и передвижениях в течение последних 4—5 месяцев без отдыха значительно понизил свою боеспособность. Особенно губельно на людях и главным образом на лошадях отозвались последние два месяца пребывания в Саратовской губернии, где за отсутствием фуража зачастую кормили лошадей соломою с крыш и даже камышом. Боевой состав в некоторых полках дошел до 150—200 сабель. Несмотря на мои неоднократные доклады генералу Яковлеву и просьбы о разрешении отводить по очереди полки на отдых и пополнение в ближайший тыл, я получал всегда отказ, хотя была полная к тому возможность. Обозы были переполнены больными и ранеными, и людьми, и лошадьми. Почти непрерывные передвижения с ежедневными боями совершенно вымотали нашу конницу, прибывшую из Соломатина в полном порядке, с боевым составом около 1000 сабель в каждом полку. Вся Иловлинская операция, длившаяся с 9 ноября 1918 года по 12 января 1919 года, если не считать уничтожения ударной группы противника у села Лозного 22 декабря и 6-го кавалерийского запасного полка у деревни М. Ивановка в ноябре, не имела особого значения, не стоила тех усилий, жертв и потерь в людях и лошадях от бескормицы и тифа и све-

лась лишь к бесконечным передвижениям с боями, не имевшим никакого стратегического значения.

Задача, поставленная 4-му конному отряду — облегчить положение группы генерала Татаркина, — совсем не требовала снятия с Камышинского направления целой конной дивизии, а могла с успехом быть выполнена находившимися в распоряжении генерала Татаркина частями 1-го конного отряда, ибо появившиеся значительные силы красной конницы были переброшены к северу от железной дороги, из Царицынского района, только в конце декабря, и в противовес активным действиям появившейся нашей конницы. Впечатление у меня сложилось, что мой отряд был вызван в район Иловли только для спокойствия штаба фронта, без настоящей необходимости или каких-либо стратегических соображений и даже в ущерб общему делу.

Результат ухода конницы из Соломатина был тот, что операция против Камышина была прекращена и генерал Осовский, через час после ухода конницы, оттянул части на 15 верст назад, снял осаду, и этот важный пункт был взят Кавказской армией только через 8 месяцев.

Если бы не категорическое приказание генерала Яковлева 8 ноября — идти на выручку группы генерала Татаркина, которой, как я уже упомянул, в этот период (8 ноября — 20 декабря) не угрожало никакой опасности, настолько серьезной, чтобы перебрасывать целую дивизию, для порчи дороги, что с успехом могли выполнить одни разъезды, — я, без сомнения, 9—10 ноября занял бы Камышин и сообщение Царицына по Волге с Центральной Россией было бы прервано на 8 месяцев раньше.

Штаб Северо-Восточного фронта

13 января 1919 года, находясь с отрядом в селе Малая Ивановка, я получил от генерала Яковлева предписание прибыть в штаб Северо-Восточного фронта, в слободу Михайловку, для доклада.

В это время на Северо-Восточном фронте всюду было скверно, фронт разваливался и откатывался к югу почти без сопротивления и местами даже без соприкосновения с противником. Управление войсками было утеряно. По пути следования в штаб я встречал вооруженные группы казаков разных частей, соединявшихся, по собственной инициативе, в отряды для партизанских действий и обороны станиц и хуторов. Отрядами командовали офицеры, но общего руководства не было, никто обстановки не знал. Я, убедившись, что управления не было, по собственной инициативе приказывал этим отрядам разыскать

противника и, не теряя с ним связи, медленно отходить к станицам и хуторам, лежащим на Дону, где им закрепляться, связываться с соседними отрядами, вести разведку и ждать дальнейших распоряжений. Этим отрядам я наметил пути следования на станицы Кременскую (есаул Руф, Попов), Клецкую, Перекопскую, Распопинскую (хорунжий Сердинов), рассчитывая создать здесь линию обороны. Отряды были разной силы, от 100 до 600 человек. В станице Кременской было даже две пушки.

По пути следования в Михайловку я встретил офицера, накануне выехавшего из Михайловки, который сообщил мне, что в Михайловке расклеены афиши, приказы и объявления, что на фронте все благополучно, но штаб генерала Яковлева спешно ушел в Арчаду и эвакуировал все военные учреждения. Я направился в Арчаду; штаба фронта и здесь не было. Арчада спешно эвакуировалась и была запружена обозами и тыловыми учреждениями. Начальник этапа доложил мне, что генерал Яковлев со штабом проследовал на юг, минуя Арчаду.

Около 20—22 января я наконец нагнал штаб в одном из хуторов за Доном. После разговоров с генералом Яковлевым по поводу последних операций в районе Прямой Балки я передал ему письменный доклад о бое 7 января, о деятельности 4-го конного отряда и о состоянии его в последний период, с приложением копий как моих донесений и докладов, так и копий распоряжений штаба фронта и сообщений генерала Татаркина. Из представленных документов, особенно копий распоряжений штаба фронта, часто противоречивых и даже абсурдных, не соответствовавших обстановке и элементарным требованиям ведения боевых операций и использования конницы, можно легко было вывести заключение о руководстве штаба фронта. Я указал также на состояние людей и лошадей, бескормицу, тиф, отсутствие теплой одежды и особенно сапог — результатом этих причин и было понижение боевого состава частей до 150—200 сабель в полку. За все время пребывания в районе Саратовской губернии 4-м конным отрядом от штаба Северо-Восточного фронта не было получено ни одного сведения, ни одной информации, как об общей обстановке на всем фронте, так, в частности, и о положении на Северо-Восточном фронте. Никаких сведений о противнике, о задачах Северо-Восточного фронта и вообще, кроме того, никакой заботы о питании людей и лошадей, одежде и проч.

Доклад мой по своей яркости, документальности и правдивости произвел на генерала Яковлева сильное впечатление, понявшего, по-видимому, как много им сделано ошибок и проявлено легкомыслия. Затем я информировал его о всем виденном и сделанном мною перед

фронтом, во время моего следования в розысках штаба фронта, об отданных мною распоряжениях и указаниях и предложил ему поручить мне объединить действия партизанских отрядов, войти в соприкосновение с противником и, организовав оборону по Дону, задержать на несколько дней противника, что даст возможность нашим частям прийти в порядок.

23 января я получил предписание и вместе с одним из офицеров моего штаба, штабс-ротмистром Небогатиковым¹⁶⁶, объехал станицы Кременскую, Перекопскую, Клецкую и другие, где к этому времени казаки уже сорганизовались. За это время я выпустил три приказа-воззвания с описанием обстановки и директивами отрядам. Красные пока особенной активности не проявляли, и деятельность партизанских отрядов состояла главным образом в разведке и поддержании связи между собою, чем достигалась общность действий. Около 10 дней отряды выполняли свою задачу, отбивая небольшие группы противника.

1 февраля я счел задачу выполненной, партизанские отряды отправлены по своим частям, и я выехал в Новочеркасск.

Новые формирования

В начале февраля 1919 года я прибыл в Новочеркасск, где с огорчением узнал, что Донской атаман генерал Краснов оставил свой пост и вместо него избран Кругом генерал Богаевский, что командующим Донской армией назначен, вместо генерала Денисова, малопопулярный генерал Сидорин.

В это время новый командарм производил переформирования Донской армии. 4-й конный отряд переформирован в 15-ю Конную дивизию, в составе трех Усть-Медведицких полков: 13, 15 и 17-го. Во временное командование вступил войсковой старшина Сутулов. При создавшейся обстановке в Новочеркасске мне делать было нечего, и через две недели я выехал на фронт, в распоряжение генерала Мамонтова, в станицу Великокняжескую.

1 марта, после свидания в поезде с генералом Мамонтовым и начальником штаба генералом Алексеевым¹⁶⁷, я отправился в станицу Семикаракарскую, в VII корпус¹⁶⁸, входящий в группу генерала Мамонтова, с предписанием от генерала Мамонтова командиру VII корпуса генералу Попову И.Д. следующего содержания: «Дать полковнику Голубинцеву назначение, соответствующее его боевым заслугам». 5 марта вечером я прибыл в штаб корпуса и представился комкору. Штаб собирался уходить в хутор Веселый. Утром 6-го я получил следующее

предписание: «Полковнику Голубинцеву. 1919 г. 6 марта 9 час. 30 мин. № 0122/ж ст. Семикаракорская. Комкор 8¹⁶⁹ приказал в дополнение приказа по корпусу № 79/ж приступить Вам к формированию 5-й Конной дивизии. Ваш помощник полковник Егоров. На формирование дивизии должны быть обращены 13-й, 15-й и 17-й конные полки. В остальном Вам руководствоваться приказом № 79, копия которого будет Вам прислана дополнительно. Надлежит также Вам принять три конных сотни войскового старшины Примерова. Наштакор 8 полковник *Жилинский*¹⁷⁰».

Одновременно мною была получена копия телеграммы следующего содержания: «Через Новочеркасск. Ст. Семикаракорская. Комкору 8. Разъезд Анти Комкору 6 Донского¹⁷¹ из Штармии 1-й¹⁷² № 237 б/с 16 час. Только Комкору 8 на № 273. Командарм предназначил на должности Начдива конной формируемой из 12-й и 14-й дивизии генерала Секретова¹⁷³ и помощником войск. старш. Рубашкина. Из 13-й Конной див. и 50 кон. полка, дивизиона Севостьянова, сотни Лобанова, конной сотни ударного батальона — генерала Попова и помощником полковника Попова.

2-й конной дивизии — полковника Калинина и помощником полковника Егорова. Из конных частей Сев.-Восточного Фронта желательно было бы сформировать две конные дивизии с назначением начдивом одной из них генерала Татаркина и помощником полковника Сугулова и начдивом другой полковника Голубинцева и помощником полковника Егорова.

Начдивом казачьей пешей полковника Якушева и помощником полковника Тарасова. Штадив 13 пеш. — штадивом пешей казачьей и наштадивом — капитана Раздарова. Штадивы конных по выбору соответствующих начдивов. Наштадив у генерала Татаркина полковник Дронов¹⁷⁴. Назначение капитана Полковникова¹⁷⁵ наштадивом Командарм не согласен. 4/III 17 час. 20 мин. № 01313 Великокняжеская. *Алексеев*. С подлинным верно. Сотник *Леонов*».

Получив предписание, я немедленно приступил к формированию дивизии. К 9 марта 5-я конная дивизия была сформирована в составе четырех конных полков. В хуторе Золотове я сделал смотр дивизии. Входившие в состав дивизии полки мною были сформированы еще в 1918 году, во время восстания, и в большинстве состояли из усть-медведицких казаков. Узнав о моем назначении, казаки группами и в одиночку со всех сторон стали стекаться в полки дивизии, и численный состав полков достиг до 1000 сабель в каждом.

11 марта я был вызван комкором генералом Поповым в хутор Веселый. Здесь генерал сообщил мне, что генерал Татаркин не мог сфор-

мировать дивизии из своих бывших полков, как предполагалось, согласно телеграмме командарма I, № 277, а потому он решил сформированную мною дивизию передать генералу Татаркину, как старшему, а мне предлагает принять дивизию от полковника Калинина, которого он якобы не знает. Я, конечно, отказался от последнего предложения, заявив, что если генерал Татаркин не сформировал дивизии, то совсем не потому, что нет достаточного числа казаков, а просто потому, что у него не было достаточно воли и желания, ибо гораздо легче заявить о своем праве старшинства, чем начать формирование.

В это время я чувствовал себя совершенно больным, у меня начинался брюшной тиф, температура 39 градусов, а потому у меня не было ни охоты, ни желания отстаивать свое право на сформированную уже дивизию, состоящую почти целиком из моих казаков. Генерал И.Д. Попов предложил мне приступить вторично к формированию новой дивизии из тех казаков, которые были предназначены на формирование дивизии генерала Татаркина, и из находящихся в обозах, переполненных больными и выздоравливающими. На это предложение я не ответил ни да, ни нет.

После разговора с генералом Поповым я отправился в штаб корпуса к начальнику штаба полковнику Жилинскому. Увидев меня, полковник Жилинский встретил меня радостным возгласом:

— Очень рад вас видеть! В последние дни, узнав о вашем назначении, меня непрерывно осаждают как отдельные казаки, так и целые группы вопросами — где полковник Голубинцев! Скажите, что их так притягивает к вам?

— Да это весьма понятно, ибо это мои казаки, не казаки X-й дивизии или отряда, но казаки Голубинцева, с которыми я поднял восстание и с большинством из них служил в 3-м полку до войны, во время войны и после войны.

Когда я передал полковнику содержание моего разговора с комкором, он развел руками и сказал:

— Ничего не понимаю! У нас в корпусе все делается наыворот, нет ни одного положительного решения... Впрочем, через два дня генерал Попов будет отрешен от командования корпусом. Этот вопрос уже решен.

И действительно, дня через два, к моему глубокому удовлетворению, генерал Попов был отставлен от командования корпусом.

V 11 марта вечером я получил новое предписание за № 01009 — вновь приступить к формированию 5-й конной дивизии. Сформированная же мною 5-я дивизия была передана генералу Татаркину и получила новое наименование «4-й конной дивизии генерала Татарки-

на». Перед тем как передать генералу Татаркину дивизию, я послал приказание начальнику штаба — забрать штаб, трубачей, конвойную сотню и лазарет и отойти в тыл на формирование новой 5-й дивизии.

12 марта я окончательно слег, врачи определили у меня брюшной тиф. В глубокий тыл я не эвакуировался, а остался у себя в дивизионном лазарете, проделав на походных носилках утомительные переходы во время нашего отступления, почти до границ Кубани.

Восстание по Медведице

Едва оправившись после брюшного тифа, в середине апреля 1919 года я выехал из с. Н.-Батайского, где находился лазарет формируемой мною дивизии, на фронт. После зимнего отступления и неудач обстановка менялась в благоприятную для нас сторону и намечался переход в наступление. Для ориентирования в обстановке я хотел повидаться сначала с генералом Мамонтовым, моим сослуживцем по 3-му Донскому казачьему Ермака Тимофеева полку.

После поисков я нашел генерала в его поезде у станции Аксайской. В это время он был почти не у дел, имея лишь штаб и небольшое число пеших людей. Мамантов посоветовал мне ехать к генералу Покровскому¹⁷⁶, который перешел в наступление и скоро, надо полагать, вступит в пределы Донской области, где я могу из восставших казаков быстро сформировать полки и дивизии.

Через несколько дней я прибыл в штаб 1-го Кубанского корпуса¹⁷⁷, находившегося на одной из станций Царицынской железнодорожной ветки. После моего доклада о моих планах и намерениях генерал Покровский обещал мне оказать полное содействие для выполнения моей задачи, как только мы вступим в пределы Дона. Прибывшая со мной конвойная сотня временно была прикомандирована к Татарскому полку Конно-Горской дивизии¹⁷⁸.

4 мая, когда штаб Кубанского корпуса находился в Ново-Маньчской, от генерала Сидорина была получена телеграмма, вызывающая меня в Новочеркасск. Простившись с генералом Покровским, я дал распоряжение и маршрут штабу, конвойной сотне и обозу с лазаретом отойти в район Донской армии, а сам с адъютантом решил ехать по железной дороге в Новочеркасск, чтобы побывать предварительно в войсковом штабе. Но в это время с отправкой конвойной сотни произошло небольшое затруднение, задержавшее меня дня на два. Начальник Конно-Горской дивизии полковник Гревс¹⁷⁹, наговорив мне массу похвал и комплиментов по адресу конвойной сотни, стал про-

свить меня разрешить еще на некоторое время задержать сотню в дивизии, так как сотня якобы необходима, ибо, как он выразился, «держит всю дивизию». Я, конечно, ни в коем случае не мог согласиться на это. Сотня состояла из людей мне преданных, испытанных, по большей части моих сослуживцев по 3-му полку царской армии, с которыми я начал Усть-Хоперское восстание в апреле 1918 года.

Наконец, после долгих разговоров, полковник Гревс сказал, что не может отпустить сотню, несмотря на распоряжение генерала Покровского, не получив приказания от генерала Шатилова¹⁸⁰. Все мои доводы, что конвойная сотня находится в моем непосредственном подчинении и лишь состоит на довольствии при Конно-Горской дивизии, что ее никто не может удерживать и что стоит мне лишь отдать приказание — и казаки в первую же ночь присоединятся ко мне, но я не хотел бы прибегать к такой мере, так как считаю, что это может подействовать развращающим образом на другие части, не могли убедить полковника Гревса, и мне пришлось ехать к генералу Шатилову. В штабе я не застал Шатилова, но его начальник штаба отдал приказание полковнику Гревсу не задерживать сотни. Отправив сотню, я уехал в Новочеркасск.

Впоследствии, уже по прибытии в Усть-Медведицу, командир конвойной сотни доложил мне, что, когда конвойная сотня, следуя по данному ей маршруту, уже вошла в пределы Донской области, ее догнали четыре горца с приказанием якобы от генерала Врангеля вернуться обратно в Конно-Горскую дивизию. Командир сотни ответил, что он теперь находится в пределах Донской армии и только от донского командования может получать приказания, а кроме того, у него имеется приказ от своего начальника дивизии следовать по данному им маршруту.

В Новочеркасске я явился к генералу Сидорину и начальнику штаба Донской армии генералу Кельчевскому. Почти одни и те же разговоры и те же вопросы: что вы делаете у этого... Покровского, поезжайте к Мамонтову, он уже начал наступление, и там для вас будет более успешная работа. Получив от генерала Кельчевского предписание отправиться в распоряжение генерала Мамонтова и приступить к формированию дивизии, я выехал из Новочеркаска, сначала на лошадях, а затем, по пути, пересел на нагнавший нас по Дону пароход «Петр I», следовавший в Нижне-Чирскую станицу. Лошадей я погрузил с собой на пароход.

Не доходя около 100 верст до станицы Нижне-Чирской, пароход вследствие мелководья засел в песке, пришлось продолжать путь опять на лошадях. По прибытии в Нижне-Чирскую я там Мамонтова не

захватил, он уже продвинулся вперед со своими частями. В Нижне-Чирской оставались лишь его некоторые тыловые учреждения.

Продолжая свой путь через станицы Потемкинскую, Клецкую, Распопинскую, я нагнал 4 июня Мамонтова в Усть-Медведице, на берегу Дона, где он переправлял свои части на левый берег. Здесь же я получил от генерала инструкции и предписание. Через час генерал Мамонтов со своими частями двинулся на Арчаду.

Организовав быстро походный штаб, я объявил мобилизацию. Казаки стали стекаться со всех сторон. Приказ о мобилизации был разослан в станицы Ново-Александровскую, Глазуновскую, Арчадинскую, Етеревскую, Березовскую и другие. Через три дня я выехал на лошадях вверх по Медведице, за мной уже вереницей тянулись казаки из станиц и хуторов, лежащих по Медведице. В пути я получил следующее предписание генерала Мамонтова: «7/VII. Арчада. Усть-Медведица. Полковнику Голубинцеву. Безотлагательно выезжайте. Ваше присутствие необходимо. Спешите день и ночь. Район по Медведице весь восстал, необходимо дело наладить. Генерал Мамонтов».

Заслышав о моем приближении, казаки восставали, убивали или зарывали живыми в землю комиссаров и прогоняли за границу Дона переселенцев из Центральной России, водворенных советской властью. Продвигался я вперед нигде не задерживаясь; за мною вооруженные, кто как мог, выезжали из домов казаки и по пути присоединялись к своим станичным отрядам. Станицы мною были разбиты по полкам, формирование происходило на ходу. Назначенные мною командиры полков разбивали станичные и хуторские отряды по сотням, назначали командиров сотен и продолжали формирование с движением вперед. Такое быстрое формирование и мобилизацию можно производить только среди казаков, природных воинов, привыкших к порядку и дисциплине, пропитанных древними традициями и преданиями родного войска.

12 июня я вступил в станицу Островскую во главе конной дивизии из четырех конных полков по 1000—1200 сабель в каждом. Все население станицы нас торжественно встретило с иконами. При входе в станицу воздвигнута была триумфальная арка; отслужен благодарственный молебен об освобождении от советской власти, сказаны подходящие к обстановке речи. Кроме конных полков дивизии, мною было сформировано еще два пеших полка, но ввиду недостатка оружия я их оставил в тылу и вскоре передал их в пеший отряд полковника Сутулова.

14 июня я получил от генерала Мамонтова следующее предписание: «Полковнику Голубинцеву. 9 июня. 6 час. № 1032 ст. Арчада. Пред-

писываю Вам организовать восставших по Медведице казаков и, сформировав из них полки и бригады, вступить в командование означенными частями. В формируемые Вами части не подлежат зачислению те казаки, кои идут на укомплектование 4-й дивизии. Задача Ваша — развить в полной мере восстание и партизанские действия в районе Липки—Камышин—Кумылга. Установите связь с восставшими крестьянами Камышинского уезда и также примите меры к их организации. Генерал *Мамонтов*».

Так как ко времени получения настоящего предписания я уже выдвинулся далеко вперед из района действий, указанных в предписании, я решил начать партизанские действия в северо-восточном направлении Рудня—Камышин, с целью добыть возможно скорее необходимое оружие и пушки.

Первое столкновение с организованным противником произошло 15 или 17 июня у одного из хуторов, верстах в десяти к северо-востоку от станицы Островской. Без выстрела, с шашками и пиками, в конном строю, 2-й Усть-Медведицкий конный полк под командой войскового старшины Гайдукова атаковал советский пехотный отряд, опрокинул, рассеял, частью изрубил и взял в плен 500 человек, 400 винтовок и два пулемета. Первый успех поднял дух и окрылил молодые Усть-Медведицкие полки.

Еще несколько смелых налетов — и дивизия почти вся вооружилась винтовками и пулеметами. Добыты были обозы, походные кухни, телефонное и телеграфное имущество, двуколки. Не было только пушек, но личный состав батареи был сформирован из артиллеристов.

В ответ на мои донесения и доклады генералу Мамонтову об обстановке и моих действиях и распоряжениях я получил следующее: «Начальнику Усть-Медведицкой дивизии. хут. Нижне-Писаревский. № 0729/ж. 20/VI 14 час. 15 мин. Комкор на № 84 резолюцией приказал первым днем формирования считать 9 июня с. г. (т. е. начало формирования). Оружие Вам затребовано. Держите на особом учете артиллеристов для формирования батареи; пушки, если сами не отобьете, будут присланы. По параграфу 3 Вашего приказа № 2 — известить станичных атаманов, что за все представленное будет полностью уплачено из Войсковых сумм, по существующим в интендантстве ценам. Представить счета для оплаты. Получить у интенданта аванс на довольствие. По параграфу 2 приказа № 3. Всех дармоедов, прибывших на Дон из России, собрать в партии и принудить возвратиться в свои места, на родину. Особенно непокорных и протестующих расстреливать, склонных устраивать митинги и проповедовать о пользе советской власти нещадно пороть, невзирая на пол и возраст. Выселе-

ние должно последовать в спешном порядке; привезенное переселенцами ценное имущество отобрать в пользу тех обществ, на прокормлении коих находились переселенцы. Впредь до получения Вами вооружения комкор приказал заняться партизанскими действиями на фронте Ременников — Красный Яр — Рудня — Елань, имея целью порчу железных дорог, телеграфа и нарушение связи движения и захват обозов. Ген. Мамонтов из Н. Писарева сегодня переходит в хутор Тетерин, в районе коего наша конница имеет задачу движения на Камышин — Красный Яр. Вероятно, задача будет изменена, ввиду занятия Кавказской Армией Царицына. Возможно она двинется на Камышин. Полковник *Жилинский*».

Конечно, мер, рекомендуемых вышеприведенным приказом по отношению импортированного на Дон советской властью на прокормление «надежного элемента», применять не приходилось, ибо при первых только признаках наступления белых армий весь красный коммунистический «наплыв» исчезал, не дожидаясь приглашения.

В исполнение данных директив, развивая партизанские действия, Усть-Медведицкая дивизия заняла район к северо-востоку от ст. Островской. Появление нашей конницы в селах Котово, Мойсеево, Слюсареве и других внесло панику в красный тыл. Частями дивизии было захвачено много тыловых учреждений, телеграфных и телефонных станций, резервных и учебных частей, обозов. Разъезды наши доходили до участка железной дороги Рудня—Камышин, разбирая и взрывая железнодорожное полотно.

Беспокоясь за свои тылы, красное командование снимает с фронта конный корпус Буденного, стоявший против конной группы генерала Мамонтова, которой в это время командовал временно генерал Толкушкин¹⁸¹, и ставит Буденному задачу: уничтожить дивизию полковника Голубинцева (что видно из захваченного приказа Буденного по корпусу).

Усть-Медведицкая дивизия в это время располагалась следующим образом: штаб дивизии с конвойной сотней в станице Островской, 1-й конный полк в районе хутора Бузулука, 4-й конный полк в хуторе Пшеничкине, 2-й конный полк в хуторе Н. Коробковском и 3-й конный полк в слободе Ореховке. Полки связаны со штабом дивизии телефоном. Накануне, до позднего вечера, дивизия вела бой с красной конницей к востоку от хут. Коробкова. Противник был оттеснен за линию Котово—Мойсеево и, по всем данным, не предполагалось никаких неожиданных действий со стороны красных. Полки отдыхали, ограничиваясь охранением.

Около 10 часов утра красная конница внезапно атаковала хутор Н. Коробковский; 2-й конный полк войскового старшины Гайдукова, не

успев даже по телефону сообщить о нападении противника, спешно и сначала даже в беспорядке стал отходить на Островскую. Из сторожевого поста, выставленного от штаба дивизии на кургане к востоку от Островской, прискакал казак с донесением, что в хуторе Коробковском что-то происходит, как будто тревога: видно, суматоха и отдельные казаки скачут по направлению к Островской. Через несколько минут получено донесение от командира полка, что полк под давлением красной конницы отходит на Островскую. Конвойная сотня с двумя пулеметами выслана на восточную окраину станицы и быстро заняла заранее намеченную позицию. По телефону полкам сообщено об обстановке и приказано: 4-му конному есаула Долгова — от хутора Пшеничкина атаковать во фланг и тыл наступающего на Островскую противника; 1-му полку полковника Болдырева — ускоренным аллюром двигаться вдоль реки Медведицы на Островскую и, действуя по обстановке, атаковать противника. 3-му полку есаула Семисотова — слобода Ореховка — занять позицию по реке Медведице и, в случае нашего отступления, обеспечить наш отход и переправу через Медведицу. Красная артиллерия обстреливает станицу. Обоз и тыловые учреждения были переправлены в Ореховку, за реку Медведицу, частью через глубокий брод, частью на лодках. Река Медведица в это время вброд почти непроходима, но у Ореховки, при спокойной обстановке, по заранее расставленным вехам, можно было перебраться. 2-й полк приближается к станице, огонь красных становится интенсивней, снаряды рвутся на площади у церкви. Затрещали пулеметы конвойной сотни, 2-й полк также пришел в относительный порядок и присоединился к конвойной сотне.

Когда красная конница, тесня 2-й полк, была на пути между Островской и хутором Коробковом, от хутора Пшеничкина спускался в линии колонн 4-й конный полк под командой доблестного есаула Долгова. Красные, не ожидавшие противника с этой стороны, приняли сначала полк Долгова за свои части и продолжали движение в походной колонне. Очутившись внезапно перед красными, есаул Долгов решает пробить себе дорогу:

— Полк! Шашки, пики к бою! За мной, широким наметом, марш!

Во главе с командиром полка казаки врезаются в удивленную колонну противника и пиками и шашками прокладывают себе путь... Много красных было зарублено и заколото. Полк не только очистил себе путь, но и успел захватить два пулемета противника. Наши потери около 30 раненых, все холодным оружием, и 8 человек убитых. Спустившись к югу и обороняясь от красных, полк занял позицию в 5 верстах ниже по Медведице и, не теряя соприкосновения с противником, к 4 часам после полудня связался со штабом дивизии.

Тем временем штаб дивизии, с конвойной сотней и 2-м конным полком, под огнем противника, прикрываемый пулеметами 3-го конного полка, вброд и вплавь, в порядке, почти без потерь переправился в слободу Ореховку. 1-й полк полковника Болдырева опоздал, участия в бою не принял и переправился через Медведицу в 5 верстах выше Ореховки.

Буденный, подойдя к Медведице, пробовал форсировать переправу, но встреченный ружейным и пулеметным огнем, отошел в Островскую и через день, после нескольких неудачных попыток переправиться в районе Ореховки, оставил станицу, и наши части вновь заняли ее.

Во второй половине июля было получено мною приказание: «Усть-Медведицкой конной дивизии присоединиться к группе генерала Мамонтова, сосредоточенной в станице Урюпинской и готовящейся к выступлению в дальний рейд в глубь России». Выполняя приказание, я с дивизией выступил в поход, но на втором переходе получил второй приказ: занять 30—40-верстный прорыв, образовавшийся между Кавармией, наступающей к востоку от реки Медведицы, и Донармией. Служить связью между двумя армиями и, действуя по обстановке, наступать в направлении на село Рудня.

Тесня противника, Усть-Медведицкая дивизия постепенно с боями заняла села Лопуховка, Громки, Красный Яр и другие, подошла к реке Терсе и начала наступление на село Рудня, лежащее по ту сторону реки. Красные оказывали сильное сопротивление. От огня артиллерии дивизия несла потери. Из штаба 1-го Донского корпуса мне, накануне боя, был прислан взвод стариков с задачей собирать оружие на полях, после боев; не желая этих стариков подвергать излишней опасности, я поместил их укрыто за курганом, но, на их несчастье, один случайный снаряд попал в самую середину взвода и почти всех перебил или переранил.

Бой развивается. Мы продвигаемся в пешем строю. Красные, не жалея снарядов, засыпают нас артиллерийским огнем. Атака назревает. Сердце бьется сильнее. Энергия растет. Спешенные части заняли по гребню исходное положение для атаки. Конный резерв готов для преследования. Посланный мною в обход 3-й конный полк есаула Семисотова, переправившись через Терсу в 4 верстах восточнее Рудни, начал наступление во фланг и тыл защитникам Рудни. В это же время наши спешенные части с криком «Ура!» бросаются в атаку. Теснимые с фронта и угрожаемые обходом, красные начали отступление, сначала медленно, сопротивляясь, с остановками. Большевики выбиты из села, мы продолжаем теснить их к железной до-

роге, где противник был окончательно опрокинут и обратился в бегство, оставив на позиции два орудия, несколько пулеметов. Захвачено 800 пленных. Для преследования высланы сильные разьезды.

После занятия Рудни были очищены от красных и заняты села Матышево, Сосновка, Судачье, станции Ильмень и другие, лежащие к востоку и западу от Рудни. Через несколько дней красные вновь перешли в наступление на Рудню. Встреченные нашей контратакой, большевики отошли, понеся потери, и заняли позицию по гребню, к северу от села Подкуйкова, в нескольких верстах севернее Рудни, где и пытались, подкрепленные конной бригадой, оказать сопротивление. Здесь произошла эффектная конная атака: два полка дивизии на намете развернулись из линии колонн, под ружейным и артиллерийским огнем противника стремительно атаковали красных и врубались в цепи пехоты; находившаяся на левом фланге противника красная конная бригада атаки не приняла и, бросив пехоту, ускакала на север. В этом бою был уничтожен советский «железный полк», если не ошибаюсь, 39-й стрелковой советской дивизии. Взято 500 пленных, несколько пулеметов, 4 орудия и несколько походных кухонь. В тот же день, продолжая преследование, наши полки заняли еще несколько сел по всему фронту к северу от Подкуйкова.

Дальнейшее наступление дивизия приостановила, так как наша задача была, главным образом, заполнить промежуток между Донской и Кавказской армиями, мы же выдвинулись значительно вперед наших соседей, приостановивших наступление 22 июля; находившаяся юго-западнее нас 3-я пластунская бригада отошла за реку Бузулук.

С 25 июля красные, усиленные подкреплениями с севера, стали проявлять большую активность. Вскоре начался общий отход наших армий, правда, очень медленный, но все же отход, с боями и с переменным успехом.

Около 1 августа наша дивизия занимала участок по реке Терсе в районе сел Терсинка, Разловка, Сосновка. Отступление на нашем и соседних участках было не столько под давлением противника, сколько по стратегическим соображениям. Таким образом, отступая и наступая, обороняясь и переходя в контратаки, неся потери и часто захватывая трофеи и пленных, Усть-Медведицкая конная дивизия, прикрывая отход Донской армии, постепенно отходила к Дону. В этот период отхода следует отметить удачные бои нашей дивизии у с. Лопуховка, у слободы Ореховки и особенно блестящее дело 8 августа у станицы Островской, где Усть-Медведицкая дивизия совместно с Атаманской Конной бригадой генерала Каклюгина¹⁸², переброшенной с Кавказской армии на правый берег Медведицы, нанесли

сильный удар красным, чем значительно облегчили тяжелое положение группы генерала Покровского, отходившей правее нас.

В начале августа в районе села Громки был убит состоявший в 13-м конном полку Усть-Медведицкой дивизии хорунжий Кузьма Крючков, популярный во всей России народный герой Первой мировой войны — казак 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка Императорской армии.

Рейд генерала Мамонтова

В этот период Белой борьбы золотыми буквами в историю конницы вписан блестящий рейд донской конницы генерала Мамонтова. В начале июля 1919 года Конная группа генерала Мамонтова была снята с Восточного фронта Донской армии и сосредоточена в районе станции Урюпинской с целью набега в тыл красным, в глубь России.

Общее положение на фронте к этому времени рисовалось следующим образом: во время летнего наступления белыми была захвачена большая территория Южной России, до линии Киев—Орел—Царицын, что давало огромные средства и возможности. Дальнейшими объектами Белого движения являлись Тула и Москва, со взятием которых было бы дезорганизовано боевое снабжение большевиков и военное руководство красными армиями, и, таким образом, для советской армии создавалась крайне опасная политическая обстановка, ибо захват Юга России лишал красных плодородного черноземного пространства и каменноугольного Донецкого бассейна. Война с Польшей еще более усугубляла критическое положение красной власти. Население Юга России в подавляющем большинстве, особенно крестьяне, было против советской власти. Все эти соображения были учтены и приняты как данные, благоприятствующие для производства рейда. Подготовка набега была произведена образцово, корпус выделялся якобы для отдыха и, таким образом, не вызывал особого беспокойства красных. Отбор людей и лошадей был тщательно произведен, все слабое и истощенное оставлялось, люди и лошади за две недели нахождения под Урюпином успели отдохнуть.

Стоявший во главе корпуса генерал Мамонтов был весьма популярен среди казаков. Около 20—23 июля в распоряжение корпуса прибыл командующий Донской армией генерал Сидорин и прочитал указ Верховного правителя адмирала Колчака о назначении генерала Деникина главнокомандующим всеми Вооруженными силами Юга России, а генерал Мамонтов поздравил казаков с походом на Москву.

Выбор места для прорыва красного фронта и направления был сделан весьма удачно — в стыке 8-й и 9-й советских армий. Непосредственной целью набега было: удар по красным тылам, разрушение железных дорог и узловых станций и поднятие восстания среди местного населения. Направление движения было намечено от Новохоперска на Тамбов, являвшийся одним из важнейших пунктов тыла Южного фронта красных. Это направление приходилось в стыке 8-й и 9-й красных армий.

При составлении плана набега предполагалось придать Мамонтову еще 2-й Донской корпус генерала Коновалова и Конную дивизию полковника Голубинцева, сформированную из восставших казаков, силою в 4000 сабель. Для приведения в исполнение этого плана необходимо было сократить фронт Донской армии, выдвинув Кавказскую армию генерала Врангеля к северу, что дало бы возможность снять с фронта корпус генерала Коновалова и, присоединив его в районе Урюпина к группе генерала Мамонтова, ударить в тыл и фланг группы красных в районе Новохоперск—Лиски, в направлении на Воронеж, а затем бросить всю массу конницы в рейд для удара по тылам красных армий.

Таким образом, в смысле сохранения тайны, маскировки намерения, выбора места прорыва и направления, плана и директив, учета настроения населения и обстановки, отбора лошадей, технической и моральной подготовки были приняты и учтены все необходимые для успеха предприятия меры.

Осуществление полностью плана не удалось вследствие медленного продвижения Кавказской армии, которая должна была, заняв Балашов, освободить корпус Коновалова. Занятый борьбою с красными, генерал Коновалов не смог вовремя присоединиться к Мамонтову, а дивизия полковника Голубинцева, направленная на присоединение к генералу Мамонтову из района села Ореховка — ст. Островская, была остановлена на походе и получила новую задачу: заполнить образовавшийся 40-верстный прорыв между Донской и Кавказской армиями и наступать к северу, в связи с Донской и Кавказской армиями.

Генерал Мамонтов, получив директивы о рейде и прождав несколько дней корпус генерала Коновалова, толкаемый Ставкой, решает выполнить рейд самостоятельно.

Состав группы, принимавшей участие в рейде, был следующий: 12-я Донская конная дивизия, 13-я Донская конная дивизия и Сводная Донская конная дивизия; численность каждой дивизии равнялась 2000 сабель. Кроме того, для поддержки был придан еще пеший казачий отряд, около 3000 штыков. Артиллерия состояла из шести полевых орудий, четырех дальнобойных английских и двух 4¹/₂ дюймовых пушек.

Таким образом, численность отряда определялась в 6000 сабель, 3000 штыков, 12 орудий и 3 броневедомобиля. Обозы были взяты только боевые. 25 июля части корпуса начали переправу через реку Хопер у станицы Добринской. 28 июля одна из конных дивизий корпуса обрушилась на 40-ю советскую дивизию 8-й армии, на участке от устья реки Савалы до станции Колоно. Разбитые красные с большими потерями отошли за реку Елань. Одновременно к востоку от реки Савалы была прорвана 36-я советская дивизия и отброшена на линию Красовка—Тюменевка. В образовавшийся прорыв, шириною около 20 верст, двинулись части генерала Мамонтова, и к 20 часам 29 июля одна из дивизий, пройдя 50 верст в направлении на Тамбов, заняла села Костин Отделец и Братки. Передовые части дошли до села Козловки, и разъезды появились на участке железной дороги Борисоглебск—Грязи, между станциями Терновка и Волконская и у станции Есипово.

Появление Мамонтова в тылу у красных произвело страшную панику и расстройство; связь порвалась между штабами, среди командного состава появилась растерянность. Без давления красные очистили Борисоглебск и отошли к М. Алабухе и Гробановке.

До 1 августа главные силы корпуса продолжали оставаться в районе Костин Отделец, Макарово, Тагайки, подтягивая оставшиеся еще в тылу части. Но разъезды продвигались и к 1 августа были у станции Сампур на железной дороге Тамбов—Балашов. 2 августа корпус продолжал движение двумя колоннами: одна дивизия шла на Жердевку и две на город Козлов. Выделенные части атаковали станцию Сампур; красный батальон, защищавший станцию, разбежался. Станцию сожгли, разрушили водокачку, пакгаузы, уничтожили все железнодорожное имущество, мосты, железную дорогу.

Высланная советская кавалерийская бригада для преграждения казакам пути на Тамбов у деревни Сукманки столкнулась с 12-й казачьей дивизией, была разбита наголову и рассеяна. На ночлег 12-я конная дивизия расположилась в районе села Бурнак. Дезорганизация у красных была такова, что выдвинуть что-либо для прикрытия Тамбова красное командование было не в состоянии. 3 августа конный корпус расположился на ночлег в районах сел Пановы-Кусты—Жердевка. Охранение было выдвинуто по линии Липовица (20 верст южнее Тамбова) до станции Чакино, на Тамбово-Балашовской железной дороге.

По пути казаки разрушали железные дороги, телеграф, сжигали станции и железнодорожный инвентарь, разоружая и распуская красные части по домам. Связь между красными штабами была окончательно прервана. Противодействия красные части, оставшись без связи и толковых директив, оказать не только не могли, но и разбежались

при появлении казачьих разъездов. Штаб Южного фронта, находившийся в Козлове, боясь быть захваченным казаками, поспешно бежал, оставив все имущество. Население сочувственно встречало казаков. 4 августа части генерала Мамонтова находились в районе Поповы-Кусты—Грязнуха, в 60—80 верстах к югу от Тамбова.

5 августа утром казаки появились к юго-западу от Тамбова, провалили укрепленный район у деревни Руднево и, захватив у деревни Арапово красную батарею, в 8 часов ворвались в Тамбов, не встретив сопротивления. Многочисленный гарнизон города в панике разбежался, частью сдавшись в плен. Красноармейцы разоружены и распушены по домам, а крестьянам выданы винтовки. С занятием Тамбова можно считать законченным первый период рейда.

Принимая во внимание обстановку, состав отряда, возможности и задачу, приходим к заключению, что этот период рейда выполнялся в техническом отношении образцово, используя все возможности. Удачный выбор направления и пути движения между двумя реками, Еланью и Савалой, обеспечивал фланги, что в первый момент операции было очень важно. Незначительная средняя скорость движения — 180 верст в 8 дней, то есть 23 версты в день — объясняется тем, что конница была связана с пехотой и, кроме того, движение замедлялось продолжительными остановками, необходимыми для выполнения политического задания и выяснения обстановки. Фактической же скоростью движения надо считать 50 верст в день. Скорость же отдельных разъездов доходила до 80 верст в день.

Результат этого периода рейда выразился в разгроме нескольких советских дивизий и отрядов, в уничтожении железнодорожных станций и сооружений и полной порче телеграфной и телефонной сети во всех районах Южного фронта. Неожиданное и внезапное появление массы конницы вызвало среди красного командования растерянность и нервность. Подтвердилось, что население глубоко отрицательно относится к советской власти. Что же касается красного центра, то там возникла страшная паника, о чем свидетельствует воззвание Троцкого от 5 августа: «На облаву» и «Храбрость от отчаяния», где в характерных одесских выражениях товарищ Троцкий старается ободрить красных товарищей, но в тоне и в выражениях этих прокламаций, между строк, ярко сквозит животный панический страх и ужас, так присущий зарвавшейся наглости.

6 августа, находясь в Тамбове, Мамонтов выслал разъезды к северу от станции Селени на Среднюю Дехтярку (37 верст от Тамбова) и к станции Мордово, Грязе-Борисоглебской ветки, а также и на железную дорогу Тамбов—Балашов.

8 августа к вечеру Мамонтов занимает беспрепятственно Козлов, выбросив разъезды по всему району. Находившиеся в этом районе красные части сдавались в плен, часть их распускалась по домам, часть вербовалась в добровольческие отряды. Охрана города Козлова была организована из местных жителей, сочувствовавших казакам.

Красное командование не в силах оказать сопротивление. Наскоро сформированные отряды при первом появлении казачьих разъездов в панике разбегаются, бросая оружие и пулеметы. Выпускаемые красными властями приказы и распоряжения, грозящие расстрелом «шкурникам», «паникерам» и «дезертирам», не оказывают никакого влияния. Население всюду оказывает казакам содействие.

12 августа казачьи разъезды и небольшие отряды появляются в районе к северо-западу от Козлова у ст. Радостная и в направлении на Грязи у станции Песковатка.

13 августа показались разъезды казаков в районе Богоявленка и Раненбурга, а 14-го вечером боковой отряд из трех сотен казаков с артиллерией подошел к Раненбургу. Гарнизон города разбежался. Подошедший красный бронепоезд «Непобедимый» и подоспевший из Рязска отряд коммунаров пытались помешать казакам занять город, но неудачно. В 19 часов казаки ворвались в город. В 21 час, продолжая движение на Митякино и Остапово, казаки оставили Раненбург, взорвали мост у Митякина и взяли направление на город Лебединь; 15 августа город Лебединь занят без боя; запасный батальон и революционный комитет разбежались, когда казаки находились еще в 18 верстах от города. Красное командование продолжает реагировать пока лишь приказами, угрозами и паническими инструкциями.

17 августа 12-я конная дивизия, составлявшая правую колонну корпуса, к ночи на 19 августа расположилась в селах в районе станции Боборыкино, на железной дороге Ефремов—Елец. Две другие дивизии генерала Мамонтова из Лебедини двинулись на Елец. В ночь на 19 августа Мамонтов занимает Елец; гарнизон не только не оказал сопротивления, но встретил казаков с музыкой. Занятие Ельца произошло настолько быстро, что большинство советских учреждений не успели эвакуироваться и были захвачены. Все объекты, имевшие военное значение, были уничтожены казаками. Красноармейцы и население охотно отозвались на объявленную Мамонтовым мобилизацию. Охрана города была возложена на отряд из местного населения; из красногвардейцев было образовано три отряда для охраны обозов.

Правая колонна группы генерала Мамонтова, 12-я конная дивизия, простояв 19 августа в районе Боборыкина, 20 августа перешла на стан-

цию Измаилково, на железную дорогу Елец—Орел, распустив предварительно слухи о движении на Ефремов.

✓ Простояв до 22 августа в районе Ельца и ст. Измаилково, конная группа утром 22 августа выступила тремя колоннами на юг, в общем направлении на Воронеж: одна колонна, правая, двинулась на Касторное и, сделав переход в 80 верст, в тот же день, после артиллерийского боя, овладела станцией Набережная, что в 16 верстах северней Касторного.

✓ Средняя колонна выступила из Ельца на Задонск и к утру 23 августа заняла город. Левая колонна из Ельца взяла направление на юго-восток, и 23 августа разведывательные сотни появились у села Боранский Завод (20 верст южнее Липецка), у с. Кривки (30 верст южнее Липецка) и разобрали железную дорогу у станции Дрязги, ст. Прибытков (линия Воронеж—Грязи) и ст. Казинка (линия Грязи—Липецк). За этой колонной двигался обоз длиною около 30 верст. Красные, занимавшие Задонск, отошли в с. Хлевное, в 25 верстах южнее Задонска по шоссе на Воронеж. 24 августа, в полдень, части правой колонны заняли станцию Касторное, причем один полк с бронеавтомобилем двинулся на Воронеж. Левая колонна в тот же день заняла Грязи.

Бой под Касторной длился почти сутки. Казачий отряд состоял из шести конных сотен, двух рот пехоты и восьми орудий. Оборонял Касторное красный отряд товарища Козицкого, состоявший из трех полков коммунаров и одного полка 3-й стрелковой дивизии. Красные принуждены были очистить Касторное и отойти на юг и на запад к станции Суковкино и станции Лачиново. Интересно отметить меры, принимаемые красными, по их же сведениям.

Отряд тов. Фабрициуса, бывший в Ливнах и имевший задачу прикрыть пути на станции Касторное и Ливны, занял село Микульниково (23 километра к северо-востоку от Ливен) и выслал разведку на ст. Измаилково и станцию Казаки (на линии Елец—Орел). Ефремовский отряд, наступавший на станцию Рассоши (той же линии) с задачей ударить во фланг и тыл отходящей правой колонны казаков, сосредоточился у села Полевые Локутцы, в 20 км северо-западнее Измаилкова. Из Лебедяни было выдвинуто два отряда: один к селу Малинки (25 км юго-западнее Лебедяни) и другой к селу Теплому (20 км южнее Лебедяни). Эти отряды, конечно, не только не могли, но и не дерзали выполнять возложенные на них задачи, а лишь символически изображали окружение, ибо корпус Мамонтова был уже далеко к югу.

Следя по красным источникам за описанием набега и мер, принимаемых для его ликвидации, видно, что, кроме переброшенной в распоряжение командующего Южным фронтом 21-й стрелковой дивизии,

еще предполагалось перебросить 37-ю пехотную дивизию, но на это требовалось не менее двух недель, и, кроме того, дивизия еще не вся имела винтовки. Предполагалось также снять с фронта 9-й армии 22-ю стрелковую дивизию и также отправить в распоряжение командующего фронтом, но командующий 9-й армией воспротивился, так как, по его мнению, эта дивизия была необходима на случай замены ею 23-й дивизии, весьма ненадежной, которой раньше командовал Миронов, поднявший восстание в Пензенской губернии. Командующий 9-й армией товарищ Шорин имел основание думать, что 23-я дивизия могла открыть фронт и принять своего бывшего начальника.

Красный главком находил также необходимым приготовить конный корпус Буденного, части которого около 28 августа были в районах станций Усть-Медведицкой и Иловинской. 30 августа Буденный сосредоточился у станции Арчеда, для дальнейшей переброски на Урюпино.

Все меры, принимаемые красным командованием, оказались недостаточными, и пришлось тронуть частично и самый фронт, особенно 10-ю армию, на фронте которой назревали крупные события и ожидалось наступление. Общая разруха в области сообщений и связи, неподготовленность и саботаж еще более усиливали беспорядок и неустойчивость. Эшелоны сутками стояли на станциях или железнодорожных путях, распоряжения запаздывали или вовсе не доходили по назначению. Отсутствие конницы, неподготовленность командного состава к ведению операций там, где нужна была инициатива и самостоятельность, сводили все распоряжения главного командования лишь к платонической переписке задним числом.

24 и 25 августа части генерала Мамонтова продолжали движение на Воронеж. 26 августа в 16 часов были заняты город Усмани и станция Байгора-Княжая на железной дороге Грязи—Борисоглебск и взорван мост через протекающую здесь речку. Красные пешие отряды наступали медленно и неохотно по пятам конного корпуса, но на весьма почтительном расстоянии, не менее 100 километров. 26 августа красные заняли Грязи, и в тот же день в Козлов прибыли два эшелона 5-го Латышского полка. 27 августа на перегоне Грязи—Прибыtkово был уничтожен казаками красный бронепоезд «Атаман Чуркин». Главные силы конного корпуса 27 августа находились еще в Усмани, два полка в селе Кручинская Байгора (16 км от Усмани) и два полка в районе Вер. Байгора. Станция Вер. Хава (25 км юго-западнее Усмани) также была занята казаками.

Сосредоточенные силы генерала Мамонтова к северу, востоку и западу от Воронежа поставили себе задачу овладеть городом. 28—30 авгу-

ста бои за Воронеж носили довольно ожесточенный характер. На предложение сдаться гарнизон Воронежа ответил отказом. Тем не менее, казаки 30 августа ворвались в город. 31 августа Воронеж был оставлен казаками.

Для обеспечения своих действий Мамонтов должен был прикрывать огромную площадь, что требовало большого расхода людей. Так, например, 28 августа арьергард корпуса находился в 18 верстах южнее Ельца, а авангардный полк в с. Липовка, в 25 верстах южнее города Боброва, а заставы и разъезды были в 1—2 верстах к югу от Ельца. Хотя Мамонтов усилил свой отряд вновь сформированной из добровольцев Тульской пешей дивизией¹⁸³ в 3000 штыков, однако значительный расход на охранение и разведку, а также естественная убыль людей и лошадей давали себя чувствовать.

За время боев под Воронежем красные отряды делают нерешительную попытку окружить корпус: одна красная бригада заняла с. Петино, что в 15 верстах юго-западнее Воронежа, другие отряды разной численности двигались по направлению к Воронежу с разных сторон, против которых необходимо было выделять заслоны.

30 августа штаб Мамонтова находился в с. Рождественская Хава, в 35 верстах восточнее Воронежа, а 31 августа конный корпус двинулся в юго-западном направлении. С этого времени начинается нащупывание красного фронта для переправы через Дон. Разъезды и небольшие отряды были выброшены по разным направлениям. Небольшая демонстрация между устьями рек Хворостень и Искорец оттянула туда довольно значительные силы красных. С другой стороны, находившийся перед фронтом красных в районе Старый Оскол конный корпус генерала Шкуро, нажимая на красных, отбросил их к северу к железной дороге Касторная—Воронеж. На ослабевшем здесь участке фронта, между Олень-Колодец до ст. Давыдовка, шириною 25—27 верст, и был сделан прорыв. Через эти «ворота» двинулись главные силы генерала Мамонтова, в общем направлении на юго-запад.

4 сентября конный корпус сосредоточился в районе сел Рогачевка — Масальское в 40—50 верстах юго-западнее Воронежа. 5 сентября произошла переправа через Дон на участке сел Гремячее — Сторожевка, в 18 верстах северо-западнее ст. Давыдовка. Двигаясь в юго-западном направлении, 6 сентября Мамонтов соединился с корпусом генерала Шкуро, занимавшим район Ст. Оскол — Уколово, у с. Осадчина. 40-дневный рейд в тыл противника был закончен, и конный корпус вступил в расположение своих войск.

Оценивая результаты рейда, нельзя не прийти к заключению, что возложенная главным командованием на генерала Мамонтова задача

была им выполнена блестяще. Разрушением железных дорог во всем районе Южного фронта противника, и особенно линий: Раненбург — Остапово — Елец, Грязи — Елец — Ефремов; разрушением связи телеграфной и телефонной; уничтожением военного имущества и складов; разгромом и роспуском по домам красных отрядов, с раздачей оружия противобольшевецки настроенному населению; мобилизацией добровольцев и быстрыми и неожиданными передвижениями — была внесена полная деморализация и паника во всем районе тыла Южного фронта красных. Красное командование и администрация потеряли голову и не в состоянии были дать вовремя каких-либо толковых указаний для организации обороны и сопротивления движению конного корпуса. Вся жизнь замерла. Все комитеты и революционные Советы разбегались еще до появления казачьих разъездов. Красные части были настолько деморализованы, что при соприкосновении с казаками по большей части почти не оказывали достаточно упорного сопротивления и отходили, иногда даже разбегались, или сдавались в плен, или переходили на сторону мамонтовских всадников, выдавая комиссаров и коммунистов.

Выяснено было резкое противосоветское настроение населения. Красный фронт хотя и не был сдвинут, но сильно поколеблен и деморализован. Если бы к этому времени было подготовлено наступление белых армий, то нет сомнения, что после первого же удара все красное воинство покатило бы безостановочно на север, разнося панику, или сложило бы оружие. Это тем более вероятно, что, судя по советским данным, войска Южного фронта были малонадежны и недостаточно вооружены: были дивизии наполовину без винтовок (37-я пех.), были и настроенные противобольшевецки (22-я пех.). К этому следует еще добавить, что население, снабженное Мамонтовым оружием, взятым от разоруженных и распущенных по домам красноармейцев, при нашем общем наступлении и первых успехах могло бы путем восстаний в тылу сильно содействовать нашему успеху.

В тактическом отношении рейд был выполнен образцово, как и надо было ожидать, ибо во главе рейда стоял опытный кавалерийский начальник, с твердой волей, с ясно поставленной себе целью и с полным сознанием и пониманием того, что в опытных руках, при рациональном использовании может дать конь и всадник. Подготовка рейда производилась в полной тайне, и до самого прорыва противнику не было известно о цели нахождения в районе Урюпина конного корпуса. Красное командование было убеждено, что корпус находится на отдыхе. Место для производства прорыва и дальнейшее направление были избраны правильно, сообразно как поставленной цели, так и в

смысле наиболее верного обеспечения от всяких возможных неожиданностей. Задача поставлена правильно — внедрение в глубокий тыл противника с целью подготовить себе базу для дальнейших действий, в зависимости от обстановки. Широкое и повсеместное разрушение железных дорог, телеграфной и телефонной связи, разрушение всех военно-хозяйственных и стратегических объектов и имуществ имело целью полную деморализацию тыла.

В дальнейшем, когда выяснилось, что при сложившейся обстановке идти дальше на север нельзя, было принято правильное решение: продолжая разрушение и деморализацию красного тыла, идти на соединение к своим армиям. Место для прорыва красного фронта при обратном пути избрано искусно: демонстрацией между устьями рек Хроростань и Искорец противник был введен в заблуждение и подтянул резервы к месту демонстрации, что значительно разредело фронт у места фактического прорыва. Скорость движения вполне сообразовалась с поставленной задачей и обстановкой. Политическая сторона задачи также исполнена разумно и в полной мере: население вооружено и подготовлено к восстанию.

К отрицательной стороне рейда надо отнести сильное увлечение военной добычей (зло, присущее всякой войне) и, судя по телеграмме начальника штаба главнокомандующего, реквизиции не всегда производились планомерно. Здесь вопрос, очевидно, идет о реквизиции и замене у населения лошадей для пополнения убыли и освежения конского состава, так как реквизированное советское имущество и продукты тут же раздавались местным жителям, что, конечно, вызывало симпатии к казакам у обобранного и ограбленного советской властью населения.

Реквизиция же и замена лошадей у населения всегда была большим, но неизбежным злом всякого рейда, ибо каждая реквизиция является с точки зрения укоренившегося взгляда всегда насилием и произволом, поэтому безусловно необходимо все такого рода действия совершать планомерно, особо назначенными командами, под начальством и руководством офицеров. Всякие же самовольные реквизиции в корне пресекать, ибо они почти всегда имеют характер грабежа и насилия, вносят деморализацию в свои же воинские части и озлобляют население. Последнее обстоятельство необходимо учитывать при производстве рейдов как в тылу у противника, так и в своей стране, во время гражданских войн. Как общее правило, важно и необходимо при распределении тяжести войны сочетать строгие меры с планомерностью в отношении гражданского населения, симпатии и доверие которого так необходимы и ценны в политической борьбе.

Громадный, на десятки верст растянувшийся обоз также стеснял движение и для своей охраны требовал много людей, что уменьшало боевой состав и обращало части как бы в прикрытие для своих обозов. Следует отметить, что обозы были особенно велики при обратном движении, когда вопрос о дальнейшем движении на север уже отпал.

В заключение следует подчеркнуть, что рейд хотя задуман и выполнен блестяще, но использовать результаты 40-дневного пребывания конницы Мамонтова в тылу у красных и критическое положение Южного фронта Красной армии белое командование не подготовилось вовремя и не сумело. А всякий рейд без подготовки общего удара в надлежащий момент является только эпизодом, подчас блестящим и славным, но без решающего значения. Во всяком случае, не по вине Мамонтова результаты рейда не были использованы, хотя рейд как таковой, по своему размаху, масштабу, времени пребывания в тылу у противника, покрытому расстоянию и району действий, так же как и по выполнению поставленного задания, является одним из самых выдающихся в сравнении с знаменитыми рейдами прошлого и настоящего столетия.

У многих, естественно, может явиться вопрос: почему Мамонтов, заняв город Елец, повернул назад, а не продолжал движения далее на Тулу и Москву, как предполагалось, если судить по речи генерала Мамонтова к казакам при отправлении в рейд, в которой он поздравлял казаков с «походом на Москву»; тем более что по внешним признакам обстановка как будто бы благоприятствовала этому? Если даже предположить, что такое задание и существовало, то ответить положительно и исчерпывающе на этот вопрос, не имея документальных данных, очень трудно. Ходили по этому поводу в тылу разные версии, был даже пущен вздорный слух, что якобы главное командование, опасаясь захвата Москвы Мамонтовым и не желая ему одному уступить эту честь, приказало прекратить рейд и возвратиться, несмотря на то что генерал Мамонтов готов был продолжать движение дальше.

Придавать значение другой, советской версии о том, что дальнейший поход на Москву был бы безумием, также не приходится. Все эти истерические воззвания и прокламации Троцкого и других о том, что белые генералы «не так глупы», чтобы верить в возможность захвата Москвы конным отрядом, что Мамонтов попал в капкан, что отряд разложился и т. п., были лишь пропагандными, успокаивающими средствами как для самих авторов этих воззваний, так и для потерявшего голову красного командования и лишний раз подтверждают, что обстановка для красных складывалась трагически и в этом отношении

благоприятствовала успешному продолжению рейда. Последнее обстоятельство подтверждается свидетельствами многих лиц, находившихся в это время в Москве. Там Мамонтова ждали, власть была в полной растерянности, были даже заговор и подготовка частей гарнизона к встрече и присоединению к казакам.

Более вероятно третье предположение, что обстановка складывалась так, что с имевшимися в распоряжении Мамонтова средствами и возможностями в данный момент идти дальше и углубляться в Центральную Россию без надежды на поддержку и на продвижение нашего фронта было бы нецелесообразным.

Кроме того, надо было предполагать, что население северных областей не было так надежно и сочувственно к нам, как в черноземных губерниях, чтобы можно было надеяться на противобольшевистское восстание; район был фабричный, и, следовательно, продовольствие людей и лошадей встретило бы известные затруднения; где также, несомненно, пришлось бы выдерживать частые и упорные бои со специальными и многочисленными частями из латышей и китайцев, красных рабочих. По-видимому, сам генерал Мамонтов счел дальнейшее продвижение на север делом не имевшим шансов на успех, но сопряженным с большими потерями и нашел более полезным присоединиться к своим армиям, ибо поддержки, активности, или дальнейших ударов, или попыток к наступлению за все время пребывания отряда Мамонтова в тылу у противника белым командованием не предпринималось, и даже началось частичное отступление на некоторых участках, что значительно меняло общую обстановку не в нашу пользу и делало дальнейшее продолжение рейда бесцельным.

На Среднем Дону

После тяжелых боев в начале августа у Лопуховки, Ореховки и станции Островской Усть-Медведицкая конная дивизия, прикрывая отход Северо-Восточного фронта Донской армии, усиленная 19-м конным полком и бронированными поездами, 13 августа заняла железную дорогу на участке между станциями Себряково и Раковка. Сдерживая натиск красных, дивизия вела конные бои с красной кавалерией, переходившие частично в рукопашные схватки.

13 августа при наступлении на ст. Раковка 3-й Усть-Медведицкий конный полк под командой есаула Акимова несколько раз переходил в конную атаку против защищавших ст. Раковка частей красной конной бригады товарища Тимошенко. Согласно полученным директивам,

дивизия 18 августа переправилась на правый берег Дона в районе станицы Перекопской и расположилась в хуторе Ореховке.

В это время происходило очередное переформирование всей Донской армии: четырехполковые дивизии обращались в трехполковые бригады, бригады сводились в громоздкие трехбригадные дивизии. Усть-Медведицкая дивизия была переформирована в 14-ю Отдельную конную бригаду¹⁸⁴. Четыре полка дивизии были сведены в три полка и получили новые номера 28, 29 и 30-го Усть-Медведицких конных полков. На 14-ю бригаду, входившую в состав 1-го Отдельного Донского корпуса, была возложена задача оборонять участок по Дону, от хутора Коловертинского, что в нескольких верстах к юго-западу от ст. Перекопской, и до станицы Трех-Островянской (исключительно).

Ввиду большого протяжения фронта участка, около 100 верст, и невозможности прочно занять весь фронт для обороны, решено было не делить участка на отдельные оборонительные секторы, а держать полки в кулаке, охраняясь заставами и постами, связанными телефоном между собою и с полками. Штаб бригады в хуторе Орехове связан телефоном со штабом корпуса в хуторе Манойлине.

Попытки красных переправляться небольшими партиями на правый берег Дона легко отбивались нашими охраняющими сотнями. Первая серьезная переправа была сделана 26 августа в районе к северу от ст. Трех-Островянской, где 28-я советская дивизия, отеснив наши заставы, переправилась через Дон. Выступив форсированным маршем к месту переправы, 14-я бригада стремительной конной атакой опрокинула красных в Дон, захватив тысячи пленных, пушки и пулеметы. Пытаясь в панике переплыть Дон, красные тонули сотнями, и только небольшой части удалось спастись, под прикрытием находившихся на левом берегу частей противника. В этом бою была уничтожена почти вся 28-я советская пехотная дивизия.

Другая, более серьезная операция красных была нами ликвидирована 4 сентября также в районе ст. Трех-Островянской. 3 сентября в штабе бригады получено следующее приказание: «Полковнику Голубинцеву. Красная ударная группа переправилась у ст. Трех-Островянской, силою около дивизии, и наступает в тыл нашему корпусу. 14-й бригаде немедленно перейти в район Трех-Островянской и разбить противника. Генерал-майор *Алексеев*».

Получив такую задачу, бригада немедленно выступила и к вечеру 3 сентября заняла хутора Камышинские, что к западу от станицы Сиротинской. В этом районе были обнаружены небольшие разьезды и на горизонте показался эскадрон противника, который, попав под наш артиллерийский огонь, в беспорядке скрылся в балках. Утром 4 сен-

тября бригада выступила из Камышинских хуторов в Трех-Островянскую. Не доходя еще до станицы, наши части обнаружили большую пехотную колонну противника, силою около бригады с артиллерией, двигавшуюся в северо-восточном направлении, также к станице Трех-Островянской. По-видимому, красные, предупрежденные о нашем появлении, беспокоясь о своем тыле и боясь быть отрезанными, стремились обеспечить за собой переправу у станицы.

При нашем приближении к станице противник открыл по нам артиллерийский огонь с открытой позиции. Наша батарея отвечала очень удачно: разрывы были видны в самой колонне и на батарее противника. Нас отделяла от красных глубокая, почти непроходимая балка, тянувшаяся перед фронтом. В обход был направлен 29-й конный полк под командой есаула Акимова, который, выйдя во фланг и тыл, атаковал красных. В это же время две сотни 30-го конного полка с двумя пулеметами под командой сотника Щелконогова по другой глубокой балке, скрытно наметом подошли к станице, заняли переправу, установили пулеметы и завязали с головными частями противника, подходившими к станице, огневой бой. Атакованная со всех сторон, засыпаемая огнем артиллерии и пулеметов спешенных сотен, перебравшихся через балку, отделявшую нас от противника, красная бригада 39-й советской дивизии, прижатая к Дону, смешалась и в беспорядке и панике бросилась частью к переправе, частью вплавь через Дон. Красная батарея в шесть орудий, снявшись с позиции, галопом понеслась к переправе, но, встреченная несшейся ей наперерез конницей, как обезумевшая бросилась с крутого берега прямо в реку. Орудия частью завязли, частью опрокинулись, люди, бросив батарею в упряжке, под нашим огнем бросались в Дон, ища спасения вплавь. В это время показалась вторая бригада противника, следовавшая в нескольких верстах за первой. Атакованная 28-м и 30-м конными полками, бригада была частью изрублена, частью рассеяна и взята в плен. Из 2-й бригады почти никто не ушел. Преследование продолжалось до наступления сумерек. В этом блестящем деле взято около 4000 пленных, 6 орудий и 28 пулеметов. Покончив с 39-й советской дивизией, утром на другой день бригада отошла в район хутора Орехова, оставив сторожевые заставы у Трех-Островянской.

Через несколько дней красные вновь, оттеснив наши охраняющие части, переправились у станицы Кременской. Выступившая для ликвидации переправы бригада 9 сентября у Золотого Кургана нанесла переправившимся частям 38-й советской дивизии страшное поражение, захватив 1000 пленных, орудия и пулеметы. У одного убитого в этом бою батальонного командира в полевой книжке была найдена

копия донесения об обстановке, где он, указывая на рискованное положение переправившихся частей и на активность нашей конницы, добавляет, что фронтом командует «наш злейший враг полковник Голубинцев».

Несмотря на неудачи, красные неоднократно продолжали делать попытки, переправляя на наш берег добровольцев-охотников — «партизан», грабивших наши хутора и убивавших мирных жителей. Дабы охранить хутора и отбить охоту к налетам, обыкновенно налетчиков в плен не брали, уничтожая в стычках как бандитов и грабителей, оставляя одного, который отпускался, дабы он мог предостеречь других «товарищей» о грозящей им участи. Но это мало помогало. Особенно беспокоили красные отряды, занимавшие за Доном хутора Чернополянский и Лебяжинский. Для ликвидации этой группы 14-я бригада 26 сентября переправилась у ст. Перекопской на левый берег Дона и у хутора Лебяжинского, комбинированной атакой опрокинув красных, захватила 1500 пленных, четыре тяжелых орудия и несколько пулеметов. Особенно отличились в этом бою сотни 28-го конного полка, атаковавшие красных в конном строю.

В последних числах сентября бригада переходит от активной обороны к наступательным действиям за реку Дон. Штаб бригады перешел в ст. Перекопскую; 30 сентября части бригады переправились с боем на левый берег Дона, вытеснив красных из хутора Чернополянского, нанеся им несколько тяжелых ударов. Таким образом, на всех участках противник был отброшен или уничтожен. За этот период — август—сентябрь 1919 года — Усть-Медведицкой бригадой были разгромлены 28, 38 и 39-я советские пехотные дивизии, взято пленных около 11 тысяч, 21 орудие, около 180 пулеметов, много лошадей, походных кухонь и обозов.

О характере деятельности Усть-Медведицкой конной дивизии, переименованной в 14-ю Отдельную конную бригаду, можно судить по случайно сохранившейся части цитируемых ниже телеграмм: генерала Врангеля, Донского атамана, командующего Донской армией и командира 1-го Донского Отдельного корпуса:

«Полковнику Голубинцеву. С прибытием 10-й кон. бригады для объединения действий конной группы счел необходимым старшего из начальников ген. Каклюгина. Долгом службы считаю отметить Ваше выдающееся управление Усть-Медведицкими конными полками в непрерывных боях в течение последних двух месяцев. Уверен, что совместными действиями с Атаманцами лихие Усть-Медведицкие полки разгромят наступающего противника. 8/VIII — 19 6 час. 30 мин. № 0121/А Даниловка, ген. Алексеев. Принял Свищев».

«Оперативная. из Теконда В № 676. 8/VIII 8-21 Только ген. Каклюгину, ген. Сутулову и ген. Донскову. По приказанию Наштакор передаю телеграмму ген. Врангеля: «Ген. Алексееву, копия Командармдон. Прошу принять и передать Вашим доблестным частям, особенно отрядам ген. Каклюгина и полковника Голубинцева, горячую благодарность за блестящее дело 8-VIII значительно облегчившее положение группы ген. Покровского. Необходимо самым решительным образом использовать достигнутый успех, развивая удар по тылам противника на восток. Царицын 10/VIII 12 час. 55 мин. № 2096. Врангель. С подлинным верно. Старший адъютант оперативного отд. Сотник *Огрызков* № 03597».

«Теконд Лит В № 216. 6/IX 20 час. Оперативная. Комбриг 14 кон. Горячо благодарю Вас, командный состав и лихих станичников за доблестную работу по уничтожению 39 советской дивизии, нагло переправившейся на правый берег Дона. 6 сент. № 24299. х. Манойлин Под под. ген.-м. *Алексеев*. Верно Под. *Шутенбах*».

«12-IX № 04481. Объявляю полученную мною телеграмму командармдон: «Комкору 1-го Отдельного, передайте копию телеграммы Донского атамана: «Передайте искреннюю благодарность Дона комбригу и казакам 14-й конной за отличные боевые действия у Трех-Островянской 4-го сентября. № 806 Донской атаман генерал *Богаевский*».

«Считаю долгом подчеркнуть еще и ту доблесть частей 14 кон. бригады, которая проявлена была ими при переправе красных в районе Трех-Островянской 26 августа и в особенности 9 сентября у станицы Кременской. Следя за действиями 14 кон. бригады с самого начала ее формирования, все более убеждаюсь в том, что полки славной бригады и в будущих боях с красными будут выходить только победителями. От лица Донской Армии приношу всем чинам бригады мою глубокую благодарность. № 6344-К. Ген.-лейтенант *Сидорин*. х. Манойлин № 04481. Ген.-майор *Алексеев*».

«Из Т.Л.В. № 1266 27-IX 11 ч. 35. Операт. замедлена для передачи Клецкой. Комбриг 14 кон. копия начдив 6 Донск. на № 755 от 26 сентября. Слава доблестным начальникам и удалым казакам лихих Усть-Медведицких полков. 27-IX № 0482 хут. Манойлин. Ген.-майор *Алексеев*».

«Комбриг 14 кон. из Теконда А В № 1477 30-IX 13 ч. 15 м. Блестящая работа предводимых Вами полков свидетельствует об искусстве Вашего управления и что для лихой У. -Медведицкой бригады никакой враг не страшен. 30-IX № 4906 х. Манойлин. Ген.-майор *Алексеев*».

1 сентября бригада сосредоточилась в районе хутора Чернополянского, на левом берегу Дона. 3 октября я получил задачу: подчинив себе

Атаманскую бригаду, зайти и ударить в тыл красным в районе хутора Головковского.

Обстановка рисовалась так: пешая бригада генерала Сутулова занимала позицию от реки Дона у ст. Кременской до хутора Лебязжинского. Фронтом на восток. Против частей генерала Сутулова стояла на позиции красная пехота. Одновременно с получением задания поступило сообщение, что противник, в составе нескольких рот пехоты, переправился через Дон у хутора Авилова-Задонского, в районе станицы Сиротинской.

Для ликвидации красных у хутора Авилова я отправил 30-й конный полк с двумя орудиями, под общей командой полковника Красовского, в станицу Сиротинскую, а с остальными двумя полками и батареей, выполняя задачу, перешел в хутор Б. Улановский. Командующему Атаманской бригадой полковнику Егорову я послал приказание прибыть 4 октября утром в хутор Б. Улановский на присоединение к 14-й конной бригаде.

Не дождавшись прибытия Атаманской бригады, я 4 октября выступил по направлению к хутору Головскому, через хутора Орловский и Скоровский. Полковнику Егорову послал приказание следовать за мною и присоединиться в пути. На походе было получено от генерала Сутулова сообщение, что Атаманская конная бригада им отправлена на присоединение ко мне, но что предварительно он дал ей задание по пути ликвидировать красных, занимавших хутор, что к северо-западу от Улановских хуторов. Атаманцы целый день потеряли, несколько раз атакуя хутор, но неудачно, ибо красные оказывали упорное сопротивление; этого генерал Сутулов, по-видимому, не учел, но что, конечно, надо было ожидать. Неудачное распоряжение генерала Сутулова имело неприятные последствия: мы разменялись на мелочи и вместо удара по красным пятью полками я располагал только двумя.

Продолжая движение, бригада у хутора Скоровского натолкнулась на сопротивление. В хуторе находился красный конный полк, охранявший правый фланг неприятельской пехоты, занимавшей позицию в песках к югу от хутора Скоровского. В бинокль легко можно было определить численность пехоты — около 800 человек. После краткой перестрелки красная конница отступила, оставив два пулемета и несколько убитых. Не задерживаясь и не вступая в бой с пехотой, рассчитывая забрать ее на обратном пути, ударом в тыл бригада, продолжая теснить красную конницу, заняла хутор Кривский и стала заходить в тыл хутору Головскому. В перестрелке у хутора Кривского был ранен оперативный адъютант штаба бригады есаул Игумнов.

Находившаяся в районе хутора Головского многочисленная красная конница с артиллерией оказывала энергичное сопротивление, переходя местами в контратаки, но до решительных действий дело не доходило: развернувшись, кавалерия противника с криками «Ура!» бросалась на нашу бригаду, но так же внезапно останавливалась и уходила назад, преследуемая нашими сотнями. Бой имел нерешительный характер, и красные медленно отходили, держась на почтительном расстоянии. День клонился к вечеру. Наблюдая и руководя боем, я отдал распоряжение начальнику штаба написать приказание полкам — прекратить преследование и с наступлением темноты отойти на ночлег. Ординарцы поскакали по своим полкам, развозя приказание. В резерве у меня находились две сотни 29-го конного полка. Сотни только что возвратились после атаки на показавшуюся на нашем левом фланге конницу. Солнце село. До сумерек оставалось несколько минут. В это время с наблюдательного поста прискакал казак с донесением, что большая колонна красной конницы на рысях двигается по Паниной балке, головные части ее уже показались из балки и направляются на нас.

Брошенные навстречу две резервные сотни под командой есаула Акимова наметом понеслись на противника. Когда сотни поднялись на курган, я заметил замедление аллюра и как бы некоторое колебание; схватив конвойную полусотню, я карьером присоединился к атакующим сотням. В это же время со стороны Паниной балки к кургану, навстречу нам, неслись галопом, развернутым фронтом три эскадрона красных, а четвертый направлялся во фланг, в обход нашим атакующим сотням. Еще одна, две минуты — и наши сотни смешались с большевиками. Произошла жестокая схватка: шум, ругань, стрельба, лязг оружия... Сколько времени продолжалась схватка, я не могу дать себе отчета. Забыта всякая осторожность, чувство самосохранения отошло куда-то далеко, остались только злоба, страсть к уничтожению и желание помериться силами. Все смешалось вместе в кровавой сече. В наступивших как-то сразу сумерках красных можно было отличить от своих лишь по инстинкту и по большим папахам и башлыкам. То, что так ярко изображается на лубочных картинках, повторилось на деле. В огне общей свалки что-то мгновенно блеснуло у меня в глазах, как бы большая искра или огненный шар, и я получил сабельный удар в голову; благодаря фуражке череп остался цел, отвалилась лишь часть кожи головы, закрыв правый глаз и обнажив череп. Правой рукой, свисевшей на ней на темляке окровавленной шашкой, я старался поднять нависшую на лицо кожу и освободить залитый кровью глаз. Первая мысль была: упаду ли с коня или нет, если упаду, успею ли застре-

литься? И как ни странно, тут же другая мысль: это мы их, мерзавцев, научили рубить!

В это время два казака подхватили меня под руки и перед моими глазами мелькнула красочная фигура доблестного есаула Акимова с шашкой в зубах и револьвером в руке. Добрый конь несколькими прыжками вынес меня из общей свалки. Все произошло очень быстро, как бы в одно мгновение. Рука, перчатка, разрубленный погон и плечо насквозь были пропитаны кровью. На ходу мне была сделана перевязка — индивидуальный пакет нашел свое применение, и через 15 минут на перевязочном пункте у хутора Орловского фельдшер мне промыл и зашил рану.

Дальше хутора Кривского красные не продвинулись; эскадрон, заходивший в тыл и фланг, завяз в болотах, лежащих непосредственно к северу от хутора Кривского, а выходившие из боя наши части заняли позицию у хутора Кривского и встретили красных пулеметным огнем. На ночлег бригада расположилась в хуторах Бол. и Мал. Улановских и Орловском.

В этом бою около 50 человек с обеих сторон было ранено и убито. В продолжение целой ночи на перевязочный пункт являлись казаки с рублеными ранами. Раненым и упавшим с коней под покровом быстро наступившей темноты удалось скрыться и присоединиться к своим частям.

Как выяснилось впоследствии, неожиданное появление массы красной конницы объясняется следующим: 1-й конный корпус Думенко был снят с фронта Кавказской армии и направлен для действий против нашей конницы, зашедшей глубоко в красный тыл и угрожавшей сообщениям и тылам. Столкновение произошло с авангардом конницы Думенко. Воспользовавшись уходом корпуса Думенко, Кавказская армия в тот же день перешла в наступление.

Генерал Врангель в своих записках говорит, что «продвижение донцов на север заставило красное командование вскоре оттянуть с моего фронта свою конницу. Это позволило моей армии самой перейти в наступление...». «4 октября все части Северного фронта Кавказской Армии перешли в наступление, сломив в ряде боев ослабленного предыдущими неудачами противника, взяв несколько тысяч пленных, большое число орудий и пулеметов, наши части к 10 октября вышли, главными силами, на линию Дубовка — хутор Шишкин, где и остановились, выдвинув передовые части на высоту села Лозного».

В этот же день, 4 октября, находившийся на правом берегу Дона 30-й конный Усть-Медведицкий полк с двумя орудиями 14-й конной

батареи, под общим командованием полковника Красовского, ликвидировал у хутора Авилова-Задонского переправившуюся группу красных, утопив роту пехоты и захватив в плен 1600 человек, пулеметы и обозы. В последующие дни Усть-Медведицкая бригада вела бои с конницей Думенко с переменным успехом у хуторов Улановских, по левому берегу Дона.

В тылу

✓ После ранения у хутора Кривского в бою 4 сентября я, передав командование бригадой начальнику штаба бригады, войсковому старшине Корнееву, утром 5 октября верхом выехал для лечения в станицу Перекопскую, захватив с собою конвой в 20 казаков, так как была большая вероятность встретить по пути в степи, между Улановскими хуторами и Перекопской, разъезды красных. Около полудня я прибыл в станицу, где врачами мне вновь сделана перевязка и вскрыта рана, зашитая фельдшером, так как температура поднялась и врачи боялись заражения. ✓ 7 октября из штаба корпуса выслали мне автомобиль и, заехав по пути в хутор Манойлин к генералу Алексееву, я в тот же день прибыл на станцию Суровикино, где меня уже ожидал поезд. Вечером я прибыл в Ростов.

Хотя в Ростов уже было сделано сообщение о моем ранении и эвакуации для лечения, но ни в одном из военных госпиталей не нашлось отдельной комнаты, а в общую, по состоянию моего здоровья, я не желал лечь. В переговорах по телефону с госпиталями провел я ночь на Ростовском вокзале. Здесь со мною произошел характерный для тыла инцидент. С сопровождавшими меня врачом и сестрой милосердия, ожидая результата переговоров о госпитале, я занял в зале первого класса стоявший в углу свободный столик. К столику присел еще какой-то офицер. Вдруг к нам подходит средних лет господин в черном форменном гражданском пальто, с цветными отворотами и погонами действительного статского советника. Приблизившись вплотную к столу, он делает рукой какие-то неопределенные знаки. Я спокойно приподнялся с намерением узнать, в чем дело, но слышу нечленораздельные звуки и сильный запах вина. Я вообще не переношу пьяных, избегаю вступать с ними в разговоры и питаю к ним непреодолимое отвращение.

— Что вам угодно? — спрашиваю.

Фигура «лыка не вяжет», что-то бормочет, указывая пальцем на приколотую булавкой к стене у столика бумажку, на которой каран-

дашом нацарапано «стол члена Особого Совецания», и делает мне недвусмысленный знак рукою, означающий «убирайся отсюда». Кровь бросилась мне в голову при виде такой наглости тылового пьяницы, осмелившегося беспокоить тяжело раненного офицера с окровавленной повязкой на голове, еще не успевшей просохнуть. Я замахнулся проучить нахала; обеспокоенный моим резким движением и боясь кровоизлияния, уже два раза повторявшегося при волнении, мой доктор бросился ко мне, стараясь меня успокоить.

— Уберите эту пьяную скотину! Иначе я обращаю в котлету его пьяную харю!

Сидевший с нами за столиком офицер быстро схватил пьяного субъекта под руку и, улыбаясь, насмешливо ему говорит: «Что, нарвались, ваше сиятельство! Я же не раз предупреждал вас, что нарветесь! Ага!» Фигура так же быстро исчезла, как и появилась. Возвратившийся офицер смеясь рассказывал, что это член «Особого Совецания» Х., живет в поезде «Особого Совецания», ежедневно пьян, большой нахал и скандалист.

— Как хорошо вы его проучили, господин полковник! Это ему послужит хорошим уроком!

Утром к вокзалу прибыла больничная карета с сообщением, что мне отведено место в госпитале Сидорина, но я по многим соображениям не пожелал там лечиться и поступил на лечение за собственный счет в частную лечебницу доктора Попкова в Ростове. Рана моя, вследствие большого размера — пять вершков — и загрязнения песком, долго гноилась и медленно поддавалась лечению.

С 8 октября до 14 ноября я пролежал в лечебнице. Затем, после осмотра врачебной комиссией, получив пятидневный отпуск, поехал через Новороссийск в Одессу, где хотел привести в порядок свои частные дела и недвижимое имущество. В ожидании парохода я около недели прожил в Новороссийске, продолжая залечивать рану, под наблюдением известного хирурга доктора Сапежко.

21 ноября 1919 года я из Новороссийска выехал в Одессу, в город, где я учился и провел детство. Я едва узнал Одессу, настолько Гражданская война изменила этот южный, веселый, жизнерадостный и светливый город. Электричества почти нет, улицы темны, всюду грязь и запустение, лучшие гостиницы загажены и не топлены, улицы опустели, чувствовалось, что над городом висит какое-то несчастье, что-то давит, гнетет, ощущение какой-то неуверенности в завтрашнем дне. Я поторопился закончить свои дела и 25 ноября выехал обратно в Новороссийск. Рана моя заживала медленно и хотя почти затянулась, но перевязку необходимо было делать ежедневно.

На фронте

Во время моего пребывания в Одессе, в гостинице или, может быть, еще раньше, в Новороссийске, я вновь заразился тифом, но на этот раз возвратным. Первый приступ я почувствовал на пароходе по пути в Новороссийск, затем, как это бывает обыкновенно при возвратном тифе, приступы болезни повторялись периодически: одну неделю болен, другую почти здоров. Вследствие большой потери крови во время ранения организм мой ослабел, и поэтому я хотя и тяжело переносил периоды приступов болезни, но все же не решался лечь опять в госпиталь и выехал на фронт.

29 ноября я был в Ростове, а 2 декабря в Обливской, где от моего бригадного интенданта есаула Коновалова узнал, что я произведен в генералы и что моя бригада находится во 2-м Донском корпусе, но где, точного указания не мог получить.

В поисках штаба 2-го корпуса я в санях, по степи, при сильном морозе, проехал через станицы Чернышевскую, Каргинскую, несколько слобод и наконец на четвертый день настиг штаб корпуса в небольшом степном хуторе. Корпусом временно командовал Генерального штаба полковник Поливанов. Где находился командир корпуса генерал Коновалов и где моя бригада, полковник Поливанов не знал точно. Командир корпуса где-то впереди с конницей, а 14-я бригада тоже где-то, в таком-то направлении, отходит на отдых и пополнение. Что меня особенно поразило — это абсолютное отсутствие связи между штабом корпуса и подчиненными ему дивизиями, а также отсутствие связи между частями. О противнике также сведения были самые неопределенные и отрывочные.

Как резко служба связи 2-го Отдельного корпуса генерала Коновалова отличалась от службы связи 1-го корпуса генерала Алексева! В 1-м корпусе все было ясно, определено и точно; сводка получалась частями три раза в день; и три раза штабы бригад посылали срочные донесения в штаб корпуса: об обстановке на фронте, разведке и состоянии частей. Всякий маневр, всякое движение было рассчитано. Между частями непрерывная связь. Ничего не делалось втемную. Каждый шаг противника отмечался. Все и всегда были в курсе обстановки. А здесь? В штабе 2-го корпуса не знают, где командир корпуса, где подчиненные корпусу дивизии, части не знают, кто правее, кто левее их, хотя и комкор, и начальник штаба — офицеры Генерального штаба.

7 декабря я получил от вр. командующего корпусом предписание — отправиться в 14-ю конную бригаду и вступить в командование ею.

Вскоре я разыскал бригаду в районе к северу от слободы Скасырской. Но в каком состоянии! Оставил я бригаду два месяца тому назад в полном порядке, с боевым составом в 3000 сабель, а теперь нашел ее в составе около 300 сабель.

Как чужую бригаду, 2-й корпус использовал ее, как говорится, «и в хвост и в гриву», без отдыха мотая, пока она не дошла до такого состояния. Бригадой командовал чужой офицер, уже третий или четвертый по счету, полковник Гаврилов. Бригада отходила, после тяжелых боев в районе города Богучара, на отдых и пополнение уже несколько дней; но так как места для отдыха назначались в 5—6 верстах от отступающего фронта, то фактически бригада не могла использовать для отдыха ни одного дня. Когда поступали распоряжения получить теплые вещи или фураж на какой-либо станции, то к этому времени оказывалось, что указанная станция уже была занята противником. В погоне за теплыми вещами бригада безостановочно отходила и 15 декабря прибыла в хутор Садковский, что к северо-востоку от станицы Константиновской. Здесь мною была получена телеграмма от начальника штаба Донской армии о назначении меня начальником вновь формируемой «Конной Группы генерала Голубинцева», в состав которой входили 4-я Донская конная дивизия¹⁸⁵ генерала Лобова¹⁸⁶ (4-я¹⁸⁷, 5-я¹⁸⁸ и 6-я¹⁸⁹ конные бригады) и 14-я Отдельная конная бригада. В тот же день я отдал приказ о вступлении в командование конной группой.

При формировании мною штаба конной группы штаб 2-го корпуса создал для меня некоторые затруднения, что видно из цитируемого ниже письма начальника штаба корпуса, переданного по телефону: «Секретно. Нач. конгруппы генералу Голубинцеву. При формировании штабгруппы комкор приказал принять к сведению, дабы полковник Борцевич оставался наштадивом 4-й конной и если трудно будет вашему наштабригу справиться с должностью наштабгруппы, комкор разрешил взять для себя из 4-й конной бригады численного к генштабу войск. старшину Хохлачева¹⁹⁰, очень дельного и доблестного наштабрига 4-й конной. Точка. Для удобства управления конницей комкор разрешил из 4-х бригад, по вашему усмотрению, 2 дивизии, по 2 бригады, возложив на один из штабов присоединившейся бригады к 14 бригаде обязанности штадива конной точка Полковник Борцевич последнее время совершенно не несет обязанностей наштадива, не дает донесений и становится в оппозицию с штакором. Этому не время. Под Персияновкой надо напрячь все силы моральные и физические начальствующих лиц, дабы успех был обеспечен за нами. Комкор с своей стороны примет меры, дабы из района Раздорской совместно с вашей конной группой и сводной

дивизией ударить во фланг врага, наступающего на Персияновку. Из прилагаемой директивы вы увидите, где ген. Мамонтов, уже разбивший 15-ю дивизию и захвативший 1000 пленных и 11 орудий. Он сосредотачивается в Кутейников-Несветский, так как развить успех не было времени. Очень жаль, что Вы нездоровы, но я надеюсь, Ваше Превосходительство, что Бог даст вам настолько силы, чтобы исполнить возложенную на вас задачу. Одно только неприятно, что ваша бригада сильно разложилась и по духу почти красная, и вся вина в командном составе, что они не требуют от казаков исполнения долга — необходимо вдохнуть в их души бодрость для окончательной победы. Ведя непрерывную разведку и не теряя соприкосновения с врагом, мы общими силами обрушимся на врага против 3-го корпуса, который отходит на высоты у ст. Персияновка. Когда вы нас ориентируете и установите посты летучей почты в Раздорской, то вы получите окончательную обстановку перед генеральным сражением точка Извините за простоту обращения, но я казак и верю в благополучный исход борьбы за наше правое дело. Еще раз Бог вам в помощь. Врид наштакор Генштаба полковник *Одноглазков*¹⁹¹».

Это письмо создало для меня затруднение главным образом в назначении начальника штаба группы. Как найти выход из положения? Полковник Борцевич, естественно, должен быть назначен начальником штаба конной группы, как старший офицер Генерального штаба в группе. Объяснить ему, почему я его обхожу, я также не мог, так как письмо наштакора было секретного характера. Рекомендуемого войскового старшину Хохлачева, ускоренного выпуска Военной академии, хотя и очень способного и дельного офицера, моего сослуживца еще в мирное время по 3-му Донскому Казачьему полку царской армии, я также не мог назначить, ибо, не говоря уже о неудобстве нарушения принципа старшинства и назначения подчиненного начальником, еще другое обстоятельство мешало, а именно, по мнению начальника 4-й конной дивизии, взять из 4-й бригады войскового старшину Хохлачева — это значит лишить бригаду управления, так как ввиду слабости комбрига бригадой фактически командовал Хохлачев. Выход был только — назначить вр. наштагруппы войскового старшину Корнеева, наштабрига 14-й отд. конной. Результат не замедлил сказаться. Чувствовалось, что наштадив 4-й обижен и распоряжения штаба группы исполнялись 4-й дивизией как-то неохотно и вяло: «как прикажете». Ждать проявления инициативы 4-й дивизией при настоящем положении, если бы того требовала обстановка, не приходилось, а время было тяжелое, и пассивный образ действий мог привести к катастрофе, а взыскивать и отрешать также было не время. Учитывая создавшееся положение, я решил дей-

ствовать по обстановке и через два дня начальником штаба конной группы назначил полковника Борцевича.

Надо сказать еще несколько слов о состоянии частей конной группы. О боевом составе 14-й Отдельной бригады я уже упомянул, а также о том, в какое состояние она была приведена за время пребывания, по меткому казачьему выражению, «в зятях» во 2-м корпусе. Что же касается 4-й конной дивизии, то она совершенно потеряла и сердце, и все пулеметы. Пулеметные команды были готовы, и пулеметы ожидалось из Новочеркасска каждый день; что же касается сердца... «сердце» тоже, надо было полагать, через несколько дней нашлось бы, но в эти несколько дней что-то надо сделать. Путем маневра мы одержали некоторые успехи — наступление красных было приостановлено. Без решительного результата, но с некоторым перевесом в нашу сторону группа вела бои в районе Садковского и Мокрой Ольховки с частями корпуса Буденного. У хутора Мокрая Ольховка, при столкновении наших разъездов с красными, два казака 14-й бригады попали в плен к Буденному, но на другой день им удалось бежать в свои части. При опросе этих казаков в штабе они рассказали следующее.

Когда их привели к Буденному, тот в это время обедал и сам пожелал сделать опрос пленным. Спросив, какой части, и задав еще несколько вопросов, на которые казаки не могли или не хотели ответить, Буденный обругал их скверной бранью полусурово, полудобродушно:

— Ах, вы, голубинцевские б-ди! Хотите есть?

Казаки, переминаясь с ноги на ногу, ответили: «Так точно, товарищ, желаем».

— Садитесь! — И, посадив их с собою за стол, старался получить от них некоторые сведения.

По рассказу этих же казаков, служивших когда-то в 3-м Донском казачьем полку Императорской армии, начальником штаба у Буденного был прапорщик Зотов, бывший вахмистр 1-й сотни 3-й Донского казачьего полка. Я этого Зотова отлично помню. Человек уже пожилой и когда-то дельный и строгий вахмистр. В конце войны был командирован полком в одну из школ прапорщиков. Попал он к красным, по-видимому, случайно, так как в полку был добросовестным и ревностным служакой, во время революции держался безукоризненно. В начале января 1918 года, будучи в Новочеркасске, я неожиданно встретил его в офицерском собрании.

— Здравствуйте, Зотов!

— Здравия желаю, господин полковник.

— Что вы здесь делаете, в Новочеркасске?

— Да вот, господин полковник, кончил школу и еду домой в отпуск.

— А потом куда?

— Не могу знать, куда-нибудь в конный полк желал бы, боюсь, как бы не попасть в пехоту.

— Приезжайте ко мне, в наш 3-й полк, в Глазуновку, я буду рад вас видеть.

— Покорнейше благодарю, господин полковник, сочту за честь и счастье служить в родном полку, непременно приеду.

На этом разговор наш кончился. Очевидно, по приезде к себе в станицу он попал к красным, там остался и как бы по инерции сделал карьеру, окончил в Петербурге красную военную академию и впоследствии был командиром 3-го кавалерийского корпуса. Эти последние сведения я случайно узнал в 20-х годах, уже будучи в эмиграции, из советского журнала «Огонек», где в числе помещенных портретов красных «генералов», окончивших военную академию, красовался и портрет Зотова с надписью: «С.А. Зотов, командир 3-го Кавалерийского корпуса, бывший начальник полевого штаба Буденного».

24 декабря моя конная группа сосредоточилась в районе хутора Мокрый Лог. На следующий день было назначено, согласно полученным директивам, наступление на Александро-Грушевск с целью удара по тылам армии Буденного, наступавшей на Новочеркасск. Несмотря на сильный приступ тифа, я непременно хотел лично руководить операцией, веря в успех; но 25-го утром я почувствовал себя настолько скверно, что не в состоянии был сесть на коня. Температура поднялась выше 40 градусов. Пришлось эвакуироваться. Я передал командование группой генералу Лобову. Меня уложили в сани, и в тот же день я переправился через Дон у станицы Константиновской, а на другой день, почти без сознания, прибыл в хутор Веселый. Около трех недель я пролежал в лазарете 14-й конной бригады, в хуторе Красноштанове.

✓ О действиях конной группы, при выполнении ею задачи, я не берусь судить. По докладу моего начальника штаба, группа 25 декабря тремя колоннами выступила по направлению на Александро-Грушевск, но, пройдя несколько верст, остановилась в нерешительности, так как в тылу, в районе Мокрого Лога, занятого нашей партизанской дивизией, послышалась орудийная стрельба. Вместо того чтобы продолжать выполнение задачи или, по крайней мере, как рекомендует нам устав, идти на выстрелы, конная группа, простояв некоторое время нерешительно в пути, свернула в сторону, не приняв никакого решения, и отошла в станицу Раздорскую. Дальнейшие действия группы были чисто пассивного или, вернее, непонятно-странного характера, свидетельствующие о совершенной потере частями боеспособности.

В Сальских степях

15 января 1920 года, едва оправившись после тифа, я выехал в штаб 1-го корпуса, так как моя бригада к этому времени вновь вошла в состав частей 1-го корпуса.

Станица Егорлыцкая эвакуировалась, и штаб корпуса перешел на станцию Целина, куда я и прибыл 16 января. Командир корпуса генерал Алексеев советовал мне скорее ехать в бригаду, где, по его словам, не все было благополучно, и, смеясь, показал мне телеграмму, полученную из штаба армии, следующего содержания: «Где генерал Голубинцев, почему 14-й бригадой командуют разные неизвестные лица?»

— Бригадой командует сейчас генерал Туроверов, четвертый по счету комбриг за время вашей болезни. Поезжайте скорее и приведите в порядок бригаду. На днях полковник Красовский расстрелял командира сотни штабс-ротмистра Зайцевского, а прибывший сюда вчера командир 28-го полка полковник Болдырев даже мне не советует показываться к вам в бригаду, он говорит: «И вас там могут расстрелять, Ваше Превосходительство», — шутя добавил генерал Алексеев.

Я доложил командиру корпуса, что о расстреле штабс-ротмистра Зайцевского у меня имеется подробный доклад, из которого видно, что такая исключительная мера была необходима, ибо обстановка требовала без промедления принять решительные меры, иначе могли быть весьма неприятные последствия, ибо положение было очень тяжелым, наши войска отходили, настроение в частях было подавленное и ненадежное, так, например, в одну ночь из сторожевого охранения, находившегося под командой штабс-ротмистра Зайцевского, ушло к красным 150 человек, а на другой день было перехвачено письмо Зайцевского к красным с предложением перейти к ним при первом удобном случае. За Зайцевским, как бывшим комиссаром, уже давно велось наблюдение. Расстрелян он был по приговору военно-полевого суда, за измену и неисполнение боевого приказа. Приговор приведен в исполнение на глазах сотни Зайцевского, которой было объявлено, что так будет поступлено с каждым, не исполнившим боевого приказа.

Расстрелян был Зайцевский в станице Платовской при очень трагической обстановке: красные в превосходных силах наступали на станицу, снаряды рвались на площади. Расстрел пресек в корне начинавшееся было разложение и отрезвляющим образом подействовал на части, призвав их к порядку и исполнению долга, о чем свидетельствует блестящий отход бригады, в образцовом порядке, из станицы Платов-

ской. Около 10 верст бригада отходила шагом, в линии колонн, готовая в любой момент ударить противника, наседавшего со всех сторон, но не решавшегося атаковать готовую к отпору бригаду. 16 января вечером я прибыл в зимовник Супрунов, куда только что возвратилась бригада после боя у хутора Жеребкова.

Всю вторую половину января, в жесткие морозы, при очень тяжелых хозяйственных условиях, бригада вела удачные бои с конной дивизией Гая и частями 28-й советской стрелковой дивизии Азина. Боевые действия все время происходили в степях, располагалась на ночлег бригада в разоренных зимовниках. Помещений, особенно для людей, было очень мало, да и в уцелевших домах окна и двери были обыкновенно выбиты. Мороз доходил до 23—25 градусов по Реомюру, с сильными снежными метелями и ветром. Люди набивались в дома и спали в несколько ярусов, согревая телами друг друга. Тиф свирепствовал, каждый день десятки больных отправлялись в тыл. Служба на заставах была особенно тяжела, посты ютились у скирд соломы, занесенных снегом. Зачастую как наши казаки, так и красные, заблудившись благодаря вьюге, попадали на посты к противнику. В последних числах января красноармеец, везший донесение, по ошибке попал на нашу заставу. Донесение было послано начальником 28-й советской дивизии товарищем Азиным в соседний красный отряд, если не ошибаюсь, Кеквидзе, с сообщением, что 1-я конная армия Буденного прошла по левому берегу Маныча к станции Торговая. Донесение это я немедленно переслал в штаб корпуса, но ему не придали значения и не поверили, так как в штабе не было еще сведений о существовании конной армии! Через 10 дней эта армия показала себя у Шаблиевки.

К 30 января армия Буденного сосредоточилась в районе Торговой. В начале февраля я с бригадой находился в одном из зимовников к северу от железнодорожного участка Егорлыцкая—Шаблиевка. Сюда на пополнение бригады прибыли четыре конные сотни казаков-малолетков, получивших в тот же день боевое крещение. В этот день части 28-й советской дивизии, находившиеся в соседнем зимовнике Попове, перешли в наступление. Выдвинув около трех рот пехоты с 12 пулеметами, сам начальник дивизии, товарищ Азин, выехал на усиленную рекогносцировку.

Сосредоточив укрыто в лощинах конницу против обоих флангов наступающих красных и оставив перед фронтом лишь редкую лаву, я дал возможность противнику подойти без выстрела шагов на пятьсот к зимовнику. По данному сигналу наши части одновременно и стремительно в конном строю атаковали ошеломленного противника. Крас-

ные были накрыты, как стайка оцепеневших куропадок. Вспыхнувшая нервная ружейная трескотня и инстинктивная попытка к сопротивлению быстро подавлена. Несколько сабельных ударов, и противник окончательно смят. Все 12 пулеметов, приготовленные к стрельбе, были захвачены на позиции. Сам начальник дивизии товарищ Азин пытался было ускакать, но благодаря глубокому снегу конь его споткнулся, завяз, и красный «генерал» был захвачен в плен живым, почти как Костюшко. Кроме того, было взято около сотни пленных и столько же изрублено. Наши потери: сотник Красноглазов и семь казаков — все легко ранены.

Так как у меня было основание предполагать, что зимовник Попов занят красной конницей, я решил лично проверить это у Азина путем опроса. Азин, накануне расстрелявший пленного офицера 14-й бригады, боясь возмездия, страшно волновался.

— Вы меня расстреляете, генерал! — с ужасом, хватаясь за голову, нервно выкрикивал Азин.

— Это зависит от вас. Если вы мне прямо и откровенно ответите на мои вопросы, я вас не расстреляю, а отправляю в тыл, где, полагаю, вас также не расстреляют. Даю вам пять минут на размышление: мои части готовы к атаке хутора Попова. Скажите, кем занят хутор Попов? Есть ли там конница?

— Дайте мне слово, что вы меня не расстреляете!

— Обещаю, если ваши сведения будут правдивы.

Азин, видимо, колебался. Я взглянул на часы.

— Осталось две минуты, конница сейчас начнет атаку на хутор Попов. Рискуете опоздать с ответом, господин Азин, — спокойно заметил я.

— Там лишь одна рота и обозы. Конница и два батальона час тому назад ушли, — скороговоркой прокричал Азин.

Через 10 минут зимовник Попов нами был занят, захвачены обозы и несколько десятков пленных. Азина я отправил в штаб корпуса, а оттуда он был отправлен в штаб Донской армии, где, как я узнал впоследствии, пользовался особым расположением и вниманием генерала Сидорина. О дальнейшей судьбе Азина мне не известно, но мне рассказывали, что в районе Новороссийска Азин сделал попытку бежать к красным, но был застрелен во время бегства, где-то между вагонами, казаками охраны штаба.

4 февраля моей бригаде был придан 19-й конный полк и я получил приказание войти в подчинение генералу Павлову для совместной операции против конницы Буденного, занимавшей станцию Торговая.

Донская конница у Торговой и Белой Глины

Читая доклады и записки о Гражданской войне, я нигде не встречал более или менее подробного описания действий донской конницы генерала Павлова в период 1—15 февраля 1920 года, а между тем деятельность донской конницы в это время заслуживает более точного и подробного изучения.

Рядом грубых ошибок, растерянностью или, скорее, неуверенностью в своих силах, если не сказать неподготовленностью, части высшего командного состава к ведению операций в тех исключительных условиях Гражданской войны только и можно объяснить те ужасные ошибки, граничащие с преступлением, благодаря которым донская конница, имея все данные для уничтожения конной группы Буденного, не только не выполнила своей задачи, но и окончательно была расстроена, расстрепана и потеряла сердце, как раз в тот фатальный момент, когда решалась судьба не только Гражданской войны, но и России.

Постараюсь, насколько мне позволяет память, описать те события, в которых я был непосредственным участником или которые происходили у меня на глазах. Начну с несчастного 4 февраля 1920 года, когда генерал Павлов, после удачных действий 1—3 февраля против конной дивизии Гая, находясь в районе хутора Веселого, отдал приказ о наступлении на Торговую для уничтожения группы Буденного.

В суровый мороз, около 26 градусов по Реомюру, конной группе генерала Павлова приказано было идти напрямик, без дорог, по компасу, по степи, покрытой толстым пластом снега более чем на аршин глубиной, в направлении на Торговую. На протяжении около 30 верст не было ни одного населенного пункта, а между тем в нескольких верстах левее, по долине реки Маныча, шла дорога параллельно нашему направлению, по местности густонаселенной, по которой несколько дней тому назад прошла 1-я конная армия Буденного.

Согласно приказу, части группы генерала Павлова должны были пройти линию реки М. Егорлык в 12 часов дня 4 февраля ст. ст. Как объяснить решение генерала Павлова, старого, опытного, боевого кавалерийского начальника, идти напрямик и вести войну с природой, осудив свою конницу на гибель? Говорили, что генерал Павлов был против такого решения, но приказание командующего Донской армией генерала Сидорина было в этом смысле категорическим.

Другой конной группе, меньшей по численности, генерала Голубинцева, в составе четырех конных полков, двух батарей и Кубанского конного дивизиона, находившейся у зимовника Попова, в районе станции Целина, приказано было войти в подчинение генералу Павлову и,

выступив в 12 часов, двигаться вдоль реки Средний Егорлык с таким расчетом, чтобы на другой день, 5 февраля утром, совместно с конной группой генерала Павлова, атаковать Торговую с юго-запада. Судя по диспозиции, на рассвете 5 февраля с юго-юго-востока и с юга должны были подойти 1-й и 2-й Кубанские корпуса и одновременно с нами атаковать Торговую.

Таким образом, план был задуман и выработан великолепно: получалось в теории полное окружение превосходными силами противника, находившегося в Торговой. Но выполнение плана было произведено так, что вместо успеха получился разгром собственных сил.

1-й и 2-й Кубанские корпуса не подошли, и, как выяснилось потом, они еще накануне были потрепаны красной конницей Думенко. Группа генерала Павлова во время 30-верстного перехода по степи, без дорог, была окончательно обморожена, потеряв около 5 тысяч человек из 12 тысяч обмороженными и замерзшими, атаковала ночью, в беспорядке, красных в районе Торговой у станции Шаблиевка самостоятельно и, не успев использовать внезапность и начальный успех, отошла в район Егорлыцкой, не сообщив даже о своем уходе генералу Голубинцеву.

Группа генерала Голубинцева, сделав переход по долине реки Средний Егорлык, по местности, усеянной хуторами и зимовниками, с остановками и привалами, и все же потеряв 286 человек обмороженными, к утру 5 февраля заняла исходное положение, ожидая условного сигнала — артиллерийского огня — к переходу в наступление на Торговую. Но никакого признака боя или наступления не было заметно.

Около 9 часов наши разъезды и разведывательные сотни стали подходить к Торговой; в это же время были замечены какие-то конные части, выступавшие от Торговой. В бинокль ясно можно было различить около девяти полков конницы. Но как наши разъезды, так и большевики огня не открывали: большевики, очевидно, не рассчитывали встретить здесь противника, а наши колебались, не зная, противник это или, может быть, части генерала Павлова, заняв Торговую, двигаются к югу. И только при непосредственном столкновении передовых частей, когда заговорили пулеметы, выяснилась обстановка. Тем временем выступавшая из Торговой красная конница, силою около 9—11 полков, очевидно не рассчитывая встретить упорного сопротивления, повела наступление на нас.

Встреченная метким огнем наших двух батарей, 14-й конной полковника Степанова и 10-й войскового старшины Бочевского¹⁹², красная конница сначала отхлынула, но затем старалась охватить наш правый фланг. Все атаки отбивались ураганным огнем наших батарей и

пулеметами. Наши части отходили перекатами, ведя упорный бой, и, при поддержке артиллерии, частично переходили в контратаки. Интересно отметить один эпизод: с наступлением сумерек красные, ободренные отходом наших батарей к Лежанке, прекративших огонь, с диким воем атаковали большое стадо быков, приняв его в темноте за колонну конницы.

Под покровом наступившей ночи, оторвавшись от наседавшего противника, наша группа отошла на ночлег в село Средний Егорлык (Лежанка), заняв перед селом сильным сторожевым охранением позицию. В Лежанке в это время находилось много всякого рода тыловых учреждений: обозов, госпиталей, каких-то нестроевых частей, мастерских, которые и не предполагали, что находятся в непосредственной близости к противнику. Совершенно неожиданно очутившись под ударом врага, все эти учреждения и команды спешно, еще до рассвета, эвакуировались на юг.

6 февраля противник не проявлял активности, если не считать столкновений разведывательных частей. 7 февраля, часов около 10 утра, красные несколько раз пытались овладеть селом, но все попытки их были отбиты огнем артиллерии и пулеметов и частыми контратаками. 8 февраля Буденный с утра всеми силами повел наступление на Лежанку и часам к 12 дня, вытеснив нашу группу, занял село. К вечеру того же дня части генерала Голубинцева отошли на ночлег в станицу Плоскую (Ново-Корсунский).

9 февраля Буденный с 6-й и 4-й кавалерийскими дивизиями атаковал Плоскую и после нескольких повторных атак занял станицу, оттеснив наши части к западу, к поселку Ивановскому. К вечеру наши части расположились в станице Незамаевской и в поселке Ивановском, а Буденный, оставив в станице Плоской сильный заслон, с конной армией двинулся дальше на юг, по направлению к селу Белая Глина, где, как выяснилось впоследствии, атаковал и уничтожил 1-й Кубанский корпус генерала Крыжановского¹⁹³, ведший в это время бой с красной пехотой (с 20, 34 и 50-й советскими стрелковыми дивизиями), наступавшей со стороны сел Богородицкого и Развильного.

О нахождении в Белой Глине корпуса генерала Крыжановского и вообще каких-либо наших частей мне не было известно, как не было известно о местонахождении и судьбе Конной группы генерала Павлова. В противном случае я, конечно, связался бы с генералом Крыжановским и отходил бы на Белую Глину, а не на Незамаевскую, и неожиданная катастрофа с Кубанским корпусом была бы избегнута. Вообще следует отметить, что даже старшие начальники не были донским штабом достаточно ориентированы об обстановке за все время

отхода и боев на Кубани, и это одна из важных причин нашего поражения.

10 февраля, находясь с Конной группой в станице Незамаевской, я установил, через Корниловский полк, телефонную связь с командующим Донской армией, генералом Сидориным. Для розыска и связи с генералом Павловым были высланы разъезды. За станицей Плоской велось наблюдение. День прошел спокойно. На усиление моей группы прибыл 4-й конный полк молодой Донской армии в составе двух сотен, силою около 150 сабель.

11 февраля мои части сосредоточились в районе хутора Ивановского, в 5—6 верстах от станицы Плоской, с целью вновь овладеть Плоской. В это время генерал Сидорин сообщил мне по телефону, что к вечеру к Плоской должна подойти со стороны Средне-Егорлыцкой 10-я Донская дивизия¹⁹⁴. Не дожидаясь подхода 10-й конной дивизии и получив от разведки сведения о численности противника, занимавшего Плоскую, наши части около 12 часов дня энергичным налетом овладели станицей, захватив у красных обозы и отбив группу пленных, около 40 человек, взятых красными при разгроме 1-го Кубанского корпуса. К вечеру 11 февраля в ст. Плоскую вошла 10-я Донская конная дивизия генерала Николаева¹⁹⁵.

С подходом 10-й дивизии я получил приказание 4-й полк молодой армии отправить к Екатеринодару для операций против зеленых; туда же был отправлен и Кубанский дивизион, а с остальными частями я вошел в подчинение генералу Николаеву для дальнейших операций.

На ночлег части генерала Голубинцева расположились в районе станицы Плоской: штаб, три полка и две батареи в станице, а один полк с двумя орудиями в хуторе Ивановском. В 10 часов вечера я получил из штаба 10-й дивизии краткое приказание: «От 14-й конной бригады выслать разведку утром 12 февраля на села Белую Глину и Горькую Балку и в 8 часов выступить в авангарде на село Белую Глину». Никаких сведений о противнике, об общей задаче и о других частях группы генерала Павлова не сообщалось.

Утром 12 февраля, когда голова авангарда выдвинулась версты на три к югу от станицы Плоской (Н. Корсунский) по дороге на Белую Глину, были получены донесения от разъездов, что противник силою около 8—9 полков конницы выступил из села Белая Глина и перешел в село Горькая Балка. В это же время к северу от Горькой Балки в бинокль можно было различить конные колонны противника. Начальник группы генерал Николаев был еще в Плоской. Ему было послано донесение об обстановке. Авангард остановился, части подтянулись во взводную колонну. Через некоторое время в голову колонны выехал

генерал Николаев со своим начальником штаба, войсковым старшиною Фроловым¹⁹⁶.

Теперь колонны противника обозначились резко. Противник делает перестроения. На мой доклад об обстановке и на вопрос о дальнейших действиях генерал Николаев заявил, что нам приказано занять Белую Глину, а потому оставим здесь, в лощине, заслон в две сотни, а сами пойдем на Белую Глину.

Такое примитивное решение меня смутило.

— Я полагаю, что занять Белую Глину может разъезд, так как разведка доносит, что противник очистил село и перешел в Горькую Балку, а наша задача, полагаю, разбить противника, — возразил я.

— Тогда оставим здесь заслон — одну бригаду, а сами пойдем на Белую Глину, — говорит нерешительно генерал Николаев.

— Обратите внимание, Ваше Превосходительство, что противник строит боевой порядок, видно в бинокль, сейчас будет атака.

— В резервную колонну! — приказывает генерал Николаев.

Отряд в 4 бригады (12 полков) строит резервные колонны в лощине, правее дороги, в шахматном порядке, так что противник нас почти не видит: в центре 14-я бригада (генерал Голубинцев), левее уступом вперед 9-я бригада (полковник Дьяконов), правее уступом назад 10-я бригада (полковник Лащенко¹⁹⁷) и 13-я бригада (полковник Захаревский).

Начальник группы, генерал Николаев, выезжает на левый фланг, перед 9-й бригадой, с ним начштаба, войсковой старшина Фролов, и советуются. Здесь же присутствую я и командир 9-й бригады полковник Дьяконов, другие командиры бригад при своих бригадах. Результат совещания с начальником штаба: «Выслать сотню от 9-й бригады в лаву». Я, видя, что у генерала Николаева еще нет определенного решения, приказываю командиру моего артиллерийского дивизиона полковнику Степанову, находящемуся около меня, занять позицию, причем одну батарею поставить к северу, за станицей Плоской.

Противник открыл артиллерийский огонь и строит боевой порядок для атаки. У нас уже есть потери от артиллерийского огня.

— Отдавайте же приказания, прикажите строить боевой порядок, — говорю я генералу Николаеву.

Лицо генерала изображает растерянность и нерешительность. Я, видя, что красные могут нас забрать, как оцепеневших цыплят, приказываю моим батареям открыть огонь. Ординарцу отдаю приказание: «14-я бригада в линию колонн!»

Лицо генерала Николаева мне страшно знакомо, но где я его видел, не могу вспомнить.

— Где я с вами встречался, Ваше Превосходительство?

— Да я у вас же был в отряде!

Больше разговаривать некогда — противник переходит в атаку, я еще раз говорю:

— Прикажете строить боевой порядок!

— Атакуйте вашей бригадой, — говорит генерал Николаев, — а мы вас поддержим.

Я скачу к своей бригаде, командую: «Строй фронт! Трубач! По переднему уступу!» Мелодичные звуки сигнала оглашают морозный воздух и поднимают настроение. Бригада, выдвигаясь вперед, успевает развернуть два правофланговых полка и переходит в атаку на красных, идущих в линии колонн; в интервалах у красных пулеметы на тачанках. Крики «Ура!», и в одну минуту моя бригада от пулеметного огня теряет 150 всадников и лошадей; около меня падает мой вестовой, сраженный пулей. Бригада атаковала с фронта, а с левого фланга противник массой обрушился на мой левофланговый полк, шедший на уступе и еще не успевший развернуться, и смял его. Два других полка, получив удар во фланг и с фронта, после краткой рукопашной схватки отброшены в облическом направлении вправо.

Стоявшие в резервных колоннах 9-я¹⁹⁸, 10-я¹⁹⁹ и 13-я²⁰⁰ конные бригады оставались зрителями и вместо того, чтобы ударить противника с обоих флангов, не получая никаких распоряжений, видя красных у себя непосредственно перед глазами, обрушившихся всей массой на 14-ю бригаду, оглушенную криками «Ура!» и пулеметной трескотней, толпою бросаются направо назад, оставив красным всю артиллерию, около двадцати орудий, которая не только не сделала ни одного выстрела, но даже не заняла позиции. Стреляли только две батареи 14-й конной бригады, причем 10-я конная батарея доблестного войскового старшины Бочевского, открыв ураганный огонь по атакующим красным, внесла в ряды их большое замешательство, заставив их задержаться, и тем дала возможность частям 14-й бригады сейчас же за станицей Плоской оторваться от противника, прийти в порядок и прикрыть отход конной группы.

29-й конный полк 14-й конной бригады с двумя орудиями под командой есаула Акимова, шедший на присоединение к 14-й бригаде из хутора Ивановского, в это время открывает артиллерийский огонь в тыл атакующим красным, что также охлаждает порыв большевиков к преследованию и дает возможность 14-й бригаде устроиться.

Очутившись в арьергарде, 14-я бригада прикрывает отступающую в беспорядке 10-ю дивизию. Преследование ведется упорно. Части

бригады отходят перекатами, отбиваясь от наседающей красной конницы пулеметами и огнем батареи войскового старшины Бочевского. На десятой версте пришедшая в порядок 10-я конная бригада полковника Лащенко поддерживает 14-ю бригаду и общими усилиями, перейдя в контратаку, отбрасывают выделенные для преследования красные части.

Левее нас наступавший на Б. Глину (о чем мне не было даже известно) 2-й Донской корпус атаковал 11-ю советскую кавалерийскую дивизию, но неудачно и, потеряв всю артиллерию, отходит параллельно нам на Егорлыкскую. Таким образом, от артиллерии всей Конной группы генерала Николаева уцелела лишь артиллерия 14-й конной бригады: 10-я конная батарея полковника Бочевского и два орудия 14-й конной батареи полковника Степанова, единственные батареи, хладнокровно и с честью выполнившие свой долг.

Итак, мы проиграли бой благодаря растерянности начальника, имея все данные для того, чтобы его выиграть: и выгодное положение, и перевес в численности, и настроение казаков, ободренных недавними успехами — разгромом кавалерийской дивизии Гая и 28-й стрелковой дивизии Азина, с пленением начальника дивизии. Как будто нас преследовал какой-то злой рок — ошибки за ошибками, переходящими в преступления.

Не могу не остановиться на личности генерала Николаева. После боя, подходя к ст. Егорлыкской и усиленно ломая голову над вопросом, где я раньше видел генерала Николаева, я вдруг вспомнил: ба! Ведь в апреле 1918 года, в начале восстания в Усть-Медведицком округе, у меня при штабе повстанческой армии был подъесаул Николаев; офицер очень симпатичный, но настолько вялый и неэнергичный, что я, при всем моем желании и расположении к нему, не мог дать ему даже сотни, несмотря на большой недостаток в офицерах. Он все время находился у меня при штабе, и, наконец, я его назначил заведующим оружейными мастерскими на хуторе Большом. Затем, когда получились сведения о восстании в его округе, кажется в 1-м Донском, он просил откомандировать его в свой округ. С тех пор я потерял его из виду — и вот через два года встречаю его в роли начальника большой конной группы. На Кубани затем он временно командовал 4-м конным корпусом, что, по-видимому, его очень стесняло, так как при одной встрече со мною он, разводя руками, простодушно заявил: «Какой я командир корпуса!» В эмиграции, проживая в Софии, он записался в «Союз Возвращения на Родину» и в 1921 году уехал в советскую Россию, где, по слухам, расстрелян большевиками.

За Кубань

После неудачного боя 12 февраля Конной группы генерала Павлова у станицы Плоской (Н. Корсунский), началась гологофа белой конницы. На другой день после боя, 13 февраля, простояв полдня в колоннах у ст. Егорлыкской, вся конная группа, блуждая до вечера в степи, в холод и вьюгу, отошла на ночлег в Кугаевские хутора, где на каждую бригаду было отведено по одному двору. Даже штабы бригад расположились в скирдах соломы, засыпанных снегом.

Люди не могли отогреться у костров, так как огонь запрещено было разводить. Соприкосновение с противником было утеряно. На следующий день была назначена дневка. Отдых при таких условиях, конечно, не только не освежил и не успокоил части, а еще больше измучил, ибо, находясь все время на морозе, под открытым небом, казаки страдали от холода и утомления, оспаривая друг у друга место у скирд. 15 февраля, рано утром, конная группа выступила с места ночлега и к вечеру вошла в соприкосновение с противником у хуторов Иловайских, где в сумерках уже завязался бой спешенных частей, длившийся далеко за полночь, переходящий местами в рукопашные схватки. Хутора переходили из рук в руки. Обстановка была довольно темна. Связь между нашими частями, ведущими бой на большом фронте, часто прерывалась и терялась. Перед рассветом бой, длившийся с переменным успехом, постепенно затих. Решительных результатов не было достигнуто ни одной, ни другой стороной. Противник исчез. Следующие дни — маневрирование в резервных колоннах, редкие перестрелки. Ни приказов, ни сообщений, ни задач в части и штабы бригад от командования Конной группы не получалось. Обстановка была очень неясна, так же как и цель наших маневров и передвижений. Очевидно, штаб Конной группы упустил из виду, или не мог, или не считал нужным посвящать в обстановку старших начальников.

18 февраля в районе сел Грязнуха — Средне-Егорлыкское, на фронте протяжением около 15 верст, был ряд нерешительных конных атак, сводившихся к стремлению обоим противникам охватить фланги — отсюда получалась параллельная скачка. Едва ли в истории конницы было когда-либо скопление такой массы конницы, ведущей конные бои в таком грандиозном масштабе, на таком сравнительно небольшом пространстве. К сожалению, ввиду ли общего утомления, физического и морального, или общей растерянности и неорганизованности, бои не дали никакого результата. Отсутствие же общего руководства и, главным образом, приказаний, директив, распоряжений, сведений об об-

становке, задачах и цели понижало настроение масс, затемняло обстановку и вносило неуверенность.

✓ 19 февраля Конная группа перешла реку Кугасю. Отсюда начинается наш медленный, но безостановочный отход на Кубань, по большой, размытой тающим снегом, грязной и вязкой дороге к Екатеринодару, через станицы Березанскую, Журавскую, Кореновскую, Платнировскую и Динскую. Начавшаяся около 20 февраля оттепель обратила черноземную почву в грязное засасывающее болото. 27 февраля, после боя у переправы через реку Бейсуг, Конная группа отошла в станицу Березанскую, где мы узнали, что генерал Павлов отозван и в командование конницей вступил генерал Секретев.

✓ 28 февраля красные перешли в наступление; наша группа после боя отошла за реку Бейсуг, в Журавский хутор, и в тот же день к вечеру, теснимая противником, в станицу Кореновскую. Здесь было получено сообщение, что для руководства операциями в станицу Кореновскую завтра, то есть 29-го, на аэроплане прилетает командующий Донской армией генерал Сидорин. Особенного энтузиазма это сообщение не внесло, ибо Сидорин вообще не пользовался популярностью ни у командного состава, ни у казаков, и об его военных и боевых качествах и, особенно, политических тенденциях, так же как и методах ведения операций, мнение было далеко не в его пользу.

✓ С утра 29-го на окраине станицы Кореновской были зажжены две громадных скирды, которые должны служить указанием места для спуска аэроплана Сидорина. В 11 часов генерал Сидорин прибыл, встреченный генералом Секретевым. 1 марта состоялся смотр войскам у станицы Кореновской. Погода стояла скверная, еще накануне, с вечера, подморозило, пошел снег, поднялся резкий ветер и началась метель. Сидорин объехал построенные в резервных колоннах бригады, затем собрал урядников и сказал довольно бессодержательную и трафаретную речь о необходимости победить и драться. Казаки слушали и молчали, кутаясь в драные шинели и переминаясь с ноги на ногу в дырявых и мокрых сапогах и опорках.

Утром 2 марта вся группа сосредоточилась на южной окраине станицы. О противнике не было никаких сведений; но около полудня стрельба послышалась уже в тылу у нас. Начался поспешный отход к Платнировской и бои за переправы, но, так как мосты и гати были размыты и растоптаны, а о поправке их заблаговременно никто не позаботился, пришлось бросить много обозов и часть пулеметов, не успевших вовремя переправиться.

Вообще надо отметить, что вступление генерала Сидорина в командование конницей ознаменовалось особыми методами ведения отступа-

тельного боя. Наш путь движения пересекался целым рядом болотистых в это время года речек, раздувшихся за время оттепели, вязких и по большей части непроходимых вброд. Сообщение возможно было только по мостам и гатям, часто разломанным и размытым. С прибытием Сидорина мы усвоили особую тактику: в бой с красными не вступали, а не доходя 2—3 верст до какой-либо пересекающей наш путь речки останавливались и стояли в резервных колоннах часами; когда же получались сведения, что противник нас обошел и уже в тылу за речкой открывал огонь во фланг и тыл нам, — вся группа спешно отходила к переправам; но мосты ненадежны и узки, гати растоптаны, вязки и проваливались на каждом шагу, переправа производилась в беспорядке, получалось скопление, бросались обозы. После каждой такой переправы наши полки теряли веру в свои силы и, конечно, все более и более деморализовались. Это повторялось неоднократно. Укажу как характерный пример бой за переправу или, вернее, у переправы, у станицы Динской.

3 марта Конная группа, оставив станицу Пластуновскую, остановилась не доходя 2 верст до переправы, что к западу от станицы Динской. В тылу находилась болотистая речка Качати с почти негодной для переправы гатью. Противник активности как будто не проявлял, во всяком случае, его не было видно перед фронтом. Обстановка была неясна. Около 2 часов стояла группа пассивно в резервных колоннах. Вдруг были получены сведения, что красные нас обошли и выходят нам в тыл. Начался спешный отход к переправе. Моя 14-я бригада находилась в арьергарде и прикрывала отход. К речке подошла последней и начала переправляться. Переходить через гать можно было только в два коня, ибо она была узка и совершенно разбита прошедшими раньше частями. Лошади вязли и падали, проваливаясь в ямы, заполненные жидкой грязью. Пулеметы и орудия казаки с невероятными усилиями тащили на руках и веревках, подкладывая бревна и припрягая строевых лошадей. Люди и лошади выбивались из сил. Я находился на правом, северном берегу речки с 29-м конным полком, следовавшим в хвосте бригады. Полк остановился шагах в пятистах от гати, ожидая окончания переправы артиллерии и передних частей. В это время на горизонте, в направлении с северо-запада, показалось несколько эскадронов красной конницы. Большевики развернулись и галопом, с криками «Ура!» неслись на нас. Минута была критической. Сотни 29-го полка сначала было смутились...

— Есаул Акимов, ведите полк в контратаку! — приказываю командиру полка.

Доблестный есаул, выхватив шашку, энергично командует: «Шашки к бою, за мной!» Решительный вид и порыв командира увлекают

казаков. С гиком развернулись сотни и понеслись навстречу противнику. В это же время переправившиеся раньше две сотни Калмыцкого полка, занимавшие позицию по левому берегу реки Качати, открыли огонь из двух пулеметов по красной коннице. Не ожидавшие такого оборота, красные повернули обратно и, преследуемые казаками 29-го полка, так же быстро скрылись, как и появились. Переправа закончилась благополучно, хотя в тылу и на фланге еще слышалась частая стрельба и выдвинутые на левый фланг заслоны вели упорный бой. На кургане рисовалась грустная, завернутая в бурку фигура генерала Сидорина. С конвоем из юнкеров пассивно и беспомощно переезжал генерал Сидорин с кургана на курган, тоскливо слушая перестрелку. Присутствие командующего Донской армией не только не вдохновляло части, но скорее пассивная группа командующего своим видом наводила на них уныние.

Оставив заслон, Конная группа продолжала движение к Екатеринодару. У станицы Динской я остановился с бригадой, решив дать частям передышку и покормить лошадей. На находившуюся недалеко горевшую железнодорожную станцию, где брошен был интендантский склад, я послал офицера с разъездом, рассчитывая получить из интендантства овса для лошадей бригады и вещи для людей. Но интендантский склад час тому назад спешно в панике эвакуировался, вещи не были выданы вовремя, а брошены, склад горел, и даже овса нельзя было получить в достаточном количестве.

В Динской я встретил начальника Конной группы генерала Секретева, ехавшего с одним только вестовым.

— Что будем делать дальше, Ваше Превосходительство? Какие распоряжения?

Генерал Секретев, потерявший, по его собственному выражению, сердце, безнадежно махнул рукой:

— Все равно, никакие приказания не исполняются! — и поехал дальше, нахлобучив на глаза фуражку.

Вероятно, генерал, бросив эту фразу, не учел обстоятельства, что приказания и директивы могут исполниться только тогда, когда они отдаются в приказах и распоряжениях своевременно, а не предоставлены интуиции подчиненных.

Простояв до 16 часов у Динской и пропустив запоздавшие и отставшие части, я двинулся с бригадой по направлению к Екатеринодару и, не доходя 10 верст, остановился на ночлег на шоссе, у сторожевой будки, выслав в сторону противника, на 5 верст вперед, наблюдательные разъезды. Ночь прошла спокойно, противник не беспокоил. Утром от разъездов получены донесения, что они вошли в соприкосновение с крас-

ными и под давлением сильных разъездов противника медленно, ведя перестрелку, отходят.

4 марта, около 10 часов утра, бригада подходила к Екатеринода-ру. Проходя мимо аэродрома, я удивился спокойствию и беспечности летчиков: на аэродроме стояло много машин, как бы в ожидании, чтобы их захватили большевики. Я спросил у находившегося здесь офицера, что предполагается делать с аэропланами и известна ли обстановка. Офицер-летчик ответил, что обстановка неизвестна и никаких распоряжений не получено. Я попросил к себе начальника отряда. Явившийся полковник очень удивился и заволновался, когда узнал, что в нескольких верстах от Екатеринодара находятся непри-ятельские разъезды. Никаких распоряжений и сведений он не полу-чал. Впечатление такое, что об аэропланах будто бы забыли, хотя самолеты нам были очень и очень нужны. По просьбе начальника базы я оставил на аэродроме одну сотню в прикрытие, дабы дать возможность спокойно приготовить машины к отлету. На аэродро-ме засуетились, сожгли и привели в негодность некоторые не гото-вые к отлету машины, чего, конечно, не случилось бы, если бы свое-временно были приняты меры к планомерной эвакуации такого ценного для нас военного материала. Учитывая такие поразительные факты небрежности или легкомыслия, невольно зарождается мысль о злом умысле, последующее еще более убеждает в этом. Весь этот хаос и неудачи нельзя приписывать только инертности, небрежност-ти или глупости. Будем надеяться, что будущий историк прольет свет на все эти обстоятельства.

Когда я с бригадой вступил в Екатеринодар, город был загромож-ден обозами, беженцами, ранеными и всякого рода тыловыми учреж-дениями. Распоряжение о порядке эвакуации не было сделано свое-временно. В городе царил паника. Все металось, все стремилось к единственной переправе по железнодорожному мосту. Второй мост е щ е (?) не был поправлен!

На железнодорожном мосту образовалась пробка, строевые части перемещаны с обозами и подводами беженцев, тут же по мосту двигал-ся поезд. Раздававшиеся по временам за городом ружейные выстрелы еще больше усиливали панику. Никто переправой не руководил, каждый торопился скорее переправиться на левый берег Кубани. Люди сбрасы-вали друг друга в реку. Видя такую обстановку, я, по своей инициативе, послал один полк бригады занять заставами северные окраины города, так как в случае появления даже небольших разъездов противника мож-но было ожидать катастрофы. Скоро моему примеру последовал еще какой-то полк, который, простояв с утра у переправы и учитывая обста-

новку, решил, что лучше ожидать своей очереди за городом, заняв позицию.

4-го вечером я с бригадой переправился на левый берег Кубани, оставив один полк в выселках у самого берега, а с остальными частями отошел на ночлег в аул Бжегокай, в нескольких верстах к западу от железной дороги Екатеринодар—Георги Афипская.

4-й Конный корпус расположился на ночлег в Новодимитриевской. Мост у Екатеринодара был взорван, но так неудачно, что на следующий день, 5 марта, большевики положили доски и переправили разведчиков. Расположенный в выселках, недалеко от моста, 29-й конный полк прогнал красных и даже переправил своих разведчиков в город, пробывших там несколько часов и возвратившихся с продуктами для полка и сахаром, взятым из брошенных там обозов. Об укреплении левого берега Кубани или об охране его и наблюдении никто не позаботился. Распоряжений никаких от командования не поступало. На 4-й Конный корпус, ставший на ночлег в Новодимитриевской, в ночь с 4 на 5 марта «зеленые» сделали нападение, но после двухчасового боя были отбиты. Потери были с обеих сторон.

6 марта я получил приказание перейти с бригадой в аул Тахтамукай, где сосредоточивается 4-й Конный корпус. В районе Тахтамукай 4-й корпус получил сообщение, что Донская армия, по постановлению Верховного круга, прервала всякие сношения с Добровольческой армией и начальникам бригад и дивизий предлагается действовать по своему усмотрению самостоятельно. Здесь же, в пути, состоялось совещание старших начальников, на котором решили не разъединяясь действовать вместе и отойти в Грузию, где предполагали отдохнуть и оправиться, дабы вновь продолжать борьбу.

Связь с Донской армией и главным командованием была прервана. Во временное командование 4-м Конным корпусом вступил начальник 10-й Конной дивизии генерал Николаев. Отсюда начинается новый период нашего тернистого пути к Черноморскому побережью.

Внимательно оценивая обстановку и сопоставляя ее со всеми распоряжениями и действиями верховного командования Донской армии, связанными с нашим отходом за Кубань, нельзя не прийти к некоторым печальным выводам. Невольно возникает вопрос и закрадывается сомнение: было ли вообще у донского командования какое-либо определенное решение или план дальнейших действий за Кубанью? Если решили отойти за Кубань, да и другого решения при создавшейся обстановке, пожалуй, и не могло быть, то почему заблаговременно наш тыл не был эвакуирован? Почему район за Кубанью не был подготовлен для обороны? Почему своевременно не были поправлены мосты

и переправы? Почему систематически оставались красным интендантские и амуниционные склады? Почему аэропланы были брошены у Екатеринодара? Почему мотали без цели и пользы всю конницу, вместо того чтобы оставить на фронте лишь арьергарды?

Казалось бы, что если решено было отойти за Кубань, не ввязываясь с противником в бой, по той или иной причине (а что это было так, доказывают факты, ибо не было сделано ни одной серьезной попытки к сопротивлению), то почему бы не послать заблаговременно в тыловой район одну-две бригады с задачей очистить и эвакуировать тыл, привести в порядок мосты и переправы и, что самое главное, укрепить левый берег Кубани, подготовить оборонительные позиции или рубежи, приспособить их для защиты и прикрытия, в случае нужды, а также очистить район от «зеленых» банд. Все это было возможно, времени было достаточно, тем более что шедшие за нами красные особой активности не проявляли, даже инициатива была в наших руках. Об этом говорили, это было мнение почти всех старших начальников, но командующий Донской армией думал, по-видимому, иначе.

Какую цель он преследовал, выматывая окончательно нашу конницу и как бы умышленно ставя ее в самые пагубные и рискованные положения? Зачем создавал беспорядок и панику, держа все тыловые учреждения на фронте до последнего момента? В последние дни нашего отхода донская конница без боя была приведена в состояние почти полной небоеспособности.

При своевременной и рациональной подготовке отхода за Кубань картина получилась бы совершенно другая. Даже одна неделя отдыха была бы достаточна, чтобы наша конница вновь приобрела бы былую мощь и способность побеждать. За Кубань отошли лучшие люди. Все колеблющееся, малодушное, ненадежное и потерявшее веру в победу отстало и ушло к себе домой.

Чем больше думаешь над этими вопросами, тем ярче вырисовывается и непонятней становится процедура систематического разложения армии: громадные склады и запасы фуража и обмундирования были брошены противнику, при полной возможности их эвакуировать, а люди были раздеты и разуты; на Черноморском побережье погибли тысячи лошадей, и только потому, что не было подков, копыта на переходах по шоссе стирались, лошади падали и дохли ежедневно сотнями. Кто виноват в этом погроме? Этот вопрос даже не поднимался, хотя виновники всем известны. Неумение, неопытность, некомпетентность не могут служить оправданием, ибо командовал армией не дилетант, не присяжный поверенный, а офицер Генерального штаба.

Чем занималось главное командование Донской армии и те, в чьих руках была власть? Всем и, главным образом, личной политикой, но только не судьбой армии. История, конечно, их осудит, но не покарает. История — судья строгий, но карать не может.

Черноморское побережье

✓ 6 марта 1920 года Донской конный корпус и 14-я Отдельная конная бригада сосредоточились в районе аула Шенджи. Сообщение о разрыве Донской армии с Добровольческой, по постановлению Верховного круга, произвело на всех тяжелое впечатление. Политиканы губили армию.

Ввиду неясности обстановки и общей растерянности, сначала решено было каждой бригаде действовать самостоятельно, отходить и пробиваться по своему усмотрению, избрав себе путь следования, и, когда уже некоторые бригады тронулись в разных направлениях, принято было новое решение — идти всей Конной группой вместе, не разделяясь, и по мере выяснения обстановки принять то или иное решение и выбрать район, где можно дать частям возможность отдохнуть и привести себя в порядок для продолжения дальнейшей борьбы.

7. На другой день начался наш кошмарный поход по Кубанской области, с ежедневными стычками и перестрелками с «зелеными». Дороги по размытому оттепелью чернозему были ужасны. Грязь вязкая, жирная, липкая засасывала. Двухолки и повозки вязли, лошади выбивались из сил, падали и гибли в грязи. Для вытаскивания пушек приходилось наряжать целые сотни людей в помощь артиллеристам. Хорошо еще, что в начале нашего движения можно было в казачьих станицах доставать фураж и хлеб. Сначала наша группа взяла направление на восток и, переправившись через вздувшуюся речку Пщищ, заняла станицу Рязанскую, но после длительной перестрелки с противником отошла на ночлег в район аула Гатлукай.

8. На другой день решено идти в станицу Саратовскую, через станицу Бакинскую. При подходе к Бакинской завязалась перестрелка с зелеными, занимавшими станицу. Бандиты были выбиты, и, продолжая движение, к вечеру Конная группа вошла в станицу Саратовскую.

✓ По прибытии в ст. Саратовскую я с прискорбием узнал о смерти моего бывшего командира полка, генерал-майора И.Т. Житкова²⁰¹, убитого здесь накануне нашего прихода. Дня за два до нашего вступления в станицу сюда прибыла Запасная Донская бригада, которой

командовал генерал-майор Житков, бывший в 1910—1912 годах командиром моего родного 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка. Очевидно, бригада не приняла необходимых мер охранения и предосторожности, и вечером на станицу было сделано нападение зеленых. В завязавшемся бою был убит командир бригады генерал Житков и его сын, подъесаул Житков. Это был первый и последний бой, в котором принимал участие покойный Иван Тимофеевич. Судьба, казалось, зло подшутила над ним.

Когда вопрос касается родного полка, я не могу не остановиться на воспоминаниях и не сказать несколько слов о бывшем командире близкого моему сердцу полка. Всю свою жизнь Иван Тимофеевич мечтал о войне, готовился к ней и, когда на склоне предельного возраста получил полк, стал его усиленно готовить к войне, делал частые маневры, тревоги, гонял полк по лесистым и песчаным холмам окрестностей Вильны, настолько часто, что лошади обратились в борзых кобелей, и когда после одной выводки лошадей начальник дивизии разнес в приказе состояние тел лошадей в полку, то не только маневры в горах были забыты, но даже и конные учения сократились и все внимание было обращено на тела лошадей. Весь свой служебный опыт, приобретенный за долгую службу, и особенно за время своей службы в 4-м Донском казачьем полку (которым в последних годах прошлого века командовал известный всему Дону своей эксцентричностью полковник Абрамов), Иван Тимофеевич, старавшийся во всем подражать Абрамову, изложил в изданной им изящной книжке, состоявшей из наставлений и взглядов на воспитание, обучение и подготовку казаков. В этих наставлениях и приказах часто проводились довольно парадоксальные или весьма оригинальные мысли, и поэтому Иван Тимофеевич, боясь критики и шуток молодежи, не делал эту книжку общим достоянием и только в знак особого расположения и доверия иногда дарил ее некоторым офицерам. Ему полк обязан основанием и оборудованием полкового музея, где было собрано много ценных в историческом смысле предметов и документов, портреты почти всех бывших командиров полка за последние сто лет, несколько старинных портретов Ермака, составлена история полка, пополнена библиотека; много и других полезных вещей сделал покойный для полка. В Иване Тимофеевиче сочеталась командирская строгость с отеческой заботливостью и отзывчивостью. В 1917 году Иван Тимофеевич был произведен в генералы с увольнением в отставку по предельному возрасту. За несколько месяцев до отставки полковник Житков побывал в Петербурге, где имел счастье представиться Государю и удостоился беседы с Его Величеством. В разговоре Государь, когда ему доложил Иван Тимофеевич,

что уходит в отставку по предельному возрасту, заметил: «Вы еще такой молодец», на что Иван Тимофеевич ответил: «Да, еще чувствую силу и мог бы послужить Вашему Императорскому Величеству». Государь улыбнулся, но ничего не сказал.

В Гражданскую войну генерал Житков был призван из отставки на службу и получил запасную бригаду. По роду службы бригаде не приходилось участвовать в боях, и вдруг здесь, в тылу, в Саратовской станции, в первом же бою с разбойниками-зелеными выехавший на белом коне, в генеральском пальто с красными отворотами Иван Тимофеевич был убит одной из первых пуль. Да будет земля ему легка. Вечная память отцу-командиру!

В станции Саратовской мы соединились с частями Кубанской армии. Сюда же прибыл со своими «волками» и генерал Шкуро, советовавший нам отойти в богатый хлебом Майкопский район, где якобы можно спокойно отдохнуть и оправиться для дальнейшей борьбы. В Саратовской, на совещании старших начальников, решено было идти к Черноморскому побережью, а дальше, в зависимости от обстановки, хоть на край света, но только не к большевикам.

Путь наш лежал через станции Саратовскую, Кутаисскую, Линейную, Кабардинскую, Ходыженскую и далее, по большой дороге через армянское село Елисаветовское, через перевал Индюк к Туапсе. Мы двигались двумя или тремя колоннами через поименованные или соседние станции. Пересеченная и гористая местность, покрытая лесами, благоприятствовала партизанским действиям зеленых, ютившихся в лесах и станицах. Почти ежедневно с ними бывали стычки и перестрелки. Нас часто беспокоили они по ночам внезапными обстрелами занимаемых нами станиц, нападали на отставшие обозы и грабили их. О красных у нас не было почти никаких сведений до выхода нашего на Черноморское побережье. По прибытии в станицу Ходыженскую, при распределении мест для ночлега, 14-й бригаде была назначена станица Нефтяная, отстоявшая на 10 верст к юго-востоку от нашего пути следования. Сделав еще этот переход и подходя в сумерках к Нефтяной, в узком горном дефиле бригада была встречена сильным пулеметным и ружейным огнем зеленых. Завязался ночной бой, в обход были посланы спешенные сотни, местность горная, незнакомая, ночь темная, перестрелка затянулась, появились убитые и раненые; так как наша цель была не овладение станицей, а лишь ночлег, я, во избежание лишних потерь, оттянул части версты на две от станицы и в удобной для привала долине сделал четырехчасовой отдых, и к утру прибыл с бригадой в Ходыженскую, как раз ко времени выступления Конной группы на Елисаветовское.

У хутора Ходыженского путь наш был прегражден большими бандами зеленых, и только после часовой перестрелки, причем даже пришлось применять артиллерию, мы двинулись дальше. Из Елисаветовского, без дальнейших инцидентов, поднимаясь по горной дороге, мы перевалили горный проход Индюк и спустились у Туапсе на шоссе Черноморского побережья.

Шоссе оказалось для нас еще гибельней проселочных грязных дорог Кубани. Лошади стирали о камни копыта и, за отсутствием запасных подков, падали и дохли сотнями. Все шоссе от Туапсе до хутора Веселого было усеяно конскими трупами. С фуражом и довольствием людей дело обстояло хуже. У населения ничего нельзя купить, жители влачили полуголодное существование. Зерна для лошадей не было. На подножном корму также нельзя было держать лошадей, ибо весна только началась и трава едва показалась из почвы. Хлеба не было. Питались кукурузой, доставать которую приходилось с большим трудом. За продовольствием, на фуражировки посылались в горы офицерские разъезды, где им зачастую приходилось вести форменные бои, чтобы получить несколько пудов кукурузной муки. Вопрос с довольствием был поставлен настолько остро, что казаки были предоставлены самим себе и должны были сами заботиться о своем питании. Калмыки были в лучшем положении, ибо конины было вдоволь.

Когда и где мы соединились с Кубанской армией генерала Букретова²⁰², точно не помню. Осталось у меня в памяти, что в Ходыженской с нами была Черкесская дивизия²⁰³, а при выходе на Черноморское побережье мы как бы растворились в море кубанцев.

Много событий ускользнуло из моей памяти — на Черноморском побережье я заболел кавказской малярией в очень тяжелой форме, к счастью, непродолжительной, и несколько переходов сделал в конных носилках. Оправился я вполне лишь в Хосте, где мы простояли несколько дней в ожидании кораблей для погрузки в Крым.

Когда мы спустились с гор в город Туапсе, у нас уже было значительное количество больных и безлошадных казаков. Тащить их за собою походным порядком не представлялось возможным, поэтому было решено отправить их в Крым на пароходах.

В этом смысле было получено распоряжение от командира Донского Конного корпуса. В Туапсе на один из отходящих в Крым пароходов я погрузил около 250 больных и безлошадных казаков 14-й бригады, туда же были погружены казаки и других донских частей. Погрузка была закончена, и пароход готовился к отплытию. Я и генерал Рубашкин находились на пристани. Совершенно неожиданно по-

явился генерал Писарев и, обращаясь к коменданту парохода, приказал выгрузить донцов. Я вмешался и заявил ему, что получил распоряжение от командира 4-го Донского корпуса погрузить этих казаков и выгружать их не намерен. Генерал Писарев загорячился, ответил мне резко и повышенным тоном, что получено распоряжение донцов в Крым не грузить, а только кубанцев и что он заставит исполнить это требование и подкрепит его, если нужно, шестью пулеметами. Я спокойно ему ответил, что прежде всего прошу его, если он желает со мной разговаривать, не повышать голоса, ибо я не глух и могу кричать еще громче его, что же касается пулеметов, то против его шести я выставлю двенадцать, но донцов выгружать не буду. Мой ответ был холодным душем и успокоил не в меру и не к месту ненужную строптивость. На этом инцидент закончился, и пароход отошел в Крым.

В районе Туапсе Конная группа отдыхала несколько дней. Место стоянки 14-й бригаде назначено в имении, кажется, князя Голицына, находящемся в 4—5 верстах по шоссе к югу от Туапсе. Посланные в имение квартирьеры были встречены какими-то господами в бурках, заявившими квартирьерам, что имение занято членами Верховного круга и не может быть уступлено войсковым частям.

В связи с последним постановлением Верховного круга о разрыве с Добровольческой армией настроение в частях вообще против всех «кругов» было враждебным. Доложившему мне старшему квартирьеру о нежелании депутатов оставить имение я приказал объявить «господам членам Верховного круга», чтобы к приходу бригады помещение было очищено, в противном случае господа члены будут оттуда выгнаны плетьюми. При подходе штаба бригады к господскому дому имения из ворот вынырнули на конях человек двадцать, завернутых в бурки, с нахлобученными на глаза папахами г.г. «вершителей наших судеб».

При дальнейшем движении по шоссе, на одном из переходов, я встретил одноглазого «трибуна», полковника Гнилорыбова во главе «Конного отряда Верховного Круга», численностью в... 7 человек. Все стремилось в Грузию. С крымским командованием велись переговоры о погрузке и эвакуации в Крым и обратно, но результаты этих переговоров были неутешительны. Крымское командование почему-то упорно отклоняло желание донцов грузиться в Крым. Кубанцы, по-видимому, особенно желания к переброске в Крым не проявляли, хотя, несомненно, если бы был прислан своевременно достаточный тоннаж, то по инерции за донцами поплыли бы и кубанцы. Но тоннажа не было. Назревало большое преступление: истощенную, но лучшую часть белой конницы, по неизвестным нам соображениям, решено было бросить на произвол

судьбы на Кавказе. Вступивший в командование 4-м Конным корпусом энергичный генерал Калинин²⁰⁴ усиленно хлопотал и принимал все меры для спасения донской конницы, но крымское командование под различными предлогами уклонялось от присылки кораблей. Тогда решено было идти в Грузию, и об этом уже велись переговоры с грузинским правительством. В середине апреля генерал Калинин уполномочил меня отправиться в Грузию и добиться у грузинского правительства разрешения нашим частям перейти границу. Но уже в пути, на грузинской почти границе, я получил новое поручение: войти, как представитель Донского корпуса, в состав делегации, уполномоченной Кубанским атаманом генералом Букретовым для ведения переговоров с большевиками о заключении перемирия. Переговоры эти довольно подробно изложены мною ниже, в моем показании по делу о сдаче Кубанской армии. Генерал Калинин вместе с генералом Султаном Келеч-Гиреем²⁰⁵, начальником Черкесской дивизии, отправились в Грузию для переговоров, но, не добившись успеха, на другой день оба вернулись обратно.

Конечно, в Грузию мы могли бы войти и без разрешения грузинского правительства, ибо грузинская армия того времени, стоявшая на границе, была совершенно небоеспособна, даже в сравнении с нашими голодными и истощенными частями. Появление одного нашего полка, производившего пробную пристрелку пулеметов, так подействовало на грузинские пограничные части, что они, бросив свои посты, поспешно, в панике отошли на 60 верст в глубь страны, и только с большим трудом удалось их успокоить и вновь водворить на границу. Но дело было не в грузинской армии, а в том, что английское морское командование заявило нам, что в случае, если мы, без согласия грузинского правительства, вступим в пределы Грузии, англичане отказывают нам в помощи довольствием — ни одного фунта хлеба, ни одного гарнца овса. Рассчитывать же на возможность получения продовольствия в Грузии мы не могли, ибо нищее население с трудом перебивалось, питаясь рыбою да кукурузой, и достать на месте что-либо для 60-тысячной армии не было никакой надежды.

19 апреля части стали подходить к хутору Веселому, где 20 апреля часть донцов была погружена, без лошадей и седел, на английские военные суда для отправки в Крым. Лошади и седла брошены на берегу. Таким образом, из 60 тысяч лучшей конницы в Крым прибыло лишь несколько тысяч безлошадных. А можно было и времени было достаточно (целый месяц шли переговоры с Крымом) для эвакуации всей конницы, ибо противник нас не преследовал и только в последние дни проявил некоторую активность. Главным нашим врагом был голод.

Кубанская Конная армия и Донской корпус, вовремя переброшенные в Крым, без сомнения, изменили бы обстановку в Крыму в нашу пользу. Искать виновников нашего разгрома — дело истории. Наш долг лишь правдиво записать, что мы видели и как видели.

Сдача Кубанской армии

Доклад генерала Голубинцева главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генералу Врангелю.

✓ «16 апреля 1920 года, находясь с вверенной мне 14-й Донской Отдельной Конной бригадой в м. Хоста, я получил приказание от комкора IV Донск. Конного корпуса генерала Калинина прибыть немедленно в Адлер. Здесь генерал Калинин сказал мне, что возлагает на меня очень серьезное поручение, так как полагает, что я, так же как и он, одинаково оцениваем создавшуюся обстановку и так же смотрим на вещи. Обстановка создалась следующая: 1. полное падение боеспособности кубанских частей. 2. Отсутствие продуктов и фуража. 3. Уменьшение занимаемой территории с каждым днем. 4. Враждебное отношение голодных жителей. 5. Категорический отказ грузин пропустить наши части через свою территорию. 6. Отсутствие тоннажа для погрузки в Крым. Таким образом, армия находится в критическом положении: направо горы с «зелеными», с которыми ведутся постоянно столкновения и перестрелки при фуражировках; налево море; с фронта наступающие большевики, а сзади грузины. Все это действует на части разлагающим образом, и боеспособность резко падает с каждым днем.

Ввиду этого необходимо тем или иным способом, во что бы то ни стало, задержать наступление большевиков на несколько дней и выиграть время, хотя бы 3—5 дней, может быть, к этому времени подойдут транспорты для отправки частей в Крым или удастся прийти к соглашению с грузинами.

С целью задержать наступление большевиков Кубанский Атаман генерал Букретов решил начать переговоры с красными о перемирии, им же назначена комиссия в составе: генерала Морозова²⁰⁶, полковника Дрейлинга²⁰⁷ и председателя Кубанского правительства Иваниса²⁰⁸. От Донского корпуса генерал Калинин для этой же цели — задержать наступление большевиков — назначает меня и предлагает за получением инструкций о переговорах и полномочий явиться Кубанскому Атаману, где уже приготовлен автомобиль и меня ждут.

В 15 час. 30 мин. я прибыл к квартире атамана, в Адлер. Атамана не видел, но у автомобиля меня поджидали полковник Дрейлинг и Иванис.

Полк. Дрейлинг передал мне удостоверение от атамана (копию прилагаю) и сказал, что необходимо скорее ехать к генералу Морозову на позиции у реки Мацесты и там обстановка покажет дальнейшее.

Около 18 час. 30 мин. мы прибыли к генералу Морозову, находившемся на даче, верстах в 4-х к югу от Сочи, здесь же перед дачей занимали позицию цепи кубанцев.

Генерал Морозов сообщил нам, что при перемене позиции телефон со старой позиции не был испорчен и он, Морозов, подойдя на звонок к телефону, случайно разговорился с советским начдивом Егоровым, который дал ему понять, что он не прочь войти в переговоры о временном прекращении военных действий, так как якобы переговоры об этом уже ведутся в Крыму между центральной советской властью и нашим командованием.

Председатель Кубанского правительства Иванис вызвал к телефону Егорова и передал ему, что наше командование и он согласны войти в переговоры о перемирии, что уполномоченная комиссия прибыла и ждет прибытия Егорова. Егоров предложил нашей комиссии приехать в Сочи, но я категорически отказался ехать в Сочи в расположение красных и заявил, что буду разговаривать с большевиками только на нейтральной полосе. Егоров выразил изумление по поводу нашего недоверия к ним, но согласился назначить встречу. Место встречи было назначено на железнодорожном мосту, находившемся между нашими и красными цепями.

В 21 час мы прибыли к мосту, через 3—4 минуты прибыли и представители от большевиков: комендант штаба, два комиссара и командир полка. Сам начдив не приехал. После беседы выяснилось, что прибывшие лица уполномочены только начдивом и не могут без разрешения высшего командования заключать перемирия, но что по телефону переговоят с командармом и что прибудет особая с полномочиями делегация, или они сами будут уполномочены и тогда по телефону сообщат нам о времени новой встречи. Во всяком случае, пока военные действия, по крайней мере на 24 часа, хотя и неофициально, будут прекращены.

Таким образом, я полагал, что часть возложенной на нас задачи выполнена: мы выиграли 1—2 суток, перемирие не было заключено, но военных действий, по-видимому, большевики начинать не будут до новой встречи. Из встречи с большевиками я вынес впечатление, что они с большей охотой будут вести переговоры, чем войну, и ехал назад с уверенностью, что нам удастся на несколько дней затянуть переговоры о перемирии и, таким образом, выполнить в полной мере возложенное на нас поручение. В тот же вечер мы выехали в Адлер.

✓ День 17 апреля прошел спокойно, хотя генерал Морозов оттянул свои части верст на пять назад, за реку Мацесту. В тот же день нами были выработаны мотивированные предварительные условия для ведения переговоров о перемирии. Точного содержания их не помню, но приблизительно следующие. 1. Немедленное прекращение военных действий до заключения перемирия. 2. Установление нейтральной зоны. 3. Пропуск на Кубань и Дон беженцев и больных.

Наше желание заключить перемирие мы мотивировали тем, что настал момент, когда нам приходится решать вопрос — переходить ли границу Грузии, и тогда, естественно, придется совместно с грузинами обратить наше оружие против русских, чего нам не хотелось бы делать, а в случае, если наступление красных будет продолжаться, мы принуждены будем разгрузить себя, отправив в Грузию наши тыловые учреждения, беженцев и больных, что уже нас, конечно, свяжет с грузинами.

✓ Эти условия были переданы красным 18 апреля. В тот же день, в 14 часов, в Адлере Кубанский Атаман собрал у себя уполномоченную комиссию и сообщил ответ красных, переданный в форме ультиматума, сообщенный генералом Морозовым по телефону и прилагаемый здесь.

На состоявшемся по этому поводу совещании комиссии, в присутствии атамана Букретова, было решено тянуть переговоры насколько возможно дольше, для чего ехать немедленно к генералу Морозову и оттуда вновь вызвать красных на переговоры и вместе с тем готовиться к упорной обороне. Генералу Морозову сообщено по телефону, что комиссия сейчас выезжает к нему для новой встречи с уполномоченными от красных, так как в ультиматуме много неясного, требующего разъяснения и необходима новая встреча.

В 18 часов состоялась новая встреча с уполномоченными от красного командования, также в нейтральной зоне, в одной из пустых дач. Фамилий вновь прибывших, кроме возглавляющего товарища Сутина, я не помню, полномочий их мы не рассматривали, ибо не придавали серьезного значения условиям, ставя себе единственной целью выигрыш времени, ибо мы разговаривали на разных языках: мы о перемирии, они о сдаче. На состоявшемся заседании делегаций были внесены нами такие поправки к ультиматуму, которых красные уполномоченные сами решить не могли, но которые, вместе с тем, не могли иметь существенного значения, чтобы из-за них прервать переговоры и начать вновь войну. Например: параграф 4 о лошадях и параграф 5 о холодном оружии.

Таким образом, совещание не пришло к определенному решению и большевики поехали за разъяснениями, а мы в Адлер. Дальнейшая

программа наших действий должна быть такова (это также было известно генералу Морозову): по получении ответа, какого бы он ни был содержания, мы потребуем еще 2—3 дня для разъяснения казакам; затем ответим, что нам казаков убедить не удалось, и будем просить красных прислать нам для разъяснения своих 2-х членов, которых мы также рассчитывали возить около 3-х дней по некоторым частям, где к этому времени будут заготовлены оппоненты, а затем, если еще понадобится время, назначить комиссию для выработки технических условий сдачи (для чего предполагали назначить новую комиссию, так как я и Иванис категорически отказались разговаривать о сдаче), на что также надо будет не менее двух дней; к этому времени предполагалось уже погрузить почти все части, а оставшийся небольшой заслон мог бы уйти в горы или в Грузию через Красную Поляну, имея большую вероятность рассчитывать добыть для себя продовольствие.

Программа эта была вполне возможна, так как части в политическом отношении были вполне благонадежны и среди наших казаков сочувствующих большевикам не было. В боевом отношении части были, за некоторым исключением, плохи и, главным образом, вследствие отсутствия фуража и продуктов. Лошади падали сотнями, люди по несколько дней питались одним мясом, и то в очень ограниченном количестве; бывали и такие дни, когда ничего не ели. Продуктов из интендантства почти не получали, у населения также ничего не было, и жители сами влачили полуголодное существование. Ко всему этому следует добавить антагонизм между кубанцами и донцами, возникший на почве распределения продуктов из интендантства. В то время как кубанцы если и не обильно, то, во всяком случае, получали достаточное количество хлеба, консервов, масла, донцы буквально голодали. Как пример укажу, что кубанцы на базаре в Сочи даже торговали продуктами, шоколадом, а в Лазаревском полковник К. обратился в интендантство отпустить для него 2 фунта хлеба, и в этом было отказано; продукты были, но отпускались только кубанским частям.

В ночь с 18 на 19 апреля я был вызван генералом Букретовым к себе, где нашел полковника Дрейлинга и председателя Кубанского правительства Иваниса. От большевиков был получен ответ, отклоняющий наши поправки и требующий ответа на ультиматум к 12 часам дня 19 апреля. В ответ красным, через генерала Морозова, была передана телефонограмма приблизительно такого содержания: для принятия ультиматума необходимо разъяснить его казакам, для чего требуется не менее 2—3 дней. Затем генерал Букретов приказал 10-й Донской Конной бригаде занять позицию для обороны на реке Хосте.

Утром 19-го, часов около 12-ти, я зашел к атаману Букретову узнать, что делается на позициях. Атаман сообщил мне, что генерал Морозов ведет с красными переговоры о технических условиях сдачи и что командующий 10-й Донской бригадой полковник Чапчиков²⁰⁹ не нашел возможным занять позицию у Хосты и 10-я бригада вернулась назад на квартиры. Я спросил, кто же уполномочил генерала Морозова вести переговоры о технических условиях сдачи? Генерал пожал плечами и добавил, что находящиеся здесь члены Кубанской Рады сейчас решают вопрос: остаться ли Кубанскому Атаману здесь или уехать. Я сказал генералу, что господин Букретов мог бы остаться здесь, если пожелает, но Кубанский Атаман не имеет права выдать себя на поругание красной сволочи. Атаман ответил, что он так же думает.

Не знаю, что решила Кубанская Рада, но через час атаман уехал на пароходе, а еще через час в квартиру атамана явился кубанский офицер с караулом, не знаю, по чьему приказанию, вероятно, по распоряжению членов Рады, с целью арестовать атамана и не дать ему возможности уехать. В это время в Адлер прибыла снявшаяся с позиций Кубанская бригада, открыв таким образом фронт.

В 16 часов в тот же день я уехал из Адлера к себе в бригаду. Адлер был переполнен бросившими фронт кубанцами. 20-го, при погрузке в хут. Веселом, я узнал, что 19 апреля Морозов отдал приказ всем частям оставаться в защищаемых пунктах и приготовиться к сдаче. Приказ был подписан «Командующим Войсками Черноморского Побережья» генералом Морозовым. Кем был назначен генерал Морозов командующим войсками Черноморского Побережья — атаманом или красными — не знаю.

Переговоры с красными велись открыто, результаты и ультиматум красных, по приказанию Кубанского Атамана, полковник Дрейлинг сообщал в части. Казаки интересовались переговорами постольку, поскольку они касались прекращения военных действий. К сдаче относились отрицательно, но воевать не хотели. Большая часть казаков, особенно донцы, желали ехать в Крым, но многие, не имея сил расстаться с лошадьми, уходили небольшими группами в горы.

Я не слышал о приказе Букретова, запрещавшем выезд в Крым. В Туапсе предположено было погрузить, насколько хватит тоннажа, донцов для отправки в Крым. В первую очередь были погружены безлошадные и те, у кого лошади казались не годными для продолжения дальнейшей службы; часть их была отправлена, но большую часть опять выгрузили. Комкор генерал Стариков сказал мне, что генерал Писарев передал ему, что получена телеграмма за подписью генерала Коновалова о категорическом запрещении погрузки донцов в Крым.

О безнадежном положении в Крыму я не слышал, чтобы кому-нибудь об этом говорил Атаман Букретов. Мне он сказал, что лично он предпочитает ехать в Батум, так как там якобы положение твердое, туда же он предполагает эвакуировать около 1000—2000 наиболее надежных людей, больше не позволяют средства, чтобы там, создав ячейку, при более благоприятных условиях вновь начать действия против красных. Об этом мне говорил и Иванис.

Сдача была решена, по-видимому, единолично генералом Морозовым; как она происходила, не знаю, но мне, здесь уже, в Евпатории, рассказывал офицер 28-го Донского конного полка, что, по приказанию генерала Морозова, от частей в город Сочи были высланы делегаты для ознакомления, а затем были назначены пункты, где складывать оружие, и после сдачи оружия части в конном строю, под командой оставшихся начальников, отправлялись в Сочи. Этот же офицер, бежавший в последний момент, был в штабе Морозова, где все были без погон и называли друг друга «товарищами».

Насколько помню, донских казаков было в строю около 12 тысяч, а всего на довольствии около 18 тысяч. Донские части, входившие в состав 4-го Донского Конного корпуса, были страшно истрепаны переходами по шоссе, голодовкой, плохой ковкой, особенно страдали от недостатка подков. Лошади, стирая копыта, падали ежедневно многими десятками, если не сотнями, шоссе было усеяно конскими трупами чуть ли не через каждые 10—20 шагов, на дорогах лежали издыхающие или дохлые лошади. Большинство частей не имели достаточного количества винтовок. Полное почти отсутствие обозов. Дисциплина расшаталась. Некоторые части занимались грабежом, пьянством и насилием над беженцами, даже по приказаниям командиров частей. Например, Калединовский полк (полк. Чапчиков) отнял у Хоперского Окружного Атамана лошадей (у полк. Васильева), избил кое-кого из офицеров, держал под арестом Окружного ветеринарного врача. Отнимались лошади у проезжавших одиночных людей. Каждый день с пастбищ кралась лошади. Люди самовольно переходили из одной части в другую. Командир Калединовского полка даже переманивал людей к себе из других полков. Высшее командование, по-видимому, не в состоянии было справиться с такими командирами.

Но в боевом отношении некоторые части, при известной настойчивости, меньше советуясь, а категорически приказывая, можно было использовать. Уйти в Грузию можно было, только сбив грузин, стоящих на границе, ибо грузинские власти категорически отказались дать разрешение на пропуск наших частей, даже без оружия. Сбить же грузин было легко, ибо части, по крайней мере стоявшие на границе, не

отличались ни воинственностью, ни упорством: так, например, когда 19 апреля наши части производили пробную стрельбу из пулеметов, грузины, стоявшие на границе, разбежались и стоило потом больших усилий их собрать и возвратить на посты.

г. Евпатория, 1920 г.

Генерал-майор Голубинцев».

Последний этап

Переговоры с большевиками прерваны. Разложение в войсках началось, хотя эксцессов и не было. Фронт агонизировал. Положение тревожное. Кубанцы оставляли позиции и наводняли Адлер.

V Утром 19 апреля я посетил Кубанского атамана, он готовился к отъезду в Батум. Из штаба Донского корпуса получено сообщение, что завтра, 20 апреля, ожидаются транспорты для погрузки частей в Крым. Сообщение было неуверенное, а потому на всякий случай приходилось готовиться к худшему и искать выхода: или уходить в горы, или пробиваться в Турцию. Положение осложнялось еще тем, что я был обременен больными и ранеными офицерами, а у некоторых, кроме того, были и семьи. Необходимо было принять меры к их своевременной эвакуации, тем или иным способом. Выход был один — найти подходящее судно. Для этой цели я, с письменного разрешения генерала Букретова, реквизировал одну из больших турецких парусных фелук, находившихся в Адлере. В нее были погружены больные и те, кто не мог следовать походным порядком. Эту фелуку я рассчитывал иметь в своем распоряжении при движении бригады вдоль берега моря. Командантом я назначил энергичного офицера с приказанием, держась берега, отойти в хутор Веселый и стать на рейде, держа со мною связь. Фелука была перегружена и служила предметом зависти некоторых кубанских групп, бросивших фронт и переполнявших в это время Адлер. Кубанцы даже сделали попытку отнять фелуку, и отстоять ее удалось, только выставив пулеметы. Около 14 часов фелука, подняв паруса, отплыла. Полки бригады получили распоряжение перейти на ночлег в район хутора Веселого. Я со штабом бригады и несколькими казаками конвойной сотни выехал в Русскую Деревню, находящуюся у самого берега моря, верстах в 5—6 от хутора Веселого. В эту же деревню был отправлен на ночлег и 28-й конный полк.

Перед отъездом из Адлера я зашел еще раз к Кубанскому атаману узнать, выехал ли он уже, как предполагалось, из Адлера. Дома атаман я не застал, и хозяйка квартиры сообщила мне, что генерал час тому

назад уехал на пароход. Почти одновременно со мною в квартиру атамана явился кубанский офицер с 10—12 казаками, для ареста атамана по постановлению членов Кубанской рады, как он мне объяснил. Но в это время атаман был уже на пароходе с кубанскими юнкерами и готовился к отплытию в Батум.

Подъезжая к Русской Деревне, я услышал пулеметную стрельбу, а при въезде в деревню увидел нескольких казаков, бегущих от берега к избам. У берега стояла моя фелука, а на песке одиноко красовался пулемет. В дальнейшем выяснилось, что за час до отплытия нашей фелуки из Адлера на лодке по тому же пути отправились два неизвестных типа, которых комендант нашего судна отказался взять с собою. При проезде мимо Русской Деревни они сообщили казакам, что командир бригады и штаб решили бросить казаков и сели в фелуку с целью уехать за границу. В 28-м полку началось брожение, пулеметчики установили пулемет и обстреляли плывшую вблизи берега фелуку. На барке поднялась тревога. Комендант приказал причалить к берегу.

В это время из деревни слышались крики: «Командир бригады здесь!» Сконфуженные казаки разбежались, бросив пулемет. Я прискакал к берегу, обругал и разогнал оставшихся казаков и приказал фелуке опять сняться, идти в хутор Веселый и стать на рейде, вне выстрелов. Все обошлось сравнительно благополучно, но, по-видимому, у казаков еще не совсем исчезло сомнение, подогреваемое, конечно, подстрекателями, что их хотят бросить, хотя вслух они и не высказывали этого. В этом отношении надо отдать справедливость казакам, что у них есть врожденное чувство такта, сдержанности и собственного достоинства, что проявлялось даже в таких исключительно тяжелых обстоятельствах, когда еще свежо было сообщение генералов Старикова и Писарева, что донцов приказано не грузить в Крым. Таким образом, основание к недоверию и сомнению было. В кораблях, прибывающие из Крыма для погрузки, также слабо верили. Чувствовалось известное напряжение.

Когда поднявшая паруса фелука отделилась от берега, я еще некоторое время оставался на пристани, чтобы убедиться, что судно отошло достаточно далеко от берега и вне выстрелов. Вдруг из деревни показался разъезд около 15 коней, во главе с бравым подхорунжим 28-го полка из вольноопределяющихся, фамилии его я не помню, но за его подвижность и порывистость казаки его прозвали «броневиком».

Разъезд неожиданно налетел на меня.

— Куда?

Не ожидавший встретить меня подхорунжий, смутившись, доложил, что он послан остановить отплывшую без разрешения фелуку.

— Кем послан?

Но кем, подхорунжий, по-видимому, не знал или не отдавал себе отчета.

— Фелука ушла по моему приказанию, с больными и ранеными, — заметил я спокойно.

«Броневик» молчал, и лицо его выражало нерешительность.

— А как ваше производство? Нет еще приказа? — спросил я, желая переменить тему разговора.

— Никак нет, Ваше Превосходительство, хотя представление сделано четыре месяца тому назад, — оживился подхорунжий. Очевидно, я попал в больное место.

— Если через месяц приказа не будет, вы мне лично напомните в Крыму.

— Покорно благодарю, Ваше Превосходительство!

— А теперь поезжайте по квартирам и завтра на погрузку.

— Счастливо оставаться, Ваше Превосходительство! — И разъезд повернул обратно в деревню.

Часов около семи вечера ко мне явился временно командующий 28-м конным полком сотник Коротков и сконфуженно доложил, что казаки 28-го полка желали бы поговорить со мной о положении и что, по его мнению, настроение у них спокойное.

Я приказал собрать полк на поляне, пригласил с собою несколько офицеров штаба с ординарцами, без оружия, но у каждого по два револьвера и по две бомбы в карманах, и явился на беседу.

На площадке собралось около 200 казаков 28-го полка. Раздалась команда «смирно!». Поздоровался. Ответили дружно: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!»

— Что угодно? Что хотите знать?

Объяснил обстановку здесь и в Крыму, сказал, что завтра предполагается погрузка, что часть кораблей уже в Веселом.

Начались вопросы делового и довольно мирного характера. Особенно смущал казаков вопрос о лошадях: тяжело было им, природным конникам, расставаться с верными друзьями, с которыми проделали две тяжелых войны.

Наконец, один из казаков заискивающим тоном сказал:

— Мы, Ваше Превосходительство, вместе с Вами восстание поднимали, вместе воевали, вместе, если надо будет, и в плен пойдем!

Я ответил, смеясь:

— Правда, мы вместе воевали, вместе поднимали восстание, если Бог приведет, еще вместе будем воевать, но в плен мне с вами, пока жив, не по пути!

Кто-то из задних рядов что-то бормочет, слышны слабые реплики. — Кто это там, сзади? Что хочешь сказать, иди сюда, чего прячешься за спину других!

Никто не показывается. Казаки смущенно смеются. Беседа окончена.

— Итак, завтра на погрузку, а теперь по домам!

Командующий полком командует: «Смирно! Крутом! По домам шагом марш!»

Энергичная команда, уверенный тон, а главным образом привычка к дисциплине делают свое дело. Казаки медленно, будто нехотя, но мирно расходятся.

Вообще надо заметить, что казаки, при всех своих положительных военных качествах и доблести, при неудачах восстаний, как это подтверждает нам история, часто стремятся расчитаться головами своих вождей и начальников. В этих случаях только самообладание, решимость и авторитет начальника могут сдержать толпу от выступлений. Малейшее колебание, уступчивость или робость, как масло, налитое в огонь, увеличивают пламя. Эти обстоятельства я всегда учитывал, ибо уже несколько раз бывал в таком положении во время военных неудач при противобольшевистских восстаниях и еще раньше, при военных волнениях в начале революции.

Наступает тревожная ночь. Конвойцы мне докладывают, что казаки 28-го полка собираются группами и шепчутся, большинство из них не желает грузиться без лошадей. Полковник Красовский поздно вечером мне сообщил, что он у себя за окном слышал разговор, что надо арестовать офицеров, на что один из собеседников заметил: «Как их арестуешь, каждый из них раньше двадцать человек убьет!»

Ночь тяжелая. Большинство казаков не спит. У меня во дворе мои конвойцы собираются группами и совещаются. Около 12 часов ночи из хутора Веселого возвратился бывший в штабе корпуса для связи сотник Фокин. Докладывает мне о порядке завтрашней погрузки, а также о том, что он обратил внимание, что у выхода из нашей деревни стоят часовые, а против моей квартиры также пост, но укрыто, в кустах, дабы его не было видно. Советует мне, по предложению командира корпуса, не дожидаясь утра, лично переехать ночью же в хутор Веселый, а части, желающие грузиться, подойдут утром. Если часовые решатся воспрепятствовать, то двух хороших ударов шашкой будет достаточно заставить их очистить путь. Я, конечно, не могу на это согласиться, так как не хочу, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь мог бы сказать, что в критическую минуту генерал Голубинцев бросил своих казаков. Сотник Фокин отправляется в Адлер сам с

докладом командиру корпуса о положении. Меня особенно беспокоило обстоятельство, что со мной находилась жена; правда, она уже сделала верхом около тысячи верст и в мужском платье, но все же создается известное затруднение. Жена безмятежно спит, не сознавая тревожной обстановки. У меня, конечно, план готов на случай, если решатся арестовать меня: израсходую две бомбы и разряжу два револьвера, оставив только два последних патрона — один для жены, другой для себя.

На рассвете, около 3—3¹/₂ часов, слышу, кто-то входит и слабый стук в дверь.

— Войди!

Входит конвоец, урядник Ильин.

— Что скажешь, Ильин?

— Пришел проститься с Вами, Ваше Превосходительство, мы, тюковновцы, сейчас уходим в горы. Решили без лошадей не грузиться, а сдаваться большевикам не желаем. Я пришел, от имени всех тюковновцев, проститься с Вами.

Простились. Расцеловались. Тюковновцы составляли 1-ю полусотню моей конвойной сотни. С самого начала восстания все казаки хутора Тюковного, Усть-Хоперской станицы, славились своей консервативностью и ненавистью к большевикам, служили у меня в конвое, как люди самые верные и надежные. Я взглянул в окно. В предрассветных сумерках промелькнуло несколько конных казаков, направлявшихся к окраине деревни, где был назначен сборный пункт тюковновцев.

Утром, в 8 часов, я отдал распоряжение строиться и выступить на погрузку в хутор Веселый. Перед моей квартирой построилась оставшаяся 2-я полусотня конвойцев, в порядке, подтянутая, отлично вооруженная. Ближе к выходу из деревни строится 28-й конный полк, на три четверти растерявший свои винтовки.

Во главе с командующим полком сотником Коротковым полк выступил по направлению на хутор Веселый, свернул налево по шоссе, оставив на повороте маяк для нас. Через 10 минут выступил штаб бригады с конвойной сотней и, не сворачивая на шоссе, двинулся напрямик, параллельно берегу моря, по лесной дороге, с проводником из местных жителей. Проезжая мимо двора, занятого пулеметчиками, я обратил внимание, что они готовы, но медлят с выступлением.

— Чего ждешь, Мельников, почему не ведешь команду?

— Боюсь, Ваше Превосходительство, начальник штаба меня расстреляет за то, что обстрелял фелуку, — откровенно заявляет пулеметный урядник.

— Нет, не бойся, обещаю поставить на этом крест, веди команду!

Пулеметчики засуетились и стали выходить со двора.

Я поехал в хвосте конвойной сотни, как бы в арьергарде, ибо не особенно доверял пулеметчикам, считаясь с тем, что они могли открыть огонь по хвосту колонны, по мне же, я был уверен, они не решатся, ибо вообще я пользовался известным уважением и доверием среди казаков бригады.

Перейдя вброд реку Псоу, ниже моста, почти у самого ее впадения в море, штаб бригады, около 11 часов, прибыл к месту погрузки.

На рейде стояло несколько английских военных кораблей. Погрузка на военные суда уже началась. Грузился калмыцкий полк. Английские матросы на шлюпках перевозили на корабли только людей с винтовками, даже седел не разрешалось брать с собою. Тяжело было смотреть, как казаки прощались со своими лошадьми. Многие в последний момент отказывались от погрузки и уходили в Грузию. Все желающие могли погрузиться. За хутором слышна беспорядочная стрельба из винтовок и пулеметов.

При проходе частей на погрузку на шоссе, через мост на реке Псоу, происходило беспорядочное столпление; некоторые казаки митинговали и пытались остановить шедшие на погрузку сотни. Когда к мосту подошел 29-й конный полк, несколько казаков, занимавших мост, пытались было остановить командира полка есаула Акимова, ехавшего во главе полка, желая схватить за узду коня.

— Прочь! Руки обрубая всякому, кто посмеет дотронуться до уздечки! — заревел есаул, выхватывая шашку.

Смельчаков остановить коня не удалось, и полк беспрепятственно прибыл в хутор Веселый.

Не так благополучно обошлось с 28-м полком; часть полка не желала грузиться без лошадей и ушла сдаваться большевикам, уведя с собою и вр. командующего полком сотника Короткова. Как мне передавали потом, сотник Коротков при попытке скрыться от полка был убит своими же казаками.

Большая часть казаков 29-го и 30-го конных полков и около половины 28-го полка погрузились на английские суда, а часть ушла в Грузию, не желая бросать лошадей.

Во время погрузки в полуверсте от берега происходили митинги, ибо разложение, в связи с приказом генерала Морозова о сдаче, коснулось почти всех частей и контакт с большевиками, через генерала Морозова, налаживался. Часть шла на погрузку, часть уходила в горы или в Грузию, часть готовилась к сдаче.

К вечеру погрузка закончилась, англичане забрали на суда всех пожелавших грузиться в Крым, и на другой день английские броненос-

У цы «Кородок» и «Марльборо» доставили нас в Феодосию. Здесь командир корпуса произвел смотр частям 4-го конного корпуса, прибывшим в Крым. В Феодосии в последний раз, в одном из лучших ресторанов города, собрались на прощальном банкете все прибывшие в Крым господа офицеры Усть-Медведицкой конной бригады.

У Дня через два все донские части были из Феодосии погружены на русские пароходы «Вампуа» и другие и отправлены в Ак-Мечеть. Штаб 14-й бригады расположился в деревне Тарпанчи. Согласно приказу по Донскому войску от 10 апреля 1920 года, все части Донской армии перереформировывались и сводились в два корпуса. 21 мая Усть-Медведицкая конная бригада закончила свое существование. Казаки были отправлены в Саки, где происходило формирование новых донских дивизий. Офицеры большей частью были зачислены в Донской офицерский резерв. Я не получил нового назначения и был причислен к офицерскому резерву. Вскоре я был приглашен Донским атаманом генералом Богаевским по делам службы в его канцелярию, где атаман сообщил, что главнокомандующий, генерал Врангель, запросил его, почему я не получил назначения, а потому не желаю ли я получить соответствующее назначение в Донской армии?

Я ответил, что я устал, а потому предпочел бы отдохнуть некоторое время, а кроме того, я не считаю для себя возможным быть причиной отстранения кого-либо из лиц, уже получивших назначение и, как мне известно, на те командные должности, на которые я мог бы претендовать.

Через несколько дней, получив двухмесячный заграничный отпуск, я уехал в Константинополь, надеясь там получить визу в Польшу, где у меня было недвижимое имущество, которое необходимо было привести в порядок. Польский консул в Константинополе не мог мне дать визы без разрешения польского правительства и обещал сделать телеграфный запрос в Варшаву; но прошла неделя, две, три, я понял, что мне визы не получить, и возвратился в Крым.

Несмотря на одержанную недавно блестящую победу над красной конницей Жлобы, положение в Крыму было не твердым. Чувствовалась разруха. Я побывал в Севастополе, в штабе главнокомандующего, там настроение было непонятно оптимистическое. Один из генералов ставки мне сказал, что теперь у нас положение очень твердое, Перекоп обращен в настоящий Верден. По имеющимся же у меня, хотя и не проверенным, данным, на Перекопе укреплений почти не было. Я послал на Перекоп офицера, сотника Щелконогова, проверить этот «Верден». Возвратившийся офицер мне доложил, что по обе стороны шоссе, ведущего к Перекопу, построены проволочные заграждения в

несколько рядов, приблизительно на полверсты в каждую сторону, а дальше протянут лишь один ряд проволоки, причем колья частью вывернуты и валяются на земле. Окопы запусены, обвалившиеся, мелкие, по своей конструкции самые примитивные и, как он выразился, «вроде тех, какие конница строила в Полесье». Лично я на Перекопе не был и потому ничего не могу добавить.

Что же касается тыла, то и здесь было далеко не благополучно. Коснусь лишь положения офицеров Донского офицерского резерва, расположенного в Евпатории. Материально офицер был обеспечен настолько плохо, что были случаи самоубийства на почве голода. Особенно тяжело было положение рядового офицерства. Офицеры были раздеты, многие без сапог. Денег почти не получали, что заставляло офицера продавать последние вещи, толкаясь на базаре, среди всякого сброда. Я, например, видел в карауле на посту офицера с винтовкой, в опорках и почти в одном белье (капитан Добронравов). После повторного случая самоубийства приезжал начальник штаба войска Донского генерал Алексеев. Офицерам выдали аванс по 7 тысяч рублей, но затем удержали из жалованья. Чему равнялся этот аванс в 7 тысяч рублей, можно судить по тому, что приблизительно около этого времени газета стоила 500 рублей, а обед в плохой кухмистерской — около 5 тысяч рублей, пятикопеечный шоколад 700 рублей.

Дабы не умереть с голоду, офицеры принуждены были образовывать артели грузчиков и работать на пристани, конкурируя с портовыми рабочими. В последнее время у офицеров были отняты денщики и зачастую приходилось видеть офицера на базаре с камсой в руках или стоящего в очередях за хлебом у булочных и т. п. Все это, конечно, отражалось на моральном состоянии офицера. Ниже я привожу письмо одного офицера, отправлявшегося с партизанским отрядом полковника Назарова. Отряд имел задачу прорваться на Дон и поднять там восстание. Этому начальнику партизанского отряда, к слову сказать, никто не верил, но бежали из резерва куда угодно, лишь бы уйти и вырваться из этого унижающего чувство офицерского достоинства состояния в резерве.

Ближайшему начальству, по-видимому, трудно было разобраться в душевном состоянии офицера, поставленного волею судеб в исключительно трудные, небывалые и неслыханные условия. Не понимали офицера, а если не понимали, то и не могли ничего сделать. Неужели 500—600 офицеров были непосильным бременем для войска и ничего нельзя было сделать? А нужно было так мало — накормить и одеть. Как иллюстрацию к вышесказанному привожу полученное мною письмо от подесаула Козловцева: «Ваше Превосходительство! Убывая из резерва в

партизанский отряд полковника Назарова, я считаю своей непрременной обязанностью доложить Вашему Превосходительству о своей искренней благодарности, которую я испытываю при воспоминании о своей службе за все время гражданской войны, сперва в вверенных Вам Освободительных Войсках Усть-Медведицкого Округа, а затем в Усть-Медведицкой Конной дивизии и в 14-й бригаде. Я все-таки питаю надежду, что в недалеком будущем, с разрешения Вашего Превосходительства, вновь буду находиться в рядах войск под Вашим командованием.

Мы — офицеры резерва, поставлены в такое безвыходное положение хоз. канцелярией резерва, что нас нисколько не удивляют бывшие случаи самоубийства офицеров на почве голода. Мы бежим из резерва. Нас удивляет и поражает, что хозяйственная канцелярия не может справиться по довольствию, ведь только одного батальона по численности офицеров. Приезд генерала Алексеева ничуть не подвинул дела вперед. Канцелярия спешно выдала нам по 7 тыс. рублей, а теперь при выдаче жалованья за май месяц она вычитает и мы остаемся у разбитого корыта.

Бывая в карауле в тюрьме, мы наблюдаем, что арестантов кормят гораздо лучше, чем питается наш офицер резерва. Невольно напрашивается мысль, что состояние в резерве хуже каторги; но за что?.. И оказывается, что мы отбываем это наказание лишь по вине хоз. чинов резерва, которые не могут двинуть вперед хозяйственный аппарат, по какой-то причине? Мы бежим из резерва в боевую часть, зная наперед, что там лучше должно быть... там не придется думать с утра до вечера о питании; эта мысль о желудочных интересах так принижает нас.

У нас, офицеров, служивших под командой Вашего Превосходительства, живет мысль, что недалеко то время, когда мы под Вашим руководством снова пойдем по родным местам и страшное время сидения в Евпатории, страшное по вине каких-то чиновников, неуязвимых никем и ничем, нам приходится так думать, это время забудется нами, как один из неприятных эпизодов жизни. Наш отдых только на фронте, в тылу же только трепание нервов! Всегда покорный слуга Вашего Превосходительства *подъесаул Козловцев*».

В приведенном выше письме упоминается имя полковника Назарова. Не могу не отметить некоторыми штрихами личность полковника Назарова. Федор Димитриевич Назаров, казак станицы Ново-Николаевской, прапорщик из народных учителей. В 1917 году в Киеве на общеказачьем съезде был кандидатом в председатели съезда. Судя по высказанным им в своей речи взглядам, он был по политическим убеждениям значительно левее выбранного в председатели съезда своего конкурента Павла Агеева. Мне рассказывали, что в 1918 году, во

время начинавшегося противобольшевистского движения на Дону, Назаров формировал отряд в деревне Орловке; на вопрос проезжавшего в это время через Орловку Походного атамана, генерала Попова, как идет формирование, Назаров ответил, указывая на погон: «Плохо, чин мал, звездочка мешает!»

Генерал, смеясь, заметил: «Что же вам мешает снять звездочку?» Этот ответ Назаров счел за производство в есаулы и с тех пор стал именовать себя есаулом. Затем Назаров попадает в Войсковой круг. При проверке полномочий возникает сомнение в его чине; запросили Походного атамана, генерала Попова. Генерал Попов якобы ответил: «Он прапорщик, но достоин быть есаулом».

О производстве его в полковники никто не знает, так же как и о его деятельности на фронте. Говорят, что специализировался он на получении миллионных авансов на всякого рода авантюрные предприятия, но, к сожалению, все они оказались неудачными. Одним из этих предприятий было и формирование партизанского отряда в Крыму, для высадки где-либо на Дону с целью поднять там восстание.

Аванс получен. Формирование не представляет труда: все бегут из Донского офицерского резерва куда угодно и с кем угодно. Назаров реквизирует моторную лодку в Евпатории у грека Гутто, Полицейская улица, № 11, за 1 миллион рублей, затем вскоре перепродает ее за 25 миллионов рублей. Отряд из 25—30 офицеров высаживается где-то в районе станицы Ново-Николаевской, доходит до станицы Константиновской, где был весь уничтожен большевиками. Почти все офицеры погибли, за исключением начальника отряда, которому, по его рассказам, удалось бежать в Ростов, где он поступает в красную батарею, которой командует его брат, а затем вновь с женою (новой) переходит нашу линию в районе Токмака с документами машиниста.

Расследования по этому поводу не было никакого. При эвакуации из Крыма на пароходе «Трувор» у Назарова произошел инцидент с полковником Ходкевичем. Назаров был вызван на дуэль, которая должна была состояться в окрестностях города Анжиало, но в последний момент, несмотря на то что все условия были оговорены и место для поединка было назначено, Назаров уклонился. В последний раз я видел Назарова в Софии в 1921 году, откуда он уехал в Константинополь, где еще два раза получил аванс у Донского атамана на поездку на Дальний Восток. В первый раз поездка почему-то не состоялась, а затем, через несколько месяцев, получив второй аванс, Назаров уехал. Через несколько лет в Софии было получено известие, что он погиб где-то на Дальнем Востоке при довольно загадочных обстоятельствах, работая будто бы на два фронта.

Разгром Конной группы Жлобы 20 июня 1920 года

На мрачном фоне Крымского периода борьбы яркой звездой или, вернее, лебединой песней Белого движения явился блестящий по своему размаху и искусству руководства разгром красной конницы Жлобы.

В середине июня 1920 года Белая армия в Северной Таврии занимала следующее положение: Донской корпус генерала Абрамова занимал участок западнее Ногайска — села Романовка, Юрьевка, станции Нельговка и Черниговка. 1-й корпус генерала Кутепова²¹⁰ — район: колонию Вернесдорф, хутор Куркулак, Эристовка и Васильевка. 2-й корпус генерала Слащева²¹¹ занимал участок левее 1-го корпуса, по левому берегу Днепра до деревни В. Лепетиха. Еще дальше по левому берегу Днепра сосредоточилась группа генерала Барбовича²¹².

Против частей Белой армии, по правому берегу Днепра, была расположена XIII советская армия товарища Уборевича, усиленная 15, 40 и 42-й стрелковыми дивизиями, двумя отдельными стрелковыми бригадами, 2-й Кавалерийской дивизией Блинова и сильной конной группой Жлобы (бывший шахтер), в составе 18 конных полков, хорошо снабженных материально и технически. Общая численность красных достигала 35 тысяч штыков и 11 тысяч сабель.

Советское командование поставило себе задачей разбить Белую армию и отнять богатую хлебом Таврию. Для чего командующий XIII армией товарищ Уборевич решил, ведя демонстративные операции в районе Днепра, главный удар нанести двумя группами: пехотной дивизией товарища Федько, которой была дана задача, наступая с севера, между железнодорожными линиями Александровск—Мелитополь и Федоровка—Верх. Токмак, нанести удар и разбить 1-й корпус. Одновременно конная группа Жлобы, наступая вдоль большой дороги Черниговка—Мелитополь, долиною реки Молочной, должна была, прорвав части Донского корпуса и разбив их, занять Мелитополь, выйдя, таким образом, в тыл корпуса Кутепова, отрезать его от Крыма и разбить совместно с наступавшей группой товарища Федько.

14 июня красные крупными силами перешли в наступление. Бои шли с переменным успехом. На участке Донского корпуса красные потерпели поражение, потеряв 1200 пленных и 40 пулеметов. На фронте 1-го корпуса большевики сначала имели успех и овладели деревней Скелевата, но подоспевшими резервами были отброшены. На остальных участках ряд демонстраций. Следующие дни бои продолжают усиливаться.

16 июня конная группа Жлобы, сосредоточенная в районе Царевоконстантиновка—Пологи, также перешла в наступление в направ-

лении района В. Токмак—Черниговка. Опрокинув слабые пешие части Донского корпуса, красная конница прорвалась в тыл корпуса, но здесь была встречена донской конницей, самолетами и отрядом броневиков и, потеряв восемь орудий, откатилась назад.

В это же время обозначился успех и у генерала Кутепова: 1-й корпус перешел в контратаку и оттеснил красных, захватив 2000 пленных и 8 пулеметов.

19 июня бои возобновились с новой силой, красные вновь перешли в наступление по всему фронту. Атаки большевиков на деревню Нововоспасскую и на других участках были неудачны. В этот день донская конница захватила у красных три орудия и пленных, причем большую поддержку донцам оказали летчики, забросав противника бомбами. Попытка красных в этот же день на В. Токмакском направлении атаковать у деревни Александровки наши части окончилась для большевиков так же неудачно — встреченные донцами, они были отбиты и, потеряв два орудия и шесть пулеметов, отошли. Таким образом, красные за время шестидневных неудачных боев понесли большие потери, как материально, так и морально главным образом. Белое командование решило использовать благоприятную обстановку и захватить инициативу в свои руки. Оставалось еще ликвидировать сильную и наиболее опасную группу Жлобы.

Конная масса Жлобы, втянутая в течение боев в образовавшийся узкий мешок, оказалась окруженной стойкими частями Белой армии. Стесненная пространством, красная конница утратила значительные преимущества и качества конницы: подвижность и поворотливость; оставалось только завязать этот мешок. Благодаря бестолковому управлению и самонадеянности, красная конница, вместо содействия своей армии и нанесения решительного удара противнику, сама попала в ловушку и сделалась заманчивым объектом белого командования.

Всю находившуюся поблизости конницу белое командование направило к выходу из мешка. На линию железной дороги, прилегавшей к месту предполагаемых действий, были выдвинуты четыре бронепоезда; сосредоточены были также броневики и самолеты, и усилены пехотные части. Вся перегруппировка была сделана ночью, и еще до рассвета, 20 июня, белые части перешли в наступление для окружения и окончательной ликвидации красной конницы Жлобы.

Несмотря на огонь наших батарей, бывших прямой наводкой красных на выбор, конница Жлобы вначале проявила достаточно хладнокровия и оказала сильное сопротивление, но затем, видя себя окруженной и избиваемой, сделала ряд отчаянных попыток прорваться всей конной массой. Но все оказалось напрасным, и красных ох-

ватила паника. Потеряв организованность и сплоченность, они стали искать спасения в бегстве, что их окончательно добило. Часть группы во главе с Жлобой, расстреливаемая со всех сторон, бросилась на северо-запад в район Б. Токмака, но у колонии Мунтау попала под пулеметный огонь нашей пехоты; круто повернув на северо-восток и разбившись на группы, красные пытались прорваться к северу от железной дороги, но, встреченные бронепоездами, бросились вдоль полотна железной дороги в направлении на колонию Ландскроне. Здесь им перерезала путь донская конница генерала Морозова и вместе с подоспевшими на подводах корниловцами окончательно добила. Красные части были уничтожены, частью взяты в плен. Товарищ Жлоба успел выскочить из этой кровавой бойни на своем автомобиле только чудом.

Другая половина красной конницы, находившаяся в хвосте и менее пострадавшая, бросилась от колонии Фриденору на юго-восток, но, встретившись с приближавшейся ей навстречу конницей генерала Калинина, уклонилась от боя и свернула назад на колонию Моргенау, надеясь, по-видимому, соединиться с оставленной ею головной частью конной группы.

Параллельное преследование конницей генерала Калинина и появившимися самолетами, огонь из каждой деревни пехоты добровольцев, неизвестность обстановки и, как результат, паника заставили и эту часть конной группы искать спасения в бегстве, не думая о сопротивлении. Не доходя до колонии Моргенау, подгоняемые донской конницей, бомбами и пулеметным огнем самолетов, красные бросились врассыпную на восток, и только благодаря запозданию конницы генерала Морозова, еще продолжавшей ликвидацию головной части красной группы, им удалось, наконец, выскользнуть из кольца на простор.

20 июня конная группа Жлобы прекратила свое существование, потеряв всю артиллерию, обозы, пулеметы, массу пленных и все военное имущество. Разгром группы Жлобы является редким примером в военной истории окружения и полного уничтожения большой группы конницы. Продолжавшиеся еще 21 и 22 июня бои носили уже характер частичных боев и продиктованы были скорее чувством взаимной выручки по отношению к погибавшим остаткам группы товарища Жлобы.

Чем объяснить полный разгром и уничтожение сильной и организованной конной группы красных? Несмотря на смелый и, казалось бы, правильно задуманный план и на добросовестное его выполнение, красные потерпели полную неудачу. Причины надо искать: 1. В умелом использовании техники белым командованием. 2. В стойкости и

умении быстро маневрировать белых частей, особенно конницы. 3. В правильной и своевременной оценке обстановки и принятии быстрых и смелых решений.

Конечно, еще имело большое значение, что во главе красной конницы стоял совершенно негодный для этой роли начальник, с большой самоуверенностью, но с ничтожными знаниями, опытом и способностями. Еще раз повторилась старая историческая истина: история конницы — история ее начальников. К сожалению, это правило часто игнорируют, и всегда небезнаказанно.

Эвакуация

Наступила осень. С фронта получались тревожные сведения. В конце октября сводки говорят о прорыве большевиками 1-й линии перекопских укреплений, о том, что наши части заняли для обороны вторую укрепленную линию. Было ясно, что теперь нам в Крыму не удержаться. Все готовились к эвакуации, но громко говорить об этом не решались.

28 октября начальник офицерского резерва генерал Корнеев²¹³ мне сказал, что ввиду тревожных дней он считает необходимым установить особое дежурство господ генералов офицерского резерва и на сегодня дежурным генералом назначает меня. По должности, проверяя особые караулы и дежурные части, я около 12 часов ночи, вместе с полковником Красовским, зашел на телеграфную станцию. Дежурный телеграфист сообщил мне, что только что генерал Апостолов²¹⁴, председатель Донского правительства, разговаривал по прямому проводу с Донским атаманом. Я взял ленту и предложил чиновнику прочесть. Атаман из Севастополя говорит Апостолову: «Завтра утром, в лучшем для вас случае вечером, в Евпатории будут разъезды красных. Предупреди наших и членов Круга, чтобы поторопились грузиться. Чем меньшее число покинет Крым, тем лучше, так как за границей всем грозит голод и лишения».

Это было для нас ново; правда, это чувствовалось, но никто об этом не говорил. Тыловые учреждения, Круг и т. п. готовились к эвакуации, но о Донском офицерском резерве забыли или, вернее, решили забыть. Все офицеры находились по своим квартирам, разбросанным по окраинам города, в полном неведении об обстановке.

При выходе из телеграфной станции я встретил казаков, нагруженных кроватями и матрацами.

— Куда и зачем?

- На пароход грузиться.
- Чьи вещи?
- Донского интенданта.
- Где он?
- Еще с вечера на пароходе.

Разговор атамана с генералом Апостоловым и встреча с казаками, тащившими на погрузку вещи, заставили меня принять некоторые меры. Я пошел на пристань. На рейде стояло несколько пароходов. У самой пристани находился небольшой пароход «Елпидифор». Под покровом ночи тыловые учреждения и члены Круга, без шума, спешно грузились на пароход. Впечатление получалось, что все как будто делалось крадучись, тайком, как бы готовясь к бегству.

Я отправился с докладом к начальнику резерва генералу Корнееву. Он был совершенно не в курсе дела как о положении на фронте, так и о начавшейся погрузке. Переданная ему мною беседа атамана Богаевского, по прямому проводу, с генералом Апостоловым была для него откровением. Я настоял, чтобы сейчас же было отдано распоряжение и немедленно разослано с нарочными: «Всем г.г. офицерам резерва завтра, 29-Х, к 7-ми часам утра, явиться к штабу резерва и быть готовыми к погрузке». Приказание получилось вовремя, и к 8 часам утра две офицерские сотни под командой полковника Короченцева²¹⁵ были построены у пристани. Погрузка была уже в полном разгаре. Пароходы были распределены между разными учреждениями, но для офицерского резерва места не оказалось. Кадеты Донского корпуса были погружены на парусное судно. На некоторых судах угля не было, надо было погрузить с пристани, но рабочих не было. Я отправился в управление начальника гарнизона генерала Ларионова. Начальника гарнизона в канцелярии не было, распоряжался начальник штаба. На мой вопрос, какой пароход назначен для Донского офицерского резерва, начальник штаба ответил, что для офицерского резерва пока нет парохода, но что еще ожидаются суда. По тону ответа видно было, что он сам не верит и не надеется на прибытие новых пароходов, да и стоявшие на рейде суда, не имея достаточного количества угля, не могли сделать рейса до Константинополя. Начальник штаба спросил меня, как обстоит дело с погрузкой угля (за отсутствием рабочих-грузчиков уголь могли погрузить лишь офицеры резерва). Я ему ответил, что погрузка начнется после того, как будет назначен пароход для офицеров резерва. Начальник штаба загорячился; тогда я ему категорически заявил, что ручаюсь, что ни одно судно не уйдет из Евпатории до тех пор, пока не будет назначен пароход для офицеров резерва. Он побежал с докладом к начальнику гарнизона и, возвратившись минут через десять, заявил, что для офицерского резерва назначается па-

роход «Полония», и просил скорее приступить к погрузке угля. Я отправился на пристань. На окраинах города шла стрельба. Местные большевики напали на интендантские подводы, но после нескольких выстрелов охраны разбежались. На улицах делались попытки к демонстрациям с красными флагами. Я передал распоряжение начальника гарнизона полковнику Короченцеву о погрузке и выслал офицерские заставы и караулы в ближайшие к пристани улицы, дабы предупредить выступления местных коммунистов. Дружными усилиями офицеров часа через два уголь был погружен. На пристани были поставлены пулеметы и началась планомерная погрузка. В 15 часов погрузка закончилась, а в 16 часов 28 октября суда, покинув Евпаторию, отошли в Севастополь.

Пароходы были переполнены. На «Полонии» палуба, трюм, все проходы были заняты семьями офицеров резерва. 30 октября, в 3 часа утра, «Полония» прибыла на Севастопольский рейд, а в 12 часов мы тронулись в направлении на Константинополь. Но когда мы прошли минное поле, то, к нашему крайнему изумлению, «Полония» вместо курса на Константинополь взяла направление на Евпаторию. Офицеры на пароходе заволновались: зачем, почему опять в Евпаторию?! — и просили меня выяснить, в чем дело, и принять меры. По пути нам попалось навстречу моторное судно, шедшее из Евпатории; бывшие на нем офицеры сообщили, что Евпатория уже занята красными. Я спросил капитана «Полонии» Куприянова, куда мы идем? После некоторого колебания капитан сознался, что идет в Евпаторию, где на рейде надеется найти отплавшую, по его предположениям, сегодня из Севастополя греческую яхту, на которой якобы находится его жена. Это судно ждало «Полонию» в Севастополе, но затем ушло в Евпаторию, полагая, что «Полония» там. Объяснение показалось мне малоудовлетворительным, тем более что были слухи, что в районе Евпатории находится красная моторная лодка «Николай», вооруженная пулеметами. Рисковать нашим судном, переполненным детьми и женщинами, я полагал слишком неразумным и доложил об этом начальнику резерва генералу Корнееву; он согласился со мною и назначил меня комендантом парохода, с предписанием действовать по обстановке. Я предложил капитану «Полонии» немедленно взять курс на Константинополь. Капитан категорически отказался, угрожая снять всю команду, если я буду настаивать. Тогда я решил действовать иначе. Среди офицеров резерва оказался бывший штурман; я его назначил командиром судна и приказал взять курс на Константинополь. В машинное отделение спустил несколько офицеров с винтовками и объявил капитану и команде, что если машины будут испорчены или на нас будет сделано нападение большевиков, то первым делом капитан будет повешен, а

вся команда расстреляна. Средство оказалось действительным. После некоторого воя команда смирилась и «Полония» вновь взяла направление на Константинополь.

1 ноября мы вошли в Босфор. Нас окружили греческие лодки торговцев хлебом, фруктами, шоколадом и т. п. Цены невероятные: за небольшой хлеб платили по турецкой лире, наши деньги отказывались брать. Дня через два французы стали доставлять нам хлеб и консервы.

Сначала мы стояли на рейде у Константинополя, потом у Принцевых островов, затем опять у Константинополя. Через несколько дней нас перегрузили на русский пароход «Трувор». Приказано было сдать все винтовки французам. Наученный горьким опытом, я оставил около десяти винтовок у моих офицеров, и, как оказалось впоследствии, не напрасно.

Началось наше бесконечное плавание из Константинополя в Мраморное море, оттуда назад в Бургаз, затем в Варну, обратно в Бургаз и опять назад. Без инцидента не обошлось и на «Труворе». Команда парохода, почти сплошь состоявшая из большевиков, составила заговор, решила арестовать администрацию парохода и идти в Одессу, где сдать пароход большевикам. Мы молча наблюдали подозрительное поведение матросов, были начеку, но не вмешивались. Ввиду наличия винтовок у некоторых офицеров и чувствуя за собой наблюдение, команда долго не решалась привести свой план в исполнение, пока, наконец, сам капитан парохода не раскрыл заговора. Зачинщики были арестованы и переданы болгарским властям в Варне.

Через несколько недель плавания, 6 декабря по старому стилю, в день св. Николая Чудотворца, мы прибыли вновь в Бургаз, где желающие могли высадиться на землю и походным порядком направились в назначенный нам пункт, в город Анхиало, а остальная часть эмигрантов, остававшихся на пароходе, в тот же день также прибыла в Анхиало, но вследствие бурной погоды выгрузку можно было сделать только на другой день. Наш путь из Евпатории в Анхиало по морю длился 38 дней. Пока шли переговоры о месте нашей высадки, мы плавали по морю. Санитарное состояние парохода было ужасным: все пассажиры были буквально покрыты насекомыми, теснота невообразимая, спали на полу, на лестницах, у труб и всюду, где только можно было найти местечко прилечь.

Наше долгое плавание объясняется тем, что болгарские власти сначала отказались нас принять, и только благодаря французам, сопровождавшим нас с тремя миноносцами, мы были высажены в Болгарии. В эмиграцию мы привезли с собою горсть родной земли и смертельную ненависть к большевикам.

Заключение

Подводя итоги пережитого, невольно ищешь причины наших неудач и ошибок. Не входя в детальную критику военных операций Гражданской войны, нельзя, хотя бы слегка, не коснуться некоторых тяжелых, а подчас и вопиющих упущений. Говорят, критиковать легко, а создавать трудно. Может быть, это отчасти и правильно, по старой народной пословице: «После драки кулаками не машут», но замалчивать и скрывать ошибки и упущения едва ли полезно, а разбор событий и деятельности нельзя смешивать с порицанием или обвинением, ибо критика не только вскрывает причины неудач или ошибок, но и оправдывает их.

Много было проявлено воинской доблести армией, что и говорить, но, кроме воинской доблести технических исполнителей приказов и директив, для общего успеха и достижения цели нужно еще умелое и талантливое руководство высшего командования, не только техническое и стратегическое, но в условиях гражданской войны и политическое, иначе говоря, должна быть и идеология, и цель войны. Каждый боец должен знать, за что он и для чего борется.

Не говоря о неравенстве сил противников, остановимся на некоторых обстоятельствах и причинах, способствовавших нашему поражению.

1. Большие потери во время только что законченной внешней войны в офицерском составе, особенно среди кадровых офицеров, сильно сказались в период Гражданской войны. На высшие командные должности часто попадали выдвинутые обстоятельствами молодые офицеры, лишенные опыта, не всегда ясно оценивавшие обстановку и терявшиеся при руководстве большими конными соединениями; особенно это чувствовалось в последний период войны.

Старая истина, что конницей должен и может руководить с успехом только опытный кавалерист, прошедший с юных лет суровую и долгую школу конного дела, была нарушена самим командующим Донской армией генералом Сидориным, самоуверенно решившим лично командовать конной армией в марте 1920 года. Результаты не замедлили сказаться в этот краткий, но бесславный период: понижение воинского духа, потеря веры в начальников, потеря территории, потеря артиллерии, пулеметов, обозов... Иных результатов и трудно было ожидать, ибо искусство управления достигается не столько наукой, сколько трудами и опытом. Какой же опыт мог быть у генерала Сидорина, ставленника левого крыла Донского Войскового круга, офицера хотя и Генерального штаба, но никогда не служившего в коннице,

весь строевой опыт которого ограничивался командованием саперной ротой?

Книжный опыт, вероятно, толкнул его и на другой неудачный эксперимент по конному делу: в середине лета 1919 года, по его инициативе и по иностранным образцам, не показавшим ни практичности, ни преимущества, наши легкие и подвижные конные четырехполковые дивизии были переформированы в громоздкие и неповоротливые девятиполковые дивизии, и в тот период, когда у нас так остро чувствовался недостаток в опытных штаб-офицерах, даже на должности командиров полков. Все это подтверждает, что одной книжной мудрости, без опыта, далеко не достаточно, чтобы стать полководцем, конником и администратором.

2. Второй причиной, вытекающей, конечно, из первой, следует считать (даже неудобно говорить об этом) отсутствие толковых директив и приказов. Как общее правило, в продолжение всей операции, в начале 1920 года — февраль-март, — лично руководимой генералом Сидориным, штабы дивизий и бригад не получали никаких директив и приказов, ориентирующих их о цели, задачах, общей обстановке, противнике, своих войсках, и, таким образом, были поставлены в положение каких-то автоматов с завязанными глазами. Отсутствие связи и сведений о своих войсках часто бывали причиной неожиданных катастроф.

3. Третья ошибка, или, вернее, преступление — это неумение или нежелание удовлетворительно организовать тыл как в смысле своевременного снабжения армии фуражом, довольствием и снаряжением, так и, главным образом, обороны и приведения в порядок сообщений. Люди были голодны, раздеты, разуты; лошади без фуража и подков — результат: болезни, деморализация, потеря боеспособности и гибель тысяч лошадей, в то время, когда громадные запасы фуража, вещей и снаряжения были брошены красным.

Что же касается оборудования тыловых сообщений, починки и устройства дорог, мостов и переправ, подготовки для обороны рек, рубежей и проходов, устройства оборонительных линий и препятствий для противника, об этом даже никто и не помышлял. В этом отношении были нарушены самые элементарные правила обороны тыла. Об административном устройстве тыла и безопасности и говорить не приходится, ибо с военной точки зрения его вовсе не было. За Кубанью было полное царство «зеленых».

4. Четвертая причина. Если судить по нашим операциям, особенно во второй половине Гражданской войны, можно безошибочно вывести заключение, что вообще у главного командования не было определенного

или даже ясно осознанного плана ведения войны. В сущности, если главное командование и имело определенную цель — разбить большевиков, то как достигнуть этой цели, определенных способов и методов не было. Были как бы случайные, частные успехи и поражения, но о причинах тех и других никто не думал. Никто не задавал себе вопроса — почему это произошло? Не старались исправить ошибок или учесть опыт, дабы их не повторять. Все делалось как бы на «ура», хотя, по удачному выражению генерала Павлова, «тавранных» стратегов у нас было много.

Новороссийская катастрофа, голгофа Черноморского побережья, гибель конницы, брошенной на произвол судьбы, разрыв между Донской и Добровольческой армиями, неспособность флота содействовать эвакуации войск Кавказского побережья в Крым, сдача Кубанской армии, зеленые, Круги, Рады, Особые совещания — все говорит о неразберихе и хаосе.

5. Забывали еще одно существенное обстоятельство, что люди и лошади не машины, что живая сила коня и всадника имеет известный предел, что получить максимум работы от конницы можно только при умелом и рациональном использовании ее силы. Забыли, что нельзя безнаказанно мотать лошадей, что после известного периода работы частям непременно нужен хотя бы кратковременный отдых, а особенно в условиях минувшей Гражданской войны, когда большой процент как людей, так и молодых командиров недостаточно был подготовлен. В данном случае своевременный отдых в тылу служил бы не только для восстановления сил и приведения в порядок людей и лошадей, но и был бы школой для заполнения недочетов в подготовке частей и командиров и для закрепления дисциплины и спайки частей.

Переутомление всегда оказывало пагубное влияние на наши части, дисциплина падала, полки таяли как воск. После трехмесячной непрерывной и бессменной работы боевой состав полков, имевших в строю по 1000 сабель, падал до 150—200 сабель. Вместо отвода в краткосрочный отдых, где полки приходили бы в нормальное состояние, предпочитали переформирование, сокращение числа единиц, сведение нескольких частей в одну, вследствие чего части, спаянные уже боевыми успехами, начинавшие приобретать традиции, веру в своих начальников, опять обращались во вновь сформированные, получали новых неизвестных им начальников, что, конечно, не могло не отражаться на их стойкости и лишало их веры и привязанности к своим начальникам и похвальной гордости своей частью. А тылы между тем неимоверно росли, обозы были переполнены людьми, не знающими своих частей. Ростов был переполнен офицерами, а сотнями на фронте командовали урядники и вахмистры.

Если мы внимательно проследим все периоды Гражданской войны, мы увидим, что, когда наши части были свежи, после отдыха и сыты, мы наступали и били, как хотели, превосходящего нас по численности противника, но, как только наступало переутомление, перебои в снабжении, части таяли, боеспособность падала и мы вновь откатывались назад, чтобы после отдыха опять перейти в наступление.

Резервов у нас почти никогда не было, а тылы были заполнены массой здоровых людей, ибо организации тыла не было.

6. О техническом оборудовании частей и о снабжении амуницией и оружием я не буду говорить. Возможно, что у нас не было в достаточном количестве ни того, ни другого. Я, например, для моей дивизии почти ничего не получил. Винтовки, пушки, пулеметы, так же как и всякого рода телефонное и телеграфное имущество, походные кухни, двуколки, мотоциклеты, до духовых инструментов для хора трубачей включительно, я взял с боя у красных и даже снабжал соседние части ими. Но бронемашин, к сожалению, почти не было, а при рациональном их использовании они могли бы сыграть большую роль. В своих заметках я упоминал, что появление у противника броневых автомобилей производило в наших частях панику, вследствие кажущейся беспомощности бороться с ними или что-либо им противопоставить. Об этом я однажды, находясь в Новочеркасске, лично докладывал генералу Сидорину и просил, по возможности, снабдить дивизию хотя бы двумя машинами, на что генерал Сидорин ответил, что делается все возможное.

По моим наблюдениям, с броневыми частями у нас было не совсем благополучно. В тылу были сформированы броневые отделения, но на фронт они почти не попадали. Мне раза два-три из штаба сообщали, что высылаются в дивизию броневые автомобили, но всякий раз, не доходя до моего штаба 50—60 верст, машины почему-то портились и возвращались обратно для ремонта. Очень жаль, конечно, ибо на фронте они могли бы показать себя, содействуя нашим частям, и, под командой боевых офицеров, были бы весьма полезны.

Игнорирование реальной обстановки и смехотворная, никому не нужная верность бывшим союзникам, бессильным, по целому ряду причин, помочь нам, да и не проявлявшим особого желания к этому, ибо симпатии их были на стороне революции, не скрывались и заставляли даже отклонять предложенную нам руку помощи истинных друзей России. Если бы этих «ошибок» не было, Россия не лежала бы в прахе и рабстве, а мы не скитались бы по всему свету с волчьими «нансеновскими» паспортами, навязанными нам благодарными союзниками.

ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ²¹⁷

Ко времени занятия казаками Новочеркаска и вступления в управление войском Донским атаманом все вооруженные силы Донского войска состояли из шести пеших и двух конных полков при 7 орудиях и 11 пулеметах, составлявших северный отряд полковника Фицхелаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всему войску, сила, численность и вооружение которых ни атаману, ни командующему войсками не были известны. Дон кипел восстаниями и поднялся весь от крайнего севера до юга. Но сведения о восставших, о их силе, о успехах их борьбы первое время приходили лишь со случайными людьми, прорывавшимися сквозь большевиков и привозившими известия в Новочеркасск.

Полки имели дружинную, станичную организацию. Каждая станица выставляла свой полк из казаков-охотников, добровольцев. Сила полков была разная и колебалась от величины станицы и от того, каков был патриотический подъем в станице. Обыкновенно после прочтения воззвания и речей служили молебны и после молебна выходило на фронт очень много. Но по пути многие отдумывали, других отговаривали жены.

— Чего ты, старый, пошел, куды тебе, а пахать, да хлеб убирать кто будет? Ведь убьют! На кого меня, горемычную, покидаешь, да еще с малыми детьми, — голосила казачка, провожая мужа, а тот только отмахивался.

Но многие останавливались под предлогом «прикурить маленько», отставали и возвращались тихонько домой. Шли больше старики и юная зеленая молодежь, фронтовики серьезничали, ждали приказа и если собирались, то «своим» полком, и тогда были по большей части отлично одеты и сорганизованы. От этого и сила полков была разная. Одни станицы выступали почти поголовно и дали полки в 2000—3000 человек, в других, напротив, едва насчитывалось 300—500. Полки были пешие, но при каждом полку была непременно своя конная часть от 30 до 200—300 человек. Вооружены были пешие винтовками, наполовину со штыками, наполовину без штыков, конные шашками, иногда пиками и винтовками. Каждый полк имел свои пулеметы, от 4 до 16 на тысячу человек. Если полку посчастливилось забрать у Красной гвардии пушки, то он оставлял их у себя и считал своими. В каждой станице были артиллеристы, они и приставлялись к этим пушкам. Патронов было мало. Обыкновенно 15—25 патронов на винтовку.

мира, ни сколько-нибудь сносного человеческого существования на Дону и Кавказе, если рядом с ними будут гибнуть прочие Русские земли. Пойдем мы туда не для того, чтобы вернуться к старым порядкам, не для защиты сословных и классовых интересов, а чтобы создать новую светлую жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину, и рабочему». (Аплодисменты.) («С Войскового Круга». Краткое сообщение о заседаниях 1—8 февраля 1919 г. Стр. 10.)

Из этой речи Круг понял, что генерал Деникин одобряет отставку атамана и обещает помочь донским казакам. Так растолковали, по крайней мере, его речь те, кто в этом был заинтересован.

Генерал Деникин завтракал у председателя совета управляющих генерала Богаевского и обедал у бывшего атамана. И тут и там он совещался с бывшим атаманом о дальнейшем устройстве войска. Он спросил бывшего атамана, кого он наметил бы на пост командующего армией и начальника штаба. Бывший атаман указал на генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова, как на высокообразованного человека, понимающего военное дело, глубоко порядочного и честного. Начальником штаба он назвал генерала Кельчевского. К назначению предложенных ему Сидорина и Семилетова бывший атаман отнесся с полным отрицанием, как к личностям нечестным, беспринципным и способным на всяческую интригу.

4 февраля утром генерал Деникин уехал на Западный фронт к генералу Май-Маевскому, а 6 февраля вечером поехал и бывший атаман в свое изгнание.

Еще 2 февраля Донской атаман приказал напечатать в «Донских Ведомостях» свой прощальный приказ. Благодаря своим сотрудникам и всех казаков за девятимесячную героическую борьбу за свободу казачества, Донской атаман заклинал казаков беречь будущее войска, детей и молодежь, дать им спокойно окончить учебные заведения и не пакостить молодые души участием в Гражданской войне. Завет атамана не был услышан. Еще не покинул атаман пределов, занятых Добровольческой армией, как узнал, что новый командующий Донской армией генерал Сидорин назначил генерала Семилетова командующим партизанскими отрядами всего войска и поручил ему набор студентов, кадет и гимназистов в боевые дружины. Чья-то злобная рука под корень уничтожила надежды донских казаков — казачьих детей.

В день отъезда со всех четырех фронтов были получены телеграммы на имя бывшего атамана и председателя Круга, за подписью командующих корпусами, от имени офицеров и казаков. Казаки требовали от Круга, чтобы он отставки атамана не принимал, и просили атамана не покидать его поста в грозную для войска минуту. По рас-

поражению председателя Войскового круга В.А. Харламова, взявшего на себя в эти дни управление всем войском, телеграммы эти бывшему атаману переданы не были и Кругу доложены не были.

Бывший атаман уезжал поздно вечером. Погода была отвратительная. Лил проливной дождь, мокрый снег смешался с грязью. Извозчики отсутствовали. И тем не менее весь Новочеркасск собрался проводить бывшего атамана. Были все управляющие отделами, большинство членов Войскового круга, юнкера Новочеркасского военного училища, офицеры Донской школы, служащие разных учреждений и многочисленные горожане и горожанки. Депутаты Круга Черкасского округа поднесли атаману трогательный адрес, покрытый их подписями, а супруге атамана — прекрасный букет живых цветов. Но когда содержание адреса узнали и другие члены Круга, они стали тоже подписываться под ним и собрали 62 подписи.

В Ростове, куда поезд прибыл около 10 часов вечера, атамана ожидал новый адрес жителей Ростова и почетный караул Л. Гв. Казачьего полка. На дворе станции был собран весь Л. Гв. Казачий полк. Тут же на путях в товарных вагонах, в эшелоне, находились партизаны генерала Семилетова. Бывший атаман вышел к почетному караулу, поблагодарил лейб-казаков за внимание, ему уже не полагающееся, и говорил им о их святом долге защищать Донское войско и во всем повиноваться вновь избранному атаману генералу Богаевскому. Вагон Армавир-Туапсинской дороги, высланный за бывшим атаманом его братом, прицепили к екатеринодарскому поезду, и бывший атаман навсегда покинул войско.

*К. Иваницкий*²⁴⁶

«ОДЕРЖИМЫЕ»²⁴⁷

Наступали сумерки. Солнце уже закатилось, оставив золотисторозовую кайму на облаках, плывших над горизонтом. Степь цепенела в вечерних полутонах, испарявшемся зноем и мягком душистом запахе. Было удивительно тихо и потому торжественно.

Из станицы Великокняжеской вытянулась длинная колонна. Шла конница по три коня в ряд, глухо стуча копытами и изредка позвякивая железом. За окраиной станицы головной полк свернул и выстроился развернутым фронтом. К нему пристроились остальные полки, став тремя темными линиями под прямыми углами друг к другу, как ставят столы на парадных обедах.

Когда крест станичной церкви, искрившийся в сумеречном небе, погас, в конных рядах загорелись смоляные факелы и, густо дымя, осветили фантастически колеблющимся светом три безмолвных стены всадников, четырехугольную площадь примятой травы, грузную фигуру генерала на рослом, неподвижном коне и поблескивавшую ризу священника.

Астраханская казачья дивизия²⁴⁸ ждала войсковой батальон на молебн. Накануне в штабе войска был получен срочный пакет от донцов. Намереваясь атаковать Царицын, донцы настойчиво просили поддержать их с правого фланга. Пришлось выделить только что сформированный батальон.

Необычна была эта часть, как необычно и тогдашнее время. Весь батальон состоял из одних офицеров, из числа тех, кто, отбросив личную жизнь и преодолев все преграды, явился на юг стать стеной против разбушевавшейся стихии.

Что руководило ими? Жертвенный ли порыв, ненависть ли к вздымавшейся со дна темной силе или суровое чувство долга?

Молодые, здоровые, закаленные Великой войной и скованные чувством профессиональной чести, они противопоставили сокрушающему валу свою непоколебимую волю, как стальной клинок — накатывающейся на них глыбе.

С ближайшего бугра прискакал адъютант и, туго затянув повод, четко взял под козырек:

— Едут!

Далеко в степи, прорезая дымку тумана, медленно выплывало темное пятно. Только очень острый глаз мог различить скачущую конную группу.

— Да, действительно, атаман. А батальона все нет, странно. Без пяти восемь. — И генерал нетерпеливо повернулся в седле.

Он собирался уже послать ординарца торопить запоздавших, когда из-за угла дома, мутно белевшего на окраине станицы, выдвинулась темная полоса.

Батальон шел совершенно бесшумно. Быстро увеличивался контур мерно колеблющейся массы, и от этого беззвучного нарастания казалось, что шли не люди, а надвигаются таинственные бесплотные тени.

— Хорошо идут, — пробасил в усы генерал, — и в точку: ровно к восьми. А атаман напрасно торопится.

Действительно, конная группа, скрывшаяся было в ложбине, вынырнула теперь совсем близко и понеслась к строю.

— Дивизия, смирно! Шашки вон! — густой, тяжелой волной прокатилась команда.

С шелестом выскользнули клинки и, тускло блеснув, замерли. Колонна пехоты подходила к оставленному для нее свободному месту.

Атаман подлетел прямо к батальону, круто остановил коня и звонко, как бы с задором, крикнул:

— Здорово, молодцы! — Его голос резко прорезал тишину и оборвался в пространстве.

Ответа не последовало. Еще тише стало в степи, еще более таинственными почудились приближавшиеся тени. Только шаг батальона стал как будто свободнее и шире, да головы в рядах закинулись выше.

Озадаченный необычным молчанием, атаман дернул коня вперед и подъехал вплотную к колонне. Перед ним проходили ряды. В недоумении смотрел он на скользившие мимо призрачные силуэты. Это был не тяжелый торжественный строй великолепных гвардейцев, не гибкий задорный шаг жизнерадостных юнкеров. Нечто необычное, никогда не виданное было в поступи проходящей части.

Широким, сильным шагом шел батальон, как монолитная упругая масса, еле касаясь земли в поступательном быстром движении. И что-то бесконечно горделивое было в высоко поднятых головах, в чеканной выправке, в легких ритмичных движениях.

Шеренга за шеренгой проходили господа офицеры; заревом пожара вспыхивали на их лицах отблески факелов, кровавыми пятнами ложились на шинели и перебегали искорками по стали штыков. И почему-то казалось, что для этих мелькавших как привидения рядов не существовало преград.

Вероятно, атаман что-то понял. Решительно соскочил он с коня и, швырнув папаху об землю, крикнул, но уже без прежнего задора, а каким-то другим, зазвеневшим голосом:

— Кланяюсь вам, господа офицеры!

Печально служили напутственный молебен. Дрожал старческий голос седого священника, и глухо тонули в ночной темноте молитвенные напевы. Точно не о здравии, а за упокой молились под черным куполом неба, среди факелов, пылавших красными языками, как громадные погребальные свечи.

Застывшими изваяниями стояли четыреста человек. Линия обнаженных голов, винтовки, прижатые к плечам, и фуражки, выровненные в левых руках. Сосредоточенны и суровы были затененные, резко очерченные лица. Куда-то в пространство глядели глаза. Что видели они там, за рубежом ступившейся тьмы, за гранью жизни? Ведь это, может быть, их отпевали.

Уже трепетно мерцали звезды, когда черными гигантскими змеями потянулись к своим стоянкам полки. Перед маленькой конной группой

ординарцев ехал генерал со своим начальником штаба. Оба молчали. Широкоплечая, коренастая фигура генерала в папахе, с трубкой в зубах и кривой текинской саблей на туго подтянутом поясе напоминала запорожца времен казачьих набегов. Полковник, тонкий и моложавый, в хорошо пригнанной солдатской шинели имел немного городской вид. Машинально он прищпоривал свою лошадь, отчего она взбрасывала голову и сбивалась на рысь.

Когда выехали на пустынную станичную площадь с уходившим ввысь силуэтом сумрачного собора, начальник штаба, как бы заканчивая продуманную мысль, проговорил:

— Да, будут большие потери, — и, помолчав, добавил: — Ведь им придется голыми руками проволоку рвать и пробивать штыками прочно укрепленный фронт.

— А знаете ли вы, ваше превосходительство, — заговорил опять полковник, — сегодняшний молебен напомнил мне эпизод из Русско-японской войны. Перед августовским штурмом Порт-Артура японцы назначили одну дивизию для прорыва. Она должна была, как таран, пробить брешь в линии фортов и этим как бы открыть двери для осадной армии. Эту дивизию называли колонной смерти. Накануне ночью у них тоже было богослужение. Дивизия присягнула умереть — и сдержала слово. Видели ли вы сегодня выражение лиц на молебне? Они тоже...

— Видел, — перебил генерал и, цукнув коня, пустил его крупной рысью.

Через несколько дней из-под Царицына пришли первые вести. Атака по всему фронту была отбита; сообщалась большая цифра потерь. О батальоне проверенных сведений не имелось, доходили лишь слухи о какой-то неожиданной катастрофе. Только неделю спустя стало точно известно, что батальон уничтожен почти целиком. Из 400 человек насчитывали в живых не более одного-двух десятков. Рассказывали, что красные добивали раненых, пытали их. Были найдены распиленные трупы.

Не прошло и месяца, как гибель батальона превратилась в простую историческую справку.

Уже начались холода с буйными ветрами и ледяным дождем, когда красные, получив подкрепления, перешли в наступление и навалились крупными силами на поредевшую в боях дивизию. К ней на помощь для удара по неприятельскому флангу была направлена бригада донцов. Чтобы согласовать совместные действия, командир бригады прибыл в штаб астраханцев. Дежурный офицер провел его в тускло освещенную комнату полуразрушенного зимовника, где за столом с остатками ужина

сидел генерал, облокотившись на широко развернутую карту, а начальник штаба, примостившись на походной кровати, возле свечи, писал, держа полевую книжку на приподнятом колене.

Совещание было коротким. Все понимали друг друга с полуслова, знали, что время не терпит. Когда деловые вопросы были исчерпаны, а вестовой принес три стакана крепкого, мутного чая, бригадный расстегнул свой мокрый, задымившийся в тепле полушубок и, скручивая папиросу, заговорил о последних событиях на фронте.

Молодой, с энергичным лицом, резкими движениями и подчеркнуто крепкой речью, он красиво рассказывал о последнем бое, выпукло оттеняя отдельные, часто жуткие, факты, с холодным смешком вспоминал эпизоды расстрелов. Видно было, что Гражданская война прошла когтями по его собственной коже, выработав тот особый тип беспощадно-жестокоего воина, у которого чувство долга заострилось личной ненавистью.

— Вы, кажется, принимали участие в наступлении на Царицын? — спросил начальник штаба, распечатывая только что принесенную пачку пакетов.

— Да, как же, расквасил себе там лоб. Скверное было дело. Ну, ничего, еще отыграемся.

— А скажите, — задал в свою очередь вопрос начальник дивизии, — известны ли вам подробности о гибели нашего батальона?

— Вашего батальона? Конечно, знаю. Он наступал правее меня. Это целая история, впрочем очень короткая, — усмехнулся, точно поморщился, донец. — Ваш батальон, черт его знает, одержимый какой-то. Он как двинул с места, как пошел — сразу опередил соседей по крайней мере на полперехода. А потом, дорвавшись до царицынских укреплений и не дожидаясь, пока подтянутся остальные, он, точно шальной, врезался в неприятельский фронт и, представьте, прорвал-таки линию укреплений; а ведь чего только не было там наворочено! Пленные красноармейцы рассказывали потом, что их ошарашила стремительность штыковой атаки. «Как, — говорят, — вскочили они, как рванулись в атаку — только пыль взвилась! Мы палим, а они бегут; мы хлещем огнем, а они молчаком еще шибче прут; словно нечистая сила. Ну и не выдержали мы, — говорят, — бросились уходить. Только мало кто спасся, а кто нет, — не приведи Бог, что было!» Словом, прорвали три линии окопов, а там началась катавасия. Нарвались они уже под самым Царицыном на бронепоезд, а с тыла их броневики обошли да еще какая-то конница подвернулась. Получился такой переплет, что сами красные поперепутались и до поздней ночи расстреливали друг друга. Ну а ваши полегли полностью. Правда, дорого обошлась крас-

ным победа — это точно установлено. Да и то сказать, ведь дрались, собственно говоря, покойнички: все равно выхода не было. Зато и поиздевались же большевики над ранеными, вымещали потери. — И бригадный не то засмеялся, не то оскалился по-звериному. — И скажу я вам: сами виноваты. Так воевать нельзя. Молодцы, слов нет, только какие-то одержимые.

— Одержимые? — переспросил начальник штаба. — Нет, это не то, — и, отодвинув в сторону бумаги, с неожиданной горячностью продолжал: — Не одержимыми были они, а одержимы, — он подчеркнул последнее слово, — и знаете чем?

Бригадный вопросительно посмотрел на полковника, потом повернулся в сторону генерала, молча чертившего карандашом по столу. Генерал сделал большую затяжку, осветившую на мгновение седые усы и густые, накупившиеся брови, но ничего не ответил.

Вопрос вывел начальника дивизии из задумчивости. Он слегка наклонил бритую, с зарубцевавшимся шрамом, голову, как бы в знак того, что он понимает своего начальника штаба, потом медленно приподнялся и, глядя в темный угол на невидимую икону, перекрестился широким крестом.

А. Гордеев²⁴⁹

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ВИЛЕНЦА²⁵⁰

Осенью 1918 года на границах Донской области был разгар Гражданской войны. С севера надвигались отряды красных. Казаки, не имея передышки после Великой войны, снова были мобилизованы, и полки развернулись по границам. Сплошного фронта не могло быть, были боевые очаги, где казачьи части отбивали наступление красных.

В сентябре одна из казачьих бригад Донской армии была выдвинута к границам Саратовской губернии, откуда ожидалось наступление красных. Полки заняли соответствующие пункты, выслали разведку и, ожидая результатов, расположились в казачьих хуторах.

Поднялось осеннее солнце, освещая холмистую местность, прорезанную во всех направлениях оврагами, характерными для донских степей. В то время как штаб одного из полков и штаб бригады готовились к утреннему завтраку, прибыл из разведки посыльный с донесением, что красные наступают и передовые части настолько близко, что развернулись уже в цепи. 4-й полк, участок которого предполагался пассивным, по тревоге построился и двинулся навстречу красным.

По открытому равнинному полю двигались цепи красных. Казаки спешили, начали занимать позицию; красные залегли, и началась перестрелка. Батарея противника — шестиорудийная, видимо, уверенная в том, что у казаков пушек нет, стала открыто на позицию; в казачьей же бригаде была лишь одна пушка. 2-й полк бригады был значительно удален и в общем ходе боя не мог принять участия.

Во время сближения разведывательных частей казаками был захвачен красноармеец, на котором оказался приказ 3-го Балашевского полка. Приказ был написан по уставным правилам, и ясно было, что написан был человеком, хорошо военно образованным. Подпись стояла — *Журавский*.

Соотношение сил было явно не в пользу казаков. Состав полка был в 300 конных, при спешивании уменьшался на четверть. Но преимущество казаков было в том, что все они имели подготовку мирного времени и опыт Великой войны.

Не стану описывать перипетии боя, длившегося с утра далеко за полдень; в результате среди красных цепей произошло частичное замешательство, постепенно охватившее все цепи, и вдруг вся линия красных дрогнула, поднялась и бросилась бежать. Казаки сели на коней и быстро окружили бегущих. Мобилизованные красноармейцы, в большинстве — мальчишки, без всякого сопротивления бросали оружие и покорно сдались. В одном пункте окружения слышались выстрелы и видно было замешательство казаков. Оказалось, что у красных было 16 китайцев, которые при приближении казаков построились и стали стрелять. Было ранено два казака и убит подпоручик. Но казаки быстро оправались, и, когда я через 5—10 минут подскакал к этому пункту, все китайцы были изрублены и лежали совершенно голыми.

Часть казаков проскочили дальше и в деревне, расположенной в балке, захватили штаб полка красных и их резервы.

Через некоторое время показался экипаж, запряженный парой лошадей, сопровождаемый казаками, в котором сидели в шинелях защитного цвета, офицерского покроя начальники красных: одним из них был командир полка Журавский, другой его адъютант — оба бывшие офицеры. При знакомстве с ними оказалось, что Журавский — подполковник, окончивший Виленское военное училище портупей-юнкером 3-й роты, выпуска, если не ошибаюсь, 1911 года.

Бой к тому времени окончился. Все мы направились в штаб бригады, где подполковник Журавский с адъютантом были приглашены к ужину, во время которого он и рассказал свою эпопею. Выяснилось, что после развала Русской армии он прибыл в свои родные края. Началась

мобилизация; его взяли как специалиста, а родственников его — в качестве заложников.

В 1918 году, по идее атамана Краснова, на территории Донской области начиналось формирование Русской армии под командованием генерала Иванова. Одновременно для ближайших губерний — Воронежской и Саратовской — были назначены губернаторы, причем для Саратовской губернии был назначен Генерального штаба полковник Манакин. При губернаторах были пункты формирования частей будущей новой Белой армии. И все военнопленные красных частей направлялись в эти пункты.

На следующее утро подполковник Журавский с адъютантом и около 1000 человек, бывших его подчиненных балашевцев, были направлены в распоряжение полковника Манакина, в район ст. Себряково. Там было произведено переформирование полка, средствами Усть-Медведицкого ремесленного училища полк был обмундирован и в скором времени, под командой того же подполковника Журавского выступил на фронт против красных.

Мне пришлось в то время видеть полковника Манакина и говорить с ним о положении на фронте. Меня удивило его оптимистическое настроение и наивность в оценке общего положения. Он был уверен, что в психологии русского народа наступил перелом и Красная армия не желает драться за коммунистов. Примером для него являлось то, что красные массами сдаются в плен. Убедить его в противном было невозможно. За подобный оптимизм приходилось жестоко платить.

Переформированный полк, посланный на фронт, в первом же бою, развернувшись в цепь, арестовал командиров и перешел в полном составе на сторону красных.

Подполковник Журавский был обвинен в умышленном поражении бывшего 3-го Балашевского полка и подвергнулся мучительной казни. Ему рубили пальцы, руки, раньше чем зарубить его окончательно. Так трагически погиб в русскую смуту один из наших однокашников.

*Е. Любинский*²⁵¹

АТАКА КРАСНОЙ КОННИЦЫ²⁵²

Село Лозное расположено в ложине, имеющей форму корыта, по дну которого протекает маленькая речушка Тищанка. К югу и северу от села тянется ряд доминирующих пологих холмов.

По северной окраине села, по заснеженным склонам холмов и вдоль построек, расположились стрелковые цепи спешенных казаков. Сильный крещенский мороз сковал землю. Но он как бы не чувствуется — его поглотили оживление и особенная бодрящая нервность. Все готово к встрече противника: расстояния измерены, винтовки и пулеметы пристреляны, начальники проходят по цепям, отдавая последние указания.

На горизонте видны передвижения красной конницы. Неприятельская артиллерия посылает дающие перелет снаряды. Все в напряженном ожидании атаки. Маневрирующие конные массы противника принимают определенную форму. Колонны развертываются. Разомкнутые строи, волнуясь в своем наступательном движении, усиливают аллюр. В расплывчатых формах и линиях атакующих частей на фоне синевато-белого, ослепляющего снега вырисовываются яснее фигуры всадников. Блеск и сверкание на солнце обнаженных шашек, в связи со стихийной скоростью движения, придают картине особый колорит и жуткую яркость стремлению. Артиллерия посылает навстречу атакующим первую очередь шрапнелей. Удачные разрывы вызывают в цепях одобрение и повышают дух. Противник, в инстинктивном порыве скорее пройти артиллерийскую завесу, переходит в бешеный галоп. Наступает кульминационный пункт атаки: освещенные последними лучами заходящего солнца, красочные эскадроны неприятельской конницы, волнами несущиеся на Лозное, сметаются ураганным огнем донских батарей. Рвущиеся над головами атакующих шрапнели осыпают всадников свинцовым градом и создают на фоне зимнего пейзажа иллюзию сверкающих молний. Огонь артиллерии, смешанный с адским хохотом пулеметов и ружейной трескотней, вносит смерть и ужас в ряды атакующих конников. Расстояния быстро сокращаются. Время ускоряется секундами. Видны искаженные лица всадников, слышен конский топот и бряцание оружия...

Крики: «Ура!» Колебаниям нет места. Офицеры в цепях. Чувства и нервность исчезли — люди автоматы... Стрельба залпами почти в упор... Еще момент, и... успевшие по инерции прорваться сквозь огненную завесу поредевшие волны всадников не выдерживают моря огня, смешавшись, поворачивают назад и, устлая свой путь трупами, исчезают в полупрозрачной завесе наступающих сумерек. Ряд повторных атак отбит. Красная конница, не добившись успеха, отхлынула и растворилась в бедной мгле умирающего морозного дня.

...Зимнее солнце, бросая розовые тени на снег, скрылось за горизонтом. Усилившийся к ночи мороз сковал природу. Восходящая луна облила серебристо-бледным светом село и уснувшую под снежным покровом, сверкающим миллионами синеватых искр, землю.

Напряженная тишина, царящая в воздухе, только изредка нарушается скрипом снега под сапогами проходящих патрулей. Темные струйки дыма, тянущиеся к небу из убогих труб, редкие робкие огоньки, пробивающиеся сквозь завешенные окна хат, да белая сельская церковь напоминают еще о мире, о надежде, о жизни, а зловещая пустота улиц, разобранные заборы, дырявые крыши, мерзость запустения, перекошенные дороги и окопы по окраинам села говорят о жестокой действительности, о неуверенности не только в завтрашнем дне, но и в каждом грядущем часе.

М. Бугураев

ПОХОД К ВОССТАВШИМ²⁵³

Репная находилась много выше уровня реки Донца. От бугра, на котором она была расположена, местность шла к реке с небольшим уклоном, без рытвин, канав, кустарников, то есть была очень удобной для конной атаки. На нашей стороне красные имели большой, хорошо оборудованный плацдарм с глубоким, полного профиля окопом. Перед ним — проволочные заграждения в восемь рядов колеев. Много специально оборудованных пулеметных укрытых гнезд. Этот участок по фронту был около версты с половиной с глубиной его до 200—300 сажен. Через Донец, шириной здесь в 150—200 сажен был наплавной мост. Река здесь делала очень крутой поворот к северу и так текла около 2 верст, когда опять принимала свое прежнее направление.

С нашей стороны, от Репной к западу, примерно в версте, на крутом высоком берегу реки был хутор, середину которого разрезал широкий крутой овраг, по дну которого проходила дорога-спуск к реке. В нем можно было скрыть целый полк. Выхода к реке этого оврага со стороны красных не было видно, что было важно для нас. Почти против хутора на другом берегу реки была высокая, длинная каменная скала, почему река и начинала свой поворот к северу. Со стороны красных подняться на скалу пешеходу было почти что невозможно. Но от ее верхушки к реке постепенным ровным спуском шло чистое поле. Противник мог видеть только перед собой и назад. В итоге место к переправе было выбрано очень удачно, а спуск к реке от Репной облегчал атаку нашей конницы.

Генерал Секретев решил на плечах красных переправиться через Донец, захватить мост целым и немедленно продолжать наступление

всем отрядом. Наступление начнется получасовой артподготовкой гранатами из двадцати орудий, за это время будут уничтожены проволочные заграждения. Прямо в лоб идут 78-й и 96-й полки, за ними моя 7-я батарея, за ней четыре сотни 80-го Джунгарского Калмыцкого полка, затем 8-я батарея, за которой переправляется 9-я дивизия²⁵⁴, которая идет сейчас же вправо (восточнее) 8-й и сменяет 96-й полк, который, переправившись через Донец, наступал правее 78-го полка. После всех — резерв отряда: бригада генерала Постовского²⁵⁵, батарея Упорникова. Моральное и, быть может, главное воздействие на красных должны были оказать две калмыцкие сотни, которые с началом артподготовки вплавь должны были переправиться через Донец. Одна сотня должна сразу броситься на север, чтобы успеть захватить в хуторе в 2 верстах штаб большевиков, а другая должна была отрезать красных. Они должны были показаться наверху скалы, чтобы «товарищи» видели бы и знали, что калмыки отрезали им путь к отступлению, что заставит красных скорее бросить окопы или же плыть через реку под метким обстрелом батареи Упорникова. А при атаке на пехоту казаки все время должны были кричать: «Калмыки... Калмыки...»

Весь маневр был объявлен казакам, каждый из них знал, что делать. И все было разыграно как по нотам. Услышав крики «Калмыки...» и увидев их от себя вправо от реки, «товарищи» бросились вплавь через реку, так как мост был уже захвачен казаками. Много их погибло в реке под меткими шрапнелями Упорникова. Из двух с половиной тысяч, по сведению штаба красных, мало кого спаслось. На хуторе калмыки захватили весь штаб красных. Ускакал лишь один комиссар. Никаких резервов у них здесь не было. При опросе пленных мы узнали, что в Каменской было два полка с одной батареей. Но со станции Глубокая ожидался подход красных войск для перегруппировки и перехода в наступление. В итоге мы опередили красных своим наступлением. 8-я дивизия²⁵⁶ ночевала у хутора в 8 верстах от реки. На следующий день она двинулась к Каменской, 9-я шла самостоятельно восточнее, правее.

Навстречу нам вышел пехотный полк красных, на наш левый фланг. Он был обнаружен нашим боковым дозором и только начал разворачиваться для занятия позиции, как на него обрушился с дистанции в 2 версты убийственный огонь батареи Упорникова. Два конных полка атаковали красных, и они сдались, не оказав большого сопротивления.

У Каменской нас, 8-ю дивизию, встретил второй полк красных с батареей. Начавшийся бой длился недолго. При обходе конной бригадой генерала Постовского пехота красных начала сдаваться, нами в плен было захвачено более 1500 красных, батарея в четыре орудия. В

станции были захвачены склады винтовочных и орудийных патронов, наши запасы пополнились, у меня в 7-й батарее на подводах было более тысячи снарядов.

В Каменской мы пробыли три дня. Вели глубокую разведку и ожидали атаку красных со стороны Глубокой, где, по сведениям разведки и перебежчиков, было около 3000 пехоты и две четырехорудийные батареи. Пехота рыла для себя глубокие окопы. Ждут еще подхода своих войск от станции Миллерово.

Генерал Секретев решил продолжать наше движение. У Глубокой был большой бой, красные оказали сильное сопротивление, но обходным движением бригады генерала Постовского и одновременным ударом всей конницы (четыре полка) — сдались. В плен к нам попало около двух с половиной тысяч, две батареи с большим запасом снарядов. Но и у казаков были большие потери, особенно в конском составе.

С нашим продвижением на север мы постепенно сменяли подводчиков, чаще всего женщин или подростков с их подводами для снарядов, и заменяли другими, так что когда подошли к восставшим, то и подводы были у нас из ближайших к ним мест. Все подводчики питались своими средствами, сами же кормили своих лошадей. Были среди них и подводы на быках.

Хотя Миллерово и оказалось в стороне от нас, но генерал Кучеров послал туда полк с артиллерией. Тогда красных там не оказалось. Но после нашего прохода подошли эшелоны красных, и нам пришлось возвращаться обратно в Миллерово, чтобы их ликвидировать. Здесь мы увидели, что все железнодорожные пути были забиты награбленным красными имуществом и пшеницей в мешках. Все это генерал Секретев приказал немедленно отправить в Новочеркасск, а мы продолжали выполнять свою задачу. Недалеко от Миллерова наш конный разъезд захватил еще обоз из 40 подвод на быках, груженных мешками пшеницы, которую везли на ст. Миллерово. Никакой охраны не было, сопровождал обоз с подводчицами-казачками только один матрос, который, по жалобам казачек, «измывался над всеми». Вот над обозом пролетел аэроплан, казачки со злобой говорили матросу: «Хоть бы Господь Бог послал бы на тебя с неба управу...» Матрос «матерился» и злобно смеялся, но вдруг появился казачий разъезд, и матрос попал в его руки. Когда обоз привели к генералу Кучерову и он узнал от казачек о поведении матроса, был созван здесь же военно-полевой суд, и его приговорили к расстрелу.

В дальнейшем красные пытались задержать движение нашего отряда, но не смогли. Против нас была брошена бригада курсантов, об

этом мы узнали от возвращавшихся с помола пшеницы на мельнице казачек. Они говорили, что какие-то курсанты заняли позицию за болотистой речкой, пушек у них нет, говорят: «Пуцай идут кадеты, мы им покажем, как нужно воевать...» Их много, тысячи три. Речка болотистая, через нее можно пройти лишь по одному мосту, который сильно охраняется курсантами. И действительно, когда подошли наши разъезды, то сразу понесли потери от их меткого огня.

Моя батарея стала на закрытой позиции, в лощине. Я с телефонистами пошел по высокой, густой траве выбирать себе наблюдательный пункт. Но оба моих спутника сразу были ранены, к счастью, легко. Все мы трое упали в траву; осмотревшись, не поднимая головы, я увидел, что лежу на скате бугра и что мне хорошо видна позиция курсантов. На противоположной стороне речки — отдельные постройки с деревьями. С правой стороны — высокое здание, вальцовая мельница. В окопах за рекой — курсанты. Подход к мельнице мне был хорошо виден, здесь не было деревьев. Я решил, что с этого места я и буду вести свое наблюдение и управлять стрельбой. Мои раненые уползли назад. Курсанты стреляли очень метко по всем появляющимся целям, но, как мы узнали позже, стреляли только по команде своих офицеров — у них было мало патронов. Все время я держал курсантов в окопах под огнем своих орудий, мне хорошо было видно, как из окопов иногда на мельницу шло по два, по три человека, но назад возвращался всегда один. Было ясно, что там у них перевязочный пункт. Туда я не стрелял, боясь, что там были женщины или дети.

К вечеру один из наших полков попробовал переправиться через эту речку — мне было все отлично видно. Как только курсанты поняли намерение казаков — они выслали пулемет с тремя обслуживающими на пароконной подводе. Дабы не дать ему возможность стрелять по казакам, я начал стрелять одним орудием по пулемету, но не прекращая стрелять другими орудиями по курсантам в окопах. Переправиться казакам не удалось — лошади сразу глубоко вязли в болотистой речке. Но и пулемет красных не мог «открыть огня» из-за моей стрельбы по нему.

Вечером, во время ужина, наш начальник штаба отряда полковник Соколовский, артиллерист, говорил при мне генералу Кучерову: «Сегодня во время боя с курсантами мне пришлось наблюдать необычайное зрелище: одновременно артстрельбу по двум различным целям, далеко отстоящим друг от друга. Даже в «Правилах стрельбы» для офицеров-артиллеристов такой случай не указан, ибо считается, что это невозможно. А сегодня днем М.К. Бугураев доказал, что невозможное в теории возможно в жизни. И не каждый артиллерист может так

стрелять...» Начальник дивизии генерал Кучеров отметил эту стрельбу в приказе по дивизии и мне объявил особую благодарность за необыкновенную стрельбу. Может быть, некоторые из артиллеристов усомнятся в этом, но это факт, такой случай действительно был.

С наступлением темноты курсанты оставили свою позицию и ушли. Когда казаки переправились через речку, там их ждали три курсанта, перешедшие к нам и показавшие, что на нашем участке их было тысяча бойцов, на другом к западу — две тысячи, но там казаки к вечеру их обошли и обе группы должны были оставить свои позиции. Всех своих раненых курсанты бросили вместе с тремя сестрами милосердия, у которых была записка их командира «оставляем всех своих раненых в расчете на ваше благородство». Конечно, им не причинили никакого вреда.

На следующий день мы выступили очень рано, надеясь догнать курсантов на походе. Так оно и случилось. Курсанты строили «каре», чтобы отбить атаки нашей конницы, но под огнем нашей артиллерии и многочисленных конных атак казаков гибли, не желая сдаваться. Обе группы были уничтожены. В дальнейшем мы двигались более свободно.

Про то, что было на Донском фронте, генерал Деникин писал: «В середине мая началось наступление и Донской Армии. Правая группа ген. Мамантова, форсировав Дон выше устья Донца, в четверо суток прошла 200 верст, преследуя противника, очищая правый берег Дона и поднимая станицы. 25 мая он уже был на р. Чир... Другая группа переправилась у Белой Калиновки. Третья форсировала Донец по обе стороны юго-восточной железной дороги и преследовала отступающую 8-ю армию красных на Воронеж...» Группа генерала Секретева была в тылу у красных. В начале мая кубанцы конной группы генерала Врангеля начали успешное наступление на Маныч, Сал, заняли ст. Великокняжескую и успешно наступали на Царицын.

Что же происходило на фронте у восставших? Конечно, красное командование знало о целях нашего похода и прилагало все усилия, чтобы не допустить нашего соединения с восставшими казаками. Но ни нашего продвижения к ним, ни уничтожить их — тоже не могло. Борьба была жестокой и неравной. Пощады не было ни с той ни с другой стороны, не миловали ни старых, ни малых, ни женщин. У красных неограниченные запасы всего: людей, оружия, снаряжения, у восставших — всего не хватало. Постоянной связи с донским командованием не было.

С 16 мая шли очень упорные бои за переправы через Дон. Красные стремились переправиться на правый берег и захватить Вешенскую, где

находился штаб восставших казаков. В ночь на 17 мая красным удалось захватить переправу «Обрыв», у восставших здесь кончились патроны. Красная артиллерия в упор расстреливала казаков. Переправился пехотный полк при 18 пулеметах и эскадрон конницы. Все они повели наступление на хутор Безбородов, ст. Еланской. К вечеру они были отброшены конными атаками казаков, потеряв 12 пулеметов и 170 пленных, остальные были изрублены при атаках. Но красным потери были не страшны, у них всего было вдоволь.

19 мая от летчика капитана Веселовского, прилетевшего к восставшим, их предводитель есаул Кудинов²⁵⁷ узнал, что конница генерала Секретева запоздала, ибо, дойдя до слободы Дегтево, была возвращена обратно для ликвидации красных, занявших Миллерово, но теперь она опять идет на север на помощь восставшим и прибудет не позже чем через пять дней. Кудинов немедленно сообщил об этом по всему своему фронту, это сильно подняло дух восставших.

На рассвете 21 мая красные, 15-я Инзенская пехотная дивизия, 3-й Московский латышский, 3-й Богучарский пехотный полки, сводная бригада московских и ленинградских курсантов, два батальона матросов, несколько карательных отрядов и крестьянских дружин повели наступление на фронте в 60 верст, соприкасаясь со станицей Акишевской. Шли очень ожесточенные, упорные бои, горели хутора, переходившие не раз из рук в руки. До 23 мая бои шли с переменным успехом. 24-го красная пехота энергично наступала по всему фронту 3-й и 4-й дивизий восставших. Несмотря на многочисленные конные атаки казаков, к вечеру «товарищи» смогли занять хутора Попов и Матюшкин, прервав связь между ст. Казанской и хутором Шумилином, то есть между 3-й и 4-й дивизиями. С наступлением ночи во всех хуторах, занятых красными, начались грабежи, насилия и расстрелы женщин, стариков и детей, оставшихся на хуторах. На участке 5-й дивизии восставших красные были отбиты и их правый фланг отброшен за реку Хопер.

24 мая в отряде генерала Секретева, при подходе к хутору Сетракову, в руки 8-й дивизии, да и всего отряда, попали громадные обозы «товарищей», удиравших от генерала Мамантова, наступавшего в районе ст. Усть-Медведицкой. К вечеру мы ночевали в 6—8 верстах от Дона. Хутор Сетраков был нами занят без боя. Пехота красных ушла и заняла позиции в камышах у реки. При занятии хутора нас сильно удивило полное отсутствие жителей, даже детей. Но вскоре причина этого явления стала понятна. Наш левый боковой дозор, пройдя версты полторы от хутора, обнаружил недалеко от «шляха» крутую, глубокую и широкую балку. Вся она была заполнена расстрелянными

стариками, женщинами, детьми, не исключая и грудных младенцев. Не допускалась возможность такой бессмысленной жестокой расправы даже над ни в чем не повинными младенцами... Все это сильно ожесточило наших казаков.

При приближении к Дону нашей 8-й дивизии большое сопротивление оказал пехотный полк, которым командовал гвардейский капитан царской службы Козлов. Он был взят в плен со своим полком — около 2000 человек. Сражался полк очень упорно. Его поддерживала тяжелая батарея с другой стороны реки, которую я хорошо видел в бинокль, но «достать» ее не мог из-за дальности расстояния. Позиция полка была в густых камышах. Он успешно отбил три конные атаки 78-го полка. Генерал Кучеров отправил 96-й полк для захвата батареи красных. А мы, 7-я и 8-я батареи, по собственному почину заняв позиции ближе к камышам и развернувшись под ружейным огнем красных, открыли по ним в упор убийственный огонь. И когда наша конница вновь атаковала их, они, подняв руки, вышли из камышей и сдались. Многие из них были ранены. Часам к 12 бой у реки был закончен и наши полки бросились вплавь через Дон.

Я присутствовал при допросе командира полка красной пехоты капитана Козлова. Он держал себя очень свободно и независимо, доказывая генералу Кучерову, что сдал полк добровольно.

— Добровольно? — спросил генерал Кучеров. — А кто отбил конные атаки казаков, ведь ваш полк сдался, лишь когда наша артиллерия стала его расстреливать в упор? Кстати, а где ночевал ваш полк?

— В хуторе Сетракове, — совершенно спокойно ответил капитан Козлов.

Тогда генерал Кучеров так же спокойно задал ему вопрос:

— Кто же расстрелял там стариков, женщин, даже грудных детей? И всех сбросил в глубокую балку?

Красный командир на этот вопрос ничего не ответил, понурил голову и тяжело вздохнул...

При опросе пленных солдат полка ими были выданы все, кто участвовал в этом ужасном преступлении. Таких извергов было немало, все они понесли заслуженное наказание, так же как и их командир.

Кудинов так описывает последний бой восставших казаков. К 9 часам утра 25 мая половина станицы Казанской и хутор Шумилин были заняты красными. До двенадцати шел ожесточенный бой на улицах станицы, красные постепенно теснили казаков, неоднократные конные атаки которых не давали значительного успеха. Казаки, из-за недостатка патронов, начали отходить. К 2 часам дня послышался подоблачный шум нескольких пропеллеров. Четыре самолета, первые предвестники

приближения помощи, быстро опустились, каждый в своем направлении. Капитан Веселовский быстро разыскал ближайшую телефонную связь и сообщил в штаб восставших: «Конная группа генерала Секретева оставлена мною на хуторе Федоровском в 5 верстах от ст. Казанской. Сейчас генерал Секретев наступает на Казанскую». И в то время, когда красные жгли все в Казанской, над их цепями стали рваться снаряды группы генерала Секретева. И по всему фронту восставших по телефону было передано радостное известие о приходе конной группы генерала Секретева, который, не задерживаясь, бросил вплавь свою конницу через Дон, 26 мая она обрушилась на Мигулинскую, 28-го была взята Усть-Медведицкая...

В свое время инициаторы восстания, конечно, предполагали получить скорую помощь от Донской армии. Но дальность расстояния до Донского фронта (300—350 верст) и отсутствие связи помешали этому.

Мне трудно описать те чувства, которые переживали мы, чины отряда генерала Секретева, при своем соединении с восставшими... А еще труднее передать, выразить словами то волнение, те чувства, ту неограниченную радость, охватившую восставших, особенно стариков, женщин. Всех нас встречали как спасителей, как избавителей от верной лютой, жестокой смерти...

Генерала Секретева окружили особенным вниманием, ему целовали руки, коня его украшали цветами, по земле стелили ковры. Женщины останавливали его коня, поднимая своих детей, говорили: «Смотри и запомни, это наш спаситель от безбожных товарищей...» Древние седые старики, опираясь на «байдики», подходя к нему, «гутарили»: «Спасибо! Спасибо, наш сынок! Нас ты спас от верной смерти, Бог тебя вознаградит за этот подвиг. А наше войско и мы также не забудем тебя!»

Ликование было неопишимо, хотя жестокие бои не были закончены и продолжались. Мало кто спасся из красных, но и казаки несли большие потери: красные дрались очень упорно, в плен не сдавались.

Три дня наш отряд отдыхал, а восставшие казаки приводили себя в порядок. Вскоре донское командование переформировало их полки и влило в Донскую армию. Наш же отряд продолжал наступление на север, выполняя новую задачу командования. К 20 июля 1919 года мы заняли Бутурлиновку, 23-го передали этот район пехотной дивизии генерала Гусельщикова, а сами вошли в подчинение к генералу К.К. Мамантову. 25 июля начался знаменитый поход-рейд по тылам красных генерала «Мамы», как говорили «товарищи». Но об этом рейде надо писать отдельную статью.

СКАУТИЗМ НА ДОНУ²⁵⁹

Деятельность нового старшего скаута Ростова была слабо заметна в Новочеркасске, и поэтому, да еще по вине Дехтерева, новости из Ростова доходили с большим опозданием. Только на Рождество 1918 года поползли слухи о том, что скаутизм в Ростове разваливается. Весна 1919 года принесла мало изменений в скаутской среде. Но 2-я дружина уже была расформирована, а ее уцелевший отряд, по просьбе родителей, стал в ведении атамана Новочеркасской станицы и вышел из организации — начал воскресать старый антагонизм. Правда, начальник 2-й дружины был на фронте...

Облетела всех новость, что полковник О.И. Пантюхов²⁶⁰ находится в Ростове. Дехтерев почти не появлялся на людях, а потом подал рапорт о болезни, назначив своим заместителем старшего скаутмастера Войта. Рассказывали, что он был принят в атаманском дворце, но... подтверждения в своей должности старшего скаута Дона не получил. Конечно, боевые действия наших частей отвлекали главное внимание всех. Через Ростов проезжали многие петроградцы и всегда передавали приветы. Много было рассказов о скаутах на фронте. Все верили в победу, и молодежь опять начала учиться, и серьезно. А в это время в Ростове продавали литературу и велась пропаганда, о чем и скажем, ибо замалчивать историческую правду нет смысла.

После утреннего заседания первого Съезда донских инструкторов в Ростове группа новочеркасцев пошла погулять по городу. В одном из книжных магазинов на витрине красовалась книжка под заглавием: «Милитаризация Юношества». Заглавие привлекло наше внимание, книга была куплена и уже в поезде на обратном пути домой читалась всеми. Негодованию нашему не было конца! Это была капля той звериной злобы, которую выплюнула в свое время наша «общественность», когда клеймила появление патриотической организации «Потешных»! Город Ростов-на-Дону продолжал жить своей либеральной и антиправительственной жизнью — комментарии излишни.

Вступил в исполнение своих обязанностей новый атаман генерал А.П. Богаевский, и... все переменилось, как по мановению волшебного жезла! Организацию бой- и герлскаутов сразу выделили, и был назначен новый начальник — генерал Траилин²⁶¹. Дехтерева оставили с его званием «Старшего Скаута Дона», но на должности помощника начальника организации. В Новочеркасске, да и в Ростове, многие радостно вздохнули. Новый начальник был уважаем всеми, лучшего вы-

бора и придумать нельзя было, да и его дети были во 2-й дружинке. Шаткое положение Дехтерева теперь уже упрочилось, и он мог исполнять задания. Видно было, что на верхах решили привести организацию в порядок, и от отдела народного просвещения был назначен особый чиновник. Сразу все почувствовали, что есть сильная рука и власть. Войт решил спешно ехать к себе на родину — в Латвию. Только после его отъезда выяснились подробности походов этого молодца. К счастью, новочеркасцы были вне сферы всех этих грязных делишек, а инструктора ничего не рассказывали!

Начальник 2-й дружины прибыл с фронта, и отряд, бывший в ведении станичного атамана, вернулся обратно в организацию под № 4, и в дальнейшем этому подразделению еще придется сыграть большую роль в скаутизме Новочеркасска. Но и на этом дело не остановилось: старшему скаутмастеру по приказу начальника организации присваивалось прежнее звание адъютанта организации, что пишущего эти строки весьма удивило... Опять началась бодрая работа, и снова вспыхнул молодой энтузиазм. Но теперь было и другое: все почувствовали сразу, что Донской атаман постоянно справляется о положении детей и юношества; не было дня, чтоб не получались сведения о заботах и решениях в пользу скаутов. Опять был смотр в Краснокутской роже, и Донской атаман живо интересовался подробностями технического характера и инструкторами.

Как уже говорилось ранее, в Ростове шла неувязка после многих ошибок и просто потому, что атаковала скаутизм опять вся та же интеллигенция, которой уроки большевизма не пошли впрок. Все говорили, что необходимо созвать съезд руководителей и деятелей по скаутизму, но никто себе не отдавал отчета — что же, собственно, может сделать такой съезд?.. Ясно было, что все ждали авторитетного голоса полковника Пантюхова. В Новочеркасске оба петроградских скаутмастера решили «протолкнуть» это начинание. В сентябре 1919 года в недостроенном здании Политехнического института все-таки этот съезд состоялся. Надежды многих сбылись и... испарились...

На съезд инструкторов Юга России прибыл и Олег Иванович Пантюхов — что придавало этому собранию несомненный вес. На всех перекрестках улиц стояли парные часовые, по всему пути с вокзала до института, для встречи полковника Пантюхова. Это были «Волки» 4-го Новочеркасского отряда — остатки расформированной 2-й Донской дружины — которым в этот день суждено было стать имени полковника О.И. Пантюхова! Честь, которой не мог похвастаться ни один отряд скаутов в России... Вообще энтузиазма было хоть отбавляй.

Но суровая действительность была другой, и конец был близок... Как и всероссийские съезды 1915-го и 1916 гг. — съезд Юга России не дал почти ничего. Да и трудно было ожидать, что люди, приехавшие из других областей России, могут повлиять на судьбы скаутизма в России вообще, а тем паче на работу в донской государственной организации! Однако было два положительных пункта. Во-первых, было закреплено «историческое» право и был выбран старший скаут России. Это давало возможность (моральную, конечно) не быть «Иванами Непомнящими», а, базируясь на собственной истории, работать, копируя казаков, беря с них пример с организации на земле всевеликого войска Донского. Во-вторых, были выяснены вопросы о «русификации» скаутизма в противовес «англиканизму» и проведены штаты инструкторского состава (которые потом были изменены самим старшим русским скаутом!), что упорядочивало кадры и давало какой-то стаж. Более всего съезд упирал на создание программ, а рядовым инструкторам нужны были более всего руководства! А где их было взять?..

На съезд прибыли и старые работники по Петрограду, Репнинский, старший скаутмастер Л.Э. Мультианен-Сахаров и др. Заседания были короткими, но присутствие двух профессоров из вновь сформированного Общества Русский Скаут — сразу влило деловую окраску, и можно с уверенностью сказать, что это был самый деловой съезд. Все понимали серьезность положения. Это, да и присутствие старых работников, не дало возможности Дехтереву сказать что-либо свое (чего мы, новочеркасские инструктора, боялись больше всего!), и поэтому его молчание было весьма полезным. Заседание было очень торжественным, и открыл его начальник организации — генерал Траилин. Было прочитано приветствие Донского атамана. Выходивший на линию и толковый скаутмастер Л. Филатов порадовал всех предложенной программой на испытания, и об этом еще придется рассказать. Больше всего говорили инструктора, но говорили коротко, сжато, и у всех было сознание, что времени мало.

А относительно программ придется сказать следующее: давно были созданы программы в обеих дружинах, как в 1-й, так и во 2-й. Мало чем отличались (ведь оба старших скаутмастера были петроградцами) они одна от другой. Но условлено было, что начальник 2-й дружины, как специалист по смешанным отрядам, то есть мальчиков и девочек, создаст программу женскую, а из двух программ мужских будет выработана одна общая. Старший скаут Дона Дехтерев растягивал эту историю, и, наконец, весной 1919 года программы... вышли, но как! Видимо, ретивый борзописец решил, что это — литературное и «его» дело! На первой странице, перед испытаниями для «волчат», то есть самого младшего

возраста, стояло... посвящение (!) сыну его «дамы сердца» (замужней женщины, конечно). Всю эту историю знали все в Новочеркасске, и поэтому смех был уничтожающий. Естественно, что и гнев обоих инструкторов, положивших столько труда, был нормален и объясним... Но хуже всего было то, что программы были изданы халатно; все было перемешано и спутано. И еще хуже было то, что нужно было как-то избежать скандала, и нам пришлось употребить много усилий, чтобы замять это трагикомическое дело. Вот тогда-то Дехтерев (как «Мария Магдалина») и решил «искупить» свои грехи, обратившись с просьбой к пишущему эти строки подготовить его к скаутмастерскому званию! Было это довольно неожиданно. Потел он и уставал страшно, но... нужно сказать правду: был он учеником очень способным, да еще прибавив к этому, что пощады ему не было и жучили его страшно!

В Ростове дело начало опять налаживаться, и теперь можно было, наконец, подтянуть тамошние отряды. Кроме того, в Ростове находился О.И. Пантюхов и старший скаутмастер Мультианен-Сахаров. Прибывший на съезд Репнинский, как всегда, внес струю надежды в наши собственные силы. Яркий деятель, опытный воспитатель и пламенный патриот — он своей русскостью и дельными замечаниями представлял резкий контраст со многими. Но, как увидим скоро, было уже поздно и все усилие донских деятелей по скаутизму должно было рухнуть...

Со Съезда инструкторов и деятелей по скаутизму Юга России и до начала общего отступления на Новороссийск — отрезок времени чересчур короткий, чтобы можно было говорить о достижениях или реформах в области как технической, так и воспитательной. Тревожное положение заставляло не раз задумываться: что же будут делать скауты в случае неудачи?

Пишущему эти строки удалось при помощи одного старого офицера и вдовы расстрелянного генерала (дочери которой были в его соединении), после долгих хлопот, достигнуть разрешения на формирование Особой сотни. Конная сотня должна была формироваться из скаутов старшего возраста. Даже намечен был командир — старый и заслуженный офицер. Задерживало все до настоящего формирования положение с приводом лошадей: железная дорога была забита военными передвижениями и не было людей для привода конным порядком. Все шло слишком медленно, а молодость инструкторского состава еще раз показала свою неопытность в таких делах. Кроме того, все было облечено строжайшим секретом, чтобы не напугать родителей.

В декабре 1919 года на площади у Александровского городского сада какие-то инструктора, по большей части ученики старших классов среднеучебных заведений, занимались со вновь призванными мо-

билизованными. Картина напоминала ополченцев начала Первой мировой войны или, по Пушкину, «Капитанскую дочку»... Кони запаздывали, но говорили, что они уже в дороге. Семьи скаутов отнеслись к затее весьма холодно, да это и было понятно. Но вести, доходившие с фронта, главным образом добровольческого, были не из утешительных. Гроза повисла в воздухе!

23 декабря, проходя по Платовскому проспекту, пишущий эти строки заметил гусарские фуражки офицеров 6-го гусарского Клястицкого генерала Кульнева полка²⁶² и... поспешил узнать, в чем дело. Полк был сформирован в селе Великостском и составлял вместе с мариупольскими гусарами²⁶³ и чугуевскими уланами²⁶⁴ 1-ю Сводную кавалерийскую Донскую бригаду²⁶⁵. Проходил через Новочеркасск на Кубань, на формировку. Эта часть приняла на себя первый удар конницы Буденного, на стыке Донской и Добровольческой армий и... была разбита. Подробности были чреватые (как всегда) переходом солдат к противнику; убийствами офицеров и пр., и пр., так знакомое по Гражданской войне! Но остатки были еще хорошо сбиты, и части были нравственно крепки.

Ясно было одно со слов офицеров: начнется всеобщее отступление и терять времени никак нельзя. Быстро стоворившись с командующим полком ротмистром Франком, нужно было быстро собрать инструкторов.

К сожалению, родители даже инструкторов рассуждали по-обыкновенно: многие думали, что все еще устроится, и не собирались покидать Новочеркаска. Еще была сильна вера в победу, а спокойная жизнь в столице Дона затуманивала рассудок. К вечеру выяснилось, что согласилась идти в полк только маленькая группа инструкторов, во главе с двумя петроградцами. Было и другое. Так, братья Филатовы шли в атаманское училище, Сергей Дронов в Мариупольский гусарский полк и другие — по знакомым партизанским отрядам. К счастью, за полком вели косяк заводных лошадей, и в этом не было трудности — все сразу садились на коня!..

Не имея возможности рассказать про проводы и уход, так как наше описание и так растянулось, скажем только, что была и поучительная картина. Известно, что на Юге России босяки и всякие отбросы вообще представляли собой во всех местах как бы «альбатросов или чаек» прихода большевиков. Полковая колонна по три с песенниками впереди спускается к Железнодорожной улице. На одном из углов, на пригорке пустыря, откуда-то появляется обыкновенный мальчишка, оборванный и грязный. Он без шапки, и на лице у него написано безграничное удивление. Песенники прекратили пение. В колонне тишина. И вдруг...

— Тю-ю-ю! — протяжно и громко кричит маленький босяк. — К. и П. драпают! — Но каким тоном это было выкрикнуто — этого и через столетие забыть невозможно! Нужно было иметь силу воли, чтоб не проучить нахала...

Тяжело было на душе у донских инструкторов! Но еще тяжелее было тем скаутам, которые уже в последний момент, с голыми коленями и совсем налегке, уходили пешком из Новочеркаска — жертвы легкомыслия своих же родителей! Исход был действительно трагическим!

Никого не приходится винить. Все случилось чересчур быстро и неожиданно. Были и другие трагические случаи. Вот один из них.

Уже ушли все пароходы с рейда Новороссийска. От цементного завода наверху пулеметы поливают толпы сбившихся военных на Восточном молау. Французский миноносец быстро отходит от мола, забрав последних гусар Клястицкого полка. Уже пустил себе пулю в лоб (из винтовки) чернецовец Конной сотни Люся Горбачев. Один молодой, почти мальчик, узнает на борту отходящего миноносца... своего скаутмастера. Моментальная радость не может затмить тоскливого выражения глаз... Он кричит:

— Скажи правду — будут еще пароходы?

— Нет! — И скаутмастер отрицательно качает головой...

Юноша быстро садится и снимает сапог с носком. Как решительны его движения! Кажется, что он спешит... Встав и с тоской посмотрев вслед уходящему миноносцу — он приставляет дуло винтовки к груди и большим пальцем правой ступни нажимает на спуск. Среди стрельбы и криков ничего не разберешь. Наверно, и этот выстрел проходит незаметно. Его тело лежит, а голова свесилась с мола...

Чьи-то руки обхватывают пишущего эти строки, и он поворачивается. Какой-то старичок полковник в полушубке обнимает его и плачет. Он — тифозный и все видел, а нервы не выдержали. Мягко работают турбины судна.

Но не только были ужасные случаи. Много было радостных встреч и воспоминаний. До Галлиполи дошли только два донских инструктора. Часть донских инструкторов заплатила своей жизнью за любовь к Родине. Часть осталась жить под игом ненавистным — один из резоннов, почему не даются ни фамилии, ни имена большинства. За границей уже были попытки создания казачьих отрядов, но по понятным причинам из этого ничего не вышло. Еще раз нам остается склонить головы перед памятью ушедших!

Да позволено мне будет сказать последнее слово если не по старшинству, то по моей деятельности в донском скаутизме! Чем же особенно выделился донской скаутизм — разведчество в России? Этот

вопрос занимал многих деятелей, и особенно то, что именно петроградские инструктора имели наибольший успех и результаты своей работы на Дону. Звучит парадоксально, что именно самая «инглезированная» организация (а она и была такой в Петрограде!) нашла отклик в казачьих сердцах, и чаяния ее инструкторов были созвучны казачьей молодежи! Не случайно донские и дети, и юношество стремились к Добру! И этому масса примеров за границей!

Самое же главное вот в чем: казаки, и только казаки, с их домашним Православным и чисто Русским обиходом, научили и повлияли на своих же русских инструкторов, доказав на практике, что нам брать пример не с кого! Памятны еще случаи и примеры всевозможных навыков, упражнений, маневров и пр., которыми была полна жизнь донских скаутов.

П. Матвеев

РЕЙД ГЕНЕРАЛА МАМОНТОВА²⁶⁶

Кавалерийский набег, или, как говорят, рейд генерала Мамонтова, по праву займет первое место среди других рейдов русской конницы, уже занесенных на страницы военной истории. Из этих рейдов наиболее крупными являются набег партизанского отряда Чернышева на Кассель, столицу Вестфалии, в 1813 году и набег Мищенко на Инкоу в Русско-японскую войну. Но оба этих рейда как-то бледнеют перед набегом донцов Мамонтова на центральные губернии советской России.

Широкий размах и талантливое выполнение задуманного на огромной площади в глубоком тылу противника и сильное влияние на общий ход военных событий — вот отличительные особенности рейда донцов Мамонтова, особенности, по которым этот набег при более тщательном исследовании является образцом величайшей доблести казачьей среди всей мировой конницы.

Рейд генерала Мамонтова начался в 11 часов утра 22 июля 1919 года наступлением на участке Бутурлиновка—Ново-Архангельское—Васильевка. Красный фронт в этом месте был прорван, и вся масса конницы — до 15 донских полков — ринулась в прорыв. 24 июля донские полки были уже в с. Чаглы, где генерал Мамонтов отдал приказ идти на север.

После утомительного перехода под проливным дождем корпус Мамонтова 27 июля прибыл в Еланское Колено. Здесь решено было отправить обозы в тыл и двинуться дальше налегке.

28 июля отряд отправился дальше и на другой день уже вступил в окрестности Тамбова. Рядом удачных нападений на окружающие Тамбов села и железнодорожные станции казаки нанесли большевикам серьезный урон. Так, на ст. Терновая ими было взято в плен 4000 красноармейцев; на ст. Есипово — захватили несколько поездных составов с обмундированием, патронами, автомобилями, сахаром, солью и др. Все это было предано огню.

5 августа красные пытались было дать казакам бой в районе села Арапова, но потерпели полное поражение: казаки-мамонтовцы снова взяли 8000 пленных и богатую добычу. Путь к Тамбову был открыт, и 7 августа, после небольшого боя, город был занят.

Огромная добыча, захваченная в Тамбове, была по приказанию Мамонтова роздана окрестному населению. С этого момента симпатии крестьян Тамбовской губернии обратились к генералу Мамонтову и его казакам. Раньше крестьяне думали, что Мамонтов — это «царский генерал», защищающий интересы буржуев. Теперь они воочию убедились в противном. Поняли это и большевики. В газетах стали появляться статьи о том, что генерал Мамонтов «левый генерал», идущий навстречу нуждам крестьянства. Тогда большевики решили, что надо сразу покончить с ним и не дать ему возможности привлечь на свою сторону все население советской России.

А генерал Мамонтов среди потерявшихся комиссаров продолжал свое победное шествие на север. 9 августа он выступил с корпусом из Тамбова по направлению к Козлову, где, по имевшимся сведениям, также находились большие склады разных припасов. А за ним шли сотни крестьянских баб с мешками и ведрами, в надежде получить хоть немного соли.

Несмотря на то что Троцкий издавал декрет за декретом о поимке и уничтожении «зарвавшихся казаков», последние беспрепятственно докатились до Козлова, где, выдержав двухдневный бой, захватили город. В Козлове едва не был захвачен сам Троцкий и главковерх Егорьев. Население восторженно приветствовало казаков-освободителей, которым подносило цветы и хлеб-соль.

Из Козлова корпус Мамонтова вынужден был идти на юг, к фронту, где создавшееся положение требовало присутствия конницы.

На пути следования был город Елец. Он был взят скоро, без особых усилий со стороны казаков. Добыча в Ельце не поддавалась учету. Часть ее, по обыкновению, была роздана населению, другая сожжена.

После Ельца корпус тронулся по направлению к Воронежу. Во время этого похода Троцким была разбросана такая прокламация: «Кавалеристы корпуса генерала Мамонтова! Вы прорвали фронт Красной

армии, оторвались от своих частей и теперь скитаетесь в нашем тылу без надежды на возвращение, так как раскрытые вами ворота теперь крепко заколочены нашими войсками. Вы теперь обречены на гибель! Поэтому, сожалея вас, я именем советской республики предлагаю вам выдать генерала Мамонтова и его офицеров и с повинной головой явиться ко мне. За это я обещаю и гарантирую вам полную безнаказанность и прощение. Вы сможете тогда или вступить в Красную армию, или идти домой. *Предреввоенсовета Л. Троцкий*».

Казаки смеялись, читая воззвание Троцкого, и продолжали наносить красным поражение за поражением. 29 августа был взят Воронеж, после чего корпус генерала Мамонтова, усилившийся Тульской пехотной дивизией, сформированной из добровольцев, вошел в ряды Донской армии.

Значение рейда генерала Мамонтова чрезвычайно велико, не говоря уже о том, что казаками-мамонтовцами были разрушены советские склады запасов Южного фронта, казаки вдохнули в уставшее от большевистского владычества население надежду на скорое освобождение.

Вот некоторые цифры рейда Мамонтова. Распущено по домам свыше 100 тысяч мобилизованных комиссарами крестьян; захвачено 60 миллионов рублей; взорваны или розданы населению громадные склады оружия, обмундирования и продуктов. За все время рейда с 22 июля по 8 сентября с боями пройдено 2040 верст, что равняется 40—45 верстам ежедневно. До Москвы генералу Мамонтову оставалось пройти 260—270 верст.

Вот краткое описание знаменитого рейда генерала Мамонтова, приковавшего к себе взоры современников и до последнего времени не имевшего еще себе равного.

*Н. Скрябин*²⁶⁷

МАМОНТОВСКИЙ РЕЙД²⁶⁸

Исторический рейд 4-го Донского конного корпуса под командованием генерала К.К. Мамонтова по тылам Красной армии летом 1919 года создал этому генералу неувядаемую славу. Мы оставляем в стороне вопрос, почему этот блестяще проведенный рейд не завершился занятием «белыми» Москвы, так как целью настоящей статьи является лишь описание знаменитого рейда в связи с исполнившимся в этом году (2 (15) февраля) 45-летием кончины доблестного генерала.

Генерал-лейтенант Константин Константинович Мамонтов родился 17 октября 1869 года в имении Псковской губернии. Окончил в Петербурге кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, откуда вышел в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Принимал участие в Русско-японской войне в отряде генерала Мищенко, а по окончании войны был приписан к Донскому казачьему войску, в рядах которого и прошла вся его дальнейшая боевая служба.

Будучи командиром 4-го конного корпуса Донской армии, сражавшейся с большевиками, он получил 12 (25) июля 1919 года от командующего армией, генерала Сидорина, директиву: прорвать фронт большевиков между городом Новохоперском и Таловой; оказать содействие 3-му Донскому корпусу в ликвидации Таловской группы красных и, направляясь в глубокий тыл, овладеть городом Козловом, где находился штаб Южного советского фронта.

Вечером 27 июля (9 августа) генерал Мамонтов двинул свой корпус на север и к 12 часам 28 июля (10 августа) сосредоточил его в Еланском Колене. В этот же день был уничтожен 358-й пехотный полк 40-й советской дивизии, наступавший со стороны Макарова. Свыше 500 красноармейцев было взято в плен. На рассвете 29 июля (11 августа) были разбиты 359-й и 360-й полки этой же дивизии, фронт прорван и взято Макарово. 30 июля (12 августа) части генерала Мамонтова, перерезав железнодорожную линию Грязи—Борисоглебск, заняли ст. Терновку, где захватили свыше 3000 пленных и около 250 вагонов с амуницией.

Необходимо отметить, что с самого начала рейда красное командование приняло меры для противодействия прорыву, не давшие, однако, желаемых результатов. В стане «красных» началась паника. Командующий Южным советским фронтом так сообщал в приказе командующему Особой ударной группой в составе 9-й и 10-й советских армий Шорину (полковник Генерального штаба): «Конные части генерала Мамонтова, прорвавшись на стыке 8-й и 9-й армий, продолжают распространяться в глубь расположения армий фронта, в направлении Тамбов—Грязи... Правый фланг 9-й армии пришел в расстройство...»

Хотя в это время связь генерала Мамонтова со штабом Донской армии оборвалась и поддерживалась очень нерегулярно, генерал успешно продолжал свою операцию. Продвинувшись на 100 с лишним верст за четыре дня, он 30 июля (12 августа) сосредоточил свой корпус в районе Туголуков—Тандинцево. Прервав железнодорожное сообщение по линиям Грязи—Борисоглебск и Тамбов—Балашов, генерал Мамонтов двинулся к главной базе Южного фронта — Тамбову. 5 (18) авгу-

ста мамонтовцы ворвались в город. Выполняя задачу расстройтва тылов противника, части генерала Мамонтова пробыли в Тамбове три дня, распустив по домам около 15 тысяч мобилизованных, взорвав мост через реку Цну, разгромив военные склады и раздав населению запасы продовольствия.

✓ В районе Тамбова 7 (20) августа была уничтожена крупная артиллерийская база красных, а также взята в плен Тульская пехотная дивизия. Многие из числа красноармейцев этой дивизии согласились служить под белыми знаменами и составили особый отряд, сохранивший старое название «Тульская дивизия», остальные были распущены по домам. Дравшиеся прекрасно в рядах белых «тульцы» по возвращении на Дон были влиты в пеший Георгиевский Гундоровский полк Донской армии. Среди них находился и Сергей Жаров²⁶⁹, ныне всемирно известный дирижер Донского казачьего хора.

✂
✓ На следующий же день после занятия Тамбова передовые части 4-го корпуса повели наступление на город Козлов, который был взят 9 (22) августа. Штаб Южного советского фронта бежал в город Орел, бросив в Козлове интендантскую базу и огромные артиллерийские и санитарные склады.

✓ Пребывание генерала Мамонтова в тылу красных принимало все более и более угрожающие размеры и вызывало тревогу и панику в Москве. Сам Троцкий, находившийся в районе прорыва, чтобы не попасть в плен, вынужден был бежать из своего поезда, который был захвачен казаками. Его истерические воззвания против мамонтовцев призывали «истреблять их на месте, уничтожать, как бешеных собак».

✓ 10 (23) августа Реввоенсовет республики возложил на товарища Лашкевича ликвидацию Мамонтовского рейда, причем был объявлен на военном положении целый ряд центральных губерний.

✓ 12 (25) августа, оставив в Козлове небольшой отряд, 4-й корпус главными силами двинулся в направлении на город Лебедянь, который был взят 15 (28) августа. Со взятием этого города корпус Мамонтова занял огромный район, имея главные силы в центре треугольника Лебедянь—Козлов—Липецк. В ночь на 19 августа (1 сентября) частями корпуса был занят город Елец. Здесь были захвачены два бронепоезда, броневики и богатая военная добыча. В районе Ельца корпус находился до 22 августа (4 сентября). До Москвы оставалось около 350 верст, и возможность занятия Мамонтовым красной столицы очень тревожила советскую власть.

✓ Утром 22 августа (4 сентября) корпус Мамонтова из района Ельца двинулся тремя колоннами в направлении города Воронежа. Средняя

колонна утром 23 августа (5 сентября) разрушила железнодорожные пути Воронеж—Грязи и Грязи—Липецк. Правая колонна на следующий день, после жаркого боя, заняла узловую станцию Касторная, а левая — Грязи. В день занятия этих двух станций командующим Донской армией было послано генералу Мамонтову категорическое распоряжение повернуть на юг для осуществления намеченного плана уничтожения 8-й советской армии.

25 августа (7 сентября) части 4-го корпуса заняли город Усмань, а 29 августа (11 сентября) ворвались в город Воронеж, где оставались только один день, так как предстоял последний и трудный этап прорыва через красный фронт для соединения со своими. От Воронежа 4-й корпус двинулся на юг и юго-запад, причем его главные силы переправились с восточного на западный берег Дона в районе с. Давыдовка и ударили по 16-й советской стрелковой дивизии, против которой с юго-запада дрались кубанцы (1-я Кавказская казачья дивизия). Встреча с ними произошла 5 (18) сентября в районе с. Репьевка (на запад от города Коротояка), а 8 (21) сентября части Мамонтова установили связь с частями 3-го Донского корпуса. Эту дату и надо считать окончанием Мамонтовского рейда.

Интересно привести оценку рейда Мамонтова противником. Бывший командующий Южным советским фронтом А.И. Егоров (полковник Генерального штаба Императорской армии) говорит: «Надо быть откровенным, что рейд Мамонтова с первых же дней имел много ярких доказательств правильности расчета, а именно: 1) рейд производился в достаточной связи с основными операциями фронта, имевшими задание сорвать готовящееся наступление Красной армии и облегчить успех своего наступления; 2) за все время рейда генерал Мамонтов отвлек на себя с фронта и тыла пять стрелковых дивизий, одну стрелковую бригаду, пять полков коммунаров, Тамбовские пехотные курсы, многочисленные местные формирования и отряды, бронепоезда и бронелетучки; 3) коренным образом нарушил управление Южным фронтом, заставил метаться штаб Южного фронта между Козловом и Орлом; 4) основательно разрушил железнодорожную сеть; 5) уничтожил базы и склады Южного фронта, нанеся тяжелый удар всему снабжению и пополнению фронта».

Генерал Деникин в своих «Очерках Русской смуты» также признает заслугу генерала Мамонтова. Он пишет: «Будем справедливыми: Мамонтов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами».

ДЕЙСТВИЕ 2-ГО ДОНСКОГО ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА С НАЧАЛОМ МАМОНТОВСКОГО РЕЙДА²⁷⁰

К 28 июля (стар. ст.) 1919 года, после двухнедельных боев на всем фронте 3-го Донского отдельного корпуса, было остановлено наступление IX красной армии, закончившееся поражением 36-й советской дивизии, потерявшей у Поворина 1200 пленных, 50 пулеметов и одно орудие.

Обстоятельство это совпало с началом Мамонтовского рейда. Конный корпус генерала Мамонтова (9-я и 10-я Донские конные дивизии), во исполнение поставленной ему задачи — прорвать фронт противника между Борисоглебском и Боровым и, разрушив тылы красных, способствовать быстрейшему движению армии, — к середине июля был перебросен с Царицынского фронта в район Урюпинская—Алексиково—Филиново для подготовки к рейду и реорганизации.

Закончив таковую в 20-х числах июля, конница генерала Мамонтова переправилась через реку Хопер в районе Урюпинская—Добринская и 22 июля, перейдя в наступление, после упорного боя выбила противника из района Васильевки и преследовала от Печерской на северо-восток и от Колодеева на север, остановившись на ночлег в районе Печерско-Козловские выселки—Терехов—Макаганов.

23 июля продолжалось преследование противника с целью захвата участка железной дороги Абрамовка—Таловая.

24 июля части генерала Мамонтова заняли станцию Таловая (12-я Конная бригада²⁷¹), Александровский поселок (10-я дивизия) и Новую Гиглу, и корпус вел бой во все стороны, разбив противника и захватив богатые трофеи, в том числе штаб 40-й дивизии.

25 июля, с утра, 12-я конная бригада и 10-я дивизия, при поддержке броневиков, отбили наступление двух полков пехоты от Таловой на Александровский поселок. В 14 часов 9-я дивизия снова отбила наступление пехоты от Таловой, принудив ее к бегству на Еланское Колено.

28 июля конница генерала Мамонтова сосредоточилась в районе Абрамовка—Колено, а 28 июля, обрушившись на 357-й и 358-й полки 40-й дивизии красных, входивших в VIII армию, прорвала красный фронт на протяжении 20 верст на участке от станции Колено до устья реки Савалы и заняла район с. Макарово, откуда затем двинулась дальше, в общем направлении на город Тамбов.

Выделенный генералом Мамонтовым отряд захватил станцию Сампур, разрушив в ее районе железную дорогу и мосты. Причем зани-

мавший станцию 57-й батальон советской дивизии, подходившей из Кирсанова, разбежался, не оказав сопротивления. Высланная же для преграждения пути коннице Мамонтова на Тамбов кавалерийская бригада 36-й дивизии была наголову разбита бригадой генерала Постовского у деревни Сукманики и рассеялась по всему району.

Обстановка, создавшаяся в районе прорыва, по самому смыслу поставленной перед генералом Мамонтовым задачи «способствовать быстрейшему продвижению Красной армии», требовала немедленных активных действий с нашей стороны, пока красные не затянули ворота прорыва, и фланги VIII и IX советских армий оставались открытыми. Частями 2-го Донского отдельного корпуса таковые и были начаты на Новохоперском и Борисоглебском направлениях.

Пользуясь расстройством правого фланга IX красной армии, Сводно-партизанская дивизия²⁷² должна была бросить красных к северо-востоку от Борисоглебска и совместно с 7-й дивизией²⁷³ продолжать наступление, содействуя овладению последней городом Балашовом, действия осложнялись тем, что фланговая (36-я) дивизия противника была прикрыта с юга рекой Хопром, а с запада сплошной полоской леса, что требовало от атакующего предварительного маневра и давало противнику возможность выиграть время. Кроме того, подготавливая общее наступление Приволжской группы (VIII, IX и X красных армий), красные располагали значительными резервами в ближайшем тылу, в то время как воинское командование, ослабив армию выделением конного корпуса генерала Мамонтова для производства рейда, не могло усилить своих корпусов.

По первоначальному плану, как пишет Шолохов в своем романе «Тихий Дон» (да были в то время подобные же слухи и у нас), предполагалось направить рейд по красным тылам, кроме корпуса генерала Мамонтова, еще и конный корпус генерала Коновалова. Эта конная масса должна была нанести сокрушительный удар во фланг и тыл центральным красным армиям, а затем форсированным маршем двигаться в глубь России и, пополняя силы за счет антисоветских слоев населения, продолжать движение на Москву.

По поводу этого нужно сказать, что никакого конного корпуса генерала Коновалова в то время не существовало. Но в состав двух дивизий 2-го Донского отдельного корпуса, Сводно-Партизанской и 7-й, которыми командовал генерал Коновалов, входили три отдельные конные бригады: 4-я (полковник Авчинников), 5-я (полковник Сальников) и 6-я (полковник Позднышев) — в общей сложности девять конных полков при шести конных батареях. Они лишь позже были сведены в конную группу, в которую одно время входила и 14-я кон-

ная бригада полковника Голубинцева, переименованную затем в 4-ю Донскую конную дивизию. Включение этой конницы в состав корпуса генерала Мамонтова усилило бы Донскую армию вообще и 2-й Донской корпус в частности, поэтому вполне понятно, почему от этого плана отказались.

В таких условиях началось наступление 2-го корпуса, и в первую очередь Сводно-партизанской дивизии, как непосредственно находившейся против правого фланга IX армии.

* * *

Как только конница генерала Мамонтова прорвала красный фронт, 4-я конная бригада (19-й, 20-й и 24-й полки, 14-я и 18-я конные батареи) выступила из с. Калмык и 29 июля (стар. ст.) заняла город Новохоперск и с. Красненькое. Разведка выяснила, что Алферовка и Таволжанка заняты противником. Одновременно началось давление пехоты Сводно-партизанской дивизии от Поворина на Борисоглебск.

На Балашовском направлении, за исключением небольших столкновений частей 6-й конной бригады (25-й, 26-й и 27-й конные полки, 22-я и 24-я конные батареи) с конницей противника в районе с. Николаевка, было спокойно, и 7-я дивизия тоже готовилась к переходу в наступление.

30 июля части 4-й конной бригады заняли с. Алферовка, а 31-го бригада двинулась из района Новохоперска двумя колоннами: левая — 20-й полк с 14-й батареей через Красненькое и Троицкое на с. Макарово и правая — прочие части бригады по большой Тамбовской дороге на монастырь и далее в район В. Карачана.

К вечеру, не встретив сопротивления, 20-й полк занял с. Макарово. Растрепанные генералом Мамонтовым, красные части мелкими партиями укрывались в лесах и балках, совершая короткие налеты на населенные пункты для добычи продовольствия, и на следующий день, во время дневки, ему бдительно пришлось охранять окраины этой большой слободы, в которую к вечеру стали возвращаться из-под станции Терновка отпущенные частями генерала Мамонтова обывательские подводы. В тот же день части Сводно-партизанской дивизии заняли город Борисоглебск и наши бронепоезда дошли до ст. Волконская. Красные отходили на север.

1 августа конница 3-й Добровольческой бригады²⁷⁴ заняла Петровское и Чигорак и наступала на Б. Грибановку. Пешие части 3-й бригады перешли из хутора Уваровского в Жуликовку. Бронепоезда вели бой с двумя бронепоездами противника между станциями Волконская и Тер-

новка. Вероятно увлекшись боем, эти два бронепоезда красных были отрезаны конницей генерала Мамонтова.

2 августа с утра красные повели наступление и заняли было В. Карачан и Б. Грибановку, но после короткого боя были отброшены к северу от Карачана 20-м полком, подошедшим из Макарова, а другими частями 4-й конной бригады выбиты из Грибановки. Сам факт наступления показывал, что красные, после первых дней растерянности, стали оправляться и, располагая значительными резервами, принимали меры противодействия нашему продвижению. К северо-востоку от Борисоглебска им удалось занять Чигорак. 3-я Добровольческая бригада, наступая из Петровского на Танцырей, к вечеру заняла Танцырей, Третьяки и Тюковку.

7-я дивизия, перейдя в наступление на Балашов от Самодуровки и Чуравского, была встречена сильным огнем с укрепленной линии Кардаил—Пески, но при появлении танков противник бежал в направлении на Балашов и через Хопер на Третьяки. Средние танки вошли в Пески и рассеяли красных. Два отряда легких танков, наступавших с конницей правее, обратили красных в бегство одним своим видом. К вечеру 2 августа части 7-й дивизии заняли: 6-я конная бригада — хутор Тюковский, 5-я — пластунская²⁷⁵ — станцию Байчурово и 5-я конная — Горелки.

На 3 августа было приказано проследовать: 6-й конной — через Кисленькие Выселки на Ковалевку на Елани, 5-й конной — через Родники на Красное на Елани и 5-й пластунской — вдоль железной дороги до Тростянки—Старохоперская. К сожалению, танки, оказавшие большое содействие наступлению, в тот же вечер были погружены на разъезде Мазурки и отправлены на Царицын. 1-я Партизанская бригада²⁷⁶, находившаяся на отдыхе в резерве, сосредоточилась у станции Алексиково для перехода в Рождественское. 1-я Пластунская бригада²⁷⁷ начала сосредоточение в Ярыженской.

День 3 августа ознаменовался серьезными и согласованными мерами противодействия частей IX красной армии нашему продвижению на всем фронте корпуса. Севернее Борисоглебска 4-я конная бригада, наступая от Б. Грибановки на М. Грибановку, встретила у последней сопротивление бригады красной пехоты при двух батареях и после безрезультатного боя отошла на ночлег в Б. Грибановку. Далее на восток красные с севера повели наступление на правом берегу Хопра от Губари на Тюковку, но были отбиты 3-й Добровольческой бригадой, пешие части которой ночевали в районе Третьяки, а конница в Селаме и Тюковке.

На Балашовском направлении 5-я Пластунская и 5-я конная бригады вели бой у станции Родничок, где противник, взорвав мост, по-

мешал продвижению наших бронепоездов. После боя 5-я Пластунская бригада отошла к востоку от Бойчурова.

6-я конная бригада при преследовании заняла хутор Макшеевский и Кисленькие Выселки, захватив 230 пленных, канцелярию 204-го полка (23-й дивизии) и 160 повозок, но два конных полка глубоко обошли ее правый фланг через село Купава и заняли Николаевку. Для ликвидации прорыва был направлен один батальон 1-й Пластунской бригады из Ярыженской, а затем 5-я конная бригада, перейдя в Кардаил совместно с 6-й бригадой, отбросила противника.

4 августа северо-западнее Новохоперска красные заняли село Красненькое и станцию Некрылово и туда был отправлен второй бронепоезд. Севернее Борисоглебска, в районе Б. Грибановки, день прошел спокойно. Красные оставались на занимаемых ими позициях у М. Грибановки. 5-я конная бригада занимала Б. Грибановку, с дивизионом в Красновке и сотней на станции Волконская для обеспечения бронепоезда, двинувшегося к ст. Терновка, где разведка обнаружила два взорванных бронепоезда, отрезанных конницей генерала Мамонтова. Бронепоезд «Атаман Каледин» вывез 4000 снарядов и бронеплощадку. Туземный дивизион Сводно-Партизанской дивизии боем занял Чигорак и Воганы. На Балашовском направлении противник, сосредоточив 4 августа крупные силы против правого фланга 2-го корпуса, глубоким обходом справа вынудил 7-ю дивизию отойти к ночи на линию Кардаилский—Николаевка. 6-я конная бригада, окруженная в районе Тюковского, пробилась и ночевала в районе хутора Кардаилского. 5-я конная и 5-я Пластунская бригады ночевали в районе Никольского. Штаб 7-й дивизии на станции Кардаил.

5 августа красные продолжали начатое накануне наступление на всем фронте. Севернее Борисоглебска 4-я конная бригада вела упорный бой с пехотой противника, наступавшей с северо-востока на Б. Грибановку. Упершись левым флангом в дремучий Борисоглебский лес и прикрытые на правом фланге трудно проходимыми для конницы оврагами, красные медленно, но упорно продвигались вперед, и временами бой достигал большого напряжения. К вечеру сосредоточенным огнем 4-го Донского конно-артиллерийского дивизиона, обильно снабженного снарядами из числа захваченных на ст. Терновка, и ружейным и пулеметным огнем спешенных полков наступление противника было отбито, и Б. Грибановка нами удержана. 1-я Партизанская бригада подошла к Борисоглебску и на следующий день должна была атаковать противника у Чигорак—Воганы. 5-я Пластунская бригада до вечера вела бой в районе Никольского, откуда отбросила

противника на восток при поддержке бронепоездов. 5-я и 6-я конные бригады сдерживали противника в районе хутора Кардаилского.

6 августа красные возобновили наступление на Б. Грибановку, и у северо-восточной окраины ее с раннего утра начался упорный бой. Из Борисоглебска по железной дороге прибыл небольшой отряд партизанской пехоты и начал выгружаться на станции. В этот момент, высланный на рассвете в глубокий обход правого фланга противника, 20-й Вешенский полк, закончив маневр, атаковал красных в конном строю. Наступление противника резко оборвалось, и все резервы спешно стали перебрасываться на правый фланг. Воспользовавшись замешательством и перейдя в решительную контратаку, 4-я конная бригада разбила противника, в беспорядке бежавшего на М. Алабухи, захватив пленных и один зарядный ящик, подбитый огнем 14-й батареи.

После боя, пройдя М. Грибановку, 4-я конная бригада остановилась на ночлег в Вогано. 1-я Партизанская бригада с Туземным дивизионом выбила красных из Чигорака. 5-я Пластунская бригада, при поддержке двух танков и трех бронепоездов, отбросила красных к северо-востоку от Никольского, где противник оказал упорное сопротивление, при поддержке бронепоезда. Ввиду глубокого охвата левого фланга от Третьяков и занятия красными Песков, 5-я Пластунская бригада к вечеру отошла южнее Песков. 3-я Добровольческая бригада была выведена из боя и направлена в с. Рождественское.

7 августа красные, ведя наступление со стороны ст. Кардаил, заняли Самодуровку и продолжали наступление на Поворино и Алексиково, где с ними вели бой наши бронепоезда. Станция Поворино была спешно эвакуирована и в тот же день занята противником, что ставило в трудное положение части Сводно-партизанской дивизии в районе Борисоглебска. Возможное продвижение красных вдоль линии железной дороги на Новохоперск отрезало бы последним пути отхода.

Для облегчения положения в районе Поворина 8 августа нами был произведен удар по сообщениям красных, действовавших в районе Петровское—Пески—Самородовка, успешно выполненный 4-й конной бригадой.

Оставив в М. Грибановке 19-й полк с двумя орудиями 18-й батареи, прочие части бригады выступили из района Чигорак—Вогана и вышли в ближайший тыл противника у Танцыря Третьяки, перерезав сообщение красных с их обозами и штабами. Одна сотня с подрывниками была выслана для взрыва железнодорожного виадука на линии Поворино—Балашов между станциями Кардаил и Байчурово. Впереди ее, пересекая долину реки Хопер, длинной лентой уходили спугнутые нами обозы, преследованием которых командиру сотни

приказано было не увлекаться, а поскорее выполнять возложенную на него задачу.

Ожидая возвращения подрывников, бригада остановилась на дороге из Танцырея в Селама, имея на позиции обе батареи, и стала перехватывать донесения красных. Некоторые ординарцы подъезжали к самому штабу бригады, не отдавая себе отчета, и, только увидев погони, в изумлении таращили глаза, беспрекословно сдавая пакеты. Не обошлось без курьезов... На одном пакете стояла надпись «Срочно, секретно, оперативно, в собственные руки». Быстро вскрыли, прочли и... рассмеялись. Содержание было следующее: «Ваня, милый, пришли, пожалуйста, бутылку спирту, страшно хочется выпить». Начальник артиллерии красных, приняв нашу артиллерию за свою, прислал ординарца ко мне на батарею передать, что та стреляет «по своим».

Вскоре, однако, находившийся за лесом вправо на юго-запад в сторону Танцырея, заслон из двух сотен 20-го полка с одним орудием 14-й батареи был атакован двумя полками красной конницы и стал быстро отходить на бригаду, а за ним из-за выступа леса, на расстоянии одной-полутора верст от штаба бригады и стоявших на позиции батарей, появилась несущаяся в атаку красная лава.

Повернув хоботы налево кругом, 14-я и 18-я батареи открыли беглый огонь по атакующей коннице, 20-й, а затем и 24-й полки, стоявшие ближе к противнику, прямо из резервной колонны бросились в конную атаку. Момент был напряженный и захватывающий, когда обе лавы сошлись и вдруг часто заиграли, под лучами заходящего солнца, взблески шашек. Замолкли стальные жерла орудий... молчали и люди... все взоры устремились туда, где, полная жуткой красоты, разыгрывалась волнующая, как на экране кинематографа, но подлинная батальная картина.

Минута... и шедшие уступом сотни вешенцев, выиграв фланг противника, ударили на него с пиками, склоненными к бою. Метнулись кони без всадников, пронзенных этим страшным оружием, заколебались ряды, и как-то сразу красная лава расстроилась, дрогнула и, словно по команде, неудержимо понеслась назад. Преследуя ее, доблестные вешенцы и калиновцы налетели на подходившую сзади пехоту и, атаковав, разгромили последнюю, захватив 600 пленных и 10 пулеметов. Наступившая вскоре темнота позволила артиллерии красных уйти за Хопер на Пески.

Сотня с подрывниками, выполнив задачу и взорвав железнодорожный путь на линии Поворино—Балашов, благополучно возвратилась к бригаде, и последняя, переночсвав на месте боя в открытом поле, с рассветом двинулась на Борисоглебск.

Действия 4-й конной бригады, оттянувшей на себя часть сил и несшей им поражение, ослабили давление противника в районе Поворино—Дупляцкий, где наступление красных 8 августа было сдержано 5-й Пластунской бригадой при поддержке бронепоездов. Наступавшая же от Николаевки пехота была отброшена контратакой 5-й конной бригады (21-й, 22-й полки, 21-я и 23-я конные батареи).

Хуже обстояло дело в районе Борисоглебка, где противник внезапным налетом захватил временно город, при этом погиб оставшийся там наш бронепоезд «Атаман Каледин»²⁷⁸. Одновременно под давлением противника наша сотня оставила город Новохоперск и отошла на ст. Половцево. Выдвинутое положение частей Сводно-партизанской дивизии, с занятием станции Поворино, становилось опасным, и им в тот же день приказано было отойти за Хопер.

9 августа 4-я конная бригада двинулась от Танцыря на Борисоглебск, отбила часть захваченных красными в плен партизан, от которых узнала обстановку. Вдоль дороги то и дело попадались пущенные по ветру бумаги из канцелярии Туземного дивизиона. Приняв все меры предосторожности, бригада продолжала движение и, отбросив красных, после полудня заняла город, где оставалась часа два, сняв снаряды с бронепоезда «Атаман Каледин» и остатки запасов из полуразграбленного интендантства, находившегося в вагонах на станции, после чего двинулась на деревню Ульяновку, где соединилась с частями 1-й Партизанской (чернецовцы, семилетовцы) бригады. По оставлению города последний был немедленно занят красными, открывшими по уже удалившейся колонне артиллерийский огонь.

К вечеру этого дня части Сводно-партизанской дивизии сосредоточились: 1-я Партизанская бригада в деревне Ульяновке, 3-я Добровольческая бригада — на разъезде Поляна и 4-я конная в с. Калмык. Последняя, после двух недель боев, замкнула круг, описанный ею вокруг Борисоглебска, вернувшись в исходный пункт. На участке 7-й дивизии 5-я и 6-я конные бригады отбили наступление противника от Николаевки, причем 5-я конная бригада захватила в районе Б. Кардаилского 200 пленных и 50 подвод с патронами и снарядами.

С отходом Сводно-партизанской дивизии от Борисоглебска все тактические успехи 2-го Донского Отдельного корпуса, достигнутые в связи с прорывом конницы генерала Мамонтова, были сведены на нет, и противник продолжал наступление, все глубже охватывая правый фланг корпуса. 6-я конная бригада, направленная в тыл конного противника, занявшая станицу Преображенскую и ночевавшая на 10 августа в хуторе Зубриловском, была на следующий день атакована конницей по пути в Раменскую и отошла на юго-запад. С тяжелыми боями части

2-го корпуса отошли к середине августа от железной дороги на правый берег Хопра, здесь, перегруппировавшись, не только остановили наступление противника, но и отбросили его на левый берег Хопра.

В боях на Хопре с 24 августа по 9 сентября части 2-го Донского отдельного корпуса, главным образом конная группа из трех бригад — 4, 5 и 6-й, своими действиями заслужившая широкую известность под названием «Конницы генерала Коновалова», одержали ряд блестящих успехов, захватив 1500 пленных, 11 орудий и 70 пулеметов.

Успехи эти тем более показательны, когда оцениваешь силы обеих сторон. Против двух дивизий 2-го Донского отдельного корпуса (Сводно-партизанской и 7-й), в составе 5 пеших и 3 конных бригад при 10 легких и 6 конных батареях, действовали: 14, 22, 23 и 36-я стрелковые дивизии, бригада Б. Казанского Укрепленного Района, составлявшая резерв конницы Буденного, и конная группа Блинова. Имея в виду организацию красной дивизии — бригады трехполкового состава при трех легких батареях на каждую бригаду, противник имел по крайней мере двойное превосходство в силах. Это доказывает количество взятых нами пленных в боях при Хопре.

Несколько позже, 1 октября, на левом берегу Дона конная группа генерала Коновалова наголову разбила и совершенно уничтожила 14-ю советскую стрелковую дивизию в районе Старая и Новая Криуша, Скрыпниково, Солонка, Круглый. Один только 24-й Калиновский полк при преследовании Круглого захватил 24 орудия.

Операции конницы 2-го Донского отдельного корпуса в сентябре и октябре 1919 года, вписавшей одну из славных страниц в историю вооруженной борьбы на Дону, заслуживают особого очерка.

Б. Турчанинов

СЛАВА И ПАМЯТЬ ДОНСКОМУ КОРПУСУ ГЕНЕРАЛА МАМОНТОВА²⁷⁹

В полдень 22 июля 1919 года 15 конных донских полков, сведенных в корпус под командованием генерала Мамонтова, после подготовительного прорыва красного фронта в районе Ново-Архангельского непрерывным, всесокрушающим потоком устремились в тыл противника.

Двинутые со всех сторон к месту прорыва большевистскими главковерхами местные образования коммунистов, курсантов, частей особого назначения (ЧОН), мобилизованных в срочном порядке крестьян

были сметаемы казачьими лавами, обращающими в бегство, в паническом ужасе, незадачливое «воинство».

Казачья пережила красное наваждение у себя на Дону, шла в непрерывающиеся атаки с сознанием правого дела, с той стремительностью и удалью, на которые способны были искони сыны Тихого Дона.

Вздымая пыль из-под копыт разгоряченных дончаков, разбрызгивая потоки речек, вброд переходимых, сокрушая заросли лесов, утопая в перелесках, под голубым шатром российского небосклона, конная масса шла с неотвратимым желанием сокрушить надвигающееся дьявольское наваждение, дотоле неслыханное, дотоле невиданное на протяжении всей истории Святой Руси. Молниями сверкали казацкие шашки передовых сотен, расчищая дорогу как на крыльях несущемуся корпусу.

24 июля в селе Чоглы, во время краткого отдыха, генерал Мамонтов на сборе командиров частей отдал приказ двигаться на север.

Все так же корпус, имея в авангарде легкие дозорные сотни, а также охранение с пулеметными тачанками на флангах, как тяжелым тараном, дробил все, что как-то пыталось оказывать сопротивление, задержать Донской поток Вооруженных сил Юга России.

В селе Еланское Колено 27 июля был дан краткий отдых основной массе конницы, во время которого быстро, по-казачьи, приведены в порядок амуниция, снаряжение, оружие, осмотрен, вычищен, частично заменен конский состав, отдохнули малость и помылись казаки.

Генерал Мамонтов, после краткого совещания с командирами полков и отдельных частей, приказал весь обоз 2-го разряда отправить в тыл и тем самым облегчить выполнение задачи корпусом и повысить его маневренность.

С непрерывными встречными боями, порой круто меняя направление движения, обманывая красное командование, возвращаясь на прежний курс, корпус подошел к району Тамбова, где была сделана так называемая «Ёлочка», то есть передовые полки по мере получения приказа от штаба корпуса ориентировочными данными направления движения, доставляемого непосредственно командиру полка специальными офицерами для связи, отделялись от главной колонны в лучеобразном направлении — влево, левее, вправо, правее и т. д. — охватывая Тамбов со всех сторон, захватывая окрестные села, железнодорожные станции, переезды, мосты, отдельные слабо и наспех оборудованные оборонительные укрепления.

Такая тактика, появление казаков на всех направлениях и со всех сторон, где их меньше всего ждали или совсем не ждали, вносила панику и смятение в оборону противника страшными словами — «обошли», «окружили», «отрезали». Тем не менее пришлось вести и правильные

наступательные действия, порой вести уличные бои, ломая сопротивление местных гарнизонов, сметая появляющиеся новые части.

По рассказам участников славного рейда, почти во всех селах крестьяне сразу информировали казаков, есть ли в селе красные или ушли, а также о спрятавшихся большевиках или о засадах. Местные большевистские владыки, комиссары, политические работники карательных отрядов, в большинстве нерусского происхождения, спешно убегали вдоль линии железной дороги в сторону Москвы, под защитой красных бронепоездов.

Казачьи полки, сотни, разведывательные отдельные отряды захватывали все больше и больше пленных и большое количество военной добычи. Впервые в районе станции Терновая было взято в плен свыше 4000 сдавшихся красноармейцев.

Поездные составы со снарядами, патронами, взрывчатыми веществами, ручными гранатами, разным артиллерийским имуществом, склады с обмундированием, снаряжением, продовольствием — все оказывалось в руках стремительнодвигающегося на север конного корпуса. Часть пленных красноармейцев выразила желание поступить в корпус, часть их была принята, остальные после разоружения распущены на все четыре стороны. Поездные составы и склады взорваны и сожжены, так как корпус, не задерживаясь, безостановочно двигался вперед.

5 августа к красным подошли свежие части, и к югу от села Арапова быстро появилась длинная полоса укреплений, безостановочно вооружаемая из подходящих эшелонов и заполняемая подхитившими частями. Но... со всех сторон обрушились казачьи лавы с «Ёлочки», убийственный плотный огонь на всех направлениях, чередующиеся атаки, то там, то здесь неожиданное появление казаков оттуда, где, по данным разведок красного командования, их быть не могло, — и в течение дня 6 августа участь Тамбова была решена.

После занятия города было собрано до 10 тысяч пленных. Богатство, доставшееся казакам, было велико. Все, в чем нуждался корпус, хозяйственная часть быстро распределила; все остальное — запасы сахара, соли, муки, разных консервов, обмундирование, белье и даже оружие — было роздано населению города и окрестных сел. Остатки были уничтожены.

Различные представители от городского населения все время являлись с благодарностью казакам за освобождение их от большевистского гнета и от разгула жестокостей Чеки, состоявшей поголовно из уголовного элемента и лиц далеко не русского происхождения — никогда не виданных, неизвестных никому в Тамбове личностей. Узнавая, что корпус занял город временно и власть большевиков вернется, люди печалились,

желали успеха, возвращения опять и уже навсегда, в чем не сомневались тогда ни горожане, ни упоенные победами казаки.

В течение 8 и 9 августа город нельзя было узнать, так говорили сами тамбовцы. Улицы были запружены гуляющей публикой. Встречаемых казаков и офицеров одаривали конфетами, шоколадом (откуда взялся?), папиросами, табаком, в штаб корпуса, расположившийся в одном из городских зданий, приносили букеты цветов... На самом деле главного штаба там не было, он был в другом месте, на окраине северной стороны Тамбова.

С 2 часов дня два местных кинематографа крутили фильмы с участием Веры Холодной, Максимова, Мэри Пикфорд, Макса Линдера и других кинозвезд того времени. В городском саду играл, что называется, беспрерывно какой-то духовструнный оркестр. Но вот... когда на эстраде, где сидели оркестранты, появилась большая группа казаков и старым вахмистром было объявлено, что казачий хор корпуса споет свои песни, — гуляние приостановилось, наступила тишина, и полилась задушевная песнь сынов степей широких Тихого Дона.

Кто жизни не щадил своей,
Опасность в сечах презирая,
Тот будет думать ли о ней,
За Русь Святую погибая?..
Своей и вражьей кровью смыв
Все прегрешенья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословение Отчизны..

Песнь лилась в наступившей тишине над садом, над всем городом, уходя ввысь, в безоблачное небо, откуда вторили ей заливающиеся жаворонки и горлицы в лесах. У многих, у очень многих по щекам бежали слезы, у более сильных были влажные глаза и озабоченные лица. И когда последние голоса хора растаяли над затихшими людьми, был не гром, а сущий взрыв аплодисментов, выкрики: «Браво, казаки», «Ура всколыхнувшемуся Дону!», «Спасибо Корпусу!», «Да здравствуют казаки-молодцы!» — чередовались одни за другими. Очевидцы рассказывали, как многие мужчины и женщины жали руки всем встречным казакам и офицерам. Несколько девушек внезапно и неожиданно подбегали и целовали казаков, скрываясь тотчас в толпе. И тогда хор залихватски, со свистом запел:

Из-под кочек, из-под пней
Лезет враг оравой.
Гей, казаки, на коней!
И айда за славой!

Мать, не хмурь седую бровь,
Провожая сына.
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина!

Незатейливую, но веселую мелодию подхватили почти все. Хлопая в ладоши, появились танцоры тут же на эстраде и у эстрады. Забыты ужасы Гражданской войны, веселились все искренно и безудержно. Но комендантский час, объявленный штабом корпуса, не позволял гулянию перейти во всенародное и всеночное ликование. К 9 часам вечера сад, улицы опустели, и лишь цокот подков казачьих патрулей нарушал наступившую сразу тишину.

Наступила ночь. Теплое бархатное одеяло, унизанное сверкающими звездами, накрыло утихший город. А кое-где... приподняв занавеску, смотрели пары голубеньких, сереньких, карих глазок на силуэты в седлах уходящих в темь ночную казаков. Они видали, знали и ждали шуток и невинных проказ... Но не было проказ, было и не до шуток. Может быть, от страха недавно пережитого и не глядели голубенькие, серенькие, карие глазки... другие были времена, другие условия, другие человеческие взаимоотношения... уродливость входила, втискивалась во все поры того, что недавно было так красиво и человечески нормально.

* * *

В штабе было получено донесение от лазутчиков: в Козлове находятся большевистский главковерх Егоров и Лев Бронштейн, по кличке Троцкий. В городе большие запасы продовольствия и склады соли. Наблюдается прибытие воинских эшелонов.

Поздно вечером 9 августа последние части корпуса выступили из Тамбова. В городе наступила жуткая тишина. Казаков как и не бывало. Как вихрь пронеслись с короткой, веселой остановкой и вдаль унеслись черноглазые, загорелые, чубатые потомки русских землепроходцев.

Впереди маячил Козлов. И опять несколько полков расплылись влево. Главная колонна, оставив за перелесками часть конницы для демонстрации, вдруг круто свернула вправо, а через несколько часов поворот влево, и перед передовыми дозорами авангарда корпуса открылись окрестности Козлова и... бегом передвигающиеся скопища красных, обманутых маневрами генерала Мамонтова. Но пришлось все же выдержать тяжелый бой.

У красных было преимущество в артиллерии, укрытые позиции, сзади богатый город, тыловые учреждения, на железнодорожных путях бронепоезда, несколько пехотных дивизий. Но подошедшие с

противоположной стороны казачьи полки взяли весь район обороны в клещи. Полетели в воздух взорванные железнодорожные пути, запылали склады заготовленного леса, сена. В дыму появились казачьи пулеметчики, открывшие огонь, сея панику в тылах обороны. «Обошли!», «Окружили!» — и красные части, бросая окопы, бросились бежать, бросая винтовки, пулеметы, повозки с патронами и многое другое военное имущество и в городе награбленное. К вечеру второго дня казаки захватили город и сразу же были встречены ликующим населением. Главковерх Егоров и Троцкий-Бронштейн бежали, едва не попав в казачьи руки. Их счастье.

Впервые в Козлове первые входящие в город сотни были встречены на разных улицах горожанами по чисто русскому обычаю с хлебом и солью.

На одной из улиц штабную полусотню разведчиков, при которой было несколько офицеров связи, встретил священник с крестом, благословляя победителей. Его сына-офицера, вернувшегося с фронта из Галиции, где он пробыл почти два года и был четыре раза ранен, местные большевики убили в подвалах Чека, где он просидел раздетым две недели. Сразу от горя умерла его мать, жена священника. Чекисты арестовали священника, избили, но по настойчивой просьбе большого количества горожан выпустили с условием — в церкви не появляться. Местные железнодорожники спрятали, почти насильно, священника, и вовремя. Через некоторое время чекисты опять явились за ним ночью, но уже дома его не нашли. Их дальнейшие обыски и поиски остались безрезультатными. А батюшка был близко. Он даже видел, как его искали. Батюшка ушел вместе с корпусом и до конца похода был, по его просьбе, ездовым при команде связи.

В то же время приключился немалый курьез. Разъезды и дозоры арьергарда донесли, что по пятам корпуса движется какая-то часть на подводах. Две сотни казаков преградили дорогу, расположившись скрытно по ее бокам. Одна сотня пошла стороной так же скрытно навстречу предполагаемой пехоте противника на подводах (кстати, красная пехота любила кататься на подводах). Выйдя из оврага в перелесок, от дороги примерно в 400 шагах, сотник П-н (Володя) и находившийся при его сотне, как офицер связи от Добровольческой армии, корнет Кобыщанов (Петя)²⁸⁰ залезли на дерево, стали рассматривать в бинокли появившийся обоз и были несколько удивлены, о чем сразу друг с другом поделились, что на каждом возу было только по одной или две фигуры, на них, или около, не видно винтовок, незаметно нигде блеска штыков, нет обычного для пехоты бокового охранения, как не было такового и далеко впереди обоза... Подвод было

около сотни. Что за оказия? А вдруг пехота есть, да еще с готовыми для отражения любой атаки пулеметами? Такие случаи-ловушки были.

Подозревая все же укрытую в возах пехоту, сотник решил атаковать, но не открывая огня прямо по возам. Выбрав наиболее удобное направление для атаки лавой, пропустив вперед почти всю линию возов, сотня после нескольких очередей из четырех ручных пулеметов Льюиса поверх обоза, обнажив шашки, с гиком понеслась лавой на обоз.

Сразу же казаки были немало ошеломлены. Все ездовые попадали на дно своих повозок, лошаденки потрусили рысью, а некоторые и галопом, куда-нибудь и как-нибудь, в сторону зарослей, свернув с дороги, попадая даже в придорожные канавы, одновременно послышались женские крики и причитания. Конфуз был порядочный. Шашки в ножны — и вместо обычной работы завершения всякой удалой атаки казаки стали ловить бегущих лошадей, вытаскивать застрявшие повозки, восстанавливать порядок и, как умели, успокаивать плачущих, причитающих женщин. Во всем обозе не было ни одного мужчины.

Выяснилось, что все они из дальних деревень окрестности, которые казачий корпус прошел мимо. При раздаче казаками захваченной у большевиков добычи они, естественно, не присутствовали, а посему ничего и не получили. О щедрости казачьей они прослышали и вот снарядили обоз от нескольких деревень, двигаясь все время сзади в ожидании очередной победы над босяками-большевиками и, конечно, надеясь кое-что получить из захваченного добра, причем все в один голос просили побольше соли и... сапог. Об этом эпизоде рассказывали многие участники этой «лихой» атаки после окончания похода.

После занятия Козлова возы были наполнены до полна, скупости места не было. С веселым и довольным видом отважные искательницы соли и... сапог, отблагодарив казаков, как полагается, погнали своих сивок в обратном направлении. Кстати, на вопросы, почему не подались в столь дальний и опасный по времени поход мужики, а пустили женщин, бабы, смеясь, говорили, что мужики им самим нужны дома, а пустить их, так комиссары живо их в эту самую Красную армию заберут, а дома их не найдут ни белые, ни красные, так как они все время в бегах и от тех и от других. Казаки шутили: «Вот мы вас вместо мужиков замобилизуем к себе в корпус...» Женщины-обозницы не отставали и тоже лихо отвечали: «Ну что ж, опосля походу вернемся до своих изб с казачатами, и на том спасибо, красавцы, все прибыль деревне...»

При выходе из Козлова был получен приказ из штаба армии — повернуть на юг и двигаться на соединение с армией для решения других возникших задач. Двигаться ускоренным маршем. Приказ был встречен офицерами без всякого восторга, не были довольны и каза-

ки. Впереди были заманчивые перспективы, погром красных тылов, что не может не отразиться на их фронте и боеспособности и моральной устойчивости армии. Несмотря на какое-то количество потерь в боях убитыми и ранеными, корпус в личном составе увеличивался за счет большого притока добровольцев.

Снабжение боевыми припасами, продовольствием, одеждой, обувью, всеми видами снаряжения и амуниции, а также конским составом было обеспечено все время полностью и даже с избытком за счет противника. Также было выяснено, что красные тылы оставляют желать много лучшего и далеко уступают фронтовой полосе в смысле организаций и моральной устойчивости местных гарнизонов. Свирепствовали безнаказанно Чека и части особого назначения, насыщенные на 90 процентов инородцами, уголовниками, маньяками и разного сорта проходимцами без роду и племени. Как сила сопротивления боевым частям, они равнялись нулю.

Но приказ есть приказ. С налету повернувшим корпусом был взят Елец. Красные были смяты и разгромлены наголову. Все захваченное, по примеру прошлых мест, было роздано населению, пленные разоружены и распущены по домам.

В конце августа, сметая на своем пути красные отряды заграждения, захватывая все новые тысячи пленных и разгоняя их в разные стороны, уничтожая оружие, боеприпасы, сея повсюду панику среди большевистских вождей, сжигая базы снабжения Красной армии, разрушая железнодорожные пути, корпус стремительно несся в направлении Воронежа. 29 августа, после короткого боя, Воронеж был взят. Несколько задержавшись в районе Воронежа, ведя бои уже с фронтовыми частями Красной армии и все одерживая победу за победой, 8 сентября передовые части лихого корпуса вошли в соприкосновение с частями Донской армии.

48 дней длился глубокий рейд конного казачьего корпуса под командованием генерала Мамонтова. Свыше 100 тысяч мобилизованных крестьян было распущено по домам. Роздано населению и так или иначе уничтожено громадное количество оружия, всех видов боеприпасы и всех видов продовольствие и фураж. Разрушены железнодорожные станции, пути, мосты, складские помещения. Разгромлены и деморализованы целые дивизии, нарушена связь, подорвана моральная устойчивость служивших большевикам за страх, а не верой и правдой. Красные почувствовали силу удара Белой армии в лице Казачьего корпуса генерала Мамонтова. Население увидело не мстителей, а освободителей. Пройдено было свыше 2000 верст. Этот беспримерный рейд конницы не имеет себе равного во всей военной истории, и это был последний, кульминационный пункт проявления казачьей доблести. Слава!

БОИ С КОННИЦЕЙ БУДЕННОГО И ДУМЕНКО НА ДОНУ И НА МАНЫЧЕ В 1920 ГОДУ²⁸¹

С выходом красных к нижнему течению Дона и Азовскому морю в конце 1919 года белые армии, разрезанные на две части, отошли: Западная группа в Крым на правый берег Днепра, а Восточная (главные силы) за реку Дон.

Ликвидация главных сил являлась основной задачей Южно-Восточного фронта, переименованного в Кавказский, в составе 1-й конной армии Буденного и 8, 9, 10 и 11-й советских армий. 1-я конная армия располагалась в районе Ростов—Нахичевань, 8-я армия занимала фронт по линии Нахичевань—ст. Аксайская—Новочеркасск, а уступом за ней, в районе Раздорская—Константиновская, находилась 9-я армия.

Против них, на левом берегу Дона, от устья до Батайска включительно, Добровольческий корпус с приданной ему Кубано-Донской конницей генерала Топоркова²⁸², а дальше вверх по Дону до ст. Цымлянской — Донская армия. Добровольческий корпус в оперативном отношении был подчинен командующему Донской армией, так как он насчитывал при переходе через Дон всего 4730 бойцов, не считая 1580 шашек генерала Топоркова.

После долгого и тяжелого отступления добровольческие и донские части, отошедшие за Дон 26—27 декабря, были сильно расстроены, утоплены и малочисленны, что учитывало советское командование, и уже 28 декабря (10 января) командующий фронтом Шорин (бывший полковник Генерального штаба) отдал директиву, в которой Конной армии ставилась задача форсировать Дон на участке Батайск—Ольгинская.

В состав Конной армии входили в то время три кавказские дивизии шестиполкового состава, кроме того, ей были приданы две стрелковые дивизии, три бронепоезда и бронеемобилей. Численность ее была 9500 сабель и 4500 штыков при 56 орудиях и 400 пулеметах.

По получении директивы Конной армии для видимости был отдан приказ о преследовании противника, но выполнение его было приостановлено, как пишет в своих воспоминаниях Буденный, в связи с оттепелью, ненадежностью льда, сильными туманами и отсутствием достаточных для армии переправ. Что касается тумана, то его старательно пускал в глаза командующему фронтом Буденный, которому не хотелось оставлять Ростов. Зима в то время была суровая, и Дон был прочно скован льдом уже к 26 декабря. Богатый Ростов притягивал к себе Конную армию и был занят Буденным своевольно, так как, по

директиве командования фронтом, города Новочеркасск, Нахичевань и Ростов должны были занять части 8-й армии, а Буденный должен был находиться в Таганроге. Командующий 8-й армией Сокольников, прибыв в Ростов, указал на это, сказав, что он удивлен, почему реввоенсовет Конной армии «не соизволил постучать, входя в чужой дом». Командующий же фронтом Шорин обвинил Конную армию в пьянстве и, после поражения под Ольгинской, прямо заявил, что «конармия утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах».

Задержка наступления красных позволила Донской армии и Добровольческому корпусу привести себя в порядок, пополнив части путем сокращения и расформирования обозов и извлечения оттуда лишних людей. В начале января 1920 года Донская армия, без Добровольческого корпуса, имела уже 36 500 бойцов, а Добровольческий и Кубано-Терский корпуса вместе 11 000 бойцов. Всего же у белых было 47 500 бойцов, 200 орудий и 860 пулеметов. Из этого числа, по советским источникам, в районе Батайск—Ольгинская было сосредоточено 12 720 шашек, 11 100 штыков, 110 орудий и 454 пулемета. Правее Добровольческого корпуса фронт от Батайска до Старочеркасской занимал 3-й Донской корпус (15 полков без 10-й конной бригады), он находился в резерве против стыка Добровольческого и 3-го Донского корпусов.

2 (15) января Шорин потребовал выполнения ранее отданной им директивы, согласно которой Конная армия должна была форсировать Дон на участке Батайск—Ольгинская и выйти на линию Ейск—Староминская—Кущевка, а 8-я армия форсировать Дон на Ольгинском и Старочеркасском направлениях и выйти на линию Кущевская—Мечетинская. Исполнение этой директивы началось только в ночь с 4 (17) на 5 (18) января.

В наступление перешли: 9-я стрелковая дивизия из Гниловской и 12-я стрелковая дивизия из Ростова — обе на Батайск. 4-я и 6-я кавказские дивизии из Ростова и Нахичевани и 11-я кавалерийская дивизия из Аксайской на Ольгинскую. 16-я и 33-я стрелковые дивизии 8-й армии, из-за «запоздалой» перегруппировки, в наступление на фронт Ольгинская—Старочеркасская не перешли, и только правофланговая 16-я дивизия оказала содействие Конной армии. 9-я и 12-я стрелковые дивизии действовали очень вяло на Батайском направлении и задачи не выполнили. 1-я конная армия Буденного 5 (18) января в 10 часов утра закончила переход по льду через Дон и продолжала наступление дальше.

Первым объектом красных была ст. Ольгинская, из которой, как пишет Буденный в своих воспоминаниях, после упорного боя противник выбит совместными усилиями 4-й и 11-й кавалерийских дивизий, при поддержке 16-й стрелковой дивизии, и преследовался до темноты

в направлении ст. Хомутовской. Штаб 3-го Донского корпуса к вечеру подтвердил, что «в результате упорного и длительного боя ст. Ольгинская была оставлена и части корпуса главными силами сосредоточились в станице Хомутовской, оставив сторожевое охранение на линии высот между Ольгинской—Хомутовской и х. Злодейским». Наступление 6-й кавалерийской дивизии на Батайск захлебнулось в разразившейся после полудня снежной метели и было отбито добровольцами. Захватив Ольгинскую и не особенно полагаясь на пехоту, Буденный оставил в ней на ночь 11-ю кавалерийскую дивизию, а две другие оттянул в район Нахичевани.

Командующий Донской армией, по выяснении обстановки, отдал вечером следующую директиву: «Противник, после боя, к вечеру 5 (18) января занял кон. частями Старомахинский, Ольгинскую и х. Злодейский и лезет в мешок. Более благоприятной обстановки для нас ожидать нельзя. На 6 (19) января приказываю разбить переправившегося через Дон противника, для чего: 1) Ген. Гусельщикову 3-й Дон. корпус — передав в подчинение комкору 4-го конного 10-ю кон. бригаду и починив себе 1-ю пласт. бригаду генерал Карповича, атаковать в направлении на Ольгинскую, прочно обеспечив себя со стороны Старочеркасской станицы. 2) Ген. Павлову — 4-й Дон. кон. корпус — починив себе 10-ю кон. бригаду, атаковать в направлении на х. Злодейский. 3) Ген. Кутепову — Добр. корпус — сосредоточив всю конницу в районе Батайска (бригада генерал Барбовича²⁸³ и конница генерал Топоркова), атаковать во фланг и тыл Злодейскую группу противника. 4) Начало атаки всех корпусов с рассветом. О получении донести. № 064-К, 5 января, 19 ч. 15 м., 1920 года. Ст. Сосыка. Ген. Сидорин».

На следующий день, 6 (19) января, Конная армия, поддержанная на правом фланге 12-й стрелковой дивизией, наступавшей на Батайск, а на левом 16-й и 33-й стрелковыми дивизиями, наступавшими на Ольгинскую и Старочеркасскую, вновь перешла в наступление с целью развить свой успех. Для противодействия ей генерал Сидорин сосредоточил на участке Батайск—Ольгинская—Старомахинский 12 тысяч конницы, и там же действовала пехота 3-го Донского корпуса. Казачьи части охватывали прорывавшуюся группу противника с трех сторон.

11-я кавалерийская дивизия красных перешла в наступление из Ольгинской, а по Нахичеванской переправе перешли через Дон 4-я, а за ней 6-я кавалерийская дивизии. Массовое скопление конницы противника у Нахичевани и переход через Дон были обнаружены Добровольческой разведкой около 7 часов утра, и в Батайск по тревоге были вызваны конница генерала Топоркова и кавалерийская бригада генерала Барбовича.

Около 10—11 часов утра части 4-й кавалерийской дивизии, двигавшейся мимо Батайска на хутор Злодейский, опрокинули слабую Ку-

банскую дивизию, начавшую отходить к Батайску. Тогда генерал Барбович бросил в атаку Сводно-Гвардейский полк генерала Данилова, а генерал Топорков атаковал одновременно во главе Терской дивизии. Развернувшись в блестящем порядке, эти части лихо пошли в атаку.

Неожиданное появление конницы, скрытой до этого высокой железнодорожной дамбой, со стороны Батайска ошеломило красных, и они бросились отходить, причем смяли находившиеся сзади части, пытавшиеся переменить направление для парирования удара, которые смешались и тоже отошли. После этого завязался бой, который продолжался еще 4 часа.

4-й Донской конный корпус под командой генерала Павлова (генерал Мамонтов уехал в Екатеринодар на Верховный казачий круг), развернувшись на линии Батайск—Сухая Балка, вступил в ожесточенный бой с противником в районе хутора Злодейского, который до 15 часов не давал перевеса ни той ни другой стороне. По советским источникам, красные произвели в этот день до девяти конных атак, но все они были отбиты. В 15 часов генерал Павлов ввел в бой свой резерв в тыл Батайской группе красных, и противник, не выдержав, стал всюду отходить, преследуемый нашими частями. Отступление скоро перешло в беспорядочное бегство. Красные бросали орудия, пулеметы, ящики со снарядами.

К Ольгинской части корпуса подошли в полной темноте и были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем из окопов на окраине станицы. Здесь задержались части 11-й кавалерийской и 16-й и 33-й стрелковых дивизий. Остальные части Конной армии отошли в район Нахичевани. Оставив против Ольгинской одну бригаду, 4-й Донской корпус отошел на ночь в районе Злодейской, имея в виду продолжить утром успешно начатую операцию. За день боя было взято 9 орудий, 50 пулеметов, много снарядов и обозы, но корпус понес большие потери.

В 5 часов утра 7 (20) января генерал Сидорин отдал новую директиву об атаке, требуя от войск полного напряжения сил, дабы использовать блестящий успех накануне и отбросить противника за Дон.

Около 10 часов утра 4-й Донской Конный корпус завязал бой и, после артиллерийской подготовки, атаковал Ольгинскую. Бой 7 января закончился новым поражением Конной армии и 16-й стрелковой дивизии у Ольгинской, которую заняли донцы. После этой неудачи Буденный доложил по прямому проводу командующему фронтом Шорину о невозможности добиться успеха на Батайском направлении и предложил новый план атаки из района ст. Константиновской на юго-запад, ручаясь за успех. Командующий фронтом не согласился с

предложенным Буденным планом и приказал снова перейти в наступление и во что бы то ни стало овладеть Батайском.

8 (21) января Конная армия, совместно с соседними дивизиями, вновь перешла в наступление на фронте Батайск—Ольгинская—Старочеркасская—Манычская. На правом фланге ю.-в. Ростова была брошена в бой 9-я стрелковая дивизия. В центре на Батайск — 12-я стрелковая дивизия, 3-я бригада которой переправилась через реку Койсуг и залегла в 2 верстах от Батайска, но контратакой добровольцев была отброшена и отошла.

По данным штаба армии, наступление красных 8 (21) января окончилось поражением их на всем фронте. В этот день части 3-го Донского корпуса выбили противника из станиц Манычской и Старочеркасской, причем красные оставили восемь орудий, завязших в болоте. К северо-востоку от Батайска корниловцы и Кубано-Терский корпус генерала Агоева (заменившего раненого генерала Топоркова), сдержав наступление 33-й и 40-й дивизий, контратакой отбросили их и гнали к Нахичеванской переправе. Только сильный огонь многочисленной артиллерии с правого берега Дона, не позволивший казакам и добровольцам преследовать противника до самых переправ, спас Конную армию и пехоту красных от полного разгрома и уничтожения. Это новое поражение принудило командующего фронтом окончательно отказаться от попыток прорвать фронт на участке Батайск—Ольгинская, обострив отношения с Реввоенсоветом Командующего армией.

В боях 6, 7 и 8 января 4-й Донской конный корпус взял 10 орудий, 66 пулеметов и 1700 пленных, а по данным штаба генерала Деникина, всего взято 22 орудия и 120 пулеметов. По окончании этих боев, рассеявших миф о непобедимости конницы Буденного, 4-й Донской конный корпус был отведен в резерв в ст. Кагальницкую, а 3-й Донской корпус занял участок фронта от Нахичеванской переправы до ст. Манычской.

Потерпев неудачу у Батайска и Ольгинской, красное командование выработало новый план боевых операций. К этому времени 9-я и 10-я советские армии, отбросив 2-й и 1-й Донские корпуса, вышли на реку Маныч, и 12 (25) января главнокомандующий Каменев предложил следующий план.

8-я армия с передаваемыми ей из Конной армии двумя стрелковыми дивизиями должна сковать противника на своем фронте. Конная армия, усиленная конным корпусом Думенко и 21-й стрелковой дивизией из 9-й армии, перейдя в район Раздорская—Константиновская, должна прорвать фронт на нижнем Маныче и ударом на ст. Мечетинскую охватить с фланга и тыла войска противника, занимавшего

фронт по Дону от устья Маныча до Азова. Командующий фронтом Шорин немного изменил этот план, приказав Думенко самостоятельно прорвать фронт на Маныче, в районе хутора Веселого, и действовать в направлении на Мечетинскую, а Буденному прорвать фронт в районе хутора М. Западенского и наступать на фронт Кагальницкая—Хомутовская. Изменение плана было вызвано неприязненными отношениями между Буденным и Думенко.

Организатором красной конницы и первым ее командиром был Думенко, стяжавший известность, командуя дивизией на Царицынском фронте. Буденный выдвинулся после, когда заменил раненого Думенко. Оправившись от ран, Думенко сформировал дивизию, ядром которой послужила бригада Жлобы. В октябре 1919 года его дивизию направили в район ст. Урюпинской для борьбы с конницей 2-го Донского корпуса генерала Коновалова (4-я Донская Конная дивизия), растрепавшей к тому времени войска 9-й советской армии во время месячного рейда по тылам. Усилившись конной группой Блинова из 9-й армии, Думенко оказался во главе сводного конного корпуса. По боевым качествам части Буденного и Думенко были равноценны, и последний не хотел находиться под командой своего бывшего подчиненного.

В начале 1920 года в настроении Думенко произошел какой-то сдвиг. Он якобы стал ликвидировать втихомолку и топить в Маныче наиболее активных коммунистов. Это привело к тому, что его арестовали, посадили в тюрьму и позже расстреляли. Преемником его был Жлоба, корпус которого был окружен и уничтожен в Крыму генералом Врангелем.

Наступление двух групп началось одновременно. Хотел ли Думенко показать, что он может действовать успешно и без Конной армии, как уверяет Буденный, или потому, что Буденный «подложил ему свинью», умышленно задержав переход Конной армии в наступление, но в действиях красных получилась неувязка, позволившая донской коннице разбить противника по частям.

13 (26) января утром Думенко перешел в наступление из района хутора Спорного против частей 2-го Донского корпуса и, перейдя по льду Маныч, выбил из хутора Веселого 3-ю пешую бригаду Сводной дивизии. Развивая наступление, конница Думенко окружила и разбила эту бригаду, а также и 2-ю у хутора Процькова. 1-я Пластунская и Ополченская бригады, перейдя в наступление, заняли было восточную окраину хутора Веселого, но были атакованы конницей и отошли, отбив четыре орудия, потерянные 3-й бригадой.

В 23 часа 13 января командующий Донской армией отдал директиву № 0209-К, возложив ликвидацию прорыва на 4-й Донской кор-

пус и подчинив ему 4-ю конную дивизию 2-го корпуса. Выступив 14 (27) января из станицы Кагальницкой, 4-й корпус к вечеру сосредоточился: 9-я дивизия — в хуторе Попове, 10-я в хуторе Кузнецовском, а приданная корпусу 4-я дивизия — в хуторе Хорольском.

Думенко в этот день расширил захваченный накануне район, заняв хутора Хомутец, Таловский, Поздеев и М. Западенский. Пока он активно действовал два дня, Конная армия Буденного, занимая тремя дивизиями ст. Богаевскую, и хутора Елкин и Хохлатовский, вела разведку переправ через Маныч, то есть фактически бездействовала, перейдя в наступление только в ночь на 15 января. Это позволило генералу Павлову, имевшему силы, значительно превосходившие корпус Думенко, уверенно приступить к ликвидации последнего утром 15 января.

В 9 часов утра 9-я дивизия (генерал Секретев) и 10-я (генерал Николаев) 4-го конного корпуса перешли в наступление на хутора Хомутец и Процыков, а 4-я конная дивизия (генерал Позднышев) — на хутор Поздеев. С самого начала была введена в бой почти вся артиллерия, занявшая выгодные позиции. Атаку на хутор Поздеев первой повела 6-я конная бригада (25, 26 и 27-й полки). Красные перешли в контратаку, ударив в ее правый фланг, и бригада стала отходить. Сильный артиллерийский огонь и стремительная атака во фланг 24-го полка (полковник Астахов) 4-й конной бригады, укомплектованного молодыми казачатами запасного полка, опрокинула противника, который стал везде отходить, преследуемый нашими частями.

Красные довольно скоро оправались от удара и отходили назад в колоннах. К югу от хутора Веселого они пытались оказать сопротивление, открыв сильный артиллерийский огонь, но, попав под удар частей 4-го корпуса и опрокинутые конной атакой, в беспорядке бросились через Маныч. Под тяжестью массы лед проваливался, и много орудий с упряжками, пулеметы и всадники стали тонуть.

К северу от Веселого красные неслись в полной панике, усеяв дорогу до хутора Солонного брошенными орудиями, зарядными ящиками, повозками и трупами. За день боя было взято больше 20 орудий, много пулеметов, зарядных ящиков и повозок. Наши части 4-й конной дивизии вышли к хуторам Солонным и заняли их.

Пока шел бой с Думенко, Буденный переправился через Маныч, и после трехчасового боя с частями 7-й Донской пешей дивизии 6-я и 11-я кавалерийские дивизии заняли хутор М. Западенский. 4-я кавалерийская дивизия нанесла удар в районе хутора Княжеско-Леоновского и, угрожая с тыла, заставила очистить ст. Манычскую. Заняв хутор М. Западенский и выбросив разведку, красные остановились,

потеряв полдня, не преследуя противника. 7-я Донская пешая дивизия отошла к хуторам Пустошкин—Усманов.

Получив сведения о появлении конницы Буденного на фланге 4-го Донского корпуса, скованного боем с Думенко, генерал Сидорин передал в резерв корпуса Кубанскую и Терскую дивизии генерала Агоева²⁸⁴ (слабого состава), направив их в ст. Кагальницкую и приказав разбить Буденного на следующий день.

16 (29) января на реке Маныче разыгрался кровавый бой, в котором, не считая частей генерала Агоева и Думенко, столкнулись 45 полков конницы. Охватить такой бой одним взглядом невозможно. При скоротечности кавалерийских столкновений — обстановка все время меняется и общее расположение сторон часто похоже на слоеный пирог. Так это случилось и в этот день.

В ночь на 16 января генерал Павлов приказал: 9-й дивизии наступать из хутора Веселого на М. Западенский; 10-й дивизии из Процькова действовать в связи с 9-й, направляя удар на северо-запад; 4-й дивизии двигаться по правому берегу Маныча и угрожать одной бригадой тылам красных, другой заслониться с северо-востока от Думенко, а третьей с востока от красной пехоты, занимавшей хутор Садковский. В таком разбросанном состоянии, в случае неудачи 9-й дивизии и скоротечности конного боя, она не могла оказать ей помощь (переправы через Маныч редки и удалены друг от друга) и сама могла быть отрезана. Начальник дивизии счел долгом обратить на это внимание генерала Павлова. В 2 часа ночи от генерала Павлова был получен новый приказ: одной бригадой охранять переправу у хутора Веселого, а двумя бригадами выдвинуться от балки Солоной и угрожать тылам, действуя по обстановке.

В 8 часов утра 9-я дивизия вступила в бой с противником севернее Поздеева, но 6-я кавалерийская дивизия красных, поддержанная 11-й дивизией, за которой следовала в том же направлении 4-я кавалерийская дивизия, опрокинула ее и вынудила отойти к хутору Веселому и далее на 4 версты к югу. Окрыленные успехами, буденновцы увлеклись преследованием, и порядок в частях был нарушен. Перемешались не только полки, но и эскадроны. Вдруг около 9 часов утра, со стороны хутора Поздеева, обрушилась на них сильная числом и духом 10-я Донская конная дивизия. Удар и натиск были настолько стремительны, что масса конницы до 6000 была смята и в беспорядке бросилась за Маныч.

Преследование продолжалось до переправы у хутора Платова и частью сил до хутора Федулова на правом берегу Маныча, где было остановлено за приближением темноты, и части 10-й дивизии были отведены в район хутора Поздеева. Были захвачены многочисленные трофеи,

20 орудий, много пулеметов и пленные из состава 4, 6 и 11-й кавалерийских дивизий Буденного. Особенно пострадала 11-я дивизия, которая, как признают большевики, временно утратила свою боеспособность.

После отхода 4-й и 11-й кавалерийских дивизий Буденного на правый берег Маныча его 6-я дивизия, занявшая хутор Веселый, оказалась отрезанной. Только отсутствие у генерала Павлова свежих резервов на левом берегу Маныча и перерыв связи с 4-й Донской дивизией, оказавшейся в таком же положении на другом берегу, позволили ей благополучно ускользнуть.

Когда утром, выполняя приказ, голова 5-й бригады 4-й Донской дивизии подошла к балке Солоной, начальник дивизии получил новое приказание: одной бригадой продолжать угрожать тылам красных, другой обеспечить переправу у хутора Веселого, а одну бригаду направить в резерв корпуса. Написав донесение в хуторе Балабинском и двинувшись на хутор Спорный, он увидел, что 6-я бригада, направленная в резерв, круто повернула влево. Затем на его глазах разыгрался последний акт столкновения 9-й дивизии с конницей Буденного. Момент... и поле, и бугры покрылись в беспорядке скачущими казаками. Посланный им приказ бригаде — повернуть к Веселому и оказать содействие 9-й дивизии — 6-я бригада выполнить уже не смогла. Хутор Веселый был занят красными, и 1-я дивизия оказалась отрезанной. Генерал Позднышев имел основание считать, что бой в этот день был нами проигран.

У генерала Павлова оставалась свежей одна 10-я дивизия (9 полков) против трех дивизий Буденного (18 полков), уже одержавших первый успех. Надо было решать, как вывести дивизию из опасного положения, в котором она оказалась. Единственный выход — где-то пробиться через расположение красных. Собрав три бригады на тесные дистанции, вся артиллерия посередине, он двинулся на восток на хутор Садковский, по словам местных жителей, переполненный красной конницей. Положение представлялось трудным. Впереди — противник неизвестной численности, сзади — сильная конница Буденного, справа — непроходимый Маныч, слева — опорные тылы красных.

Недалеко от Садковского авангардные сотни были атакованы тремя эскадронами красных. Тогда в атаку на хутор были брошены два полка 4-й конной бригады, поддержанные сильным артиллерийским огнем. Вот левый фланг атакующих стал огибать хутор с востока, а затем донеслось победное «Ура!» — хутор был занят. Увы, переправы в нем не оказалось, и дивизия двинулась дальше на хутор Жеребков.

Гул артиллерии, пулеметная и ружейная стрельба, появившаяся повсюду конница ошеломили красную пехоту, и началось ее паничес-

кое бегство. Пехота остановилась только тогда, когда увидела, что за ней уже никто не гонится, а конница переправляется через Маныч, и артиллерия красных открыла огонь, не причинивший вреда.

Был уже вечер, когда дивизия, выяснив предварительно, что ближайший поселок никем не занят, пришла на хутор Казачий Хомутец, где сделала небольшой привал, а затем двинулась в хутор Казенный, где и расположилась на ночлег, выслав круговую разведку. О поражении Буденного знали только на следующий день из приказа генерала Павлова. 6-я дивизия Буденного, судьба которой могла бы быть иной, если бы 4-я Донская дивизия осталась на левом берегу Маныча, оставила вечером хутор Веселый и присоединилась ночью к Конной армии.

Части генерала Павлова располагались 17 января так: 4-я дивизия в районе Хорченко-Казенный—В. Хомутец; 9-я дивизия в районе Веселого; 10-я — в районе Персиянов-Поздеев; штаб генерала Павлова в хуторе Процыкове.

После этого боя Буденный донес, что одна Конармия не может выполнить поставленной ей задачи, хотя раньше и ручался за успех. Командующий фронтом снова приказал перейти в наступление, подчинив ему конницу Думенко и 21-ю стрелковую дивизию. 19 января Буденный снова переправился через Маныч, но наткнулся на 4-й Донской корпус, который тоже перешел в наступление. Красным пришлось принять встречный бой, в котором, по их признанию, они успеха не имели, так как белые, «действуя огромными массами конницы на фланги и разрезая фронт, принудили их отойти за Маныч».

На другой день последние конные части красных, задержавшиеся на левом берегу, были отброшены на правый берег Маныча и они прекратили операцию. В то время белые армии вели лишь активную оборону и красную конницу не преследовали, что позволило ей привести себя в порядок и пополниться. Таковы были результаты боев Конармии с донской конницей в январе 1920 года по признанию самих красных.

Е. Ковалев

ПОХОД ДОНСКОЙ КОННИЦЫ НА ТОРГОВУЮ 1920 ГОДА²⁸⁵

Сальские степи, такие приветливые и манящие ранней весной, так влекущие к себе в зеленеющую пестрым ковром даль, где в чистом прозрачном воздухе не умолкают разноголосые крики перелетных птиц, — и такие негостеприимные, пустынные, занесенные снегом

зимою, стали ареной кровавой борьбы белых и красных в начале 1920 года. Здесь в первых числах февраля (все даты по старому стилю) разыгрались крупные события, и одно из них — трагический поход донской конницы на Торговую в лютый мороз по занесенной снегом степи, без дорог, без пищи и крова — предопределило окончательный исход Гражданской войны на Юге России в пользу красных. Обстоятельства, вызвавшие поход на Торговую, были, в общих чертах, следующие.

После двух неудачных попыток Конармии Буденного прорвать фронт Донской армии сначала на Дону, у Батайска, а затем на реке Маныче, у хутора Веселого, красные части остановились, будучи физически и морально надломлены. У казаков же и добровольцев, наоборот, недавние успехи укрепили ослабленный долгим отступлением боевой дух. Учитывая создавшуюся обстановку, генерал Деникин приказал начать общее наступление, не позже первых чисел февраля, в Новочеркасском направлении и 26 января отдал директиву № 00724, в которой Кубанской армии ставилась задача разбить 10-ю советскую армию, а Донской — овладеть Ростовом и Новочеркасском. О времени перехода в наступление должно быть сообщено дополнительно.

Благодаря хорошо организованному шпионажу намерения белого командования стали известны красным, и новый командующий Кавказским фронтом Тухачевский решил предупредить это наступление, захватив инициативу в свои руки. 27 января он отдал директиву № 19/оп о перегруппировке своих армий к 1 февраля, приказав Буденному форсированным маршем перейти в район Шарабулуцкий — станция Платовская. 30 января он отдал приказ о переходе всех армий фронта (8, 9, 10, 11-я и 1-я Конная) в наступление, причем Конармии ставилась задача: разрывая и сбивая фланги Донской и Кубанской армий, прорваться к 8 февраля в район станции Тихорецкая.

В тот же день в ст. Кагальницкой в присутствии генерала Деникина состоялось совещание командующего Донской армией генерала Сидорина с командирами корпусов в связи с предстоящим общим наступлением. Хотя к этому времени уже имелись сведения о переброске Буденного на Тихорецкое направление, что коренным образом изменяло соотношение сил в районе Великокняжеская—Платовская, генералы Деникин и Сидорин не обратили на это должного внимания, не позаботились о соответствующем перемещении донской конницы, и 31 января Донской армии была отдана директива и поставлены задачи для предстоящих действий по захвату Ростово-Новочеркасского плацдарма.

Пока белые готовили свой удар и бездействовали, красные 1 февраля перешли в общее наступление. Если на фронте 8-й и 9-й ар-

мий ничего особенного не произошло, то на фронте 10-й армии, где был сосредоточен мощный кулак из нескольких стрелковых дивизий и куда к ночи подошла головная (4-я) дивизия Буденного, красные заняли селения Ново-Манычское и Баранниковское, отбросив 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко к с. Новый Егорлык. Правее, после ожесточенного боя с кубанскими пластунами, красные ночной атакой заняли с. Екатерининское, а в направлении на Торговую, с помощью Буденного, сломали упорное сопротивление пластунов и овладели станцией Шаблиевка. Одна Кубанская армия, еще не закончившая свою организацию, не могла справиться с навалившимся на нее противником, дальнейшее продвижение которого создавало серьезную угрозу флангу и тылу Донской армии. Создалось грозное положение, на которое спешно пришлось искать выход.

Получив тревожные, хотя и неполные сведения о событиях в районе Великокняжеской, командующий Донской армией, сообщая командирам 4-го Донского Конного и 1-го Донского корпусов, что после полудня 1 февраля обнаружилась главная масса конницы противника на левом берегу Маныча, наступая в общем на Торговую, и что корпус Думенко, занимающий район хуторов В. и Н. Солоные, по-видимому, прикрывает эту операцию, вечером 1 февраля приказал: «Комкору 4-го Донского, разбив корпус Думенко, оставить небольшой заслон с севера, а главными силами двинуться в восточном направлении для окружения и уничтожения главной конной массы противника. 1-му корпусу оказать 4-му корпусу полное содействие».

Описать перипетии этого похода полвека спустя — дело не легкое. К счастью, в моем распоряжении имеется чрезвычайно интересный документ — полный текст доклада о гибели донской конницы в Сальских степях, сделанный генералом Позднышевым в 1925 году в Обществе офицеров Генерального штаба в Софии. Командовавший конницей 2-го Донского корпуса во время похода на Торговую и только позже раненный в бою 11 февраля у Ср. Егорлыцкой, он вел дневник, который и послужил базой для его доклада. Нет надобности подчеркивать достоверность и историческую ценность сообщенных им сведений, на основе которых я и продолжаю большую часть дальнейшего описания событий. Размеры газетной статьи вынуждают, к сожалению, опустить многие детали.

Конная группа генерала Павлова, состоявшая из 4-го Донского корпуса (9-я и 10-я конные дивизии — «мамонтовцы») и конницы 2-го Донского корпуса (4-я Донская конная дивизия, усиленная 15-й конной бригадой — 12 полков), находилась на левом берегу Маныча в районе хуторов Казенный—Платов на расстоянии 70—100 верст

от Великокняжеской — Торговой, а задача разбить предварительно корпус Думенко удаляла ее еще больше от этих пунктов.

✓ 2 февраля конная группа, за исключением 15-й конной бригады, подходившей из Мечетинской, перешла на рассвете реку Маныч на фронте М. Западенский—Жеребков и весь день вела бой с конницей и пехотой противника, занимавшего правый берег Маныча. Выбитая из ряда хуторов конница Думенко, преследуемая до темноты, была отброшена к реке Салу, а пехота частью взята в плен, частью бежала на тыловые опорные пункты. На ночь конная группа расположилась в районе хуторов Н. Солоный—Садовский—Жеребков—Веселый. Ночью штаб группы отдал приказ о выдвижении 3 февраля конницы 2-го корпуса в район зимовников Чернова, Орлов-Подвал, Кубраков и о сосредоточении 4-го конного корпуса на линии хутора Хомутец. В этот день утром 15-я конная бригада ликвидировала попытку наступления на хутор Жеребков красной пехоты, пытавшейся восстановить положение, конной контратакой захватив до 300 пленных и с десятков повозок.

Этот бой несколько задержал сосредоточение конницы 2-го Донского корпуса. В 14 часов голова колонны 4-й и 6-й бригад под командой генерала Савельева²⁸⁶ (не смешивать с Генерального штаба генералом Савельевым²⁸⁷, служившим в Добровольческой армии) подошла к окраинам Хомутца и получила приказ, не останавливаясь, двигаться на зимовники Орлов-Подвал, Кубраков, где и расположиться на ночь. 15-й бригаде перейти на зимовник Чернова. 5-я конная бригада была оставлена генералом Павловым как заслон для охраны участка Хомутец—Веселый—Платов. Началось движение в глубь степей, о котором красочно рассказывает генерал Позднышев. Жутью веет от этого рассказа.

«С переходом д. Хомутец мы вступили в полосу пустынных, необитаемых мертвых зимою Манычских степей. Спускались сумерки, крепчал мороз. Бригады ушли уже далеко. Мы, Штаб 2-го корпуса, пошли на рысях. Небо постепенно темнело, и наконец настала жестокая зимняя ночь. Холод залезал во все поры, леденил кровь и заставлял трепетать мелкой дрожью все тело. Ноги совершенно окоченели... Дали померкли. Кругом было безжизненное, однообразное снежное пространство. Штаб переходил на зимовник Чернова. С большой дороги проводник свернул вправо, и мы сразу же погрузились в глубокую, не разбитую массу снега. Лошади с трудом вытаскивали ноги. Скоро проводник закружился, запутался и потерял направление.

Не желая ночью блуждать, я решил переночевать на зимовнике Демина, который было легче найти. Выбравшись обратно на столбовую дорогу, мы увидели внизу этот ярко освещенный огнями зимов-

ник. На зимовнике мы нашли 26-й полк, но зимовник оказался так основательно разрушенным, что ни о каких удобствах даже примитивного порядка думать было нечего. Манящие издали огни были лишь светом костров, брошенным в темноту ночи отверстиями конюшенных окон. Пристроив лошадей вдоль стен, казаки, сидя на корточках и прижимаясь друг к другу, старались согреть иззябшие тела. Ни окон, ни дверей... Во многих местах крыши — зияли большие дыры и холодный воздух гулял свободно. А мороз все подступал ближе, покалывая острыми иглами тело... Мозги вяло шевелились, сознание мутилось, сон властно приковывал к земле. За дровами никто не хотел выходить на двор. Костры потухли, и настала тьма...

В это время красные, заняв ст. Торговую и расположенный около большой поселок Воронцовский, спокойно отдыхали в тепле. Конную группу отделяло от этих пунктов еще 55—75 верст голой, бездорожной степи, при 19—27 градусах мороза. Ночью был получен приказ — коннице 2-го корпуса к 10-ти ч. 4-го февраля выдвинуться к разветвлению дорог, что в 5-ти верстах от зимовника Орлов-Подвал; 9-й дивизии сосредоточиться к югу в направлении зимовника Королькова; 10-й дивизии быть в резерве и прибыть на з. Орлов-Подвал.

Зимовники, где ночевали 4-я и 6-я бригады, были разрушены еще больше, чем з. Демин. Ген. Савельев доложил: «Отвратительная, ужасная ночь. Еще несколько таких ночей, и мы все замерзнем. Уже сейчас много обмороженных. Редко кто имеет полушубки и валенки. Обозов нет, кухни отстали еще вчера, есть нечего»... Действительно: холод, голод и пустынная степь не сулили ничего доброго. Задача, данная командованием, в настоящих условиях превосходила силы человеческие.

В 10 часов утра на зимовник Орлов-Подвал прибыл Командующий Группой, и здесь у разведенного костра решался вопрос о дальнейшем движении. После доклада о последствиях проведенной ночи он долго молчал, а потом спросил: «Что представляют собой зимовники?» Помощник Командующего Группой доблестный генерал И.Д. Попов, знаток края, поднимавший во время Степного похода в 1918 году восстание среди калмыков этого района, ответил: «Такие же вот одинокие, затерявшиеся в степи строения, разрушенные во время гражданской войны. Я должен Вас предупредить, Ваше Превосходительство, что на левом берегу до самой ж. д. мы не встретим жилья и погубим людей».

Ответственный за исход операции и за жизнь тысяч людей, генерал Павлов задумался и продолжал ходить, решая страшный вопрос — как идти... Генерал Позднышев, доложив, что у казаков нет зимних вещей и продуктов питания, что неблагоприятно отразится на дальнейшем движении, — высказал мысль, что с большим успехом можно

выполнить задачу, двигаясь по населенным пунктам правого берега Маныча. Этим движением будет снята с фронта пехота противника, прощупан тыл, и Буденный вынужден будет остановиться.

— Какие здесь пункты? — спросил командующий.

Генерал Позднышев объяснил, и снова воцарилось молчание. Не выдержав, генерал Попов стал настойчиво просить: или двигаться правым берегом Маныча, как предложил генерал Позднышев, или же в обход степей, через ст. Егорлыцкую, навстречу Буденному.

— Генерал, прекратите ваши советы, — резко бросил командующий группой.

Разговор о путях оборвался. (В моем дневнике есть запись: «Смущенный и расстроенный генерал Попов сказал мне: «Он губит нас. Поговори с Кисловским²⁸⁸...» (Кисловский — начальник штаба корпуса.) Я отозвал Кисловского. Разговор был коротким. Сухим, неприязненным шепотом Кисловский сказал: «Вы же доложили командиру корпуса и получили ответ. Чего вы хотите больше? Он скажет мне то же, что сказал вам...») Время шло. Люди мерзли на дорогах. Генерал Павлов молчаливо ходил, грея у костра руки.

Примерно в 13 часов в юго-западном направлении послышались оружейные выстрелы; видимо, с кем-то начала бой 9-я дивизия. Это ускорило зревшее у генерала Павлова решение идти левым берегом Маныча. Коннице 2-го корпуса было приказано перейти на зимовники Королькова и Жеребкова, 9-й и 10-й дивизиям на зимовник Почекаева.

Прямых дорог на указанные зимовники не было, проводников тоже, а день уже перевалил к вечеру. Двинулись в обход балки С. Кугульта, ориентируясь среди однообразной, занесенной снегом пустыни лишь по неточной карте. Казаки ехали молча, угрюмые, серые, обмерзлые. Бойкие разговоры, шутки и песни, обычные спутники казачьего строя, отсутствовали. С темнотой движение стало неровным, порывистым, толчками. В сереющей мгле глаз ничего не различал. Двигались автоматически, ибо нестерпимый жестокий мороз леденил кровь, замораживая и мысли, и волю. Кончилось ночное движение тем, что 9-я дивизия попала на зимовник Жеребкова, а 4-я на зимовник Почекаева, где уже расположилась 10-я дивизия.

Глубокая балка перед зимовником Почекаева, сад по крутому откосу и двор в буквальном смысле представляли сплошную стену людских и конских тел. Во многих местах можно было пройти только по спинам лошадей. Генерал Павлов приказал коннице 2-го корпуса передвинуться на зимовник Королькова, находившийся в 15 верстах. Выполнить его смогла только 6-я бригада. 4-я и 15-я бригады сделать это оказались не в состоянии.

При движении 4 февраля передовые части 4-го корпуса неожиданно наткнулись в долине Мокрой Кугульты на прорвавшуюся на левый берег Маныча советскую кавалерийскую дивизию Гая. После короткого боя красные были наголову разбиты и преследовались к Казенному Мосту. Одновременно в долине реки Юлы 14-я конная бригада 1-го Донского корпуса разгромила 28-ю советскую стрелковую дивизию, захватив в плен начальника дивизии Азина. Остатки разбитых дивизий отскочили за Маныч в район хутора Ельмутинского. ✓

Углубившись в степи и находясь все время в движении, конная группа утратила непосредственную связь со штабом армии, и генерал Павлов не имел правдивых сведений о противнике. 5 февраля, пройдя около 15 верст до сборного пункта, вся конная группа к 12 часам сосредоточилась на зимовнике Королькова. Здесь генерал Павлов отдал приказ о движении на Шаблиевку, где, по его сведениям, находился Буденный. Однако последний с двумя дивизиями перешел 5 февраля в Воронцовское—Торговую, которые занимала ударная группа из трех советских стрелковых дивизий.

Бой должен был разыграться по достижении Шаблиевки без особого приказа на незнакомой ни начальникам, ни подчиненным местности. План боя был намечен по карте. От Шаблиевки конную группу отделяло 25—30 верст. Начав движение в 13 часов, она могла подойти к ней в 19—20 часов, а при бездорожье и значительно позже. Уже четвертый день не имевшие нормального отдыха и правильного питания казаки, голодные и усталые после 45-верстного перехода, при 25 градусах мороза, должны были атаковать сильного, отдохнувшего в тепле противника. Это не предвещало ничего хорошего.

Двигаясь тремя параллельными колоннами по непрослеженной дороге или пробивая путь по целине, части конной группы в 10 часов вечера, спускаясь вниз, увидели вдали яркие огни большого поселка. По заданию конница 2-го корпуса должна была атаковать с юго-востока, 4-й корпус с севера и северо-запада. Части, назначенные для атаки, стали расходиться, обтекая селение. Вскоре ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь нарушил тишину ночи и начался бой, описать и систематизировать который невозможно. Это единодушно подчеркивают редкие свидетельства о нем с обеих сторон.

Прежде всего, конная группа, не имевшая проводников, вышла не к Шаблиевке, а южнее и атаковала ст. Торговую и поселок Воронцовский. Атака со стороны безлюдных степей явилась для красных неожиданной, так как на всем пути не было встречено их разъездов. О разгроме кавалерийской дивизии Гая и 28-й стрелковой Буденный еще не знал и, считая себя с этой стороны обеспеченным, ограничился

сторожевым охранением, которое, по его признанию, несло службу плохо. Все же в последний момент начальник 20-й стрелковой дивизии Майстрах узнал от захваченного в плен у самой ст. Торговой полузамерзшего казака-разведчика о движении белой конницы и отправился к командарму 1-й конной доложить полученные сведения. Когда он был уже в штабе и обсуждал положение с Буденным, мамонтовцы неожиданно ворвались в село.

Благодаря неожиданности части генерала Павлова в нескольких местах ворвались на окраины села и завязали во тьме ночной хаотический, никем не руководимый бой с красными, которыми были нафаршированы Воронцовское—Торговая. Ружейная и пулеметная стрельба в разных местах поселка то неожиданно вспыхивала, то столь же неожиданно прекращалась. Беспорядочный огонь двух красных батарей «наугад» увеличивал общий сумбур. Под конец этой бестолковой ночной баталии создалась такая неразбериха, белые и красные так перемешались, что надо было или стрелять по всем, кто подворачивался, или совсем прекратить стрельбу. Надо полагать, что части, брошенные в атаку, потерявшие связь со старшими начальниками и ближайшими соседями, вконец расстроенные, собрать ночью под носом у противника и снова двинуть на Торговую было невысказано, генерал Павлов отдал приказ отойти назад и заночевать самостоятельно там, где на пути встретятся скирды.

По разбитой снежной дороге перемешавшиеся части потянулись назад в покрытую ночным мраком холодную и голодную степь. Физическое и нравственное переутомление дошло до предела. Измученные лошади еле брели. Иногда и лошадь и всадник бессильно падали, чтобы уже больше не подняться.

Большая часть конницы остановилась у соединения двух балок, разнеся несколько стоявших там скирд. Измученные, голодные люди, ваясь с ног, расположились на ночлег в трескучий мороз на снегу под открытым небом. Выдержавшие это жестокое испытание с рассветом задвигались, мертвые темными пятнами остались лежать на снегу...

6 февраля генерал Павлов намеревался было вновь атаковать Торговую, но вынужден был от этого отказаться. Части растаяли, а моральное и физическое состояние оставшихся в строю требовало немедленного вывода их из степей на отдых. К утру 7 февраля конная группа сосредоточилась на ст. Целина, откуда в 12 часов двинулась в станицу Егорлыцкую, где и расположилась вечером по квартирам, проведя до этого несколько дней под открытым небом.

В Егорлыцкой был сделан приблизительный подсчет потерь за время скитаний по степям и установлены страшные цифры. Одна только 4-я дивизия, вышедшая в составе 4030 казаков, потеряла 2520. Вооб-

ще же в конной группе, по свидетельству журналиста Раковского, находившегося при штабе Донской армии, из 10—12 тысяч осталось только пять с половиною тысяч. По моим сведениям, численный состав Конной группы был около 15 тысяч всадников. Осталось после степей около 5800 человек (генерал Позднышев).

Волею одного человека, пунктуально исполнившего приказ, не считаясь с реальной обстановкой, конница была погублена и перестала быть той грозной решающей силой, которая одна еще могла изменить неблагоприятно развившийся для белых ход вооруженной борьбы.

С. Туржанский²⁸⁹

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА, МЛАДШЕГО ОФИЦЕРА СЕМИЛЕТОВСКОЙ БАТАРЕИ СВОДНО-ПАРТИЗАНСКОЙ ДИВИЗИИ ДОНСКОЙ АРМИИ²⁹⁰

30 ноября 1919 года (старый стиль). По приказанию командира батареи полковника Константина Львовича Медведева²⁹¹ из хутора Ежовского, где стояли дня четыре, пошли на хутор Бабин. В Ежовском заболели сыпным тифом дивизионный орудийный техник и заведующий хозяйством батареи подполковник Ульянов. Поручик Мельников (старший офицер) и подпоручик Паперин уехали в тыл по вызову командира дивизиона. В хуторе Бабином оказалось набито до отказа обозов, и мы поэтому остановились в хуторе Обрывском. Но заснуть спокойно нам не дали. В 1 час ночи в хутор пришел штаб 7-й дивизии, и к нам поставили начальника дивизии, а в 6 часов утра выступили в 40-верстный переход на хутор Стоговской за рекой Доном. Противник теснит наши части, и несомненно новой позицией будет река Дон. В Стоговском простояли три дня. Наконец-то нашелся подпоручик Васищев, привезший папирос, сахару, посылку от милых сестер. Не забыли обещания. Приехал разведчик с приказанием — перейти в хутор Тиховской. Поттащились, чуть не вплавь переправились через какую-то речку и в тот же вечер, едва ставши по квартирам, принуждены были снова переплывать назад в хутор Батальщиков. Чуть не утопили верблюда из санитарной двуколки, да оставили в речке на ночь пушку, и только на следующее утро шесть пар волов вытащили ее.

В хуторе Батальшикове с нами соединился 2-й взвод батареи, и мы с неделю простояли спокойно. Вся партизанская дивизия на отдыхе. Через два-три дня уезжаем с Валерианом. Я после тифа в отпуск, он сопровождающим. Чалого коня, который достался мне от пойманного

мною под хутором Красным красноармейца, продаю: в отпуск надо денег, а их мало. Заболел наш командир, доктор боится, что сыпняк. Снова батарея остается почти без офицеров.

9 декабря. В хуторе Терновом около ст. Миллерово. Все изменилось. Из хутора Батальщикова дивизию направили под город Богучар. Но после смотра конского состава батарею отправили в Греково-Степановку в чесоточный лазарет. Начались мытарства. Красные сбили наши части под Медовом, все тыловые учреждения ушли дальше, снялся и лазарет. Мы ночевали в хуторе Каменном, когда в 2 часа ночи туда прилетел штаб дивизии, и по приказанию Шукина немедленно ночью вышли, имея местом назначения Миллерово. Красные ночным набегом заняли Журавку, откуда едва ушел штаб дивизии. Стали в хуторе Терновом. Дела на фронте слабы, мы везде отходим.

18 декабря. В Терновом не дали долго стоять, фронт все подается назад. Мы пошли на ст. Каменскую уже без всяких приказаний, в силу необходимости. От своего 2-го корпуса мы оторвались и находимся в районе 3-го. В Каменскую мы пришли 11-го. Капитан Титов сейчас же уехал в Новочеркасск к начальнику артиллерии, чтобы от него узнать место, где мы можем получить лошадей, а пока он ездил, мы успели уйти из станицы Каменской, так как противником занята ст. Глубокая, и мы сейчас стоим в хуторе Долотине в 12 верстах от Сулина.

30 декабря. Противник продолжал нажим, нам пришлось отойти из хутора Долотина. Приехал капитан Титов с приказанием стоять около Сулина. В тот же день, то есть 20-го, я и поручик Паперин поехали в Новочеркасск и Ростов. Я к начальнику артиллерии с докладом о том, что лошадей во 2-й западной бригаде, где нам было указано получить, нет. Пересаживаясь с поезда на поезд на каждой остановке (догоняя впереди идущий), на следующий день в 1 час дня добрались до столицы Дона. Начальника артиллерии в этот день я найти не мог, а 22-го в Новочеркасск пришла и батарея, едва не захваченная красными в Сулине. 23-го на подводе поехал в Ростов взять сестер Матвееву и Варламову, но их не застал, они куда-то выехали. Все магазины закрыты из боязни погромов, так как отходящие части довольно безобразно ведут себя. Переночевал у Паперина, купил у него четырехлетнего жеребца (все равно забрали бы), за 17 тысяч и в канун Рождества вернулся в Новочеркасск. Здесь прошлой ночью тоже было неспокойно. Разлагающиеся части разгромили несколько магазинов и винный склад. Порядок восстановили и даже двух офицеров повесили на Московской улице.

25-го пришлось уходить из Новочеркаска на ст. Город, так как бой шел на Персиановке. Началось снова наше движение, снова ночевки в ужасных условиях. Первая в ст. Городе, затем в Хомутовской, в ху-

торе Церковном и остановились в хуторе Ср. Елабусе около ст. Мечетинской. Фронт по реке Дону, штаб нашей Сводно-партизанской дивизии за рекой Манычем. Новочеркасск, по слухам, занят красными, о Ростове ничего не известно. Плохое настроение, казаки пока слушаются, но отдельные случаи остающихся в проходимых хуторах уже наблюдаются.

Приступаем к лечению лошадей от чесотки. Бедная моя Прима стала похожа на клячу. Приложу все усилия, чтобы вылечить ее. Теперь хорошая лошадь вот как нужна, неизвестно, что ожидает впереди. Наконец-то кончается запас водки, набранной казаками батареи в Новочеркасске, без нее будет казак похож на солдата.

2 января 1920 года. Седьмой год войны, лишений и почти нечеловеческих условий существования встречен на хуторе около ст. Мечетинской в грязной комнате, где лежат два больных — один сыпняком, другой воспалением легких. Среди коллег-офицеров мало симпатизирующих друг другу. Что этот год принесет нам? Разрешит ли он, наконец, спор белых и красных? Все изнервничались, измучились и лишениями и беспросветным будущим. Что у нас за отдых, когда встречали Новый год водкой под огурцы с луком и картошкой с постным маслом да вареными кормовыми бураками. Во двор носа нельзя показать, дождь и грязь по колено. Скверное настроение, и не ждешь от нового года радостей.

11 января. Продолжаем стоять в хуторе Ср. Елабусе. Уехали поручик Мельников и ветеринарный врач Кржинов с 10 казаками реквизировать лошадей. Я тоже был назначен в эту комиссию, но пришлось остаться, так как некому принять заведование хозяйством, а подпоручик Васищев заболел возвратным тифом. В этой новой роли был вчера в корпусном интендантстве в ст. Мечетке и проклял свое существование. Какая везде канцелярщина! Прежде чем получить пуд керосина (для лошадей), нужно пройти десяток чиновников, и вся эта процедура занимает не меньше трех дней. И это почти в походе, а что было бы на долгой остановке? И везде заедает бумажность.

Два месяца назад, еще за Доном, я болел возвратным тифом (перенес на походе) и получил месячный отпуск на поправку домой, в Харьков. Билет же должен был подписать командир корпуса (2-го, генерал Коновалов). Билет пошел в штаб бригады, дивизии и дальше. Я успел поправиться, красные успели взять Харьков, Новочеркасск и Ростов, а билет все где-то ходит. Теперь он мне и не нужен, так как и ехать-то некуда.

Неважны наши дела. Красные подошли к последней нашей позиции на Дону — к реке Манычу. Спасибо — грязь невылазная, и перейти сейчас эту реку невозможно. Но если и отсюда отойдем, останется одна

Кубань. А батарея стоит сейчас в хуторе, кое-как лечит лошадей и ждет пополнения консоставом. Скучно, ни общества, ни даже гитары нет. Был с вахмистром раза три в поле с борзыми, поймал пару зайчишек, но погода изменилась, и по грязи с собаками не поскачешь.

16 февраля. За тот промежуток, что не писал, произошло много событий. Во-первых, на Маныче нашу дивизию целиком забрал Буденный, ушла только Чернецовская батарея да штаб. Этот остаток отходит на границу Дона и Кубани на реке Кугоейку для формирования. Наша батарея на хуторе Ново-Ивановском. Простояли до 9 февраля. За это время на фронте потрепали Буденного, но он снова прорвался через Торговую и дошел до Белой Глины. Нашу дивизию перебросили в ст. Егорлыцкую, на которую 13-го красные повели наступление большими массами кавалерии. У нас была кавалерия генерала Павлова (4-й корпус) и генерала Коновалова (2-й корпус). Занять станицу красным не удалось, но правее они налетом заняли хутор Ново-Ивановский, где только что стояли мы, и зарубили несколько человек больных в обозе. Под Егорлыцкой бригада генерала Барбовича десять раз ходила в конном строю в атаку. Красный прорыв ликвидирован, говорят, их даже выбили из ст. Егорлыцкой и у них в руках Грязнуха. Брат Валериан был послан в Екатеринодар за покупками, но, по счастью, не вернулся в Ново-Ивановку к моменту налета на наш обоз.

27 февраля. Плохо. 17-го красные вновь повели наступление на ст. Егорлыцкую и, несмотря на наше сопротивление, выбили нас. Ночь простояли в поле по дороге на Мечетку, а на следующий день пошли на хутор Ефремовский. Началось снова отступление. Вероятно, у высшего командования есть какой-либо план. Из Ефремовки пошли на хутор Козачий, но остановиться не удалось, так как красные все нажимают. С трудом перешли плотину и стали в поле. Ночью обоз перешел в хутор Пашковский, а мы (батарея) ночевали в двух хатах в ст. Кугейской. До сего времени мы идем, не соприкасаясь с противником, но верстах в двадцати сзади слышна орудийная стрельба. Дорога ужасная, но еще невозможнее переправы через речонки в станицах. Грязь по брюхо лошади и такая вязкая, что упавшая лошадь не в состоянии сама подняться. Я видел обыкновенную парную повозку с домашними вещами и с четырьмя-пятью людьми на них, везли три пары быков, причем повозка шла как сани, так как колеса не вертелись. На мостах картина потрясающая. Поломанные повозки, упавшие в грязь, еще живые лошади, по которым идут орудия. Все спешит, толпится, опрокидывая друг друга. Последовательно прошли станицы Пашковскую, Екатерининскую, Павловскую, Леушковскую, Ираклеевскую, Березинскую, и сегодня дневка в ст. Корневской. До Екатери-

нодара осталось всего 60 верст. Что нас ждет впереди — Бог ведает. Что суждено, того не избежишь. Неужели не придется повидать детишек и родных? Но все же мы не падаем духом. Беспокоит меня Валерьян — и куда он запропастился? Цены бешено поднимаются. Яйцо стоит 40 рублей штука. Курица — 750 рублей. На наше мизерное жалованье за месяц можно купить только три гуся. Денег в батарее не хватает. А кубанцы жадны, и покупаешь продукты для батареи чуть не с боем. В тылу работают зеленые. Хорошенькое положение!

7 марта. Станица Григорьевская, начало Кавказа. Из Кореневской перешли в Плотнировскую, затем Пластуновскую, Динскую и, наконец, 1 марта пришли в Екатеринодар. Здесь нашли нас Ульянов, Рейнфельд и Валериан, Серафима Андреевна здесь, кроме капитана Медведева, все теперь в сборе. Увы, простояли в Екатеринодаре лишь два дня. Пришлось уйти за реку Кубань в ст. Афибскую.

В Екатеринодаре произошел очень характерный для нашего времени эпизод. Я был послан командиром дивизиона на станцию в интендантство в поезде получить что-то из обмундирования. В сопроводительной записке начальника дивизии было написано: если интендант не даст — применить силу. И я взял с собой тачанку с пулеметом, пригрозил, что буду стрелять, и, несмотря на вопли интенданта, нужное получил. Красиво! А половину бросят при дальнейшем движении.

Три часа переходили железнодорожный мост. Пока мы ждали очереди, мимо прошла сотня терцев; один казак с лошадей упал в грязь. Его и лошадь подняли, а бурка так и осталась в грязи. Полдня нужно употребить, чтобы ее вымыть.

Говорят, пойдём на Туапсе, а дальше? Трудно здесь. Плохо с фуражом и с хлебом. А мне радостнее идти. Дорогие мне люди со мной. Вероятно, с родиной простился навсегда. Если выберусь благополучно из создавшегося положения, то надо начинать новую жизнь. Где-то мои детишки, что с ними? Ох, как болит за них сердце! Проходим все новые места. Кругом аулы, черкесы, зеленые. Вчера напали на наш отряд и после полученной встряски прислали парламентариев с предложением мира. Все это рвань, пытающаяся перекраситься в красный цвет.

14 марта. За неделю сколько перемен. На смотре генерал Сидорин говорил, что Донская армия отдохнет за Кубанью и снова перейдет в наступление. На деле же оказалось все не так. Нашему делу конец. Сопrotивляться мы не можем. И снова полуотход-полубегство. Из Григорьевской, пробиваясь через зеленых, пошли на Холмскую, с колоссальным трудом притащились в Крымскую, едва уйдя от нажимающих с левого фланга красных. Из всех батарей нашей Партизанской дивизии только одна наша сохранила все четыре пушки, в Черне-

цовской осталась одна, в 7-й — одна, а в Богучарском дивизионе ни одной. Ужасный путь: по двое суток без пищи и сна, со всех сторон стрельба, а в Тонельной железнодорожный путь, по которому шли, перерезал противник, подойдя со стороны Тамани. Корниловская дивизия²⁹² его задерживала, пока прошла наша. Шли через перевал. Пушки везли по пять-шесть уносов. Одно спасение — погрузка на суда. 13-го пришли в Новороссийск. Всю дорогу справа нас обстреливала артиллерия красных. Особенно верстах в десяти от города какая-то батарея пристрелялась и причиняла нам большие неприятности, пока не удрала после трех выстрелов с английского броненосца из стоявших на рейде Новороссийска.

Под самым городом наша батарея стала на позицию и задерживала красных, когда в 5 часов вечера пришло приказание идти на пристани грузиться с орудиями и лошадьми. Попросили разрешения выпустить последние снаряды и радостные, веселые пошли на пристань. С разрешения командования я отбился в склады, где разбирались обмундирование и продукты, с тем чтобы, зная район Стандарта, проехать на пристань напрямиком. С казаком Бублеевым я выехал на пристань. Картина невиданная и незабываемая. На пристани сплошной массой стояли тысячи, если не десятки тысяч лошадей. Долго бродили, пока нашли инардива, начдива и военного врача Кржипова, от них узнали, что парохода для погрузки нашей дивизии нет и каждый должен грузиться, куда сможет. Если удастся попасть на тот, куда грузятся корниловцы, то это будет счастье. Послал с Бублеевым записку в батарею, чтобы шли люди без лошадей, самому же оставалось одно — держаться за остальными и ждать подхода батареи.

Сумятица на пристани царила невообразимая, и отбейся в сторону — моментально потеряешься. Под вечер, после двух часов ожидания батареи, оставил Примку, поцеловал ее на прощанье в хrap, с трудом протискиваясь в сплошной массе лошадей, вместе с полковником Грузиновым²⁹³, Панышевым²⁹⁴ и Кржиповым под видом корниловцев (у меня была артиллерийская фуражка) пробрался на пароход «Корнилов» и вот сейчас сижу на корме парохода и смотрю на исчезающий вдали берег.

Прошло полтора года с того момента, как я вышел на берег в том же Новороссийске и поступил в Донскую армию. Сколько пережил за это время, сколько перенес лишений и что осталось? Полное разочарование, крушение всех надежд. И вдобавок, может быть, разлука с последними дорогими людьми. Где Сима, где брат? Погрузятся ли они, увижу ли я их когда-нибудь? Идем, кажется, в Феодосию. Нет во мне никакой радости, хотя я и удачно ушел от красных. Какая смешная

маленькая подробность. Я в 1918 году приехал в Новороссийск с чемоданчиком, в котором была пара белья да выходной офицерский костюм, а уезжаю с пустыми руками. Английская шинель — вот все, что приобрел я за это время. Остальное или украли, или осталось в батарее и, конечно, тоже пропадет. Куда-то теперь бросит судьба? Приложу все усилия, чтобы найти кого-либо из офицеров батареи. Не может быть, чтобы все остались. Там были еще транспорты, и при нашем выходе из порта в порт вошел вернувшийся транспорт. Неужели никого не придется увидеть? Я не хочу этому верить. Это слишком тяжело, для меня батарея — вторая семья.

И. Сагацкий

НА ПУТИ В НОВОРОССИЙСК²⁹⁵

В середине декабря 1919 года хорошо налаженная, шедшая полным темпом жизнь атаманского военного училища²⁹⁶ остановилась совсем. Снова на севере загудела даль и над Новочеркасском начала нависать угроза приближающихся боев. Город пустел. Было очень холодно, падал снег.

Юнкера были заняты главным образом несением караульной службы в самых ответственных и опасных местах. Одним из таковых являлся Войсковой винный склад. Каждый день около него, с наступлением ночной темноты, появлялось все больше и больше подозрительных силуэтов. От них в любой момент можно было ожидать чего угодно.

Управляющий складом, при смене караула, раздавал сам уходящим юнкерам покрытые землей и паутиной бутылки драгоценного старого вина. «Берите, господа юнкера, — приговаривал он с улыбкой, — кушайте на здоровье с родными и друзьями. Будет обидно, если такое вино зря пропадет...» И мы уносили его. Какое это было вино — наше цимлянское!

Привыкший к событиям и переживаниям последних двух лет, Новочеркасск принимал звук отдаленной канонады спокойно: и на улицах, и в домах слышалось: «...В конце концов, будет нужно — уйдем. Через месяц или два вернемся обратно. Столько уже раз уходили и, слава Богу, возвращались благополучно!»

Но под самое Рождество положение стало серьезно: город обстреливался красными. Из-за неизвестности ближайшего будущего отлучки юнкерам были строжайше запрещены. Приемная училища еле вмещала родных и друзей, все еще не решавшихся проститься окон-

чательно с юнкерами. Я больше молчал, сидя с моей бедной матерью. Ей столько пришлось уже пережить до этого. Видимо, наши мысли и настроения были одинаковы, так как мать тихо и твердо сказала: «Я пойду домой. Проводи меня до порога: хочу тебя благословить». Ей и мне дальнейшее было ясно.

Когда она крестила меня, произнося напутственные слова, рядом — на мостовой и аллее Комитетской — разорвались две гранаты. Мать, спокойно и не оборачиваясь, пошла по улице, а я долго смотрел ей вслед, не слыша новых разрывов снарядов.

26 декабря по всему расположению училища шли приготовления к выступлению в поход. Юнкера, справившись со своими несложными хлопотами, бродили с места на место, готовые каждую минуту, по сигналу тревоги, броситься к сборному пункту и стать в строй. Часы тянулись томительно, в полной неизвестности. После же обеда стало совсем невмоготу. Тревоги все не было, ворота училища широко распахнуты на улицу, около них и во дворе — ни дежурных, ни часовых. Несколько моих приятелей-юнкеров решило: «Сегодня мы, конечно, опять не уйдем, да и бой как будто удался от Новочеркаска. Можно успеть еще раз повидать своих». И, выйдя без всяких затруднений из училища, мы бодрым ходом разошлись по домам.

Но мое неожиданное появление дома не принесло матери никакой радости. Напротив, на ее лице появилась тревога, и после нескольких фраз она умоляюще сказала мне: «Лучше уходи скорее... Христос с тобой! В городе не осталось почти никого и теперь всюду страшно... А мы тут как-нибудь сами...» Мама беззвучно заплакала.

Когда я возвращался обратно, на улицах стояла темнота и только между домами намечался просвет от восходящей луны.

Войдя во двор училища, я нашел у самых ворот его большую толпу. Кто-то назвал мое имя, и не успел я еще приглядеться и поздороваться, как несколько голосов заторопили меня: «Спешите, только что была тревога... Юнкера сейчас уходят». Из толпы поднялись руки, крестя меня. Я снял фуражку, перекрестил сам толпу и бросился бегом на противоположный край училища, где был расположен мой инженерный отдел.

Прибежал я как раз вовремя: оставалось только несколько замешкавшихся юнкеров, остальные уже стояли в строю. Мне помогли быстро надеть походную амуницию, и сейчас же вслед за этим появился сменный офицер.

Беглый осмотр, несколько команд, и наша 2-я пешая сотня стала выходить на Платовский проспект. Там еще быстрое перестроение, и мы тронулись в путь. Медленно проходили силуэты провожавших нас

близких, знакомые здания, магазины, Московская улица, Александровский сад... Позади гремели орудия и одиночные разрывы в городе. Мы покидали Новочеркасск «на один-два месяца», и в этом провожавшие и мы сами были непоколебимо уверены.

Выйдя из города, юнкера пошли вольнее и стали подниматься на противоположные холмы, по дороге, ведущей на Аксай. Стоял крепкий мороз. Снег лежал сухой и довольно глубокий. Идти было трудно по краям дороги, уступая середине все время обгонявшим нас конным частям и пушкам. Неполная луна стояла высоко, и под ее светом оставленный Новочеркасск, с наметившимися в разных местах пожарами, казался издали фантастичным и зловещим.

Обгонявший меня подьесаул Артемов²⁹⁷, сменный офицер артиллерийского отдела нашего училища, заметив, что мне очень холодно и трудно пешком, предложил отдохнуть на его лошади, но я побоялся еще больше замерзнуть верхом и мужественно отказался. Наконец, Новочеркасск исчез из вида и мы оказались в открытой со всех сторон степи...

* * *

В Ольгинской переправились по льду через Дон и пошли прямо на юг. Вскоре появились первые отставшие подводы, нагруженные домашним скарбом или казенным имуществом. Несколько раз глухо хлопнули в воздухе выстрелы: добивали выбившихся из сил или покалеченных лошадей. Из степи же, справа и слева, подходили все новые и новые люди и втягивались на дорогу. Жаль было видеть брошенных женщин, иногда с детьми на руках, и не менее тяжело было любоваться группами чистокровных выхоленных лошадей, уводившихся с Задонья донскими коннозаводчиками... А тут еще неожиданно пришла оттепель, и степные дороги превратились в месиво грязи и талого снега.

2-я сотня атаманского военного училища шла с остановками только на ночлеги. Наши походные кухни мы находили не сразу, а днем во время движения просто приходилось голодать. Появились и первые насекомые.

От усталости, растертых до крови ног и недоедания я начал отставать на переходах. Моим спутником оказался юнкер-пластун Женя А. Он был приятным собеседником, и мы плелись с ним вместе по разбитой дороге, вспоминая жизнь и друзей в Новочеркасске. Раздобыв же где-нибудь, при содействии ясных голубых глаз, нежного румянца и ангельской улыбки Жени А. краюху хлеба, мы делились ею по-братски.

В одной из хат, стоявшей недалеко от дороги, мы нашли статного, опрятно одетого мужчину, но без погон на гимнастерке. Он дал нам

напиться воды, но, увидев наши юнкерские погоны, усадил за стол и из своих скромных запасов принялся кормить нас. При прощании с ним оказалось, что он — старый фельдфебель л.-гв. 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка. Мы были очень тронуты его добротой и необыкновенной деликатностью обращения с нами.

На следующем переходе мне стало так трудно идти, что я упросил Женю А. не останавливаться из-за меня и обещал догнать его, как только немного отдохну. Что случилось дальше, я не понял: видимо, потерял сознание или просто крепко заснул, тут же, сбоку дороги, на мокрой земле. Пришел я в себя от голоса: «Что с вами, юнкер?» Надо мною стоял всадник на лошади, закутанный башлыком, с погонями подьесаула-артиллериста. И он, и я моментально узнали друг друга: это был Володя Самсонов, наш бывший кадет, проходивший мимо со своей батареей. Я объяснил ему, что отстал от сотни и решил отдохнуть. «Да ты с ума сошел спать в луже ледяной воды». Самсонов подозвал вахмистра и приказал ему посадить меня на один из зарядных ящиков. Так я добрался до ближайшей станицы, где Самсонов передал меня войсковому старшине Китайскому, тоже бывшему кадету моего корпуса. Казаки его полка потеснились за столом и сердобольно принялись кормить. Они даже уступили мне печь, но на ней я уже нашел какую-то молоденькую сестру милосердия. Она довольно пренебрежительно оглядела меня сверху и спросила: «Зверей много?» — но, видя мое смущение, сейчас же добавила: «Впрочем, это ничего. Я не боюсь. Лезьте» — и повернулась к стенке.

Около Кушевки я, наконец, догнал мою сотню и присоединился к ней.

Станица была забита войсками и беженцами. Грязь на улицах стояла невероятная. То там, то сям торчали в ней оглобли застрявших повозок, иногда целые ящики или чемоданы с оставленным добром, даже сапоги и пр. В этом тягучем болоте грязи и луж воды поток конных и пеших людей, обозов с изможденными лошадьми медленно и беспрерывно двигался дальше к югу. Тяжелые сцены встречались теперь все время вдоль пути, и проходившие старались не оборачиваться: помочь было невозможно.

* * *

Так юнкера добрались до станицы Павловской, и тут внезапно вернулась зима с глубоким снегом и крепчайшими морозами. Кормили нас совсем скудно, денег не было, выкупаться или даже выстирать белье не представлялось никакой возможности. Моему полувзводу особенно

не повезло: хозяйка наша оказалась на редкость злоющей и до крайности скупой бабой. Она отвела нам лишь одну комнату в своей избе, дала по охапке соломы на человека, чтобы не спать на холодном земляном полу, и больше ничего от нее добиться было невозможно. Даже печь она запретила топить. Другим юнкерам было лучше: они стояли в теплых хатах и кое-где казачки даже подкармливали их.

Училище приводило себя в порядок после похода из Новочеркасска. Никаких занятий, конечно, не было, но вскоре началось несение караульной службы, главным образом на станции Сосыка, где стоял поезд командующего Донской армией генерала Сидорина. 1-я же конная сотня училища несла службу разъездов в прифронтной зоне. В одном из них погиб юнкер Карасев. Он со всем своим выпускным классом Донского кадетского корпуса был зачислен в состав атаманского военного училища в Павловской и попал в конную сотню. Разъезд, в котором он находился, отыскивал на фронте генерала Сидорина, и в одном месте красная конница неожиданно атаковала юнкеров. Сопротивление большевикам из-за неравенства сил было бессмысленно. Юнкерский разъезд бросился обратно, но ему надо было проскочить через мост, к которому наперерез уже неслись большевики. Юнкера сбились на мосту, но успели пройти на другую сторону, как вдруг лошадь Карасева поскользнулась в грязи и упала со всадником. Налетевшие красные зарубили Карасева почти на глазах у юнкеров.

Мою 2-ю сотню, окончательно перешедшую в конвой командующего Донской армией, беспокоили тоже немало, высылая ее в разных направлениях.

Вести с фронта приходили неутешительные: красные сильно нажимали повсюду. Конница генерала Павлова с трудом сдерживала их и несла большие потери обмороженными в степи.

В эти дни нас вывезли в город Ейск, где мы встретились на смотре с Кубанским военным училищем, а потом были обласканы гостеприимством радушных жителей. Пришлось нам сопровождать генерала Сидорина с его начальником штаба генералом Кельчевским и на историческое совещание генералов на станции Тихорецкая. Однако в составе конвоя жизнь юнкеров нисколько не изменилась к лучшему, и в товарных вагонах поезда им было так же холодно и голодно, как и раньше на походе или у нашей ведьмы-хозяйки в Павловской. Оставалась дисциплина, бодрый дух и та же вера в то, что вскоре... фронт пойдет снова к Новочеркасску. Стало чувствоваться приближение настоящей весны. Моя сотня вдруг была снята с конвойной службы, быстро перегружена в другой товарный поезд и тронулась дальше на юг. На одной из остановок в степи до моего слуха докатилось по вагонам мое имя: меня требовали к

начальнику училища. Являясь к нему, я заметил рядом с ним ротмистра Иркутского гусарского полка Автономова. Мне было сказано: «Ротмистр просит меня отпустить вас с поездом командующего Донской армией, который пройдет вскоре на Екатеринодар. Если вы захотите воспользоваться этим предложением, я разрешаю вам ехать вперед, а в Екатеринодаре вы присоединитесь к училищу. Оно прибудет туда на днях». Я сразу согласился и поблагодарил.

Когда подошел поезд, ротмистр Автономов передал меня сестре милосердия С., оказавшейся при штабе командующего армией. Я был очень хорошо знаком с ее семьей по Новочеркаску. Она отвела меня в соседнее купе и приказала: «Снимайте с себя решительно все и бросайте в угол. Сейчас вам принесут новое обмундирование, ваше же пойдет прямо за окно вагона. Потом вы примете ванну и мы пообедаем вместе».

Все это было как в сказке: первая горячая ванна после Новочеркасска, свежее белье и новая верхняя одежда, походный ранец, набитый различными вещами и едой, большая коробка в пятьсот папирос! Какой рай! А потом рядом, в тепле и уюте купе первого класса, прекрасный обед из вагона-ресторана и долгий разговор с хозяйкой под мягкое покачивание и стук вагона...

На следующее утро в Екатеринодаре я пошел в Кубанское военное училище²⁹⁸, где должно было остановиться наше на несколько дней. Радостно было найти там Бориса Тарасевича²⁹⁹, Либиса³⁰⁰, Кукуша Петрова и других кадет, кончивших в одном выпуске наш корпус.

Когда подошло атаманское военное училище, выяснилось, что у нас появилось немало больных. Их одного за другим пришлось спешно отправлять на станцию. Это был сыпной тиф, начавший беспощадно косить юнкеров. Заболел и мой большой друг Левушка Б. Его тоже надо было срочно сдать в специальный поезд, но ни повозки, ни носилок больше не было, а прикасаться к нему юнкера боялись. Левушке было очень трудно подняться, он горел в жару, но надо было принимать какое-то решение, и я уговорил его идти со мною на вокзал. Не знаю, сколько времени тащились мы, останавливаясь, выбиваясь из сил, падая вместе на тротуар, садясь отдыхать, но до станции мы все-таки добрались. На перроне я перекрестил его, поцеловал и сдал в поезд. Я ожидал после этого, что заболею сам, но все обошлось благополучно.

* * *

Вскоре атаманское военное училище было отправлено на ст. Георге-Афипскую. Там в первый раз на горизонте наметились воздушные очертания предгорий Кавказа. Георге-Афипская и ближайшие ее ок-

рестности были забиты войсками и беженцами. Все время увеличивающийся поток людей непрерывно тянулся дальше, в сторону Тонельной. Говорили, что и мы будем отступать на Новороссийск.

В степи таяло, сияло солнце, и на жидкой грязи только кое-где оставались островки посеревшего снега. Позади и с разных сторон глухо гудела даль от орудийного боя. В один из этих дней мой приятель Дмитрий Донсков³⁰¹ сказал мне: «Отец очень плох; у него, наверно, тиф, и его должны эвакуировать дальше в поезде. У отца две лошади, и он хочет доверить их в надежные руки. Одну беру я, другую же отец может отдать тебе. Если хочешь, пойдём».

Генерал Донсков³⁰² был, действительно, очень болен. Он согласился передать нам своих лошадей и просил заботиться о них, как о самих себе. Мне достался прекрасный рыжий конь, Дмитрий взял игреневого. Лошади были в блестящем виде, с доброй седловкой. Вернувшись в училище уже верхом, мы явились по начальству с просьбой о переводе нас в конную сотню.

Ее командир — есаул Кочетов³⁰³, строгий и обычно резкий с юнкерами, увидев наших лошадей, сразу согласился, добавив: «Таких лошадей мне очень надо!» Вахмистр зачислил нас в 1-й взвод, юнкера приняли нас приветливо, но один из них улыбнулся: «Ну, теперь держитесь. Достанется вам — не будете вылезать из разъездов! Наши-то лошади — настоящие одры, побитые и чесоткой, и болячками, а ваши кони — прямо богатыри».

В дальнейшем эти слова юнкера оказались пророческими. Прежний конский состав училища было трудно узнать: от непрерывной службы, плохого корма и недостатка ухода лошади, за немногими исключениями, находились в жалком состоянии. Наши же были в теле, здоровы и опрятны. И на нас сразу посыпались поручения. Вскоре мы с Донсковым были назначены в разъезд войскового старшины Свешникова. Задача разъезда была нетрудная, скорее даже приятная. Она состояла в том, чтобы в ближайших аулах раздобыть фуража для сотни и доставить его в Георге-Афипскую. Юнкера переправились вброд через реку и пошли на север, имея справа полотно железной дороги.

В одном из аулов разъезду удалось собрать немного фуража, но еды для себя достать оказалось невозможно, даже за деньги. В грязной, закопченной дымом хате старый горец, не говоривший ни слова по-русски, понял мою просьбу, но с сокрушением развел руками и указал на кучу маленьких голодных ребятишек. Он отстранил протянутую ему кредитную бумажку и отломил в миске кусок мамалыги. Увы, меня от нее вытошнило. Я с досадой махнул рукой и оставил еду хозяину.

Разъезд возвращался не спеша и весело, но, приблизившись к железной дороге, вдруг услышали невдалеке ружейную перестрелку. Потом сзади показался небольшой бронированный поезд. Медленно обгоняя разъезд, люди нам что-то кричали с него. Вслед за поездом, среди кустов и деревьев перелеска, показалась цепь нашей пехоты, быстро отходившей к Георге-Афипской. Красные наступали и были совсем близко. Мешкать было нельзя. Разъезд бросился к броду, перешел реку и пошел галопом к станции. В Георге-Афипской не было уже почти никого, и мы догнали сотню далеко в поле.

* * *

Потом мы шли дальше. Горы постепенно стали сходиться с обеих сторон. Кругом гремел бой. Вдоль насыпи и по самому полотну железной дороги текла плотная непрерывная лента людей. Это было похоже на библейский исход народов. В поле стояла та же непролазная грязь, и по ней рисковали продвигаться только конные части.

Придя на ночлег в какую-то станицу, находившуюся на склоне первых холмов горной цепи, я заметил, что у меня лопнула первая подпруга седла. Это было чрезвычайно неприятно, так как сам я починить ее не умел, да и спать хотел смертельно. Я пошел доложить взводному, но тот с досадой отмахнулся: «Идите, ищите сами, кто смог бы поправить вам подпруги. Шорников у нас осталось только два, работать больше они не хотят, да и те, наверно, на днях перейдут к красным или сбегут к зеленым».

Шорники, в небольшой компании, играли в «очко». При моем появлении все стихли: разговор шел, видимо, о каких-то иных вещах. Почувствовав, что тут происходит нечто подозрительное, я поспешил изложить мою просьбу о починке подпруги. Один шорник сразу же категорически отказался, второй долго мямлил в нерешительности и, в конце концов, чтобы отвязаться от меня, пообещал на следующее утро придумать что-нибудь. Но этой же ночью оба они, вместе с другими игравшими в карты, ушли в горы к зеленым. Утром, в ответ на мои сетования, взводный Текутов уверял меня, что седло будет неплохо держаться и на второй подпруге. Пришлось утешиться подобным ответом и так выступить дальше.

Вдоль пути обстановка оставалась прежняя. Бои гремели еще ближе, и горная лощина продолжала суживаться. Сзади подходил Дзюнгарский полк. Трубачи его играли грустный мелодичный вальс.

Есаул Кочетов, оставляя проселочную дорогу, повел сотню рысью прямо через поля. Несмотря на движение, я чувствовал, что прямо

засыпаю в седле. Пришлось брать целый ряд препятствий — канав и плетней, разделявших пахотные участки. И вот на одном из плетней случилось то, чего я боялся больше всего: на прыжке я свалился на землю, хотя конь совершенно легко перемахнул через изгородь. Налетевший Кочетов разнес меня за «расхлябанность» и пр. Мне было очень обидно за несправедливость, но пришлось молча и навзничь выслушать короткий поток его красноречия. Добрый же конь после моего падения испугался и бросился в сторону, но вскоре сам остановился: под его животом болталось перевернувшееся седло. Виной всему оказалась злосчастная непочиненная подпруга. Огорченный и сконфуженный, я кое-как приладил седло и догнал сотню.

К вечеру мы добрались до станции и оттуда отошли на ночь на самую окраину станицы. Справившись с заботами о лошади и себе самом, я устроился в углу сарая и, конечно, моментально уснул. Но отдых продолжался недолго: сквозь сон я услышал мою фамилию: «...вы назначены в разъезд... собирайтесь», — объявил мне взводный. «В какой разъезд? Я почти целую неделю в разъездах. Почему опять я?» Старший юнкер смягчил тон: «Разъезд очень серьезный. Нужны сильные лошади, а таких в сотне осталось мало. Поэтому вам придется ехать вне очереди еще один раз». Проклиная в душе взводного и всех «ловчил», я встал и быстро привел себя в порядок. Митя Донсков ехал тоже. Обменявшись с ним общими настроениями, вернее — крепкими словами по адресу взводного, мы выехали на назначенный для сбора пункт.

Лил проливной дождь, и темнота царила кромешная. Войсковой старшина Свешников, опять начальник разъезда, вскрыл пакет и прочитал юнкерам поставленную задачу. Нам было поручено возвращаться в сторону Георге-Афипской и отыскивать вдоль пути командующего Донской армией. Глубокой ночью единственным путем следования являлось полотно железной дороги, проходившее теперь по высокой насыпи, но по нему, и в этот даже час, двигались толпы уходивших от большевиков людей. Приказание, однако, надо было выполнить, и разъезд тронулся. Дойдя до станции, мы двинулись навстречу людскому потоку. Пришлось вытянуться цепочкой по одному по боковой, пешеходной тропинке.

Несмотря на постоянные окрики, шедшие люди постоянно наталкивались в темноте на лошадей разъезда. Пробивались мы медленно, с большим трудом и долго. Дождь лил с прежней силой. Масса отходивших на Новороссийск продвигалась по всей ширине полотна. Иногда по шпалам между рельс прыгали и небольшие повозки с вещами. Толпа негромко гудела от разговоров и повиновалась приказаниям и окрикам.

Сколько времени продолжалось наше продвижение вперед — трудно определить, но вдруг разъезд остановился совсем. В этот момент разъезд очутился на длинном железнодорожном виадуке. По строю юнкеров пошло от головы к хвосту: «Подходит поезд с ранеными. Приказано пропустить его... Поставить лошадь крупом к рельсам. Стать самому лицом к ним и не позволять лошади оборачиваться, держа голову коня около своей груди». Юнкера спешили и стали выполнять приказание. Это оказалось чрезвычайно сложно: насыпь оканчивалась на краю пешеходной тропинки и дальше, прямо на воздухе, торчали лишь длинные шпалы с большими просветами между ними. В конце их не было ни настила, ни перил. Под ногами была пропасть и густой туман. Так как от тропинки до рельс было слишком мало расстояния, лошадь пришлось поставить немного наискось и потом уже ввести передними ногами на шпалы.

Мой конь осторожно, нащупывая копытами опору, постепенно успокоился. Его храп дышал мне на грудь, а уши шевелились, прислушиваясь к звукам. И вот в темноте наметились два передних фонаря локомотива. Поезд очень медленно, почти с закрытыми парами, входил на виадук. Стало жутко: за спиной каждого юнкера была пустота; малейшего движения лошади могло быть достаточно, чтобы свалить его в пропасть. Нервы напряглись до крайности. Локомотив, шипя и вздыхая, проходил, почти касаясь крупов лошадей. При слабом свете фонарей было видно, как конь косил глазами назад. В руках отдавалась дрожь, пробегавшая по всему его телу... Время тянулось бесконечно, пока проходили один за другими вагоны длинного санитарного поезда, но все окончилось благополучно. Поезд прошел, все оказались целы и невредимы.

Дальнейшее продвижение разъезда стало совершенно невозможным и из-за новых встречных поездов, и из-за еще большей плотности толпы на полотне. В конце концов, войсковой старшина Свешников повернул разъезд назад. Так, не выполнив задания, перед самым рассветом, мы вернулись обратно под непрекращавшимся дождем.

* * *

С раннего утра загредел артиллерийский бой. К звукам его присоединились гул и грохот разрывов впереди, со стороны Тонельной. Мы продвигались вперед в кольце огня. Местность окутывал туман и низко нависшие облака.

Сотня, оставив полотно железной дороги, стала подниматься наверх. Что происходило кругом, никто из юнкеров, конечно, не пони-

мал, но шедшие и ехавшие в том же направлении люди заметно торопились и нервничали.

Где-то уже очень высоко сотня вошла в зону боя. Впрочем, боя как такового не было, но зато в пространстве, которое пересекали юнкера, справа налево и слева направо гудели, свистели снаряды и рвались с разных сторон, отдаваясь многократным эхом в горах. Справа, на сравнительно ровном месте, наметилась мельница. Там стоял разъезд от нашего училища, наблюдавший за ходом боя и оберегавший дорогу. Пули свистели роем с этой стороны. Юнкера тронулись рысью, проходя обстреливаемый участок. Потом сотня начала вытягиваться по одному за проводником, который повел ее в сторону по узкой тропинке.

Туман стал еще гуще. Тропинка спускалась по горному отрогу прямо по скалам. Справа и слева дымилась бездна. Было приказано предоставить себя лошади и только внимательно следить за нею. Мое сердце сжалось, когда мелькнула мысль о том, что седло уже раз съехало под живот лошади. Конь осторожно шел, нащупывая ногами мокрые камни. Вдруг стало быстро светлеть, и потом сразу вдали открылось свинцовое море, слева — уходящие ввысь дикие утесы, справа — сбегające вниз холмы. Перед нами лежал крутой склон. Еще ниже, у подножия его и дальше вдоль моря, виднелись постройки Новороссийска. На рейде вырисовывались военные корабли и пароходы. Один громадный английский броненосец, повернувшись бортом к Тонельной, стрелял. Из его орудий вылетало пламя, слышался тяжелый грохот выстрела, и, набирая высоту, над нашими головами шуршали снаряды. Английские корабли прикрывали отход Белой армии и обстреливали красных, подходивших к Тонельной.

Сотня спешила и, с лошадьми в поводу, начала спускаться напрямик, по крутому склону с Лысой Горы. Скат был очень опасный, долгий и утомительный. Лошади часто осаживали на задние ноги и так съезжали вниз до ближайшего выступа или более пологого места. Но Бог хранил всех.

В лощине сотня собралась и пошла к пристани. Там царила полная неразбериха. Юнкера спешили на молу в ожидании дальнейших приказаний. В это время кто-то сообщил, что около станции на запасных путях стоит поезд с тифозными юнкерами атаманского военного училища. Их, вероятно, оставят здесь, мы же будем погружены на пароход и уйдем в Крым. О часе и об условиях погрузки ничего не было известно.

Было далеко за полдень. Под Тонельной бой гудел с прежним напряжением, с моря продолжали греметь английские орудия. Кругом все было серо, безотраднo и жутко. Кое-где наметились пожары. Время тянулось в бездействии и в напряженности нервов.

Когда подтвердилось, что больные юнкера не будут погружены на пароход, мне это решение показалось нелепым, бесчеловечным и подлым. И мне вдруг захотелось во что бы то ни стало повидать еще в последний раз Левушку Б., попрощаться с ним и сказать, что я, именно я сам, ни в чем не виноват перед ним. Он должен быть тоже в поезде тифозных. Недолго раздумывая, я спросил о направлении, вскочил на коня и помчался обратно к горам. На станции было безлюдно. Горели какие-то склады. Я отыскал поезд с больными юнкерами и, переходя из одного вагона в другой, нашел, наконец, Левушку Б. Он с трудом приполз к двери. Я сказал ему, что мы уходим, перекрестил, поцеловал его и, чувствуя комок в горле, бросился обратно к коню...

Когда я прискакал к морю, мне стало страшно: юнкеров на молу больше не было. На их месте стояла толпа расседланных лошадей, тихо ржавшая и тянувшаяся к воде. Я побежал к сходням парохода, уже до крайности перегруженного, но масса людей, не пропускавшая никого вперед, оттолкнула меня назад. Это была какая-то пехота, только что подошедшая с фронта и с нетерпением ожидавшая своей погрузки. К счастью, на борту парохода я заметил промелькнувшие погоны юнкера моего училища. Я что было силы закричал, и меня услышали. Один из офицеров училища спустился на мол и потребовал пропустить меня. После короткого и ожесточенного спора с пехотными офицерами он приказал мне: «Берите одно лишь седло и сейчас же на пароход. Все училище уже погружено».

Быстро отыскав коня, я снял с него все, взглянул ему в глаза, мысленно сказал «спасибо» и поцеловал в храп. Потом начал пробиваться к сходням. Толпа недружелюбно гудела со всех сторон, старалась не пропустить, но я был в ярости и, с помощью училищного офицера, выскочил к пароходу.

Поднявшись на борт, я остановился, чтобы отдышаться. Внизу на молу медленно бурлила масса людей. К ней со всех сторон, одиночками и небольшими группами, подходили новые люди. Позади недвижно стояли наши брошенные лошади. Уши их были чутко настроены в сторону парохода. Казалось, лошади чего-то ждали и в ожидании ответа застыли, как по мановению волшебного жезла. Зрелище это было непереносимое по своей трагичности.

Спускались сумерки. Бой все так же гремел в горах около Тонельной. С английских кораблей неслись туда снаряды, и над рейдом плавала широкая пелена дыма от выстрелов. Пахло морем, смолой, порохом и гарью. На окраинах города широко уже полыхали пожары. Со всех сторон над Новороссийском нависали огромное безысходное горе и ужас приближающейся агонии...

В трюме я где-то и как-то заснул. Сквозь сон по легкому покачиванию и дрожанию парохода я понял, что мы в пути, но проснуться совсем не было сил. Да и стоило ли просыпаться? Все было конечно. Яркая горячая мысль о России постепенно опускалась к земле под тяжестью горных утесов и свинцового неба Новороссийска. Она стояла, переходя в дым, в огне английских броненосцев и в пламени прибрежных пожаров. Раздирая душу, она уходила все дальше и дальше, выражаясь безмолвным упреком в глазах брошенных юнкеров и смотрящих напряженно вслед уходящему пароходу лошадей...

Оставалась жизнь, но надолго ли и для чего? Надо ли было думать о ней, когда рухнула самая сущность жизни и цель борьбы за нее? Лучше было снова вернуться в небытие сна и звериной усталости. А темнота и липкая грязь на полу трюма не мешали больше ничему.

*В. Мыльников*³⁰⁴

НОВОРОССИЙСКАЯ КАТАСТРОФА³⁰⁵

В начале осени 1919 года был получен приказ: выслать по одному офицеру от каждого артиллерийского дивизиона на курсы в Новочеркасск для повышения квалификации и изучения английской артиллерии. От 1-го дивизиона выбор пал на меня. Опять я за партой... Опять за науки...

Все мы в России как-то всегда привыкли хвалить все иностранное и не ценить наше — русское, поэтому мы ожидали иметь дело с пушками, гораздо более усовершенствованными, чем наши, русские, но тут мы сразу разочаровались в английских легких орудиях. Наша пушка имеет боевую ось коленчатую, а английская — прямую. Центр тяжести нашей, благодаря изгибу колена оси, опущен ниже, и, следовательно, там, где наша пушка на косогорах свободно проходила, английская — переворачивалась. Кроме того, и это очень важно, что команда для дальности и установки шрапнельной трубки у нас подогнана, тогда как у англичан трубка секундная и, значит, командуя прицел, каждый раз нужно заглядывать в таблицу, чтобы узнать, сколько секунд требуется для данной дальности. Конечно, все это не интересно для неартиллера, но это сыграло довольно большую роль в моей судьбе, вот потому-то я об этом и упоминаю.

Конечную оценку наших способностей должен был производить генерал барон Майдель, который был известен своей строгостью. На полигоне за Хутунком, по окончании курсов, я веду стрельбу, и, ско-

мандовав дальность и количество секунд, в момент, когда уже раздался выстрел, я сообразил, что, глядя на таблицу, я ошибся на одну строку. Обращаюсь к генералу: «Разрешите доложить, Ваше Превосходительство, читая таблицу, я ошибся на одну строчку, будет очень высокий разрыв». — «Посмотрим!..» Генерал вскинул бинокль, и в этот момент показалось очень высокое ватное облачко разрыва. Я ожидал разноса или по крайней мере пару кислых слов, но все обошлось благополучно, а последствия вышли самые неожиданные. Я был оставлен в Новочеркасске как инструктор английской артиллерии и считаю, что это произошло лишь потому, что генерал, благодаря моей ошибке, запомнил мою фамилию.

Я жил дома с отцом, инструктируя в артиллерийских казармах на Хутунке. Однажды, вернувшись из казармы, сидел за столом в своей комнате, читал какую-то интересную книгу и вдруг почувствовал, что за грудь меня что-то укусило. Отворачиваю рубашку, вижу крошечное насекомое, которое тут же было мною уничтожено, дело привычное, значит, где-то в казарме подцепил. Но через положенный для этого срок я уже метался в сыпном тифу. Бывало, на фронте имел сотни таких насекомых и тифом не болел. А тут, чистый, дома, и вот одна свалила — значит, судьба. Десять суток был без сознания, дней пять отлеживался — и наконец начал учиться ходить по комнате, держась за спинки стульев и волоча их за собой.

Однажды утром ко мне вошел отец и, посмотрев на мое хождение, спросил: «Что ты думаешь делать? Красные под Каменской...» Конечно, за все время болезни я ничего не слышал и не думал о фронте, и это известие меня ошеломило и обеспокоило. Надо послать записку в дивизион с просьбой прислать казака и коня. Через два дня их прислали, но на следующее утро и казак, и конь исчезли, а из дивизиона сообщили, что и там их нет, и на мою просьбу прислать кого-либо за мной ответа не последовало. Послал записку знакомому доктору, он обещал взять меня на госпитальную повозку, но я уже никому не верил и готов был уйти пешком, несмотря на то что с трудом мог пройти от стены к стене моей комнаты.

Однажды я услышал шум во дворе, выглянул в окно и увидел человек десять конных казаков. Оказалось, что мой близкий друг войсковой старшина Нефедов³⁰⁶, старый офицер нашей батареи, прислал за мной разведчиков и коня, когда батарея проходила в Новочеркасске. Радость моя была неопишима. Попроцался, как потом оказалось, навеки с отцом, с помощью казаков сел на коня и вскоре присоединился к батарее.

В станице Хомутовской мы простояли несколько дней, силы мои быстро восстанавливались, и однажды командир батареи полковник

А.И. Афанасьев³⁰⁷ обратился ко мне: «Все офицеры у меня сейчас заняты, не смогли бы вы на повозке проехать в Ростов, есть надежда получить кое-какое обмундирование, я напишу требование». — «Ну конечно», — отвечаю, и на следующий день выехал в Ростов.

Не помню точно, не доезжая ли до Батайска или между Батайском и Ростовом, был маленький деревянный мостик. Когда я подъехал к нему, то увидал, что перед ним и с другой стороны какая-то охрана, которая никого на мост не пускала. Я вылез из повозки и пошел узнавать, в чем дело. В это время со стороны Ростова подошел автомобиль, из которого вышли четыре человека и перешли мостик на нашу сторону. Видимо, шофер опасался его малой прочности. В трех шагах от меня прошел генерал Деникин, я заглянул ему в лицо, и мне показалось, что дело плохо, но все же я решил ехать дальше.

Уже темнело, когда моя подвода начала подниматься на пустынный крутой спуск в Ростов, и вдруг я увидал впереди черную массу, которая двигалась не только прямо по мостовой, но и по тротуарам. «Держи к фонарному столбу — сомнут», — бросил я вознице и вылез из повозки. Это проходили кубанские части, в черных бурках, накинутых на плечи, шли они без всякого порядка, потоком. «Какого полка?» — «Уманского...» Я пропустил человек десять. «Какого полка?» — «Лабинского...» Порядка никакого, части смешались, а что же мне делать? «Кто здесь офицеры?» — «Я, полковник (фамилию не помню)». Я пробиваюсь к нему: «Скажите, пожалуйста, Ростов еще в наших руках или нет?» — «Ничего определенно сказать вам не могу — видите, что происходит...» Я, выждав, пока поток не поредеет, поворачиваю назад.

Мы доходим до станицы Екатерининской Кубанской области и там останавливаемся. От когда-то многочисленной 1-й Донской гвардейской дивизии³⁰⁸ осталось маловато: большие потери в боях да, пожалуй, еще больше скопил тиф.

У меня последнее время часто бывали сильные головные боли: были ли это последствия контузии или тифа? Единственным спасением были покой и сон, а поэтому в канун нового 1920 года, когда наши офицеры собирались его встретить, то я, ложась спать в 8 часов вечера, попросил, чтобы меня не будили и справляли бы праздник без меня. Но вот кто-то меня будит... вскакиваю... головная боль прошла, выспался, чувствую себя великолепно. Около меня полковник Афанасьев: «Только что вахмистр доложил, что из батареи сбежало пять казаков. Мы, как видите, ничего не можем сделать, вся надежда на вас, ведь вы же понимаете — какой это скандал!» И вот в ночь нового 1920 года в сильный мороз я догнал сбежавших казаков и вернул их в часть. Позже я попросил разрешения выступить на суде, и оно мне было дано.

«Господа офицеры, — обратился я к суду, — мы только что оставили наших дорогих, близких, родных, наши семьи. Все наши мысли — там, с ними, мы мучаемся, но у нас есть сознание долга, дисциплина, и мы стараемся скрывать наши чувства, а что можно требовать вот, например, с Соловьева?..» Я указал на одного из подсудимых, розовощекого маленького казачка, которому по виду нельзя было дать больше 17 лет. «Чувства долга у него еще совершенно нет, а дисциплина едва его коснулась, и если вы спросите его, почему он бежал, то я ничуть не буду удивлен, если он вам ответит: хочу домой к маме...» Конечно, и все судьи переживали то, о чем я говорил, но все же такой проступок нельзя было оставить совсем без наказания, и поэтому было вынесено постановление: «30 плетей и вернуть в часть». В то время я никак не мог предполагать, что в скором времени судьба сведет меня с Соловьевым при совсем других обстоятельствах.

Простояв некоторое время в Екатерининской, нас двинули через Екатеринодар дальше. В Екатеринодаре мы пробыли всего пару дней, и в первый же день В.М. Нефедов, вернувшись с прогулки по городу, сказал мне: «Знаете, я здесь нашел своего старого знакомого кубанского сотника Задорожного, я получил от него приглашение нас с вами навестить его сегодня вечерком». Я вначале отказывался, так как мне что-то нездоровилось, но он настаивал: «Ну! Что вы, право, послушаем хорошую музыку, пение, немного встряхнемся!..» Пошли. Действительно, были музыка, танцы, пение, но у меня болела голова, и чувствовал я себя неважно. Тогда я совершенно не предполагал, какую колоссальную роль сыграет это мимолетное знакомство в моей судьбе.

В станице Ильской мы остановились окончательно, получив как общее задание — борьбу с зелеными, но через несколько дней получили и более конкретное задание. Возле станицы Славянской около 3 тысяч кубанцев, находившихся в лагерях Таманского отдела, отказались идти на фронт, и наша Донская Гвардейская бригада получила приказание их «вразумить», пока они еще не успели присоединиться к зеленым, отряд которых, и довольно сильный, под командой кубанца сотника Пилюка находился поблизости от лагеря. Мне было приказано с двумя орудиями занять позицию прямо против лагеря, где, окруженные нашей бригадой, численностью всего лишь в 400 человек, весь отряд непослушных был выстроен в несколько рядов по линейке. Некоторое количество их было выпорото. Впечатление от этого осталось очень тяжелое. Когда мы «нажали» на отряд Пилюка, то он, зная великолепно местность, переправился через Кубань и ушел в горы через станицу Ильскую, где у нас оставался лишь обоз и вся канцеля-

рия. Отступление зеленых было настолько спешно, что они, проходя через станицу, никого не тронули, но мы, вернувшись, долго потешались над делопроизводителем, уверяя, что нам известно, что он с каской сидел под кроватью во время прохода зеленых.

Войсковой старшина Нефедов заболел тифом, но хотел обязательно остаться при батарее и лишь после долгих моих уговоров согласился выехать в Новороссийск с вестовым. Расстались мы очень трогательно и очень надолго.

Наконец, и нас двинули на Новороссийск, и через пару дней получаю приказ: со взводом и 1-й бригадой из л.-гв. Казачьего и л.-гв. атаманского полков выступить в станицу Раевскую. В то же время узнаю, что «возник проект» погрузиться всем воинским частям для переправы в Крым с Таманского полуострова (как это сделали в последнюю войну немцы, отступавшие с Кавказа, несмотря на то что и Новороссийск был в их руках), и нам было поручено произвести разведку, можно ли туда пройти? В Раевскую мы пришли под вечер, там получили приказ, что мой взвод и лейб-казаки остаются в станице, а атаманский полк под командой генерала Хрипунова³⁰⁹ идет дальше, несмотря на поздний час. Приблизительно в 2 часа ночи — тревога; и мне приказано отойти назад и занять позицию вне Раевской. Лишь в 11 часов утра выяснилось, в чем дело. Оказалось, что атаманский полк был отрезан большими силами зеленых и генерал Хрипунов решил не пробиваться дальше, а, повернув на север и сделав большой круг, выйти на Тонельную. Следует уточнить, что если ехать туда по дороге, а потом по шоссе, то приходится сделать громадный крюк. А с моей позиции с бугров мне видны не более как в 4 верстах крыши домов Тонельной. Так как лошади приустили, то я решил сократить путь по крайней мере в три раза, и, произведя предварительную разведку местности, мы пошли напрямик. Но, не доезжая приблизительно одной версты до Тонельной, нам пришлось преодолеть небольшое препятствие. Это было то самое укрепление (что впоследствии было подтверждено местными жителями), о котором мне когда-то довелось прочесть в какой-то газете: «Около Новороссийска сделан «страшно» укрепленный плацдарм». На самом же деле этот «плацдарм» состоял из легкого проволочного ограждения, вроде того, что у нас делали для загона скота, и рядом маленький ровик глубиной меньше чем по пояс. Десяток моих ребят кирками и лопатами за 20 минут сделали вполне достаточную для прохода орудий дорогу, и мы благополучно вошли в Тонельную. Опять мы идем на Новороссийск, но... не для погрузки, так как наутро я получил приказание занять со взводом позицию сейчас же за Новороссийском, в направлении опять же на Раевскую.

Почти на въезде в Новороссийск есть высокая железнодорожная насыпь, под которой я стал и, оставив во взводе поручика Зеленского, поехал в штаб узнать новости. Там — некоторая растерянность, но на мой вопрос: «Погрузят ли нас?» уверенно отвечают: «Конечно, погрузят». По моему возвращению казаки, знавшие, что я ездил в штаб, спрашивают меня о том же. Я твердо отвечаю: «Братцы, нас-то, 1-ю Донскую Гвардейскую дивизию? Ну конечно, погрузят». Казаки улыбаются: «Ну! Тогда и подраться еще можно, пока наша очередь не придет». Я казакам никогда не врал, если что-либо нельзя было сказать о том, что меня спрашивали, я отвечал «не знаю», а поэтому казаки мне верили.

Над моей головой останавливается бронепоезд и выпускает «в белый свет» два-три снаряда. С моря доносится тяжелое уханье, и где-то высоко пролетает несколько крупных снарядов. Мне не совсем понятно, по чему стреляют? Не по воробьям же двадцатидюймовыми снарядами?

Получаем приказ идти в порт, где собирается вся наша дивизия, то есть л.-гв. атаманский, л.-гв. Казачий, 3-й Калмыцкий, 4-й Донской, 1-я и 2-я батареи. Начинает грузиться л.-гв. Казачий полк, прощаются с лошадьми, взваливают седла на плечи и уходят. Беспризорные лошади уныло бродят между нами. А мы — ждем. Начинает темнеть. Я пристраиваюсь около броневика «Доброволец» и жду, когда же нас позовут на погрузку? Ночь проходит в полудремоте, под броневичком все же холодновато, и только часов в девять утра выясняется, что нам судов для погрузки не хватило и мы должны идти по побережью на Туапсе. Орудия приказано бросить. Впереди двигаются черкесы полковника Улагая³¹⁰, за ними атаманцы, в хвосте которых пристраиваюсь и я. Оглядываю своих казаков — их что-то маловато, нет и командира батареи полковника Афанасьева. «А где же полковник?» — спрашиваю у казака. Он мнетя: «Не знаю». Поручик Зеленский подъезжает ко мне: «Он еще с вечера собирал казаков, чтобы сдаваться зеленым, предлагал и мне, а я, зная вас, конечно, вам не предложил. А с ним ушла половина, а может быть, и больше казаков».

Двигаемся длинной колонной. В Новороссийске брошены броневики, орудия и даже пулеметы. Мы идем только с винтовками как бы на прогулку. Однако нужно пробираться дальше. Впереди все виднее, но шоссе местами узкое, и обогнать колонну не всюду удастся. Но вот вдаль виднеется красная фуражка генерала Дьякова³¹¹, командира дивизии, еще немного, и я догоню голову колонны. Вдруг впереди затрещали выстрелы, затикал пулемет, и вся конная масса черкесов в панике ринулась назад. Не теряя времени, генерал Хрипунов приказал всем спе-

шиться и занять позиции на вершине горного отрога, отходящего от главного хребта, и вдоль этого отрога, обходя его почти у оголенной вершины, где проходило шоссе, немного приподнятое на насыпь. За ней с нашей стороны была впадина, в которой всем нам нашлось укрытие от огня зеленых, занявших позицию на другом таком же отроге, но сплошь покрытом лесом. Вскоре с моря раздалось два-три орудийных выстрела. Тут я заметил, что за нами следовал французский миноносец, который и стрелял по зеленым. Генерал Хрипунов, очевидно рассчитывая на поддержку с моря, выскочил на хребет отрога, но тут же был скошен. Свершилось непоправимое, тяжело раненного, его пронесли мимо нас. Я убежден, что, не будь он ранен, под его руководством, при поддержке миноносца, мы пробились бы через заслон зеленых, так как их, судя по винтовочному огню, было человек триста, самое большое — четыреста. А теперь единственный офицер, который мог бы распорядиться, выбыл из строя. Что же делать мне? Надо присоединиться к какой-нибудь боееспособной части, но какой? Атаманцы потеряли командира, а кто его заменит? 4-й полк я мало знаю, ну а калмыки? Им деваться некуда, они сами говорят, что у них «морда белогвардейская», да и их командира, полковника Слюсарева, я знаю еще по Степному походу — значит, к ним. Разыскиваю Слюсарева: «Господин полковник, я остался без орудий и хотел бы присоединиться к боевой части, разрешите зачислиться в ваш полк?» — «Да с удовольствием, сколько у вас людей?» — «Человек тридцать вижу, а может быть, найдется и больше». — «Великолепно, я вас зачислю отдельной сотней». Мы о чем-то говорим, дожидаясь распоряжений, как вдруг появляется откуда-то мое непосредственное начальство генерала Упорников и спрашивает меня: «Что вы тут делаете?» — «Остался без орудий и хочу присоединиться к полку!» — «Ни в каком случае! Артиллеристы в Крыму — редкость, а вы их еще и в бой поведете, людей погубите, ни в каком случае!»

Генерал вскоре уходит. Мы сидим в ложбинке. В этом месте шоссе скрывает от нас море. Вдруг мы видим, как генерал Упорников, поднявшись на шоссе и сейчас же подхватив полы своей кавалерийской шинели, куда-то побежал. Мы переглянулись, и Слюсарев говорит, я ясно помню его фразу: «Надо посмотреть, чтобы там чего-либо не надурили бы!» И, потребовав коня, быстро поехал в ту сторону. А я еще минут десять сижу с офицерами, но все думаю, что же могло заставить Его Превосходительство так быстро двигаться, что генералам будто бы и не полагается. Потребовав коня, выезжаю на шоссе и вижу: против хребта, занятого зелеными, стоит французский миноносец, на его мостике видна красная фуражка генерала Дьякова, от нашего берега только что отошла шляпка с миноносца и в ней сидят генерал Упорников и пол-

ковник Слюсарев. Лодка идет несколько вкось вблизи от берега. Вот бросается в море какой-то конный, плывет наперерез лодке, хватается за борт и просит, чтобы его также бы взяли в шлюпку. Матросы вначале попытались его оттолкнуть, но потом, очевидно по приказанию офицера, бывшего за рулем, его подобрали. Тут я его узнаю, это полковник Жиров³¹² атаманского полка. Смотрю и ничего не понимаю, в чем же дело? Еду к штабу, чтобы узнать. Издали вижу, сидит начальник штаба, полковник Никитин, рядом с ним адъютант, мой хороший знакомый. Полковник сидит на камне, охватив голову обеими руками, уперев локти в колени. Молчаливый штаб сидит на земле кругом. Я обращаюсь к полковнику: «Господин полковник, разрешите узнать, есть ли какие-нибудь приказания?» Он медленно поднимает голову: «Да что же вы? Мальчик? Не понимаете? Бросили, бежали...» — и снова зажимает голову руками. Я ничего не понимаю. Подхожу к адъютанту: «Ну, скажите, в чем же дело?» Адъютант, с трудом выдавливая слова, объясняет: «С французского миноносца прислали лодку с предложением координировать наши действия, в это время поднесли раненого генерала Хрипунова и тут же погрузили в лодку. Генерал Дьяков с вестовым тоже сели в лодку, уверяя, что его присутствие необходимо на этом совещании. А мы остались здесь ждать распоряжений. Вскоре шлюпка вернулась с вестовым генерала Дьякова, который вручил полковнику записку от генерала. Полковник ее прочел и... случайно или же намеренно отбросил в мою сторону, я ее тоже прочел, а полковник как сел на камень, так и сидит в том же положении. В записке было: «Дело проиграно, бросайте все, приезжайте, едем в Крым». Она пошла по рукам. Вестовой, долго ожидавший ответа, спросил: «Что прикажете передать Его Превосходительству?» Полковник ответил короткой фразой, не очень лестной для генерала. Вестовой пошел к лодке, а в это время подоспели генерал Упорников и полковник Слюсарев и, очевидно убедив французского офицера, что они тоже должны быть на совещании, сели в шлюпку... Вот и все!» — закончил адъютант.

В моей голове все это как-то не вмещалось. Я отошел в сторону и сел на обочине шоссе. Как же так? Ведь еще слышна редкая перестрелка атаманцев, занимающих хребет по приказанию генерала Хрипунова, а нас тут бросили и спасаются на миноносце? В Новороссийске ничего не было организовано для защиты и прикрытия порта для того, чтобы дать возможность планомерно и спокойно погрузиться всем... А ведь грузились-то «баранами», лишь бы перевести своих и спасти свою шкуру. Когда мы пошли сюда, по побережью, почему не было взято ни одного броневика из многочисленных брошенных, ни одного орудия и даже ни одного пулемета? На что рассчитывали? На прогулку? «Дело проигра-

но...» А сколько молодых жизней положили свои головы за это дело? Верили в идею, верили в свое начальство... Теперь веры уже нет! Но что же делать дальше, как жить? И для чего?.. Как бы в ответ на мои мысли раздался выстрел и возглас: «Офицер застрелился!» Ну вот, думаю, уже начинается расплата за чью-то вину, кто-то проиграл, а платить приходится нам. Еще несколько офицеров покончили с собой. Сижу, глядя в одну точку. Полная апатия ко всему...

Но вот вдруг наступает перелом. Нельзя же так! Я вскакиваю, бегу к штабу и почти кричу: «Нужно же что-то сделать! — и, обращаясь к полковнику Никитину, повторяю: — Господин полковник, вам нужно что-то сделать!» Полковник медленно подымается, на лице его видно невыносимое страдание. Но, взяв себя в руки, он говорит, обращаясь ко всем: «Кто хочет еще куда-либо уходить — пускай соберутся здесь, через час, я их поведу».

Я собираю своих, и через час мы отходим несколько назад на Новороссийск и начинаем подниматься по тропинке, заросшей кустарником в гору, кто-то говорит, что это Свинцовый перевал. Тропинка очень крутая. Иду, держась за луку седла, но чувствую, что задыхаюсь, наверно, еще не совсем окреп после тифа. Наконец выходим на лысую вершину, отсюда хорошо виден Новороссийск и видно, что там что-то горит багровым пламенем. Накрапывает дождик, мы ждем некоторое время, чтобы подтянулись остальные, и начинаем спуск, покрытый кустарником и лесом. Тропинка крутая и труднопроходимая. Стемнело настолько, что еле вижу круп предыдущего коня, но я остаюсь сидеть на коне, уже все равно. Ветки хлещут по лицу, конь временами совсем садится на зад, в одном месте идет по какой-то осыпи, если он упадет, то или у него, или у меня будут поломаны ноги...

Наконец спуск кончен, и мы круто поворачиваем направо, теперь можно разобрать, что мы в ущелье с очень крутыми, покрытыми лесом и кустарником скатами, но под ногами нечто похожее на дорогу. Некоторое время едем спокойно, но вдруг впереди раздаются выстрелы, и мы останавливаемся.

*М. Мусеев*³¹³

В НОВОРОССИЙСКЕ³¹⁴

Дальнейшая моя служба протекала в 1-й Донской казачьей пластунской бригаде, с момента наступления на Балашев и потом отступления до Новороссийска со многими эпизодами.

Хочется еще сказать о своей судьбе. Дело в том, что, когда мы были пленены, сначала «зелеными» кубанцами, а затем и красными частями (на 5-й пристани), о пленении и картинах пленения можно много написать. Взять хотя бы такой случай: когда утром на пристань въехало несколько «зеленых» с криками: «Товарищи! Война окончена!» — я видел, как один капитан-дроздовец застрелил своих двух детей, жену, еще кого-то, стоявшего против него, а последнюю пулю пустил в себя. Таких случаев было много: стреляли в себя, в своих, стреляли в лошадей, которые ходили табуном голодные... Ну, об этом в будущем будет сказано много, а сейчас скажу только о своей судьбе: когда нас красные погнали за город, один подросток-верховой подскочил ко мне и потребовал, чтобы я снял уцелевший еще на мне френч. Я снял. В кармане френча была найдена моя офицерская карточка, которая произвела сильное впечатление на подростка. Я получил несколько ударов и скрылся в толпе, а подросток куда-то ускакал.

Ночью мы — несколько человек из штаба бригады — разместились в стодоле (сарай, навес для повозок). Среди ночи сюда привели двух казаков, ограбили их и тут же зверски убили. Среди пришедших был и подросток, который меня узнал. Мне приказали встать и идти за стодолу, где нас собралось до 20 человек. Отвели в сторону, выругали, приказали стоять на месте, а сами вскинули на руку ружье, дали залп — один, другой. Все попадали, в том числе и я. Как было дальше — я до сих пор не могу разобраться, но, когда я опомнился, попробовал двинуть рукой, ногой, — оказалось, я был жив, и ни одного ранения... Около меня стонал есаул Ржановский, как я узнал впоследствии, и еще кто-то. Рядом на коленях стоял наш вахмистр Гречишкин, который знал, куда нас повели, и приполз, чтобы увидеть, что со мной. Затем я пополз в стодолу. А утром снова начались переживания и закончились лагерями в Ростове, Рязани. Потом я очутился в Польше, где и прожил до 39-го года, а теперь доживаю свою жизнь в Австралии...

Д. Цимлов³¹⁵

НРАВСТВЕННАЯ ПОБЕДА 4-ГО ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО КОРПУСА НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ В АПРЕЛЕ 1920 ГОДА³¹⁶

Окончил я Новочеркасское военное училище портупей-юнкером 1 октября 1914 года. Это был последний выпуск хорунжих императорским приказом. В то время начальником училища был Генерально-

го штаба генерал-майор П.Х. Попов, командиром сотни юнкеров — войсковой старшина Дубенцев, сменным офицером — подъесаул Сучилин, который в августе 1914 году был переведен в Николаевское кавалерийское училище и там в первые дни революции при восстании рабочих Путиловского завода был убит (это была первая жертва донского казачества в «бескровной революции»), инспектором классов был Генерального штаба полковник Цыганков³¹⁷. По артиллерии — Генерального штаба полковник Подгорецкий, по администрации — Генерального штаба полковник Цыгальский, по тактике — Генерального штаба капитан Чарноцкий. Как видно по фамилиям трех последних офицеров — все они были польского происхождения. Позже, после окончания Белого движения, когда я был в Риге во вновь образовавшейся республике Латвии, я читал в местной печати, что все они были ближайшими сотрудниками маршала Пилсудского и принимали деятельное участие в создании вновь образованной Польской республики.

Я остановлюсь более подробно на личности капитана Чарноцкого, человека с ярко выраженным типом польско-славянской расы, блондине с аристократическими манерами, ловком, стройном, энергичном, обладавшим большим знанием русской литературы и любовью к ней — он часто приводил примеры из нее, относящиеся к разным военным событиям, и особенно из Отечественной войны, где конница, главным образом казачья, была решающим фактором в исходе наполеоновского нашествия. Говорил он красиво, слегка картавя, не произнося «р», но с большим энтузиазмом и подъемом, и умел приковывать внимание слушателей к тем идеям, которые он проводил и которые старался внушить юным юнкерам, будущим офицерам донской конницы — геройским атакам, победам и точным выполнениям задач.

Особенно он подчеркивал идею, что всякий успех в военном деле, даже в незначительном по своему тактическому заданию «произвести разведку», зависел от «духа людей» и их начальника, в неколебимом желании выполнить во что бы то ни стало данную задачу, даже жертвой своей жизни. И для примеров, вернее иллюстраций, он обращался к русской литературе, к ее лучшим писателям, и, делая выдержки из бессмертного произведения Л.Н. Толстого «Война и мир», превращал свои лекции в литературный доклад о нравственной силе и духе армии. В полной тишине аудитории капитан Чарноцкий артистически цитировал слова русского гения: «...И по неопределенной таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющим главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день передался одновременно во все концы войска.

Смысл его слов сообщался повсюду, потому что то, что сказал Кутузов, вытекало не из хитрых соображений, а из чувства, которое лежало в душе главнокомандующего так же, как в душе каждого русского человека. И узнав то, что на завтра мы атакуем неприятеля из высших сфер армии, услышав подтверждение того, чему они хотели верить, измученные, без пищи и без отдыха, колеблющиеся люди утешались и ободрялись... Тот, кто посмотрел бы на расстроенные зады русской армии, сказал бы, что французам стоит сделать еще одно маленькое усилие, и русская армия исчезнет, но и тот, кто посмотрел бы на зады французов, также бы сказал, что русским стоит сделать еще маленькое усилие, и французы погибнут. Но ни французы, ни русские не делали этого усилия, и пламя сражения медленно догорало.

Русские не делали этого усилия, потому что не они атаковали французов. В начале сражения они только стояли по дороге на Москву, загораживая ее, и точно так же они продолжали стоять при конце сражения, как они стояли при начале его. Но ежели бы даже цель русских состояла в том, чтоб сбить французов, они не могли сделать этого последнего усилия, потому что все войска русских были разбиты, не было ни одной части войска не пострадавшей в сражении, и русские, оставаясь на месте потеряли половину своего войска.

Французам, с воспоминанием всех прежних 15-летних побед, с уверенностью в непобедимость Наполеона, с сознанием того, что они потеряли только четверть людей и что у них еще есть 20-тысячная нетронутая гвардия, легко было сделать это усилие. Французам, атаковавшим русскую армию с целью сбить ее с позиций, должно было сделать это усилие, потому что до сих пор, пока русские как до сражения, загораживали дорогу на Москву — цель французов не была достигнута и все их усилия и потери пропали даром. Но они не сделали этого усилия!

Некоторые историки говорят, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардию, и сражение было бы выиграно. Но говорят и о том, что, если бы Наполеон дал бы свою гвардию, все равно — это говорить о том, чтобы осенью сделать весну. Этого не могло быть! Но Наполеон не дал свою гвардию не потому, что не захотел этого, а потому, что этого нельзя было сделать! Все генералы, офицеры, солдаты французской армии знали, этого нельзя было сделать, потому что упавший дух войск не позволял этого!

Не один Наполеон испытывал то, похожее на сновидение чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но и все генералы, участвовавшие в походе, все солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений, испытывали одинаковое чувство ужаса перед

тем врагом, который, потеряв половину войск, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения... Нравственная сила французской атакующей армии была истощена.

Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемые знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородином.

Французское нашествие, как разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану, чувствовало свою погибель, но оно не могло остановиться там же, как не могло отклониться вдвое слабейшее русское войско. Французское войско могло еще докатиться до Москвы, но там без новых усилий со стороны русского войска оно должно было погибнуть, истекая кровью от смертельно нанесенной в Бородине раны! Прямым следствием Бородинского сражения было бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель 500-тысячного нашествия и гибель Наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника!»

Эти цитаты, прочитанные капитаном Чарноцким, навсегда запечатлелись в памяти каждого из нас, юных юнкеров, и, как скрижали, высеченные на мраморе со священными словами заповеди, навсегда остались девизом в нашей будущей военной жизни!

Оглядываясь на далекое прошлое Первой мировой войны, первые кровопролитные бои в Галиции, когда наша 3-я дивизия шла на левом фланге 3-й армии генерала Радко-Димитриева³¹⁸, начиная от Люблина, Львова, Перемышля, Ясло, Кросно, Новый Сандец, потом зима на высотах Карпат, лето 15-го года, когда Гинденбург у Горлицы нанес удар, принудив русских к отступлению, Северо-Западный фронт по Двине, позже южнее Двинска в болотах Белоруссии, переброска на Южный фронт в Румынию, переправа через Дунай у Исакчи, где еще в 1877 году наши деды переправлялись через Дунай во имя спасения наших «братушек» — болгар, которые теперь в Добрудже встретили нас ураганным огнем из наших же трехдюймовых орудий, и, наконец, Бессарабия, где застала нас российская «бескровная революция»!

На всем протяжении моей военной службы, вначале как младший офицер, позже адъютант полка, я наблюдал и убеждался, что каждый наш успех исключительно зависел от состояния духа людей и их непоколебимой воли достигнуть поставленной цели!

Мы знаем, что в армии были воинские части с выработанной в людях «железной волей», в презрении к смерти, как, например, «Же-

лезная дивизия» генерала Деникина в знаменитом Луцком прорыве, руководимом героем атаманом Калединым. Были также и «батальоны смерти»...

Но особенно играл решающую роль этот несокрушимый дух мужества, желание сопротивления врагу в Гражданской войне, когда люди, побуждаемые чувством опасности, грозившей их идеалам, их дому, имуществу, семье, их жизни, без всяких принуждений или приказов сами поднимались на врага с оружием в руках, с одной лишь целью защитить свои идеалы, уничтожить врага или умереть!..

Мы все видели этих героев духа, непоколебимой воли и несокрушимого мужества «во дни безвременья, в годину смутного развала и падения духа»... этих «зипунных рыцарей былых, полившей кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зеленый и родной...», как писал наш донской поэт Федор Крюков, Усть-Медведицкой станицы, мой станичник...

5 марта, после оставления Екатеринодара, 4-й Донской корпус перешел реку Кубань и, круто повернув влево, по лесным дорогам направился к Ходыженской станице, Хотинскому перевалу и далее на Туапсе. Части шли в полном порядке, полками, сотнями, как будто это было обычное передвижение корпуса, но казаки были сурово-молчаливыми, без песен, без обычных шуток... Слышали о «зеленых», но это никого не беспокоило, ибо все знали, что это были «шкурники» и дезертиры, занимавшиеся грабежом и воинской части угрозы не представлявшие.

В Туапсе нам, офицерам, как и казакам, уже было известно, что туда прибыл из Крыма командующий Кубанской армией генерал Улагай³¹⁹ и что обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе как Кубанской армии, так и Донского корпуса. Решено было двигаться дальше на Сочи, Адлер к грузинской границе. Там была последняя пядь земли, на которой сосредоточились, прижатые к морю, Кубанская армия и наш Донской корпус. Вскоре всем нам, как офицерам, так и казакам, стало известно, что начались вести переговоры с красными о «капитуляции» на милость победителя...

Нам, пережившим первые дни революции и видевшим своими глазами, как солдаты той великой Императорской армии, которая была грозой всех западных наций, заразились «алой чумой», распространившейся на всю армию и превратившей ее в толпу мятежников, митингующих бунтарей и просто в озверевших дикарей, — все это хорошо помнилось. И теперь перед нашими глазами картины прошлого повторялись: в Кубанской армии — митинги, бурные обсуждения, переговоры, посылки «делегатов» к красным, их возвращение... Кушали белый хлеб и... бросали оружие...

В нашем Донском корпусе — «напряженное спокойствие». Все офицеры на своих местах, все, и они, и казаки, наблюдали за происходящим. Все видели и знали, что происходит что-то важное, решительное, но ни одного слова ропота, сомнения, недовольства, непослушания своим начальникам, ни одного вопроса «а что будет дальше?», ибо люди молча сознавали свое положение; но никто не хотел склонить голову перед врагом, которого он ненавидел всем своим существом на протяжении трех лет неравной кровавой борьбы. Эти простые казаки-герои, великого духа и мужества, какими были в начале борьбы с красными, такими же и остались до самого конца на этом маленьком клочке Черноморского побережья и, прижатые к морю, не склонили свою гордую голову перед тем врагом, которого они били в неравной борьбе против насилия и бесправия, истекая кровью за свободу... И в этот последний трагический момент знали все офицеры и казаки, что все что угодно, но только не сдача на «милость победителя», ибо дух Донского корпуса не был сломлен и нравственная сила его была несокрушима...

На рейде у Адлера стоял пароход «Бештау». Всем было видно, что время от времени от берега отплывала лодка с двумя, тремя офицерами-кубанцами... Лодки плыли к пароходу. На берегу все лодки рыбаков были реквизированы, у них были поставлены караулы. И было ясно, что командный состав Кубанской армии «в одиночку» покидал свои части.

Если капитан тонущего корабля обязан оставаться на своем посту, пока все пассажиры не будут спасены, то и командующий армией, и весь высший командный состав и подавно не могли бросить свои части только для своего личного спасения, бросив на произвол судьбы свои войска... А то, что мы видели, производило гнетущее впечатление: Кубанская армия была фактически брошена своими командирами и обречена на анархию и безвластие...

20 апреля 1920 года рано утром на рейде Адлера «Бештау» уже не было, но всем было известно, что Кубанский атаман Букретов с высшим командованием покинул Кубанскую армию на произвол судьбы.

Казалось, что и 4-й Донской корпус находился в безвыходном положении, но совершилось чудо, как и в отдаленные времена, когда казаки в осажденном Азове, истощенные до последней степени, после общей молитвы в ночь под 1 октября 1641 года пошли на последнюю вылазку, чтобы умереть в бою, а не сдаться врагу. Шли они на верную смерть, но свершилось чудо, они нашли турецкий лагерь пустым, турки сняли осаду. Так и 20 апреля рано утром совершилось чудо: моросил мелкий, теплый весенний дождик. На море как бы легкий туман...

Но вот вдали на его гладкой поверхности зоркие взгляды казаков увидели три точки, которые, постепенно увеличиваясь по мере приближения, приняли контуры военных судов, направлявшихся к берегу немного южнее Адлера. Вскоре они бросили якорь в полкилометре от берега, от них подошли три моторные лодки, и английские матросы стали предлагать садиться в них для перевозки на суда.

Погрузка 4-го Донского корпуса произошла у рыбацкого поселка Новый Город, в 3—4 верстах на восток от Адлера. На море — полнейшее затишье без всякого волнения, катера быстро подходили к берегу, покрытому гравием, быстро наполнялись людьми и немедленно отходили. Все происходило в полном порядке.

К полудню подошел большой транспортный пароход «Россия», погрузка на него продолжалась до вечера, был погружен весь Донской корпус, все донские беженцы и много калмыков с их семьями. К вечеру подошел еще один пароход, кажется «Дон», но не могу точно утверждать его название. На него начали грузить 3-ю Кубанскую дивизию³²⁰ генерала Бабиева³²¹ и всех казаков-кубанцев, не желавших сдаваться красным.

Поздно вечером «Россия» и английский крейсер ушли в море и следующим утром около 8 часов утра были уже в Крыму, на рейде Феодосии. Говорили, что и второй пароход производил погрузку даже ночью и оставался у Адлера до утра следующего дня, то есть 21 апреля. Грузил он кубанцев, и только к полудню, наполовину пустой, он ушел от побережья, очевидно уже занятого передовыми частями красных...

Занимая скромный пост командира сотни в Донском корпусе, я ничего особенно нового в «стратегическом масштабе» сообщить не могу, но рассказываю то, что было записано в моем дневнике, то, что я видел и что навсегда запомнил.

Прочитав в «Родимом Крае» очерки полковника Елисеева³²² «Трагедия Кубанской Армии», я далек от мысли в чем-либо упрекать или тем более обвинять этого офицера-героя, командира высшего ранга, который не последовал примеру своих высших коллег, покинувших под покровом ночи свои части, но остался на своем посту со своими казаками и... испил с ними чашу великих испытаний, унижений, страданий, как физических, так и моральных. С тех пор прошло более полувека, немало было написано об этом жутком периоде, но никто не указал, что причиной этой трагедии было позорное бегство под покровом ночи на пароходе «Бештау» лиц, возглавляющих Кубанскую армию, и всего ее высшего командного состава.

Мне хочется найти объяснения некоторых событий того времени, уточнить их, дабы это могло послужить будущему историку, най-

ти истинную причину этой жуткой трагедии Кубанской армии. Далее я излагаю описание некоторых фактов, которые могут объяснить многое.

1. «Бештау» покинул рейд Адлера в ночь с 19 на 20 апреля в час ночи. Но три английских военных судна, крейсер «Мальборук» и два миноносца, бросили якорь в 3 верстах от Адлера по направлению к грузинской границе, близ рыбацкого поселка Новый Город в 500 метрах от берега. При абсолютно спокойном море с них были спущены катера и было немедленно приступлено к погрузке казаков Донского корпуса, в их числе был и пишущий эти строки. Это было ровно в 7 часов утра 20 апреля!

Из этого следует, что, если Кубанский атаман Букретов не покинул бы Адлера на «Бештау» и весь командный состав Кубанской армии находился бы на своих местах, как это было в Донском корпусе, можно было с уверенностью утверждать, что никакой трагедии не было бы!

Более того, когда я с казаками попал на крейсер, нас расположили на носовой его части под двенадцатидюймовыми орудиями, покрытыми брезентовыми чехлами, но, когда около 9 часов утра в западной части Адлера, по шоссе Адлер—Сочи, послышалась сильная пулеметная стрельба, нас всех немедленно переместили в центр судна, с орудий были сняты чехлы, двойные дула орудий были направлены в сторону Сочи и все было приготовлено к открытию огня. Я спросил по-французски у английского офицера, «могут ли они открыть огонь», на что он мне ответил, что имеет приказание «заградительным огнем обеспечить погрузку войск».

Немного позже, около 10 часов утра, прибыл транспортный пароход «Россия», на который также немедленно началась погрузка казаков Донского корпуса и отдельных групп кубанцев.

Из всего этого видно, что пароходы для погрузки прибыли, что погрузка была обеспечена английским флотом, что арьергард дивизии генерала Морозова, находившийся под Сочи в 40 верстах от Адлера, в случае необходимости, если бы красные попытались помешать погрузке, мог бы легко их сдержать, сил на это было достаточно, даже если на погрузку понадобилась бы целая неделя, в течение которой все наши войска были бы погружены.

Некоторое недоумение вызывают слова полковника Елисеева: «Рано утром 20 апреля первый мой взгляд был на Адлер с хребтика горы... Глянул, и похолодело сердце!.. На море полная гладь и нет «Бештау»!» Это верно, «Бештау» на рейде не было, он ушел в море в час ночи. Но по рейду, в 3 верстах к востоку от Адлера, уже стояли три военных английских судна, о которых я писал выше, море на редкость было

спокойным, и видимость была на 10—15 километров. Кроме того, у полковника Елисеева был бинокль Цейсса, который он позже был принужден сдать красным, и поэтому он легко мог видеть эти суда, на которые уже началась погрузка донцов.

2. Далее полковник Елисеев пишет: «Скачу туда (в Адлер) верхом. В штабе жуткая тишина... Полковник Певнев³²³ объяснил, что атаман Букретов, все генералы и штабы ночью выехали на пароходе «Бештау». Власти над армией никакой...» Но в это время через Адлер проходили донские полки: Калединский, Платовский и Назаровский, шли они к местечку Новый Город в 3 верстах от Адлера на погрузку. Странно, что полковник Елисеев не заметил это движение Донского корпуса и в своем описании этого жуткого последнего момента ни словом не обмолвился о нем, как будто бы его и не существовало.

Затем он сообщает, что полковник Певнев предложил ему создать «военный комитет», но он отнесся к этому несочувственно, так как «ждал пароходов в Крым, как обещал на военном совете полковник Дрейлинг». Но в это время пароходы уже стояли на рейде близ Адлера, целый день шла погрузка Донского корпуса, и нельзя допустить, чтобы об этом не было бы известно в Кубанской армии, тем более что так же грузились и кубанцы, не желавшие сдаваться красным.

Весь день 20 апреля, пока шла погрузка Донского корпуса, полковник Елисеев в это время вел переговоры по телефону с генералом Морозовым, которому атаман Букретов при своем отъезде поручил вести переговоры с красным командованием и который был фактически «в полном послушании красных». Полковник Елисеев пишет: «От ген. Морозова из-под Сочи получен приказ: «Командировать в Сочи, в Красную армию по одному офицеру и одному уряднику от полка при холодном оружии и без погон», затем получен от него новый приказ: «Все оружие сложить в порядке у шоссе. 22 апреля пройдет батальон красных для занятия постов на грузинской границе».

Из этого следует, что красное командование 20 и 21 апреля не решалось на наступление; оно безусловно знало о прибытии английской эскадры и начатой ею погрузке казаков и, ведя переговоры и отдавая приказы через генерала Морозова, который выполнял все по их указаниям, по-прежнему занимало Сочи в 40 верстах от Адлера.

3. Пессимистически полковник Елисеев заканчивает: «Факт остается тот, что Кубанской Армии в самые трагические дни ее гибели руки помощи из Крыма не последовало...» Но в действительности прибыла английская эскадра с приказанием «прикрыть погрузку войск огнем крейсера», пришел пароход «Россия», куда грузились Донской корпус, беженцы, калмыки, кубанцы, не пожелавшие сдаваться красным, вся

3-я дивизия генерала Бабиева и др. Пришел и другой транспортный пароход, который грузил казаков в ночь с 20 на 21 апреля, оставаясь на рейде близ Адлера и уйдя 21 апреля полупустым.

4. Когда Кубанская армия уже «сложила оружие» и двигалась по дороге на Сочи, как «пленные», полковник Елисеев писал: «Слева было открытое Черное море... Вдали на горизонте очень тихого моря показались дымки... их пять или шесть... Дымки постепенно увеличивались, и уже ясно были видны корабли, идущие к нам, к берегу, широким фронтом! По ним с берега, где-то, раздались орудийные выстрелы красных... Большой недолет! И на глазах казаков прокрейсировали, может быть, с полчаса времени, и тихо стали отходить за горизонт, скрылись от нас!.. За ними вслед послано проклятие в Крым, ибо он не выслал своевременно перевозочные средства...»

Из этого видно, что пароходы из Крыма и английские суда для их прикрытия были посланы, следовательно, причина трагедии Кубанской армии была в другом, а именно командный состав ее не был на высоте своего положения, начиная с атамана Букретова, заявившего: «Мы сдаемся, уговорить казаков оставаться!», генерал Шифнер-Маркевич³²⁴ едет уговаривать Линейную бригаду «сдаваться», генерал Морозов приказывает: «Всем офицерам оставаться со всеми своими казаками, Кубанская армия должна капитулировать!» В силу этого приказа полковник Елисеев в своем Лабинском полку заявляет: «Приказано оставаться... отступить дальше некуда... пароходов из Крыма нет...»

Ультиматум красного командования от 18 апреля был просто прочитан «для выполнения» уже решенного вопроса! Простые казаки-кубанцы не хотели оставаться, они боялись сдаваться красным. Они не верили условиям сдачи, и странно, что именно командный состав уговаривал их сдаваться... Парадокс, но это было так! Ведь этот же ультиматум красных о сдаче касался также и 4-го Донского корпуса, но там он не вызвал ни замешательства, ни обсуждений, сдача красным была для донцов неприемлема.

Уже после сдачи кубанцев красным, когда красноармейцы забирали военное имущество и лошадей с седлами и отводили в большой двор у моря, полковник Елисеев очень наивно пишет: «О перемирии, объявленном нам полк. Дрейлингом на военном совете, ничего не было сказано о лошадях и седлах казаков. Мы понимали, что из Туапсе все офицеры и казаки будут распущены по своим станицам и займутся мирным трудом. Произошел обман, недоговоренность, скрытность с обеих сторон и наша наивность...»

Как мог командный состав кубанцев, как могли офицеры поверить какому-то ультиматуму красных «о перемирии»? Даже рядовые каза-

ки Донского корпуса все говорили, что «все это — ложь и обман!». Ведь вся идея борьбы против большевиков была борьба против лжи, беззакония и насилия. И уже в первый день сдачи кубанские офицеры поняли свою ошибку. Полковник Елисеев пишет: «Горе побежденному!.. Стыдно и позорно, но нас ждало что-то еще худшее... Подхожу к офицерам, вид у них растерянный... Сидя в их кругу, я рассматривал лица друзей и сослуживцев... Все они в панике и клянут тот час, когда согласились сдаться...»

Быстро пришло отрезвление и раскаяние! И не только раскаяние, но и упрек высшему командованию. Полковник Елисеев вспоминает, что еще за два месяца до этой трагедии генерал Науменко³²⁵, командир 2-го Кубанского корпуса³²⁶, приказал объявить в сотнях, что «офицеры никогда не бросят своих казаков и, если потребуется — разделят с ними их судьбу полностью». А командующий Кубанской армией генерал Улагай в то же время сказал: «Вашу кровь и стойкость никогда не забудет Кубань!» И... «вот теперь забыли и бросили в самые трагические дни их бытия», — с вполне понятной горечью заканчивает свое грустное повествование полковник Елисеев.

В его очерках мы видели внутреннее, глубокое переживание офицера высшего ранга, героя трагедии, которую он стойко и мужественно пережил, оставаясь верным своему долгу и оставаясь на своем посту.

Но еще больше были переживания и моральные страдания рядовых казаков, которые на протяжении трех лет кровавой борьбы слепо и беззаветно верили своим офицерам, героически жертвуя своей жизнью, покрывая своими костями необъятные просторы Юга России, Дона, Кубани... А здесь, на клочке Черноморского побережья, прижатые к морю, увидали воочию, что те, кто возглавлял, воодушевлял, руководил эту беспримерную в истории неравную борьбу, под покровом ночи позорно их покинули и бросили на произвол судьбы! В отчаянии эти простые люди, казаки, искали какое-то спасение, ответ или совет у своих же офицеров и слышали: «Оставайтесь!»... на волю их злейшего врага. Что думали, что чувствовали, что переживали эти простые люди? И... кто был виновником этой трагедии, сможет сказать беспристрастно и объективно только будущий историк.

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

¹ **Добрынин Владимир Васильевич**, р. 9 июля 1883 г. Из дворян Области войска Донского, ст. Заплавской, сын офицера. Донской кадетский корпус (1901), Михайловское артиллерийское училище (1904), академия Генштаба (1913). Капитан, старший адъютант штаба 53-й пехотной дивизии (в плену с 1915 г.). В Донской армии и ВСЮР с 1 августа 1918 г.; с 31 августа 1918 г. подполковник и начальник разведывательного отдела штаба Донской армии, с 28 июня 1919 г. начальник оперативного отдела штаба Донской армии, с 25 марта 1920 г. командирован за границу с особым поручением, на 1 августа 1920 г. в Русской Армии. Полковник (5 октября 1918 г.). Орден Св. Владимира II ст. (23 июня 1919 г.). На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Чехословакии. Умер 29 октября 1938 г. в Праге.

² Впервые опубликовано: Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества. Прага, 1921.

³ **Граф Граббе Михаил Николаевич**, р. 18 июня 1868 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1890). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-лейтенант, наказной атаман Донского казачьего войска, затем в резерве чинов при штабе Одесского военного округа (в отставке с 31 мая 1917 г.). Георгиевский кавалер. В эмиграции в Ницце (Франция), член полкового объединения, на 1934 г. член суда чести главного правления Союза Пажей. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. С 4 августа 1935 г. Войсковой атаман ВВД. В 1941 г. содействовал формированию Русского Корпуса. Умер 23 июля 1942 г. в Париже.

⁴ **Волошинов Евгений Андреевич**, р. 17 декабря 1881 г. Из дворян Области войска Донского, сын войскового старшины. Донской кадетский корпус (1899), Константиновское артиллерийское училище (1901). Офицер 6-й донской казачьей батареи. Войсковой старшина (1914) Донской артиллерии, воспитатель приготовительного пансиона Донского казачьего войска. Председатель Войскового круга ВВД. Расстрелян большевиками 18 февраля 1918 г. в Новочеркасске.

⁵ **Богаевский Митрофан Петрович**, р. в 1881 г. Новочеркасская гимназия (1903), Санкт-Петербургский университет (1911). Директор гимна-

зии в ст. Каменской. С 18 июня 1917 г. помощник войскового атамана ВВД и председатель Войскового круга. Расстрелян большевиками 1 или 10 апреля 1918 г. в Ростове.

⁶ **Каледин Алексей Максимович**, р. 12 октября 1861 г. на х. Каледина. Из дворян Области войска Донского, сын офицера, казак ст. Усть-Хоперской. Воронежский кадетский корпус (1879), Михайловское артиллерийское училище (1882), академия Генштаба (1889). Генерал от кавалерии, начальник 12-й кавалерийской дивизии, командир 12-го армейского корпуса, с 19 июня 1917 г. Донской атаман. Георгиевский кавалер. Застрелился 29 января 1918 г. в Новочеркасске.

⁷ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. 3 ноября 1857 г. Сын майора из солдат сверхсрочной службы. Тверская гимназия (1873) (не окончил), Московское пехотное юнкерское училище (1876), академия Генштаба (1890). Генерал от инфантерии, б. Верховный главнокомандующий. Основоположник Добровольческой армии. С сентября 1917 г. основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 ноября 1917 г. прибыл в Новочеркасск; с декабря 1917 г. член триумvirата «Донского гражданского совета». Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 18 августа 1918 г. верховный руководитель Добровольческой армии. Избран членом Уфимской директории. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

⁸ Отряд есаула Чернецова. Наиболее крупный из донских партизанских отрядов. Сформирован 30 ноября 1917 г. есаулом В.М. Чернецовым. Насчитывал до 600 человек; в составе отряда действовал также взвод Сводной Михайловско-Константиновской батареи. Успешно громил многократно превосходящие по силе красные части в Каменском районе, но 21 января недавно произведенный в полковники Чернецов под Глубокой попал в плен и был зарублен вместе с примерно 40 офицерами и добровольцами своего отряда. Остатки отряда вошли сотней в Партизанский полк Добровольческой армии и приняли участие в 1-м Кубанском походе. В 1918 г. для бывших чинов отряда установлен нагрудный знак в виде равноконечного широкого серебряного креста, пересеченного сзади казачьей шашкой и дубовой ветвью, в верхней и нижней частях даты «1917 г.» и «1918 г.», на поперечной — надпись «Чернецовцы»; носился на Георгиевской розетке.

⁹ **Назаров Анатолий Михайлович**, р. в 1876 г. Донской кадетский корпус (1894), Михайловское артиллерийское училище (1897), академия Генштаба (1903). Генерал-майор, командир 2-й Забайкальской казачьей бригады, в октябре 1917 г. назначен командиром корпуса на Кавказском фронте, но по приказу атамана Каледина остался на Дону; с ноября 1917 г. начальник гарнизона Таганрога, с 15 декабря 1917 г. Походный атаман Донского казачьего войска, с 29 января 1918 г. Войсковой атаман Донского казачьего войска. Расстрелян большевиками 18 февраля 1918 г. в Новочеркасске.

¹⁰ **Корнилов Лавр Георгиевич**, р. 18 августа 1870 г. в Семипалатинске. Сын коллежского секретаря. Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), академия Генштаба (1898). Генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий до августа 1917 г., когда выступил против предательской политики Временного правительства и

был арестован, содержался в Быхове. С 5 декабря 1917 г. в Новочеркасске, где возглавил Добровольческую армию, которую вывел в 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

¹¹ **Попов Петр Харитонович**, р. 10 января 1867 г. в ст. Казанской. Сын чиновника, казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Новочеркасская гимназия (1889), Новочеркасское казачье юнкерское училище (1891), академия Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник Новочеркасского военного училища. В Донской армии; с 30 января 1918 г. Походный атаман Донского казачьего войска, в марте 1918 г. возглавил Степной поход в Сальские степи, с 25 апреля по 6 мая 1918 г. командующий Донской армией, с 5 мая 1918 г. генерал-лейтенант, с 6 мая 1918 г. в отставке, председатель военной комиссии Войскового круга. Вновь на службе с 7 февраля 1919 г., возглавлял Донское правительство и его отдел внешних сношений, с 19 октября 1919 г. в отставке генералом от кавалерии, с конца 1919 г. представитель Донского атамана в Новороссийске и за границей, в начале 1920 г. вновь на службе, генерал для поручений при Донском атамане. Эвакуирован в нач. 1920 г. из Новороссийска на корабле «Борис». Вышел в отставку 24 июня 1920 г., с 16 марта 1921 г. представитель Донского атамана в Болгарии, с 4 ноября 1921 г. до 1924 г. о. помощника Донского атамана. В эмиграции в Болгарии, с апреля 1921 г. представитель ОСДКТ в Софии, во Франции, с 1928 г. в США, с 1938 г. в Европе (во Франции, Чехословакии, Болгарии, Югославии); с 1938 г. Донской атаман части казачества (наряду с гр. Граббе), с 1946 г. в США. Умер 6 октября 1960 г. в Нью-Йорке.

¹² **Дроздовский Михаил Гордеевич**, р. 7 октября 1881 г. в Киеве. Из дворян, сын генерала. Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Волынского полка. Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте (1-я отдельная бригада русских добровольцев), с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон и 27 мая 1918 г. соединился с Добровольческой армией. В Добровольческой армии начальник 3-й дивизии. Генерал-майор (12 ноября 1918 г.). Ранен 31 октября 1918 г. под Ставрополем. Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

¹³ **Мамонтов Константин Константинович (Мамантов)**, р. 16 октября 1869 г. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области войска Донского. Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; участник Степного похода, комендант отряда. В марте 1918 г. руководитель восстания во 2-м Донском округе, в апреле 1918 г. командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы. В июле 1918 г. — 23 февраля 1919 г. командующий войсками Чирского и Цимлянского района, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 г. генерал-майор), с 23 февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919 г. — феврале 1920 г. командир 4-го Донского отдельного корпуса, в ноябре 1919 г. командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.

¹⁴ **Денисов Святослав Варламович**, р. 10 сентября 1878 г. в ст. Луганской Области войска Донского. Из дворян, сын генерал-майора ВВД, казак ст. Пятиизбянской. Донской кадетский корпус (1896), Михайловское артиллерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Офицер 10-й Донской казачьей батареи. Полковник, командир 11-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в апреле 1918 г. командующий Заплавской группой в Донском восстании, с 4 апреля 1918 г. начальник штаба Донской армии, с 12 апреля 1918 г. командующий Южной группой, с 27 апреля 1918 г. генерал-майор, с 8 мая 1918 г. командующий Донской армией и управляющий военным и морским отделом ВВД. Генерал-лейтенант (27 августа 1918 г.). С 2 февраля 1919 г. в отставке. В эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Германии, с 1923 г. в США; председатель Казачьего союза в США. Умер 19 апреля 1957 г. в Стратфорде (США).

¹⁵ **Гусельщиков Адриан Константинович**, р. 26 мая 1871 г. в ст. Гундоровской. Из дворян Области войска Донского, сын офицера. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1900) (офицером с 1901 г.). Офицер 5-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина, помощник командира 52-го Донского казачьего полка. В Донской армии; руководитель восстания в ст. Гундоровской. С 4 апреля 1918 г. начальник обороны Гундоровско-Митякинского района, с 26 мая 1918 г. командир сформированного им Гундоровского полка, командующий войсками Хоперского округа и района, с 1918 г. полковник, с 1 октября 1918 г. генерал-майор, начальник Северного отряда, затем в феврале 1919 г. 6-й Донской дивизии, с весны 1919 г. начальник 8-й Донской конной дивизии, осенью 1919 г. командир 2-го Донского корпуса, с 22 ноября 1919 г. командир 3-го Донского корпуса, с декабря 1919 г. командир 4-го Донского корпуса, с февраля 1920 г. командир 3-го Донского корпуса, с марта 1920 г. начальник 3-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с февраля 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос: в декабре 1920 г. начальник 2-й Донской казачьей дивизии. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, затем во Франции. Умер 21 февраля 1936 г. в Виши (Франция).

¹⁶ Воспоминания П.Н. Краснова приводятся ниже.

¹⁷ **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 декабря 1872 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус (1892), Николаевское кавалерийское училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Атаманского полка, командир 4-го гусарского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; в январе 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 г. 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г., председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 г. Войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918 г.). В эмиграции с ноября 1921 г. в Софии, с октября 1922 г. в Белграде, с ноября 1923 г. в Париже, с 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 21 октября 1934 г. в Париже.

¹⁸ **Деникин Антон Иванович**, р. 4 декабря 1872 г. в д. Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Ловичское реальное училище (1890), Ки-

евское пехотное юнкерское училище (1892), академия Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. С 29 августа по 19 ноября 1917 г. под арестом в Быхове. В начале января 1918 г. командующий войсками Добровольческой армии, с 30 января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, заместитель генерала Корнилова, с 31 марта 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 декабря 1918 г. по 22 марта 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В эмиграции в апреле—августе 1920 г. в Англии, до мая 1922 г. в Бельгии, с июня 1922 г. в Венгрии, с весны 1926 г. во Франции (Париж, с мая 1940 г. д. Мимизан), с 1945 г. в США. Умер 7 августа 1947 г. в Энн Эрбор (США).

¹⁹ **Иванов Николай Иудович**, р. 22 июля 1851 г. Сын солдата сверхсрочной службы. 2-й кадетский корпус (1866), Михайловское артиллерийское училище (1869). Офицер л.-гв. 3-й и л.-гв. 2-й артиллерийских бригад. Генерал от артиллерии, до марта 1916 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, затем состоял при Ставке, в начале 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа. Георгиевский кавалер. С 1917 г. жил в Новочеркасске. С 11 октября 1918 г. по 29 января 1919 г. командующий Южной армией. Умер от тифа 29 января 1919 г. в Одессе.

²⁰ **Колчак Александр Васильевич**, р. 4 ноября 1874 г. в Санкт-Петербурге. Сын генерал-майора корпуса морской артиллерии. Морской корпус (1894). Вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Летом 1918 г. в отряде капитана Орлова в Харбине, с 4 ноября 1918 г. военный и морской министр Уфимской директории, с 18 ноября 1918 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий. Адмирал (с 18 ноября 1918 г.). Орден Св. Георгия III ст. (20 апреля 1919 г.). 15 января 1920 г. выдан Советам и расстрелян 7 февраля 1920 г. в Иркутске.

²¹ **Сидорин Владимир Ильич**, р. 3 февраля 1882 г. Из дворян Области войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академия Генштаба (1910), Офицерская воздухоплавательная школа (1910). Офицер 2-го Восточно-Сибирского саперного батальона. Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца ноября 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина, в декабре 1917 г. — январе 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, в январе 1918 г. начальник штаба Походного атамана. Участник Степного похода (с 12 марта 1918 г. начальник штаба отряда), с 12 апреля по 5 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии. С 5 мая 1918 г. генерал-майор, в июне—июле 1918 г. командующий Средне-Донецким фронтом, с июля глава делегации ВВД в Киеве. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 5 октября 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией; с 24 марта 1920 г. до

6 апреля 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (23 мая 1919 г.). Вышел в отставку 12 апреля 1920 г. В эмиграции с мая 1920 г. в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

²² Кельчевский Анатолий Киприанович, р. 19 января 1870 г. Из дворян. Псковский кадетский корпус (1889), Константиновское военное училище (1891), академия Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, командующий 9-й армией. В 1918 г. в гетманской армии. В Донской армии с 22 ноября 1918 г.; на 20 ноября 1918 г. начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта, с 15 февраля 1919 г. по 27 марта 1920 г. начальник штаба Донской армии, затем военный и морской министр Южно-Русского правительства. Эвакуирован в начале 1920 г. на корабле «Габсбург». С 25 марта до 6 апреля 1920 г. начальник штаба Донского корпуса. Вышел в отставку 10 апреля 1920 г. (снят с должности и отставлен от службы). Эвакуирован до осени 1920 г. из Крыма на корабле «Соломея». В эмиграции с мая 1920 г. в Германии, главный редактор журнала «Война и мир». Умер 1 мая 1923 г. в Берлине.

²³ Кавказская армия. Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Первоначально включала 1—3-й конные и Сводно-Донской (4-я и 13-я Донские дивизии) корпуса, Астраханскую бригаду и 6-ю пехотную дивизию. После реформирования — 1-й и 2-й Кубанские, Сводный и 4-й (бывший 3-й) конные корпуса. В оперативном подчинении был Сводно-Донской корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 23 234 человека (в том числе 1120 офицеров, 17 434 строевых, 2180 вспомогательных и 2500 нестроевых нижних чинов). В середине октября 1919 г. 2-й Кубанский корпус был переброшен в Донскую и потом в Добровольческую армию. Кроме того, в армии были Нижне-Волжский и Заволжский отряды, Отдельная Кубанская казачья бригада, 2-я Терская пластунская бригада, Ставропольский конно-партизанский дивизион, 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион, 1-я Кубанская инженерная сотня (полковник Д.Г. Галушко), 1-й (Кавказский) радиотелеграфный дивизион, 4-я отдельная телеграфная рота и 1-й автомобильный батальон.

К 5 октября 1919 г. армия имела в своем составе также 1-й бронепоездной дивизион, 1-й и 4-й танковые отряды 1-го и 6-й отряд 2-го танкового дивизиона, 2-й броневой дивизион (1, 2 и 3-й отряды), 1-ю Кавказскую отдельную инженерную роту (117 человек), 1-й Кубанский казачий авиаотряд (3 самолета), 3 английских авиаотряда (12 самолетов), Раздорскую отдельную сотню (охрана железной дороги), донские бронепоезда «Степной», «Казак Землянухин», «Атаман Платов» и «Илья Муромец», 1-й железнодорожный батальон Добровольческой армии, Морской отряд особого назначения (капитан 1-го ранга Заев), Морской отдельный батальон (165 штыков, 8 пулеметов, 2 орудия), Отдельную Кубанскую батарею (4 орудия), Отдельный взвод гаубиц (2 орудия), 4 дивизиона морской тяжелой артиллерии: особого назначения — 1-я (в ремонте) и 2-я (3 орудия) батареи, 2-й — 3-я батарея (2 орудия), 4-й — 7-я (2 орудия) и 8-я (1 орудие) батареи и 6-й — 12-я батарея (2 орудия), а кроме того — 6-й (7 катеров: МК 1-5, 7 и 10) и 7-й (7 бронекатеров: «Казак», «Черкес», «Пластун», «Линеец», «Черноморец», «Атаман Чепига», «Антон Головатый») дивизионы речных катеров и 1-й ди-

визион канонерских лодок. Насчитывала к 5 октября 1919 г. 8640 штыков, 6115 сабель, 324 сапера, 384 пулемета, 85 орудий, 15 самолетов и 7 бронепоездов (в октябре 1919 г. 14,5 тысячи человек). В начале июня 1919 г. в боях под Царицыном понесла тяжелые потери (потеряла 5 начальников дивизий, 3 командиров бригад, 11 командиров полков). Расформирована 29 января 1920 г. с обращением на формирование Кубанской армии.

Командующий — генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (8 мая — 22 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант В.А. Покровский (22 ноября 1919 г. — 21 января 1920 г.). Начальник штаба: генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович (8 мая — 27 июля 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (27 июля — 1 декабря 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квартирмейстеры: полковник П.А. Кусонский (с 8 мая 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (до 1 декабря 1919 г.). Дежурный генерал — генерал-майор В.П. Петров. Инспектор артиллерии — генерал-лейтенант М.В. Макеев. Начальник военных сообщений — генерал-лейтенант П.С. Махров. Начальники снабжений: генерал-майор А.Г. Фалеев (до 11 ноября 1919 г.), генерал-майор П.А. Вильчевский (с 11 ноября 1919 г.).

²⁴ Барон Врангель Петр Николаевич, р. 15 августа 1878 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Ростовское реальное училище, Горный институт 1901, офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902), академия Генштаба (1910). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, начальник Уссурийской конной дивизии, 7-й кавалерийской дивизии, командующий 3-м и Сводным конным корпусом. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией. Эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя на корабле «Посадник» (или «Вел. князь Александр Михайлович»). С 22 марта 1920 г. главнокомандующий ВСЮР и Русской Армией. Генерал-лейтенант (с 22 ноября 1918 г.). В эмиграции, с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского общевоинского союза (РОВС). С сентября 1927 г. в Бельгии. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

²⁵ 1-й Донской отдельный корпус. Сформирован 12 мая 1919 г. из 1-й Донской армии. Входил в состав Донской армии. Состав: 6-я Донская дивизия, 10-я и 14-я Донские конные бригады и сотня особого назначения (187 сабель, 1 пулемет). На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 5190 штыков, 6699 сабель, 214 саперов, 157 пулеметов, 32 орудия. Расформирован 24 марта 1920 г. и обращен на формирование 3-й Донской дивизии. Командир — генерал-майор Н.Н. Алексеев. Начальник штаба — полковник П.Н. Санников.

²⁶ 2-й Донской отдельный корпус. Сформирован 12 мая 1919 г. из 2-й Донской армии. Входил в состав Донской армии. Состав: Донская Сводно-партизанская, 7-я Донская и 1-я Сводная дивизии, Войсковая Донская инженерная сотня (100 человек), 2-я и 6-я мортирные батареи, броневладельцы «Сокол»

и «Печенег». На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 7778 штыка, 9727 сабель, 222 сапера, 294 пулемета, 61 орудие. В начале февраля 1920 г. был переформирован и включал Донскую Сводно-партизанскую, 7-ю Донскую и 4-ю Донскую конную дивизии, 15-ю Донскую конную бригаду, Донской партизанский полковника Чернецова, Донской пеший генерала Семилетова, Богучарский пеший и 40-й Донской конный полки. Расформирован 24 марта 1920 г. и обращен на формирование 2-й Донской конной дивизии (II). Командиры: генерал-лейтенант А.С. Секретев, генерал-майор П.И. Коновалов, полковник И.Е. Поливанов (врид; ноябрь—декабрь 1919 г.), генерал-майор А.М. Сутулов (1919—1920 гг.). Начальники штаба: полковник В.А. Ширяев, полковник Ф.Ф. Одноглазков (врид; декабрь 1919 г.).

²⁷ 3-й Донской отдельный корпус. Сформирован 12 мая 1919 г. из 3-й Донской армии. Входил в состав Донской армии. Состав: 1, 2, 3-я Донские конные дивизии, 5-я (с осени 1919 г. — 8-я и 9-я Донские пластунские бригады) и 8-я Донские дивизии, 2-я Донская стрелковая бригада и Тульская пешая бригада, а также Особая конная сотня (211 сабель, 4 пулемета), артиллерийский взвод (2 орудия), 1-я и 2-я батареи морской тяжелой артиллерии, бронепоезда «Генерал Бакланов», «Митякинец», «Генерал Гусельщиков», «Гундоровец», «Раздорец», «Атаман Орлов» и «Атаман Богаевский», бронев автомобили «Медведица» и «Лугано-Митякинец» (до 18 августа 1919 г. — также 4-я Донская пограничная дивизия). На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 11 671 штыков, 2218 сабель, 907 саперов, 387 пулеметов, 85 орудий. Расформирован 24 марта 1920 г. Командир — генерал-лейтенант М.М. Иванов (до 22 ноября 1919 г.). Начальник штаба — полковник А.В. Говоров.

²⁸ Секретев Александр Степанович, р. 8 августа 1881 г. (12 августа 1882 г.) в ст. Чернышевской. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Нижне-Чирской Области войска Донского. Донской кадетский корпус (1899), Николаевское кавалерийское училище (1901). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Полковник, командир 24-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в апреле—мае 1918 г. командир 1-го конного полка под Новочеркасском, в 1919 г. генерал-майор, командир бригады, командир 2-го Донского отдельного корпуса, в мае 1919 г. командир конной группы из двух дивизий, затем начальник 9-й Донской конной дивизии, в начале 1920 г. командир 4-го Донского корпуса, с марта 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала А.А. Павлова) до эвакуации Новороссийска. В Русской Армии без должности. Генерал-лейтенант. В эмиграции с ноября 1920 г., с 1921 г. в Болгарии, в конце 1922 г. возвратился в СССР. Арестован 14 августа 1930 г. Расстрелян по делу «Казачьего блока» 8 мая 1931 г. в Москве.

²⁹ Харламов Василий Акимович, р. в 1875 г. Член Государственной думы. В 1918 г. председатель Донского Войскового круга. Эвакуирован из Феодосии летом 1920 г. на о. Лемнос. В 1920—1921 гг. член Земгора (Российского земско-городского комитета помощи беженцам). В эмиграции в Аргентине, член правления Союза российских антикоммунистов. Умер 13 марта 1957 г. в Буэнос-Айресе.

³⁰ 4-й Донской отдельный корпус. Сформирован в Донской армии 28 июня (фактически 11 июля) 1919 г. Состав: 9-я и 10-я Донские дивизии. В июле—сентябре 1919 г. совершил глубокий рейд по тылам Красной

армии. На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 3400 сабель, 103 пулемета, 14 орудий. 1 мая 1920 г. из его частей сформирована 2-я Донская конная дивизия (II). Командир — генерал-лейтенант К.К. Мамонтов. Начальник штаба: полковник (генерал-майор) К.Т. Калиновский (с 15 октября 1919 г.), генерал Николаев (врио; март 1920 г.), генерал Н.П. Калинин (март—апрель 1920 г.).

³¹ Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура), р. 7 февраля 1886 г. (1887 г.). Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Участник формирования анти-советских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 16 января 1947 г. в Москве.

³² Морозов Василий Иванович, р. 30 октября 1888 г. в ст. Семикаракорской Области войска Донского. Из казаков той же станицы. Новочеркасское военное училище (1908). Офицер 7-го Донского казачьего полка. Подъесаул, командир сотни 58-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в 1919 г. командир 76-го Донского казачьего полка, 6-го Донского казачьего полка, с ноября 1919 г. полковник, с января 1920 г. командир конного отряда своего имени, с февраля 1920 г. командир 2-й Донской отдельной бригады, с 29 марта 1920 г. начальник Сводной конной дивизии, с 4 мая 1920 г. — 2-й Донской конной дивизии, с 8 августа 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии, с 16 сентября 1920 г. в распоряжении Донского атамана, на 1 октября 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской конной дивизии. Генерал-майор (29 марта 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца 2 октября 1920 г. Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской дивизии. Осенью 1925 г., на 1931 г. начальник Донского офицерского резерва в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Умер 30 января 1950 г. в Клагенфурте (Австрия).

³³ Добровольческая армия (в составе ВСЮР). Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Включала к середине июня 1919 г. 1-й армейский и 3-й Кубанский корпуса, 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду, а также части Таганрогского гарнизона и штаба армии, к концу июля в нее были включены Группа генерала Промтова и вновь сформированный 5-й кавалерийский корпус. К 15 сентября 1919 г. из 5-й и 7-й пехотных дивизий был образован 2-й армейский корпус. 14 октября 1919 г. была сформирована еще 1-я отдельная пехотная бригада. К 5 октября в ее составе (помимо приданных частей) остались только 1-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса. Кроме того, в состав армии входили:

Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады, 2-й и 3-й отдельные тяжелые гаубичные дивизионы, Отдельный тяжелый пушечный тракторный дивизион, 2-й радиотелеграфный дивизион, 2, 5, 6-я отдельные телеграфные роты, 1-й и 2-й дивизионы танков и 5-й автомобильный батальон. Армии были также приданы 1-й авиационный дивизион (2-й и 6-й авиаотряды и 1-я авиабаза), бронеавтомобильные: 1-й дивизион, 1, 3 и 4-й отряды. 6 января 1920 г. сведена в Добровольческий корпус. К середине июня 1919 г. армия насчитывала 20 тысяч штыков и 5,5 тысячи сабель, в конце июля — 33 тысячи штыков и 6,5 тысячи сабель, на 5 октября — 17 791 штык и 2664 сабли при 451 пулемете и 65 орудиях. В начале декабря 1919 г. в Добровольческой армии было 3600 штыков и 4700 сабель; весь Добровольческий корпус имел 2600 штыков, 5-й кавалерийский — 1015 сабель, Полтавская группа — 100 штыков и 200 сабель, в конной группе около 3500 сабель. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 57 725 человек (в том числе 3884 офицера, 40 963 строевых, 6270 вспомогательных и 6608 нестроевых нижних чинов). О численности собственно Добровольческой армии имеются также такие данные: до 1-го Кубанского похода — 4 тысячи, под Екатеринодаром — 6, к июню 1918 г., на начало 2-го Кубанского похода — 8—9, в августе — около 35 тысяч штыков и сабель, к сентябрю — 30—35, к походу на Москву в июне 1919 г. — 40, в начале 1920 г. (сведенная в корпус и Добровольческий корпус в Крыму) — 5 тысяч.

Командующие: генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский (8 мая — 14 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (с 22 ноября 1919 г.). Начальник штаба: генерал-лейтенант Н.П. Ефимов (8 мая — 1 декабря 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квартирмейстер — полковник А.А. фон Гоерц. Дежурный генерал — генерал-майор Бенсон. Инспектор артиллерии — генерал-майор Лахтионов. Начальник снабжений — генерал-майор Деев. Начальник военных сообщений — генерал-майор Месснер.

³⁴ Павлов Александр Александрович, р. 11 июля 1867 г. Из дворян Волынской губ. Киевский кадетский корпус (1885), Николаевское кавалерийское училище (1887). Офицер л.-гв. Гусарского полка, командир л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир Кавказского кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В 1918 г. командующий Астраханской армией. В Вооруженных силах Юга России; командир Астраханского корпуса, с 21 марта 1919 г. в распоряжении атамана ВВД, затем в распоряжении главнокомандующего ВСЮР, с января 1920 г. командир 4-го Донского корпуса, а также командир конной группы из частей 4-го и 2-го Донских корпусов, с конца февраля 1920 г. в резерве чинов при Военном управлении, с 13 мая 1920 г. генерал для поручений при главнокомандующем ВСЮР. Эвакуирован на пароходе «Константин». В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Умер 7 декабря 1935 г. в Земуне (Югославия).

³⁵ Калиновский Константин Тимофеевич, р. 20 мая 1885 г. Учительская семинария, Новочеркасское военное училище (1907), академия Генштаба (1914). Подполковник, и. д. штаб-офицера для поручений при штабе 19-го армейского корпуса. В Донской армии с 13 (19) мая 1918 г.; с 13 июня 1918 г. полковник, на 26 июня, 20 ноября 1918 г. по май 1919 г. начальник

оперативного отдела штаба Донской армии, с 15 октября 1919 г. начальник штаба 4-го Донского корпуса, с февраля 1920 г. начальник штаба конной группы, с 24 марта 1920 г. в резерве офицеров Генерального штаба при штабе Донского корпуса. Генерал-майор (февраль 1920 г.). Орден Анны I ст. 17 августа 1920 г. В эмиграции с апреля 1920 г. в Константинополе, затем в Варне и в Югославии (Суботице, затем Белград), с 1950 г. в Италии (Триест), с 1954 г. в Швейцарии (Везен). Умер 3 января 1962 г. в Гларусе (Швейцария).

³⁶ **Барон Майдель Игнатий Николаевич**, р. 20 декабря 1874 г. в Царском Селе. Киевский кадетский корпус (1893), Михайловское артиллерийское училище (1896), Михайловская артиллерийская академия. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, инспектор артиллерии Западного фронта. Георгиевский кавалер. В ноябре 1918 г. во французской миссии в Бухаресте. В Донской армии; инспектор артиллерии армии, в марте 1920 г. начальник бронепоездной бригады. Генерал-лейтенант (1919 г.). Вышел в отставку 3 июля 1920 г. В начале ноября 1920 г. на о. Принкипо. В эмиграции в Югославии, с 1922 г. профессор Люблянского университета. Умер 23 декабря 1930 г. в Любляне (Югославия).

³⁷ **Калиновский Иван Тимофеевич**, р. 1 декабря 1882 г. Из казаков ст. Аксайской Области войска Донского. Новочеркасское военное училище (1902) (офицером с 1903), Офицерская стрелковая школа (1907). Полковник, исполняющий обязанности заведующего особым делопроизводством при главном полевом интенданте. В Донской армии; с 1919 г. управляющий отделом продовольствия ВВД, в феврале—марте 1920 г. также член контрольной комиссии Донской армии. Генерал-майор. Вышел в отставку 15 апреля 1920 г. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии (Нови Сад), с 1960-х гг. в США.

³⁸ **Ротова Ольга Д.** Дочь ученого. В Донской армии с лета 1918 г.; сестра милосердия Кочетовского полка. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Умерла в эмиграции.

³⁹ Впервые опубликовано: Донской атаманский вестник. № 146.

⁴⁰ Воспоминания И.А. Полякова публикуются ниже.

⁴¹ **Бугураев Максим Константинович**, р. в 1892 г. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области войска Донского. Донской кадетский корпус (1910), Михайловское артиллерийское училище (1913). Офицер донской артиллерии. В Донской армии; в феврале 1918 г. адъютант начальника донской артиллерии, в апреле 1918 г. участник боев за Новочеркасск; во ВСЮР командир 7-й Донской казачьей батареи, с 9 апреля 1919 г. войсковой старшина, в 1920 г. старший офицер в 3-й Донской казачьей батарее. Орден Станислава II ст. 28 мая 1920 г., в Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии и США. Умер 6 июня 1982 г. в Лейквуде (США).

⁴² Впервые опубликовано: Военная Быль.

⁴³ **Кондырин Николай Иванович**, р. в 1884 г. Николаевское инженерное училище. Офицер 2-го Уссурийского железнодорожного батальона. Подполковник 2-го Сибирского железнодорожного батальона. В Добровольческой

армии; в декабре 1917 г. командир Технической роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. Полковник. В Донской армии командир Донской броневой железнодорожной бригады. Генерал-майор (1918 г.). Эвакуирован до осени 1920 г. из Феодосии. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции. Умер 12 ноября 1936 г. в Бийанкуре (Франция).

⁴⁴ **Рубанов Александр Николаевич**. Полковник, командир 130-го пехотного полка. С 14 ноября по декабрь 1918 г. командир 2-й Офицерской добровольческой дружины в Киеве. В Донской армии; в 1919 г. командир 2-го Донского железнодорожного броневого полка, после эвакуации Крыма — в Донском техническом полку. Орден Св. Владимира III ст. 15 сентября 1920 г.

⁴⁵ 8-я Донская конная дивизия. Сформирована в Донской армии в составе 3-й Донской армии. Включала 78, 96 и 80-й Зюнгарский калмыцкий полки, 7-ю и 8-ю батареи. 12 мая 1919 г. переформирована в бригаду и к июлю вошла в состав 9-й Донской конной дивизии. К октябрю 1919 г. временно сведена в 12-й Донской сводный конный полк.

⁴⁶ **Сагацкий Иван Иванович**, р. 27 декабря 1901 г. Кадет Донского кадетского корпуса. В Донской армии; в январе 1918 г. во 2-й сотне партизанского отряда Семилетова. Окончил Донской кадетский корпус (1919). Доброволец в 42-м Донском казачьем полку; затем юнкер Атаманского военного училища. Старший портупей-юнкер в л.-гв. Казачьем полку до эвакуации Крыма. Хорунжий, 6 марта 1921 г. выпущен в л.-гв. Казачий полк на о. Лемнос. Сотник. В эмиграции во Франции, окончил в 1927 г. Парижский университет, инженер-геолог, к 1939 г. член полкового объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 июня 1981 г. в Париже.

⁴⁷ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1956. № 17. Май.

⁴⁸ **Семилетов Эммануил Федорович**, р. в 1872 г. Новочеркасское военное училище. Офицер 15-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина (из отставки). В Донской армии; с конца 1917 г. командир партизанского отряда, полковник. Участник Степного похода, начальник собственного отдельного отряда. С 11 апреля 1918 г. командующий Северной группой. Вышел в отставку 8 мая 1918 г. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 10 октября 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 6 декабря 1918 г. командир Донского пешего батальона, с 11 января 1919 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с марта 1919 г. командующий партизанскими отрядами Донской армии, затем начальник Сводно-Партизанской дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 3-й отдельной Донской добровольческой бригады. Генерал-майор (с апреля 1918 г.). Умер 9 декабря 1919 г. в Новочеркаске.

⁴⁹ **Чернецов Василий Михайлович**, р. в 1890 г. в ст. Калитвенской. Из казаков ст. Усть-Белокалитвенской Области войска Донского. Каменское реальное училище (1907), Новочеркасское военное училище (1909). Есаул, командир сводной казачьей партизанской сотни при 4-й Донской казачьей дивизии, комендант Макеевских рудников. В ноябре 1917 г. организовал и возглавил партизанский отряд своего имени, с которым совершил ряд успешных рейдов на Новочеркасском направлении. Полковник (с января 1918 г.). Взят в плен и убит 21 января 1918 г. под Глубокой.

⁵⁰ **Попов Александр Николаевич.** Морской корпус (1918). Старший гардемарин. Вахмистр Донского кадетского корпуса. В Донской армии; в январе 1918 г. во 2-й сотне партизанского отряда Семилетова. Тяжело ранен. Расстрелян большевиками 14 марта 1918 г. в лазарете № 1 в Новочеркасске.

⁵¹ **Поляков Иван Алексеевич,** р. 10 августа 1886 г. в Новочеркасске. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новониколаевской Области войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1908), академия Генштаба (1914). Офицер 2-го Кавказского саперного батальона. Подполковник, помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, начальник военно-дорожного отделения того же штаба. В Донской армии с декабря 1917 г.; с января по 12 февраля 1918 г. 2-й генерал-квартирмейстер штаба Донского атамана, начальник службы связи и общего отделения штаба Походного атамана ВВД, с марта 1918 г. начальник штаба отряда войскового старшины М. Фетисова, с 12 апреля 1918 г. начальник штаба Южной (Заплавской) группы, с 27 апреля 1918 г. полковник, с 7 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г. начальник штаба Донской армии и (с 9 мая) ВВД. Генерал-майор (с 14 августа 1918 г.). В эмиграции с 1919 г. в Югославии. Предпринял неудачную попытку отправиться на Восточный фронт. Во время Второй мировой войны участник формирования казачьих частей германской армии, с 1944 г. в РОА. С 14 октября 1947 г. по 1965 г. Донской атаман. После 1947 г. — в США. Умер 15 апреля 1969 г. в Нью-Йорке.

⁵² Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 6. 1962 г. Март.

⁵³ **Курочкин Василий (Иван Матвеевич).** Поручик. В конце 1917 г. — январе 1918 г. командир сотни в партизанском отряде полковника Чернецова. Ранен 18 января 1918 г. у Лихой. В Добровольческой армии: Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, командир 1-го батальона. Убит 28—29 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

⁵⁴ **Краснянский Тихон Петрович,** р. 19 июня 1876 г. в ст. Аксайской Области войска Донского. Из казаков ст. Гундоровской. Новочеркасское военное училище (1896) (офицером с 1898 г.). Полковник, командир 46-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в 1917 г. в распоряжении Донского атамана, в декабре 1917 г. в партизанском отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-й сотни в Партизанском полку. Убит 3 марта 1918 г. под Выселками у ст. Корневской.

⁵⁵ **Власов Георгий Протолионович.** Есаул 16-го или 17-го Донского казачьего полка. В феврале 1918 г. формировал добровольческий Баклановский отряд в Новочеркасске. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. Убит 1 (3) марта 1918 г. у ст. Выселки.

⁵⁶ **Лазарев Роман Григорьевич.** Новочеркасское военное училище (1913). Есаул (сотник). В конце 1917 г. — январе 1918 г. заместитель командира партизанского отряда полковника Чернецова. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 2-й сотни в Партизанском полку. В Донской армии; войсковой старшина, командир отряда, весной 1920 г. в Донском офицерском резерве. Полковник (31 января 1919 г.). Расстрелян в 1920 г. в Крыму.

⁵⁷ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. 10 июля 1868 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии и ВСЮР в ноябре 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. (9 января — февраля 1918 г.) начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. зам. председателя Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник военного управления. С 12 октября 1919 г. председатель Особого совещания до февраля 1920 г. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (в Белграде), США, Франции, помощник Вел. Князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС, с 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 25 февраля 1939 г.

⁵⁸ **Быкадоров Исаак Федорович**, р. 19 мая 1882 г. в ст. Нижне-Кундрючевской Области войска Донского. Из дворян ВВД, сын полковника. Ростовская гимназия, Новочеркасское военное училище (1902) (офицер с 1903 г.), академия Генштаба (1910). Полковник, командир 58-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; один из организаторов общедонского восстания, в марте 1918 г. руководитель восстания в районе ст. Бело-Калитвенской, командир отряда восставших казаков, командующий ополчениями станиц Нижне-Калитвенской, Кундрючевской, Усть-Белокалитвенской и других, с 1 апреля по август 1918 г. командующий Задонской группой, с 12 мая по декабрь 1918 г. — войсками Задонского района и Южной группой Восточного фронта Донской армии, с 23 февраля 1919 г. командующий 2-й Донской армией, с 11 марта по апрель 1919 г. командир 8-го Донского армейского корпуса. В 1918—1920 гг. товарищ председателя Войскового круга ВВД. Генерал-майор (с 7 мая 1918 г.). Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». В эмиграции в Югославии, Чехословакии, Франции. С начала 1930-х гг. и до смерти — товарищ председателя Войскового круга ВВД. Умер 20 сентября 1957 г. в Анже (Франция).

⁵⁹ **Падалкин Алексей Петрович**, р. в 1898 г. В начале 1918 г. в партизанском отряде полковника Чернецова. Участник Степного похода. В Донской армии; чиновник особых поручений, помощник начальника Особого отделения штаба Ростовского военного округа (в мае 1919 г. сотник). В эмиграции во Франции, член редколлегии журнала «Родимый Край». Есаул. Умер 15 сентября 1975 г. в Париже.

⁶⁰ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1971 г. Август. № 2.

⁶¹ **Балихин Е.А.** Капитан. В Донской армии; участник Степного похода: командир 1-й пешей сотни отряда полковника Семилетова. Войсковой старшина. Умер от ран 15—16 апреля 1918 г. у Александров-Грушевска.

⁶² **Ляхов Дмитрий Тимофеевич**, р. 10 ноября 1862 г. Из казаков ст. Раздорской Области войска Донского. Новочеркасское реальное училище, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1889) (офицером с 1900). Полковник, командир 17-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии. Участник Степного похода, помощник командира штаб-офицерской дружины. Вышел в отставку генерал-майором 4 апреля 1920 г. На 10 января 1920 г. в общежитии № 1 в Буюк-Дере (Константинополь). В эмиграции во Франции. Умер 19 февраля 1941 г. в Кенси под Парижем.

⁶³ **Аладьин Алексей Федорович**, р. 15 марта 1873 г. в с. Новиково Самарской губ. Из крестьян. 3-я Казанская гимназия, Казанский университет. Член Государственной думы, журналист, общественный деятель. Лейтенант английской армии. Летом 1917 г. поддерживал связь с генералом Корниловым. Участник выступления генерала Корнилова, быховец. Участник Степного похода. Во ВСЮР и Русской Армии (в апреле 1920 г. в Севастополе). Участник организации эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе, Париже и Лондоне. Умер 30 июля 1927 г. в Лондоне.

⁶⁴ **Савинков Виктор Викторович**. Сотник артиллерии. Участник Степного похода. В Донской армии в 1-м Донском партизанском артиллерийском дивизионе. Подъесаул (с 24 ноября 1919 г.).

⁶⁵ **Хорошилов Андрей Николаевич**, р. в 1860 г. В службе с 1879 г., офицером с 1884 г. Полковник. В Донской армии; в марте 1918 г. начальник партизанского отряда. Участник Степного похода в отряде полковника Мамантова — командир отряда из воспитанников пансиона Донского кадетского корпуса.

⁶⁶ **Базавов Михаил Васильевич**, р. 18 ноября 1853 г. Из казаков ст. Заплавской Области войска Донского. Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1886). Офицер 8-го Донского казачьего полка. Полковник, командир 47-го Донского казачьего полка (с 1917 г. в отставке генерал-майором). В Донской армии; участник Степного похода, начальник штаб-офицерской пешей дружины.

⁶⁷ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1969. № 80—81. (Этот двоянный выпуск, представляющий собой сборник воспоминаний, специально посвящен Степному походу.)

⁶⁸ **Крюков Федор Дмитриевич**, р. в 1870 г. Из казаков ст. Глазуновской Области войска Донского. Известный донской писатель, секретарь Войскового круга. Участник донского восстания весной 1918 г. в отряде полковника Голубинцева. В 1919 г. редактор «Донских Ведомостей». Умер в 1920 г.

⁶⁹ **Крючков Козьма Фирсович**. Из казаков х. Нижне-Калмыкова ст. Усть-Хоперской. Казак 3-го Донского казачьего полка (первый георгиевский кавалер Первой мировой войны). В Донской армии в 13-м конном полку Усть-Медведицкой конной дивизии. Хорунжий. Убит 18 августа 1919 г. у с. Громки Саратовской губ.

⁷⁰ **Краснушкин Вениамин Александрович**. Из дворян Области войска Донского, сын войскового старшины. В Донской армии; в 1917—1918 гг. редактор газеты «Вольный Дон» при атамане Каледине, в 1918—1919 гг. редактор журнала «Донская Волна». Как писатель известен под псевдонимом Вик. Севский. Расстрелян большевиками в 1920—1921 гг. в Ростове.

⁷¹ Ковалев Евгений Елеазарович, р. 1897 г. Донской кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище (1915). Сотник. В Донской армии; в январе 1918 г. командир 1-го партизанского артиллерийского взвода; к 1 января 1919 г. есаул, командир 35-й Донской казачьей батареи; летом 1920 г. в 3-й Русской Армии, с 9 мая 1921 г. по августа 1922 г. командир Донского казачьего дивизиона в Польше. В эмиграции во Франции, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 17 июля 1971 г. во Франции.

⁷² Черячукин Александр Васильевич, р. 18 марта 1872 г. Из дворян ВВД, сын чиновника, казак ст. Богоявленской. Донской кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командир 17-го Донского казачьего полка, начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии, командующий 2-й казачьей сводной дивизией. Георгиевский кавалер. В Донской армии; до 12 февраля 1918 г. командующий Северо-Западным фронтом, затем скрывался в районе ст. Грушевской. С 4 мая 1918 г. снова в армии, с 5 мая по июль и в сентябре—декабре 1918 г. заместитель и атаман «Зимовой станицы» — посол на Украине, в июле—сентябре 1918 г. — в Германии (член делегации с герцогом Лейхтенбергским к императору Вильгельму). В декабре 1918 г. сыграл важную роль в спасении и эвакуации в Германию нескольких сот русских офицеров. С декабря 1918 г. по начало 1920 г. посол ВВД в Польше, с марта 1920 г. директор Донского кадетского корпуса до его расформирования в 1923 г., эвакуирован с корпусом в Египет. Генерал-лейтенант (30 сентября 1918 г.). В эмиграции во Франции, рабочий на заводе, к 1931 г. член объединения л.-гв. конной артиллерии, до 1 сентября 1930 г. председатель Союза донской артиллерии в Париже, до 1934 г. заместитель Войскового атамана ВВД, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 12 мая 1944 г. в Ницце (Франция).

⁷³ Епифанов Аркадий Павлович, р. в 1871 г. В Донской армии; в январе 1918 г. член Донского правительства, войсковой контролер. В эмиграции в Болгарии, Югославии, Чехословакии. Член Донской исторической комиссии, руководитель издания «Донской летописи».

⁷⁴ Бояринов Степан Иванович, р. в 1880 г. Офицер с 1901 г. Полковник Донского казачьего войска. Расстрелян большевиками 6 февраля 1918 г. в Батайске.

⁷⁵ Слюсарев Николай Павлович, р. в 1885 г. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1905). Войсковой старшина. В Донской армии; в марте 1918 г. начальник юнкерского партизанского отряда. Участник Степного похода — начальник юнкерского конного отряда. В апреле 1918 г. командир 2-го конного (калмыцкого) полка Северного казачьего отряда; с 12 мая 1918 г. полковник, затем в 3-м Донском (калмыцком) полку. Орден Владимира III ст. 27 марта 1919 г. В марте 1920 г. командир 3-го Донского (калмыцкого) казачьего полка. В Русской Армии в Донском офицерском резерве, член военно-судной комиссии Донского корпуса до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Полковник. Во время Второй мировой войны — в казачьих частях германской армии.

⁷⁶ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Офицер 1-го Оренбургского казачьего полка. Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 17 октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. Оренбургская отдельная армия). С 23 мая 1919 г. генерал-инспектор кавалерии (до 18 сентября 1919 г.) и одновременно Походный атаман всех казачьих войск (до 16 октября 1919 г.), 18 сентября — 16 октября 1919 г. командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 4 октября 1918 г.). В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 24 января в руку и живот и скончался 25 января (6 февраля) 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

⁷⁷ **Герасимов Евгений Михайлович**, р. 7 октября 1873 г. Сын чиновника Донского казачьего войска. Новочеркасская гимназия (1892), Киевское пехотное юнкерское училище (1894), академия Генштаба (1903). Офицер 21-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии. Георгиевский кавалер. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; с 16 мая 1918 г., на 27 июня 1919 г. преподаватель Новочеркасского военного училища. В конце 1918 г. — начале 1919 г. послан делегатом ВВД на мирную конференцию в Париже, где остался. В эмиграции во Франции. Умер 15 марта 1949 г. в Париже.

⁷⁸ **Попов Иван Данилович**, р. в 1864 г. Елисаветградское кавалерийское училище (1886). Генерал-майор, командир 1-й бригады 6-й Донской казачьей дивизии, начальник 9-й кавалерийской дивизии. В Донской армии; с октября 1917 г. начальник 8-й Донской казачьей дивизии. Участник Степного похода, командир отдельного калмыцкого отряда, поднимал восстания калмыков на Маныче, с 2 апреля 1918 г. командующий войсками 1-го Донского округа, с лета 1918 г. командующий войсками Александро-Грушевского района, осенью 1918 г. начальник тыла Донской армии; в феврале—марте 1919 г. командир 8-го Донского армейского корпуса, летом 1919 г. помощник командира 4-го Донского отдельного корпуса, с конца 1919 г. генерал-лейтенант, начальник тыла Донской армии, в начале 1920 г. командир 2-го Донского корпуса, в феврале 1920 г. помощник командира конной группы генерала Павлова и затем командир 4-го Донского корпуса. Погиб в конце февраля 1920 г. под Екатеринодаром. Генерал от кавалерии (посмертно; с 17 августа 1920 г.).

⁷⁹ **Груднев Помпей Михайлович**, р. 7 июля 1864 г. Из дворян Области войска Донского, сын офицера. Киевский кадетский корпус (1881), Павловское военное училище (1883), Офицерская кавалерийская школа. Генерал-майор, атаман Усть-Медведицкого округа. В Донской армии; с января по февраль 1918 г. начальник Донского офицерского резерва. Остался в Новочеркасске. Расстрелян большевиками 18 февраля 1918 г. в Новочеркасске.

⁸⁰ **Бояринов Михаил Иванович**, р. в 1877 г. Офицер с 1900 г. Полковник Донского казачьего войска. В феврале 1918 г. председатель Войскового круга. Расстрелян большевиками 6 февраля 1918 г. в Батайске.

⁸¹ **Тарарин Николай Иванович**, р. 1 ноября 1877 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области войска Донского, сын есаула. Донской кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898). Офицер 11-го Донского казачьего полка. Есаул, помощник командира 13-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в марте 1918 г. формировал добровольческую дружину в Новочеркасске. Участник Степного похода (ординарец штаба походного атамана, затем штаб-офицер для поручений при том же штабе). Затем войсковой старшина и полковник, командир 5-го Донского казачьего полка, с 11 августа 1919 г. командир 1-й бригады 3-й Донской конной дивизии. В Русской Армии дежурный генерал штаба Донского корпуса. Генерал-майор (8 апреля 1920 г.). В эмиграции во Франции. Председатель объединения участников Степного похода. Умер 3 февраля 1966 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁸² **Бородин Сысой Капитонович**, р. 6 июля 1883 г. Из казаков ст. Нижне-Курмоярской Области войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1904), академия Генштаба (1913). Подполковник, и. д. начальника штаба 183-й пехотной и 2-й Туркестанской казачьей дивизий. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; в феврале 1918 г. глава комиссии, посланной в ст. Константиновскую, с 24 марта по 2 апреля 1918 г. командир отряда восставших в районе Котельникова (возглавил казаков станиц Верхне-Курмоярской, Нижне — Курмоярской, Нагавской, Есауловской и Потемкинской), в марте—апреле 1918 г. командир Нижне-Курмоярского полка, с 10 мая 1918 г. полковник; с мая 1918 г. (и по 1920 г.) председатель военной комиссии Войскового круга ВВД, на 26 июня и 20 ноября 1918 г. начальник отдела связи штаба ВВД, с 25 января 1919 г. и. д. начальника штаба 8-го Донского отдельного корпуса, затем начальник штаба ВВД, в 1920 г. начальник штаба Донской отдельной учебной бригады, на 1 октября 1920 г. начальник штаба 3-й Донской конной дивизии Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос, и. д. командира 9-го Гундоровского Георгиевского полка, с 29 августа 1921 г. начальник штаба 2-й Донской казачьей дивизии, в ноябре 1921 г. командир запасного пешего полка. Генерал-майор (1921 г.). В эмиграции с 1921 г. в Софии, с 1922 г. — во Франции (таксист в Париже), осенью 1925 г. в составе Гундоровского полка, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба; с 1941 г. в Германии, с 1944 г. в казачьих частях германской армии и РОА. После 1945 г. — во Франции. Умер 20 февраля 1961 г. в Ганьи (Франция).

⁸³ **Абрамов Федор Федорович**, р. 23 декабря 1870 г. Из дворян Области войска Донского (казак ст. Митякинской). Полтавский кадетский корпус, Александровское военное училище (не окончил), Николаевское инженерное училище (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с января 1918 г., до 11 февраля 1918 г. командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного»)

похода. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с 10 мая 1918 г. начальник 1-й Донской конной дивизии, в 28 октября 1919 г. по 24 марта 1920 г. инспектор кавалерии Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 г. командир Донского корпуса, с 10 октября 1920 г. — командующий 2-й армией Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 26 августа 1918 г.). Орден Святого Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 декабря 1920 г. — командир Донского корпуса и помощник главнокомандующего. В эмиграции с 8 сентября 1921 г. в Болгарии (с 11 октября 1922 г. по 1924 г. в Югославии), 1 сентября 1924 г. по 22 сентября 1937 г. начальник 3-го отдела РОВС, с января 1930 г. помощник председателя РОВС, с 22 сентября 1937 г. по 23 марта 1938 г. начальник РОВС. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 г. в Германии, с 1948 г. в США. На ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. Умер 8 марта 1963 г. в Лейквуде (США).

⁸⁴ **Гнилорыбов Михаил Николаевич**, р. 30 октября 1884 г. Из дворян, сын офицера ВВД. Николаевское кавалерийское училище (1904), Военно-юридическая академия (1911). Офицер 8-го Донского казачьего полка. Подполковник, юрисконсульт главного начальника Двинского военного округа. В Донской армии; с февраля 1918 г. начальник партизанского отряда. Участник Степного похода: командир Офицерской боевой конной дружины. В марте 1919 г. полковник, командир конного отряда имени Большого Войскового круга, с апреля, в июле—октябре 1920 г. редактор газеты «Голос Дона» штаба ВВД. В 1919 г. член Крута ВВД, окружной атаман Сальского округа; в начале 1920 г. соредактор «Вестника Верховного Крута» в Екатеринодаре. Летом в 3-й Русской Армии в Польше. Генерал-майор. В июне 1921 г. в Польше, начальник управления интернированных казачьих частей, в 1920-х гг. в Софии, затем во Франции. Умер после 1941 г. во Франции (по другим данным — вернулся в СССР и погиб в лагерях).

⁸⁵ **Упорников Александр Алексеевич**, р. 21 ноября 1891 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Акишевской Области войска Донского. Михайловское артиллерийское училище (1912). Есаул. В Донской армии; в начале 1918 г. командир орудия на железнодорожной платформе, в марте 1918 г. командир бронепоезда, в конце 1918 г. командир 5-й Донской казачьей батареи. Войсковой старшина (1 января 1919 г.).

⁸⁶ **Неживов Терентий Трифионович**. Подъесаул, командир батареи Донской артиллерии. В Донской армии; командир 3-го партизанского артиллерийского взвода. Участник Степного похода в партизанском отряде есаула Назарова, командир 1-й отдельной батареи. Убит 25 марта 1918 г. на хут. Мокрый Гашун.

⁸⁷ **Макеев Николай Иванович**, р. в 1876 г. Атаманское техническое училище, Николаевское инженерное училище (1899). Подполковник. В Донской армии. Участник Степного похода, начальник инженерной сотни; с 12 мая 1918 г. начальник инженеров ВВД, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве. Полковник (с 27 июля 1918 г.).

⁸⁸ **Каргальский Георгий Дмитриевич (Каргальсков)**, р. 1 июля 1883 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Верхне-Каргальской Области войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерий-

ское училище (1904). Полковник л.-гв. Атаманского полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; в январе 1918 г. начальник Атаманского конного отряда (охраны Каледина), командир этого отряда в Степном походе. С 12 мая 1919 г. командир 12-й Донской конной бригады В Русской Армии весной и на 1 октября 1920 г. командир 1-й бригады 2-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (18 ноября 1919 г.). В августе 1922 г. в Турции (в лагере «Селемие»?). В эмиграции во Франции. Умер 28 марта 1954 г. в Париже.

⁸⁹ **Назаров Федор Дмитриевич.** Из казаков ст. Ново-Николаевской Области войска Донского, сын учителя. Новочеркасское военное училище (1914). Офицер 2-го Донского запасного казачьего полка. В Донской армии; с ноября 1917 г. начальник партизанского отряда. Участник боев у Ростова в ноябре 1917 г. и под Синявской в январе 1918 г. Участник Степного похода: есаул, начальник собственного отдельного отряда. В апреле 1918 г. во время общедонского восстания формировал отряд в д. Орловке, затем член Войскового круга ВВД. В 1918—1919 гг. командир 42-го Донского казачьего полка, с конца 1919 г. командир бригады. Участник Бредовского похода. Прибыл из Польши в Крым. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник десантного отряда, высадившегося у ст. Ново-Николаевской. По возвращении — до эвакуации Крыма. В эмиграции в Болгарии, затем на Дальнем Востоке, в 1920-х гг. командир отряда в Монголии, с 6 ноября 1927 г. в Китае, затем в СССР во главе партизанского отряда. Покончил самоубийством в окружении 17 июня 1930 г. (по другим данным — в начале августа 1931 г. у ст. Пограничной).

⁹⁰ **Мартынов В.В.** Войсковой старшина 16-го или 17-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в феврале 1918 г. формировал добровольческий отряд в Новочеркасске. Участник Степного похода, командир 3-й пешей сотни отряда полковника Семилетова. Полковник. Убит в августе 1919 г.

⁹¹ **Упорников Николай Николаевич (3-й),** р. 15 июня 1887 г. Донской кадетский корпус (1904), Михайловское артиллерийское училище (1907). Полковник, командир л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. В Донской армии с декабря 1917 г.; с января по 12 февраля 1918 г. начальник личной охраны Донского атамана, командир офицерской казачьей дружины при атамане, в марте 1918 г. начальник партизанского отряда, с 28 августа по октябрь 1918 г. начальник отряда своего имени (бывший отряд полковника Толоконникова), образованного из бывшей 2-й Донской казачьей пешей дивизии. Остался в Новочеркасске. На 1 января 1919 г. инспектор артиллерии Северо-Западной группы Северного фронта армии; командир артиллерийского дивизиона 1-й Донской конной дивизии, в 1920 г. командир 1-го Донского конно-артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. Генерал-майор (9 марта 1920 г.). Был на о. Лемнос, с мая 1921 г. командир кадра л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. В эмиграции с 1921 г. во Франции, состоял в объединении л.-гв. конной артиллерии в Париже. Умер 7 июня 1958 г. в Париже.

⁹² **Краснов Семен Николаевич,** р. 13 марта 1893 г. в им. Краснополюе Хоперского округа Области войска Донского. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Урюпинской (Правоторовской). Племянник П.Н. Краснова.

Николаевское кавалерийское училище (1913). Подъесаул, начальник пулеметной команды л.-гв. Казачьего полка. С января 1918 г. в офицерской казачьей дружине при Донском атамане, в феврале 1918 г. начальник пулеметной команды бронепоезда (есаул). В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку (1-м конном полку). В Донской армии; с 10 мая 1918 г. командир 1-й сотни 1-го полка 1-й Донской конной дивизии, с 4 сентября 1918 г. — 1-й сотни л.-гв. Казачьего полка, с 18 марта 1919 г. войсковой старшина. Ранен в июле 1919 г. В Русской Армии с августа 1920 г. начальник личного конвоя главнокомандующего до эвакуации Крыма. Полковник (28 октября 1920 г.). Был на о. Лемнос, помощник командира л.-гв. Казачьего полка, с 12 декабря 1920 г. командир дивизиона того же полка. В эмиграции с 1921 г. в Югославии, с августа 1924 г. в Париже, к 1939 г. член полкового объединения, монархист-легитимист. Во время Второй мировой войны начальник отдела управления делами русских эмигрантов во Франции, затем в казачьих частях германской армии, начальник штаба Главного управления казачьих войск. Генерал-майор (1944). Выдан в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Казнен 16 января 1947 г. в Москве.

⁹³ **Складовский Виталий Каэтанович**, р. 27 апреля 1875 г. Темир-Хан-Шуринское реальное училище, Тифлисское пехотное юнкерское училище (1896), академия Генштаба (1909). Офицер 1-го Туркестанского стрелкового батальона и 2-го железнодорожного батальона. Генерал-майор, начальник штаба 14-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с декабря 1917 г.; в феврале 1918 г. представитель армии при Донском Войсковом круге. Послан в Москву с поручением. Убит 16 (22) марта 1918 г. у ст. Великокняжеской.

⁹⁴ Имеется в виду **Суворин Борис Алексеевич**, р. 24 декабря 1879 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян. Журналист. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, писарь в штабе армии, издатель «Полевого листка Добровольческой Армии». В 1918 г. возобновил при армии издание «Нового времени», летом 1920 г. выехал во Францию с поручением генерала Врангеля. В 1924 г. возродил газету «Вечернее время», с 1926 г. на Дальнем Востоке, редактор газет «Шанхайская заря» и «Время», затем вернулся во Францию, с 1938 г. в Югославии. Умер 18 января 1940 г. в Белграде.

⁹⁵ **Родионов Иван Александрович**, р. 21 октября 1866 г. в ст. Камышовской Области войска Донского. Из дворян ВВД. Новочеркасское военное училище (1887). Писатель. Есаул, командир 39-й Донской казачьей сотни, редактор газеты «Армейский вестник» Юго-Западного фронта, член главного комитета Союза офицеров. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. В Донской армии; войсковой старшина, начальник осведомительного отдела армии, редактор газеты «Донской край». Полковник. Вышел в отставку 4 апреля 1920 г. В эмиграции в Югославии, Франции, Германии. Участник монархического движения. Публицист. Умер 24 января 1940 г. в Берлине.

⁹⁶ **Дударев Василий Иванович**, р. 2 января 1875 г. Из дворян ВВД, сын действительного статского советника, казак ст. Новочеркасской. Дон-

ской кадетский корпус (1893), Николаевское кавалерийское училище (1895). Офицер 5-го Донского казачьего полка. Полковник 38-го Донского казачьего полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода и 2-го Кубанского похода. До июня 1918 г. в Корниловском полку, контужен 25 июня 1918 г. у ст. Шаблиевки, в июне—июле 1918 г. в штабе 1-й пехотной дивизии, затем в резерве чинов при штабе Добровольческой армии. С 1919 г. в Донской армии; весной 1920 г. в Донском офицерском резерве. Генерал-майор (с марта 1920 г.). В эмиграции в Турции, на Балканах, во Франции. Художник. Умер 12 ноября 1950 г. в Париже.

⁹⁷ **Ленивов Константин Александрович**, р. 18 мая 1872 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак х. Сулиновско-Кундрючевского ст. Новочеркасской Области войска Донского. Донской кадетский корпус, Новочеркасское казачье юнкерское училище (офицером с 1893 г.). Войсковой старшина, командир 2-й Донской казачьей особой сотни. В Донской армии, в декабре 1917 г. — январе 1918 г. начальник партизанского отряда казаков ст. Новочеркасской. Участник Степного похода: помощник командира, командующий конными сотнями отряда полковника Семилетова, с 1918 г. полковник. Вышел в отставку генерал-майором 5 апреля 1920 г., с 14 мая 1920 г. вновь на службе, начальник счетного отдела в управлении интенданта ВВД до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Умер в ноябре 1922 г. в Константинополе.

⁹⁸ **Зеленков Михаил Степанович**, р. 8 ноября 1881 г. Сын есаула ВВД, казак ст. Камышовской. Донской кадетский корпус (1909), Новочеркасское военное училище (1911). Есаул 2-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Участник Степного похода: командир 2-й конной сотни отряда полковника Семилетова, с 27 февраля 1919 г. войсковой старшина, в 1920 г. командир 5-го Донского казачьего Платовского полка. С весны 1920 г. в Донском офицерском резерве, на 1 октября 1920 г. командир 1-го Донского казачьего полка. Орден Владимира III ст. 22 сентября 1920 г. Полковник (1919 г.). Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции во Франции, к 1934 г. в Париже, с 1935 г. в Парагвае. Покончил самоубийством 3 ноября 1935 г. в Энкарнасьоне.

⁹⁹ **Моллер Александр Николаевич**, р. в 1885 г. Полковник, командир л.-гв. Финляндского полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; участник Степного похода, командир инженерной сотни, весной—летом 1918 г. начальник отряда Северного отряда войск Хоперского района, до 26 августа 1918 г. командир л.-гв. Финляндского полка; до 28 марта 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, затем в распоряжении дежурного генерала штаба Донской армии, с 2 сентября 1919 г. командир 1-го сводно-гвардейского пехотного полка, затем в своем полку 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 23 сентября и с 12 октября 1919 г. командир 2-го сводно-гвардейского полка и 1-й бригады Гвардейской пехотной дивизии, в ноябре—декабре 1919 г. командовал группой из гвардейских частей, с 13 февраля 1920 г. командир остатков 2-го сводно-гвардейского полка. Участник Бредовского похода. Генерал-майор. В эмиграции в 1921 г. член Морского клуба в Константинополе, затем в Германии (в Данциге), к 1 мая 1939 г. член полкового объединения. Умер в мае 1945 г. под Данцигом.

¹⁰⁰ **Аврамов Петр Матвеевич**, р. до 1898 г. Из казаков ст. Старо-Григорьевской Области войска Донского. Донская духовная семинария, Новочеркасское военное училище. Сотник 16-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в феврале 1918 г. формировал добровольческий отряд есаула Боброва в Новочеркасске. Участник Степного похода: командир 3-й сотни отряда генерала И.Д. Попова, с 2 апреля 1918 г. командир конвойной сотни штаба Походного атамана; с 27 марта 1919 г. подъесаул, затем есаул. Вышел в отставку войсковым старшиной 30 апреля 1920 г. В эмиграции во Франции. Умер 11 ноября 1963 г. в Шартре (Франция).

¹⁰¹ **Кучеров Николай Матвеевич**, р. 4 февраля 1879 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Пятиизбянской. Донской кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище (1900). Офицер 6-го Донского казачьего полка. Полковник 53-го Донского казачьего полка. В Донской армии; участник Степного похода, адъютант походного атамана; к марту 1919 г. командующий группой войск Западного фронта, затем начальник 8-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 8-й Донской конной бригады. В Русской Армии с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве, затем командир 5-го Донского казачьего Платовского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 31 января 1919 г.). В эмиграции в Югославии, воспитатель, бухгалтер и кассир Донского кадетского корпуса. Убит неизвестными в июне 1923 г. в Билече (Югославия).

¹⁰² **Астахов Иван Петрович**, р. 13 июня 1863 г. в ст. Михайловской. Из дворян ВВД, казак ст. Раздорской. Воронежский кадетский корпус (1881), Александровское военное училище (1883), Офицерская артиллерийская школа (1905). Офицер 5-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, с 9 октября 1917 г. начальник донской артиллерии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; на той же должности до 15 мая 1918 г. Участник Степного похода. После отставки с 7 марта 1919 г. служил по управлению внутренних дел Черкасского округа. Вышел в отставку 8 сентября 1920 г. В эмиграции в Италии. Умер 26 ноября 1935 г. в Риме.

¹⁰³ **Федоров Евгений Афанасьевич**, р. 19 февраля 1887 г. Из казаков ст. Урюпинской Области войска Донского. Реальное училище, Михайловское артиллерийское училище (1907). Есаул управления донской артиллерии. Участник Степного похода, адъютант артиллерийского управления. Затем в артиллерийском управлении Донской армии. Орден Владимира IV ст. 9 июля 1920 г. Вышел в отставку 21 июля 1920 г. Полковник. Был на о. Лемнос. В эмиграции во Франции, с 1935 г. в Аргентине. Умер 19 марта 1970 г. в Аргентине.

¹⁰⁴ **Биркин Василий Николаевич**. Полковник 6-го гренадерского полка, преподаватель Донского кадетского корпуса. Участник Степного похода, начальник группы Донского кадетского корпуса, затем 25 февраля 1918 г. в ст. Веселой присоединился к Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка, затем вернулся в Донской кадетский корпус. Эвакуирован с корпусом в Египет.

¹⁰⁵ **Мангатов Борис Леонидович (Батыр Саксыкович)**, р. в 1870 г. Из казаков-калмыков Области войска Донского. Офицером с 1892 г. Полковник. В Донской армии; организатор партизанского отряда в калмыцких станицах. Убит 28 февраля — 1 марта 1918 г. у Великокняжеской.

¹⁰⁶ **Захаревский Сергей Васильевич**, р. в 1879 г. Гимназия, Николаевское кавалерийское училище (1900). Полковник. В Донской армии. Участник Степного похода, затем командир Зюнгарского калмыцкого полка; в феврале 1920 г. командир 13-й конной бригады, весной 1920 г. в Донском офицерском резерве, с 23 июля 1920 г. во 2-м Донском запасном батальоне. В эмиграции в Югославии. Умер в 1931 г. в Загребе.

¹⁰⁷ **Мартынов Василий Патрикеевич**, р. 20 августа 1863 г. Из дворян, сын генерал-майора. 2-я Санкт-Петербургская военная гимназия (1880), Павловское военное училище (1882). Офицер л.-гв. Уральской сотни. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с 1917 г. по 26 декабря 1918 г. Войсковой атаман и командующий войсками Уральской области, в 1919 г. заместитель Войскового атамана по гражданской части, управляющий канцелярией Войскового атамана, в ноябре—декабре 1919 г. член Уральского войскового правительства. Взят в плен. Расстрелян в декабре 1919 г. (или феврале 1920 г.) в Прорве.

¹⁰⁸ **Потапов Александр Иванович**, р. в 1893 г. в Уральске. Из казаков ст. Уральской. Войсковое реальное училище (1914), Оренбургское военное училище (1915). Сотник 9-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; в марте 1918 г. послан на Дон и в Добровольческую армию, но вернулся на Урал, затем есаул Учебного пешего полка. По совокупности боев осенью 1918 г. награжден Михайловской медалью. Ранен 11 января 1919 г. под Уральском. Состоял в уральской миссии при ВСЮР. Войсковой старшина (с апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Умер 4 сентября 1976 г. в Монморанси (Франция).

¹⁰⁹ **Растегаев Василий Васильевич**, р. 15 января 1867 г. Из казаков ст. Верхне-Чирской Области войска Донского. Нижне-Чирская прогимназия, Новочеркасское казачье училище (1888) (офицером с 1889 г.), Офицерская стрелковая школа (1891). Офицер 14-го Донского казачьего полка. Полковник. В Донской армии; 19 марта 1918 г. после освобождения станицы восставшими окружной атаман ст. Нижне-Чирской, с октября 1919 г. председатель комиссии по проверке офицерского состава тыловых учреждений штаба ВВД, с 20 ноября 1919 г. заведующий отделом призрения при отделе внутренних дел ВВД. Генерал-майор (с 1918 г.). В эмиграции в Болгарии. Состоял в КИАФ. Умер после 1935 г.

¹¹⁰ **Бояринов Александр Иванович**, р. 28 июля 1868 г. Из казаков ст. Нижне-Кундрючевской Области войска Донского. Нижне-Чирская прогимназия, Новочеркасское военное училище (1891). Полковник. В Донской армии; в марте 1918 г. на подпольной работе в ст. Нижне-Курмоярской; в октябре 1919 г. штаб-офицер для поручений при управлении интенданта Донской армии. В эмиграции в Болгарии и во Франции. Умер после 1938 г.

¹¹¹ **Фетисов Михаил Алексеевич**, р. 15 ноября 1881 г. Из казаков ст. Баклановской Области войска Донского. Реальное училище, Николаевское кавалерийское училище (1905). Офицер 4-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина, помощник командира 7-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в декабре 1917 г. остался в Новочеркасске, 28 марта — 4 апреля 1918 г. руководитель восстания в ст. Кривянской, в апреле 1918 г. руководитель освобождения Новочеркаска. Полковник, до января 1919 г.

командир отряда своего имени (бывший отряд генерала Тапилина) Южной группы Восточного фронта, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Генерал-майор (21 июля 1920 г.). В эмиграции во Франции. Умер 16 сентября 1934 г. в Сансе (Франция).

¹¹² **Манакин Виктор Константинович.** Михайловское артиллерийское училище, академия Генштаба (1913). Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Подполковник Кавказской гренадерской дивизии и 1-го Ударного полка. Георгиевский кавалер. Участник боев ударных батальонов с большевиками под Белгородом и Унечей в декабре 1917 г. В Донской армии. Участник Степного похода, 31 марта 1918 г. послан в Черкасский округ для помощи восставшим; в апреле—мае 1918 г. начальник штаба Северного отряда, на 26 июня 1918 г. начальник штаба Донецкого района, в сентябре 1918 г. начальник штаба Северо-Восточного фронта; осенью 1918 г. участвовал в формировании Южной армии, губернатор Саратовской губ.; с 22 июля 1919 г. командир 2-й бригады 6-й пехотной дивизии, в сентябре 1919 г. командир 2-й бригады Сводно-гренадерской дивизии, с 23 октября 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего, в ноябре 1919 г. в Ростове; на 1 августа 1920 г. в Русской Армии. Полковник (с 12 мая 1918 г.). В эмиграции в 1932 г. в Югославии, затем в США. Умер 29 февраля 1964 г. в Вашингтоне.

¹¹³ **Стариков Терентий Михайлович,** р. 8 апреля 1880 г. Из казаков ст. Екатерининской Области войска Донского. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1902) (офицером с 1903 г.), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа. Войсковой старшина, помощник командира 5-го Донского казачьего полка, член Войскового круга ВВД. В Донской армии. Участник Степного похода; в марте 1918 г. руководитель восстания в районе ст. Екатерининской, командир отряда своего имени в Северном отряде Южной группы (с 19 мая в составе группы генерала Татаркина), с 17 июля — 3-го пешего отряда, с июля 1918 г. полковник, командир 1-го пешего отряда; в августе 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, генерал-майор; с 23 февраля 1919 г. командир группы своего имени в 1-й Донской армии, с апреля 1919 г. начальник 7-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 7-й Донской конной бригады, затем командир Сводного корпуса, в начале марта 1920 г. врид командира 4-го Донского корпуса. Эвакуирован в Турцию. 29 июня 1920 г. возвратился в Крым (Севастополь) на корабле «Саратов». В Русской Армии с апреля, в июле—октябре 1920 г. в прикомандировании к штабу ВВД. Генерал-лейтенант. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Вел. князь Александр Михайлович». В эмиграции в Чехословакии, председатель Общеказачьего сельскохозяйственного союза, в 1928—1929 гг. председатель ЦК союза комитета «Вольного казачества». Умер 11 декабря 1934 г. в Праге.

¹¹⁴ **Позднышев Сергей Дмитриевич,** р. 9 октября 1889 г. Из казаков ВВД. Новочеркасское военное училище (1910). Есаул 15-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в марте 1918 г. руководитель восстания в районе ст. Екатерининской, с 1918 г. полковник, командир полка. Летом — в октябре 1919 г. командир 6-й Донской отдельной конной бригады, командующий конной группой 2-го Донского корпуса, с ноября 1919 г. начальник 4-й Донской казачьей дивизии и врид командира корпуса. Эвакуирован 25 марта 1920 г. из

Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер» на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. выехал в Крым на корабле «Херсон». Генерал-майор (1919). В эмиграции в Югославии и во Франции (в Париже), в 1921—1961 гг. секретарь, затем председатель Союза Инвалидов в Кламаре, в 1961—1965 гг. редактор газеты «Русский инвалид», председатель главного правления Общества помощи русским инвалидам, председатель Союза казаков-комбатантов, представитель Донского атамана во Франции. Умер 7 мая 1980 г. в Париже.

¹¹⁵ **Дудаков Павел Романович**, р. в 1893 г. Из казаков ст. Зотовской Области войска Донского. Донское сельскохозяйственное училище. Агроном. Хорунжий. В Донской армии; с 31 марта 1918 г. организатор и начальник партизанского отряда в Хоперском округе, в 1918 г. член Войскового круга. Есаул. Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер» на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон». В Русской Армии до эвакуации Крыма. Войсковой старшина. Был на о. Лемнос в 3-й Донской конной бригаде. Разжалован 12 августа 1921 г. В 1923 г. вернулся в СССР и пропал без вести.

¹¹⁶ **Алферов Захар Акимович**, р. 18 марта 1874 г. Из казаков ст. Еланской Области войска Донского. Ростовское реальное училище, Новочеркасское военное училище (1895) (офицер с 1896 г.), академия Генштаба (1906). Офицер 1-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина, председатель реквизиционной комиссии 4-й Донской казачьей дивизии. В Донской армии. Участник Степного похода, 5 апреля 1918 г. послан в ст. Нижне-Курмюрскую, с 20 апреля (12 мая) 1918 г. окружной атаман и командующий войсками Верхне-Донского округа. В мае 1918 г. начальник отдельного отряда и командир Верхне-Донской группы, с июня 1918 г. командир Усть-Медведицкого войскового района, затем Северо-Западного района и (с 30 сентября 1918 г.) Северного фронта Донской армии. Член Войскового круга, председатель особой временной комиссии по проверке списков военнообязанных, с 2 сентября по 11 декабря 1919 г. председатель и министр иностранных дел Донского правительства. Генерал-майор (1918). Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». В эмиграции в Югославии, сотрудник исторического отдела югославского Генерального штаба. В 1950 г. выслан в Триест, с 1955 г. в США. Умер 13 декабря 1957 г. в Нью-Йорке (Ново-Дивеево).

¹¹⁷ **Кузнецов Михаил Васильевич**. Из казаков ст. Маньичской Области войска Донского. В Донской армии; в апреле 1918 г. руководитель съезда Черкасского округа и восстаний в округе. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 13 января 1961 г. в Париже.

¹¹⁸ **Бабкин Федор Иванович**, р. 6 марта 1887 г. Донской кадетский корпус (1905), Михайловское артиллерийское училище (1907). Есаул, командир 17-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; в январе—феврале 1918 г. на той же должности, в апреле 1918 г. руководитель съезда Черкасского округа, с 7 мая 1918 г. — войсковой старшина, на 1 января 1919 г. командир 1-й батареи, затем командир дивизиона донской артиллерии. Полковник. Умер от ран в марте 1920 г. на Кубани.

¹¹⁹ **Семенов Павел Тимофеевич**, р. 12 марта 1860 г. Сын священника, казак ст. Слащевской Области войска Донского. Киевский университет (не

окончил), в службе с 1879 г., Виленское пехотное юнкерское училище (1885). Офицер 3-го Донского казачьего полка. Полковник, управляющий канцелярией наказного атамана ВВД (с 1915 г. в отставке генерал-майором). В Донской армии; с 11 апреля 1918 г. командующий Задонской группой, с 30 апреля 1918 г. генерал-губернатор и командующий войсками Ростовского района и градоначальник Ростова до 28 октября 1919 г.; одновременно с 12 июня 1918 г. по февраль 1919 г. управляющий отделом внутренних дел Донского правительства, с 28 октября 1919 г. по 1920 г. в распоряжении атамана ВВД. Генерал-лейтенант (с начала 1919 г.). В эмиграции в Чехословакии. Умер 4 августа 1932 г. в Праге.

¹²⁰ **Барцевич Владимир Петрович.** Из потомственных почетных граждан. Окончил академию Генштаба (1913). Подполковник, начальник штаба Туземной дивизии. В Добровольческой армии с 19 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в разведывательном отделе штаба армии, затем начальник отдела формирований штаба армии; в декабре 1919 г. начальник штаба 4-й конной дивизии Донской армии; на 31 августа 1920 г. в Русской Армии. Полковник. В мае 1921 г. входил в состав ближайшего окружения генерала Врангеля. Замучен большевиками в 1922 г.

¹²¹ **Натус Николай Владимирович.** Сын архитектора. Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: начальник команды связи полка, в марте—апреле 1918 г. связной армии с Ростовом. В марте 1920 г. командир эскадрона Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, затем в 1-м Корниловском полку, командир штабного эскадрона Корниловской дивизии. Капитан. Орден Св. Николая Чудотворца. Тяжело ранен 22 июня 1920 г. у кол. Вальдгейм в Северной Таврии и умер в Севастополе.

¹²² **Янов Георгий Петрович,** р. 23 декабря 1878. Из дворян ВВД, казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Кадетский корпус, Павловское военное училище (1898). Есаул л.-гв. Казачьего полка, в штабе Донского Войскового атамана. В Донской армии; в январе 1918 г. войсковой есаул — член Донского правительства; глава совета обороны во взятом восставшими казаками 1 апреля 1918 г. Новочеркасске, до 28 апреля 1918 г. председатель прременного Донского правительства, затем председатель «Круга спасения Дона», с 5 мая управляющий отделом внутренних дел Донского правительства, с 7 мая 1918 г. войсковой старшина, затем полковник, с 12 июня 1918 г. товарищ председателя Войскового круга, в сентябре—октябре 1918 г. начальник войсковой стражи, с 25 октября 1918 г. в составе посольства ВВД в страны Антанты, с начала 1919 г. окружной атаман Черкасского округа, редактор газеты «Донские областные ведомости». Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, в 1922—1923 гг. атаман казачьей станицы в Белграде. Умер 28 декабря 1924 г. в Белграде.

¹²³ **Поляков Константин Семенович,** р. 15 мая 1859 г. Из дворян Области войска Донского, ст. Верхне-Кундрюческой. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1879). Генерал-майор, командир бригады 5-й Донской казачьей дивизии. В Донской армии; с конца марта 1918 г. начальник обороны Новочеркаска, с 4 по 12 апреля 1918 г. командующий Донской армией (Заплавская группа).

¹²⁴ Воспоминания А.В. Голубинцева публикуются ниже.

¹²⁵ **Балабин Евгений Иванович**, р. 22 декабря 1879 г. Из дворян ВВД, казак ст. Новочеркасской. Донской кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище (1900). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-лейтенант, командир бригады 9-й Донской казачьей дивизии. В Донской армии; в начале 1918 г. командующий в Макеевском районе, в апреле 1918 г. в Заплавской группе, командующий боевой линией у Новочеркаска; в 1918—1920 гг. член Войскового круга, управляющий отделом коневодства и ремонта Донского правительства. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Чехословакии, в 1940—1945 гг. атаман общеказачьего объединения в Германии, Словакии и Венгрии, до 1944 г. в Праге, с 1944 г. начальник управления казачьих формирований, затем в штабе казачьих войск при штабе РОА, член Совета казачьих войск КОНР. Умер 27 октября 1973 г. в Вене.

¹²⁶ **Свечин Михаил Андреевич**, р. 16 мая 1876 г. в Санкт-Петербурге. Сын генерала. 2-й кадетский корпус (1893), Николаевское кавалерийское училище (1895), академия Генштаба (1902), Офицерская кавалерийская школа (1903). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка, начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командир 14-го драгунского полка, командир л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии с 30 декабря 1917 г. Участник Степного похода, с конца марта 1918 г. начальник штаба обороны Новочеркаска, с апреля 1918 г. писарь, затем начальник оперативного отдела штаба Южной (Заплавской) группы; в апреле 1918 г. и. о. начальника штаба той же группы, с мая по ноябрь 1918 г. член донской миссии к гетману для вывоза снаряжения, затем в распоряжении Донского атамана, с декабря 1918 г. член делегации в Англии и во Франции от ВСЮР. Эвакуирован 20 марта 1920 г. из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии, Германии и Франции; на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, начальник подотдела РОВС, председатель отдела Союза Инвалидов, с 1930 г. начальник отдела РОВС, на ноябрь 1951 г. почетный член объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, к 5 августа 1960 г. в Ницце, к 1963 г. председатель 4-го отдела Гвардейского объединения. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 15 апреля 1969 г. в Ницце (Франция).

¹²⁷ **Фицхелауров Александр Петрович**, р. 8 июня 1878 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Донской кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Полковник, командир 36-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в апреле 1918 г. командир казачьего партизанского отряда, Новочеркасского пешего полка Южной группы, с 9 мая 1918 г. командир Северного отряда той же группы, командующий Северного группой, генерал-майор, с 1 июня 1918 г. — командир Царицынского отряда, с 9 июля 1918 г. — в начале августа 1918 г. командующий войсками Усть-Медведицкого войскового района, с сентября 1918 г. командир 12-го Донского казачьего полка, с 8 декабря 1918 г. военный губернатор и командующий войсками Старобельского района, с 2 января 1919 г. командующий войсками Чертковского боевого района, с 1 марта 1919 г. — 5-го Донского армей-

ского корпуса, с 12 мая 1919 г. — 5-й Донской дивизии. Осенью 1919 г. командир 9-й Донской пластунской бригады, с 24 марта по 1 мая 1920 г. командир 8-го Донского казачьего пешего полка, затем — 2-й бригады 3-й Донской дивизии до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант (13 декабря 1919 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. по 1921 г. командир 3-й бригады 2-й Донской казачьей дивизии и начальник лагеря на Кабакдже, где издавал журнал в 3 экз. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 28 марта 1928 г. в Париже.

¹²⁸ **Зубов Николай Григорьевич**, р. 13 декабря 1885 г. Сын чиновника ВД, личного дворянина, казак ст. Новониколаевской Области войска Донского. Таганрогская гимназия, Алексеевское военное училище (1906). Офицер 5-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина, командир сотни Новочеркасского военного училища. В Донской армии; в ноябре 1917 г. участник подавления большевистского восстания в Ростове. До весны 1918 г. скрывался в Новочеркасске. С 5 апреля 1918 г. командир Кривянского пешего полка Южной группы, комендант Привокзального района Новочеркасска, с 20 мая 1918 г. по начало 1920 г. комендант Таганрога, с 30 сентября 1918 г. полковник, весной 1920 г. и. д. начальника Донского офицерского резерва. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (23 апреля 1919 г.). Был на о. Лемнос, последний начальник Атаманского военного училища. В эмиграции с 1924 г. во Франции (таксист в Париже). Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва. Председатель объединения Атаманского военного училища, член правления Казачьего Союза. Умер 12 октября 1968 г. в Париже.

¹²⁹ **Нилов Сергей Родионович**, р. 10 сентября 1894 г. Из крестьян Смоленской губ. Смоленское реальное училище, Константиновское артиллерийское училище. Штабс-капитан, командир 4-й батареи 61-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; в июне—октябре 1918 г. командир броневедомости «Верный», затем командир 1-го бронеполка. В Русской Армии с мая 1920 г. переведен из бронеполка в 7-ю батарею Дроздовской артиллерийской бригады, в октябре 1920 г. командир той же батареи до эвакуации Крыма. Полковник. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й вып.). Умер 21 августа 1976 г. в Монморанси (Франция).

¹³⁰ **Тарасенко Николай**. Морское инженерное училище (1916). Мичман, инженер-механик, старший механик эсминца «Звонкий». В Донской армии; участник Степного похода, в апреле 1918 г. начальник Донской флотилии при штурме Новочеркасска. Эвакуирован в Турцию, в 1921 г. член Союза морских офицеров в Константинополе.

¹³¹ **Фарафонов Владимир Иванович**, р. 22 ноября 1883 г. в Воронежской губ. 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник, помощник командира л.-гв. Казачьего полка. В январе—марте 1918 г. в тюрьме. В Донской армии; с 1 апреля 1918 г. участник восстания в Новочеркасске в отрядах войсковых старшин Фетисова и Семилетова, с 10 мая 1918 г. затем помощник командира 1-го полка

1-й Донской конной дивизии (затем л.-гв. Казачьего полка), в марте 1919 г. командир л.-гв. Казачьего дивизиона. Ранен 19 марта 1919 г. С 6 апреля 1919 г. командир л.-гв. Казачьего полка. Эвакуирован из Новороссийска. На 10 января 1920 г. в общежитии № 1 в Буюк-Дере (Константинополь), с 5 марта 1920 г. командир гвардейской казачьей бригады, с 1 мая 1920 г. — 1-й бригады 1-й Донской конной дивизии Донского корпуса Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с октября 1919 г.). Был на о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже, затем во Франции, председатель полкового объединения. Умер 21 декабря 1969 г. в Кормей-ан-Паризи (Франция).

¹³² **Кисляков Владимир Николаевич**, р. в 1875 г. Из дворян. Александровский кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (1895), академия Генштаба (1901). Генерал-майор, товарищ министра путей сообщения на театре военных действий. Быховец. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. В 1918 г. на Украине, состоял при гетмане. В Вооруженных силах Юга России начальник эксплуатационного отдела управления путей сообщения при ставке главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками при отступлении белых в 1919 г. в Полтаве.

¹³³ **Мельников Николай Михайлович**, р. 23 сентября 1882 г. Из казаков ст. Качалинской Области войска Донского. Гимназия в Царицыне, Московский университет. Председатель съезда мировых судей. В 1917 г. председатель Войскового круга, член, с декабря 1917 г. товарищу председателя, а с декабря 1919 г. председатель Донского правительства, с марта 1920 г. председатель Южно-Русского правительства. В эмиграции во Франции (Париж), председатель Общеказачьего союза. В 1929—1931 гг. редактор журнала «Родимый Край», в 1933—1934 гг. редактор журнала «Казак». Умер 11 декабря 1972 г. в Аржантее (Франция).

¹³⁴ **Брыкин Евгений Иванович**. Есаул. В Донской армии; с начала 1919 г. командир возрожденного Чернецовского отряда. Убит 23 марта 1919 г.

¹³⁵ **Попов Моисей Тихонович**. Из казаков ст. Каменской Области войска Донского. Новочеркасское военное училище. Сотник. В конце 1917 г. — начале 1918 г. в партизанском отряде полковника Чернецова, помощник командира отряда и последний командир чернецовцев. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. С начала 1919 г. командир вновь сформированного партизанского отряда. Есаул. Был на о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии и Франции. Умер 25 июля 1935 г. в Париже.

¹³⁶ **Артемов Даниил Антонович**. Новочеркасское военное училище (1916). Сотник, с 25 февраля 1917 г. командир сотни 1-го Донского казачьего полка в Петрограде. Участник Степного похода. В Донской армии; в 1919 г. командир возрожденного Чернецовского отряда. Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. Есаул. В эмиграции во Франции. Умер в 1941 г. в Париже.

¹³⁷ **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. 31 октября 1873 г. в Санкт-Петербургской губ. Из дворян той же губернии, сын генерал-майора. Образование: 1-й Московский кадетский корпус (1891), Констан-

тиновское военное училище (1893), академия Генштаба (1901). Офицер 13-го стрелкового полка. Генерал-лейтенант, командир 12-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР; с 13 июля 1919 г. по 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930—1931 гг. в распоряжении начальника РОВС, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х гг. заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

¹³⁸ 42-й Донской казачий полк. Сформирован из казаков низовых станиц (главным образом Ново-Николаевской). С 6 марта 1919 г. — в отряде генерала Виноградова. На 26 мая насчитывал 162, на 14 июня — 486 человек. Входил в состав Отдельной казачьей бригады. Включал Партизанский конный дивизион (2 конные сотни), 2 регулярные конные и 9 пеших сотен (на подводах), команды: связи, пулеметную и подрывную, а также 2 трехдюймовых трофейных орудия. Командиры: есаул (полковник) Ф.Д. Назаров, войсковой старшина Филатов (врид; с 2 апреля 1919 г.). Командир дивизиона — есаул Фролов.

¹³⁹ Тапилин Владимир Иванович, р. 7 октября 1876 г. Из дворян Области войска Донского. Донской кадетский корпус (1894), Николаевское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 29-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; начальник 4-й Донской пограничной дивизии, командир 29-го Донского казачьего полка, с 9 августа 1919 г. командир 2-й бригады 3-й Донской конной дивизии, весной 1920 г. в Донском офицерском резерве, затем старший помощник командира в Гундоровском Георгиевском полку, инспектор Донской армии. Генерал-майор (27 января 1918 г. или 31 января 1919 г.). Взят в плен и убит в октябре 1920 г. в с. Астраханка у Большого Токмака в Крыму.

¹⁴⁰ Бабкин Александр Иванович, р. 13 июня 1882 г. Из казаков ст. Мигулинской, сын офицера ВВД. Донской кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1909). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Полковник, помощник начальника штаба ВВД. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с 9 февраля по 19 мая 1918 г. начальник войскового штаба ВВД. Участник Степного похода. Вышел в отставку 19 мая 1918 г.; с 8 марта 1919 г. вновь на службе с назначением начальником канцелярии председателя Донского правительства, с 15 сентября 1919 г. начальник 2-й Донской конной дивизии; с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве, в июле—октябре 1920 г. в штабе ВВД, адъютант Донского атамана. Эвакуирован до 15 сентября 1920 г. В эмиграции в Югославии, с 12 февраля 1921 г. директор 2-го Донского кадетского корпуса. Генерал-майор (12 февраля 1921 г.). С 1925 г. во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1948 г. в Канаде, с 1955 г. атаман Донской казачьей станицы в Монреале. Умер 24 декабря 1974 г. в Монреале.

¹⁴¹ **Рудаков Николай Степанович**, р. 30 ноября 1859 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Митякинской Области войска Донского. В службе с 1881 г. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1886) (офицером с 1887 г.). Офицер 1-го Донского казачьего полка. Генерал-майор, окружной атаман Усть-Медведицкого округа. В Донской армии; с мая 1919 г. член комиссии по местному самоуправлению Войскового круга ВВД, затем окружной атаман Донецкого округа. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с 10 мая 1920 г.). В эмиграции с ноября 1920 г. в Югославии, во главе группы беженцев.

¹⁴² **Черячукин Никита Васильевич**, р. 3 апреля 1872 г. Из дворян ВВД, казак ст. Константиновской (Богоявленской) Области войска Донского. Воронежский кадетский корпус (1900), Николаевское кавалерийское училище (1892). Офицер 2-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина, воспитатель Воронежского кадетского корпуса. В Донской армии; член Войскового круга. Генерал-майор. В ноябре 1920 г. во главе группы беженцев в Румынии, на 19 февраля — 28 марта 1921 г. в беженских лагерях в Румынии. В эмиграции к 1930 г. в Болгарии.

¹⁴³ **Алпатов Захар Семенович**, р. 5 февраля 1891 г. Из казаков станицы Потемкинской Области войска Донского. Новочеркасское военное училище (1911). Есаул 12-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в 1918 г. в Потемкинском отряде Восточного фронта армии, с 12 января 1919 г. в 12-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. в 12-й Донской конной бригаде, в апреле 1920 г. помощник командира той же бригады; в Русской Армии председатель военно-полевого суда 2-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (26 апреля 1920 г.). В ноябре 1920 г. во главе группы беженцев в Греции, в 1922 г. атаман Донской казачьей станицы в Салониках (Греция), к 1 января 1922 г. член Общества русских монархистов в Греции, затем во Франции. Делегат Зарубежного съезда 1926 г. Умер 11 апреля 1943 г. в Париже.

¹⁴⁴ **Писарев Петр Константинович**, р. 17 декабря 1874 г. на Дону. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Иловинской. Атаманское техническое училище, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Офицер 5-го Донского казачьего полка. Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с января 1918 г. в партизанском отряде полковника Краснянского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона и помощник командира Партизанского полка, с июня 1918 г. командир Партизанского (затем Алексеевского) полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с 15 декабря 1918 г. командир бригады 2-й дивизии, с 19 января 1919 г. командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской армии, с 10 апреля 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, с 27 июня 1919 г. начальник 6-й пехотной дивизии, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, с 15 июля по сентябрь 1919 г. также начальник гарнизона Царицына, с 9 сентября, на 5 октября 1919 г. начальник Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. Прибыл в Крым во главе остатков донских и кубанских казачьих частей, избежавших капитуляции на Кавказском побережье. С начала апреля 1920 г. комендант крепости и градоначальник.

чальник Севастополя, с 24 апреля 1920 г. командир Сводного корпуса, с 7 июля 1920 г. — конного корпуса, с 1 августа 1920 г. — 1-го армейского корпуса Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с августа 1919 г.). В эмиграции в Греции, в 1920—1921 гг. представитель Донского атамана, к 1 января 1922 г. член Общества русских монархистов в Греции, затем в Югославии и Франции, с 1937 г. председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шелле (Франция).

¹⁴⁵ **Глазенап Петр-Владимир-Василий Владимирович**, р. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Из дворян Лифляндской губ., сын офицера. 1-й Московский кадетский корпус (1901), Николаевское кавалерийское училище (1903), Офицерская кавалерийская школа (1913). Офицер 13-го драгунского полка. Ротмистр гвардейского запасного кавалерийского полка. Полковник, командир особого ударного отряда своего имени. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-Горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР (с 12 ноября 1918 г. генерал-майор), отчислен с 8 октября 1919 г. С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; с 18 октября 1919 г. генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник главнокомандующего, с 26 ноября 1919 г. по 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант (24 ноября 1919 г.). Весной 1920 г. формировал и до августа 1920 г. командовал 3-й Русской Армией в Польше, затем формировал Русский легион в Венгрии, с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене.

¹⁴⁶ **Корнилов Аркадий (Саркис) Афанасьевич**, р. в 1893 г. Николаевское кавалерийское училище (1912). Подполковник 17-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. В январе 1918 г. в Донском партизанском отряде полковника Чернецова. В Добровольческой армии; с 12 февраля 1918 г. командир конного отряда своего имени, сформированного из чернецовских партизан (командир 3-го конного дивизиона). Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. в 1-м конном полку, с марта 1918 г. командир 1-го Кубанского конного полка (затем Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска). Полковник. Эвакуирован из Новороссийска на корабле «Семирамис». В эмиграции во Франции. Умер 13 июня (10 июля, 13 июля) 1967 г. в Париже.

¹⁴⁷ **Зауэр Александр Владимирович**, р. ок. 1896 г. Участник похода Яссы—Дон в конно-горной батарее. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Канаде. Умер в 1972 г.

¹⁴⁸ **Карташев Илья Петрович**, р. 20 июля 1866 г. Из дворян Области войска Донского, сын офицера. Каменская гимназия, Санкт-Петербургский университет (не окончил) (1887), Новочеркасское казачье юнкерское училище (1892). Офицер 12-го Донского казачьего полка. Есаул 16-й Донской

казачьей особой сотни. В Донской армии; член Войскового круга. В эмиграции в Болгарии. Умер в 1933 г. в с. Шипка (Болгария).

¹⁴⁹ **Каклюгин Константин Петрович**, р. в 1870 г. Действительный статский советник, доктор медицины. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии; помощник начальника санитарной части военного управления ВСЮР, в феврале 1919 г. член медицинской комиссии, с 25 февраля 1919 г. военно-санитарный инспектор ВВД, затем управляющий отделом внутренних дел ВВД. Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». Летом 1920 г. на о. Лемнос. В эмиграции в 1922 г. атаман Княжевацкой Донской казачьей станицы.

¹⁵⁰ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1966. Ноябрь—декабрь. № 67.

¹⁵¹ **Тельнов Яков Архипович**, р. в 1896 г. Из казаков ст. Луковской Области войска Донского. Донское сельскохозяйственное училище. Юнкер. Участник восстания в апреле 1918 г. в Хоперском округе. В Донской армии. В эмиграции сотрудник газеты «Наша Страна». Умер 14 июля 1988 г.

¹⁵² Впервые опубликовано: Донской атаманский вестник. 1984. Октябрь. № 113—114.

¹⁵³ **Голубинцев Александр Васильевич**, р. 28 февраля 1882 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1901) (офицером с 1902 г.). Офицер 3-го Донского казачьего полка. Войсковой старшина, командир 3-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Руководитель подпольной организации в ст. Усть-Хоперской и восстания казаков Хоперского и Верхне-Донского округов, командующий «Освободительными войсками Вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа», с 5 июля командир 4-го конного отряда, на 29 августа 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, затем в распоряжении командующего конной группой генерала К. Мамонтова, с ноября 1918 г. полковник, с 6 марта 1919 г. начальник 5-й конной дивизии, с 9 июня начальник повстанческой Усть-Медведицкой конной дивизии, с августа 1919 г. командир 14-й Донской отдельной конной бригады, с 30 ноября 1919 г. генерал-майор, 15—25 декабря 1919 г. командующий конной группой своего имени и затем снова 14-й бригады (затем 4-й Донской конной дивизии). В Русской Армии с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Орден Станислава I ст. 24 июня 1920 г. В эмиграции в Болгарии (1938 г.) и в Германии. Во время Второй мировой войны — в казачьих частях вермахта, с 1944 г. в РОА, член Главного управления казачьих войск при КОНР, в 1947—1949 гг. член редколлегии журнала «На пикете». Участник монархического движения. Председатель Союза Андреевского флага. Умер 17 апреля 1963 г. в Кливленде (США).

¹⁵⁴ Впервые опубликовано: Голубинцев А.В. Русская Вандея. Мюнхен, 1959.

¹⁵⁵ **Сучилин Михаил Давидович**. Подъесаул. В Донской армии; в апреле 1918 г. участник восстания, с 28 апреля 1918 г. начальник штаба войск Усть-Медведицкого округа, в начале февраля 1920 г. командир отряда группы генерала Безмолитвенного. Полковник.

¹⁵⁶ **Говорухин Василий Михайлович**, р. в 1890 г. Новочеркасское военное училище (1911). Подъесаул. В Донской армии; в апреле 1918 г. начальник отряда казаков ст. Усть-Медведицкой, затем войсковой старшина, с

25 октября 1918 г. штаб-офицер для поручений в управлении интенданта 2-й Донской конной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Умер 18 апреля 1933 г. в Казаньке.

¹⁵⁷ **Говорухин Федор Иванович**, р. в 1880 г. Учительская семинария, Новочеркасское военное училище (1907). Есаул. В Донской армии; в апреле 1918 г. начальник отряда из казаков ст. Усть-Медведицкой, к 24 августа 1918 г. окружной атаман Усть-Медведицкого округа, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве. Полковник.

¹⁵⁸ **Рубашкин Алексей Георгиевич**, р. 20 мая 1895 г. в Новочеркасске. Сын мирового судьи, казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Донской кадетский корпус (не окончил), Сумский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1914). Подъесаул л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии; участник восстания в Усть-Медведицком округе 25 апреля 1918 г., затем в конном отряде ст. Распопинской, с 1918 г. есаул; в марте—апреле 1919 г. войсковой старшина, командир 51-го Донского казачьего полка, затем помощник начальника 9-й Донской казачьей дивизии, с конца 1919 г. — начальник той же дивизии. Орден Владимира IV ст. 27 марта 1919 г. В Русской Армии с весны 1920 г. командир 4-го Донского казачьего полка 2-й конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (25 декабря 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос; в декабре 1920 г. командир 4-го Донского Назаровского казачьего полка, с 1921 г. в Болгарии (Пловдив). Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции там же. Служил в Русском Корпусе. Схвачен 16 сентября 1944 г. и вывезен в СССР, с 1945-го до 1956 г. в лагерях в Иркутской обл. и на поселении в Красноярском крае. Умер 5 декабря 1966 г. в Новочеркасске.

¹⁵⁹ **Сутулов Александр Михайлович**, р. 17 августа 1881 г. Из казаков ст. Распопинской Области войска Донского. Донской кадетский корпус (1900), Николаевское кавалерийское училище (1902). Офицер 7-го Донского казачьего полка. Есаул гвардии, командир сотни Николаевского кавалерийского училища, помощник командира 19-го Донского казачьего полка. В Донской армии; с февраля 1918 г. зам. начальника штаба Походного атамана ВВД, участник Степного похода, в апреле 1918 г. участник восстания в ст. Усть-Хоперской, с июля 1918 г. командир 3-го пешего отряда, на 29 августа 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, в марте 1919 г. войсковой старшина, врио начальника 5-й конной дивизии, с марта 1919 г. помощник начальника 4-й конной дивизии (полковник), до 12 мая 1919 г. начальник 1-й Донской пешей дивизии (с 12 мая — 3-я Донская пластунская бригада), в июне 1919 г. начальник пешего отряда, в августе 1919 г. командир пешей бригады, в конце 1919 г. — марте 1920 г. командир 2-го Донского корпуса, с 25 марта по апрель 1920 г. начальник 2-й Донской дивизии. В Русской Армии в штабе 3-й армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. Эвакуирован на корабле «Сцегед». В эмиграции в Югославии, в 1920—1929 гг. командир сотни Донского кадетского корпуса. После 1945 г. — во Франции. Умер 3 июля 1958 г. в Каннах (Франция).

¹⁶⁰ **Коновалов Андроник Николаевич**, р. в 1884 г. Алексеевское военное училище (1907). Есаул, командир сотни 3-го Донского казачьего полка.

В Донской армии и ВСЮР смотритель магазина 2-й Донской конной дивизии; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии.

¹⁶¹ **Татаркин Григорий Васильевич**, р. 27 ноября 1873 г. Сын чиновника ВВД, казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1895) (офицером с 1896 г.), академия Генштаба. Офицер 16-го Донского казачьего полка. Полковник, командир 33-го Донского казачьего полка. В Донской армии; командир отряда своего имени, в конце апреля 1918 г. командир 1-го конного полка Северного казачьего отряда Южной группы, с 19 мая 1918 г. командир Северного отряда, с 17 июля 1918 г. командир 1-го конного отряда, на 29 августа 1918 г. генерал-майор, командир отряда войск Усть-Медведицкого района, с 11 марта 1919 г. начальник 4-й конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 9-й Донской конной бригады, с 19 октября 1919 г. помощник начальника 2-й Донской конной дивизии. В Русской Армии в июне 1920 г. командир бригады той же дивизии, с 18 августа 1920 г. начальник 2-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма (и на 15 января 1921 г.). Генерал-лейтенант (19 октября 1919 г.). Был на о. Лемнос. В 1921 г. начальник 1-й Донской казачьей дивизии. В 1922 г. выслан из Болгарии в Сербию, осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Затем жил в Белграде. Во время Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих частей германской армии и РОА. С 1942 г. Донской атаман. Умер 14 октября 1947 г. под Мюнхеном.

¹⁶² **Дьяконов Федор Васильевич**, р. 1 февраля 1873 г. Из казаков ст. Нижне-Чирской Области войска Донского. В службе с 1900 г. Тверское кавалерийское училище (1910). Есаул 3-го Донского казачьего полка. В Донской армии; участник Степного похода (командир сотни партизанского отряда полковника Мамонтова), с 1918 г. войсковой старшина и полковник, в 1918—1919 гг. командир 16-го Усть-Медведицкого конного полка, с 7 августа начальник 1-й Тульской Добровольческой пехотной дивизии, с сентября 1919 г. Тульской пешей бригады, к февралю 1920 г. — 9-й Донской конной бригады. В Русской Армии в 10-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». Был на о. Лемнос. Генерал-майор (1921 г.). В эмиграции во Франции, весовщик на металлургическом заводе в Ромба (Лотарингия). В 1945 г. вступил в «Казачий Стан». Убит 30 апреля 1945 г. по дороге на Вилла-Сантино (Италия) во время отступления в Австрию.

¹⁶³ **Яковлев Сергей Степанович**, р. в 1869 г. Офицером с 1891. Полковник 4-го Донского казачьего полка. Генерал-майор. В Донской армии; с 25 сентября 1918 г. командующий войсками Усть-Медведицкого района, с 30 сентября 1918 г., в ноябре 1918 г. — войсками Северо-Восточного фронта, с 25 августа до декабря 1919 г. начальник гарнизона Новочеркаска. Генерал-лейтенант.

¹⁶⁴ **Коновалов Петр Ильич**, р. 12 июня 1881 г. Из казаков ст. Мигулинской Области войска Донского. Учительская семинария, Новочеркасское военное училище (1906), академия Генштаба (1912). Офицер 7-го Донского казачьего полка. Подполковник, и. д. начальника штаба 65-й пехот-

ной дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с мая 1918 г. полковник, на 26 июня 1918 г. начальник штаба отряда полковника Фетисова, на 20 ноября 1918 г. начальник штаба войск Усть-Медведицкого района (с 1 декабря 1918 г. — Северо-Восточного фронта), с 8 января 1919 г. начальник штаба войск Луганского района, с февраля 1919 г. начальник 2-й Донской конной дивизии, затем начальник конной группы; с 15 сентября 1919 г. командир 2-го Донского отдельного корпуса, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса. Генерал-лейтенант (с 18 апреля 1920 г.). Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии. После 1945 г. — в США. Умер 27 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

¹⁶⁵ **Оссовский Петр Степанович**, р. в 1860 г. В службе с 1878 г., офицером с 1881 г. Генерал-майор. В Донской армии и ВСЮР; в ноябре 1918 г. начальник группы войск у Камышина, летом 1919 г. начальник дивизии, с 16 июля 1919 г., в ноябре—декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (к сентябрю 1920 г.).

¹⁶⁶ **Небогатиков Георгий Николаевич**. Тверское кавалерийское училище (1915). Штабс-ротмистр 3-го драгунского полка. В Донской армии; в январе 1919 г. в штабе 4-го конного отряда Северного фронта. Орден Станислава III ст. 10 ноября 1919 г. Ротмистр.

¹⁶⁷ **Алексеев Николай Николаевич**, р. 25 марта 1875 г. Полоцкий кадетский корпус (1892), Михайловское артиллерийское училище (1895), академия Генштаба (1902). Офицер л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Генерал-майор (с 1916 г.), командир 26-го армейского корпуса. В Донской армии; с 18 октября, на 20 ноября 1918 г. командующий Северной группой, в феврале 1919 г. начальник штаба группы Мамонтова, с 23 февраля 1919 г. начальник штаба 1-й Донской армии, с 12 мая 1919 г. до 23 апреля 1920 г. командир 1-го Донского отдельного корпуса, с 23 апреля по декабрь 1920 г. начальник штаба Донской армии и Всевеликого войска Донского (с 28 ноября 1919 г. — походного штаба Донского атамана). Генерал-лейтенант (18 апреля 1920 г.). В эмиграции во Франции, на 20 мая 1938 г. в Исси-ле-Мулине, затем в Париже, в 1931 г. член учебного комитета Высших военнопознавательных курсов, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, в 1949 г. председатель Союза Российских кадетских корпусов, на ноябрь 1951 г. старший представитель объединения л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Умер 15 сентября 1955 г. в Париже.

¹⁶⁸ 7-й Донской армейский корпус. Образован 25 января 1919 г. из Центральной группы Восточного фронта Донской армии (бывш. Группа войск генерала Толкушкина). С 23 февраля — в составе 1-й Донской армии.

¹⁶⁹ 8-й Донской армейский корпус. Образован 25 января 1919 г. из Северной группы Восточного фронта Донской армии. В его состав входили 4-я и 14-я Донские конные дивизии, отряды полковника Старикова и полковника Татаркина. С 23 февраля — в составе 1-й Донской армии. Командир — генерал И.Д. Попов (февраль — 11 марта 1919 г.). Начальник штаба полковник В.Н. Жилинский (февраль 1919 г.), полковник П.Н. Санников (с 28 апреля 1919 г.).

¹⁷⁰ **Жилинский Василий Николаевич**, р. в 1877 г. Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, академия Генштаба (1906). Полковник, начальник штаба 108-й пехотной дивизии. В Донской армии; с 10 октября 1918 г. на 15 февраля 1919 г. начальник штаба Северной группы, начальник штаба 8-го Донского армейского корпуса, с 23 февраля 1919 г. — начальник штаба 1-й Донской армии. В эмиграции глава русской колонии в Бразилии. Умер 20 сентября 1956 г. в Сан-Паулу.

¹⁷¹ 6-й Донской армейский корпус. Образован 25 января 1919 г. из Южной группы Восточного фронта Донской армии. С 23 февраля — в составе 1-й Донской армии. Включал 11-ю (бывший Задонский отряд) и 12-ю (бывш. Потемкинский отряд) Донские казачьи конные и 11-ю Донскую казачью пешую (бывш. Цимлянский пеший отряд) дивизии и Царицынский ударный батальон. 12 мая 1919 г. преобразован в 6-ю Донскую дивизию. Командир — генерал-майор И.П. Донсков (январь—март 1919 г.).

¹⁷² 1-я Донская армия. Образована 23 февраля 1919 г. из Восточного фронта Донской армии. Включала 6, 7 и 8-й Донские армейские корпуса. Затем ее части сведены в пеший (казачья и стрелковая дивизии) и конный (4 трехполковые дивизии) корпуса. 12 мая 1919 г. преобразована в 1-й Донской отдельный корпус. Командующий — генерал-лейтенант К.К. Мамонтов. Начальник штаба — генерал-майор Н.Н. Алексеев.

¹⁷³ **Секретов Петр Иванович**, р. 25 февраля 1877 г. в Одессе. Из дворян Области войска Донского, сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области войска Донского. Донской кадетский корпус, Киевский политехнический институт (1895), Николаевское инженерное училище (1898). Генерал-майор, начальник автомобильных войск. В эмиграции с осени 1919 г. во Франции, служил в автомобильной промышленности, на 1931 г. председатель Союза технических войск, организатор Высших военно-технических курсов в Париже, основатель «Казачьего дома» (приемный покой, общежитие, библиотека). Умер 28 октября 1935 г. в Париже.

¹⁷⁴ **Дронов Федор Фотиевич**, р. в 1879 г. Николаевское инженерное училище (1899), академия Генштаба (1914). Подполковник. В Добровольческой армии с 1 января 1918 г. В Донской армии с начала апреля 1918 г. (перешел от красных) в штабе армии; с 4 мая, на 26 июня 1918 г. начальник штаба Задонского района, на 20 ноября 1918 г., с 15 декабря 1918 г. по 13 марта 1919 г. начальник штаба 1-го конного отряда генерала Татаркина, с марта 1919 г. начальник штаба 4-й конной дивизии, с 28 апреля 1919 г. помощник начальника штаба 5-го Донского армейского корпуса, до 2 сентября 1919 г. начальник штаба 5-й Донской казачьей дивизии; на 1 августа 1920 г. в Русской Армии. Полковник. В эмиграции.

¹⁷⁵ **Полковников Василий Александрович**, р. 8 сентября 1883 г. Из дворян Области войска Донского, сын офицера, казак ст. Кривянской. Академия Генштаба (1916). Капитан. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; к марту 1920 г. подполковник.

¹⁷⁶ **Покровский Виктор Леонидович**, р. в 1889 г. Из дворян. Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда.

В Добровольческой армии; в январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, с июля 1918 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии, с 3 января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, в январе—августе 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, с 2 (21, 26) ноября 1919 г. по 8 марта (21 января) 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. Эвакуирован на корабле «Силамет». В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

¹⁷⁷ 1-й Кубанский корпус. Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. как 1-й конный корпус в составе 1-й конной и 2-й Кубанской дивизий. 26 февраля 1919 г. переименован в 1-й Кубанский. Входил в состав Кавказской армии. После переформирования в него входили 1-я Кубанская, 2-я Терская казачьи и 6-я пехотная дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. включал Сводно-Гренадерскую дивизию с 2-м гусарским Павлоградским полком, 1-ю Кубанскую казачью дивизию, 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду и 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. К 5 октября 1919 г. корпусу был придан также 4-й дивизион 2-й артиллерийской бригады: 7-я (2 гаубицы) и 8-я (4 гаубицы) батареи, 3-я Кубанская пластунская бригада, и корпус всего насчитывал 6418 штыков, 762 сабли, 172 пулемета и 43 орудия. 21 февраля 1920 г. у Белой Глины погиб весь штаб корпуса, в том числе около 70 офицеров. Командиры: генерал-майор барон П.Н. Врангель (15 ноября — 27 декабря 1918 г.), генерал-лейтенант В.А. Покровский (3 января — 26 ноября 1919 г.), генерал-майор П.К. Писарев (врид 5 октября 1919 г.). Начальник штаба: полковник В.И. Соколовский (с 19 ноября 1918 г.), генерал-майор А.К. Разгонов (24 января — 10 февраля 1919 г.), генерал-майор К.К. Петерс (28 апреля — 22 июля 1919 г.), полковник И.А. Ребдев (сентябрь—октябрь 1919 г.), полковник Бастраков (врид). Инспектор артиллерии — генерал-майор В.А. Стопчанский.

¹⁷⁸ Сводно-горская конная дивизия. Сформирована во ВСЮР 23 марта 1919 г. Первоначально включала 2-й Кабардинский, 3-й Осетинский и Карачаевский конные полки, с 5 апреля 1919 г. — 2-й конно-артиллерийский дивизион. Входила в 4-й конный корпус, после переформирования корпусов — в Сводный корпус, в октябре 1919 г. — в 4-й конный корпус. 23 августа 1919 г. потеряла 40 человек (3 офицера убито). К 5 октября 1919 г. (временно при 2-м Кубанском корпусе) насчитывала (без 1-й бригады, 2-го Дагестанского батальона и артиллерии) 230 штыков, 443 сабли и 11 пулеметов. Осенью 1919 г. в нее входили: 1-я бригада — 3-й Осетинский и Карачаевский (на укомплектовании; полк. Крым-Шамхалов) конные полки, Ингушская бригада — 1-й (80 сабель) и 2-й (61 сабля, 3 пулемета) Ингушские конные полки, Дагестанская бригада — 1-й (249 сабель, 4 пулемета) и 2-й (53 сабли) Дагестанские конные полки и 1-й (230 штыков, 4 пулемета) и 2-й Дагестанские стрелковые батальоны, а также 5-й конно-артиллерийский дивизион, 2-я конная (генерал-майор А.В. Фок — до октября 1919 г.) и 2-я конно-гаубичная батареи. Начальники: генерал-майор П.В. Глазенап (с 23 марта 1919 г.), генерал-майор А.А. Губин (27 марта — 14 мая 1919 г.),

генерал-майор А.П. Гревс, полковник А.-Б.Б. Котиев (врид 5 октября 1919 г.). Начальник штаба — капитан (полковник) Александров. Командир бригады — генерал-майор М.Е. Аленич.

¹⁷⁹ **Гревс Александр Петрович**, р. 18 августа 1876 г. в им. Стовидлы Киевской губ. Из дворян Орловской губ. Николаевский кадетский корпус (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Офицер 4-го драгунского полка. Полковник л.-гв. Гусарского полка, командир 18-го драгунского полка, командующий л.-гв. Конно-гренадерским полком. Георгиевский кавалер. В октябре—декабре 1918 г. командир 5-го отдела Киевской офицерской добровольческой дружины генерала Кирпичева в Киеве. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, в мае 1919 г. начальник Конно-горской дивизии 1-го Кубанского корпуса, в сентябре—октябре 1919 г. начальник Сводно-горской конной дивизии, затем Сводного корпуса. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Проба», 23 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». Генерал-майор (до 30 сентября 1919 г.). В эмиграции во Франции, член правления объединения Николаевского кавалерийского училища. Умер 14 января 1936 г. в Вильжюифе под Парижем.

¹⁸⁰ **Шатилов Павел Николаевич**, р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конного корпуса, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 27 июля по 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

¹⁸¹ **Толкушкин Борис Дмитриевич**, р. 17 июня 1875 г. Каменец-Подольская гимназия (1895), Киевское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1903). Офицер 12-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир 185-го пехотного полка, начальник штаба 8-й Донской казачьей дивизии. В Донской армии с 12 июня 1918 г., с 16 июня 1918 г. командир отряда войск Чирского района, затем командующий группой войск того же района (с 21 октября 1918 г. Центральной группой Восточного фронта), с 17 января 1919 г. — командир 7-го Донского армейского корпуса, в июне 1919 г. врио командующего группой генерала Мамонтова, летом 1919 г. начальник 10-й Донской конной дивизии. Генерал-лейтенант (2 октября 1918 г.).

¹⁸² Каклюгин Кузьма Александрович, р. 1 ноября 1861 г. В службе с 1878 г., офицером с 1883 г. Варшавское пехотное юнкерское училище, Офицерская стрелковая школа. Полковник, помощник окружного атамана Сальского округа. В Донской армии; в апреле 1918 г. командир 2-го сводного пешего полка Северного отряда, в июле 1919 г. командир Атаманской конной бригады, в декабре 1919 г. командир 10-й Донской отдельной конной бригады. Генерал-майор (к июлю 1919 г.).

¹⁸³ Тульская пешая бригада. Сформирована в Донской армии 7 августа 1919 г. на базе перешедшей в Туле на ее сторону красной дивизии как 1-я Тульская Добровольческая пехотная дивизия. Входила в состав 3-го Донского отдельного корпуса. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 1791 штык, 19 пулеметов. Включала 1-й (650 штыков, 8 пулеметов), 2-й (448 штыков, 8 пулеметов) и 3-й (623 штыка, 3 пулемета) Тульские пешие полки, инженерную роту (58 человек) и артиллерийский дивизион (5 орудий). В сентябре 1919 г. переименована в Тульскую пешую бригаду. Позже остатки ее были влиты в пеший Гундоровский Георгиевский полк. Начальник — полковник Дьяконов. Начальник штаба — генерал-майор Мельников.

¹⁸⁴ 14-я Донская отдельная конная бригада. Сформирована в Донской армии как Пятиизбянская конная дивизия, с 25 января 1919 г. — 14-я Донская конная дивизия 8-го Донского армейского корпуса, 1 июня 1919 г. преформирована в бригаду. Входила в состав 1-го Донского отдельного корпуса. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 2705 сабель и 28 пулеметов. Включала 28, 29 и 30-й Усть-Медведицкие конные полки, 42-ю Донскую конную батарею (4 орудия) и конно-саперную сотню (132 сабли, 2 пулемета). В ноябре—декабре 1919 г. была придана 2-му Донскому отдельному корпусу. Расформирована 21 мая 1920 г. Начальники: полковник (генерал-майор) А.В. Голубинцев, войсковой старшина Корнеев (врио; с 4 сентября 1919 г.), полковник Гаврилов (врио; до 7 декабря 1919 г.), генерал-майор Туроверов (врио; до 16 января 1920 г.). Начальник штаба — войсковой старшина Корнеев.

¹⁸⁵ 4-я Донская конная дивизия. Сформирована летом 1919 г. в Донской армии из конной группы в составе 2-го Донского отдельного корпуса, но вскоре вошла в состав Сводно-Донского корпуса. В феврале 1920 г. передана в состав 2-го Донского отдельного корпуса. На 11 февраля 1920 г. включала 4, 5 и 6-ю Донские конные бригады, 5, 6, 13 и 14-й конно-артиллерийские дивизионы (14, 18, 21—24, 48 и 49-я батареи). Начальник — генерал-майор Н.П. Калинин. Начальник штаба: войсковой старшина Н.А. Хохлачев (октябрь 1919 г.), полковник Ф.П. Сергеев.

¹⁸⁶ Лобов Григорий Петрович, р. 19 ноября 1878 г. Учительская семинария, Новочеркасское военное училище (1902). Полковник 26-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; в 1919 г. начальник отряда гвардейской бригады, в октябре 1919 г. командующий 1-й Донской конной дивизией, с 24 октября 1919 г. по февраль 1920 г. начальник 4-й Донской конной дивизии. В Русской Армии в Донском офицерском резерве, председатель суда при штабе Донского корпуса, в октябре 1920 г. инспектор тыла Донского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-майор (1 апреля 1919 г.). Был на о. Лемнос. С 1921 г. в Болгарии (в 1922 г. выслан). Осенью

1925 г. в составе 3-го Донского казачьего полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, в 1930—1931 гг. командир 3-го Донского казачьего полка. Во время Второй мировой войны в казачьих частях германской армии. Схвачен 16 сентября 1944 г. в Пловдиве и вывезен в СССР. Умер 16 декабря 1948 г. в лагере пос. Бериккуль Кемеровской обл.

¹⁸⁷ 4-я Донская конная бригада. Сформирована в Донской армии. Входила в состав Донской Сводно-партизанской дивизии, с начала февраля 1920 г. — 4-й Донской конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 2293 сабли, 29 пулеметов. Включала 19-й Еланский (620 сабель, 11 пулеметов), 20-й Вешенский (858 сабель, 11 пулеметов) и 24-й Калиновский (815 сабель, 7 пулеметов) конные полки, и 4-й Донской конно-артиллерийский дивизион (8 орудий; 14-я и 18-я батареи). Командир — полковник И.И. Авчинников (июль 1919 г.). Начальник штаба — войсковой старшина Н.А. Хохлачев.

¹⁸⁸ 5-я Донская конная бригада. Сформирована в Донской армии. С 12 мая 1919 г. входила в состав 7-й Донской дивизии, с начала февраля 1920 г. — 4-й Донской конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 120 штыков, 2081 сабля, 13 пулеметов. Включала 21-й (486 сабель, 4 пулемета), 22-й (822 сабель, 9 пулеметов) и 23-й (120 штыков, 733 сабли) Хоперские конные полки, и 5-й Донской конно-артиллерийский дивизион (6 орудий). Командир — полковник Сальников (июль 1919 г.).

¹⁸⁹ 6-я Донская конная бригада. Сформирована в Донской армии как Бузулукский отряд, с февраля 1919 г. — 6-я Донская конная дивизия, 12 мая 1919 г. переформирована в бригаду. С 12 мая 1919 г. входила в состав 7-й Донской дивизии, с начала февраля 1920 г. — 4-й Донской конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 1942 сабли, 16 пулеметов. Включала 25-й Ермаковский (654 сабли, 4 пулемета), 26-й (558 сабель, 4 пулемета) и 27-й (730 сабель, 8 пулеметов) Бузулукские конные полки, и 6-й Донской конно-артиллерийский дивизион (5 орудий; 22-я и 24-я батареи). Командир — полковник С.Д. Позднышев (июль 1919 г.). Начальник штаба — полковник Н.В. Долгов.

¹⁹⁰ Хохлачев Николай Алексеевич, р. в 1891 г. Из казаков ст. Баклановской Области войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1913), курсы академии Генштаба (1917). Георгиевский кавалер. В Донской армии; на 25 июня 1918 г. подьесаул, с 22 августа 1918 г. войсковой старшина, старший адъютант штаба 2-й Донской конной дивизии, начальник штаба 4-й Донской казачьей дивизии, причислен к Генштабу с 29 октября 1919 г., с декабря 1919 г. начальник штаба 4-й конной бригады; с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Модиг». Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Войсковой старшина (Генерального штаба подполковник). Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США, председатель Донского войскового совета. Полковник. Умер 9 ноября 1971 г. в Лейквуде (США).

¹⁹¹ Одноглазков Федор Федорович, р. 8 августа 1879 г. Донской кадетский корпус (1897), Николаевское инженерное училище (1900), академия Генштаба (1909). Подполковник, начальник штаба 2-й Мусульманской дивизии. В Донской армии с 3 октября 1918 г., с 15 ноября 1918 г. помощник

начальника штаба Северо-Западного района, с 13 декабря 1918 г. заведующий этапной частью Северного фронта и врид начальника штаба Северо-Западного района, с 22 января 1919 г. начальник штаба Северного фронта, с 28 марта 1919 г. по 25 апреля 1920 г. обер-квартирмейстер штаба, начальник штаба 2-й Донской армии и (в декабре 1919 г.) 2-го Донского корпуса; с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, на 1 августа 1920 г. в Русской Армии. Полковник (13 мая 1918 г.). Орден Владимира III ст. (22 сентября 1920 г.). Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов».

¹⁹² **Бочевский Александр Феодосьевич**, р. в 1896 г. Из казаков ст. Каменской Области войска Донского. Штабс-капитан. В Донской армии и ВСЮР; к 1 января 1919 г. командир 34-й Донской казачьей батареи, в феврале 1920 г. командир 10-й конной батареи (войсковой старшина), в Русской Армии старший офицер и врид командира 2-й Донской казачьей батареи до эвакуации Крыма. Полковник (28 мая 1920 г.). Эвакуирован на о. Проти на корабле «Ростав Павел». Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Схвачен и вывезен в СССР. Умер ок. 1950 г. в лагере под Спасском.

¹⁹³ **Крыжановский Владимир Васильевич**. Войсковой старшина 2-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 2-го батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку; с 12 марта 1918 г. полковник, затем командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 22 января, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. В 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. Убит 21 февраля 1920 г. под Белой Глиной.

¹⁹⁴ 10-я Донская конная дивизия. Сформирована в Донской армии 12 мая 1919 г. из конного корпуса 1-й Донской армии. Входила в состав 4-го Донского отдельного корпуса. Включала 9-ю и 13-ю (летом также 10-ю) Донские конные бригады. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 2376 сабель, 52 пулемета, 7 орудий. Начальники: генерал-майор Б.Д. Толкушкин (1919 г.), генерал-майор Николаев (февраль 1920 г.). Начальник штаба: полковник В.А. Вишневецкий (1919 г.), войсковой старшина П.А. Фролов (февраль 1920 г.).

¹⁹⁵ **Николаев Иван Лукьянович**, р. в 1883 г. на х. Грачики. Из казаков ст. Романовской Области войска Донского. Новочеркасское казачье училище. Подъесаул. В Донской армии; в апреле 1918 г. при штабе восстания в ст. Усть-Медведицкой, войсковой старшина, командир 63-го Донского казачьего полка, с 31 января 1919 г. полковник, к марту 1920 г. и. д. начальника 10-й Донской конной дивизии, врид командира 4-го конного корпуса. В Русской Армии в 1920 г. во 2-м Донском запасном батальоне. Орден Станислава I ст. 28 мая 1920 г. Генерал-майор. В эмиграции в Болгарии, в 1923 г. вернулся в СССР. Арестован 14 августа 1930 г. Расстрелян большевиками по делу «Казачьего блока» 8 апреля 1931 г. в Москве.

¹⁹⁶ **Фролов Петр Леонтьевич**, р. 21 июня 1890 г. в ст. Распопинской Области войска Донского. Петровское реальное училище в Саратовской губ. (1913), Новочеркасское военное училище (1909), подготовительные курсы академии Генштаба (1917). Есаул, старший адъютант штаба 183-й пехотной

дивизии. В Донской армии с 11 ноября 1917 г.; с 1 декабря 1917 г. по 12 марта 1918 г. обер-офицер для поручений штаба Походного атамана, с 16 мая 1918 г. начальник штаба группы Татаркина, с 1 июля 1918 г. начальник штаба 1-го конного отряда, с 1 марта 1919 г. начальник штаба 4-й Донской казачьей дивизии, с 1 июня 1919 г. по 15 марта 1920 г. начальник штаба 9-й Донской конной бригады, затем начальник штаба 10-й Донской казачьей дивизии. Войсковой старшина.

¹⁹⁷ **Лащенко Александр Николаевич**, р. в 1892 г. В Донской армии; в феврале 1920 г. командир 10-й Донской конной бригады, весной 1920 г. в Донском офицерском резерве. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Орден Владимира III ст. 28 мая 1920 г. Полковник. Был на о. Лемнос, 1921 г. врид командира в 3-м Донском казачьем полку. Осенью 1925 г. в составе 3-го Донского казачьего полка в Болгарии.

¹⁹⁸ 9-я Донская конная бригада. Сформирована в Донской армии как 4-я Донская конная дивизия (основой которой послужил отряд полковника Татаркина) в составе 1-й Донской армии. 12 мая 1919 г. переформирована в бригаду и вошла в состав 10-й Донской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 1516 сабель, 28 пулеметов, 3 орудия. Включала 13-й (369 сабель, 10 пулеметов), 14-й (559 сабель, 8 пулеметов) и 15-й (588 сабель, 10 пулеметов) Донские конные полки. Начальники: генерал-майор Г.В. Татаркин, полковник Дьяконов. Начальник штаба — войсковой старшина П.А. Фролов.

¹⁹⁹ 10-я Донская конная бригада. Сформирована в Донской армии 12 мая 1919 г. из Особой бригады 1-й Донской армии. Входила в состав 10-й Донской конной дивизии, в августе—сентябре 1919 г. участвовала в Камышинской операции в составе Кавказской армии. К октябрю 1919 г. входила в состав 1-го Донского отдельного корпуса. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 1065 сабель и 14 пулеметов. Включала 16-й Калединский (333 сабли, 6 пулеметов), 17-й Назаровский (545 сабель, 5 пулеметов) и 64-й Баклановский (187 сабель, 3 пулемета) конные полки и 10-ю конную батарею (4 орудия). Начальники: полковник А.Н. Лащенко, полковник Егоров. Начальник штаба — подполковник В.А. Полковников.

²⁰⁰ 13-я Донская конная бригада. Сформирована в Донской армии как 13-я Донская конная дивизия в составе 1-й Донской армии. 12 мая 1919 г. переформирована в бригаду и вошла в состав 10-й Донской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 860 сабель, 24 пулемета, 4 орудия. Включала 45-й (247 сабель, 8 пулеметов), 46-й (253 сабли, 6 пулеметов) и 48-й (360 сабель, 10 пулеметов) конные полки. Начальники: генерал-майор Попов, полковник С.В. Захаревский. Начальник штаба — есаул С.Н. Флерин.

²⁰¹ **Жидков Иван Тимофеевич**, р. в 1855 г. Из казаков ст. Камышовской Области войска Донского. 1-е Донское окружное училище (1870), Тверское кавалерийское юнкерское училище (1878). Генерал-майор, окружной атаман 2-го Донского округа (в отставке с 1917 г.). В Донской армии; с 11 сентября 1919 г. командир запасной бригады 4-го Донского корпуса. Убит 7 марта 1920 г. в ст. Саратовской Кубанской области.

²⁰² **Букретов Николай Адрианович**, р. 6 апреля 1876 г. в Тифлисе. Из горских грузинских евреев-кантонистов. Приписной казак Кубанского ка-

зачьего войска. Образование: Тифлисское реальное училище (1894), Алексеевское военное училище (1896), академия Генштаба (1903). Офицер 15-го гренадерского полка. Генерал-майор, начальник 2-й Кубанской пластуной бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; 9—17 января 1918 г. командующий Кубанской армией, затем в отставке. С осени 1918 г. председатель продовольственного комитета Кубанского правительства, с 19 декабря 1919 г. по апрель 1920 г. Кубанский атаман. В эмиграции в Константинополе, затем в США. Умер 8 мая 1930 г. в Нью-Йорке.

²⁰³ Черкесская конная дивизия. Сформирована в Добровольческой армии 19 ноября 1918 г. в составе взятых из 1-й конной дивизии 1-го и 2-го Черкесских (1-я бригада) и вновь сформированных 3-го и 4-го Черкесских и Карачаевского (2-я бригада) конных полков. 28 февраля 1919 г. временно сведена в Черкесский конный полк, весной вновь развернутый в дивизию. На 5 октября 1919 г. насчитывала 1976 сабель. Включала 1, 2 и 3-й Черкесские и Карачаевский конные полки, запасный полк и формируемый в Майкопе конно-артиллерийский дивизион. Весной 1920 г. сведена в Черкесский конный полк, расформированный 6 мая 1920 г. Начальник — генерал-майор Султан Келеч-Гирей (с 8 декабря 1918 г.). Начальник штаба — полковник Векилов (с 8 декабря 1919 г.). Командиры бригад: 1-й — полковник Султан Адиль-Гирей (с 8 декабря 1918 г.), 2-й — полковник князь Бекович-Черкасский (с 8 декабря 1918 г.).

²⁰⁴ Калинин Николай Петрович, р. 21 октября 1884 г. Из дворян ВВД, казак ст. Каменской Области войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1904), академия Генштаба (1912). Офицер 17-го гусарского полка. Подполковник, старший адъютант штаба 5-го кавалерийского корпуса, и. д. штаб-офицера для поручений при штабе 6-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии; участник восстания весной 1918 г., полковник, командир полка, бригады 1-го Донского корпуса, с конца 1918 г. генерал-майор, с марта 1919 г. начальник 11-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. — 11 Донской конной бригады, с сентября 1919 г. — 9-й Донской конной бригады, с февраля 1920 г. — 4-й Донской конной дивизии, с марта 1920 г. начальник штаба и врид командира 4-го Донского корпуса, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с июня 1920 г. до 18 августа 1920 г. начальник 2-й Донской конной дивизии, 3—16 июля 1920 г. врио командира Сводного корпуса, с 18 августа 1920 г. в распоряжении командира Донского корпуса, затем на 1 октября 1920 г. командир Донского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (18 июня 1920 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. начальник 1-й Донской казачьей дивизии, с 15 января 1921 г. в распоряжении Донского атамана. В эмиграции в Югославии и Франции. Вице-председатель Казачьего союза. Умер 23 октября 1949 г. в Париже.

²⁰⁵ Султан Келеч-Гирей. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в марте 1918 г. командир Черкесского конного полка, затем командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. начальник Черкесской конной дивизии. Генерал-майор. В эмиграции. Во время Второй мировой войны в кавказских национальных частях германской армии. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

²⁰⁶ **Морозов Николай Аполлонович**, р. в 1879 г. Псковский кадетский корпус (1897), Павловское военное училище (1899), академия Генштаба (1905). Офицер гвардейской пехоты. Полковник, командир 1-го Кавказского стрелкового полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в прикомандировании к штабу Кубанского казачьего войска, преподаватель военного училища в Екатеринодаре; в начале 1920 г. помощник начальника штаба Кубанского казачьего войска и Войскового атамана, в марте 1920 г. командир Кубанской пластунской бригады, на 11 марта 1920 г. начальник Кубанского отряда, с 9 апреля 1920 г. командир Кубанского корпуса (командующий Кубанской армией). Генерал-майор. Взят в плен в апреле 1920 г., содержался в тюрьме в Костроме, затем служил в РККА, профессор Военно-политической академии имени Толмачева в Ленинграде. Арестован в конце 1930 г., в 1931 г. осужден на 5 лет лагерей по делу «Весна» («генштабист»).

²⁰⁷ **Фон Дрейлинг Роман Константинович**. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус, академия Генштаба 1908. Офицер штаба 1-й отдельной кавалерийской бригады. Полковник л.-гв. Конно-Гренадерского полка, начальник штаба 13-й кавалерийской дивизии. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку, с 19 марта 1918 г. начальник штаба Отдельной конной бригады, затем начальник штаба 1-й конной дивизии, с 7 октября 1918 г. — в распоряжении атамана Кубанского казачьего войска, член Кубанской комиссии по пересмотру уставов; с 24 декабря 1918 г. член комиссии для рассмотрения проекта устава, затем помощник начальника Кубанского генерала Алексеева военного училища (утв. в должности 11 ноября 1919 г.), на 4 апреля 1920 г. начальник штаба войск Кавказского побережья. В эмиграции в Югославии, преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде, в 1933 г. член правления Союза Первопехотников, староста Русского сокольства, на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии. Вывезен в сентябре 1945 г. в СССР из Белграда. Умер в 1945 г. в лагере Явас (Мордовия).

²⁰⁸ **Иванис Василий Николаевич**. Подпоручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее. Весной 1920 г. председатель Кубанского правительства. В эмиграции.

²⁰⁹ **Чапчиков Григорий Иванович**, р. в 1897 г. в Санкт-Петербурге. Политехнические курсы, Новочеркасское военное училище (1916). Есаул. В Донской армии в Цымянском отряде, с 31 января 1919 г. войсковой старшина. В Русской Армии до эвакуации Крыма; в марте—декабре 1920 г. командир 3-го Донского казачьего Калединовского полка. Полковник (22 апреля 1919 г.). Был на о. Лемнос. Орден Св. Николая Чудотворца 1 сентября 1921 г.

²¹⁰ **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Сын надворного советника корпуса лесничих (усын.; наст. — личного дворянина Константина Матвеевича Тимофеева). Архангельская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Офицер 85-го пехотного полка. Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войска-

ми Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. — командир Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

²¹¹ **Слащев Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академия Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в РККА. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

²¹² **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом—осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, 5 июня — 7 июля 1919 г. врид. начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

²¹³ **Карнеев Александр Алексеевич**, р. 22 августа 1860 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Старочеркасской. Новочеркасская гимназия (1878), Варшавское пехотное юнкерское училище (1880) (офицером с

1882 г.). Генерал-майор, командир 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии. Вышел в отставку генерал-лейтенантом 8 апреля 1920 г., затем вновь на службе, с мая 1920 г. начальник Донского офицерского резерва Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, затем в Италии. Умер 7 декабря 1940 г. в Риме.

²¹⁴ **Апостолов Валериан Алексеевич**, р. 14 декабря 1874 г. в Новочеркасске. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Аксайской. Донской кадетский корпус (1892), Николаевское инженерное училище (1895). Офицер 2-го железнодорожного батальона. Полковник. В Донской армии; с 1919 г. управляющий отделом путей сообщения Донского правительства, с октября 1920 г. по 1922 г. председатель Донского правительства. Генерал-майор (21 июля 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, член от ВВД комитета экономического возрождения Юго-Востока России (18 августа 1921 г. — начало 1922 г.). Умер после 1931 г.

²¹⁵ **Короченцов Леонид Викторович**, р. в 1870 г. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1890) (офицером с 1891 г.). Полковник. В Донской армии; до 5 июля 1919 г. командир 9-го Донского казачьего полка. Вышел в отставку 15 апреля 1920 г., потом с весны 1920 г. командир штаб-офицерской сотни в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии.

²¹⁶ **Краснов Петр Николаевич**, р. 10 сентября 1869 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала, казак ст. Каргинской Области войска Донского. Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерская кавалерийская школа. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. Георгиевский кавалер. С 25 октября 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Зимой 1917/18 г. скрывался в ст. Константиновской. С 3 мая 1918 г. по 2 февраля 1919 г. войсковой атаман ВВД, генерал от кавалерии (26 августа 1918 г.). В Северо-Западной армии с 22 июля 1919 г.; до 9 сентября 1919 г. в резерве чинов при штабе армии, затем начальник отдела пропаганды, в январе 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, с марта 1920 г. под Мюнхеном, к ноябрю 1920 г. в Берлине, с 22 ноября 1921 г. в Сантени (Франция), с апреля 1936 г. в Далевице, под Берлином, на декабрь 1924 г. почетный вице-председатель объединения л.-гв. Атаманского полка С 31 марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. Выдан англичанами в Лиенце 19 мая 1945 и вывезен в СССР. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

²¹⁷ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922 г.

²¹⁸ **Епихов Николай Николаевич**, р. 6 декабря 1872 г. Новочеркасское казачье училище (1898), академия Генштаба (1908). Офицер 9-го Донского казачьего полка. Полковник (с 1916 г.), начальник штаба 6-й Донской казачьей дивизии. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда; на 26 июня и на 20 ноября 1918 г. командир 2-го Донского казачьего полка, в начале 1919 г. 2-й генерал-квартирмейстер штаба

Донской армии, с 29 октября 1919 г. в резерве чинов, с 1 ноября 1919 г. в штабе войск Новороссийской области. Генерал-майор (с 14 августа 1918 г.). Эвакуирован в Болгарию, на 25 марта 1920 г. в Варне. В эмиграции.

²¹⁹ **Кирсеев Георгий Андроникович**, р. 5 апреля 1868 г. Из казаков ст. Есауловской Области войска Донского. Гимназия (1887), Новочеркасское казачье юнкерское училище (1889) (офицером с 1890). Войсковой старшина, помощник командира 2-го Донского отдельного казачьего батальона. В Донской армии; участник восстания на Дону весной 1918 г.; в апреле 1918 г. командир офицерской дружины в Новочеркасске, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы Донской армии, с 1918 г. полковник, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве. Генерал-майор (1920 г.). В эмиграции в Болгарии, в 1922 г. атаман Донской казачьей станицы в Княжеве. Умер 22 октября 1922 г. в с. Княжево (Болгария).

²²⁰ **Сливинский Александр Владимирович** (наст. — Слива), р. в 1886 г. Академия Генштаба (1914). Офицер 5-го понтонного батальона. Подполковник, начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В 1918 г. в гетманской армии; весной 1918 г. начальник Генерального штаба; 29 июня 1918 г. переименован в чин войскового старшины со старшинством с 15 августа 1917 г., 31 октября 1918 г. утвержден в чине полковника, 17 ноября 1918 г. уволен с назначением в распоряжение военного министра и с зачислением по Генштабу. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. из Севастополя на корабле «Вел. князь Александр Михайлович». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии, инженер-строитель, с 1925 г. в Германии, с 1951 г. в Канаде. Умер 21 декабря 1953 г. в Монреале (Канада).

²²¹ **Щербачев Дмитрий Григорьевич**, р. 6 февраля 1857. Сын генерал-майора. Орловская военная гимназия (1873), Михайловское артиллерийское училище (1876), академия Генштаба (1884). Офицер л.-гв. Конной артиллерии, л.-гв. Егерского полка, командир л.-гв. Павловского полка. Генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Румынского фронта. Георгиевский кавалер. С апреля 1918 г. представитель Добровольческой армии в Румынии, с 13 октября 1918 г. представитель при союзном командовании (утв. 2 февраля 1919 г.), с 30 декабря 1918 г. военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, с января 1919 г. по май 1920 г. представитель Верховного правителя адмирала Колчака и начальник управления по снабжению белых армий в Париже. В эмиграции во Франции, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов, член полкового объединения л.-гв. Павловского полка. Умер 18 января 1932 г. в Ницце (Франция).

²²² **Головин Николай Николаевич**, р. 22 февраля 1875 г. в Москве. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. Генерал-лейтенант, и. д. начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. К 21 ноября 1918 г. в гетманской армии. Генерал. В белых войсках Восточного фронта; с 14 августа 1919 г. в распоряжении ВГК, с декабря 1918 г. член делегации в Англию, с 24 декабря 1918 г. помощник представителя белого командования при союзном командовании (утв. 2 февраля 1919 г.). В эмиграции во Франции, на декабрь 1924 г. предсе-

датель объединения л.-гв. Гродненского гусарского полка, в 1931 г. возглавляла группу л.-гв. Конной артиллерии в Париже, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, в 1936—1938 гг. редактор журнала «Осведомитель». Создатель и руководитель Высших академических курсов в Париже. Военный теоретик и историк. Умер 10 января 1944 г. в Париже.

²²³ **Залесский Петр Иванович**, р. в 1867 г. В службе с 1885 г., офицером с 1888 г., академия Генштаба. Генерал-майор, командир бригады 3-й кавалерийской дивизии. В Донской армии; в 1918 г. командирован в Киев. Осенью 1918 г. начальник штаба Южной армии. В эмиграции в Германии.

²²⁴ Имеется в виду т. н. Русская народная армия. Формировалась летом 1918 г. на севере Донской области при непосредственном участии гетмана П.П. Скоропадского (ей из украинской казны были переданы значительные суммы). Комплектовалась из крестьян Саратовской губ. 30 сентября 1918 г. приказом Донского атамана была преобразована в Саратовский корпус и включена вместе с частями Южной армии и Астраханской армии в состав Особой Южной армии. Корпус действовал в составе Донской армии на Царицынском направлении. Реально в нем было сформировано лишь несколько отдельных «полков» крайне малой численности, представлявших кадры некоторых полков Императорской армии (42-го Якутского, 187-го Аварского и др.), несколько отдельных сотен, рот и эскадронов, а также Технический батальон. Части корпуса, действовавшие на Воронежском направлении, понесли большие потери. 15 марта 1919 г. Саратовский корпус был переформирован в Саратовскую отдельную бригаду, а позже его части вошли в состав 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

²²⁵ **Князь Тундутов Данзар Давидович**. Пажеский корпус (1908). Офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка. Полковник. В 1918 г. атаман Астраханского казачьего войска и командир Астраханского корпуса.

²²⁶ **Келлер граф Федор Артурович**, р. 12 октября 1857 г. в Курске. Сын генерал-майора. Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, Офицерская кавалерийская школа. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1878 г. Командир л.-гв. Драгунского полка (1906—1910). Генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса. Предполагаемый возглавитель Северной армии. 19—26 ноября 1918 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Убит петлюровцами 21 декабря 1918 г. в Киеве.

²²⁷ **Герцог Лейхтенбергский Георгий Николаевич**, р. 22 декабря 1872 г. в Риме. Офицер с 1892 г. Полковник л.-гв. Конного полка, штаб-офицер для поручений при штабе Юго-Западного фронта. В июле 1918 г. участник формирования Южной армии в Киеве. В эмиграции в Италии и Германии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., в 1922 г. организовал Союз объединенных монархистов. Умер 9 августа 1929 г. в замке Зеон (Бавария).

²²⁸ **Бискупский Василий Викторович**, р. 27 июня 1878 г. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Офицер л.-гв. Конного полка, командир 16-го гусарского и 1-го драгунского полков. Гене-

рал-майор, командующий 3-й кавалерийской дивизией. Георгиевский кавалер. В 1918 г. командующий войсками гетмана в Одессе; 20 июля 1918 г. назначен и. о. командира 1-й конной дивизии. В эмиграции с 1919 г. в Германии, в июле—сентябре 1919 г. глава Западнорусского правительства в Берлине, участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., с 1936 г. начальник управления по делам русской эмиграции в Германии. Генерал от кавалерии (по КИАФ). Умер 18 июня 1945 г. в Мюнхене.

²²⁹ Шильдбах Константин Константинович (Шильдбах-Литовцев), р. 24 января 1872 г. в Москве. Сын тайного советника. 3-й Московский кадетский корпус (1888), Александровское военное училище (1890), академия Генштаба (1896). Генерал-лейтенант, командир л.-гв. Литовского полка, начальник 79-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В 1918 г. в гетманской армии; с начала сентября 1918 г. до середины декабря 1918 г. начальник штаба Южной армии. Арестован 1 июня 1921 г. в Сухуме. Служил в Красной армии, преподаватель московских вузов. В 1931 г. осужден на 3 года ссылки по делу «Весна».

²³⁰ Семенов Валериан Владимирович, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Офицер л.-гв. 4-го стрелкового полка. Полковник, командир 10-го Заамурского пограничного пехотного полка. Генерал-майор. Участник похода Яссы—Дон, командир стрелкового полка отряда полковника Дроздовского, затем заведующий вербовочным бюро Добровольческой армии в Харькове; с июля 1918 г. начальник 1-й дивизии Южной армии, воронежский генерал-губернатор. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода; в апреле 1920 г. генерал для поручений при командующем войсками Российской Восточной окраины. В эмиграции в 1926 г. в Маньчжурии. Убит в 1928 г.

²³¹ Рябов-Решетин Гавриил Васильевич. Из казаков ст. Атаманской Кубанской области. Михайловское артиллерийское училище (1910), академия Генштаба. Полковник. В 1918 г. начальник штаба Астраханского казачьего войска, затем в Добровольческой армии и ВСЮР; весной 1919 г. начальник штаба 3-й Кубанской казачьей дивизии, 6 мая 1919 г. врид начальника 2-й Терской казачьей дивизии, с 7 мая по 2 сентября 1919 г. начальник штаба той же дивизии, с 10 сентября 1919 г. помощник старшего адъютанта оперативного отдела, на 1—15 ноября 1919 г. старший адъютант общеорганизационного отдела штаба войск Новороссийской области. Умер от тифа около 12 декабря 1919 г. в Одессе.

²³² Сазонов Дмитрий Петрович, р. 28 октября 1868 г. Из дворян ВВД, казак ст. Каменской Области войска Донского. Воронежский кадетский корпус (1886), Николаевское кавалерийское училище (1888), Офицерская кавалерийская школа. Генерал-майор, командир л.-гв. Атаманского полка, помощник Походного атамана всех казачьих войск. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с 25 октября по ноябрь 1918 г. в составе посольства ВВД в страны Антанты (атаман Зимовой станицы в Яссах). Генерал-лейтенант (с 17 декабря 1918 г.). Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Панама». В эмиграции. Умер 25 апреля 1933 г. в Касабланке (Марокко).

²³³ Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович. Александровский лицей (1886). Действительный статский советник, камергер, посланник в

Бухаресте. Представитель лицейского объединения в Румынии. В эмиграции там же. Умер после 1929 г.

²³⁴ Кононов Анатолий Алексеевич, р. 26 января 1856 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Морской корпус (1877). Контр-адмирал в отставке. В Донской армии; в распоряжении атамана А.М. Каледина, с ноября 1917 г. в боях с большевиками под руководством Каледина. В ноябре 1918 г. организатор и участник экспедиции из Старочеркаска в Ростов для захвата судов. Эвакуирован 23 февраля 1920 г. из Новороссийска в Салоники и затем в Югославию на корабле «Иртыш». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Польше в своем имении на Волыни, в 1937—1939 гг. в Вильно, затем в Югославии (Белград). После 1945 г. — во Франции. Умер 8 июля 1944 г. в Курвиле (Франция).

²³⁵ Власов Алексей Евграфович, р. 19 апреля 1869 г. Из дворян, сын генерал-майора ВВД, казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Воронежский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1889). Полковник (с 1917 г.) л.-гв. Казачьего полка, в штабе Походного атамана ВВД. В Донской армии; в ноябре 1918 г. посол ВВД в Крыму, затем в штабе Войскового атамана ВВД. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, хормейстер. Умер 18 августа 1936 г. в Исси-ле-Мулине (Франция).

²³⁶ Лейб-гвардии Казачий полк. Полк Императорской армии. Возрожден в апреле—мае 1918 г. в Донской армии. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии (I и II). В полку в 1918 г. служило 28 офицеров и было принято вновь 22, некоторое время служили еще 7 (в том числе 5 старых), в 1919 г. было принято еще 14 плюс 2 прикомандированных, в 1920 г. — 5 плюс 9 прикомандированных. За войну в другие части переведено 4, вышло в отставку 3 и исключено 2. Соотношение между офицерами и казаками было примерно 1:12 — 1:15. Полк потерял в Белом движении погибшими 34 офицера, ранено было 73, заболело тифом 36. Полковое объединение в эмиграции — «Офицерское Общество Лейб-казаков». Почетный председатель — ген.-кав. П.Н. Шатилов; председатели: генерал-лейтенант граф М.Н. Граббе, полковник И.Н. Оприц; помощники — генерал-майор А.М. Греков, генерал-майор К.Р. Поздеев и генерал-майор И.Н. Оприц (командир дивизиона), секретари: генерал-майор Д.Н. Потоцкий, войсковой старшина Б.Ф. Дубенцов; казначей — есаул П.П. Прокофьев; представитель в Югославии — полковник Н.В. Номикосов, в США — подъесаул кн. В.П. Трубецкой. Имело офицерское собрание, музей (Курбева), офицерские квартиры (Аньер) и столовую (Париж). С октября 1961 г. по апрель 1968 г. издавало «Информационный бюллетень Объединения лейб-казаков» (вышло 13 номеров: ротатор, 100 экз., редактор — есаул Г.М. Гринев). На 1949—1951 гг. насчитывало 50 человек (в том числе 32 в Париже, 4 в США), к 1958 г. — 53 (26 в Париже). На 1938 г. в объединении состояло также 10 кандидатов.

²³⁷ Лейб-гвардии Атаманский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Донской армии. Офицерами полка в мае 1918 г. был укомплектован состав 2-го полка Молодой армии, который вскоре получил прежнее наименование и старый штандарт. Входил в состав Гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии (I и II). Командир — генерал-майор М.Г. Хрипунов. Полковое объединение в эмиграции — «Общество Атаманцев» (Париж). Почетные

председатели: В.К. Борис Владимирович, генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов; почетные вице-председатели: ген. от кав. П.Н. Краснов и генерал-майор Т.В. Михайлов; председатель и командир кадра — полковник К.М. Греков, генерал-майор Т.В. Михайлов, полковник А.В. Михайлов (к 1962 г.); вице-председатели: генерал Черевков, генерал-майор М.Г. Хрипунов (командир дивизиона), генерал-майор Б.М. Матвеев; зам. командира дивизиона, секретарь — полковник В.М. Миронов, есаул Ю.А. Карпов (к 1962 г.); казначей и комендант Атаманского дома — полковник Г.А. Иванов; представитель в Югославии — войсковой старшина А.А. Воинов, заведующий музеем — полковник Л.В. Васильев, секретарь и хранитель музея (Иври) — подьесаул Н.Н. Туроверов; казначей — полковник А.В. Михайлов. В 1931—1938 гг. издавало в Париже ежегодный журнал «Вестник Общества Атаманцев». На 1949—1951 гг. насчитывало 31 человек (в том числе 21 в Париже, 5 в США), к 1958 г. — 21 (13 в Париже).

²³⁸ Князь Долгоруков Александр Николаевич, р. 27 декабря 1872 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Московской губ. Пажеский корпус (1893), Курс восточных языков, академия Генштаба (1905). Офицер Кавалергардского полка. Генерал-лейтенант, командир Кавалергардского полка, начальник 3-й Донской казачьей дивизии, командир 1-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. Летом 1918 г. член антисоветской организации в Петрограде. С октября 1918 г. в гетманской армии, с 18 ноября 1918 г. заместитель, а с 26 ноября 1918 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины. С декабря 1918 г. в Германии, затем в Северо-Западной армии (зачислен с 6 сентября 1919 г.); в распоряжении командира 2-го корпуса, с 16 сентября 1919 г. начальник 4-й дивизии, с 1 декабря 1919 г. в резерве чинов при штабе армии. В эмиграции в Ревеле, член Международной антибольшевистской лиги, затем во Франции (Париж). Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., с февраля 1924 г. в Бельгийском Конго, с 1929 г. в Марокко, в 1932—1938 гг. начальник отдела РОВС в Марокко. Умер 17 января 1948 г. в Рабате (Марокко).

²³⁹ Боровский Александр Александрович, р. 6 июня 1875 г. Из дворян. Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), академия Генштаба (1903). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с 17 марта 1918 г. командир Офицерского полка. С июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, 7 января по 31 мая 1919 г. командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, затем в резерве чинов при штабе главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.). Уволен от службы 29 октября 1919 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии. Умер 14 декабря 1938 г. в Нише или 22 апреля 1939 в Скопле (Югославия).

²⁴⁰ Иванов Матвей Матвеевич, р. 12 августа 1872 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Семикаракорской Области войска Донского. Донской

кадетский корпус (1892), Николаевское кавалерийское училище (1894), академия Генштаба, Офицерская артиллерийская школа. Офицер 8-го Донского казачьего полка. Полковник, командир 13-го Донского казачьего полка, командующий 2-й бригадой 1-й Донской казачьей дивизией. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с января 1918 г. представитель Донского атамана в Добровольческой армии, летом 1918 г. — в феврале 1919 г. командующий Северным фронтом, генерал-майор, с 23 февраля 1919 г. — командующий 3-й Донской армией, с 12 мая 1919 г. — командир 3-го Донского отдельного корпуса, с 22 ноября 1919 г. в распоряжении Донского атамана, с марта 1920 г. командир Донской запасной бригады. Генерал-лейтенант (1919 г.). В эмиграции в Югославии, атаман казачьей станицы в Белграде. Умер 15 декабря 1928 в Белграде.

²⁴¹ **Бобриков Степан Леонидович**, р. 23 декабря 1874 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Кривянской. Донской кадетский корпус (1894), Николаевское кавалерийское училище (1896). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Полковник, управляющий конским заводом. В Донской армии; в апреле 1918 г. участник восстания в ст. Заплавской, с 5 апреля 1918 г. интендант армии, затем состоял при главном начальнике снабжений ВВД, с 17 марта 1919 г. руководитель Одесского закупочного бюро (полковник). Генерал-майор (к декабрю 1918 г.). Эвакуирован в Турцию. 2 октября 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым на корабле «Константин». В эмиграции во Франции. Умер 9 октября 1931 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

²⁴² **Князь Вадбольский Николай Петрович**, р. 5 декабря 1869 г. Сын действительного статского советника. 1-й Московский кадетский корпус (1886), Павловское военное училище (1888), академия Генштаба (1895). Офицер л.-гв. Павловского полка. Генерал-лейтенант, командир 7-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В 1918 г. командующий Южной армией (Воронежским корпусом), с 11 октября 1918 г. командующий Северо-Восточным фронтом Донской армии, с 1 марта 1919 г. начальник 3-й Терской казачьей дивизии, на 1 октября 1919 г. командир отряда войск Южного района войск Северного Кавказа. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя. В эмиграции в Югославии, в 1930—1938 гг. председатель Союза Инвалидов в Белграде. Убит в 1944—1945 гг. в Югославии.

²⁴³ **Май-Маевский Владимир Зенонович**, р. 15 сентября 1867 г. Из дворян Могилевской губ. 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. врид командующего 3-й дивизией, с декабря 1918 г. начальник 3-й пехотной дивизии, с 15 февраля по 1 июня 1919 г. командир 2-го армейского корпуса, с апреля 1919 г. командующий Донецкой группой войск, с 22 мая по 27 ноября 1919 г. командующий Добровольческой армией, с 26 ноября 1919 г. в распоряжении главнокомандующего. Умер 30 октября 1920 г. в Севастополе.

²⁴⁴ **Романовский Иван Павлович**, р. 16 апреля 1877 г. в Луганске. Из дворян, сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899), академия Генштаба (1903). Офи-

цер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, 1-й генерал-квартирмейстер ставки Верховного главнокомандующего. Георгиевский кавалер. Участник выступления генерала Корнилова, быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с декабря 1917 г. начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 8 января 1919 г. начальник штаба главнокомандующего ВСЮР, затем помощник главнокомандующего ВСЮР; уволен 20 марта 1920 г. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.). Эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

²⁴⁵ **Савватеев Онисим Иванович**, р. 17 февраля 1887 г. Из казаков ст. Урюпинской Области войска Донского. Новочеркасское военное училище (1907) (офицером с 1908 г.), академия Генштаба (1916). Офицер 8-го Донского казачьего полка. Капитан. Георгиевский кавалер. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; в марте—апреле 1918 г. начальник штаба войск Верхне-Донского округа, с 31 мая 1918 г. подполковник, на 26 июня 1918 г. Хоперский атаман и командующий войсками Хоперского округа, к 20 ноября 1918 г. полковник, с 1 августа 1919 г. начальник 7-й Донской конной дивизии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса. Генерал-майор. В эмиграции в Болгарии, в 1923 г. вернулся в СССР. Арестован 14 августа 1930 г. в Москве, 3 апреля 1931 г. осужден на 10 лет по делу «Казачьего блока». Расстрелян 1931 г.

²⁴⁶ **Иваницкий Константин Алексеевич**. Елисаветградское кавалерийское училище (1905), академия Генштаба. Полковник 7-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 2 августа 1919 г. помощник старшего адъютанта старшего оклада отдела генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии, с 24 января 1920 г. помощник старшего адъютанта оперативного отделения штаба Отдельного Добровольческого корпуса. В Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты во Франции. В эмиграции там же, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер около 7 апреля 1934 г. в Париже.

²⁴⁷ Впервые опубликовано: Часовой. 1931. Май. № 56.

²⁴⁸ Астраханская казачья дивизия. Сформирована во ВСЮР 27 июня 1919 г. на базе Астраханской отдельной конной бригады как Астраханская конная дивизия; 8 августа 1919 г. переименована в казачью. Летом 1919 г. входила в состав Нижне-Волжского отряда Кавказской армии. К 5 октября 1919 г. (временно при 4-м конном корпусе) насчитывала 1595 сабель, 40 пулеметов и 9 орудий. Осенью 1919 г. в нее входили: 1, 2, 3 и 4-й Астраханские казачьи полки, 1-й Инородческий конный полк (включен 3 августа 1919 г.; 97 сабель, 3 пулемета) и 4-й конно-артиллерийский дивизион (полковник Петровский): 1-я Астраханская казачья (4 орудия) и 9-я конная (5 орудий) батареи. Расформирована 6 мая 1920 г. Начальники: генерал-лейтенант Зыков (до 4 августа 1919 г.), генерал-майор В. Савельев (4 августа 1919 г. — октябрь 1919 г.), генерал-майор А.П. Колосовский (к 5 октября 1919 г.). Начальник штаба: полковник Реут (до 3 декабря 1919 г.), полковник Молостов (с 3 декабря 1919 г.). Командиры бригад: полковник Коваленко (с 3 декабря 1919 г.), генерал-майор Борисевич.

²⁴⁹ **Гордеев Андрей Андреевич**, р. 30 ноября 1886 г. Из казаков ст. Усть-Хоперской Области войска Донского. Виленское военное училище (1914). Есаул 37-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии в 16-м Донском конном полку, с 17 декабря 1918 г. войсковой старшина. В Русской Армии до эвакуации Крыма; в 1920 г. помощник командира в 4-м Донском казачьем Назаровском полку. Полковник (29 сентября 1919 г.). Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва во Франции. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск). Умер 8 ноября 1977 г. в Нанте (Франция).

²⁵⁰ Впервые опубликовано: На службе Отечества. Сан-Франциско, 1963.

²⁵¹ **Любинский Евгений**. Полковник 3-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в декабре 1919 г. командующий конной группой, в феврале 1920 г. командир 14-й Донской конной бригады. В эмиграции. Умер после 1956 г.

²⁵² Впервые опубликовано: Владимирский Вестник (Сан-Пауло, Бразилия). 1955. Февраль. № 44.

²⁵³ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1973. Март—апрель. № 105.

²⁵⁴ 9-я Донская конная дивизия. Сформирована в Донской армии. Входила в состав 4-го Донского отдельного корпуса. Включала 8, 11 и 12-ю Донские конные бригады, а к осени 1919 г. — образованные из них 8-й (348 сабель, 17 пулеметов), 11-й (291 сабля, 18 пулеметов) и 12-й (385 сабель, 26 пулеметов) Донские сводные конные полки. На 5 октября 1919 г. всего насчитывала 1024 сабли, 51 пулемет, 7 орудий. Начальник — генерал-майор А.С. Секретев. Начальник штаба — полковник С.Я. Соболевский (до 11 ноября 1919 г.), полковник И.И. Авчинников (с 6 декабря 1919 г.).

²⁵⁵ **Постовский Владимир Иванович**, р. около 1886 г. Войсковой старшина. В Добровольческой армии командир батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку. Полковник. В Донской армии; с 6 октября по конец октября 1918 г. начальник Сальского отряда, в ноябре 1918 г. начальник отряда под Царицыном, в октябре 1919 г. командир бригады из 2-го Дроздовского и Самурского полков под Касторной. Генерал-майор. Вышел в отставку 28 апреля 1920 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Севастополя. В эмиграции во Франции (в Париже). После 1945 г. вернулся в СССР.

²⁵⁶ 8-я Донская дивизия. Сформирована в Донской армии 12 мая 1919 г. из 4-го Донского армейского корпуса. Входила в состав 3-го Донского отдельного корпуса. Включала 6-ю и 7-ю Донские пластунские и 7-ю Донскую конную бригады. На 5 октября 1919 г. насчитывала (без 7-й конной бригады) 2056 штыков, 282 сабли, 151 сапер, 60 пулеметов, 12 орудий. Начальник — генерал-лейтенант И.Е. Гулыга. Начальник штаба: полковник Кузнецов (с 28 апреля 1919 г.), полковник А.Г. Оранский.

²⁵⁷ **Кудинов Павел Николаевич**. Произведен в офицеры из вахмистров. Хорунжий. В Донской армии; в апреле 1919 г. руководитель вешенского восстания, затем возглавил восстание всего Верхне-Донского округа. Полковник. В эмиграции в Болгарии. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР, где провел 15 лет в лагерях. Умер 19 октября 1967 г. в Болгарии.

²⁵⁸ **Клименко Вадим Александрович**. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. руководитель скаутов в Новочеркасске, старший скаутмастер

Дона; в марте 1920 г. доброволец 6-го гусарского полка до эвакуации Крыма. Вахмистр. В эмиграции в Париже, в Германии. С 1937 г. доброволец войск генерала Франко; во время Второй мировой войны с Голубой дивизией в России, майор испанской армии. Умер 4 мая 1978 г. в Мадриде.

²⁵⁹ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1973. Март—апрель. № 105.

²⁶⁰ **Пантюхов Олег Иванович**, р. 25 марта 1882 г. Тифлиссский кадетский корпус, Павловское военное училище (1901). Полковник л.-гв. 1-го стрелкового полка, начальник 3-й Московской школы прапорщиков. Георгиевский кавалер. Основоположник русского скаутизма, глава русских скаутов. Участник боев в Москве. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. в ОСВАГе, на работе с молодежью. Эвакуирован до августа 1920 г. из Севастополя. В эмиграции в США, на ноябрь 1951 г. председатель отдела Гвардейского объединения в США, председатель объединения л.-гв. 1-го стрелкового полка и представитель его в США. Умер 25 октября 1973 г. в Ницце (Франция).

²⁶¹ **Траилин Анатолий Александрович**, р. 21 декабря 1868 г. Из дворян Области войска Донского, сын полковника, казак ст. Нижне-Курмоярской. Воронежский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир 1-го Донского казачьего полка. В Донской армии; весной 1919 г. начальник организации скаутов Дона (его дети состояли во 2-й дружине), с сентября по 30 октября 1919 г. инспектор кавалерии Донской армии, затем временный ростовский генерал-губернатор, градоначальник Ростова и командующий войсками Ростовского района. Генерал-лейтенант (к 1920 г.). В эмиграции в Югославии; банковский служащий. Делегат Зарубежного съезда 1926 г.

²⁶² 6-й гусарский Клястицкий полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Донской армии. 26 августа 1919 г. в составе четырех эскадронов. Включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк. 9 октября 1920 г. эскадрон откомандирован в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, с которым погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем. Командир — ротмистр Д. Франк (врид с начала декабря 1919 г.).

²⁶³ 4-й гусарский Мариупольский полк. К концу 1918 г. в Добровольческой армии было 23 офицера полка и несколько офицеров в Донской армии; полк был возрожден в Донской армии 12 июля 1919 г. 26 августа 1919 г. включен в Отдельную кавалерийскую бригаду, которая в конце сентября развернута в Сводную кавалерийскую дивизию. Мариупольцы входили также в состав 3-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 4-й кавалерийский полк. В нем воевало более 30 коренных офицеров. В январе 1920 г. полк имел 46 офицеров и около 500 солдат.

²⁶⁴ 11-й уланский Чугуевский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой и Донской армиях. Эскадрон полка был сформирован в декабре 1918 г. в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). Сформированный в Донской армии собственный полк в конце сентяб-

ря 1919 г. включен в ее Сводную кавалерийскую дивизию. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й кавалерийский полк.

²⁶⁵ Имеется в виду Сводная кавалерийская дивизия. Сформирована в Донской армии в конце сентября 1919 г. из созданной 26 августа 1919 г. Отдельной кавалерийской бригады. Состав: 4-й Мариупольский и 6-й Клястицкий гусарские, 11-й Чугуевский уланский и Туземный конный полки. После переброски в Крым свернута 25 марта 1920 г. в Сводный кавалерийский полк и придана корпусу генерала Слащева, оборонявшему Крым. Начальник — генерал-майор П.В. Чеснаков.

²⁶⁶ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. 1865. Март. № 42.

²⁶⁷ **Скрябин Николай Иванович**. С 1919 г. доброволец Донской армии. В эмиграции во Франции. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 9 октября 1965 г. в Париже.

²⁶⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. Июль. 1956. № 19.

²⁶⁹ **Жаров Сергей Александрович**, р. 20 марта 1896 г. Из купцов. Александровское военное училище. В Донской армии с лета 1919 г., командир пулеметного взвода. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Константинополе, на о. Лемнос, в Болгарии. Руководитель казачьего хора. Умер 6 октября 1985 г. в Лейквуде (США).

²⁷⁰ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1959. Июль. № 37.

²⁷¹ 12-я Донская конная бригада. Сформирована в Донской армии как Потемкинский отряд Южной группы Восточного фронта Донской армии. С 25 января 1919 г. — 12-я Донская конная дивизия 6-го Донского армейского корпуса. 12 мая 1919 г. переформирована в бригаду и к июлю вошла в состав 9-й Донской конной дивизии. К октября 1919 г. временно сведена в 12-й Донской сводный конный полк.

²⁷² Донская Сводно-партизанская дивизия. Сформирована в Донской армии как Донская Партизанская бригада Сводного корпуса 2-й Донской армии. С 12 мая 1919 г. переформирована в дивизию и вошла в состав 2-го Донского отдельного корпуса. Включала 1-ю Донскую партизанскую, 2-ю Донскую добровольческую, 3-ю Донскую отдельную добровольческую и 4-ю Донскую конную бригады. На 5 октября 1919 г. насчитывала 3363 штыка, 3351 саблю, 59 саперов, 146 пулеметов, 27 орудий. Начальник — полковник Н.З. Неймирок. Начальник штаба — капитан П.К. Ясевич (с 28 ноября 1919 г.).

²⁷³ 7-я Донская дивизия. Сформирована 12 мая 1919 г. из 3-го Донского армейского корпуса. Входила в состав 2-го Донского отдельного корпуса. Включала 1-ю и 5-ю Донские пластунские бригады, 5-ю и 6-ю Донские конные бригады, 4-ю (1 орудие) и 7-ю (2 орудия) мортирные батареи и инженерную сотню (63 человека). На 5 октября 1919 г. насчитывала 2434 штыка, 4847 сабель, 120 пулеметов, 25 орудий. В феврале 1920 г. включала 5-ю Донскую пластунскую и 16-ю Донскую конную бригады (5-й и 30-й конные полки) и конную батарею. Расформирована 24 марта 1920 г. Начальник — полковник О.И. Савватеев. Начальник штаба: полковник П.А. Ситников, полковник Пивоваров.

²⁷⁴ 3-я Донская отдельная добровольческая бригада. Сформирована в Донской армии в апреле 1919 г. из добровольческих отрядов, зачисленных в Доб-

ровольческую армию с 1 апреля 1919 г. с откомандированием в состав Донской армии. Входила в состав Донской Сводно-партизанской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 651 штыков, 198 сабель, 60 пулеметов. Включала Богучарский (309 штыков, 65 сабель, 39 пулеметов), Старобельский (179 штыков, 43 сабли, 9 пулеметов), и Воронежский (163 штыка, 9 пулеметов) отдельные батальоны, сводный конный дивизион (90 сабель, 3 пулемета) и Богучарский артиллерийский дивизион (8 орудий). Расформирована 6 апреля 1920 г. Начальник штаба — подполковник С.Н. Филимонов.

²⁷⁵ 5-я Донская пластунская бригада. Сформирована в Донской армии. С 12 мая 1919 г. входила в состав 7-й Донской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 1374 штыка, 514 сабель, 25 пулеметов. Включала 21-й (610 штыков, 136 сабель, 9 пулеметов), 22-й (357 штыков, 178 сабель, 8 пулеметов) и 25-й (405 штыков, 200 сабель, 8 пулеметов) Хоперские пластунские полки и 5-й Донской легкой артиллерийский дивизион (7 орудий).

²⁷⁶ 1-я Донская пластунская бригада. Сформирована в Донской армии. С 12 мая 1919 г. входила в состав 7-й Донской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 580 штыков, 310 сабель, 66 пулеметов. Включала 1-й (295 штыков, 110 сабель, 30 пулеметов) и 2-й (285 штыков, 200 сабель, 36 пулеметов) Донские пластунские полки и Донской пограничный артиллерийский дивизион (4 орудия). С начала февраля 1920 г. — 1-я Донская пластунская отдельная бригада (Донская отдельная пластунская бригада). Начальник — полковник Н.А. Коренев (февраль 1920 г.). Начальник штаба — капитан П.С. Мясников.

²⁷⁷ 1-я Донская партизанская бригада. Сформирована в Донской армии. Входила в состав Донской Сводно-партизанской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 461 штык, 473 сабли, 26 пулеметов. Включала 1-й Семилетовский (111 штыков, 65 сабель, 5 пулеметов), 2-й Чернецовский (71 штык, 122 сабли, 6 пулеметов), 3-й Дудаковский (248 штыков, 286 сабель, 15 пулеметов) отряды, Самокатную сотню (31 штык) и Донской партизанский артиллерийский дивизион (7 орудий).

²⁷⁸ «Атаман Каледин». Легкий бронепоезд Донской армии (2 орудия). Входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона и 2-го броневоего железнодорожного полка. В августе 1919 г. участвовал в боях под Царицыном. Погиб у ст. Раковка.

²⁷⁹ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1974. Декабрь. № 22.

²⁸⁰ **Кобыщанов Петр Иванович**, р. в 1899 г. в Области войска Донского. Хорунжий. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Затем в Донской армии; с весны (с 13 июня) 1920 г. в Донском офицерском резерве. Убит.

²⁸¹ Впервые опубликовано: Русский Инвалид. 1970. Май. № 163.

²⁸² **Топорков Сергей Михайлович**, р. 25 сентября 1881 г. Из казаков ст. Акшинской Забайкальского казачьего войска. Произведен в офицеры за боевое отличие (1904), выдержал офицерский экзамен. Полковник, командир Чеченского и Татарского конного полков. В Добровольческой армии летом—осенью 1918 г. командир 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 2 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 19 января 1919 г. начальник Терской казачьей конной (1-й Терской казачьей) дивизии, с 22 июля, на 5 октября

1919 г. командир 4-го конного корпуса, в марте 1920 г. командир 3-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, в 1922 г. атаман Донской казачьей станицы в Белой Церкви. Умер в 1931 г. в Белграде.

²⁸³ Имеется в виду Сводная кавалерийская бригада. Образована во ВСЮР 30 декабря 1919 г. из 1-й кавалерийской дивизии (II) в составе 1-го (полковник М.И. Тихонравов) и 2-го Сводно-кавалерийских полков. Входила в состав Добровольческого корпуса. В начале января 1920 г. развернулась в 4 полка: Сводно-гвардейский кавалерийский, 1, 2 и 3-й Сводно-кавалерийские. Сыграла выдающуюся роль в разгроме 1-й Конной армии красных под Ростовом 6—8 января и в Егорлыкском сражении. 14 февраля 1920 г. вновь преобразована в 1-ю кавалерийской дивизию (II). Командир — генерал-майор И.Г. Барбович.

²⁸⁴ **Агоев Владимир Константинович**, р. 4 апреля 1885 г. в ст. Ново-Осетинской Терской области, казак ст. Черноярской. Сын урядника. Реальное училище приюта пр. Ольденбургского, Алексеевское военное училище (1906). Офицер 1-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. Полковник (с 1917 г.), командир 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. Один из организаторов Терского восстания, с июня 1918 г. начальник войск Пятигорской линии. Тяжело ранен под ст. Марьинской. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир бригады, затем состоял по Терскому казачьему войску, с 29 июня 1919 г. генерал-майор, с 22 июля 1919 г. начальник 1-й Терской казачьей дивизии, в Русской Армии начальник 3-й конной и 1-й кавалерийской дивизий. Убит 12 (18) августа 1920 г. у с. Агайман в районе Серогоз.

²⁸⁵ Впервые опубликовано: Русский Инвалид. 1971 г. Май. № 164.

²⁸⁶ **Савельев Павел Федорович**, р. в 1885 г. Новочеркасское военное училище (1905). Офицер 16-го Донского казачьего полка. Полковник. В Донской армии; командир 11-й Донской конной бригады, с 15 августа 1919 г. врио командира 1-й Донской сводной бригады с оставлением в прежней должности, с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве. Генерал-майор (8 марта 1919 г.).

²⁸⁷ **Савельев Николай Петрович**, р. 14 ноября 1870 г. в Петербурге. Виленское пехотное юнкерское училище (1892), академия Генштаба (1906). Генерал-майор, начальник штаба 49-го армейского корпуса. 1918 г. в гетманской армии; 25 августа 1918 г. назначен (с 26 апреля 1918 г.) помощником 2-го генерал-квартирмейстера Генштаба. В Добровольческой армии в отделе военных сообщений: генерал для поручений при начальнике военных сообщений. Эвакуирован в 1920 г. из Батума на корабле «Виктория». На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции там же, служил в югославском Генеральном штабе. После 1945 г. в Венесуэле. Умер 21 октября 1961 г. в Каракасе.

²⁸⁸ Имеется в виду **Кислов Григорий Яковлевич**, р. 20 ноября 1886 г. Из казаков ст. Богоявленской Области войска Донского. Новочеркасское военное училище (1907), академия Генштаба (1914). Офицер 7-го Донского казачьего полка. Подполковник, начальник штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии (старший адъютант штаба 62-й пехотной дивизии). В Донской армии; с 31 декабря 1917 г. по 13 февраля 1918 г. штаб-офицер для поручений при Походном атамане, с 6 апреля 1918 г. штаб-офицер для поручений

1-го Донского округа, с 4 мая 1918 г., на 26 июня и 20 ноября 1918 г. генерал-квартирмейстер войскового штаба ВВД. С 14 августа 1918 г. полковник, в 1919—1920 гг. 1-й генерал-квартирмейстер штаба Донской армии, в феврале 1920 г. начальник штаба Конной группы. С 25 марта 1920 г. начальник оперативной части Донского корпуса, до 6 апреля 1920 г. генерал-квартирмейстер Донского корпуса, с 5 апреля 1920 г. в резерве чинов штаба Донского корпуса, в июле—октябре 1920 г. в прикомандировании к штабу ВВД. Генерал-майор (10 октября 1919 г.). Остался в Крыму.

²⁸⁹ **Туржанский Сергей Людвигович**, р. в 1888 г. в Воронежской губ. В Донской армии с осени 1918 г.; в ноябре 1919 г. поручик, младший офицер Семилетовской батареи Сводно-партизанской дивизии, в 1920 г. во 2-м Донском конно-артиллерийском дивизионе до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии. Поручик. Служил в Русском Корпусе. Умер 16 августа 1965 г. во Франции.

²⁹⁰ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1976. Февраль. № 29.

²⁹¹ **Медведев Константин Львович**. Войсковой старшина. В Донской армии; на 1 января 1919 г. командир 26-й Донской казачьей батареи, с 8 марта 1919 г. командир 1-й Семилетовской батареи Сводно-Партизанской дивизии. Полковник (к ноябрю 1919 г.). Убит декабря 1919 г. в Ростовском госпитале.

²⁹² Корниловская дивизия (Корниловская ударная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе трех Корниловских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1, 2 и 3-го Корниловских полков, запасного батальона, отдельной инженерной роты и Корниловской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I и II). К 22 января 1920 г. включала также Запасный полк (сформирован 29 октября 1919 г.), Корниловский и Горско-мусульманский конные дивизионы. С 4 сентября 1920 г. включала 1, 2 и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон, Отдельную генерала Корнилова инженерную роту (подполковник В.В. Добровольский) и Отдельный конный генерала Корнилова дивизион (полковник Ковалевский). В момент наибольших успехов — к середине сентября 1919 г. состав Корниловской дивизии (в полках по три батальона, офицерской роте, команде пеших разведчиков и эскадрону связи) был таков: 1-й полк — 2900, 2-й — 2600 (в том числе вместо офицерской роты — офицерский батальон в 700 человек), 3-й — 1900 человек. К январю 1920 г. во всех трех полках дивизии осталось 415 офицеров и 1663 штыка. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым части дивизии насчитывали 1860 штыков и сабель. Являясь одним из наиболее надежных соединений, обычно действовала на направлении главного удара и несла наибольшие потери. За время боев у Б. Токмака летом 1920 г. потеряла до 2000 человек. В конце августа 1920 г., после того как дивизия почти полностью полегла на проволочных заграждениях у Каховки, в ее полках осталось по 90—110 человек; всего в Каховской операции за семь основных боев потеряла примерно 3200 человек. Корниловские части носили красные фуражки с черным околышем и черно-красные (черная половина — ближе к плечу) погоны с белыми выпушками, для офицеров предусматривалась форма черного цвета с белым кантом. Всего в рядах корниловцев погибло около

14 тысяч человек. Начальники: полковник (генерал-майор) Н.В. Скоблин, генерал-майор М.А. Пешня (врид, 1920 г.), генерал-майор Л.М. Ерогин (врид с 26 октября 1920 г.). Начальник штаба: капитан (полковник) К.Л. Капнин (6 ноября 1919 г. — августа 1920 г.), капитан (полковник) Е.Э. Месснер (с августа 1920 г.).

²⁹³ Грузинов Афанасий Федорович, р. в 1884 г. Из казаков. ст. Старочеркасской ВВД. Донской кадетский корпус (1901), Константиновское артиллерийское училище (1903). Войсковой старшина, командир 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. В Донской армии; в январе—феврале 1918 г. на той же должности, с лета 1918 г. инспектор артиллерии Хоперской и Донской партизанской дивизий, к январю 1919 г. командир 1-й стрелковой батареи, в марте 1920 г. — Семилетовской батареи Сводно-партизанской дивизии. В Русской Армии в июне, на 1 октября 1920 г. командир 2-го Донского конно-артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. Полковник (1 января 1919 г.). Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии. В эмиграции там же. Умер 1 февраля 1935 г. в Софии.

²⁹⁴ Панышев Григорий Семенович, р. в 1895 г. в Нижегородской губ. Подпоручик. В Донской армии в управлении 1-го дивизиона 2-й Донской артиллерийской бригады, в марте 1920 г. в Семилетовской батарее Сводно-партизанской дивизии. В Русской Армии во 2-й Донской казачьей батарее, адъютант 2-го Донского конно-артиллерийского дивизиона, с 10 мая 1920 г. поручик. Был на о. Лемнос. Штабс-капитан (с 28 июня 1921 г.). Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии.

²⁹⁵ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1962. Март. № 53.

²⁹⁶ Атаманское военное училище. Бывшее Новочеркасское военное училище. После очищения Дона от большевиков возобновило свою деятельность. Находилось в составе Донской армии. После преобразования армии в РОВС до 30-х годов представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе Донского корпуса (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). С Лемноса убыло в числе 532 человек (174 офицера, 217 юнкеров, 141 казак), осенью 1925 г. насчитывало 282 человек, в том числе 219 офицеров. Начальники: полковник (генерал-майор) А.И. Семенченков (4 мая 1918 г. — 30 марта 1920 г.), генерал-майор В.П. Попов. Начальники групп: полковник К.А. Болдырев (Ямбол), полковник А.Н. Плетнев (София). На Лемносе в 1920—1921 гг. юнкерами издавались рукописные журналы «Атаманец» (18 номеров) и «Сын изгнания» (6 номеров).

²⁹⁷ Артемов Иван Ильич, р. в 1897 г. Хорунжий донской артиллерии. В Донской армии и ВСЮР; с 25 декабря 1919 г. подъесаул, в 1920 г. командир взвода в Донском пластунском юнкерском полку, затем сменный офицер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Атаманского военного училища в Болгарии. Есаул (4 августа 1921 г.). В эмиграции в США. Умер 28 сентября 1976 г. в Сан-Франциско (США).

²⁹⁸ Кубанское генерала Алексеева военное училище. Создано в 1917 г. из школы прапорщиков казачьих войск в Екатеринодаре. Участвовало в 1-м Кубан-

ском походе (в него был влит взвод Николаевского кавалерийского училища). Возродилось в Добровольческой армии после 2-го Кубанского похода. Занятия возобновились 15 мая 1919 г. 8 ноября 1919 г. присвоено имя генерала Алексева. Летом 1920 г. в нем числилось 23 офицера, 3 чиновника, 2 врача, 307 юнкеров и 47 казаков. Училище потеряло убитыми в Кубанском десанте 2 офицеров, врача и 27 юнкеров, ранеными — 4 офицеров и 52 юнкера. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 113 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. Эвакуировано на о. Лемнос, где при нем существовала (до 1922 г.) офицерская школа для офицеров, произведенных за боевые отличия (полковник Зерщиков). Училище сделало последний выпуск 1 сентября 1922 г. в Болгарии.

²⁹⁹ **Тарасевич Борис Алексеевич**. Кадет 1-го кадетского корпуса. В Донской армии; осенью 1918 г. в Донском кадетском корпусе (окончил корпус в 1919 г.), в начале 1920 г. юнкер Кубанского Алексеевского военного училища. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Подпоручик (с 1920 г.) л.-гв. Измайловского полка. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Югославии.

³⁰⁰ **Либис Виталий Михайлович**, р. в 1899 г. в Карсе. Кадет Тифлисского кадетского корпуса. В Донской армии; осенью 1918 г. в Донском кадетском корпусе, который окончил в 1919 г.; в начале 1920 г. юнкер Кубанского Алексеевского военного училища. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского военного училища в Болгарии. Сотник. В эмиграции во Франции. Умер 19 января 1975 г. в Париже.

³⁰¹ **Донсков Дмитрий Иванович**, р. в 1901 г. Во ВСЮР и Русской Армии в начале 1920 г. юнкер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев».

³⁰² **Донсков Иван Платонович**, р. 27 марта 1863 г. Из казаков ст. Есауловской Области войска Донского. Чирская прогимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1885), Офицерская кавалерийская школа (1904). Полковник, командир бригады 4-й Донской казачьей дивизии. В Донской армии; с 18 марта 1918 г. — член военного совета 2-го Донского округа, с 9 мая 1918 г. начальник 1-й Донской пластунской дивизии Восточного фронта (затем — в отряде полковника Донскова), на 8 августа 1918 г. командир пешего отряда своего имени войск Чирского района, с 2 января 1919 г. командующий войсками Задонского района — Задонской (с 23 января Южной) группой Восточного фронта (с 25 января по март 6-го Донского корпуса), в июне 1919 г. — апреле 1920 г. начальник 6-й Донской пешей дивизии. Генерал-майор (19 декабря 1918 г.). Умер от тифа 17 марта 1920 г.

³⁰³ **Кочетов Николай Иванович**, р. в 1890 г. Офицер с 1911 г. Подъесаул. В Донской армии; с 8 ноября 1918 г. есаул, с 21 июля 1920 г. войсковой старшина, в августе 1920 г. командир сотни в Донском пластунском юнкерском полку и Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Полковник (с 28 октября 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Атаманского военного училища в Болгарии.

³⁰⁴ **Мыльников Владимир Степанович**, р. 19 мая 1895 г. в Новочеркасске. Новочеркасское реальное училище, Донской политехнический инсти-

тут (не окончил), Николаевское артиллерийское училище (1917). Офицер 26-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; разоружал большевистские части в Новочеркасске, затем в Добровольческой армии — командир полубатареи в отряде полковника Кутепова под Таганрогом. Участник боев отряда Кутепова под Матвеевым Курганом. Участник Степного похода в отряде есаула Ф.Д. Назарова пулеметчиком, инструктор артиллерии в 1-м дивизионе 1-й Донской казачьей дивизии. Взят в плен в марте 1920 г., бежал и воевал в повстанческой армии на Кубани в отряде полковника Крыжановского. Весной—летом 1920 г. командир отдельной Донской казачьей батареи в войсках генерала Фостикова на Кубани. В Русскую Армию прибыл за несколько дней до эвакуации Крыма. Есаул. В эмиграции в Югославии и Франции. Во время Второй мировой войны в РОА, с 1948 г. в Бразилии, председатель отдела Союза Инвалидов, член военно-исторического кружка. Умер 12 августа 1974 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

³⁰⁵ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1974. Октябрь. № 114.

³⁰⁶ **Нефедов Владимир Михайлович.** Из казаков ст. Новочеркасской Области войска Донского. Сотник, командир 22-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; в январе—марте 1918 г. на той же должности. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем снова в Донской армии; на 1 января 1919 г. сотник, командир 29-й батареи; в декабре 1919 г. — 1920 г. есаул, старший офицер в 1-й или 2-й Донской казачьей батарее, врио командира 3-й Донской конной батареи до эвакуации Крыма. Войсковой старшина (9 апреля 1920 г.). Эвакуирован на о. Проти на корабле «Ростав Павел». Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й вып.). В 1941 г. секретарь Союза донской артиллерии.

³⁰⁷ **Афанасьев Алексей Иванович.** Есаул. В Донской армии; с 19 декабря 1918 г. войсковой старшина, в 1920 г. во 2-й Донской казачьей батарее, 1 января 1919 г., на декабрь 1919 г. командир 2-й Донской казачьей батареи. Орден Владимира IV ст. 10 февраля 1919 г. Полковник (9 марта 1920 г.). Взят в плен весной 1920 г. под Новороссийском. Расстрелян 1920—1921 гг. в Архангельске или других лагерях.

³⁰⁸ Имеется в виду 1-я Донская конная дивизия (I). Формировалась в Донской армии с 4 мая 1918 г. в составе Молодой армии. Входила в состав Южной группы Донской армии, затем — Западного фронта Донской армии, с 23 февраля 1919 г. — 3-й Донской армии. С 12 мая 1919 г. вошла в 3-й Донской отдельный корпус. На 5 октября 1919 г. всего насчитывала 943 штыка, 497 сабель, 31 пулемет, 8 орудий. Включала лейб-гвардии Казачий (194 штыка, 66 сабель, 8 пулеметов), лейб-гвардии Атаманский (240 штыков, 131 саблю, 9 пулеметов), 4-й Донской казачий (298 штыков, 180 сабель, 8 пулеметов) и 3-й Калмыцкий конный (211 штыков, 120 сабель, 6 пулеметов) полки, Конно-саперную сотню (203 человека) и 1-й Донской конно-артиллерийский дивизион: 1-я и 2-я Донские конные батареи (по 4 орудия каждая). Начальник — генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов (до ноября 1919 г.). Начальники штаба: полковник Б.А. Иванов (умер 16 августа 1919 г.), полковник Е.И. Никитин.

³⁰⁹ **Хрипунов Михаил Георгиевич**, р. 4 ноября 1889 г. в ст. Усть-Медведицкой Области войска Донского. Из дворян ВВД, сын офицера. Донской кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, адъютант л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии. Участник Степного похода, заместитель командира Атаманского конного отряда. Затем в своем полку, с 1919 г. полковник, в марте 1920 г. командир л.-гв. Казачьего полка. В Русской Армии в августе 1920 г. командир л.-гв. Атаманского полка до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Генерал-майор (23 ноября 1919 г.). Эвакуирован на корабле «Вел. князь Александр Михайлович». Был на о. Лемнос, в декабре 1920 г. — в 1921 г. командир 1-го Донского л.-гв. Сводного казачьего полка. В эмиграции во Франции, командир л.-гв. Атаманского полка, в 1931 г. возглавлял группу ВОВС в Каннах, председатель полкового объединения, с 1940 г. в Ирландии, с 1955 г. в Женеве. Умер 6 апреля 1983 г. в Иерусалиме.

³¹⁰ **Улагай Кучук Касполетович**. Реальное училище в Екатеринодаре, Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 18-го драгунского полка. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. в Кубанской армии, в январе 1918 г. командир Черкесской партизанской сотни на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку; с 11 декабря 1918 г. командир 1-го Черкесского конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1920 г. участник десанта на Кубань, в сентябре 1920 г. начальник партизанского отряда на Кубани, в октябре 1920 г. в войсках генерала Фостикова там же. Полковник. В эмиграции в Болгарии, в 1924 г. участник похода в Албанию и возведения на престол А. Зогу, на службе в албанской армии (состоял при короле Албании), с 1939 г. в Югославии. Во время Второй мировой войны командир Кавказского горского отряда у Краснова, глава Мусульманского комитета по освобождению Кавказа. После 1945 г. — в Чили, служил в Военно-географическом институте. Умер 8 апреля 1953 г. в Сантьяго.

³¹¹ **Дьяков Василий Авраамович**, р. 6 января 1886 г. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Новониколаевской Области войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник л.-гв. Казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с 1 апреля 1918 г. участник восстания в Новочеркасске, с 6 апреля 1918 г. в отряде войскового старшины Семилетова, с 10 мая 1918 г. командир 1-го полка 1-й Донской конной дивизии, с 4 сентября 1918 г. командир л.-гв. Казачьего полка, ранен 22 февраля 1919 г., с 6 апреля 1919 г. — командир гвардейской бригады 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919 г. начальник той же дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (4 апреля 1919 г.). Был на о. Лемнос, 12 декабря 1920 г. — 1921 г. командир 1-й бригады 1-й Донской конной дивизии, затем до 1924 г. в распоряжении представителя главнокомандующего Русской Армии в Польше, с 1924 г. в Данциге. Погиб в марте 1945 г.

³¹² **Жиров Александр Фемистоклович**, р. 13 августа 1889 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Терновской. Донской кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1909). Есаул л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии с января 1918 г., занимал гражданские должности по Всевеликому войску Донскому, затем в своем полку; в ноябре

1919 г. врид командира, в марте 1920 г. командир л.-гв. Атаманского полка до эвакуации Крыма. Орден Владимира III ст. 31 марта 1920 г. Полковник (30 апреля 1919 г.). В эмиграции в Константинополе и во Франции. Умер 27 октября 1928 г. в Париже.

³¹³ **Моисеев Митрофан Алексеевич**, р. в 1892 г. Из дворян ВВД, сын офицера. Гимназия (1912), Воронежский кадетский корпус, Киевское военное училище (1914). Офицер 14-го гусарского полка и Корниловского ударного полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Киеве. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. с полком. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем для связи с офицерской организацией в Воронеже, затем снова в Корниловском полку; с декабря 1918 г. в штабе 1-й Донской пластунской бригады, затем в 1-м Донском пластунском полку. Взят в плен в Новороссийске, содержался в лагере в Рязани. Осенью 1920 г. перешел Польский фронт и воевал в Красновском полку 3-й Русской армии. Войсковой старшина. Остался в Польше до 1939 г., затем в Литве и Германии. Во время Второй мировой войны — в германской армии и РОА, с 1945 г. полковник и генерал-майор. Умер 4 октября 1984 г. в Аделаиде (Австралия).

³¹⁴ Впервые опубликовано: Воспоминания старого корниловца // Вестник Первопоходника. 1970. Июнь—июль. № 92.

³¹⁵ **Цымлов Дмитрий Антонович (Цимлов)**. Новочеркасское военное училище (1913—1914). В Донской армии; в апреле 1920 г. командир сотни 23-го Донского казачьего полка 4-го Донского казачьего корпуса. Есаул. В эмиграции, во время Второй мировой войны переводчик в итальянской армии в России. Умер 24 августа 1978 г. в Вене.

³¹⁶ Впервые опубликовано: Родимый Край. 1973. Май—июнь. № 106.

³¹⁷ **Цыганков Петр Алексеевич**, р. 28 сентября 1869 г. Из казаков Области войска Донского. Новочеркасская гимназия (1889), Новочеркасское казачье училище (1892), академия Генштаба (1902). Офицер 5-го Донского казачьего полка. Генерал-майор, инспектор классов Новочеркасского казачьего училища. В Донской армии с 4 мая 1918 г.; на 26 июня 1918 г. и на 20 ноября 1918 г. правитель канцелярии управления начальника военно-учебных заведений.

³¹⁸ **Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (Радко Руско Дмитриев)**, р. 24 сентября 1859 г. в с. Гадец (Болгария). Софийское военное училище (1879), академия Генштаба (1884). Принят из болгарской службы (1914). Генерал от инфантерии, командующий 12-й армией. Георгиевский кавалер. Убит большевиками 18—19 октября 1918 г. в Пятигорске.

³¹⁹ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. в 1875 г. Сын офицера. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии; с ноября 1917 г. — в начале 1918 г. командир отряда кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанской пластунского батальона. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с октября 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой арми-

ей, в декабре (до 10 декабря) 1919 г. командующий конной группой; в марте 1920 г. командующий Кубанской армией, с 8 апреля 1920 г. в распоряжении главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. После 1945 г. — во Франции. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

³²⁰ 3-я Кубанская казачья дивизия. Сформирована в Добровольческой армии 11 ноября 1918 г. на базе расформированной 4-й дивизии. Первоначально включала 1-й Кавказский, 1-й Черноморский, 1-й Таманский и 2-й Полтавский полки и Кубанскую конную батарею. 14 декабря 1918 г. в нее включены 2-й Кубанский и 2-й Лабинский полки. С февраля 1919 г. входила во 2-й Кубанский корпус (летом 1919 г. была в составе Нижне-Волжского отряда Кавказской армии). К 5 октября 1919 г. (без 2-го Лабинского и 2-го Кубанского, но с 1-м Кавказским и 1-м Черноморским полками) насчитывала 309 штыков, 1320 сабель, 77 пулеметов и 8 орудий. Ей также был придан Сводный батальон Степных партизан. Осенью 1919 г. в нее входили: 1-й Таманский, 2-й Полтавский, 2-й Лабинский (на 5 октября 1919 г. нет в дивизии), 2-й Кубанский (на 5 октября 1919 г. во 2-й Кубанской казачьей дивизии) Кубанского казачьего войска полки, стрелковый полк (309 штыков, 31 сабля, 14 пулеметов) и 3-й Кубанский казачий конно-артиллерийский дивизион (с 12 апреля 1919 г.; полковник Крамаров): 5-я конная и 1-я конногорная Кубанские казачьи батареи (по 4 орудия). Начальники: полковник Ренников (январь 1919 г.), генерал-майор (генерал-лейтенант) Н.Г. Бабиев (26 января — июль 1919 г.), генерал-майор П.П. Мамонов. Начальники штаба: полковник И.Ф. Килинкар (24 января 1919 г. — 28 апреля 1919 г.), полковник Егоров (10 марта — 6 ноября 1919 г.), полковник Н.П. Золотаренко (с 6 ноября 1919 г.). Командиры бригад: 1-й — полковник (генерал-майор) В.К. Венков, 2-й — полковник (генерал-майор) П.П. Мамонов (26 февраля — 4 августа 1919 г.), полковник Н.И. Малышенко (до 28 ноября 1919 г.).

³²¹ Бабиев Николай Гаврилович, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской обл. Николаевское кавалерийское училище (1908). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковника Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку, полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918 г.) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохова.

³²² Елисеев Федор Иванович, р. 11 ноября 1892 г. в ст. Кавказской Кубанской обл. Из казаков Кубанского казачьего войска. Оренбургское военное училище (1913). Подъесаул 1-го Кавказского полка Кубанского казачье-

го войска. В Добровольческой армии с 8 июля 1918 г. в Ставрополе в отряде Шкуро, с 13 сентября 1918 г. командир сотни в Корниловском конном полку Кубанского казачьего войска; с 26 декабря 1918 г. есаул, с 2 февраля 1919 г. командир того же полка, с 2 мая 1919 г. в распоряжении штаба Кубанского казачьего войска, с 18 октября 1919 г. командир 2-го Хоперского полка, с ноября 1919 г. — Сводно-Хоперского полка, с 6 февраля 1920 г. командир 1-го Лабинского полка, с 20 февраля и с 26 марта 1920 г. одновременно командующий 2-й Кубанской казачьей дивизией. Полковник (19 апреля 1919 г.; одновременно с чином войскового старшины). Взят в плен 25 апреля 1920 г. под Сочи, содержался в лагере в Екатеринбурге. 30 августа 1921 г. бежал в Финляндию. В эмиграции к 1930 г. в Париже, сотрудник «Часового», с 8 марта 1938 г. представитель Кубанского атамана на Дальнем Востоке. С 1940 г. во французском Иностранном легионе в Индокитае, с ноября 1946 г. в Париже, с апреля 1949 г. в США, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Писатель, историк. Умер 3 марта 1987 г. в США.

³²³ **Певнев Сергей Иванович**, р. 16 октября 1886 г. в ст. Таманской Кубанской обл. Из дворян, сын офицера. 3-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1906). Есаул, командир 1-й Кубанской конной батареи. В Добровольческой армии с января 1918 г. в сводной офицерской батарее отряда полковника Лесевицкого на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской батарее. Во ВСЮР командир 1-й Кубанской казачьей конной батареи, с 4 апреля 1919 г. в распоряжении начальника кубанской артиллерии, в апреле 1920 г. командир Кубанской учебной конной батареи и учебного артиллерийского дивизиона. Полковник. Взят в плен под Сочи 2 мая 1920 г. Остался в СССР. Служил в РККА. Расстрелян в 1937 г.

³²⁴ **Шифнер Антон Мейнгардович (Шифнер-Маркевич)**, р. 4 июня 1887 г. Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), академия Генштаба (1913). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Подполковник, и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В 1918 г. участвовал в формировании добровольческих частей на Румынском фронте. В Добровольческой армии с 7 августа 1918 г.; начальник штаба партизанской бригады Шкуро, затем 1-й Кавказской конной дивизии, с мая 1919 г. начальник той же дивизии, с сентября 1919 г. по март 1920 г. начальник штаба 3-го Кубанского корпуса. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник 2-й Кубанской конной дивизии и отряда группы войск особого назначения в Кубанском десанте, в сентябре 1920 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Умер 21 января 1921 г. в Галлиполи.

³²⁵ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академия Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, в сентябре 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен по Генераль-

ному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. В 1919 г. — командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала Бабиева). В эмиграции. Кубанский Войсковой атаман. Во время Второй мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. Был произведен в генерал-лейтенанты, но этого производства не признавал. После 1945 г. — в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

³²⁶ 2-й Кубанский корпус. Сформирован в Добровольческой армии в ноябре 1918 г. как 2-й конный корпус и 26 февраля 1919 г. переименован во 2-й Кубанский. Входил в состав Кавказской армии. После реформирования включал 2-ю и 3-ю Кубанские казачьи дивизии и 3-ю Кубанскую пластунскую бригаду, в сентябре—октябре 1919 г. — 2, 3 и 4-ю Кубанские казачьи дивизии, а также 1-ю отдельную инженерную сотню Кубанского казачьего войска (166 человек). К 5 октября 1919 г. (без 4-й Кубанской казачьей, но временно со Сводно-горской дивизией) насчитывал 843 штыка, 2517 сабель, 117 пулеметов и 17 орудий. В октябре 1919 г. переброшен в Донскую и потом в Добровольческую армию. Расформирован 6 мая 1920 г. Командиры: генерал-майор (генерал-лейтенант) С.Г. Улагай (27 февраля — до сентября—октября 1919 г.), генерал-майор В.Г. Науменко (врид сентябрь—октябрь, ноябрь 1919 г.). Начальник штаба: генерал-майор А.Н. Шуберский (28 апреля — 17 сентября 1919 г.), полковник Егоров (с 6 ноября 1919 г.).

П.Н. Краснов

А.В. Голубинцев

А.П. Падалкин

М.А. Моисеев

И.А. Поляков

Генерал от кавалерии
П.Н. Краснов

Генерал от кавалерии
А.М. Каледин

Генерал от кавалерии П.Х. Попов

Генерал-лейтенант
А.П. Богаевский

Генерал-майор А.М. Назаров

Генерал-майор Э.Ф. Семилетов

Войсковой старшина
П.Р. Дудаков

Полковник Ф.Д. Назаров

Полковник В.М. Чернецов

Генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов

Генерал-лейтенант П.К. Писарев

Генерал-лейтенант
К.К. Мамантов

Генерал-лейтенант
П.И. Коновалов

Генерал-лейтенант
А.К. Гусельщиков

Полковник А.И. Кислов

Полковник А.Г. Рубашкин

Генерал-лейтенант С.В. Денисов

Контр-адмирал И.А. Кононов

Генерал-лейтенант В.И. Сидорин

Генерал-лейтенант
А.К. Кельчевский

Генерал-майор И.Ф. Быкадоров

Генерал-майор И.П. Астахов

Генерал-майор Н.А. Краснов

Генерал-майор А.И. Семенченков

Генерал-майор
М.А. Безмолитвенный

Генерал-майор С.Н. Плеханов

Бронепоезд «Генерал Бакланов»

Морское орудие Канэ на платформе

Атаман П.Н. Краснов в ст. Великокняжеской

Парад георгиевских кавалеров в Новочеркасске (1918 г.)

Группа участников Степного похода

Прохождение л.-гв. Атаманского полка (Новочеркасск, 1918 г.)

Группа чинов л.-гв. Казачьего полка (июнь 1918 г.)

Л.-гв. Казачий полк на параде (окт. 1918 г.)

Парад частей Молодой армии (1918 г.)

Донская артиллерия на параде

И. Ф. Семилетов и П. Р. Дудаков с группой партизан в Новочеркасске

Генерал-квартирмейстерская часть Донской армии (1918 г.)

Летучий отряд Красного Креста Донской армии (1919 г.)

Генерал-майор В.И. Тапилин на позициях

Генералы Сидорин и Кельчевский у штабного вагона